3 1761 05506473 7

ГРАФЪ П. Д. КИСЕЛЕВЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ИМПЕРАТОРОВЪ
АЛЕКСАНДРА I, НИКОЛАЯ I и АЛЕКСАНДРА II.

А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Первые годы жизни и начало службы Киселева (1788 — 1819). — Служба Киселева въ званіи начальника главнаго штаба 2-й арміи (1819—1828).—Участіе въ войнѣ съ Турціей (1828—1829).—Управленіе Дунайскими княжествами (1824—1834).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2. л., 7.
1882

(604)

ОТЪ АВТОРА.

Еще при жизни графа Павла Дмитріевича Киселева, почти полстолѣтіе тому назадъ, встрѣчались, въ періодической печати, а позже въ отдѣльныхъ брошюрахъ и біографическихъ словаряхъ, очерки его жизни. Но это были лишь краткіе наброски. Иначе и быть не могло: тогда дѣло шло о современникѣ, еще жившемъ и дѣйствовавшемъ.

Скоро минетъ девять лѣтъ какъ графъ Киселевъ въ могилѣ и почти двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, по его словамъ, сдѣлался отшельникомъ и оставилъ всякую общественную дѣятельность.

Въ этотъ промежутокъ времени совершились событія, которыя все, въ чемъ проявлялась общественная дѣятельность Киселева, отодвинули въ область прошедшаго, сдѣлали его вполнѣ достояніемъ исторіи.

Изъ всѣхъ современниковъ Павла Дмитріевича, о которыхъ приходится говорить въ его біографіи, въ живыхъ почти не осталось никого.

Время сдѣлало свое — устранило поводы къ умолчаніямъ, къ которымъ обязываетъ біографа осторожность не задѣвать самолюбія, не сошедшія еще въ могилу

Послѣ смерти графа Павла Дмитріевича остался обширный его архивъ, въ которомъ содержатся: собраніе оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ его разнообразной и продолжительной служебной дѣятельности, и, между прочимъ, всѣ дипломатическіе документы, касающіеся управленія имъ Дунайскими княжествами и командованія арміей на Дунаѣ; частная его переписка за многіе годы съ родными и другими лицами (гр. Закревскимъ, кн. П. М. Волконскимъ, кн. Витгенштейномъ, кн. Орловымъ, гр. Дибичемъ, кн. Меншиковымъ, кн. Воронцовымъ и другими) и, наконецъ, собственныя его записки. Послѣднія велись сначала отрывочно, иногда подъ громомъ войны, а потомъ, съ переѣздомъ его въ Парижъ, постоянно въ видѣ дневника съ конца 1856 г. по конецъ 1872 г.

Записки и дневникъ гр. Киселева не имѣли никакой преднамѣренной цѣли; ведя ихъ, авторъ удовлетворялъ потребности ума пытливаго, постоянно дѣятельнаго, привычкѣ отдавать самому себѣ ежедневно отчетъ въ томъ, что онъ видѣлъ или слышалъ замѣчательнаго,—отчетъ въ мысляхъ, на которыя наводили его современныя событія, чтеніе того или другаго сочиненія или журнальной статьи, или, наконецъ, разговоры съ разными лицами, съ которыми онъ видѣлся. Въ дневникѣ рядомъ съ тѣмъ, что имѣетъ историческое значеніе, отмѣчались и мелочи обыденной жизни.

Отсутствіе преднамѣренности въ запискахъ и дневникѣ гр. Киселева придаютъ этимъ документамъ въ глазахъ біографа высокую цѣну: въ нихъ авторъ представляется такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности.

Архивъ свой графъ Павелъ Дмитріевичъ завѣщалъ племяннику своему, графу Дмитрію Алексѣевичу Милютину.

Графъ Дмитрій Алексѣевичъ предоставилъ въ мое распоряженіе этотъ архивъ для задуманной мною біографіи Киселева, для которой я пользовался нѣкоторыми печатными со-

чиненіями и архивами Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, и министерствъ военнаго и государственныхъ имуществъ. Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, за время службы Киселева въ Парижѣ (1856—1862 г.), остался для меня закрытымъ. Впрочемъ, въ дневникѣ графа занесены главные предметы его дипломатической дѣятельности и, сверхъ того, записано многое такое, что не входило въ оффиціальную переписку и чего нѣтъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Графъ П. Д. Киселевъ пользовался особымъ довѣріемъ двухъ русскихъ Государей, занималъ высокіе посты въ службѣ: военной, гражданской и дипломатической, и, независимо отъ административной дѣятельности, призывался въ совѣты по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ; поэтому въ жизнеописаніи его найдутся многіе матеріалы для исторіи царствованій Императоровъ: Александра I, Николая I и Александра II.

Дневникъ его съ 1856 г. до конца 1862 г., вошедшій почти цѣликомъ въ настоящее сочиненіе, относится къ тому времени, когда центръ европейской дипломатіи былъ въ Парижѣ, когда въ Людовикѣ-Наполеонѣ Европа видѣла рѣшителя ея судебъ. Графу Киселеву оказывали особое расположеніе императоръ и императрица французовъ, высказывавшіе нерѣдко ему свои сокровенныя мысли. Многое изъ того, что занесено Павломъ Дмитріевичемъ въ его дневникъ, имѣетъ значеніе для политической исторіи Европы вообще.

Составляя жизнеописаніе графа Киселева, я отстранялъ отъ себя всякую мысль писать ему похвальное слово. Цѣль моя—представить замѣчательнаго историческаго человѣка такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Я желалъ, чтобы въ моей монографіи сохранилось достойное памяти въ прошедшемъ и могущее служить поученіемъ въ будущемъ. Похвалы мои графу Киселеву состояли развѣ въ отрицаніяхъ несправед-

ливаго: тамъ гдѣ нельзя было не коснуться порицаній, раздававшихся противъ Павла Дмитріевича еще при жизни его, порицаній по моему мнѣнію несправедливыхъ, близкихъ къ клеветѣ, я противопоставлялъ имъ факты, доказывающіе, что источникъ порицаній былъ въ самихъ порицателяхъ, или непонимавшихъ его стремленій, или несочувствовавшихъ имъ.

Графъ П. Д. Киселевъ былъ изъ тѣхъ избранныхъ натуръ, опустѣвшее мѣсто которыхъ въ обществѣ не замѣщается скоро и воспоминаніе о которыхъ не изглаживается никогда. Жизнь такихъ людей не есть скопленіе безцѣльныхъ случайностей; въ ней проходитъ постоянное стремленіе къ достиженію нравственныхъ идеаловъ. У графа Киселева такой идеалъ состоялъ въ водвореніи законности и правды въ тѣхъ сферахъ жизни, въ которыхъ приходилось ему дѣйствовать.

Исторія не забудетъ, что Павелъ Дмитріевичъ первый изъ государственныхъ людей Россіи сталъ утверждать, что наступило время обратить вниманіе на несчастное положеніе крестьянъ, этихъ жертвъ своего невѣжества и безучастнаго къ нимъ отношенія со стороны властей.

Одного этого уже достаточно для того, чтобы имя графа Киселева сохранило почетное мѣсто въ русской исторіи.

Поставленный во главѣ вѣдомства, учрежденнаго для управленія государственными крестьянами и имуществами, графъ Киселевъ, съ самаго приступа къ дѣлу, поставилъ первою своею обязанностію не извлеченіе изъ крестьянъ денежныхъ выгодъ, а покровительство крестьянамъ, огражденіе ихъ отъ гнета всякихъ злоупотребленій и раскрытіе способовъ къ упроченію ихъ благосостоянія.

Въ управленіи государственными имуществами, землями, оброчными статьями и лѣсами, онъ, прежде всего, заботился объ охраненіи государственнаго достоянія отъ расхищенія, о которомъ при немъ не было и помину Время расхищенія на-

ступило послѣ него, и, къ несчастію, примѣръ подали къ тому сами власти.

По назначеніи гр. Киселева, противъ желанія его, посломъ въ Парижъ, одинъ изъ старыхъ русскихъ дипломатовъ А. П. Бутеневъ, тогдашній посолъ нашъ въ Константинополѣ, узнавши объ этомъ, писалъ ему, что „это назначеніе озарило новымъ блескомъ всю нашу (русскую) дипломатію въ самое трудное время“. Слова Бутенева были не лестью, а истиною. Таланты и характеръ графа Киселева поставили его тотчасъ на почетное мѣсто среди европейскихъ дипломатовъ, и онъ твердою и опытною рукою поднялъ и держалъ съ честью знамя своего отечества.

Русскій, любящій свою родину также горячо и также разумно какъ любилъ ее графъ Киселевъ, обозрѣвая жизнь Павла Дмитріевича, можетъ по справедливости примѣнить къ нему слова, сказанныя древнимъ ораторомъ при погребеніи одного знаменитаго Римлянина: Gratias agere debemus dis immortalibus, quod ille vir in hac republica potissimum natus esset [1]).

Настоящему сочиненію я посвятилъ восемь лѣтъ прилежнаго труда и утѣшаюсь мыслію, что исполнилъ тѣмъ выраженное въ загробномъ ко мнѣ письмѣ желаніе графа Павла Дмитріевича — *вспомнить объ отсутствующемъ П. Киселевѣ.*

Два первые тома еще въ рукописи удостоились прочтенія покойнаго Государя Императора Александра Николаевича и были едва ли не послѣднимъ Его чтеніемъ.

Въ исполненіи своего труда авторъ много обязанъ совѣтамъ и указаніямъ графа Дмитрія Алексѣевича Милютина и Александра Васильевича Головнина.

[1]) Мы должны благодарить боговъ безсмертныхъ за то, что этотъ мужъ родился именно въ нашемъ государствѣ.

Я. А. Гребенщиковъ и К. А. Бухъ принимали участіе въ разработкѣ матеріяловъ: первый—относившихся къ началу службы П. Д. Киселева до 1829 года, а второй—къ пребыванію его въ Парижѣ въ качествѣ посла; приношу имъ мою искреннюю благодарность.

Отдѣльно напечатанныя біографіи графа Киселева:

Paul Kisseleff et les principautés de Valachie et de Moldavie, par un habitant de Valachie. Paris, 1841, in 8°.48.

Les principautés de Moldavie et de la Valachie sous le gouvernement de Paul Kisseleff. Extrait de la Revue Britannique (Fevrier 1841). Paris, 1841, in 8°,27.

Notice Biographique sur le comte Kisseleff. Extrait de la Revue générale biographique et nécrologique, publiée sous la direction de M. E. Pascallet. Paris, 1847, in 8°,11.

Notice Biographique sur le comte Paul Kisseleff, Ambassadeur de Russie près de sa majesté l'empereur des Français. Extrait du journal La Légion d'honneur. Paris, 1860, in 8, 14.

Le général Comte Kisseleff. Michel Anognosti. Bucarest. 1871.

Къ настоящему сочиненію прилагаются: 1) два портрета графа П. Д. Киселева, награвированные: первый съ портрета писаннаго въ 1834 году, извѣстнымъ тогда живописцемъ Рисомъ, и второй съ фотографіи, сдѣланной въ 1856 году въ Парижѣ [1]); 2) двѣ карты: а) переправы русскихъ войскъ чрезъ Дунай въ 1828 году, и б) военныхъ дѣйствій противъ Турокъ въ 1828 году; 3) рисунки: медали въ память графа Киселева и памятника надъ могилою его.

А. Заблоцкій-Десятовскій.

Сентябрь 1881.

---

[1]) Есть еще портретъ графа Киселева, писанный съ него живописцемъ Крюгеромъ и находящійся въ одной изъ залъ Зимняго Дворца.

П. Д. КИСЕЛЕВЪ.

ГРАФЪ П. Д. КИСЕЛЕВЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

ГЛАВА I.

1788 — 1815 годъ.

Родословная Киселевыхъ.—Мѣсто и время рожденія Павла Дмитріевича.—Первоначальное его воспитаніе.—Начало службы въ Кавалергардскомъ полку.—Участіе въ походѣ 1806 г.—Участіе въ войнѣ 1812 г.—Назначеніе адъютантомъ къ Милорадовичу.—Сближеніе съ Императоромъ Александромъ.—Назначеніе флигель-адъютантомъ.—Порученіе, возложенное на Киселева Государемъ въ Парижѣ.—Киселевъ въ свитѣ Государя на Вѣнскомъ конгрессѣ.—Новое порученіе, возложенное на Киселева Государемъ во время вторичнаго пребыванія въ Парижѣ.—Отъѣздъ Киселева въ Берлинъ.—Командировка Киселева на югъ Россіи.

Родословная Киселевыхъ.

Родъ Киселевыхъ принадлежитъ къ древнему русскому дворянству. Киселевы считаютъ своимъ предкомъ Свентольдія, бывшаго, по сказанію лѣтописи, военачальникомъ въ Кіевѣ при Владимірѣ Мономахѣ, и получившаго прозваніе Киселя въ воспоминаніе воинской хитрости, которою онъ освободилъ Кіевъ, а по другому сказанію, Бѣлгородъ, отъ осады Печенѣгами.

Этимъ же обстоятельствомъ объясняется происхожденіе герба фамиліи Киселевыхъ, представляющаго на красномъ полѣ палатку—знакъ военачальства и, наверху дворянскаго шлема, три кирпичныя башни—знакъ защиты города.

Потомки Свентольдія, одни оставались въ западной Россіи и, съ подчиненіемъ ея Польшѣ, служили Рѣчи Посполитой, другіе служили московскимъ государямъ.

Къ первымъ принадлежалъ извѣстный въ исторіи XVII столѣтія посредникъ между Польшею, Малороссіею и Москвою, поборникъ православія, отличавшійся умомъ и краснорѣчіемъ Адамъ Кисель, умершій кіевскимъ воеводою.

Изъ великорусскихъ Киселевыхъ, многіе, начиная съ XV столѣтія, были воеводами въ разныхъ городахъ. Семь Киселевыхъ были убиты при взятіи Казани. При Петрѣ I-мъ одинъ изъ Киселевыхъ, Алексѣй былъ бригадиромъ; сынъ его Иванъ умеръ въ 1766 году, 24 декабря, статскимъ совѣтникомъ; у него былъ сынъ Дмитрій, родившійся 1761 года іюня 30-го, скончавшійся въ 1820 году мая 30. Онъ служилъ въ Москвѣ главноприсутствующимъ въ мастерской оружейной палатѣ, сокровища которой въ 1812 году вывозилъ въ Нижній-Новгородъ.

Дмитрій Ивановичъ Киселевъ былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Петровнѣ Урусовой, родившейся 30 іюня 1763 г. и скончавшейся 7 января 1841 года; отъ этого брака онъ имѣлъ четырехъ сыновей: Павла, Александра, Сергѣя и Николая, и трехъ дочерей: Александру, Елизавету и Варвару.

Семейство Киселевыхъ принадлежало къ высшему московскому кругу, было въ дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ [1]); домъ Дмитрія Ивановича посѣщали лица, стоявшія тогда во главѣ московской интеллигенціи: И. И. Дмитріевъ и Н. М. Карамзинъ [2]). Киселевъ имѣлъ связи и въ Петербургѣ со многими вліятельными лицами.

Время и мѣсто рожденія П. Д. Киселева.

Павелъ Дмитріевичъ родился въ Москвѣ 8-го января 1788 года, въ родительскомъ домѣ [3]), на Тверской, рядомъ съ нынѣшнимъ домомъ генералъ-губернатора.

Первоначальное воспитаніе.

Воспитаніе онъ получилъ домашнее, какъ и большая часть дѣтей тогдашнихъ дворянъ, при помощи гувернера француза.

Научное образованіе юноши, конечно, было не обширное;

---

[1]) См. Русскій Архивъ 1863 г. Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ Д. И. Киселеву.

[2]) См. Русскій Архивъ 1867 г. Неизданныя шуточныя стихотворенія И. И. Дмитріева.

[3]) См. Русск. Арх. 1878 г., № 3, стр. 279.

нравственная сторона воспитанія была подъ вліяніемъ умной и доброй матери, къ которой Павелъ Дмитріевичъ, до конца ея дней, сохранялъ самыя нѣжныя сыновнія чувства; она старалась окружать своего сына достойными сверстниками; въ числѣ ихъ были, между прочимъ, А. И. Тургеневъ и, пріобрѣвшій впослѣдствіи почетную извѣстность въ отечественной литературѣ, князь П. А. Вяземскій, къ которому Павелъ Дмитріевичъ сохранилъ дружбу до конца своихъ дней.

Начало службы въ кавалергардскомъ полку.

Молодой Киселевъ поступилъ на службу „по именному высочайшему указу коллегіи юнкеромъ" 1805 г. января 25-го и въ томъ же году, 28 августа, переведенъ въ канцелярію генералъ-интенданта князя Волконскаго, а въ слѣдующемъ 1806 г., 5-го октября, корнетомъ въ кавалергардскій полкъ.

Въ запискахъ своихъ, вспоминая объ А. С. Шишковѣ, Павелъ Дмитріевичъ говоритъ: „Съ прибытіемъ моимъ въ Петербургъ, я почти ежедневно встрѣчалъ его въ домахъ, въ которые былъ отцомъ моимъ рекомендованъ и принятъ какъ родной; мнѣ были даны письма: Турсукову и его тещѣ М. С. Перекусихиной, двумъ братьямъ Зиновьевымъ, князю Д. П. Волконскому, П. И. Новосильцеву и брату его, по прозванію *Кассъ-Нуазетъ*, графу Головкину и Грязнову, отъ коего я получалъ мѣсячное опредѣленное содержаніе".

Переселеніе Павла Дмитріевича изъ Москвы въ С.-Петербургъ совершилось въ то время, когда правительственная дѣятельность первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра, возбудивъ въ лучшихъ людяхъ свѣтлыя надежды, произвела сильное дѣйствіе на лѣнивое и, до того времени запуганное, русское общество.

Въ военной средѣ, подъ впечатлѣніемъ неудачной кампаніи, обнаружилась усиленная, почти лихорадочная дѣятельность: изученіе теоріи военнаго дѣла сдѣлалось обыденнымъ занятіемъ не только молодыхъ офицеровъ, но и тѣхъ, которые уже получили боевое крещеніе. Парады и разводы отошли на задній планъ, и все вниманіе было направлено къ тому, чтобы подготовиться къ новой борьбѣ, въ близости которой никто не сомнѣвался.

Искренній энтузіазмъ въ политическихъ вопросахъ, рыцарское, нѣсколько изысканное обращеніе въ свѣтѣ и едва замѣтное проявленіе религіознаго мистицизма — проникали въ среду молодежи высшаго общества, къ которому принадлежала большая часть офицеровъ кавалергардскаго полка.

Только за нѣсколько мѣсяцевъ передъ поступленіемъ Киселева въ кавалергардскій полкъ, этотъ послѣдній возвратился изъ за-границы (7 апрѣля 1806 г.), гдѣ, входя въ составъ дѣйствующей арміи, онъ принималъ дѣятельное участіе въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, бывшемъ 20 ноября 1805 года.

Шефомъ кавалергардскаго полка былъ генералъ-лейтенантъ Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ 1-й, а полкомъ командовалъ генералъ-маіоръ Николай Ивановичъ Депрерадовичъ.

Въ числѣ офицеровъ находилось много лицъ, получившихъ впослѣдствіи извѣстность, какъ напримѣръ: ротмистръ Александръ Ивановичъ Чернышевъ, штабсъ-ротмистръ Василій Васильевичъ Левашовъ; корнеты: Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ 1-й, Сергѣй Петровичъ Ланской 1-й, Павелъ Петровичъ Лопухинъ и братъ извѣстнаго Дениса Давыдова—штабсъ-ротмистръ Евдокимъ Васильевичъ Давыдовъ.

Составляя центръ по образованію и богатству, кружокъ офицеровъ кавалергардскаго полка умѣлъ согласить суровый закалъ съ свѣтскимъ лоскомъ и изысканностью французскихъ эмигрантовъ, бывшихъ въ то время въ модѣ; рядомъ съ этимъ, русская широкая натура не могла отказаться отъ разгула, который, замкнувшись въ товарищескомъ кружкѣ, никогда не выходилъ изъ границъ приличія.

Въ такую-то среду попалъ Павелъ Дмитріевичъ. Надо было много природнаго такта, чтобы съ небольшими средствами, безъ житейской опытности, которой не могъ имѣть 19-ти-лѣтній юноша, умѣть твердо стать въ средѣ товарищей, изъ которыхъ большинство не знало счета деньгамъ и расчитывало на связи. Безъ протекціи, но съ немалымъ запасомъ честолюбія, молодому Киселеву для того, чтобы составить карьеру, оставался одинъ путь—посредствомъ службы

найдти для себя право и возможность выдвинуться изъ уровня посредственности.

Съ настойчивостію, которою отличался Киселевъ во все время своей, болѣе чѣмъ полувѣковой службы, онъ принялся за дѣло, относясь къ нему серьезно, не довольствуясь внѣшнею стороною и вникая въ самую сущность военныхъ требованій.

Участіе въ походѣ 1807 г.

Черезъ четыре съ половиною мѣсяца послѣ поступленія Павла Дмитріевича въ кавалергарды, въ февралѣ 1807 года, выступила изъ Петербурга вся гвардія, подъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича, для подкрѣпленія дѣйствующей арміи Беннигсена, послѣ прейсишъ-эйлаускаго сраженія. Колонна генералъ-лейтенанта Малютина (полки: измайловскій, лейбъ-гренадерскій, кавалергардскій, конный и гусарскій) выступила изъ Петербурга 13 февраля 1807 года по нарвскому тракту, направляясь къ Юрбургу, гдѣ должна была соединиться съ лѣвою колонною генералъ-лейтенанта Кологривова, составившеюся изъ остальныхъ частей гвардіи, слѣдовавшихъ по бѣлорусскому тракту. Были жестокіе холода, и гвардія шла усиленными маршами, имѣя дневки только чрезъ пять или шесть переходовъ, при чемъ кавалерійскимъ офицерамъ дозволено было имѣть одни только вьюки.

Императоръ Александръ, опередивъ гвардію, дѣлалъ ей въ Юрбургѣ, 27 марта, смотръ въ присутствіи короля и королевы прусскихъ. По вступленіи въ предѣлы Пруссіи, трудности похода увеличились. Отъ недостатка въ продовольствіи и чрезвычайно дурныхъ дорогъ, вынуждавшихъ полки оставлять часть своихъ обозовъ на пути, кавалергардскій полкъ даже не могъ везти съ собою сухарныхъ фуръ. Къ 10-му апрѣля гвардія пришла въ окрестности Шиппенбейля, и кавалергардскій полкъ расположился въ Кольбаненѣ.

Въ послѣдующихъ за тѣмъ столкновеніяхъ съ непріятелемъ, кавалергардскій полкъ непосредственно не дѣйствовалъ; но, находясь въ резервѣ, въ дѣлѣ подъ Гейльсбергомъ, стоялъ подъ выстрѣлами и имѣлъ нѣсколько раненыхъ. Такимъ образомъ, П. Д. Киселевъ, бывшій безотлучно при полку, въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ первый разъ былъ подъ огнемъ.

Въ кровопролитномъ дѣлѣ подъ Фридландомъ (2-го іюня 1807 года) кавалергардскій полкъ не участвовалъ, такъ какъ былъ отряженъ для занятія переправы выше Фридланда у Алленбурга и на рѣкѣ Прегелѣ. Затѣмъ, отступивъ со всѣми войсками къ Тильзиту, и, переправившись тутъ (6 іюня) за Нѣманъ, кавалергарды расположились въ мѣстечкѣ Рагнитъ. Черезъ два дня заключено было съ Наполеономъ перемиріе.

Во время свиданія Императора Александра съ Наполеономъ, 12 іюня, одинъ полу-эскадронъ кавалергардовъ, подъ командою ротмистра Левашова, составлялъ личный конвой Императора; затѣмъ, во все время пребыванія Государей въ Тильзитѣ, кавалергардскій и преображенскій полки, подъ начальствомъ Депрерадовича, оставались въ окрестностяхъ этого города для карауловъ и разъѣздовъ. По окончаніи переговоровъ, 27 іюня, отрядъ этотъ пошелъ вслѣдъ за всею арміею, въ составѣ колонны г. л. Малютина. Всѣ возвратившіяся гвардейскія войска собрались въ Красномъ селѣ, гдѣ ихъ смотрѣли Цесаревичъ и Императоръ; 24 августа гвардія вступила въ Петербургъ.

Сдѣланная кампанія, кромѣ боевой практики, принесла Павлу Дмитріевичу существенную пользу тѣмъ, что облегчила сближеніе его съ полковыми товарищами.

Въ имѣвшихся для біографіи матеріалахъ очень мало свѣдѣній о первыхъ годахъ службы Киселева, и потому нѣтъ возможности прослѣдить въ это время обстановку его, которая могла имѣть вліяніе на образованіе его характера; но, судя по тѣмъ отношеніямъ, въ какихъ онъ находился впослѣдствіи съ людьми, съ которыми впервые повстрѣчался въ разсматриваемый періодъ, нельзя не признать справедливости его собственныхъ словъ въ сохранившейся автобіографической замѣткѣ:

„Я былъ болѣе 10 лѣтъ офицеромъ въ кавалергардахъ,— я сдѣлалъ съ своими товарищами всю фридланскую кампанію и отечественную до потери Москвы, постоянно пользуясь ихъ уваженіемъ и дружбой“.

Отдавшись службѣ, Киселевъ не чуждался и общества.

Молодой, красивый, умѣвшій вселить къ себѣ довѣренность и уваженіе, онъ съ раннихъ поръ привыкъ, чтобъ его отличали. При такой обстановкѣ неудивительно, что онъ имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ. Занимаясь службою и посѣщая общество, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ возможность читать и заниматься, пополняя недостатокъ знаній, вынесенныхъ изъ домашняго обученія. Для того, чтобы одно не мѣшало другому, надо было держаться строгаго порядка въ распредѣленіи времени и имѣть привычку отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что сдѣлано въ теченіе дня. Лучшимъ доказательствомъ такого отношенія къ своимъ занятіямъ служитъ дневникъ, который Киселевъ началъ вести съ начала 20-хъ годовъ и продолжалъ во все время своей жизни, не забывая заносить въ него главныя событія дня.

Во время пребыванія въ Петербургѣ (съ 26-го декабря 1808 по 19-е ноября 1809 г.) королевской прусской фамиліи, Павелъ Дмитріевичъ состоялъ при королевѣ Луизѣ въ качествѣ ординарца.

Наступалъ знаменитый двѣнадцатый годъ!

Участіе въ войнѣ 1812 г.

Въ ожиданіи вторженія „большой" арміи Наполеона въ предѣлы Россіи, всѣ наши войска стягивались къ западной границѣ, куда назначено было идти и всей гвардіи.

Кавалергардскій полкъ,—отдѣливъ отъ себя назначенный запаснымъ 2-й эскадронъ, стяжавшій вскорѣ славу на берегахъ Двины въ арміи Витгенштейна,—въ составѣ четырехъ эскадроновъ, выступилъ изъ Петербурга 11-го марта 1812 г. Онъ вышелъ въ одинъ день и въ одной бригадѣ съ лейбъ-гвардіи коннымъ полкомъ, подъ командою своего полковаго командира Депрерадовича, командовавшаго въ то же время 1-ю кирасирскою дивизіею. Киселевъ находился въ первомъ эскадронѣ, изъ котораго выбылъ только послѣ Бородинскаго сраженія.

Сборнымъ мѣстомъ всей гвардіи назначенъ былъ городъ Свенцяны. Гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ Цесаревича, вошелъ въ составъ 1-й арміи, которою командовалъ Барклай-де-Толли. Подъ Вильною Государь дѣлалъ смотръ

кавалергардскому полку, а послѣ переправы Наполеона черезъ Нѣманъ (17 іюня) этотъ полкъ, со всею 1-ю арміею, отступилъ сначала къ г. Дриссѣ, а затѣмъ къ Полоцку и Витебску. Здѣсь, 15-го іюля, во время блистательныхъ дѣйствій русскаго арьергарда, подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Палена, на берегу небольшой рѣчки Лучессы, въ виду Наполеона, кавалергардскій полкъ въ первый разъ былъ на позиціи.

Отступивъ съ арміею къ Смоленску, кавалергарды, во все время дѣйствій подъ стѣнами этого города, 5 августа, пробыли на позиціи за 2-мъ и 4-мъ пѣхотными корпусами, у Петербургскаго предмѣстья. Простоявъ тутъ до вечера 6-го августа, кавалергардскій полкъ пошелъ съ другими войсками 1-й арміи проселками къ Соловьевской переправѣ, гдѣ перешелъ черезъ Днѣпръ и затѣмъ не встрѣчалъ непріятеля до самаго Бородина.

Въ бородинскомъ дѣлѣ, по диспозиціи, кавалергардскій полкъ состоялъ въ резервѣ среди пѣхотнаго гвардейскаго корпуса.

Съ 6-ти часовъ утра 26-го августа загорѣлся бой, въ который во 2-мъ часу пополудни пришлось вступить и кавалергардамъ, для отраженія отчаянныхъ атакъ французовъ на батарею Раевскаго.

П. Д. Киселевъ, состоявшій въ 1-мъ эскадронѣ, участвовалъ во всѣхъ атакахъ, при чемъ одно время, за убылью старшихъ офицеровъ, командовалъ эскадрономъ.

Всѣ, безъ исключенія, кавалергардскіе офицеры, находившіеся въ бородинской битвѣ, были награждены; Павелъ Дмитріевичъ получилъ орденъ Св. Анны 4-й степени.

Впослѣдствіи онъ разсказывалъ, что ночью, послѣ боя, его долго мучилъ вопросъ: кто побѣдилъ? Онъ успокоился на рѣшеніи, что дѣло объяснится само собою: тотъ побѣжденъ, кто отступитъ.

Назначеніе адъютантомъ къ Милорадовичу.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ бородинскаго боя, Киселевъ былъ откомандированъ отъ полка въ должность адъютанта къ Милорадовичу, который 28 августа былъ назначенъ, вмѣсто

Платова, начальникомъ арьергарда. Съ этого времени, во всю отечественную войну и послѣ до сраженія при Бауценѣ, Милорадовичъ оставался начальникомъ войскъ, охранявшихъ главныя силы; при чемъ, то съ арьергардомъ онъ удерживалъ напоръ непріятеля, то самъ насѣдалъ на него, командуя авангардомъ.

Намъ неизвѣстно, какимъ путемъ состоялось назначеніе Павла Дмитріевича адъютантомъ къ Милорадовичу, хотя изъ замѣтки Киселева, помѣщенной въ его коротенькой автобіографіи, видно, что онъ самъ этого желалъ. Такъ, онъ говорилъ:

„Я покинулъ ихъ (товарищей въ кавалергардскомъ полку) съ сожалѣніемъ, чтобы сдѣлаться адъютантомъ одного генерала, пользовавшагося блестящей репутаціей и при которомъ я намѣревался изучать войну“.

Но ожиданія Киселева не сбылись, какъ видно изъ послѣдующихъ словъ той же замѣтки:

„Эта цѣль не была достигнута, и такъ какъ мнѣ слѣдуетъ говорить только о себѣ, то я умолчу о томъ, кто во многихъ отношеніяхъ сдѣлалъ мнѣ болѣе зла, чѣмъ добра; что же касается того, какъ я исполнялъ свою службу, то мнѣ остается вспомнить моего Государя, который въ Дрезденѣ, во время отступленія арміи, и у заставы Парижа—достойно наградилъ меня, отличивъ и сдѣлавъ меня своимъ флигель-адъютантомъ,—званіе почетное; имъ я обязанъ лишь Августѣйшему расположенію, а не вліятельнымъ протекціямъ, которыя сдѣлали бы его для меня менѣе драгоцѣннымъ“.

Въ чемъ состояли причины неудовольствія Киселева на Милорадовича, мы не знаемъ, а вдаваться въ догадки не желаемъ.

Какъ бы то ни было, но служба при Милорадовичѣ, несмотря на то, что не оправдала ожиданій Киселева, принесла ему ту пользу, что, во-первыхъ—доставила возможность быть во многихъ сраженіяхъ, за которыя онъ получилъ нѣсколько наградъ, подвинувшихъ его впередъ; во-вторыхъ—дала случай сблизиться съ Императоромъ Александромъ.

Участвуя въ сраженіяхъ: сентября 15-го при Боровскомъ перевозѣ, 17-го—при Чериковѣ, 22-го—при Чернишнѣ, октября 6-го—при Тарутинѣ, при преслѣдованіи непріятеля до села Воронова, Киселевъ, вслѣдъ за симъ, 11-го октября получилъ особое порученіе: съ тремя сотнями казаковъ открыть черезъ Москву сношеніе съ отрядомъ Винценгероде, оставшимся подъ командою генералъ-маіора Иловайскаго [1]). Павелъ Дмитріевичъ въ тотъ же день вступилъ въ Москву черезъ Тверскую заставу. При исполненіи этого порученія, Киселевымъ взято 120 плѣнныхъ. 13-го октября онъ выступилъ изъ Москвы обратно на присоединеніе къ Милорадовичу.

Цѣлый рядъ послѣдующихъ сраженій наполняетъ собою ту графу послужнаго списка Киселева, въ которой обозначается бытность въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля; такъ, въ 1812 году: октября 22—при Вязьмѣ, 26—при г. Дорогобужѣ, ноября 3, 4 и 5 при селѣ Рожавкѣ и Мерлинѣ, 6—при Красномъ, во время преслѣдованія непріятеля авангардомъ главной арміи до г. Борисова; въ 1813 году, въ Саксоніи: апрѣля 23—при Вальсгеймѣ, 24—при Эгерсдорфѣ, 25—на дорогѣ отъ Нейсена къ Воздорфу, 27—при защитѣ переправы черезъ Эльбу при Дрезденѣ, 29—при Вейсигѣ, 30 — въ окрестностяхъ Бишофсвердера, мая 3 — между селеніемъ Ратказатецъ и городомъ Бауценомъ, 7 и 8—въ генеральномъ сраженіи при Бауценѣ, 9—въ арьергардномъ дѣлѣ, при отступленіи арміи отъ Бауцена, 10 — между Рейхенбахомъ и Герлицемъ, 11 — на дорогѣ отъ Герлица къ Лаубаху, августа 14 и 15—при Дрезденѣ, октября 4 и 6—подъ Лейпцигомъ; въ 1814 году, марта 8—при г. Арсисъ-сюръ-Объ и 18 того-же мѣсяца—подъ Парижемъ.

За весь указанный боевой періодъ, начиная со дня назначенія адъютантомъ къ Милорадовичу, по день взятія Парижа, т.-е. въ теченіе года и трехъ мѣсяцевъ, Киселевъ получилъ: Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, Св. Анны 2 степени, Св. Анны 2 степени съ алмазами и золотую шпагу съ надписью: „за храбрость“ и былъ произведенъ изъ пору-

[1]) Вслѣдствіе плѣна Винценгероде, 10 октября.

чиковъ въ штабсъ-ротмистры и затѣмъ въ ротмистры; кромѣ того, награжденъ королемъ Прусскимъ—орденомъ за заслуги, и королемъ Баварскимъ—орденомъ Максимиліана 3 степени.

Сближеніе съ Императоромъ Александромъ.

Милорадовичъ, по словамъ Ѳ. Глинки, „почти всякій разъ доносилъ главнокомандующему въ двухъ или въ трехъ строкахъ, не болѣе того, что онъ отразилъ или побилъ непріятеля, тамъ и тогда-то, — вслѣдствіе чего, обыкновенно, въ печатныхъ извѣстіяхъ изъ арміи недостаточно подробно излагались дѣйствія Милорадовича“.

Такое указаніе вполнѣ согласно съ характеромъ дѣятельности этого генерала, всегда готоваго къ дѣлу, но тяготившагося всякою отчетностью, особенно, когда приходилось представить ее письменно или въ обстоятельномъ изложеніи на словахъ;—для этого не было охоты и даже умѣнья ни у него, ни у кого изъ его близкихъ штабныхъ, готовыхъ поболтать о совершенныхъ подвигахъ, горячо поспорить о значеніи того или другого факта и — не болѣе! При такихъ условіяхъ, со времени прибытія къ арміи Императора, требовавшаго постоянныхъ обстоятельныхъ донесеній, явилась потребность въ человѣкѣ способномъ къ отчетливому, спокойному изложенію хода событій, о которыхъ нужно было докладывать Государю. Къ такому дѣлу болѣе другихъ оказался способнымъ Киселевъ, который такимъ образомъ получилъ возможность довольно часто лично бесѣдовать съ Государемъ, остававшимся довольнымъ его докладами. Это совершенно случайное обстоятельство, о которомъ впослѣдствіи Киселевъ не разъ вспоминалъ, послужило началомъ его карьеры.

Назначеніе флигель-адъютантомъ.

2-го апрѣля 1814 года Павелъ Дмитріевичъ назначенъ флигель-адъютантомъ; въ то время ему едва исполнилось 26 лѣтъ.

Еще ранѣе назначенія адъютантомъ къ Милорадовичу, Киселевъ уже былъ близокъ, если не ко двору, то къ главной квартирѣ, какъ о томъ можно заключить изъ записокъ П. Х. Граббе [1]). Назначеніе же флигель-адъютантомъ окон-

[1]) Такъ, между прочимъ, Граббе говоритъ, что, въ Дриссѣ (1812 г.), возвра-

чательно упрочило положеніе Киселева, открывъ ему широкую дорогу къ государственной дѣятельности и почестямъ.

Съ этихъ поръ Павелъ Дмитріевичъ становится человѣкомъ близкимъ къ Государю, пользующимся его особеннымъ довѣріемъ.

Порученіе, возложенное на Киселева Государемъ въ Парижѣ.

„Черезъ двѣ недѣли послѣ вступленія моего въ новую должность (флигель-адъютанта)"—говоритъ Киселевъ въ своей автобіографической замѣткѣ, „Государь далъ мнѣ весьма щекотливое порученіе. Король французскій Людвигъ XVIII говорилъ Государю о жалобахъ на безпорядки, произведенные русскими войсками въ Бріеннѣ; фельдмаршалъ Барклай не могъ открыть виновныхъ; я былъ посланъ на мѣсто и, по нѣкоторымъ указаніямъ, исполнилъ порученіе Государя, который выразилъ мнѣ свою благодарность".

Послѣ заключенія перваго парижскаго трактата 18 (30) мая 1814 г., Государь, выѣхавъ изъ Парижа 3-го (15) іюня, посѣтилъ Англію и Голландію и затѣмъ 12-го (24) іюля прибылъ въ Павловскъ.

Пребываніе Государя въ Петербургѣ было кратковременно, и уже 2-го (14) сентября 1814 года онъ отправился на конгрессъ въ Вѣну.

Киселевъ въ свитѣ Государя на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Въ своей автобіографіи Киселевъ, между прочимъ, говоритъ: „Вернувшись, Императоръ удостоилъ назначить меня, какъ одного изъ флигель-адъютантовъ, сопровождать его на Вѣнскій конгрессъ. Я пробылъ тамъ все время продолженія этого знаменитаго конгресса и имѣлъ счастье находиться въ числѣ немногихъ, сопровождавшихъ Его Величество до воротъ Парижа въ 1815 году".

Въ свитѣ Государя находились, кромѣ генералъ-адъютантовъ [1]), только три флигель-адъютанта: Брозинъ, Панкратьевъ

тившись изъ командировки для направленія частей, отрѣзанныхъ, вслѣдствіе быстраго наступленія Наполеона, послѣ переправы черезъ Нѣманъ,—послѣ доклада Государю, онъ былъ приглашенъ оберъ-гофмаршаломъ Толстымъ къ завтраку, „куда пришли: Алексѣй Орловъ и Киселевъ, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ мнѣ, шутя, что я вѣрно привезъ очень дурныя вѣсти, что меня такъ хорошо принимаютъ". См. Русскій Архивъ. 1873, кн. I, стр. 427.

[1]) Князь Волконскій, Уваровъ, Чернышевъ, Жомини, графъ Ожаровскій, князь Трубецкой и Кутузовъ.

и Киселевъ. Послѣдній прибылъ въ Вѣну нѣсколькими днями позже Государя, а именно, только 15 сентября.

Относящіяся къ этому времени записки, веденныя Киселевымъ въ формѣ дневника на французскомъ языкѣ, рельефно рисуютъ тогдашнее положеніе Павла Дмитріевича:

„*Сентября 15-го* я пріѣхалъ въ Вѣну въ 5-ть часовъ утра съ Кутузовымъ и Трубецкимъ. Въ поискахъ за квартирой я встрѣтилъ своего товарища Панкратьева, съ которымъ долженъ былъ раздѣлить помѣщеніе. Занявъ квартиру, въ 8 часовъ мы были уже въ пріемной Государя въ полной формѣ. Я встрѣтилъ тамъ обоихъ Волконскихъ, Уварова, Ожаровскаго, Чернышева, Брозина и Данилевскаго. Князь Клари, въ званіи гофмейстера двора, генералъ Гарденъ, полковникъ Пааръ, маіоры: Шликъ, Кламъ и Врбна исполняли должности адъютантовъ. Познакомившись со всѣми этими господами, я выжидалъ время представленія, которое вскорѣ и настало. Государь вышелъ, чтобъ проводить императора Австрійскаго и короля Прусскаго и, поговоривъ съ нѣсколькими лицами вѣнскаго двора, имена которыхъ мнѣ неизвѣстны, подошелъ ко мнѣ. Сдѣлавъ различные вопросы о моемъ путешествіи, говорилъ о нашемъ паденіи, шутилъ надъ моей непривычкой скакать на почтовыхъ и сказалъ, что никто не умѣетъ путешествовать такъ, какъ Онъ. „Въ особенности—отвѣчалъ я Ему —это удивительно, принимая во вниманіе тѣ преимущества, которыя мы имѣемъ предъ Вами въ нашихъ поѣздкахъ“... „Но согласись“—возразилъ Онъ—„что я не думаю объ отдыхѣ въ дорогѣ и что ѣзжу довольно скоро?“—„Путешествіе Вашего Величества въ Парижъ доказало то и другое“—сказалъ я, и разговоръ на томъ кончился. Мнѣ сказали, что нужно было представиться обѣимъ Великимъ Княгинямъ; я воспользовался утромъ и сдѣлалъ это до пріѣзда Императрицы, который состоялся въ 2 часа. Ея пріѣздъ въ столицу долженъ былъ произвести тотъ эффектъ, котораго ожидали всѣ, имѣвшіе счастье знать Ее. Всѣ Ею любовались, и всякій привязывался къ Ней прежде даже, чѣмъ узнавалъ Ее. Императорская семья, короли и принцы обѣдали вмѣстѣ. Особы ихъ свиты,

въ числѣ приблизительно 150-ти, обѣдали за гофмаршальскимъ столомъ, куда я и отправился съ своими товарищами. Обѣдъ былъ пріятнѣе, нежели я ожидалъ.

„Гофмаршалъ былъ искренно любезенъ; зная всѣхъ, онъ назвалъ мнѣ личности, обратившія на себя мое вниманіе. Вечеръ я провелъ у Трубецкаго, который былъ боленъ, и вернулся къ себѣ весьма усталый, стремясь къ отдыху, котораго я не зналъ въ теченіе двухъ недѣль“.

„*16-го сентября*—я вступилъ въ свою должность въ 8 часовъ утра. Князь Волконскій посвятилъ меня во все, что нужно было дѣлать, и хотя трудности никакой нѣтъ, но нельзя сказать, чтобъ дѣло было очень легко. Нужно было принимать и докладывать о всѣхъ тѣхъ, которые желали быть представленными Государю; а такъ какъ Его Величество не желалъ видѣть всѣхъ тѣхъ, которые желали его видѣть, то надо было прибѣгать къ увёрткамъ, которыя иногда не нравились этимъ господамъ и не слишкомъ меня забавляли. Въ 1 часъ мы отправились въ покои нашей Императрицы, гдѣ австрійская императрица представила Ей своихъ придворныхъ дамъ. Я сталъ такъ, чтобы всѣхъ ихъ видѣть. Когда кончилось представленіе, я подумалъ, что для пользы прекраснаго пола надо бы постановить въ законъ обычай болѣе благоразумныхъ дамъ—избѣгать дневнаго свѣта. Число представлявшихся было болѣе 100. Память Австрійской императрицы меня удивила: она всѣхъ дамъ назвала по фамиліи и по рожденью, о каждой прибавляла что-нибудь лестное и такимъ образомъ удовлетворяла самолюбію, и всѣ были ей благодарны за это вниманіе. Собраніе кончилось около 2-хъ часовъ. Пошли обѣдать,—избранные въ одну сторону, мы въ другую. Въ средѣ первыхъ, число которыхъ было не болѣе 30, трудно было бы не замѣтить эрцгерцога Карла. Предубѣжденіе ли, порождаемое славой и ея превратностями, или въ его личности есть, дѣйствительно, что-то такое, что привлекаетъ вниманіе, но каждый разъ, когда я видѣлъ эту царственную семью въ сборѣ, мой взглядъ и мысль останавливались на немъ. Онъ похожъ на всѣхъ своихъ братьевъ: небольшаго роста, худощавый,

на видъ болѣзненный и неприглядный, онъ бы терялся въ многочисленной семьѣ, еслибъ не твердый, живой взглядъ, который одинъ искупаетъ все, въ чемъ природа отказала ему. Генералъ Жомини увѣрялъ меня, что никогда онъ не слыхалъ никого, кто бы такъ энергично и сильно говорилъ о теоріи военнаго искусства: разсѣянный и небрежный во всѣхъ поступкахъ жизни, онъ электризуется, разсуждая о томъ, что было въ теченіе 20 лѣтъ его ремесломъ, и сознаетъ свои ошибки съ увѣренностью и откровенностью великой души. Послѣ обѣда Государь удалился во внутренніе покои... я написалъ письма въ Москву и Петербургъ, а къ 11 часамъ отправился къ себѣ.

„*17-го сентября.* Этотъ день былъ посвященъ пріему короля Баварскаго, который въѣхалъ въ столицу въ 5 часовъ. Войска, народъ, дворъ и хорошая погода сдѣлали этотъ день пріятнымъ, какъ по разнообразію, такъ и относительно новостей.

„*18-го сентября.* Поутру Государь сдѣлалъ визитъ князю Шварценбергу, пріѣхавшему наканунѣ. До обѣда представленія слѣдовали одно за другимъ; послѣ обѣда весь дворъ отправился въ Пратеръ. Обѣ Императрицы и оба Императора въ одномъ ландо; другіе государи также. Всѣ сошли въ галлерею, чтобы присутствовать на фейерверкѣ, который былъ великолѣпенъ. Я предпочелъ отправиться пѣшкомъ и, смѣшавшись съ толпой, воспользовался прогулкой со всей возможной свободой и веселостью. Энтузіазмъ публики, въ виду такого чрезвычайнаго собранія вѣнценосцевъ, не соотвѣтствовалъ моему ожиданію. Нѣмцы вообще не умѣютъ выражать то, что чувствуютъ даже особенно сильно. Они наслаждались удовольствіемъ видѣть собраніе всѣхъ владѣтельныхъ особъ Европы, упрочившее миръ, съ такимъ спокойствіемъ, которое для французовъ показалось бы оскорбленіемъ.

„*19-го сентября.* Парадъ занялъ все, что было военнаго въ Вѣнѣ. Возвратившись во дворецъ, мы—я и Кутузовъ—отправились представиться Прусскому и Датскому королямъ. Прогулка по Грабену и обѣдъ въ весьма плохомъ трактирѣ за-

вершилъ остальную часть дня. Вечеромъ мы отправились ко двору, гдѣ было собраніе, т.-е. давка и жара столь невыносимыя, что, несмотря на все желаніе царственныхъ особъ оставаться долѣе, собраніе окончилось черезъ полчаса времени.

„*20-го сентября.* Спектакль при дворѣ; давали весьма дурно Весталку. Государь оставался лишь до 2-го акта. Княгиня Багратіонъ давала Ему въ этотъ день балъ, гдѣ она съумѣла соединить всѣхъ красавицъ Вѣны. Императоръ во фракѣ старался заставить забыть въ немъ государя, и это ему удалось въ совершенствѣ: въ немъ находили лишь любезнаго кавалера. Женщины только и глядѣли что на Него. Балъ былъ прелестный; между женщинами отличалась хозяйка дома, которая въ этотъ разъ была еще красивѣе обыкновеннаго.

„*21-го сентября.* Общій парадъ всему вѣнскому гарнизону. Войска были расположены на гласисѣ, къ сторонѣ воротъ. Молебенъ, пропѣтый подъ палаткой, соединилъ въ этотъ день всѣ христіанскія исповѣданія. Я не могъ не вспомнить о всей крови, пролитой за религію до XVII-го столѣтія, и о перемѣнѣ, происшедшей съ тѣхъ поръ въ религіозныхъ мнѣніяхъ. Враги, недавно столь неумолимые, собрались у одного алтаря, не думая о томъ, что отцы ихъ сражались болѣе столѣтія другъ противъ друга изъ-за религіозныхъ вѣрованій.“

На этомъ оканчиваются замѣтки Киселева о пребываніи его въ Вѣнѣ.

Можно было бы предполагать, что тогдашняя жизнь въ Вѣнѣ, праздники, даваемые дворомъ, министрами и дворянствомъ Австріи, увлекутъ всецѣло въ свой водоворотъ молодаго (Киселеву было тогда 27 лѣтъ), красиваго флигель-адъютанта; на дѣлѣ выходило, что свѣтскія обязанности занимали Киселева настолько, насколько это было необходимо въ его положеніи. Онъ не могъ еще тогда принимать никакого участія въ дѣятельности политической; зато пытливый умъ его проходилъ въ это время практическій курсъ труднѣйшей науки—изученія людей; для этого никогда не было такой благопріятной обстановки, какую представляло тогдашнее собраніе политическихъ людей въ Вѣнѣ.

Изъ русскихъ дипломатовъ на Вѣнскомъ конгрессѣ были графы: Нессельроде, Разумовскій, Каподистрія и Штакельбергъ.

Больше всѣхъ Киселевъ сблизился съ графомъ Нессельроде, и съ тѣхъ поръ оба они до кончины сохраняли взаимно самыя дружескія чувства.

Бѣгство Наполеона съ о. Эльбы 14 (26) февраля 1815 г. и возвращеніе его во Францію прервали Вѣнскій конгрессъ. Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Вѣны 13 (25) мая и 28 іюня (10 іюля) прибылъ въ Парижъ, гдѣ оставался до 13 (25) сентября. На Киселева, находившагося въ свитѣ Государя, во время вторичнаго пребыванія Его въ Парижѣ, было возложено порученіе разслѣдовать жалобы, дошедшія до Государя на войска, расположенныя въ окрестностяхъ Реймса.

Новое порученіе, возложенное на Киселева Государемъ во время вторичнаго пребыванія въ Парижѣ.

Сущность жалобъ состояла въ томъ, что командиры частей не отпускали войскамъ положеннаго довольствія вслѣдствіе чего, будто бы, развилось организованное мародерство цѣлыми частями. „Я имѣлъ счастіе доказать, что эти жалобы относились къ Гессенцамъ, а не къ Русскимъ, представилъ Государю свидѣтельство дисциплины нашихъ солдатъ, удостовѣренной самою почетною аттестаціею отъ французскихъ властей, которыя по собственному желанію опровергли обвиненія, распространяемыя со злобою противъ русскихъ войскъ“,—говоритъ Киселевъ въ своихъ запискахъ, получившій, за исполненіе этого порученія, отъ короля французскаго орденъ Св. Людовика.

Вслѣдъ за блестящимъ военнымъ торжествомъ, устроеннымъ въ окрестностяхъ Вертю, Киселевъ былъ произведенъ въ полковники.

Оставивъ Парижъ 13 (25) сентября, Императоръ Александръ посѣтилъ Бельгію и Швейцарію и затѣмъ чрезъ Богемію, прибылъ 12 (24) октября въ Берлинъ.

Павелъ Дмитріевичъ оставался въ Парижѣ до 16 (28) сентября и, затѣмъ, совершилъ переѣздъ до Берлина, въ качествѣ простаго путешественника, осматривая замѣчательныя мѣстности и посѣщая русскихъ, изъ которыхъ многіе, по разнымъ причинамъ, оставались на этапахъ слѣдованія различ-

Отъѣздъ Киселева въ Берлинъ.

ныхъ частей союзныхъ армій. Въ Бонди онъ встрѣтилъ генерала Чаплица, съ которымъ вмѣстѣ доѣхалъ до Франкфурта, гдѣ нашелъ больнымъ друга своего Булгакова и Старынкевича; послѣдній сообщилъ ему много весьма интересныхъ свѣдѣній о Германіи и, между прочимъ, читалъ ему только что появившуюся тогда брошюру Шмальца [1]), въ которой авторъ смѣло раскрывалъ проекты и дѣйствія секретнаго общества друзей добродѣтели (Tugendbund).

Въ сохранившемся путевомъ журналѣ этого переѣзда, веденномъ Киселевымъ на французскомъ языкѣ, между прочимъ помѣщено извлеченіе изъ помянутой брошюры [2]).

Выѣхавъ изъ Парижа нѣсколькими днями позже Государя, Киселевъ успѣлъ прибыть въ Берлинъ 12 (24) октября, къ началу цѣлаго ряда военныхъ празднествъ.

23-го октября, русскій гренадерскій полкъ короля Фридриха-Вильгельма, вступивъ въ Берлинъ, прошелъ мимо Императора Александра и своего Августѣйшаго Шефа. Въ тотъ же день, при дворѣ былъ обѣденный столъ, за которымъ король, неожиданно для приглашенныхъ, предложилъ тостъ за здоровье новосговоренныхъ—Великаго Князя Николая Павловича и Принцессы Шарлотты.

Присутствіе Киселева въ свитѣ Государя въ этотъ день, памятный для будущаго Императора Николая Павловича и Императрицы Александры Θеодоровны, послужило поводомъ къ сближенію Ихъ Величествъ съ нимъ:—Императрица Александра Θеодоровна всегда была къ нему особенно благосклонна, какъ къ одному изъ тѣхъ немногихъ лицъ свиты русскаго Императора, которые принимали участіе въ этомъ радостномъ для Нея торжествѣ.

Командировка Киселева на югъ Россіи.

Передъ отъѣздомъ изъ Берлина (27 октября (8 ноября) 1815 г.), Государь послалъ Киселева на югъ Россіи для выбора нижнихъ чиновъ въ гренадерскіе и кирасирскіе полки, а также для осмотра нѣкоторыхъ полковъ 2-й арміи.

[1]) Ректора Гальскаго, а потомъ Берлинскаго Университетовъ.

[2]) Очевидно, писанное со словъ Старынкевича, такъ какъ Киселевъ незналъ по-нѣмецки и въ своемъ журналѣ говоритъ, что Старынкевичъ разсказывалъ ему по-русски содержаніе брошюры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Киселевъ получилъ отъ графа Аракчеева предложеніе заѣхать, между прочимъ, въ Крымъ, для разслѣдованія по доносу подпоручика симферопольскаго гарнизоннаго баталіона Платоновича о злоупотребленіяхъ по винному откупу.

Этою командировкою начинается рядъ порученій, поставившихъ Киселева въ непосредственное отношеніе съ тою средою, въ которой пришлось ему развить свою государственную дѣятельность.

ГЛАВА II.

1815 — 1818 годы.

Возвращеніе Императора Александра въ С.-Петербургъ. — Служебная обстановка Киселева.—Направленіе его дѣятельности.—Письмо къ нему Сталя и Рудзевича.— Возвращеніе Киселева въ С.-Петербургъ; разговоръ его съ Государемъ.—Отзывъ самого Киселева объ исполненіи имъ возложенныхъ на него порученій.—Поѣздка Киселева съ Государемъ въ Варшаву.—Мнѣніе Закревскаго объ отношеніяхъ Поляковъ къ Русскимъ. — Безпорядки во 2-й арміи. — Главный Интендантъ Жуковскій.—Рескриптъ Беннигсену и его письмо къ Государю.—Командированіе Киселева въ 2-ю армію; порученія, на него возложенныя.—Новый рескриптъ Беннигсену.—Способъ исполненія Киселевымъ возложенныхъ на него порученій.—Мнѣнія его о Жуковскомъ и Беннигсенѣ.—Письма Закревскаго, Меншикова и А. Орлова.—Письма Беннигсена Государю о Киселевѣ.—Отчетъ Киселева о его дѣйствіяхъ во 2-й арміи.—Огорченіе Киселева; письмо къ нему Дениса Давыдова.— Предположенія Киселева объ учрежденіи при пѣхотныхъ корпусахъ военныхъ училищъ и кадетскихъ ротъ, о раздачѣ казенныхъ земель въ Крыму, объ устройствѣ иностранныхъ поселенцевъ въ южномъ краѣ.—Новая командировка во 2-ю армію.—Письмо Закревскаго о рѣчи Государя въ Варшавѣ; отвѣтъ Киселева.— Заботы Киселева о приготовленіи арміи къ смотру; успѣхъ смотра; письмо къ Закревскому.—Командировка Киселева на встрѣчу Прусскаго короля.—Журналъ этой поѣздки.—Пребываніе Прусскаго короля въ Москвѣ и С.-Петербургѣ.

Возвращеніе Императора Александра въ С.-Петербургъ.

Въ ночи на 2-е (14) декабря 1815 года Императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ; но второе возвращеніе его изъ Парижа отличалось отъ перваго замѣтною перемѣною въ его характерѣ.

„Александръ, недовольный всѣмъ, что́ окружало его, болѣе и болѣе удалялся отъ людей, болѣе и болѣе не довѣрялъ имъ. Обычная безмятежность его характера уступила мѣсто

гнѣвнымъ порывамъ. Онъ сдѣлался несравненно болѣе взыскательнымъ въ отношеніи къ военной дисциплинѣ“ [1])...

Военное управленіе было преобразовано, причемъ хозяйственная часть была оставлена въ вѣдѣніи военнаго министра, которымъ былъ назначенъ [2]) П. П. Коновницынъ, а самый близкій къ Государю человѣкъ, съ малолѣтства при немъ неотлучный, князь П. М. Волконскій, въ званіи начальника главнаго штаба, сталъ распоряжаться прочими дѣлами прежняго военнаго министерства.

Служебная обстановка Киселева.

Тогда же дежурнымъ генераломъ назначенъ былъ генералъ-адъютантъ А. А. Закревскій, человѣкъ весьма близкій къ Киселеву: они были на „ты“ и вели непрерывную переписку самаго задушевнаго содержанія. Въ такихъ-же отношеніяхъ съ Киселевымъ былъ князь А. С. Меншиковъ—правитель дѣлъ при князѣ Волконскомъ, и А. Ѳ. Орловъ, котораго уже и тогда Императоръ Александръ отличалъ и приблизилъ къ себѣ. Кромѣ того, со времени назначенія своего флигель-адъютантомъ, Киселевъ сблизился съ княземъ П. М. Волконскимъ.

Всѣ эти лица разныхъ характеровъ имѣли одно общее: честность и желаніе принести пользу государству.

Направленіе служебной дѣятельности Киселева.

Такая обстановка способствовала тому, что всѣ представленія Киселева получали ходъ, а это, въ извѣстной степени, развивало въ немъ пытливость, съ которою онъ, въ послѣдующую службу, всматривался во все, что встрѣчалось ему замѣчательнаго; эта пытливость поддерживалась въ немъ увѣренностію, что результаты его изслѣдованій не пропадутъ даромъ, а принесутъ пользу, какъ дѣлу, такъ и лично ему.

---

[1]) См. Богдановичъ. Исторія Царствованія Александра, т. V, стр. 119—120.

[2]) На мѣсто кн. Горчакова, для разслѣдованія дѣйствій котораго была наряжена слѣдственная коммиссія.

Князь Меншиковъ въ письмѣ къ Киселеву отъ 9 сентября 1817 г. сообщалъ ему между прочимъ, слѣдующее: „На докладѣ Лобанова (Министра Юстиціи) о преданіи Самбурскаго (чиновникъ военнаго вѣдомства) суду написано: „быть по сему, съ тѣмъ, чтобы Государственный Совѣтъ, рѣшилъ, какому подлежитъ суду кн. Горчаковъ и статсъ-секретарь Молчановъ“. Дѣло состояло въ томъ, что въ 1812 и 1813 г. витебскій губернаторъ предлагалъ заготовить запасные магазины на Двинѣ для Кутузова, покупая хлѣбъ по 12$^1/_2$ р., но кн. Горчаковъ вошелъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ, чтобы отдать поставку Косиковскому, по 20 р., а Комитетъ разрѣшилъ его купить по 25 и 30 р.

Притомъ должно сказать, что онъ весьма легко изучалъ разнородные предметы, затѣмъ обыкновенно составлялъ предположенія о необходимыхъ измѣненіяхъ или преобразованіяхъ; каждое исполненное имъ порученіе, кромѣ должной отчетности, сопровождалось рядомъ докладныхъ записокъ. Разсчитывая на близость къ Государю Киселева, поощряемые его внимательностью, обращались къ нему съ представленіями люди самыхъ разнообразныхъ положеній.

Киселевъ изъ Берлина пріѣхалъ сначала въ Тульчинъ, гдѣ была главная квартира 2-й арміи, подъ начальствомъ Беннигсена; оттуда онъ поѣхалъ въ Хотинъ, Кишиневъ, Измаилъ, Аккерманъ и Бендеры; затѣмъ въ Крымъ и возвратился въ концѣ апрѣля 1816 г. въ С.-Петербургъ. Сохранилась часть путевыхъ записокъ Киселева, которыя онъ велъ о поѣздкѣ его по Бессарабіи. Онѣ интересны, выказывая и наблюдательность автора, обращавшаго вниманіе на многіе существенные предметы администраціи, и тогдашнее положеніе Бессарабіи.

Во время объѣзда южныхъ губерній, Киселевъ, между прочимъ, осматривалъ караулы въ Севастополѣ и прочихъ крѣпостяхъ, содержимые для надзора за арестантами.

Прибывъ въ Севастополь и убѣдившись на мѣстѣ въ возможности уменьшить число часовыхъ, Киселевъ сдѣлалъ по этому должное распоряженіе; но объѣзжая другія крѣпости, онъ нашелъ, что въ нихъ нельзя убавить число конвойныхъ для присмотра на работахъ за арестантами, пока не послѣдуетъ распоряженія относительно буйныхъ и рѣшительныхъ преступниковъ, для наблюденія за которыми наряжаются для двухъ, а часто и за каждымъ, по одному солдату, обязанному въ теченіи цѣлаго дня въ аммуниціи и съ ружьемъ слѣдовать за арестантомъ, чрезъ что служба солдата дѣлалась отяготительнѣе работы, опредѣленной преступнику въ наказаніе.

Въ виду изложенныхъ неудобствъ караульной службы, Киселевъ, въ особомъ представленіи князю Волконскому, изложилъ мѣры, необходимыя къ облегченію крѣпостной службы нижнихъ чиновъ, которые, при многочисленности крѣпостей

въ южномъ краѣ, окончательно изнуряются ею, отвлекаясь отъ настоящихъ своихъ обязанностей.

Мѣры, предложенныя Киселевымъ, заключались въ слѣдующемъ:

1) Для уменьшенія конвоя за крѣпостными арестантами, возобновить приказаніе о выводѣ ихъ съ легкою цѣпью, прикованною отъ пояса къ ногѣ и съ выбритою вдоль до половины головою. Тогда на 6 преступниковъ было-бы достаточно одного солдата.

2) Предписать комендантамъ и инженернымъ начальникамъ, какъ можно менѣе раздроблять работы. Въ этомъ случаѣ, мѣрою охраненія арестантовъ можетъ послужить цѣпь, составляемая изъ часовыхъ.

3) Запретить повсемѣстно въ тюрьмахъ внутренніе посты, какъ величайшее зло въ отношеніи нравственности. Разговоры, повѣствованія и безстыдство преступниковъ сильно дѣйствуютъ на молодыхъ, неопытныхъ солдатъ, и часто обольщенный часовой дѣлаетъ побѣгъ съ довѣреннымъ ему арестантомъ.

Для приведенія въ исполненіе предположеній Киселева, по его же указанію, необходимо было тюремныя зданія привести въ исправное состояніе и увеличить лишь ночной надзоръ за арестантами — усиленіемъ наружныхъ постовъ. Для внутренняго же порядка въ тюрьмахъ—назначать надзирателей изъ инвалидовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Киселевъ обратилъ вниманіе и на то, что въ крѣпостяхъ и на гауптвахтахъ, кромѣ престуниковъ, содержится очень много разнаго званія подсудимыхъ, которыхъ, какъ и преступниковъ, употребляютъ въ различныя работы; а между тѣмъ отпускаютъ имъ на содержаніе только паекъ, чѣмъ ставятъ ихъ въ весьма бѣдственное положеніе, такъ что нѣкоторые арестанты, ожидающіе по нѣскольку лѣтъ рѣшенія своего дѣла, не имѣютъ чѣмъ прикрыть свою наготу. Киселевъ полагалъ справедливымъ давать этимъ арестантамъ тоже содержаніе, которое опредѣлено крѣпостнымъ работникамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи инженернаго вѣдомства.

При разслѣдованіи дѣла на мѣстѣ оказалось, что доне-

сеніе на Высочайшее имя, сдѣланное въ ноябрѣ 1814 года Платоновичемъ, было вполнѣ вѣрно. Откупщикъ продавалъ водку неузаконенной доброты и проч. Земская полиція, чиновники и высшая губернская администрація, дѣйствительно, дѣлали откупщику большія поблажки. Слѣдствіе, начавшееся по первому сообщенію Платоновича мѣстнымъ властямъ, еще прежде донесенія его на Высочайшее имя, было произведено неправильно, и заключеніе по дѣлу дано пристрастно въ пользу откупщика. Киселевъ обвинялъ откупщика, его повѣреннаго симферопольскую полицію, инспектора врачебной управы, гражданскихъ слѣдователей и высшую губернскую администрацію.

Во время поѣздокъ своихъ по Новороссіи Павелъ Дмитріевичъ убѣдился, что безпорядки по откупу одинаковы во всѣхъ южныхъ губерніяхъ (Екатеринославской, Херсонской и Таврической), и что дѣло Платоновича ничтожно сравнительно съ другими безпорядками, существовавшими въ Таврической губерніи.—Злоупотребленія, самоуправство и беззаконныя требованія мѣстныхъ властей такъ глубоко вкоренились въ Новороссіи, въ такое стѣснительное положеніе поставили населеніе, что однимъ наказаніемъ виновныхъ нельзя было уничтожить безпорядковъ. Для этого, по мнѣнію Киселева, нужны были болѣе радикальныя мѣры, способныя измѣнить установившійся порядокъ управленія.

„Теперешнее же управленіе,“ писалъ онъ въ докладной запискѣ, представленной по этому случаю—„уничтожаетъ промышленность и вообще всѣ выгоды, которыя Россія вправѣ ожидать отъ страны столь для нея важной“. Киселевъ предлагалъ учредить три коммиссіи (въ каждой губерніи по одной) для разслѣдованія всѣхъ злоупотребленій и для составленія правилъ управленія на новыхъ началахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ представилъ еще двѣ записки: одну относительно лицъ, которые могли бы съ успѣхомъ заняться устройствомъ Новороссіи, а другую о беззаконной продажѣ Татарами Таврической губерніи казенныхъ земель частнымъ лицамъ. Въ послѣдней запискѣ было изложено предположеніе о раздачѣ этихъ

земель заслуженнымъ и раненымъ офицерамъ, или подъ поселеніе отставнымъ солдатамъ, для охраненія южной границы.

Ко времени этой командировки относится нѣсколько сохранившихся писемъ, рисующихъ тогдашнее положеніе Киселева, какъ его понимали современники.

Письма Сталя и Рудзевича.

Нѣкто Сталь [1]), судя по тону писемъ — ровесникъ и другъ Киселева, пишетъ, что радуясь тому, что всѣ дѣла его по раскрытію злоупотребленій пошли успѣшно, онъ надѣется, что эта удача придастъ Киселеву рвеніе и поощритъ „употребить свою голову на пользу службѣ". — Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сталь даетъ дружескій совѣтъ: соблюдать осторожность въ своихъ донесеніяхъ, подобно тому, какъ дѣлаетъ это онъ: „я взялъ себѣ правиломъ осторожно говорить при личномъ объясненіи, ибо одно неосторожное слово, отъ искренняго желанія сдѣлать добро, бываетъ гибельнымъ. Примѣчай это при твоихъ донесеніяхъ. Описавъ добро —остаются холодными, съ какимъ бы энтузіазмомъ ни описалъ оное доноситель; но съ жадностію внимаютъ описанію злоупотребленій. Надобно иногда при своихъ донесеніяхъ думать какъ человѣкъ, ибо брюхо крѣпко ѣсть проситъ, а сія, весьма основательная просьба— основа всѣмъ злоупотребленіямъ"... Злоупотребленія по откупамъ, по мнѣнію Сталя, могли исчезнуть только съ уничтоженіемъ откупа, „ибо зло слишкомъ далеко и высоко распространяется". Тамъ же сказано: „Бессарабія поставитъ тебѣ (Киселеву) памятникъ".

Въ Одессѣ Киселевъ встрѣтился съ командиромъ 7-го корпуса, генераломъ Рудзевичемъ, съ которымъ онъ уже былъ знакомъ и въ пріязненныхъ отношеніяхъ [2]).

---

[1]) Впослѣдствіи, въ 1821 году, находившійся при штабѣ 2-й арміи въ чинѣ генералъ-маіора. Главнокомандующій графъ Витгенштейнъ вслѣдствіе личныхъ съ нимъ непріятностей, просилъ удалить Сталя изъ арміи.

[2]) Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по тону писемъ Рудзевича. Въ письмѣ отъ 19 февраля 1816 г. онъ пишетъ: „Вы настаиваете, любезный другъ, чтобы я къ вамъ доставилъ письмо (къ кн. Волконскому объ арендѣ) и тѣмъ насильно заставить меня увѣрить васъ въ истинной дружбѣ моей. Но сіе доказательство было бы для васъ весьма недостаточно, если бы только чувства мои не соотвѣтствовали сердечному моему къ вамъ расположенію. Вы знаете, любезный другъ, что никакое время долговременнаго знакомства не можетъ связывать людей въ дружбѣ;

Въ письмѣ (изъ Одессы, отъ 29 января 1816 года), сказавши нѣсколько словъ относительно успѣшнаго выбора людей въ гвардію, Рудзевичъ говоритъ: „Теперь обращаюсь на счетъ важныхъ вашихъ порученій, въ которыхъ вы, любезный другъ, безъ всякаго сомнѣнія тоже много успѣли и почерпнули нужныя для васъ свѣдѣнія отъ многихъ. Братъ мой Андрей Ильичъ Шостакъ пишетъ, что вы надѣлали въ Крыму много шуму и тревоги. Унизили гордыхъ, и надутыхъ сдѣлали сговорчивыми. Почему я заключаю, что успѣхъ въ вашихъ дѣлахъ былъ хорошъ, и кошка поняла, чье мясо съѣла. И такъ, поздравляю васъ съ добрымъ успѣхомъ и желаю отъ всей души всему оному добраго конца“... Пріѣхавши, на обратномъ изъ Крыма пути, въ Херсонъ, Киселевъ въ письмѣ отъ 1-го февраля жаловался Рудзевичу на то, что изслѣдованіе его тамъ возбудило противъ него много вражды; Рудзевичъ въ письмѣ отъ 9 того-же февраля отвѣчалъ: „Жизнь наша такъ коротка, что надо спѣшить дѣлать добро, чтобы оставить по себѣ память добрыхъ дѣлъ своихъ. Случаи таковые бываютъ весьма рѣдки, а иногда встрѣчаются такія обстоятельства, по которымъ есть совершенная невозможность быть полезнымъ; но вы, любезный другъ, можете назваться счастливымъ, потому что имѣете полную довѣренность сдѣлаться для нашего края полезнымъ человѣкомъ. Непріятели, нажитые вами по важной сей порученности вашей, вамъ нестрашны и вредить не могутъ. Они достойны всякаго и отъ всѣхъ презрѣнія. Злодѣяніе, буде оно есть, пора истребить, и Богъ долженъ вступиться и наказать кровопійцъ. Вы послужите примѣромъ всякаго безпристрастія и удивитесь, какую благодарность заслужите отъ нашихъ согражданъ. Вотъ все, что я могу вамъ сказать въ отвѣтъ описанныхъ вами кривоходовъ“.

Возвращеніе Киселева въ С.-Петербургъ; разговоръ его съ Государемъ.

По возвращеніи Киселева въ С.-Петербургъ онъ былъ принятъ благосклонно Государемъ, имѣвшимъ съ нимъ про-

---

но есть тайна какая-то непостижимая, соединяющая при первой встрѣчѣ взаимныя другъ къ другу сердечныя чувства, и связываютъ союзъ оной крѣпчайшими узами дружбы, и такими взаимными чувствами, кажется, и мы съ вами столкнулись, и я твердо увѣренъ, что вы столько же меня полюбили, сколько и я васъ“.

должительный разговоръ, о которомъ сохранилась слѣдующая собственноручная записка Киселева:

„30-го апрѣля 1816 года пріѣхалъ я въ С.-Петербургъ; 1-го мая былъ представленъ въ кабинетѣ и 3-го мая получилъ приказаніе, черезъ князя Волконскаго, быть на другой день съ бумагами моими въ 7 часовъ у Государя.

„Въ четвергъ на Святой, въ $7^{1}/_{2}$ часовъ былъ я призванъ. Государь сидѣлъ у стола и по входѣ моемъ въ комнату, обернувшись ко мнѣ, приказалъ на приготовленномъ стулѣ сѣсть близъ себя; разговоръ начался сими словами:

„Государь. Я хотѣлъ съ тобою видѣться и объясниться лично насчетъ твоего путешествія; порученіями, которыя ты уже имѣлъ, я доказалъ довѣренность Свою. Я съ удовольствіемъ долженъ тебѣ отдать справедливость; ты оправдалъ ее во всѣхъ отношеніяхъ; письма твои къ Волконскому, которыя Я всѣ читалъ, еще болѣе меня въ томъ увѣрили. Я теперь прошу тебя быть со мною такъ, какъ ты былъ; не забывай мои слова, въ Парижѣ тебѣ сказанныя; у тебя кромѣ Моей протекціи другой нѣтъ.

„Я. Государь, мнѣ другой и не нужно, но дѣла, о которыхъ долженъ говорить, вводятъ меня въ сношеніе со *многими*, и я только того боюсь, чтобы, рано или поздно, правда, которую конечно отъ Васъ не скрою, не навлекла величайшія мнѣ непріятности отъ Васъ самихъ, по внушенію тѣхъ.

„Государь. Будь покоенъ и веди себя какъ Я желаю, ayez de la confiance en moi, c'est tout ce que je vous demande. Дай же твои бумаги.

„Я. Вотъ, Государь, дѣло Платоновича по винному откупу; доносъ, который онъ Вамъ сдѣлалъ, большею частью справедливъ; я сдѣлалъ краткую записку, изъ которой усмотрѣть Вы можете въ чемъ состоитъ дѣло и кто болѣе по оному виноватъ.

„Государь взялъ тетрадь и началъ читать; при объясненныхъ злоупотребленіяхъ, а особенно при описаніи изслѣдованія, сдѣланнаго гражданскими чиновниками, пожималъ не-

рѣдко плечами и спрашивалъ часто поясненій. Я, дѣло знавъ твердо, на каждый вопросъ отвѣчалъ какъ слѣдовало. По прочтеніи всей бумаги, Государь сказалъ: „такія мерзости дѣлаются вездѣ и, право, непостижимы; эти господа будутъ наказаны какъ заслуживаютъ“.

„Я. Осмѣливаюсь просить Ваше Величество по сужденію моему—хотя въ справедливости его и увѣренъ—наказанія не исполнять. Я, Государь, въ первый разъ по гражданской части былъ употребленъ; молодъ, неопытенъ и могъ ошибиться; все сіе въ правѣ будутъ сказать и Васъ обвинить тѣмъ болѣе, что законъ—*да безъ суда не накажется* у всѣхъ насъ въ понятіи; прикажите нарядить коммиссію и разсмотрѣть какъ дѣло Платоновича, такъ и множество другихъ злоупотребленій, которыя нужно искоренить во всемъ Новороссійскомъ краѣ. Я думалъ, что не лишнее будетъ сдѣлать въ проѣздѣ моемъ замѣчанія о всемъ томъ, что казалось мнѣ вреднымъ и на что болѣе тамъ жаловались. Вотъ записка, которую съ тѣмъ только представляю Вашему Величеству, чтобы приказали людямъ опытнымъ и честнымъ на мѣстахъ разсмотрѣть и Вамъ сдѣлать докладъ; къ тому же, Государь, управленіе Дюка Ришелье вначалѣ могло быть полезно, теперь же сдѣлалось отяготительнымъ и даетъ поводъ къ величайшимъ злоупотребленіямъ; новое положеніе и общія правила мнѣ кажутся необходимы. Южная Россія не то что была; нынѣ она заселилась Русскими и можетъ имѣть уже одинакое съ Россіею управленіе. Странно видѣть, что въ одномъ государствѣ, у одного народа на каждомъ шагу права и управленія разные. Если бы я не былъ тому очевиднымъ самъ свидѣтелемъ, вѣрить-бы конечно не хотѣлъ; и вотъ, я полагаю, причина затрудненій для управляющихъ: всѣ жалуются, всѣ ропщутъ!

„Государь. Всего сдѣлать вдругъ нельзя; обстоятельства до нынѣшняго времени не позволили заняться внутренними дѣлами, какъ было бы желательно; но теперь мы занимаемся новою организаціею. Смерть Императрицы не позволила ей азіатскіе обычаи и многое въ правленіи, по желанію Ея, перемѣнить. Мы должны

теперь идти ровными шагами съ Европою; въ послѣднее время она столько просвѣтилась, что, по нынѣшнему положенію нашему, оставаться назади мы уже не можемъ; но на все надо время, всего вдругъ сдѣлать нельзя; уменьшать злоупотребленія конечно должно, но одинъ всего не успѣешь сдѣлать, помощниковъ нѣтъ, кругомъ видишь обманъ; что̀ ты говорилъ о Беннигсенѣ Я всякій день вижу; придетъ человѣкъ съ умомъ, съ способностями и представляетъ дѣло не такъ, какъ онъ самъ видѣлъ, но по наущенію секретаря, и согласиться въ правдѣ не хочетъ. Я знаю, что въ управленіи большая часть людей должна быть перемѣнена, и ты справедливъ, что зло происходитъ какъ отъ высшихъ, такъ и отъ дурнаго выбора низшихъ чиновниковъ; но гдѣ ихъ взять? Я и 52-хъ губернаторовъ выбрать не могу, а надо тысячи;—лучше менѣе, но съ хорошимъ содержаніемъ и строгимъ выборомъ—конечно, но чѣмъ платить? ты въ своемъ чинѣ хорошо-ли содержанъ? Армія, гражданская часть, все не такъ какъ я желаю,—но какъ быть? вдругъ всего не сдѣлаешь, помощниковъ нѣтъ. Я знаю, что способы есть чрезмѣрные. Россія можетъ много, но на все надо время.

„Государь, продолжая читать записку мою, на всякомъ пунктѣ останавливался и спрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ; я говорилъ какъ-бы съ своею совѣстью, ничего не скрылъ, и съ душевнымъ восхищеніемъ видѣлъ сколько участія принималъ Государь во всемъ, что къ народу относилось; благодарилъ нѣсколько разъ, бралъ меня за руку, говоря: „Я очень тобою доволенъ; ну, что ты видѣлъ и слышалъ, когда ѣхалъ уже въ С.-Петербургъ?

„Я. Государь, жалуются; въ Малороссіи, напримѣръ, недовольны новымъ предположеннымъ формированіемъ уланскихъ полковъ; казаки по нынѣшнему положенію блаженствуютъ и перемѣны всякой боятся, да кажется и справедливо; мнѣніе же общее противно всякому умноженію войскъ; всѣ удивляются числу, которое Вы теперь имѣете и всѣ ропщутъ; миръ заключенъ, а расходы тѣже, и войско прибав-

ляется; къ тому же считаютъ, что теперь кавалеріи у насъ множество, 70 т. регулярной и 100 полковъ казачьихъ.

„Государь. Вотъ какъ всѣ судятъ! Я казаковъ не считаю въ составѣ арміи, а регулярная кавалерія не превышаетъ соединенной прусской и австрійской кавалеріи. Россія въ такомъ положеніи, что должна содержать армію въ равномъ числѣ противъ соединенныхъ войскъ Пруссіи и Австріи; Я другихъ нашихъ сосѣдей въ счетъ не полагаю.

„Я. Но, Ваше Величество, извѣстно, что сосѣди наши арміи свои убавили.

„Государь. Да и Я убавить ее хочу, но должно взять за правило никогда устроенной части не разстраивать; я не могу публиковать въ газетахъ Мои намѣренія и какимъ образомъ желаю достигнуть до своей цѣли. Я разсчелъ, что содержаніе полковъ на Чугуевскомъ положеніи выгоднѣе и способнѣе; уланы, о которыхъ ты говоришь, не будутъ новые полки, но только кантоны для старыхъ, которыхъ въ нихъ поселю; но вдругъ всего сдѣлать невозможно. Я хотѣлъ попробовать и помѣстить прежде украинскіе полки. Но вѣдь и это дѣло будетъ пересмотрѣно 20 разъ. Мало-ли что хочетъ В... (?) Я все читалъ и ни на что еще не рѣшился; ты правъ, пусть другіе разсмотрятъ; а у насъ всѣ судятъ по слухамъ.

„Я. И по тому что̀ видятъ. Мысли Вашего Величества не всѣ знаютъ, а видятъ прибавленіе арміи—и недовольны. Я самъ, Государь, до Вашего истолкованія обвинялъ Васъ; да къ тому еще, люди, которые должны были-бы защищать Васъ, которые часто сами кругомъ виноваты, Васъ же обвиняютъ и выставляютъ наружу. Васъ, Государь, не всѣ берегутъ, и мнѣніе падаетъ на Васъ, а оно не то что было 30 лѣтъ тому назадъ: теперь всѣ говорятъ, о всемъ судятъ, и какъ-то въ обычай вошло всѣмъ быть недовольну; напримѣръ, назначеніе губернаторовъ въ Тулу и Калугу сдѣлало дурное впечатлѣніе: думаютъ, что Вы, Государь, не любите дворянъ, и даже русскихъ.

„Государь. Почему же это? Если бы Я далъ Поляка, либо Лифляндца: о Полякѣ не говорю, но увѣренъ, что Лифляндцомъ были бы болѣе довольны.

„Я. Мы привыкли себя считать выше Хохловъ, — а двѣ старыя русскія губерніи поручены двумъ выходцамъ канцелярскимъ. Простите, Ваше Величество, мою дерзость, но Вамъ угодно знать правду, я ея не скрываю.

„Государь. Надо взойти и въ мое положеніе: за одного просилъ неотступно братъ, за другаго фельдмаршалъ, ручаясь, что лучшаго выбора сдѣлать немогу; какъ-же отказать? Я согласился, но глаза на нихъ будутъ открыты и при первомъ случаѣ... А очень недовольны?

„Я. Очень, Государь, и болѣе отъ того, что полагаютъ Вашу въ томъ немилость къ коренному Русскому.

„Государь. Вотъ всегдашній вздоръ; Я тысячу разъ это слыхалъ и понять не могу, что дало тому поводъ. Но разскажи мнѣ всѣ подробности твоего путешествія; ты поѣхалъ изъ Берлина съ порученіемъ выбирать людей.

„Я. Я пріѣхалъ въ Тульчинъ къ графу Беннигсену по прекраснѣйшей дорогѣ до границы и по чрезмѣрно дурной нашей; здѣсь, Ваше Величество, позвольте сдѣлать замѣчаніе о нашихъ сообщеніяхъ: многіе говорятъ, что шоссе намъ не нужны, я въ томъ несогласенъ;—до Радзивилова ѣхалъ я на двухъ и трехъ лошадяхъ и пріятнѣйшимъ образомъ; кой часъ попалъ въ Россію, заложили мнѣ шесть, потомъ восемь, и наконецъ въ Бессарабіи 14-ть и съ курьерскою подорожною не рѣдко въ сутки могъ отъѣхать не болѣе 40 и 60 верстъ, ломая коляску и падая безпрестанно. При раздѣлѣ Польши Іосифъ II-ой занялся построеніемъ шоссе, и нынѣ въ Галиціи съ весьма малыми издержками имѣютъ отличныя дороги, которыя, можно сказать, замѣняютъ судоходство и поддерживаютъ торговлю между Россіею, Польшею и Германіею; въ войнѣ съ Турками дороговизна всѣхъ поставляемыхъ припасовъ происходитъ единственно отъ дурнаго сообщенія; а у насъ способы, если не болѣе тѣхъ, которые Іосифъ имѣлъ въ Галиціи, то по крайней мѣрѣ одинаковые; въ мирное время лучше войскъ нашихъ употребить, кажется, трудно, тѣмъ болѣе что дороги въ Россіи послужатъ въ будущія времена монументомъ Вашего царствованія.

„Государь. Я давно этимъ занимаюсь и знаю сколько это важно, но прежде надо устроить главнѣйшее.—Сколько времени пробылъ у Беннигсена?

„Я. пять дней, и только потому, что желалъ имѣть понятіе о его сочиненіяхъ; онъ пишетъ безпрестанно и скоро долженъ кончить весь меморіалъ свой. Кампанія 12-го года написана весьма справедливо и хорошо. Старикъ фельдмаршалъ и нѣсколько другихъ представлены не въ блистательномъ положеніи, но онъ самъ это чувствуетъ, а перемѣнить не хочетъ. Ce vieux renard, говорилъ онъ, m'a fait trop de mal, il a cherché à ternir ma réputation, il s'est conduit à mon égard d'une manière indigne, aussi ne l'ai-je point menagé. Le croiriez vous—lui qui se disait mon ami, qui m'a forcé de venir avec lui, cherchait, pour je ne sais quelle raison, à m'humilier autant qu'il était en lui de le faire, il me faisait venir, monsieur, il me parla avec ce ton mielleux qui lui était si propre, m'interrogeait sur les affaires les plus épineuses, demandait, exigeait même des conseils que j'avais la sottise de lui donner, qu'il, recevait avec déférence, qu'il annonçait comme étant très sages et qu'il ne suivait jamais, mais jamais comme je vous le dis,—c'est abominable—je ne le pardonnerai de ma vie".

„Вотъ что я нѣсколько разъ слышалъ отъ гр. Б. всегда сердитымъ образомъ; впрочемъ исторія его военной и политической жизни очень интересна, онъ много видѣлъ и много помнитъ. Я пять дней этихъ провелъ съ большою пріятностью; графиня женщина любезная, и мы вечера проводили весело.

„Государь. А были еще другія женщины—кто былъ?

„Я. Графиня В. съ дочерью и нѣсколько полекъ.

„Государь. Ты былъ влюбленъ?

„Я. Нѣтъ, Государь.—Другимъ былъ занятъ.

„Государь. Каковъ городъ?

„Я. Деревня, какъ всѣ польскіе и русскіе города; изъ Тульчина я поѣхалъ черезъ Могилевъ и Каменецъ въ Хотинъ.

„Государь. Каковъ Каменецъ?

„Я. Городъ изрядный, вымощенъ и есть много каменнаго строенія.

„Государь. Тамъ Бахметьевъ?

„Я. Я его видѣлъ.

„Государь. Что, довольны?

„Я. Должны быть довольны,—онъ человѣкъ весьма честныхъ правилъ и дѣло свое дѣлаетъ какъ должно, но Полякамъ этого мало.

„Государь. А Хотинъ?

Я. Хуже всякой деревни; въ 1812 году умножили укрѣпленія, но сколько я могъ видѣть, крѣпость отъ того не крѣпче—и если когда вздумаютъ Австрійцы его брать, то затрудненій большихъ предстоять имъ не будетъ. Копать землю, или лучше сказать заставлять копать, приноситъ двѣ пользы: деньги и почести; въ Бессарабіи кажется устремились еще болѣе къ первому; я писалъ, Государь, и подтвержу: Гарт... не имущество только отнимаетъ, а сосетъ кровь несчастныхъ жителей,—все на откупу, все имѣетъ цѣну, и исправники обязаны еще болѣе другихъ быть грабителями, платя за мѣста свои отъ 20 т. и до 30 т. рублей. Въ доказательство сколько пагубно правленіе нынѣшнее въ Бессарабіи, я желалъ бы, чтобы Ваше Величество приказали сдѣлать справку: сколько было жителей въ 1812 году при заключеніи мира,—сколько тогда перешло къ намъ Болгаръ и затѣмъ сколько осталось и сколько изъ сихъ послѣднихъ возвратились назадъ, предпочитая тягостное для нихъ турецкое правленіе нашему. Потомъ изслѣдовать пріобрѣтенія, господами чиновниками сдѣланныя, и несоразмѣрное обогащеніе ихъ,—изъ сего числа я не исключаю и губернатора.

„Государь. Я давно о томъ слышалъ; въ Вѣну ко Мнѣ писали, и Я тогда хотѣлъ съ нимъ разстаться, но дѣла были другія; теперь Я хотѣлъ послать Модераха: но онъ боленъ и не можетъ ѣхать; весьма жаль, онъ человѣкъ почтенный.

„Я. Репутація его, Ваше Величество, отмѣнная. Есть человѣкъ, котораго съ пользою употребить можно для устройства колоній—правилъ честныхъ и трудолюбивый,—на нынѣшнемъ же мѣстѣ и съ главнокомандующимъ каковъ Беннигсенъ, онъ кажется не весьма полезенъ.

„Государь. О комъ ты говоришь?

„Я. Объ Инзовѣ.—Онъ слишкомъ добръ для начальника штаба, а съ Болгарами онъ на своемъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что они его знаютъ, любятъ и уважаютъ.

„Государь. Но онъ генералъ хорошій и во время дѣла распорядителенъ; у насъ такихъ имѣется немного.

„Я. Въ мирное время почему не заняться ему гражданской частью? въ военное можетъ возвратиться къ командованію войскъ.

„Государь. И тогда будетъ не тотъ.

„Я. Можно послать Бахметьева, онъ въ сосѣдствѣ.

„Государь. Да, это лучше. Изъ Хотина ты поѣхалъ въ Кишиневъ?

„Я. Въ Сороки, а потомъ въ Кишиневъ.

„Государь. Каковъ городъ?

„Я. Большая, грязная и дурная деревня съ 4-мя или 5-ю каменными домами;—я прожилъ тамъ 3 дня съ двумя архіереями; армянскій—человѣкъ весьма умный и сообщилъ мнѣ много свѣдѣній о Бессарабіи и Туркахъ.

„Государь. Что, они смирны?

„Я. Чрезвычайно;—утверждаютъ тамъ, что они были въ такомъ несчастномъ положеніи въ 1814 и 1815 году, что весьма бы дешево можно было исправить всѣ невыгоды нынѣшней границы, которая по всему для насъ небезопасная—особенно же по чумѣ; она безпрестанно у нашихъ дверей и преграда карантинная не остановитъ ее. Прутъ можно перейти почти во всякое время года;—сношенія Молдаванъ безпрерывныя; степи и камышъ не позволяютъ устроить кордонъ, коимъ бы прекратились опасные жителей переходы. Въ Бессарабіи все есть кромѣ рукъ; со временемъ южная часть будетъ основаніемъ богатства Россіи,—но переселеніе Болгаръ необходимо; между Дунаемъ и Балканами ихъ считаютъ до 500 тыс. семей; безъ войны переходъ ихъ невозможенъ, а при первой войнѣ забыть ихъ не должно.

Государь. Это все хорошо; но войны затѣвать теперь не должно; намъ нуженъ отдыхъ.

„Я. Я того же мнѣнія, Государь, но я сказалъ: въ случаѣ.

„Государь. Да это дѣло другое. Въ крѣпостяхъ ты былъ?

„Я. Во всѣхъ Государь; Измаилъ считается первостатейною и довольно уже въ дурномъ состояніи.—Господа инженеры дѣлаютъ ужасныя смѣты,—хотятъ убавлять одну и прибавить другую и употребить милліонъ;—я думалъ бы, Государь, на предложенія ихъ никакъ не надѣяться; всѣ хотятъ строить, и почти всѣ по одной и той же причинѣ. Я составилъ записку о чиновникахъ въ крѣпостяхъ,—она у князя Волконскаго; также и на счетъ полковъ, которые я видѣлъ и о содержаніи войскъ.

„Государь. Въ какомъ состояніи полки?

„Я. Вообще въ весьма хорошемъ, особенно внутренностью; службу не твердо знаютъ; офицеровъ старыхъ мало. Я принялъ смѣлость представить Вашему Величеству трехъ полковыхъ командировъ, которые заслуживаютъ вниманія; записка о томъ также у князя Волконскаго.

„Государь. Кто командуетъ дивизіею?

„Я. Генералъ Б.... невозможно быть болѣе дѣятельнымъ и болѣе любить службу; онъ во всѣ мелочи входитъ и занимается дивизіею какъ полкомъ.

„Государь. Но командовать ею не долженъ; Я его коротко знаю; онъ въ Финляндіи далъ себя и бригаду свою изрубить по пустому отъ нераспорядительности; онъ храбръ, но чтобы командовать этого мало, я никогда ему не поручу дивизіи; къ тому же онъ нечистъ, въ Молдавіи былъ дежурнымъ генераломъ, потомъ выпросилъ экспедицію за Дунай, чтобы ограбить деревни; это не мой человѣкъ.

„Я. Однако-жъ, Государь...

„Государь. Полно—полно, ты его не знаешь. Какой полкъ расположенъ въ Измаилѣ?

„Я. Камчатскій, въ дивизіи всѣхъ слабѣе; но теперь данъ ему новый начальникъ; перемѣна была нужна; въ Киліи—мингрельскій, который я считаю лучшимъ, имъ командуетъ маіоръ Ер.... офицеръ достойный, строгій и знающій;—жаль что онъ маіоръ.

„Государь. Это поправить можно.

„Я. 2-й баталіонъ его въ отличномъ положеніи, въ запискѣ моей, Ваше Величество о томъ усмотрѣть изволите...

Отзывъ самого Киселева объ исполненіи имъ возложенныхъ на него порученій.

Въ своей автобіографіи Киселевъ говоритъ такъ объ исполненіи даннаго ему порученія: „Остались довольны моимъ выборомъ людей и донесеніями о матеріальномъ и нравственномъ положеніи этой арміи. Во время пребыванія моего въ южной Россіи, Государю угодно было прислать мнѣ съ фельдъегеремъ приказаніе разсмотрѣть жалобы на крымскаго губернатора и представить свой рапортъ прямо къ Нему. Вникнувъ близко въ дѣло, ничего не скрывая и по самому искреннему убѣжденію моей совѣсти я составилъ донесеніе, въ которомъ высказалъ все, что я узналъ и просилъ, чтобы, прежде нежели положиться на мой рапортъ, велѣть разсмотрѣть всѣ представленныя жалобы въ спеціальной коммиссіи, составленной изъ мѣстныхъ лицъ и нѣсколькихъ членовъ, назначенныхъ правительствомъ. Эта коммиссія работала болѣе 2-хъ лѣтъ; результатъ ея работъ мнѣ неизвѣстенъ; но Бороздинъ (губернаторъ) потерялъ мѣсто и Крымъ вздохнулъ“. Государь, чтобы выразить мнѣ свою благодарность, велѣлъ назначить меня въ свою поѣздку въ Москву и Варшаву; далъ Анненскую ленту моему отцу и выказывалъ мнѣ особенную милость“.

Поѣздка Киселева съ Государемъ въ Варшаву.

Поѣздка, предпринятая Государемъ въ августѣ 1816 года, имѣла цѣлью, какъ сказано въ циркулярной нотѣ къ резидентамъ иностранныхъ дворовъ въ Петербургѣ: „обозрѣніе губерній, наиболѣе потерпѣвшихъ отъ войны, и чтобы ускорить своимъ присутствіемъ исполненіе сдѣланныхъ распоряженій“.

Государь выѣхалъ изъ С.-Петербурга 10 августа,—пріѣхалъ въ Москву 15,—откуда выѣхалъ 31-го августа и чрезъ Тулу и Кіевъ пріѣхалъ въ Варшаву 18-го сентября, оставался тамъ до 4-го октября. 13-го октября Государь возвратился въ Царское Село.

Мнѣніе Закревскаго объ отношеніяхъ Поляковъ и Русскихъ.

Ко времени этого путешествія относится одно письмо, 29-го сентября 1816 г., Закревскаго къ Киселеву въ Варшаву, въ которомъ онъ высказываетъ свои мысли объ отно-

шеніяхъ Поляковъ къ Русскимъ. „Видно въ Варшавѣ пріемъ не московскій; тамъ хоть плачущіе бригадиры, но привер-женные; царство же сумазбродное Польское никогда не мо-жетъ Русскихъ любить, чѣмъ хочешь ихъ ласкай. Полекъ не такъ легко надуть какъ Москвитянокъ, которыя и теперь еще въ чаду и мечтаніи. Когда наскучатъ ваши смотры и ученья, отъ которыхъ я самъ не знаю куда дѣваться? Не жалуйся, что тебѣ въ Варшавѣ скучно; можетъ ли сравниться своя ком-панія съ какою-либо польскою“?

Безпорядки во 2-й арміи.

Еще во время военныхъ дѣйствій 1814 и 1815 года, наша армія была раздѣлена на двѣ: 1-я армія подъ начальствомъ Барклай-де-Толли, а 2-я подъ начальствомъ генерала графа Бен-нигсена. По возвращеніи изъ заграницы, 2-я армія была рас-положена въ юго-западныхъ губерніяхъ и Бессарабіи; глав-ная квартира ея находилась въ мѣстечкѣ Тульчинѣ—Подоль-ской губерніи. Вскорѣ въ управленіи этой арміи стали обна-руживаться большіе безпорядки, въ особенности, по интен-дантской части. Къ 1816 году армія была безъ необходи-мыхъ наличныхъ запасовъ хлѣба; суммы ассигнованной для покупки провіанта было недостаточно. Подрядчики обязан-ные поставкою, обанкрутились. — Такое положеніе дѣлъ еще болѣе запутывалось тѣмъ, что нѣкоторымъ подрядчикамъ по-вышали цѣны на хлѣбъ и перевозку, дѣлали льготы и вообще на торгахъ по поставкамъ и подрядамъ отступали отъ поло-жительныхъ указаній закона.

Главный интендантъ Жуковскій.

Чтобы дать надлежащее направленіе интендантскимъ дѣ-ламъ, назначенъ былъ главнымъ интендантомъ 2-й арміи стат-скій совѣтникъ Жуковскій, выбранный самимъ Императоромъ, какъ способнѣйшій чиновникъ по интендантской части въ 1-й арміи.

Естественно, что на Жуковскаго по одному тому, что онъ былъ назначенъ для искорененія злоупотребленій, смотрѣли недоброжелательно всѣ тѣ, которые прямо или косвенно были причастны продовольствію войскъ 2-й арміи; вслѣдствіе чего, препирательства дошли до того, что Жуковскій донесъ въ Пе-тербургъ о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ имъ при исполненіи

своихъ обязанностей, причемъ указывалъ, что такое положеніе создается по винѣ главнокомандующаго арміею графа Беннигсена.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]) на имя князя Волконскаго, Жуковскій, описывая свое положеніе въ арміи и притѣсненія, дѣлаемыя интендантскимъ чиновникамъ, между прочимъ, говоритъ, что въ арміи смотрятъ на него, какъ на вводителя новостей, и что всѣ противъ него. Поэтому онъ проситъ или уволить его, или же поставить въ иное положеніе. „Я пагубе́нъ здѣсь для себя и вреденъ для службы; вреденъ потому, что образъ отношеній ко мнѣ начальства имѣетъ вліяніе на моихъ подчиненныхъ и на весь ходъ дѣлъ интендантскихъ“.

Въ запискѣ же, приложенной къ этому письму, охарактеризовывая значеніе, роль и дѣятельность высшихъ начальниковъ во 2-й арміи и выставляя причины, вслѣдствіе которыхъ интендантство не можетъ быть вѣрнымъ блюстителемъ казеннаго интереса, Жуковскій говоритъ: „когда управленіе арміи въ болѣзненномъ состояніи подобно тѣлу, можно ли исцѣлить, не истребивъ причины болѣзни? Главнокомандующій слабый можетъ ли имѣть повиновеніе, душу порядка? Начальникъ штаба (Рудзевичъ), имѣющій связь родства съ подрядчикомъ [2]), можетъ ли быть равнодушенъ къ дѣламъ подрядческимъ? Генералъ-интендантъ малочиновенъ и бѣденъ, можетъ-ли имѣть приличное званію его уваженіе и содержаніе? Корпусные командиры и проч., подъ слабымъ начальствомъ, могутъ-ли быть въ границахъ порядка? Интендантство безъ шефа у верховнаго правительства можетъ-ли быть вѣрнымъ блюстителемъ правительственнаго интереса?“

Рескриптъ Беннигсену и его письмо Государю.

Вслѣдствіе донесеній Жуковскаго, послѣдовалъ 30-го апрѣля 1817 г. на имя Беннигсена Высочайшій рескриптъ, въ которомъ главнокомандующему повелѣвалось не мѣшать Жуковскому въ его распоряженіяхъ, а напротивъ содѣйствовать ему всѣми средствами.

---

[1]) Отъ 27 мая 1817 года.

[2]) Съ Перетцомъ.

Въ отвѣтъ на этотъ рескриптъ, Беннигсенъ прислалъ Государю письмо [1]), въ которомъ, оправдываясь во взводимыхъ на него Жуковскимъ жалобахъ, заключилъ такъ: „Соблаговолите, Государь, не отказать мнѣ въ милости разслѣдовать съ самою суровою строгостью, что дѣлалось и дѣлается въ настоящее время. Это, можетъ быть, послѣдняя милость, которую я испрашиваю у Вашего Императорскаго Величества. Было-бы горько послѣ 44-хъ-лѣтней службы и на 72-мъ году жизни, слѣдовательно въ концѣ карьеры, еслибъ безъосновательныя донесенія помрачили мою честь. Если Ваше Величество не признаете за лучшее произвести формальное слѣдствіе, то соблаговолите, Государь, оказать милость и назначить кого-либо изъ лицъ, счастливыхъ довѣріемъ Вашего Величества, повелѣвъ ему сдѣлать Вашему Величеству вѣрный и точный докладъ о лжи и правдѣ, заключающихся въ помянутыхъ донесеніяхъ. Я дамъ тому лицу средства углубиться во всѣ розысканія. Это командированіе, смѣю надѣяться, можетъ быть лишь полезно интересамъ Вашего Императорскаго Величества“.

Командированіе Киселева во 2-ю армію; порученія на него возложенныя.

Вслѣдствіе приведеннаго письма престарѣлаго главнокомандующаго, Государь назначилъ командировать въ южную армію Киселева. Объ этомъ Павелъ Дмитріевичъ въ своей автобіографической замѣткѣ пишетъ слѣдующее:

„По возвращеніи въ С.-Петербургъ въ 1817 году, Его Величество имѣлъ поводъ быть недовольнымъ администраціей 2-й арміи, и по просьбѣ главнокомандующаго графа Беннигсена, прислать въ его главную квартиру, для повѣрки всѣхъ дѣлъ интендантства, человѣка, снабженнаго полнымъ Его довѣріемъ, послалъ меня съ приказаніемъ:—изслѣдовать въ точности несогласія, происшедшія между главнокомандующимъ, его начальникомъ штаба и генералъ-интендантомъ арміи, который обвинялъ ихъ въ преступленіяхъ по должности (prévarication) и въ то же время осмотрѣть всѣ войска и передать имъ нововведенія, которыя были приняты послѣ войны не только въ гвардіи, но и въ войскахъ 1-й арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ, по приказанію Его Величества, ко всѣмъ граж-

[1]) 15 мая 1817 г. изъ Тульчина.

данскимъ губернаторамъ южныхъ губерній циркуляры, по которымъ они должны были въ точности исполнять всѣ мои требованія, какія я могъ имъ предъявить во время моего пребыванія на югѣ. Кромѣ того, мнѣ поручено было инспектировать всѣ внутренніе гарнизоны, также какъ и инвалидовъ, всѣ госпитали и военныя школы, которыя встрѣтятся мнѣ по пути. Наконецъ, на словахъ Государь объяснилъ мнѣ, что, имѣя свѣдѣнія о многихъ безпорядкахъ, оказавшихся въ южной арміи и желая исправить зло, Онъ поручаетъ мнѣ все осмотрѣть и во все вникнуть съ самой строгой точностью. Государю угодно было присовокупить лестныя слова о довѣріи, которое Онъ имѣлъ ко мнѣ и которое я пріобрѣлъ, сказалъ Онъ, необычною откровенностью и прямодушіемъ (franchise et loyauté toute particulière).

„Этого было довольно, чтобы поощрить меня къ исполненію порученія весьма труднаго во всѣхъ отношеніяхъ, и послѣдствія котораго могли бы отразиться на Государѣ, избравшемъ меня, на множествѣ лицъ, замѣшанныхъ въ эти дѣла, и въ особенности на мнѣ самомъ.

Новый рескриптъ Беннигсену.

Посылая Киселева, Государь писалъ Беннигсену:

„Снисходя къ желанію, выраженному въ вашемъ письмѣ отъ 15 сего мая, Я приказалъ моему флигель-адъютанту, полковнику Киселеву отправиться въ вашу главную квартиру. Честный и правдивый (probe et véridique) характеръ этого офицера поможетъ вамъ ознакомить Меня съ подробностями, кои вы желаете повергнуть на Мое воззрѣніе чрезъ лицо, честность котораго Мнѣ извѣстна“.

Александръ.

Мая 1817 года.

Способъ исполненія Киселевымъ возложенныхъ на него порученій.

Въ своей автобіографіи Киселевъ говоритъ: „Вникнувъ въ смыслъ моихъ инструкцій и разсмотрѣвъ сообщенныя мнѣ бумаги, я отправился въ путь и 11-го іюля 1817 года пріѣхалъ въ Тульчинъ. Я предположилъ себѣ дѣйствовать неспѣшно и правильно,—и такимъ образомъ въ результатѣ я вполнѣ ознакомился съ поводами къ тѣмъ пререканіемъ, вслѣд-

ствіе которыхъ начальствующія въ арміи лица перессорились между собою и потеряли чрезъ то уваженіе".

Киселеву, по возложенному на него порученію, предстояло раскрыть злоупотребленія, о которыхъ доносилъ Государю и въ которыхъ обвинялись всѣ старшіе строевые начальники арміи, и особенно начальникъ штаба Рудзевичъ, будто бы злоупотреблявшій довѣріемъ и слабостію престарѣлаго главнокомандующаго.

Самыми крупными дѣлами, связанными съ значительными денежными интересами казны, были слѣдующія дѣла по поставкѣ провіанта для продовольствія войскъ: 1) дѣло съ подрядчикомъ Гальперипомъ; 2) дѣло съ подрядчикомъ Перетцемъ; 3) дѣло съ коммиссіонеромъ Горговскимъ и 4) дѣло о торгахъ въ подольской казенной палатѣ.

Занимаясь разборомъ этихъ дѣлъ, Киселевъ въ тоже время производилъ осмотръ войскъ, входилъ въ личныя сношенія съ командующими лицами и вообще вникалъ въ ходъ дѣлъ по управленію арміею.

Въ донесеніяхъ князю Волконскому онъ писалъ, что не только приложитъ всѣ старанія чтобы раскрыть прошлыя злоупотребленія, но еще ревностнѣе займется изысканіями средствъ къ предотвращенію будущихъ, на столько, на сколько это будетъ возможно, для чего необходимо измѣнить какъ способы продовольствія, такъ и самую дизлокацію [1]).

При разсмотрѣніи какъ означенныхъ выше дѣлъ, такъ и порученнаго ему графомъ Беннигсеномъ, по жалобѣ командира 6-го корпуса генералъ-лейтенанта Сабанѣева на дерзкіе, относительно его, поступки Жуковскаго, — Киселевъ ознакомился съ характеромъ, дѣятельностью и взаимными отношеніями главныхъ начальствующихъ лицъ въ арміи и съ положеніемъ Жуковскаго.

Мнѣніе Киселева о Жуковскомъ и Беннигсенѣ.

Вотъ заключеніе Киселева о генералъ-интендантѣ и о самомъ главнокомандующемъ: „Генералъ-интендантъ—человѣкъ замѣчательнаго ума, но вспыльчивый и не слишкомъ разборчивый на способы достиженія безусловной независимости, нашелъ

[1]) Письмо къ кн. Волконскому 15 іюля 1817 г.

случай поймать своихъ противниковъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, въ которыхъ предписанный порядокъ не былъ соблюденъ и настоящій интересъ правительства забытъ". — „Главнокомандующій оправдывался малымъ знаніемъ языка и законовъ русскихъ; подчиненные опирались на одобреніе начальника, и интендантъ торжествовалъ. Но эти успѣхи указывали ему на другіе болѣе прибыльные (lucratifs). Преслѣдуя главную квартиру, онъ въ тоже время заключалъ контракты на поставку продовольствія съ жидами, одинъ изъ которыхъ, обманутый въ своихъ надеждахъ, отмстилъ, представивши Государю доносъ на интенданта, какъ нарушителя закона, и вызвался представить вѣрныя тому доказательства".

Письма Закревскаго, Меншикова и Орлова.

Во время пребыванія своего въ арміи, Киселевъ велъ дѣятельную переписку съ княземъ Волконскимъ и съ друзьями своими: Закревскимъ, А. Ѳ. Орловымъ и кн. Меншиковымъ.

Закревскій писалъ:

29-го іюня 1817 года, Петергофъ.

..."Несмотря ни на кого, дѣлай свое дѣло какъ благородный человѣкъ. Каковъ Жуковскій во всѣхъ отношеніяхъ? Сабанѣевъ всегда честностью отличался и злодѣевъ не любитъ, что ты самъ замѣтить можешь".

26-го іюля 1817 года, Петербургъ.

..."Рапортъ твой читалъ у князя (Волконскаго) и письмо твое мнѣ переводилъ; все читано было сегодня Государю и велѣно оставить до окончанія дѣла. Письмо Беннигсена къ тебѣ престранное и ясно доказывающее, что онъ слабъ и старъ, а правители его симъ пользуются; боюсь чтобы Клети и Старикова не отдали подъ судъ, тогда будетъ дурно, и тронутъ честь старика самолюбиваго. Усматриваю изъ твоихъ писемъ, что и Жуковскій гусь порядочный. Радъ, что познакомился съ Сабанѣевымъ; узнаешь его короче и будешь мнѣнія совсѣмъ противнаго противу прежняго".

Меншиковъ отъ 9-го сентября 1817 г. писалъ изъ Александріи близъ Бѣлой-Церкви: „Укоризны твои болѣе чѣмъ

оскорбительны, почитая меня придворнымъ человѣкомъ и чтящимъ дружбу лишь по счастью. Ты ошибаешься въ своихъ заключеніяхъ и на свой и на мой счетъ: тебѣ не худо, а я не царедворецъ. Ты желаешь, чтобы я предложилъ Петру (Волконскому) написать ласковое слово старику и перенести дѣла Перетца изъ С.-Петербурга къ Сабанѣеву на разсмотрѣніе,—на что отвѣтствую, что случая къ любезной перепискѣ доселѣ не открылось, а отъ дѣла Перетца, какъ и отъ всѣхъ провіантскихъ, отрекаюсь и поставилъ себѣ правиломъ по симъ предметамъ безъ всякаго умствованія исполнять лишь приказанное. Царемъ твои дѣянія, какъ кажется, доселѣ принимаются за извѣстное безъ всякаго заключенія. Орловъ въ разговорѣ предупредилъ Его, что ты себѣ надѣлалъ много враговъ, чтó и правда. На твой счетъ распускаютъ:

1) что ты разглашалъ, что Розену не даютъ дивизіи, потому что онъ фуражный воръ;

2) что ты надмененъ и чванишься;

3) при осмотрѣ Васильчикова бригады зазнался неприлично въ присутствіи Беннигсена;

4) что Беннигсенша везетъ отъ Татищевой [1]) рекомендаціи для смягченія твоей аккуратности.

Твоя осанка и запальчивость вѣроятно подали поводъ къ этимъ слухамъ и изображенію другихъ. Прошу остерегаться. Римскіе нравы не для нашего вѣка. Хотя пилюли глотаютъ и нынѣ, но съ позолотою. Правило, которое ты недовольно соблюдаешь при подчиваніи".

Въ тоже время, именно 10-го сентября 1817 года, изъ Бѣлой Церкви А. Ѳ. Орловъ писалъ Павлу Дмитріевичу слѣдующее:

„...Волконскій тебя сердечно любитъ; твоими дѣйствіями довольны; въ заключеніе я сообщу тебѣ новость, которая поощритъ тебя въ твоихъ занятіяхъ; постараюсь передать ее сколь возможное точнѣе. Государь обращается со мною съ благосклонностью, которой я конечно не заслужилъ; вчера Онъ

---

[1]) Намекъ на какую-то любовную интригу.

пилъ чай у графини [1]) и, возвратившись къ Себѣ, призвалъ меня, говорилъ со мною долго о войскахъ, которыя мы смотрѣли утромъ; воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, я сказалъ Ему, что получилъ отъ тебя письмо, въ которомъ ты не надѣешься воспользоваться дозволеніемъ Его Величества представиться Ему во время Его путешествія; что ты уѣзжаешь для осмотра 6-го корпуса; я прибавилъ: Вы, Государь, возложили на Киселева тяжкое порученіе; оно причиняетъ ему много непріятностей, но онъ утѣшается видя уже отъ своихъ занятій нѣкоторые успѣхи для службы Вашему Величеству. Государь казалось этимъ огорчился и сказалъ: *кто ему дѣлаетъ непріятности, не генералъ ли?* Я отвѣчалъ: что ты напротивъ находишься въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ старикомъ; своею откровенностію и своими поступками, ты пріобрѣлъ полную его довѣренность, но открывая виновныхъ, невозможно не встрѣтить недовольныхъ. *Поклонись ему отъ Меня; увѣрь его въ Моей дружбѣ и главное въ Моемъ довѣріи,—Киселевъ добрый малый* (brave garçon); *это человѣкъ, который предпочитаетъ интересы ему ввѣренные непріятностямъ имъ получаемымъ; онъ держитъ себя выше ихъ, онъ прежде всего преданъ своему дому; и онъ правъ, — и вотъ, прибавилъ Онъ, какъ надо поступать.* На это я выразилъ Государю мою благодарность; Онъ меня обнялъ и мы разстались. Ты не будешь, любезный другъ, сердиться за эту небольшую услугу, оказанную тебѣ безъ твоего позволенія, единственно изъ дружбы и уваженія, которыя я къ тебѣ питаю. Я тебя прошу только объ одномъ: что́ бы ни случилось— увѣдомь меня, чтобы я могъ отвѣчать если меня спросятъ; будь спокоенъ—я не сдѣлаю промаха...“

Вотъ другое его письмо изъ Москвы отъ 8-го ноября 1817 г.: „Мое письмо будетъ коротко, я даже не хотѣлъ совсѣмъ писать къ тебѣ, любезный другъ, въ виду скораго твоего пріѣзда. Но твое письмо, которое князь Петръ мнѣ показалъ, перемѣнило мое намѣреніе. Желаніе твое выразить свою благодарность Государю, отчасти уже исполнено мною,

[1]) Браницкой.

и вотъ какъ это случилось: въ день нашего производства [1]), Государь призвалъ меня къ Себѣ и я тутъ выразилъ Ему нашу благодарность за наше повышеніе и главное за Его милость оставить насъ при Себѣ. Онъ меня обнялъ и сказалъ: „Я не могъ сдѣлать всего разомъ; вы оба будете какъ Потоцкій и Меншиковъ,—надо имѣть терпѣніе; если ты будешь писать своему другу, поклонись ему отъ Меня; имѣешь ли ты отъ него извѣстіе?“—На этотъ вопросъ я разсказалъ ему о твоемъ письмѣ, объ окончаніи осмотра тобою арміи, о добромъ расположеніи, которое ты встрѣтилъ въ большой части командировъ, и о твоей надеждѣ, что Его Величество не будетъ недоволенъ. Вотъ, любезный другъ, что я сдѣлалъ, и надѣюсь, что это не будетъ противно твоимъ желаніямъ. Твои родные здоровы; Государь былъ милостивъ къ твоему отцу, и очень къ нему расположенъ; зная твое сердце и привязанность къ твоему почтенному старику, я не могъ не сообщить тебѣ объ этомъ; какое извѣстіе и какая награда можетъ быть пріятнѣе для такого почтительнаго сына какъ ты...“

По окончаніи разслѣдованія, главнокомандующій письмомъ благодарилъ Государя за командированіе Киселева, честность и благородные поступки котораго во все время пребыванія въ арміи, по словамъ Беннигсена, „служатъ вѣрнымъ ручательствомъ, что самая истинная правда о всемъ здѣсь имъ слышанномъ и испытанномъ дойдетъ до свѣдѣнія Вашего Величества“. Письмо Государю Беннигсена о Киселевѣ.

О всѣхъ дѣйствіяхъ по разслѣдованію безпорядковъ во 2-й арміи Киселевъ, въ своей краткой автобіографіи, пишетъ: Отчетъ Киселева о его дѣйствіяхъ.

„При исполненіи возложеннаго на меня порученія, видя что зло было сдѣлано и что всякое писаніе не принесетъ никакой пользы правительству, развѣ только лучше ознакомить съ личностями, которымъ была поручена власть, я, дѣлая розысканія, въ тоже время старался возбудить въ начальствующихъ лицахъ возможное съ ихъ стороны стремленіе къ охраненію интересовъ казны.

---

[1]) А. Ѳ. Орловъ и П. Д. Киселевъ произведены въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять при Его Императорскомъ Величествѣ, 6-го октября 1817 г.

„Я считалъ это дѣломъ чести (point d'honneur) и достигъ того, что цѣны на муку уменьшились въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, и только для одного корпуса сбережено 250 т. рублей, сумма огромная, которую я спасъ отъ жадности безчисленнаго множества пьявокъ; онѣ мнѣ этого никогда непростятъ. Я обязанъ былъ этимъ единственно полковымъ командирамъ, потому что всѣ другіе противодѣйствовали сколько могли въ этомъ дѣлѣ, которое раскрывало прошедшее и должно имѣть вліяніе на будущее. Но наконецъ дѣло было сдѣлано и я былъ доволенъ успѣхомъ, который обѣщалъ мнѣ еще и другіе. Занимаясь экономическими интересами арміи, я исполнялъ и свои другія обязанности. Я инспектировалъ полки и къ большому сожалѣнію видѣлъ насколько эта армія, отдаленная отъ центра высшей администраціи, отстала и сколько злоупотребленій вкралось и поддерживалось какъ законное дѣло. Не желая съ одной стороны обманывать своего Государя, который выказалъ мнѣ такъ много довѣрія, а съ другой стороны не считая нужнымъ, для пользы дѣла, выказывать слишкомъ большую строгость и разглашать о состояніи этой арміи,—я поставилъ себѣ въ обязанностъ оставаться среди нея насколько было необходимо для того, чтобы дать полный толчекъ, возбудить ревность и желаніе дѣлать добро въ большей части полковыхъ командировъ, которыми я не могъ нахвалиться. Я возвращался инспектировать полки по два и по три раза, чтобы составить свое донесеніе въ то уже время, когда улучшенія становились ощутительными и могли обѣщать впослѣдствіи другія, болѣе положительныя. Этотъ способъ доставилъ мнѣ не только дружбу всѣхъ, которые искренно желали добра, но и счастье не сдѣлать ни одного человѣка несчастнымъ".

„Исполнивъ свое порученіе, т.-е. выяснивъ вполнѣ всѣ доносы, дошедшіе до Государя противъ главной квартиры и хозяйственной части арміи,—увидѣвъ вблизи положеніе всѣхъ полковъ и сообщивъ имъ желаемыя улучшенія,—выставивъ начальникамъ на видъ всѣ безпорядки, которые мнѣ удалось раскрыть, и которые были не чужды многимъ изъ нихъ, на-

конецъ приготовивъ свои подробныя донесенія о состояніи всѣхъ частей администраціи и о всѣхъ порученныхъ мнѣ дѣлахъ, я отправился въ Москву, гдѣ представился Его Величеству 6-го декабря 1817 года. Я былъ принятъ Государемъ со всевозможною благосклонностію и на другой день работалъ съ Нимъ 5-ть часовъ; въ это время, кромѣ пересмотра моихъ донесеній, я счелъ долгомъ, по желанію Его Величества, представить Ему:

„1) Что жалобы генералъ-интенданта на военныхъ начальниковъ къ несчастью отчасти справедливы, и что надо принять въ уваженіе оправданія, представленныя начальниками и подчиненными; что генералъ Беннигсенъ не имѣлъ должнаго понятія о постановленіяхъ и принятыхъ формальностяхъ въ подобныхъ случаяхъ и, приказавъ или принявъ мѣры ложныя или незаконныя, онъ одинъ и долженъ былъ нести отвѣтственность; но что, съ другой стороны, занимаемый имъ постъ, его долгая служба и преклонныя лѣта не позволяютъ строго поступить съ нимъ. Что же касается до генералъ-интенданта, то въ виду того, что онъ нападалъ на начальниковъ съ такой силой и относился къ нимъ такъ неумѣренно, можно было бы заключить, что его честность не могла подвергнуться сомнѣнію и что онъ весь преданъ общему благу. Но съ другой стороны между бумагами, приложенными къ слѣдствію, нашлось болѣе одной, заставившей подозрѣвать, что усердіе, выказанное имъ при защитѣ интересовъ Его Величества, имѣло цѣлью лишь удаленіе всѣхъ постороннихъ вліяній въ сдѣлкахъ, которыя онъ имѣлъ съ подрядчиками; вражда существующая между нимъ и начальникомъ штаба можетъ дать способъ удостовѣриться насколько это подозрѣніе основательно. Человѣкъ этотъ можетъ оставаться на своемъ посту, но надо присматривать за нимъ близко. О генералѣ Рудзевичѣ мнѣ оставалось сказать, что пользуясь военною репутаціею, весьма извѣстною, онъ, быть можетъ, не придавалъ этому дѣлу особой важности и что по существующимъ установленіямъ, его вліяніе на хозяйственныя дѣла арміи весьма косвенно.

„2) Относительно арміи я долженъ былъ сознаться, что

она отстала во всѣхъ отношеніяхъ; что отдаленіе, въ которомъ она находилась отъ столицы, не пріучило ее къ военной выдержкѣ, которой достигли остальные корпуса русской арміи, что штабы не были организованы и что эта армія, занимая нѣсколько лѣтъ покоренныя провинціи, привыкла къ нѣкоторымъ отступленіямъ отъ общаго порядка, которыхъ нельзя терпѣть въ собственной странѣ. Я прибавилъ, что усердіе и доброе расположеніе большинства этой арміи ручались за успѣхъ, который она не перестанетъ дѣлать во всѣхъ возможныхъ улучшеніяхъ и несомнѣнно, что въ настоящее время, узнавъ о желаніи Его Величества, она будетъ выполнять ихъ во всей обширности со всевозможною дѣятельностію. Что же касается до нѣкоторыхъ нарушеній дисциплины, на которыя Его Величество указалъ мнѣ и малой твердости во всемъ ходѣ командованія и военной администраціи,—то я долженъ былъ сознаться, что лѣта главнокомандующаго и слишкомъ большая мягкость его характера, не обѣщали въ этомъ отношеніи существенныхъ улучшеній. Отдѣльно почти всѣ чины штаба работали усердно и дѣятельно, но нельзя надѣятся, чтобы слабый авторитетъ главнокомандующаго могъ вселить въ армію то положительное стремленіе къ улучшеніямъ, присущее только твердой волѣ и силѣ, которые, если бы онъ ихъ когда-либо и имѣлъ,—съ годами слабѣютъ все болѣе и болѣе. Наконецъ я доложилъ Его Величеству, что генералъ Беннигсенъ въ интимномъ со мною разговорѣ, нѣсколько разъ выражалъ желаніе удалиться отъ службы, лишь бы ему оставили его содержаніе по должности главнокомандующаго, и что, по моему мнѣнію, это желаніе стараго генерала было и справедливо само по себѣ и выгодно для пользы службы.

„Государь одобрилъ мою мысль и приказалъ мнѣ дать понять Беннигсену, что желаніе его можетъ осуществиться послѣ осмотра арміи, который Его Величество намѣревался произвести весною слѣдующаго года.

„Послѣ этого доклада я имѣлъ счастіе исходатайствовать для нѣкоторыхъ офицеровъ и чиновниковъ 2-й арміи нѣсколько наградъ и имѣлъ еще большее счастіе обратить представлен-

ными мною рапортами вниманіе властей на инвалидовъ и военныя школы.

„Шесть дней спустя послѣ 12-го декабря, Его Величеству угодно было выразить мнѣ Свою благодарность пожалованіемъ моей сестрѣ шифра; я не ожидалъ и не просилъ этой милости и она составила мою награду. Два мѣсяца ранѣе я былъ произведенъ въ генералъ-маіоры вмѣстѣ съ моими другими товарищами, которые никогда не были употреблены въ дѣло и которыхъ нельзя было подвинуть впередъ, не включивъ и меня въ ихъ число“.

Киселевъ, при исполненіи порученій на него возложенныхъ, смотрѣлъ не столько на прошедшее, сколько на будущее, и поэтому не предлагалъ отъ себя крутыхъ мѣръ, а должное наказаніе виновнымъ предоставлялъ опредѣлить суду. Но тѣмъ не менѣе онъ не могъ избѣжать вражды, тайной и явной. Это его огорчало, какъ видно изъ слѣдующаго письма Дениса Давыдова отъ 12-го августа 1818 года изъ Кременчуга: „Ты сожалѣешь о добрѣ, которое сдѣлалъ, видя столько неблагодарныхъ; это минутная досада, а не постоянное чувство. Къ тому же, сколько я могу знать, тебѣ столько благодарныхъ, и столько почитающихъ тебя въ нашемъ корпусѣ, что весело слушать. По прочтеніи письма твоего я при нѣкоторыхъ генералахъ, полковыхъ командирахъ и офицерахъ нарочно сталъ говорить о неблагодарности вообще и потомъ привелъ тебя въ примѣръ; всѣ однимъ голосомъ отъ Принца Андрея и Засядки до послѣдняго офицера возстали на меня и просили меня увѣрить тебя, что *ты заслужилъ въ корпусѣ нашемъ вѣчную и совершенную благодарность, и что одни подлецы могутъ быть противъ тебя; вотъ слова ихъ;* ты можешь вообразить съ какимъ удовольствіемъ я исполняю это порученіе. Къ тому же увѣряю тебя, что это истинное общее о тебѣ мнѣніе и что исключая Вас. (?), который въ душѣ (если ее имѣетъ) скрываетъ къ тебѣ злобу, Беннигсена (который долженъ бы вымѣнить [1]) твой образъ, но который тебя ругаетъ, и, можетъ быть, двухъ или трехъ скрытныхъ вра-

Огорченіе Киселева; письмо къ нему Д. Давыдова.

[1]) Купить.

говъ,—всѣ прочіе, вѣрь моей чести, всѣ тобой не могутъ нахвалиться“.

Киселевъ, пользуясь правомъ, которое было предоставлено ему Государемъ относительно инспектированія внутреннихъ гарнизоновъ, инвалидовъ, госпиталей и военныхъ школъ, внимательно изучилъ положеніе осмотрѣнныхъ частей и учрежденій, причемъ, кромѣ отчета о результатахъ осмотра, онъ представилъ цѣлый рядъ соображеній и проэктовъ. Укажемъ на главнѣйшіе.

Предположеніе объ учрежденіи при пѣхотныхъ корпусахъ военныхъ училищъ и кадетскихъ ротъ.

Объѣзжая малонаселенныя губерніи Новороссійскаго края, Киселевъ убѣдился, что большое число помѣщиковъ и вообще чиновниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, съ одной стороны по бѣдности своей, съ другой по недостатку учебныхъ заведеній были лишены способовъ дать дѣтямъ какое-либо воспитаніе. Многіе отцы прямо относились съ просьбами своими къ Киселеву помочь имъ. Такое положеніе дѣла навело его на мысль объ учрежденіи при пѣхотныхъ корпусахъ военныхъ училищъ и кадетскихъ ротъ, для воспитанія сиротъ и дѣтей бѣдныхъ офицеровъ и чиновниковъ. По совѣщаніи съ генераломъ Сабанѣевымъ, мысли котораго по этому предмету были сходны съ его взглядомъ, Киселевъ составилъ проэктъ о помянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ, требовавшихъ, по его соображеніямъ, лишь незначительныхъ издержекъ. Представивъ этотъ проэктъ князю Волконскому, онъ просилъ довести о немъ до свѣдѣнія Государя.

Предположеніе о раздачѣ казенныхъ земель въ Крыму.

При посѣщеніи Таврической губерніи Киселевъ убѣдился, что много земель, прежде принадлежавшихъ ханамъ, а затѣмъ, по завоеваніи Крыма, перешедшихъ въ собственность казны, незаконнымъ образомъ распродано чиновникамъ этой губерніи и другимъ алчнымъ скупщикамъ земли, которые большею частію, по неимѣнію способовъ, не могутъ ни заселить ее, ни завести порядочное хозяйство.

Заселеніе этихъ мѣстностей переселенцами изъ внутреннихъ губерній, по мнѣнію Киселева, могло повліять на уменьшеніе населенія въ этихъ послѣднихъ, и потому онъ полагалъ болѣе удобнымъ предоставлять казенныя земли выходцамъ изъ

славянскихъ земель, подвластныхъ туркамъ, а еще лучше назначить подъ поселеніе отставныхъ солдатъ и въ награду заслуженнымъ офицерамъ и чиновникамъ.

Приведенныя предположенія были высказаны Киселевымъ въ общихъ чертахъ, а потому, не имѣя въ виду практическихъ подробностей, которыя собственно въ такомъ живомъ дѣлѣ и составляютъ сущность, трудно судить о результатахъ, къ какимъ привело бы осуществленіе мыслей Киселева. Если же исключить возможность устройства поселеній изъ инвалидовъ по образцу аракчеевскихъ военныхъ поселеній, къ которымъ Павелъ Дмитріевичъ относился весьма несочувственно, то нельзя не замѣтить, что проэктированныя имъ мѣры имѣли большое сходство съ тѣмъ, что въ послѣднее двадцатилѣтіе осуществлено на Кавказѣ и отчасти въ Туркестанѣ.

Предположеніе объ устройствѣ иностранныхъ колонистовъ въ Крыму.

Кромѣ частнаго вопроса о болѣе полезномъ употребленіи казенныхъ земель Таврической губерніи, Киселева занималъ и общій вопросъ о колонизаціи южныхъ губерній, или точнѣе объ устройствѣ водворявшихся тамъ иностранныхъ поселенцевъ. Вызванные передъ тѣмъ изъ Турціи Болгары приходили въ Бессарабію, занимали тамъ своевольно земли казенныя и помѣщичьи,—что̀ подавало поводъ къ обоюднымъ жалобамъ, къ насиліямъ съ той и другой стороны, къ притѣсненіямъ со стороны мѣстныхъ властей и наконецъ къ возвращенію многихъ семействъ обратно въ Турцію. Въ тоже время бродили по Новороссійскому краю неустроившіеся виртембергскіе переселенцы; составленная объ устройствѣ ихъ записка посланнаго на мѣсто чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ Корсакова была передана Киселеву. Корсаковъ главнымъ средствомъ къ водворенію виртембергскихъ колонистовъ считалъ выдачу на каждое семейство по 500 р. Киселевъ находилъ такой способъ раззорительнымъ для казны и не обезпечивающимъ успѣха колонизаціи; онъ считалъ необходимымъ постановить за правило давать земли тѣмъ только изъ переселенцевъ, которые на обработываніе ихъ употребить могутъ капиталы, съ собою принесенные. Вообще же, для успѣшнаго водворенія

колонистовъ, Киселевъ считалъ прежде всего необходимымъ устройство надъ ними попечительства. „Находясь въ южномъ краѣ, говорилъ Киселевъ, я убѣдился, что защита, данная колонистамъ противъ грабительства, коему они подвержены, будетъ болѣе споспѣшествовать благосостоянію ихъ, чѣмъ денежныя пособія, которыми правительство въ ихъ пользу располагать можетъ; и потому отъ выбора попечительства зависитъ желаемый успѣхъ во всѣхъ отношеніяхъ".

Составленная на этихъ основаніяхъ Киселевымъ записка, по Высочайшему повелѣнію, была передана на разсмотрѣніе особаго комитета изъ графа Аракчеева, гр. Нессельроде и Киселева; — она вошла съ незначительными измѣненіями въ мнѣніе комитета, на основаніи котораго 22 марта 1818 года было Высочайше утверждено „Положеніе о попечительномъ комитетѣ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края"; предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ генералъ Инзовъ, на котораго Киселевъ указывалъ Государю еще въ 1816 году.

Новая командировка Киселева во 2-ю армію.

Представивъ отчеты по разслѣдованію безпорядковъ во 2-й арміи и вообще о результатахъ командировки на югъ Россіи, Киселевъ тогда же получилъ новое порученіе—приготовить войска 2-й арміи къ Высочайшему смотру, предполагавшемуся во время объѣзда Государемъ южныхъ губерній, куда Его Величество намѣренъ былъ отправиться изъ Варшавы.— Такимъ образомъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1818 года, прямо изъ Москвы, Киселевъ опять возвратился въ Тульчинъ, взявъ съ собою полковника Адамова, изъ гвардейскихъ гренадеръ, и двухъ унтеръ-офицеровъ съ музыкантомъ для передачи войскамъ всѣхъ правилъ и порядковъ, принятыхъ въ гвардіи.

Какъ ни кажется страннымъ назначеніе Киселева (не занимавшагося съ 1814 года фронтовою частію) для ознакомленія войскъ 2-й арміи съ требованіями вновь вышедшихъ тогда уставовъ, (изъ которыхъ пѣхотный и артиллерійскій ему, какъ кавалерійскому офицеру, были вообще весьма мало знакомы),—но выборъ Государя имѣлъ свои основанія; Ему видимо хотѣлось найти 2-ю армію вообще въ хорошемъ состояніи, а для этого надо было послать туда человѣка, близко

знакомаго со всѣми слабыми ея сторонами, который, зная хорошо начальствующихъ лицъ, безъ особаго полномочія, обиднаго для старшихъ, съумѣлъ бы устроить все къ лучшему.

Выказанное Киселевымъ, при первой командировкѣ во 2-ю армію, умѣнье такъ распутать узелъ самыхъ тонкихъ интригъ, чтобы все осталось цѣлымъ, несмотря на то, что на каждомъ шагу можно было возбудить скандальную исторію, не могло не нравиться Государю, искавшему правды, но вмѣстѣ съ тѣмъ желавшему щадить самолюбіе своихъ недавнихъ сподвижниковъ, во главѣ которыхъ Онъ прошелъ Европу.

21-го февраля 1818 года Государь выѣхалъ изъ Москвы въ Варшаву, куда прибылъ 1-го марта, и 15-го марта торжественно открылъ сеймъ.

18-го апрѣля Государь отправился изъ Варшавы чрезъ Пулаву и Люблинъ на югъ Россіи.

Заботы Киселева о приготовленіи арміи къ смотру; успѣхъ смотра; письма къ Закревскому.

Съ начала весны Киселевъ уже былъ во 2-й арміи и занимался приготовленіями ея къ Высочайшему смотру, успѣхъ котораго его столько озабочивалъ... Вотъ что онъ писалъ Закревскому изъ Тирасполя, 11-го апрѣля:

„...Корпусъ собирается, и завтра нѣсколькимъ полкамъ мы дѣлаемъ репетицію смотра и маневровъ; чѣмъ ближе подходишь къ развязкѣ, тѣмъ болѣе боюсь за успѣхъ; совершенство гвардіи, къ которому мы привыкли, тревожитъ меня. На 7-й корпусъ я болѣе считаю; аммуниція вездѣ въ отмѣнномъ положеніи, но ученьемъ хвастаться нельзя особенно; здѣсь провозглашенное мнѣніе, что непріятеля и безъ того бить можно, губитъ насъ.—Но со всѣмъ тѣмъ, армія по внутренности въ хорошемъ и щегольскомъ устройствѣ; издержки сдѣланы ужасныя, и всѣ части (кромѣ учебной) дѣйствительно въ порядкѣ; увидимъ, что будетъ.—Князь Горчаковъ ожидаетъ окончанія смотра и хочетъ проситься въ отставку; старикъ Бенигсенъ тоже; но огорченные сіи герои отъ улыбки, отъ ласковаго слова всѣ намѣренія оставятъ; послѣднему, кажется, сихъ словъ не дождаться, чего я отъ него и не скрываю".

Опасенія Киселева на счетъ успѣха смотра были напрасны: 30-го апрѣля изъ Старо-константинова онъ писалъ Закревскому:

„Мы одержали побѣду, которую усмотришь, любезный другъ, изъ приказа и бумагъ къ тебѣ отправляющихся. — Царь всѣмъ былъ доволенъ, кромѣ трехъ полковъ".

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ [1]) онъ пишетъ:

„Наконецъ, экспедиція моя совершенно кончилась и совершенно благополучно; не могъ ожидать того, что случилось; всѣ безъ изъятія довольны; Государь увѣрился, что донесенія мои были сходны съ истиной, армія же, что пребываніе мое здѣсь для выгодъ ея было необходимо. — По приказамъ увидишь, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, сколько милостей ознаменовали сраженія при Старо-константиновѣ и Тирасполѣ.—Старикъ отпущенъ и благословляетъ имя Государя; все для всѣхъ исполнено и (*Толь*) *въ предметѣ*. Витгенштейнъ назначается главнокомандующимъ; Сабанѣева дѣло исправлено; Горчакову обѣщано и бѣднякамъ многимъ сдѣлано добро. Со мною милостивъ до чрезмѣрности, и потому я ѣду нынѣ къ королю прусскому; по пріѣздѣ въ Москву буду совѣтоваться съ Храповицкимъ, но со всѣмъ тѣмъ я могу поступить въ число *надутыхъ;* по крайней мѣрѣ употребилъ время ко мнѣ милостивое на пользу многихъ и, кажется, выѣзжая отсюда, оставляю людей ко мнѣ благосклонныхъ.... Прощай; ѣду хлопотать о пустомъ и бѣднѣйшемъ Ланжеронѣ"... Въ бытность Государя въ Одессѣ, на пути въ Крымъ, послѣдовалъ Высочайшій приказъ объ увольненіи Беннигсена, по разстроенному здоровью, отъ командованія 2-ю арміею съ сохраненіемъ содержанія [2]). Такимъ образомъ, желаніе престарѣлаго главнокомандующаго, которое было передано Киселевымъ Государю въ Москвѣ, исполнилось съ соблюденіемъ возможнаго приличія. — Вмѣсто Бенигсена назначенъ былъ главнокомандующимъ генералъ отъ кавалеріи графъ Витгенштейнъ.

Проѣхавъ чрезъ Симферополь, Маріуполь, Новочеркаскъ, Воронежъ и Рязань, Государь прибылъ въ Москву 1-го іюня, гдѣ въ то время ожидали короля прусскаго.

---

[1]) Отъ 4-го мая изъ Старо-константинова.

[2]) Высочайшій приказъ 2-го мая 1818 года.

Киселевъ въ началѣ мая отправился по новому своему порученію на встрѣчу высокому гостю. Сохранилась слѣдующая собственноручная записка Киселева о поѣздкѣ его вмѣстѣ съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ изъ Торна въ Кенигсбергъ.

Командировка Киселева на встрѣчу Прусскаго короля.

„Я пріѣхалъ въ Торнъ 18 (30) мая и съ трудомъ нашелъ себѣ квартиру; городъ былъ переполненъ народомъ, явившимся изъ окрестностей, чтобы видѣть короля. Три польскія семейства занимали почти всю гостинницу, и мнѣ отвели родъ чердака, который я принялъ, какъ даръ Провидѣнія. Нѣкто г. Гейдекенъ, бывшій полковникъ не знаю какого полка, посѣтилъ меня и обнималъ, какъ стараго и хорошаго знакомаго. Я его не зналъ, но онъ объявилъ мнѣ, что пріѣхалъ изъ Ливорно, гдѣ былъ консуломъ, ѣдетъ въ Данцигъ и предложилъ мнѣ свои услуги на время моего пребыванія въ Торнѣ. Я воспользовался предложеніемъ и остался очень доволенъ, такъ какъ при незнаніи мною нѣмецкаго языка мое положеніе было довольно затруднительно.

Журналъ этой поѣздки.

„Король пріѣхалъ на другой день [19 (31) мая] въ 6-ть часовъ. Крики „ура“ меня объ этомъ извѣстили. Я надѣлъ свой парадный мундиръ и отправился къ королю, какъ посланникъ. Дежурный адъютантъ доложилъ обо мнѣ, и двери тотъ-часъ же отворились. Хорошо быть русскимъ генераломъ и посланникомъ Государя; я замѣтилъ это, входя и особенно выходя отъ его прусскаго величества, который осыпалъ меня вѣжливостями, такъ же какъ и окружающіе его, подражавшіе весьма искусно своему повелителю. Я отправился спать въ ожиданіи парада, назначеннаго на утро въ 9-ть часовъ. Сегодня (20-го мая) Богъ на сторонѣ земледѣльцевъ: дождь, выводящій изъ терпѣнья, по словамъ господъ любителей парадовъ, лилъ ливмя. За неимѣніемъ экипажа я остался дома до 2-хъ часовъ.

„Одинъ польскій вельможа, извѣщенный пріятелемъ моимъ Гейдекеномъ о моемъ затруднительномъ положеніи, предложилъ мнѣ весьма любезно свою коляску; я принялъ и отправился отдать визитъ президенту провинціи Шёну и гене-

ралу, командующему дивизіей. Онъ принялъ меня, и мы говорили о смерти маршала Барклая, постигшей его въ Инстербургѣ, недалеко отъ Кенигсберга. Отъ него я отправился къ королю. Пріемная уже была переполнена. Я былъ представленъ генералу Рауху, инспектору крѣпостей, также какъ и генералу Блюменштейну, командиру артиллерійской бригады. Минуту спустя вышелъ король; сейчасъ же обратился къ г. де-Брей (Bray), ближе стоявшему, потомъ къ Гейдекену и подошелъ ко мнѣ... Здоровье Императора было предметомъ нашего разговора. Пріемъ продолжался недолго. Садясь за столъ, дежурный адъютантъ маіоръ Малаховскій подошелъ ко мнѣ и шепнулъ на ухо, чтобы я сѣлъ противъ короля. Я сѣлъ съ боку, желая уступить это отличіе старику баварскому посланнику; но по знаку короля маіоръ вернулся и, по порученію его величества, сказалъ мнѣ, чтобы я сѣлъ на назначенное мѣсто; я повиновался, подумавъ еще разъ, что выгодно быть русскимъ генераломъ и посланникомъ Императора. Разговоръ едва поддерживался. Къ концу обѣда подали шампанское и три раза наполняли бокалы. Мой vis-á-vis никому не уступалъ, и говорю это здѣсь какъ про обстоятельство хотя и удивившее меня, но и доставившее удовольствіе: эта безцеремонность, которая доказываетъ, можетъ быть, болѣе нежели все прочее, прямоту его характера. Съ послѣднимъ бокаломъ встали изъ-за стола, и король удалился, объявивъ смотръ въ 6-ть часовъ. Малаховскій подошелъ ко мнѣ передать предложеніе короля, чтобы я ѣхалъ тоже въ Кенигсбергъ, предоставляя на мой выборъ: ѣхать прямо или слѣдовать за нимъ небольшими переѣздами. Послѣднее было для меня удобнѣе, такъ какъ я нуждался въ отдыхѣ, что́ прямо и высказалъ. Въ 6-ть часовъ мнѣ доложили, что король приглашаетъ меня. Я отправился на площадь, гдѣ находились 3 батальона пѣхоты, 3 эскадрона кавалеріи и 4 пушки; 33-й линейный батальонъ въ отличномъ состояніи, ландверный батальонъ, какъ таковой, прекрасенъ. Гарнизонный батальонъ такой же силы, какъ и первый, составленъ изъ ветерановъ и рекрутъ; такой составъ кажется мнѣ весьма полезнымъ для

нравственности молодыхъ солдатъ... Пропуская мимо себя войска, король мнѣ сказалъ: *„они пройдутъ мимо насъ три раза; это для того, чтобы продлить удовольствіе“*. Наивность, вырвавшаяся у него, я думаю, противъ воли, но которая даетъ понятіе о его характерѣ прямодушномъ и открытомъ. Во все продолженіе этого удовольствія онъ разговаривалъ со мною. Это до крайности не нравилось патріотамъ Пруссакамъ, и правду сказать, я думаю, они отчасти правы. Едва пересталъ барабанный бой, какъ надо было подумать о городскомъ балѣ, даваемомъ королю въ 8-мь часовъ. Уже всѣ собрались; мой вчерашній пріятель заѣхалъ за мной. Въ залѣ, вымощенномъ камнемъ, я увидѣлъ до пятидесяти дамъ, болѣе или менѣе некрасивыхъ и весьма дурно одѣтыхъ. Что же касается до мужчинъ, т.-е. офицеровъ гарнизона, то я ничего не видѣлъ уморительнѣе! Наряды, манеры, выговоръ, все невыразимо жеманно; это—пародія или скорѣе плохая каррикатура всего того, что видишь въ свѣтѣ. Застѣнчивость короля превосходитъ всякую вѣроятность. Протанцовавъ нѣсколько польскихъ, онъ скрылся въ толпѣ, и болѣе его не видѣли. Войдя, онъ спросилъ меня: „много ли баловъ принимаетъ Государь, путешествуя?“ „Какъ можно менѣе, ваше величество, и всего на одинъ часъ“! Онъ улыбнулся отъ удовольствія и сказалъ мнѣ:—„Я дѣлаю точно также и въ восторгѣ, что и вашъ Государь такъ дѣлаетъ. Для меня балъ несчастье; я на другой день боленъ“... Наслѣдный принцъ оставался до ужина; я былъ возлѣ него и въ теченіе двухъ часовъ разговора замѣтилъ въ немъ рѣшительную склонность къ насмѣшкѣ, удерживаемую лишь боязнію скомпрометировать себя. На другой день я долженъ былъ обѣдать съ королемъ въ Грауденцѣ;—пески и плохія лошади рѣшили иначе. Я ночевалъ въ Маріенвердерѣ у одного адвоката, домъ котораго показался мнѣ прелестнымъ. Опрятность и видъ довольствія, царствовавшіе въ немъ, заставили меня вздохнуть, вспомнивъ о своей странѣ. Много лѣтъ пройдетъ еще, пока цивилизація достигнетъ у насъ до того, чтобы водворилось такое благосостояніе во всѣхъ слояхъ общества. — Отъ Маріенвердера до Прейсъ-Голанда,

гдѣ мы ночевали, край прекрасенъ; и не смотря на то, что почва песчаная, она хорошо обработана, вслѣдствіе чего довольство царитъ въ этомъ мѣстѣ. — Пріѣхавъ на ночлегъ, Малаховскій пришелъ ко мнѣ, передать подробности относительно завтрашняго дня. Добрякъ этотъ Малаховскій — и больше ничего! Я ему благодаренъ, но общество этого господина никогда не было бы для меня рекреаціоннымъ временемъ; между нами такое разногласіе, что мнѣ доставляетъ удовольствіе быть жестокимъ съ нимъ. Въ 10-ть часовъ утра, сдѣлавъ семь нѣмецкихъ миль, я очутился у воротъ Кенигсберга. Задержанный войсками, наполнявшими улицы, я вышелъ и вошелъ въ родъ корчмы, гдѣ желалъ бы находиться и теперь.—Прислужница была также хороша, какъ привѣтлива и рѣзва! Я забавлялся ею нѣсколько минутъ; но здѣсь выгода быть генераломъ послужила мнѣ помѣхой, и противъ воли я не могъ продолжать забавы серьёзно... Едва пріѣхалъ король, какъ мы сѣли на коней и поскакали галопомъ. По мѣрѣ нашего приближенія, войска встрѣчали Его Величество криками ура, которые, правду сказать, весьма мало напоминали крикъ побѣды, но, благодаря національному характеру, должны были замѣнять таковой. Длинныя улицы Кенигсберга были полны народа и представляли пріятное зрѣлище для глазъ. Женщины одѣты весьма чисто и прилично; были между ними и хорошенькія; но лица ихъ, мало оживленныя, выражали скорѣе любопытство, чѣмъ энтузіазмъ. Это равнодушіе тѣмъ удивительнѣе, что жители этого города должны были помнить ту печальную эпоху, въ продолженіи которой ихъ несчастный король находился среди ихъ, и сравнить ее съ теперешней славной и счастливой. Но въ коммерческомъ городѣ всѣ душевныя ощущенія клонятся лишь къ спекуляціи и личному интересу; — это такъ вѣрно, что во время въѣзда короля и его свиты, я видѣлъ торговцевъ, спокойно сидящихъ за своими конторками, заботясь о своихъ дѣлахъ и оставляя своего короля спокойно проѣзжать мимо. — Погода была хорошая, и послѣ полудня улицы покрывались толпой; къ вечеру у зàмка, расположеннаго въ самомъ лучшемъ кварталѣ

города, послышались хоры полковой музыки; стеченіе всѣхъ жителей города придало этому вечеру праздничный видъ, который я нашелъ прекраснымъ."

Пребываніе Прусскаго короля въ Москвѣ и Петербургѣ.

Прусскій король вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцомъ прибылъ въ Москву 4-го іюня, оставался въ ней 11-ть дней, затѣмъ 19 іюня пріѣхалъ въ Царское Село; 22-го іюня въѣхалъ въ Петербургъ; 5-го іюля выѣхалъ въ Гатчину и оттуда обратно въ Берлинъ. Во все пребываніе королевской фамиліи въ Россіи Киселевъ находился при наслѣдномъ принцѣ.

Нѣтъ свѣдѣній, изъ которыхъ можно было бы узнать непосредственныя отношенія Киселева къ наступившему за тѣмъ времени ахенскаго конгреса, когда въ характерѣ Императора Александра стали обнаруживаться симптомы реакціоннаго направленія въ смыслѣ толкованій мистиковъ и въ формѣ грозныхъ своею жестокостью дѣйствій графа Аракчеева, а потому, не вдаваясь въ предположенія и догадки, ограничимся тѣмъ, что приведемъ выдержку изъ письма Закревскаго, относящагося еще къ іюлю 1817-го года, но въ которомъ какъ-бы предсказывались послѣдующія событія. Сообщая Киселеву, что бугскія военныя поселенія взбунтовались, Закревскій пишетъ: „Для усмиренія бугскаго войска велѣно послать столько войска, сколько потребуетъ графъ Виттъ. Вотъ новые плоды цвѣтущаго и обдуманнаго поселенія, и если во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ поселены войска, появится сія новость, то могутъ быть не совсѣмъ пріятныя послѣдствія. Впрочемъ, этого всегда и ожидать можно".

Государь отправился на конгрессъ въ Ахенъ въ концѣ августа 1818-го года и возвратился въ Петербургъ 23-го декабря. Киселевъ оставался все это время въ Россіи, и изъ письма его къ Закревскому отъ 15-го ноября 1818 г. видно, что онъ тогда жилъ въ Москвѣ и собирался пріѣхать въ Петербургъ къ возвращенію Государя.

ГЛАВА III.

1819 г.

Назначеніе Киселева начальникомъ штаба 2-й арміи; переписка по этому поводу Государя съ графомъ Витгенштейномъ.—Переписка Киселева съ Витгенштейномъ.—Письмо А. Ѳ. Орлова о расположеніи Государя къ Киселеву.—Мысль Киселева о составленіи исторіи войнъ Россіи съ Турціею. — Киселевъ въ Черноморіи.—Предположенія его объ устройствѣ управленія Черноморскимъ войскомъ.—Подозрѣніе Киселева на счетъ вражды противъ него въ главной квартирѣ; предупрежденіе его Орловымъ и Закревскимъ.—Письмо Рудзевича.—Киселевъ смотритъ довѣрчиво на свое будущее; письмо его къ кн. Волконскому.—Первое свиданіе Киселева съ графомъ Витгенштейномъ.—Переписка Киселева съ Закревскимъ.—Удовольствіе Государя; письма А. Ѳ. Орлова и князя Волконскаго.—Предположеніе Киселева объ Одесскомъ лицеѣ и школахъ взаимнаго обученія.

Назначеніе Киселева начальникомъ главнаго штаба 2-й арміи; переписка по этому поводу Государя съ графомъ Витгенштейномъ.

Въ началѣ 1819 года, именно 22-го февраля, Киселевъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-ой арміи, и тогда же ему было поручено прежде прибытія въ главную квартиру заѣхать въ войско Черноморское и произвести разслѣдованіе по доносу есаула Вареника о разныхъ тамъ злоупотребленіяхъ.

Вслѣдъ за упомянутымъ приказомъ Государь писалъ Витгенштейну:

„Графъ Петръ Христіановичъ! По случаю открывшейся ваканціи корпуснаго командира въ 7-мъ корпусѣ, назначивъ командиромъ онаго генералъ-лейтенанта Рудзевича, избралъ Я на мѣсто его въ начальники главнаго штаба арміи, вамъ ввѣренной, состоявшаго при Мнѣ генералъ-маіора Киселева, извѣстнаго весьма съ хорошей стороны, и который нѣсколько

разъ уже имѣлъ отъ Меня порученія по 2-ой арміи и всегда съ успѣхомъ исполнялъ оныя; почему и не сомнѣваюсь, что вы симъ выборомъ будете довольны, и что генералъ-маіоръ Киселевъ въ точности оправдаетъ оный.

Пребываю всегда вамъ благосклоннымъ.

Александръ".

Царское Село. 24 февраля 1819 года.

Добрый, но вспыльчивый графъ Витгенштейнъ немедленно по полученіи этого рескрипта написалъ Государю слѣдующее письмо:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„При отъѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга Вашему Императорскому Величеству угодно было позволить мнѣ во всякомъ случаѣ съ чистосердечною откровенностью обращаться къ Священной Особѣ Вашего Величества. Нынѣ является для меня случай, чтобы воспользоваться симъ Всемилостивѣйшимъ Вашимъ отзывомъ. Будучи всегда готовъ жертвовать для Вашего Величества и жизнію, и всѣмъ, что имѣю на свѣтѣ, смѣло могу сказать, что усердіе мое къ службѣ Вашей, Всемилостивѣйшій Государь, не уступитъ никому изъ вѣрныхъ подданныхъ Вашыхъ и Вамъ единственно можетъ быть пріятенъ, кто своею честью дорожить умѣетъ, иначе не заслуживалъ-бы онъ вниманія Вашего, а посему и не смѣю я скрыть отъ Вашего Императорскаго Величества, что назначеніе господина Киселева въ начальники главнаго штаба 2-ой арміи столь же чувствительно меня огорчаетъ, сколь и оскорбительно для меня быть должно, не потому, чтобы генералъ Киселевъ не заслуживалъ сего мѣста, ибо я никакъ не могу сомнѣваться въ его способностяхъ, какъ скоро онъ есть собственный выборъ Вашего Величества, но потому, что его назначеніе удостовѣряетъ меня въ совершенной потерѣ какъ милости, такъ и довѣренности Вашей, Всемилостивѣйшій Государь.

„Къ сему заключенію имѣю я слѣдующія причины;

„1) Ежели генералъ-маіоръ Киселевъ былъ назначенъ въ

начальники главнаго штаба 2-ой арміи, безъ малѣйшаго съ моей стороны участія, между тѣмъ какъ Ваше Императорское Величество изволили приказать о моемъ мнѣніи узнать о прежнихъ назначаемыхъ чиновникахъ главнаго штаба арміи, то сіе показываетъ, что Вы мнѣ не довѣряете выборъ сего чиновника. 2) Отъ сего назначенія лишаюсь я тѣхъ подчиненныхъ, о коихъ просилъ Вашего Императорскаго Величества, во-первыхъ, генералъ-лейтенанта Рудзевича, который въ корпусные командиры назначенъ, и дежурнаго генералъ-маіора Игнатьева, который нѣсколькими годами въ чинѣ старше генерала Киселева. Уничтожить сіе препятствіе весьма легко, удаливъ Игнатьева отъ настоящей должности; но послужитъ ли сіе для него наградою за понесенные труды въ отличномъ исполненіи его обязанности,—для него, который въ короткое время своего управленія оказалъ столько способности и ревности, и котораго 12-тилѣтнее служеніе при мнѣ всегда оправдывало мою довѣренность? и 3) Сіе удаленіе чиновниковъ и выборъ въ начальники главнаго штаба 2-ой арміи генерала Киселева, который былъ присланъ нѣкоторыя дѣла изслѣдовать при прежнемъ главнокомандующемъ, подадутъ, конечно, мысль не только арміи, но и всему свѣту, что онъ нынѣ здѣсь находиться будетъ уже не для временнаго, но для постояннаго надзора.—Я увѣренъ, что сія мысль совершенно несправедлива, но свѣтъ и общество произносятъ сужденіе свое по одной только наружности, по которой оно можетъ казаться вѣроятнымъ, и армія, потерявъ внутреннее уваженіе, не можетъ имѣть уже и должнаго довѣрія къ своему главнокомандующему; но наружное же одно уваженіе безъ внутренняго слабо и ничтожно.

„Изъ сего краткаго объясненія Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, въ какихъ я нахожусь нынѣ обстоятельствахъ, и что не остается мнѣ теперь болѣе ничего дѣлать, какъ всеподданнѣйше просить одной милости Вашего Императорскаго Величества уволить меня отъ командованія арміею, ибо безъ совершенной довѣренности Монаршей не могу я нести сіе званіе.

„Есмь съ достодолжнымъ благоговѣніемъ, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества,

вѣрноподданный графъ Витгенштейнъ.“

М. Тульчинъ, марта 16 дня 1819 года.

Приведенное письмо буквально списано съ подлинника, писаннаго рукою Витгенштейна. Отвѣтомъ на него былъ слѣдующій рескриптъ Государя.

„Графъ Петръ Христіановичъ! Письмо ваше отъ 16-го марта получилъ Я съ крайнимъ удивленіемъ. Никогда и въ помышленіи Моемъ не было причинить вамъ малѣйшее огорченіе, назначеніемъ во 2-ю армію начальника главнаго штаба, равномѣрно нѣтъ въ ономъ ни малѣйшаго недостатка Моей къ вамъ довѣренности, ибо всегда Я самъ предоставлялъ себѣ назначеніе начальниковъ главнаго штаба, какъ въ арміяхъ, такъ и въ корпусахъ. Генералъ-маіоръ Киселевъ назначенъ Мною въ сіе званіе, по личной Моей увѣренности, что онъ совершенно оправдаетъ и Мою, и вашу къ нему довѣренность. По нахожденію его долгое время при Мнѣ ему совершенно извѣстенъ порядокъ службы и устройство войскъ, которыя Я требую.— Я смѣло отвѣчаю, что лучшаго вамъ помощника по сей части быть не можетъ; равномѣрно отвѣчаю, что и публика по сему случаю никакого фальшиваго сужденія насчетъ Моей къ вамъ довѣренности выводить не можетъ; развѣ одни легкомысленные умы, желающіе разстроивать ходъ дѣлъ, могутъ съ умысломъ стараться изображать сіе назначеніе въ превратномъ толкѣ. Генералъ-лейтенанту Рудзевичу ни малѣйшаго оскорбленія Я не причинилъ, но, ввѣривъ ему въ первый разъ корпусъ, далъ явное доказательство, передъ цѣлою арміею, Моего уваженія къ его службѣ и заслугамъ.—Касательно генералъ-маіора Игнатьева, то старшинство его есть предметъ черезчуръ маловажный, дабы я могъ останавливаться онымъ въ назначеніи полезныхъ чиновъ по арміи; не первый есть примѣръ, что начальники главнаго штаба моложе чинами прочихъ чиновниковъ, окружающихъ главнокомандующаго.—При Его Высочествѣ Цесаревичѣ начальникъ штаба по польской арміи

генералъ-маіоръ Томенскій, а генералъ-квартирмейстеръ генералъ-лейтенантъ Гауке.—Вамъ предоставляю оставить при себѣ генералъ-маіора Игнатьева въ настоящемъ званіи или представить его къ другому назначенію.—Остается Мнѣ замѣтить вамъ на счетъ предположенія вашего, что генералъ-маіоръ Киселевъ назначенъ Мною, дабы имѣть во второй арміи надсмотрщика,—сіе несходно ни съ Моими правилами, ни съ Моими понятіями, кои довольно Мною ясно доказаны, въ долгое продолженіе времени, чтобы не быть извѣстными всѣмъ.—По всему вышеписанному Я удостовѣряюсь, что прошеніе ваше объ увольненіи васъ отъ командованія 2-ю арміею, вы сами признаете несходнымъ ни съ обстоятельствами, ни съ тою ревностью къ службѣ отечеству, которую Я привыкъ въ васъ находить.—Будьте покойны на счетъ Моей довѣренности къ вамъ, безъ оной и пяти минутъ Я самъ не оставилъ бы васъ главнокомандующимъ одною изъ Моихъ армій. Пребываю на всегда вамъ благосклоннымъ.

Александръ.“

С.-Петербургъ, 30-го марта 1819 года.

Тогда же, передавая доносъ еврея Гильковича, касавшійся слѣдствія надъ Жуковскимъ, графу Витгенштейну, Государь писалъ ему: „Поручая все сіе строжайшему разсмотрѣнію вашему, Я совершенно увѣренъ, что дѣло сіе вы обнаружите въ настоящемъ его видѣ, безпристрастнѣйшимъ изслѣдованіемъ.—Вы смѣло можете употребить для сего начальника главнаго штаба ввѣренной вамъ арміи, извѣстнаго по своимъ честнѣйшимъ и нелицепріятнымъ правиламъ. Еще разъ повторяю, что вы, безъ всякаго сомнѣнія, найдете въ немъ хорошаго помощника и будете имъ довольны, лишь бы сначала вы его ободрили вашею довѣренностію“ [1]).

Переписка Киселева съ Витгенштейномъ.

Въ то время, когда происходила эта переписка, графъ Витгенштейнъ и Киселевъ обмѣнялись также письмами. Витгенштейнъ послѣ полученія послѣдняго рескрипта Государя успокоился.

Киселевъ отправился изъ С.-Петербурга сперва въ Черно-

---

[1]) Рескриптъ гр. Витгенштейну отъ 31 марта 1819 г.

морію въ половинѣ марта. Тотчасъ послѣ отъѣзда Павла Дмитріевича изъ С.-Петербурга, А. Ѳ. Орловъ писалъ ему [1]:

Письмо А.Ѳ. Орлова о расположеніи Государя къ Киселеву.

„16 марта 1819 года, С.-Петербургъ:

„Я пишу тебѣ, любезный другъ, только нѣсколько словъ: потеря тебя мнѣ дѣлается чувствительнѣе каждый день; одинъ, безъ друга, совсѣми заботами съ полкомъ въ полномъ распаденіи, со всѣмъ шумомъ и сплетнями двора—незнаю, какъ я справлюсь.—Чѣмъ больше живешь въ свѣтѣ, тѣмъ болѣе узнаешь —какъ трудно ему довѣряться; въ этомъ бурномъ морѣ, въ которое насъ бросило обоихъ, мы служимъ цѣлію для зависти и сплетень, но наша дружба не измѣнилась ни на одну минуту, и ничто не могло насъ ввести въ заблужденіе. Наша связь только укрѣпилась любовію къ добру, которою мы одушевлены оба.—Дай Богъ, чтобы успѣхи соотвѣтствовали нашему желанію. На другой день послѣ твоего отъѣзда, Государь говорилъ о тебѣ; я сказалъ, сколько ты тронутъ послѣднимъ съ Нимъ свиданіемъ и какъ ты Ему признателенъ.—Онъ мнѣ отвѣтилъ, что твоя правдивость и откровенность рѣдки въ наше время, и что Онъ по всѣмъ твоимъ поступкамъ узналъ тебя и сталъ уважать, но этотъ нашъ разговоръ былъ прерванъ обычными посѣтителями.—Князь Петръ (Волконскій) былъ недоволенъ, что ты не былъ у него вечеромъ предъ отъѣздомъ; онъ ожидалъ тебя до 11-ти часовъ, ему нужно было съ тобою переговорить. Когда покончишь ты съ своею вѣтренностью?“

Передъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга послѣ прощальнаго представленія у Государя, Киселевъ былъ такъ взволнованъ, что уѣхалъ, забывъ проститься съ княземъ Волконскимъ, какъ это онъ самъ объясняетъ въ приведенномъ ниже письмѣ къ послѣднему.

Задержанный распутицею въ Москвѣ до половины апрѣля, Киселевъ въ это время не оставался совершенно бездѣятельнымъ; его занимала мысль о составленіи исторіи войнъ нашихъ съ Турціею.—Мысль эта, кажется, зародилась у него прежде назначенія начальникомъ штаба 2-й арміи, и выполненіе оной теперь онъ считалъ даже своею обязанностію. 6-го апрѣля онъ писалъ Закревскому:

---

[1]) Пофранцузки.

„...Не забудь о присылкѣ ко мнѣ бумагъ графа Каменскаго, и притомъ не скупись и поручи мнѣ все, что можешь поручить; здѣсь нашелъ я столько матеріаловъ и столько забытыми, что мысль моя еще болѣе утвердилась, и что я уже полагаю непозволительнымъ оставить предпріятіе;—основать же хочу будущіе труды на пробѣ, сдѣланной изъ твоихъ бумагъ, которыя я полагаю весьма полными для описанія военныхъ дѣйствій графа Каменскаго; въ особенности не пожалѣй доклады его и что́ можно изъ переписки.—Коль скоро увижу возможность преднамѣреніе мое исполнить, то отнесусь формально къ Волконскому.

„...Жаль мнѣ, что отъѣзжая, не зналъ я ни слова о положеніи тульчинскихъ дѣлъ моихъ. — Готовлюсь ко многому, и потому сильно вооружаюсь, но единственно оборонительнымъ образомъ: на наступающаго Богъ!“...

Киселевъ въ Черноморіи.

Въ концѣ апрѣля, Киселевъ былъ уже въ Черноморіи. Поводомъ къ командировкѣ его туда былъ, какъ сказано выше, доносъ есаула Вареника.

Въ 1816 году Вареникъ былъ сужденъ и приговоренъ къ двухмѣсячному аресту за разрѣшеніе одному казаку своей команды поставить за себя на службу другаго по найму. Недовольный приговоромъ войсковаго суда, онъ, 22-го ноября 1818 года, отправилъ князю Волконскому доносъ (по выраженію его „Словарь дѣяніямъ въ Черноморскомъ войскѣ“), сущность котораго изложилъ въ особо поданномъ прошеніи на Высочайшее Имя. Доносъ этотъ, направленный главнымъ образомъ на злоупотребленія властью тогдашнимъ войсковымъ атаманомъ подполковникомъ Матвѣевымъ, войсковою канцеляріею и командирами полковъ, обнималъ ихъ дѣятельность по всѣмъ отраслямъ войсковаго управленія.—Въ заключеніе доноса Вареникъ говорилъ, что, кромѣ указаннаго, на мѣстѣ, если будетъ командировано для разслѣдованія особо довѣренное лицо, можно будетъ открыть и указать еще многое другое.

По прибытіи въ Екатеринодаръ, Киселевъ узналъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ, какъ разъ передъ его пріѣздомъ, Вареникъ

скончался [1]), и убѣдясь, что этимъ случаемъ пресѣклись главнѣйшіе способы къ раскрытію злоупотребленій и подтвержденію доноса доказательствами, былъ вынужденъ ограничиться лишь объясненіями войсковаго атамана, который, конечно, опровергъ всѣ взводимыя на него лично обвиненія.

О добытыхъ слѣдствіемъ результатахъ Киселевъ, между прочимъ, доносилъ [2]): „по всѣмъ свѣдѣніямъ, мною полученнымъ, доноситель Вареникъ не заслуживаетъ лично, по его нравственности, ни малѣйшаго уваженія.—Показанія его бездоказательны и никѣмъ подтверждены не были, ибо въ день моего въ Екатеринодаръ пріѣзда атаманъ Матвѣевъ объявилъ приказомъ, что всѣ тѣ, которые имѣютъ на него жалобы, либо доказательства по доносу эсаула Вареника, могутъ обратиться съ оными ко мнѣ. Но во все время пребыванія моего при войскѣ жалобъ, относящихся лично къ атаману, либо подкрѣпленій доносу я не имѣлъ.—И какъ по сему, такъ и по общему объ атаманѣ свидѣтельствованію дѣйствія его похвальны и заслуживаютъ справедливаго одобренія".

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Киселевъ все же нашелъ, что въ войскѣ существуютъ „съ должнымъ порядкомъ службы несогласные обычаи, которые временемъ утвердились; существуютъ оттого, что положительныхъ правилъ съ учрежденія войска изложено не было, и что безпрерывное военное черноморскихъ казаковъ состояніе къ тому служило поводомъ.—Впрочемъ, все исполнялось по повелѣніямъ или съ вѣдома гг. херсонскихъ военныхъ губернаторовъ. Войсковая же канцелерія, отъ нихъ непосредственно зависящая, съ весьма ограниченною властью, хотя обвиниться въ беззаконіяхъ не можетъ, но медлительность хода дѣлъ и нѣкоторыя безъ вниманія оставленныя ею просьбы долгомъ поставилъ включить въ замѣчанія мои объ отступленіяхъ отъ долженствующаго

---

[1]) Въ войскѣ черноморскомъ носились слухи, о которыхъ разсказывали впослѣдствіи старые казаки, что Вареникъ былъ запрятанъ къ пріѣзду Киселева, и что даже будто онъ былъ замурованъ.

[2]) Начальнику главнаго штаба князю Волконскому рапортомъ отъ 2-го мая 1818 г. за № 19.

быть по войсковому управленію порядка, которыя представилъ на уваженіе херсонскаго военнаго губернатора“ [1]). Такъ доносилъ Киселевъ князю Волконскому; представляя вмѣстѣ съ тѣмъ составленное имъ Обозрѣніе войска черноморскаго, онъ просилъ, „если начальникъ главнаго штаба найдетъ полезнымъ, довести оное до свѣдѣнія Государя“. Въ представленномъ Обозрѣніи, между прочимъ, онъ предполагалъ полезнымъ:

Предположеніе Киселева объ устройствѣ Черноморскаго войска.

а) Умножить народонаселеніе войска переселеніемъ еще 25-ти тысячъ малороссійскихъ казаковъ.

б) Составить проэктъ законоположенія по военной, гражданской и хозяйственнымъ частямъ.

в) Для отвращенія злоупотребленій сформированіе полковъ учредить слѣдующимъ образомъ:—каждый курень опредѣлить на укомплектованіе трехъ полковъ (одного пѣшаго и двухъ конныхъ), дабы изъ каждаго куреня (селенія) одна треть казаковъ была на службѣ, а двѣ трети при сельскихъ занятіяхъ.—По возвращеніи казаковъ съ кордонной очереди въ дома свои, полковымъ командирамъ власти надъ ними болѣе не сохранять, а подчинить ихъ непосредственно гражданскому управленію и куренному атаману, — такъ чтобы каждый казакъ имѣлъ во время годовой службы командировъ, ему назначенныхъ,а во время домашняго пребыванія начальниковъ обществами избранныхъ:—для того же, чтобы прекратить уклоненія отъ службы казаковъ, произведенныхъ въ офицеры, которые продолжали пользоваться всѣмъ безъ исключенія, назначить срокъ военнаго служенія, дабы всѣмъ равномѣрно можно было по справедливости пользоваться выгодами хозяйственными, основываясь на томъ, что казаки и чиновники, бывъ одного сословія, должны имѣть равныя къ оному обязанности или не имѣть равныхъ выгодъ.

г) Прибавить къ войсковому правленію избранныхъ куренями депутатовъ, которые должны засѣдать въ войсковой кан-

---

[1]) Графа Ланжерона.

целяріи, взамѣнъ депутатовъ, избираемыхъ исключительно чиновниками.

Просьба Киселева была уважена княземъ Волконскимъ, и Государь повелѣлъ: составленное Киселевымъ. Обозрѣніе войска Черноморскаго внести въ Комитетъ Министровъ на разсмотрѣніе и спросить мнѣніе Ермолова [1]) о предположеніи подчинить Черноморское войско командиру отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, а земли, принадлежащія войску, вмѣстѣ съ частью Таврической губерніи, лежащею между землею Донскихъ казаковъ и Кавказскою губерніею, причислить къ сей послѣдней.

Въ частномъ письмѣ [2]) къ князю Волконскому, Киселевъ писалъ: „злоупотребленія, которыя я здѣсь нашелъ, сносны, но казаки нѣсколько терпятъ отъ чиновниковъ".

Въ бумагахъ Киселева сохранилось письмо А. И. Чернышева (впослѣдствіи князя), писанное изъ Черкаска отъ 6-го іюля 1819 года, гдѣ онъ находился для изслѣдованія положенія Донскихъ казаковъ. Изъ письма этого видно, что Киселевъ еще изъ Екатеринодара сообщалъ Чернышеву подробности о положеніи Черноморскаго войска и мысли о будущемъ его устройствѣ. Чернышевъ въ своемъ отвѣтѣ писалъ, между прочимъ, о положеніи Донскаго войска:—„Самовластіе ничѣмъ неограниченное, дѣйствующее по видамъ самолюбія и корысти, и общее стремленіе чиновъ къ возвышенію и обогащенію себя насчетъ простыхъ казаковъ есть пружина, движущая всѣми поступками тѣхъ, отъ кого зависитъ благосостояніе храбрыхъ донцевъ; прибавьте къ сему закоренѣлые предразсудки, привычку къ старинѣ и упорство, сродное обветшалой мудрости—и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе о лицахъ, съ коими долженъ я трудиться".

Ермоловъ въ отвѣтѣ, не отрицая пользы подчиненія черноморскаго войска Кавказскому начальству, указывалъ на то, что онъ предвидитъ вслѣдствіе такого присоединенія затрудненія для начальника Кавказской линіи.—„Отвѣтственность, писалъ онъ, за безпорядки черноморцевъ я почту самою тя-

[1]) Въ то время командира отдѣльнаго Грузинскаго корпуса.

[2]) Въ маѣ 1819 года.

гостнѣйшею, ибо знаю, насколько сильны и небезопасны сосѣдніе имъ народы, и то, что только равный воинственный духъ и неусыпная бдительность со стороны Черноморцевъ можетъ внушить къ нимъ уваженіе этихъ сосѣдей; а между тѣмъ, строгое соблюденіе порядка и безусловное повиновеніе, столь необходимое въ сихъ случаяхъ, не всегда бываютъ отличительными свойствами казаковъ, и что воинственный духъ черноморцевъ настолько упалъ, что, не будучи охраняемы баталіонами пѣхоты съ орудіями артиллеріи, они не противустанутъ горскимъ народамъ".

Вслѣдъ за симъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ войска Черноморскаго и земель, ему принадлежащихъ, въ вѣдѣніе начальника отдѣльнаго Грузинскаго корпуса [1]).

Подозрѣніе Киселева о враждѣ противъ него въ главной квартирѣ; предупрежденіе его Орловымъ и Закревскимъ.

Во время остановки въ Москвѣ Киселевъ, незная еще ничего о перепискѣ о немъ Государя съ Витгенштейномъ, подозрѣвалъ, что въ главной квартирѣ скрытые его враги, о которыхъ, между прочимъ, говорилъ еще въ 1818 году Д. Давыдовъ въ письмѣ своемъ Киселеву, не остаются равнодушными къ его назначенію. Въ письмѣ къ Закревскому отъ 3-го апрѣля Павелъ Дмитріевичъ, между прочимъ, писалъ: „скучаю, сижу дома безъ всякаго дѣла, тогда какъ мнѣ въ Тульчинѣ, я полагаю, *навариваютъ* препорядочно".

Можетъ быть, подозрѣнія его были справедливы при довѣрчивомъ и вспыльчивомъ характерѣ Витгенштейна.

Если вражда дѣйствовала скрытно, то съ другой стороны на сторожѣ стояли друзья Павла Дмитріевича, которые всегда готовы были предупредить его о грозившихъ ему опасностяхъ и отклонить ихъ, если возможно, самимъ дѣломъ, а главное совѣтами.

Первое извѣстіе о неудовольствіи Витгенштейна Павелъ Дмитріевичъ получилъ отъ А. Ѳ. Орлова, который писалъ ему изъ Петербурга [2]):

„8-го апрѣля, 1819 года.

„....Не могу умолчать, что по особому случаю я узналъ, что есть письма изъ Тульчина отъ Витгенштейна (Пестель), въ которыхъ говорится, что главнокомандующій обиженъ тво-

[1]) Указъ Правительствующему Сенату 11-го апрѣля 1819 года.

[2]) Пофранцузски.

имъ назначеніемъ и что написалъ сюда очень сильное письмо; я всячески старался узнать въ чемъ дѣло, но всѣ молчатъ. Я думалъ, что извѣстіе несправедливо; я удвоилъ мои старанія и узналъ, что посланъ отвѣтъ, также очень сильный, но совершенно въ твою пользу; въ этомъ письмѣ выражено полное довѣріе къ тебѣ—и отвѣчаютъ совершенно за тебя. По дружбѣ моей къ тебѣ, я не могъ отъ тебя скрыть этого обстоятельства, и чтобы ты взялъ свои мѣры впередъ; затрудненія большія, но ты ихъ побѣдишь, будь остороженъ съ твоимъ характеромъ; дѣйствуй, но не теряйся въ мелочахъ; это тебѣ совѣтуетъ другъ, который никогда не измѣнится; пиши ко мнѣ какъ къ брату; дѣйствуй, я буду здѣсь стоять на сторожѣ, и повѣрь мнѣ, не буду дремать."

„27 мая 1819 года:

„Я писалъ къ тебѣ, любезный другъ, чтобы предупредить тебя о всемъ, что тебя ожидаетъ въ главной квартирѣ, — но незнаю, что сдѣлалось съ моимъ письмомъ, адресованнымъ въ Москву, гдѣ, вѣроятно, оно тебя уже не застало. — Я очень безпокоюсь о твоемъ положеніи, ты не на розахъ, но, ради Бога, терпи и исполняй свой долгъ, не останавливаясь ни предъ чѣмъ; слѣдуй только твоему сердцу и совѣсти; будь остороженъ съ твоимъ характеромъ и, главное, не теряй терпѣнія; рано или поздно узнаютъ тебя и выкажутъ тебѣ уваженіе. — Въ свободную минуту напиши мнѣ подробно обо всемъ, чтобы при случаѣ я могъ оказать тебѣ услугу".

Закревскій писалъ Киселеву [1]): „Изъ Тульчина получили отвѣтъ на извѣстныя тебѣ бумаги, не слишкомъ-то для тебя пріятный [2]). Почему умоляю тебя умѣрить свой нравъ и какъ можно лучше поддѣлаться къ главнокомандующему, безъ чего будетъ у васъ война ужасная. Ты увидишь изъ посланныхъ къ тебѣ бумагъ, что тебя поддержали славно. — Слѣдовательно, все теперь отъ тебя зависитъ, и доброе и дурное. — Ты уменъ, можешь ко всѣмъ подладиться... Тебѣ правило это съ излишествомъ извѣстно. Въ свободное

[1]) Отъ 1-го мая 1819 года изъ С.-Петербурга.

[2]) Письмо гр. Витгенштейна Государю, приведенное выше.

время исправлю еще свой молдавскій журналъ и тогда тебѣ доставлю со всѣми свѣдѣніями, какія имѣю; на это надо время, чтобы разобрать старыя бумаги. Намѣреніе твое славное, и по окончаніи сего плана ты многихъ заставишь быть благодарными за свой трудъ. Здѣсь [1]) тебѣ хорошо, желаю, чтобы сіе и продолжалось. А въ Тульчинѣ старайся непремѣнно поладить. Сталь (интендантъ вмѣсто Жуковскаго) главнокомандующаго въ рапортѣ важно обработалъ. Незабудь выбрать въ дежурные генералы знающаго дѣло молодца, а безъ того не дадутъ тебѣ ни минуту покою. Мнѣ кажется, въ нынѣшнее междуцарствіе въ вашей арміи дѣла потеряютъ настоящій ходъ, который должно тотчасъ исправить"....

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ отъ 22-го мая Закревскій пишетъ: „Письмо твое, любезный Павелъ Дмитріевичъ, отъ 14-го мая изъ Тирасполя исправно получилъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю писемъ изъ Тульчина. Оттуда разные сюда доходятъ слухи, а потому и желаю знать, какъ съ тобою обойдутся. Повторяю тебѣ мою просьбу обворожить своего начальника, и покажи ему особенное свое къ нему уваженіе, а безъ того не достигнешь нужной для службы довѣренности, безъ которой дѣла у васъ пойдутъ навыворотъ.

„Мошенниковъ удали отличнымъ манеромъ изъ главной квартиры; это также будетъ небезполезно... Пиши ко мнѣ чаще, и обо всемъ, но только съ вѣрными оказіями, а не почтою; я одинаковымъ манеромъ буду исполнять твои желанія. Прощай, будь здоровъ, веселъ, терпѣливъ и помни душевно тебя любящаго А. Закревскаго."

Письмо Рудзевича.

Такіе совѣты давались Киселеву изъ С.-Петербурга; а вотъ что ему писалъ Рудзевичъ, на мѣсто котораго онъ былъ назначенъ:

„16 марта 1819 года.

„Поздравляю отъ души, какъ васъ, любезный Павелъ Дмитріевичъ, такъ и себя съ новой для насъ сей перемѣной. Любя и почитая васъ много, одно желаніе мое и есть—видѣть васъ на новомъ вашемъ посту счастливѣе нежели я былъ.

[1]) Въ Петербургѣ, при Дворѣ.

Желаю также вамъ душевно и того, чтобы вы избѣгнули всѣхъ тѣхъ непріятностей, какія иногда бываютъ неразлучны съ званіемъ симъ, и были покойны душой. Я зналъ хорошо и видѣлъ даже на опытѣ, какъ я неоднократно подвергалъ себя гнѣву монаршему, но, не чувствуя себя виновнымъ, переносилъ всегда хладнокровно, хотя и болѣло сердце мое. Съ вами кажется ожидать сего не должно; но совѣтъ дружескій вамъ—узнать напередъ людей, съ коими бы вы могли быть откровенны и тогда показать къ нимъ довѣріе ваше"…. Послѣ сѣтованій о томъ, что онъ лично много перенесъ отъ враговъ, Рудзевичъ прибавляетъ: — „теперь скажу вамъ, что перемѣна сія большую тревогу произвела въ главной квартирѣ. Не описываю объ оной, пріѣдете и сами все узнаете".

Довѣрчивый взглядъ Киселева на свое будущее.

Самъ Киселевъ, несмотря на опасенія своихъ друзей, смотрѣлъ довѣрчиво на будущее, сознавая въ себѣ правоту своего дѣла и достаточный запасъ нравственныхъ силъ. Онъ еще съ дороги въ маѣ мѣсяцѣ писалъ князю Волконскому: „Обѣщаютъ мнѣ много хлопотъ и по разнымъ частямъ. Я ихъ предвидѣлъ и повиновался волѣ Государя, не только изъ честолюбія, но дабы заслужить милость Его и показать тѣмъ, кому не нравится, что прямымъ усердіемъ можно принести пользу и быть достойнымъ особеннаго царскаго воззрѣнія. Послѣднее мое свиданіе съ Государемъ удвоило, если можно, мою признательность и душевное почтеніе къ качествамъ Его сердца. Выйдя отъ Государя, я имѣлъ глупость не быть у васъ, о чемъ вспомнилъ черезъ нѣсколько часовъ, на большой московской дорогѣ. Вы не можете сомнѣваться въ моихъ чувствахъ и преданности къ вамъ, и хотя я въ наружныхъ изъявленіяхъ неловокъ, но не менѣе того дружбы вашей достоинъ".

Первое свиданіе Киселева съ графомъ Витгенштейномъ. Переписка съ Закревскимъ.

Надежды Павла Дмитріевича вполнѣ оправдались; вотъ какъ онъ самъ описывалъ первое свое свиданіе съ графомъ Витгенштейномъ въ письмѣ къ Закревскому отъ 17-го мая 1819 года:

„Искренно благодарю тебя за письмо отъ 1-го мая, которое получилъ въ Тульчинѣ въ день моего пріѣзда, т.-е. 16-го числа.—Въ тотъ же день утромъ отправился къ главнокоман-

дующему и ожидалъ, какъ и долженствовало быть, бурнаго или по малой мѣрѣ суроваго пріема. И вообрази мое удивленіе—видѣть человѣка, который съ перваго слова изъяснилъ сдѣланное ему неудовольствіе, недовѣріе къ нему и сожалѣніе о всемъ томъ, что онъ вынужденъ былъ писать противъ назначенія моего, прибавивъ къ тому, что отзывъ всей арміи и пр. и пр. на мой счетъ столь меня съ нимъ хорошо познакомили, что одно только Государево предупрежденіе нужно было для содѣланія совершенно пріятною всю воспослѣдовавшую перемѣну, но что внезапность назначенія ему оскорбительна, ибо полагаетъ, что потерялъ тѣмъ довѣріе Его Величества.—Вотъ смыслъ его разговора, и я признаюсь, что откровенность его и потомъ простое и пріятное обхожденіе, которое въ два нынѣшніе дни не переставалъ со мною имѣть, возбудили признательность мою и надежду обратить милость Государя къ пользѣ службы Его. Не знаю, что будетъ впередъ, но если судьба продолжитъ нѣсколько уже счастливое начало, то благородство души его и характера со мною въ томъ раскаяваться не будутъ; не только о дѣлахъ арміи говорилъ со мною откровенно, но даже о своемъ положеніи и намѣреніяхъ... Онъ осенью собирается въ Петербургъ, гдѣ объяснитъ всѣ свои неудовольствія и потомъ, какъ примутъ.... Вотъ, любезный другъ, что сказать тебѣ могу о настоящихъ обстоятельствахъ моихъ, которыя менѣе дурны для меня, чѣмъ я предполагалъ. Прими благодарность за дружескіе совѣты твои; я знаю ихъ искренность и умѣю цѣнить; стараюсь, сколько могу, улыбаться всѣмъ, но признаюсь, что иногда смѣшно, а иногда скучно маскарадное характера моего положеніе; однако-жъ пылкость хладѣетъ съ лѣтами, и я надѣюсь пріобрѣсть для свѣта нужныя качества".

Закревскій на это письмо отвѣчалъ 2-го іюня слѣдующее: „Радъ душевно, что ты ладишь съ главнокомандующимъ. Это необходимо и для твоего спокойствія, и для спокойствія тѣхъ, кто тебя любитъ. Князь Волконскій велѣлъ тебѣ сказать, чтобы какъ можно вѣжливѣе обходился съ графомъ, чтобы всѣ подчиненные могли брать съ тебя примѣръ. Опять

надокучаю тебѣ: умѣрь свой нравъ... Право, все пойдетъ хорошо; но въ довѣренность главнокомандующаго надо вкрасться непремѣнно, въ чемъ, я полагаю, навѣрное успѣешь. Доброта твоего графа всѣмъ извѣстна. Здѣсь говорятъ, что Пестель адъютантъ его, все изъ него дѣлаетъ;—возьми свои мѣры. Государь о немъ мнѣнія не перемѣнялъ и не перемѣнитъ. Онъ его хорошо, кажется, знаетъ. При осмотрѣ войскъ вмѣстѣ съ графомъ ему ни въ чемъ не манкируй и покажи предъ всѣми свою подчиненность, чѣмъ перемѣнишь мнѣніе о тебѣ въ арміи имѣющееся".—Далѣе, сообщая свои замѣчанія и наставленія о разныхъ начальствующихъ во 2-й арміи лицахъ, онъ говоритъ: „за что ты не любишь Сабанѣева; онъ пречестный человѣкъ, но скупъ всегда былъ. Признаюсь тебѣ, служба потеряетъ въ немъ усерднаго и хорошаго генерала въ военное время. Посмотри хорошенько списокъ и увидишь, что и Сабанѣевыхъ у насъ не много. Стыдно будетъ ему оставить службу. Я предъ отъѣздомъ предупреждалъ тебя, что дежурство найдешь въ жалкомъ состояніи; ничего не жалѣй и старайся привести въ надлежащее устройство. Людей бери съ разборомъ. Дислокацію сдѣлавши, всегда представляйте на утвержденіе... форму, къ кому какъ писать, посылаю, но въ многихъ случаяхъ непремѣнно употребляй.... „по волѣ главнокомандующаго"—это необходимо для пользы службы. Не боюсь твоихъ длинныхъ писемъ; они мнѣ приносятъ удовольствіе бесѣдовать съ тобою; пиши обо всемъ, всегда съ удовольствіемъ буду исполнять твои желанія, найду всегда свободное время.—Всего разомъ поправить нельзя, но ты начни съ запущенныхъ частей и понемножку все приведешь въ порядокъ. Усердныхъ поощряй, а лѣнивыхъ брани порядочно и никакой вины не спускай.—Прощай, пиши чаще, только съ вѣрными оказіями; а по почтѣ писемъ не пиши".

Въ письмѣ отъ 10-го іюня изъ Каменца-подольскаго Киселевъ писалъ Закревскому:

„Я тебѣ писалъ о началѣ моемъ, а теперь повторяю и

если можно прибавить еще, что ежедневно я болѣе доволенъ и признателенъ графу за довѣріе, которое во всѣхъ случаяхъ безъ изъятія не перестаетъ оказывать мнѣ. Я объѣзжаю съ нимъ въ его коляскѣ полки, въ лагеряхъ находящіеся, и на всякомъ шагу имѣю причины убѣждаться болѣе и болѣе въ его благосклонности; всѣ дѣла чрезъ меня ходъ имѣютъ, и тутъ съ душевнымъ удовольствіемъ замѣчаю, что таковой ходъ исполняется безъ принужденія и по сродной только графу откровенности; всѣ его мысли стремятся къ добру и одушевляющія его качества во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаютъ почтеніе. Пріятнѣйшаго начальника имѣть не можно, и если судьбою осужденъ буду служить подъ вліяніемъ другаго, то несомнѣнно и въ полной мѣрѣ почувствую потерю. Мѣсяца еще нѣтъ, что я здѣсь, и ты меня видишь исполненнымъ чистосердечнаго уваженія къ главнокомандующему моему; но не удивляйся. Безпрерывно бывъ съ нимъ и съ семействомъ его, я посреди ихъ узналъ только блаженство, какимъ пользуется и во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ съ душою доброю и правилами честности. Смѣло скажу, что если во время служенія имѣлъ онъ какія либо неудовольствія, то все отнести должно къ добродушію его и къ злоумышленнымъ окружающимъ; теперь я таковыхъ не замѣчаю; время, можетъ быть, откроетъ, чего открыть бы не желалъ.—Въ концѣ сентября графъ проситься будетъ въ Петербургъ для отдачи дѣтей въ лицей или пансіонъ, а потомъ, какъ уже къ тебѣ писалъ, намѣревается проситься въ отпускъ къ водамъ; но здѣсь отъ васъ все зависѣть будетъ, и если вспомнятъ дѣйствительныя его услуги 1812 года, то я не сомнѣваюсь, что служить подъ его начальствомъ буду, и увѣряю тебя, что благовидности и усердія къ пользѣ службы въ другомъ, кто бы ни былъ, болѣе не найдете; не осуждай меня предубѣжденіемъ: открытый нравъ графа даетъ способы легко познать его и потомъ душевно почитать....

„По совѣтамъ вашимъ дѣйствую сколько могу; иногда однако жъ порывы сердца увлекаютъ осторожность, но ежедневно стараюсь исправляться въ откровенности и быть хотя тѣмъ похожимъ на товарища твоего князя Меншикова.

„Дѣла Жуковскаго и прочихъ въ запутанности ужасной, и пожалуй продолжаться будутъ вѣчно, ибо въ Брацлавѣ, Литтинѣ и другихъ мѣстечкахъ продаются доносы, какъ яблоки, что̀ всѣмъ здѣсь извѣстно; впрочемъ отъ мнѣнія своего не отступлю и черное бѣлымъ не признаю. На мѣсто Сталя, скоро отходящаго, вы должны назначить, потому что здѣшніе всѣ чумны. Сабанѣевъ два года хвалилъ Байкова, и только по назначеніи его въ другой корпусъ представилъ о преданіи его суду за непомѣрные побои, за растрату солдатскихъ денегъ и за безпокойный и сварливый нравъ и проч. Графъ возвратилъ къ Сабанѣеву его представленіе и приказалъ ему же строго все изслѣдовать и съ своимъ мнѣніемъ представить, что̀ опять не понравится „лимону“ [1]), который принялъ за систему сваливать все на ближняго. Онъ человѣкъ, конечно, честный, но эгоистъ отличный. И въ томъ вѣрь мнѣ. Сдѣлай мнѣ дружбу безъ изворотовъ: пиши мнѣніе твое, какъ вообще на счетъ нашихъ приказовъ, такъ и бумагъ нѣсколько важныхъ, съ которыми я самъ вожусь. Самолюбіе мое клонится къ пользѣ, и потому правду слышать готовъ...

„Засвидѣтельствуй мое почтеніе князю П. М. и благодарность за участіе, которое во мнѣ принимаетъ; скажи, что совѣтовъ его не забываю и по возможности не забуду; сверхъ того, увѣрь его, что приму наистрожайшіе и всегда съ одинакою признательностью и какъ вѣрный залогъ дружескаго расположенія его.

„Заводить-ли намъ для полковъ ланкастерскія школы?— Государь мнѣ не весьма ясно на то отвѣчалъ, и я остался въ недоразумѣніи; а заняться устроеніемъ сихъ школъ мы готовы и рады показать усердіе.

„Въ бытность мою въ Херсонѣ осмотрю сиротское отдѣленіе и извѣщу о состояніи его.

„Не забудь, что я запрягся какъ лошадь, и что отрада

---

[1]) Т.-е. Сабанѣеву.

моя состоитъ въ воспоминаніи пріятелей моихъ; 1-ое число мѣсяцевъ не забывай, въ чемъ полагаюсь на твою дружбу.

„Прощай, Киселевъ".

Закревскій на это письмо отвѣчалъ 30-го іюня слѣдующее:

„Радуюсь душевно, что ты доволенъ своимъ главнокомандующимъ; теперь отъ тебя зависитъ, чтобы сіе продолжалось. Онъ человѣкъ мягкій и добрый; слѣдовательно, хорошею и не пылкою манерою можешь все изъ него сдѣлать. Самое затрудительное — преодолѣно. Всѣ дѣла по арміи мимо тебя не идутъ. Вотъ и долженъ быть порядокъ, а всякое упущеніе по службѣ должно падать уже на тебя. По прибытіи графа сюда (въ Петербургъ), вѣрно, ни въ чемъ ему не откажутъ, если будетъ о чемъ-либо просить: тогда возстановится по прежнему мировая".

Первые шаги Киселева на новомъ его поприщѣ и въ особенности отношенія его къ главнокомандующему интересовали не только его друзей, но и самого Государя. А. Ѳ. Орловъ писалъ Киселеву:

„Стрѣльна, 31-го іюля 1819 года.

„Здѣсь очень довольны тѣмъ способомъ, которымъ ты пустилъ въ ходъ машину; это я слышалъ отъ князя Петра и отъ самого Государя. Онъ восхищался честнымъ обращеніемъ съ тобою главнокомандующаго, и, что для тебя очень лестно, Онъ прибавилъ: „Я былъ увѣренъ, что онъ его полюбитъ, когда его узнаетъ"... Вотъ почти все, что я имѣлъ сказать тебѣ, любезный другъ; будемъ слушаться только своего сердца и усердія; будемъ исполнять нашъ долгъ, и главное вѣрить, что истинная награда въ нашей собственной совѣсти и уваженіи честныхъ людей. Прощай„.

„С.-Петербургъ, 1-го октября 1819 года.

„Я начинаю съ самаго интереснаго: Государь въ день своего отъѣзда призвалъ меня съ обыкновенною благосклонностью, спросилъ меня, имѣю-ли извѣстія отъ тебя; я разсказалъ ему о полученномъ отъ тебя письмѣ, прибавивъ о томъ, что ты говорилъ на счетъ графа. Его Величество мнѣ сказалъ: увѣрь Киселева, что пріемъ, который ему сдѣлаютъ, будетъ достоинъ

Моего уваженія, его честности, услугъ имъ оказанныхъ, и того, какъ Я его цѣню. Выразившись такъ милостиво о тебѣ, Онъ уѣхалъ“ [1]).

Почти въ тоже время князь Волконскій писалъ изъ Варшавы (отъ 20-го октября 1819 года) Киселеву: „Я несказанно радъ, узнавъ по перепискѣ вашей съ Закревскимъ, что вы живете въ ладу съ графомъ Витгенштейномъ, въ чемъ я съ самаго начала не сомнѣвался, зная его за отличнаго, честнѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка, съ коимъ весьма пріятно служить и имѣть дѣло. Съ вашимъ же умомъ вы нигдѣ не найдете затрудненій, и вамъ остается только стараться навсегда удержать это положеніе, чтó совершенно отъ одного васъ зависитъ. Прошу по дружбѣ не забывать нѣкоторыхъ совѣтовъ, мною вамъ данныхъ“.

На обратномъ пути изъ Черноморіи, при проѣздѣ чрезъ Одессу, Киселевъ обратилъ вниманіе на положеніе тамошняго лицея, которому грозило разстройство вслѣдствіе интригъ законоучителя архимандрита и другихъ преподавателей противъ аббата Николя, который основалъ и велъ все заведеніе.

Въ лицеѣ или, лучше сказать, у аббата Николя воспитывались тогда два сына кн. Волконскаго, и туда же думалъ Павелъ Дмитріевичъ помѣстить своего младшаго брата. Киселевъ писалъ [2]) объ этомъ кн. Волконскому и просилъ принять теплое участіе въ дѣлѣ поддержанія лицея.

По его мнѣнію для этого слѣдовало бы на мѣсто архимандрита помѣстить священника, на котораго возложить преподаваніе Закона Божія безъ вліянія на прочіе предметы; подчинить лицей, по примѣру царскосельскаго, непосредственно министру просвѣщенія; помѣстить въ совѣтъ Сабанѣева или Инзова; предоставить совѣту избраніе профессоровъ; наконецъ, Киселевъ предлагалъ принять на себя самый строгій надзоръ надъ лицеемъ. Князь Волконскій отвѣчалъ Киселеву изъ Варшавы [3]): „Письмо ваше объ институтѣ въ Одессѣ я чи-

---

[1]) Въ Варшаву, 6-го сентября 1819 г.

[2]) Въ маѣ 1819 г. изъ Одессы.

[3]) 2-го октября 1819 г.

талъ Его Величеству; но, къ сожалѣнію, мало вижу успѣха и боюсь весьма, чтобы оный нерушился отъ интригъ, обращенныхъ противъ аббата, который, кажется, хочетъ удалиться; а безъ него мудрено, чтобъ онъ удержался. Вражда, существующая между аббатомъ и обучающими должна уже, полагаю, дѣлать много вреда имѣть худое вліяніе надъ учениками. Касательно предлагаемаго вами заведенія взаимнаго обученія, нѣтъ сомнѣнія, что оно весьма бы полезно было,—но теперь не могу вамъ еще разрѣшить, потому что предъ отъѣздомъ министръ просвѣщенія требовалъ, по Высочайшему повелѣнію, свѣдѣнія о всѣхъ таковыхъ заведеніяхъ по военной части, неизвѣстно еще для чего, почему и совѣтую повременить немного, не останавливая, однако, тѣхъ которыя заведены.

ГЛАВА IV.

1819 годъ.

Составъ и расквартированіе 2-й арміи.—Внутренній бытъ 2-й арміи.—Сотрудники Киселева при поступленіи его въ новую должность.—Пестель и его отношенія къ Киселеву.—Бурцевъ, Басаргинъ, Чепурной, князь Трубецкой.—Князь Волконскій, Рудзевичъ, Сабанѣевъ.—Юшневскій, Аврамовъ.—Тульчинское общество.—Начало дѣятельности Киселева.—Приказъ по арміи вслѣдствіе осмотра.—Отчетъ самому себѣ.—Недовольство составомъ высшихъ чиновъ 2-й арміи.—Отзывъ Закревскаго.—Что сдѣлано Киселевымъ въ первые четыре мѣсяца.—Грустное настроеніе Киселева.—Утѣшеніе со стороны Закревскаго.—Примирительный образъ дѣйствія Киселева.—Порученіе, данное Государемъ Киселеву помимо главнокомандующаго.—Придирчивость Толя. — Распредѣленіе работъ по составленію исторіи войны съ Турціею.—Дѣло Жуковскаго.—Появленіе чумы въ Бессарабіи.—Личности между Бахметьевымъ и Сабанѣевымъ.—Уменьшеніе и совершенное прекращеніе заразы.—Поѣздка графа Витгенштейна въ Петербургъ.—Переписка по этому поводу Киселева съ Закревскимъ. — Отзывы въ Петербургѣ о дѣятельности Киселева. — Неудавшееся ходатайство Витгенштейна о наградѣ Киселева.—Переписка по этому поводу съ Орловымъ.

Составъ и расквартированіе 2-й арміи.

Вторая армія состояла изъ двухъ пѣхотныхъ корпусовъ:

а) Шестаго изъ 16-й и 17-й пѣхотныхъ дивизій, съ артиллерійскими бригадами.

б) Седьмаго изъ 18-й, 19-й и 20-й пѣхотныхъ дивизій, съ артиллерійскими бригадами.

При 7-мъ пѣхотномъ корпусѣ состояла 3-я драгунская дивизія, съ двумя конно-артиллерійскими ротами (батареями).

При арміи состояло 9-ть казачьихъ полковъ, распредѣленныхъ между обоими корпусами.

Армія была расквартирована въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической и въ Бессарабской области; штабъ 6-го корпуса находился въ Тирасполѣ, а 7-го въ Херсонѣ.

Разбросанная на громадномъ пространствѣ на широкихъ квартирахъ, большею частью по небольшимъ уѣзднымъ городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ, армія эта, представлявшая въ совокупности значительную цифру около 60 т. человѣкъ, какъ-бы расплывалась въ густомъ населеніи Кіевской и Подольской губерній, теряясь въ обширныхъ степяхъ Новороссійскаго края.

Такимъ образомъ, самое расквартированіе обусловливало трудность, почти невозможность фактическаго контроля надъ дѣйствіемъ не только ротныхъ и баталіонныхъ, но даже и полковыхъ командировъ.

Внутренній быть арміи.

Чтобы правильно судить о дѣятельности Киселева въ должности начальника главнаго штаба, посмотримъ, въ какомъ положеніи находился внутренній бытъ арміи въ то время, когда ему пришлось работать въ ея средѣ.

Командиръ 6-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Сабанѣевъ въ своихъ откровенныхъ письмахъ къ Киселеву далъ для сего богатый матеріалъ. Эти письма представляютъ точную картину тогдашняго внутренняго войсковаго быта не только 2-й арміи, но и вообще всѣхъ русскихъ войскъ.

Сабанѣевъ желалъ преобразованія арміи во всѣхъ отношеніяхъ для уничтоженія зла, господствовавшаго въ то время по всѣмъ частямъ военнаго управленія,—зла, существованіе котораго подтверждалось многочисленными претензіями нижнихъ чиновъ о недодачѣ имъ денегъ и провіанта, о жестокомъ обращеніи и проч., слѣдствіемъ чего бывали частые побѣги солдатъ, упадокъ дисциплины и т. п. Величайшее зло, способствовавшее нравственному разложенію арміи, Сабанѣевъ видѣлъ въ установившемся съ давнихъ поръ порядкѣ „украшать полки на счетъ экономіи, получаемой полковыми командирами отъ обмундированія“ [1]). Новая кройка платья, со-

[1]) Письмо 13 декабря 1819 г.

вершенно уничтожившая эту экономію, повела, по его мнѣнію, къ тому, что „дальнѣйшее украшеніе полковъ будетъ дѣлаться на счетъ солдатскаго мамона. „Какъ не видятъ такого ужаснаго порока, вкоренившагося въ администрацію побѣдоносной арміи?“ Сабанѣевъ полагалъ, что измѣненіемъ порядка вещеваго довольствія войскъ и возложеніемъ его на коммисаріатъ, исключая двухъ и трехгодовой аммуниціи, развяжутся руки начальству. Сообщая свое мнѣніе объ организаціи нашей арміи, онъ говоритъ, что „такихъ порядковъ нѣтъ въ европейскихъ арміяхъ“; что—„у насъ все дѣлай и все какъ-нибудь. Нигдѣ столько не марается бумаги и не выдумано формъ, рапортовъ, какъ у насъ. Ничто не соображено ни со способностями, ни съ силами человѣческими. У насъ солдатъ для аммуниціи, а не аммуниція для солдата. У насъ солдатъ шагу не ступитъ, безъ принужденной выправки. Офицеры не знаютъ обязанностей. Нѣтъ книги, по которой служатъ“. Совѣтуя заняться составленіемъ устава и штатами для арміи, онъ говорилъ: „Словомъ, надо правительству составить комитетъ. Я заврался и конца не будетъ. Это также серьезное дѣло, о которомъ не могу разсуждать хладнокровно“... „Офицеровъ почти нѣтъ. Если выбросить негодныхъ, то пополнять будетъ не кѣмъ. Какой источникъ? Изъ корпусовъ и отъ производства унтеръ-офицеровъ?! Что за корпуса! Что за народъ, идущій служить въ армію унтеръ-офицерами! Изъ 1000 одинъ порядочный!... Неужели сіи два важнѣйшіе предмета не заслуживаютъ вниманія Государя? Кто виноватъ? На что главнокомандующіе, которые не могутъ знать? Это не дѣлаетъ имъ чести. Можетъ ли Государь все видѣть, все знать? Нѣтъ. Если Онъ заблуждается, и первые по Немъ люди видятъ Его заблужденія—зачѣмъ молчатъ? Зачѣмъ не растолкуютъ ясно? Истину говорить и Царю не страшно. Я за честь поставилъ бы впасть въ немилость Царскую за подобныя представленія. Я имѣлъ случай представить объ этомъ и представилъ. Бѣды никакой не ожидалъ, не боялся и бояться не могъ, а попалъ въ бѣду—тогда истинно гордился бы лишь несчастьемъ“... „Въ арміи нашей много важнѣйшихъ предметовъ, о нихъ должно раз-

6*

суждать не одному лицу, а многимъ разсудительнымъ и опытнымъ людямъ, иначе, ужаснѣйшее зло—неизбѣжно".

Безпорядки, бывшіе въ 1819 году въ 6-мъ корпусѣ, дошли до свѣдѣнія Государя, и черезъ Аракчеева послѣдовали замѣчанія Сабанѣеву; по этому поводу онъ писалъ Киселеву [1]): „Съ покорностью и безъ малѣйшаго негодованія принялъ бы замѣчанія Царя земнаго, но получить ихъ отъ Аркачеева несносно.... Не грустно ли видѣть каждому благомыслящему человѣку, какое вліяніе сей гнилой столбъ имѣетъ на дѣла государственныя? Рабъ и льстецъ осмѣливается говорить Государю, что не повѣрилъ бы, что въ побѣдоносной арміи Его Величества есть такой слабый по фронтовой службѣ баталіонъ, какъ будто фронтовая механика есть необходимость для побѣды? Кто служилъ, тотъ знаетъ, чтó для побѣды нужно. Сей столь опороченный баталіонъ, конечно, не обезчестилъ бы собою побѣдоносной арміи, только не подъ начальствомъ Аракчеева и Клейнмихеля"!....

Произведя разслѣдованіе на мѣстахъ расквартированія полковъ о положеніи солдата и относительно причинъ къ побѣгамъ, Сабанѣевъ писалъ Киселеву: [2]) „Всевышній свидѣтель участія, принимаемаго мною въ положеніи ввѣренныхъ моему начальствованію людей. Но что можно сдѣлать, гдѣ само правительство разрушаетъ всѣ способы къ прекращенію зла и даетъ еще поводы къ оному? Продовольствіе попеченіемъ полковыхъ командировъ есть ужаснѣйшее зло".

Причины побѣговъ Сабанѣевъ видѣлъ не въ мелкихъ притѣсненіяхъ солдата. — „Шайка разбойниковъ (подразумѣвая начальствующихъ лицъ, злоупотребляющихъ своею властью) вездѣ есть. Зло заключается въ администраціи арміи и въ самомъ правительствѣ, обманутомъ подлыми рабами. Волконскій и Закревскій судятъ о состояніи частей по нѣкоторымъ несчастнымъ случаямъ. Имъ надо выставить настоящія причины и показать, что исцѣленіе недуга, заразившаго армію, въ десницѣ Царской"!..—Признавая лучшею мѣрою къ отвращенію

---

[1]) Письмо 13 ноября 1819 года.

[2]) 13 Января 1820 года.

въ войскахъ болѣзней лучшую матеріальную обстановку и обращая на это вниманіе Киселева, онъ пишетъ, что имъ, Сабанѣевымъ, приняты для сего всевозможныя мѣры и „что все сдѣлано для пополненія желудковъ, а не кармановъ".

По поводу нечистоты, найденной Киселевымъ въ корпусномъ лазаретѣ, Сабанѣевъ писалъ, что это произошло отъ его отсутствія. „Что же касается до красоты, я о ней не думалъ. —Роскошь въ пустякахъ—значитъ, напустить пыли въ глаза Императору. Я готовъ служить Ему усердіемъ и сбереженіемъ войска, но не занавѣсками и пр., выставляемыми Ему на глаза.—Это мнѣ кажется даже низкимъ. Горчаковъ въ Каменцѣ понатыкалъ [1]) деревьевъ, и всѣ думали, что это садъ. Какъ назвать такой поступокъ"?

Замѣчено было жестокое обращеніе съ солдатами одного изъ полковыхъ командировъ въ 16-й дивизіи, Ширмана. Сабанѣевъ писалъ, по этому поводу, что онъ не понимаетъ Михаила Орлова, начальника дивизіи, который говоритъ солдатамъ, что запрещаетъ ихъ наказывать, и вмѣстѣ съ тѣмъ жалѣетъ тѣхъ, кто ихъ тиранитъ. Никакія заслуги, по мнѣнію Сабанѣева, не должны быть поводомъ къ ослабленію закона; одинъ строгій примѣръ въ арміи сдѣлаетъ большое вліяніе на охотниковъ—палочнаго ремесла. „Въ теченіи службы моей я видѣлъ такихъ командировъ, которые дрались потому только, что ихъ самихъ драли. Неосновательно же заключить, что Ширманъ, по большой привычкѣ къ палкамъ, принялся за тесаки. Словомъ, я его разумѣю тираномъ, а тѣхъ ближайшихъ командировъ, гдѣ онъ служилъ, бабами, которые, для своего спокойствія, допускали Ширмана тиранить людей. Разумѣется однакоже, что безъ строжайшаго изслѣдованія чиновникомъ другой арміи нельзя приступить къ наказанію Ширмана. Я неспособенъ протестовать противъ рѣшенія главнокомандующаго, но самъ упустить дѣло столь важное и не дать ему полнаго и законнаго хода не могу". Такъ какъ при Высочайшихъ смотрахъ возможенъ былъ лишь поверхностный обзоръ, то каждый начальникъ стремился къ тому, чтобы

[1]) Во время предыдущаго проѣзда Государя.

часть имѣла красивый наружный видъ. „Учебный шагъ, хорошая стойка, быстрый взоръ, скобка противъ рта [1]), параллельность шеренгъ, неподвижность плечъ и всѣ тому подобные, ничтожные для истинной цѣли, предметы столько всѣхъ заняли и озаботили, что нѣтъ минуты заняться полезнѣйшимъ. Одинъ учебный шагъ и переправка аммуниціи задушили всѣхъ отъ начальника до нижняго чина“.... „Какое мученіе несчастному солдату и все для того только, чтобы изготовить его къ смотру! — Вотъ гдѣ тиранство! — Вотъ въ чемъ достоинство Шварца, Клейнмихеля, Желтухина и имъ подобныхъ!—Вотъ къ чему устремлены всѣ способности, всѣ заботы начальниковъ. Гдѣ же тутъ польза? Гдѣ наши обязанности“? „Какихъ достоинствъ ищутъ нынѣ въ полковомъ командирѣ“? — „Достоинство фронтоваго механика, будь онъ хоть настоящее дерево. Отъ сихъ правилъ даже фронтовая служба сдѣлалась труднѣе, а тиранство стало необходимостью. Всѣ полковые командиры истощаются въ выдумкахъ пріобрѣтенія экономіи. Для чего же? Для наружныхъ и безполезныхъ украшеній солдатъ. — Всякій ремешокъ стоитъ трудовъ и пота солдатскаго“.... „Кто управляетъ ротами? Такіе офицеры, которые ничего, кромѣ ремесла взводнаго командира, незнаютъ, да и то плохо; которые ни своихъ обязанностей, ни солдатскихъ не вѣдаютъ... Большая часть офицеровъ, бывшихъ въ прошедшую войну или оставили службу, или поднялись выше достоинствъ своихъ. Чего же ожидать должно? Нельзя безъ сердечнаго сокрушенія видѣть ужасное уныніе измученныхъ ученьемъ и передѣлкою аммуниціи солдатъ... Нигдѣ не слышно другаго звука, кромѣ ружейныхъ пріемовъ и командныхъ словъ, нигдѣ другаго разговора, кромѣ крагъ, ремней и вообще солдатскаго туалета и учебнаго шага. Бывало, вездѣ пѣсни, вездѣ весело. Теперь нигдѣ ихъ не услышишь. — Вездѣ *цыцъ-гаузы* и цѣлая армія учебныхъ командъ. — Чему учатъ? Учебному шагу! Не совѣстно ли старика, ноги котораго исходили 10 т. верстъ, тѣло котораго покрыто ранами, учить наравнѣ съ рекрутомъ, который, конечно, въ короткое время сдѣлается его

[1]) При держаніи ружья на караулъ.

учителемъ? Необходимо ли это? Какое же честолюбіе поселимъ мы въ войскахъ, если служба и раны не будутъ уважены"?.. „Тиранство есть необходимое слѣдствіе фронтоваго педантизма, а уныніе войскъ, отъ того происходящее, предвѣстникъ большихъ несчастій. Пора, давно пора (приступить къ реформамъ).—Иначе черный духъ Семеновскаго полка осѣнитъ всю армію. Исторія Кексгольмскаго полка родила исторію Семеновскаго, а Семеновская родитъ урода"....[1])

Всѣ указанныя злоупотребленія какъ-бы освящались мнѣніемъ, что „того желаетъ Государь". Сабанѣевъ по этому поводу писалъ[2]) Киселеву: „Объѣзжая 17-ю дивизію, говорилъ полковымъ командирамъ": „мысль будто-бы Государь желаетъ выправки и единообразія съ пожертвованіемъ всѣхъ священнѣйшихъ обязанностей вашихъ, есть оскорбленіе Величества. Какъ помочь дѣлу, когда всякій упираетъ на волю Государя", и „какого ожидать успѣха тамъ, гдѣ самъ дивизіонный командиръ бьетъ солдата по зубамъ? Желтухинъ совершенный антиподъ моихъ правилъ.... на многихъ полковыхъ командировъ надежда плоха"... „Ужели въ цѣлой Имперіи не найдется человѣка, который хотѣлъ бы и могъ открыть передъ Государемъ истину, которую рабы и льстецы передъ нимъ зажиливаютъ?" „Мнѣ, вступившему въ предѣлы близкіе къ вѣчности и правому сердцемъ, не страшно говорить правду"... „Если угодно графу (Витгенштейну), я представлю ему рапортъ, что пишу къ вамъ. Пусть представитъ онъ Государю,—пусть потребуетъ Онъ меня къ себѣ или выгонитъ изъ службы.—Я готовъ на все"...

Положеніе, въ которомъ находилась армія, вызвала горькія сѣтованія даже въ старомъ генералѣ, привыкшемъ ко всякаго рода невзгодамъ; что же оно должно было возбуждать въ воспріимчивыхъ, свѣжихъ силахъ молодежи, видѣвшей лучшее за границею?

Чтобы дѣйствовать въ такой средѣ, возстановляя въ ней человѣческую личность, приниженную во имя превратно по-

[1]) Письмо отъ 11 декабря 1820 г.
[2]) Письмо отъ 29 ноября 1820 г.

нятаго долга, надо было много энергіи и такта, такъ какъ рядомъ съ темною силою невѣжества и злонамѣренности стояла молодая, дѣтски-наивная и юношески-восторженная группа людей, готовыхъ на всякія крайности для торжества истины, которую они понимали по-своему.

Возстановить правильное пониманіе служебнаго долга, поддерживая однихъ, умѣряя рвеніе другихъ и карая третьихъ, задача нелегкая, для выполненія которой нужны были разумные, ближайшіе помощники.—Посмотримъ, на что въ этомъ отношеніи могъ расчитывать Киселевъ.

Сотрудники Киселева.

Съ назначеніемъ Киселева на должность начальника штаба, дежурный генералъ штаба 2-й арміи, генералъ-маіоръ Игнатьевъ оставилъ свою должность, получивъ новое назначеніе.

Выше мы видѣли, какое наставленіе Закревскій въ письмѣ отъ 1 мая давалъ Киселеву относительно выбора дежурнаго генерала. Киселевъ желалъ взять на эту должность полковника Новосильцева; но это назначеніе не могло состояться, потому что, какъ писалъ Закревскій [1]) „князь Петръ (Волконскій) объявилъ мнѣ, что Государь не согласится. На этомъ мѣстѣ долженъ быть непремѣнно генералъ; опытъ въ предыдущую кампанію доказалъ справедливость сію. Бывшій дежурнымъ генераломъ полковникъ Маринъ унизилъ сіе званіе и чрезъ то терпѣла служба. Признайся, что на семъ мѣстѣ полковнику быть не должно“... Вмѣстѣ съ Новосильцевымъ былъ представленъ и утвержденъ артиллерійскій генералъ Засядко, котораго рекомендовалъ Киселеву Д. Давыдовъ, и за котораго былъ и Закревскій.

Но Засядко не оправдалъ своего назначенія и пробылъ на этой должности недолго. Въ началѣ 1820 года онъ уѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и былъ оставленъ, а на мѣсто его назначенъ былъ дежурнымъ генераломъ Байковъ.

Въ секретномъ спискѣ генераловъ 2-й арміи противъ фамиліи Байкова сдѣлана главнокомандующимъ слѣдующая ат-

---

[1]) 30 іюня 1819 года.

тестація:—„хорошій бригадный,—исполнитель, говорятъ, отличный“.

Генералъ-квартирмейстеръ 2-й арміи былъ генералъ-маіоръ М. Я. Хоментовскій, офицеръ съ 1798 года и въ генеральскомъ чинѣ старше Киселева. Въ спискѣ генераловъ имѣлъ такую аттестацію:—„отлично усердный исполнитель, честный по душѣ,—для копировки картъ отличный“.

Пестель и его отношенія къ Киселеву.

Въ числѣ офицеровъ, занимавшихъ разныя должности въ штабѣ, встрѣчается много именъ, получившихъ впослѣдствіи печальную извѣстность, такъ называемыхъ, декабристовъ, какъ-то: Басаргинъ, Пестель, Бурцевъ, князь Барятинскій, Черкасовъ, Крюковъ, Аврамовъ и другіе; но между всѣми особенно выдавался, какъ своими способностями, такъ и вліяніемъ на главнокомандующаго, Пестель. Бывшій камеръ-пажъ и офицеръ лейбъ-гвардіи литовскаго (нынѣ московскій) полка, участникъ отечественной войны, во время которой, на Бородинскомъ полѣ, былъ раненъ пулею въ ногу, Пестель въ 1813 и 1814 годахъ былъ уже адъютантомъ при графѣ Витгенштейнѣ, съ которымъ и прибылъ во 2-ю армію, когда послѣдній назначенъ былъ главнокомандующимъ.

Оставляя въ сторонѣ его дѣятельность, какъ революціоннаго агитатора, нельзя пройти молчаніемъ о той ловкости, съ которою онъ въ 1819 и 1820 годахъ, оставаясь довѣреннымъ и близкимъ лицомъ къ главнокомандующему, съумѣлъ сблизиться съ Киселевымъ, несмотря на предостереженія, обильно посылавшіяся послѣднему изъ С.-Петербурга. Почти при самомъ вступленіи Киселева въ должность начальника штаба, именно 2-го іюня 1819 г., какъ выше было сказано, Закревскій писалъ ему: „Здѣсь говорятъ, что Пестель адъютантъ его (Витгенштейна) все изъ него дѣлаетъ; возьми свои мѣры. Государь о немъ мнѣнія не перемѣнялъ и не перемѣнитъ. Онъ его хорошо, кажется, знаетъ“.

Киселевъ на это отвѣчалъ (13 іюля 1819 г.):.. „Ты мнѣ пишешь о *Пестелѣ*, и для меня извѣстіе весьма сожалительное; изъ всего здѣшняго синклита онъ одинъ, и совершенно одинъ, могущій съ пользою быть употребленъ; малый

умный, со свѣдѣніями и который до сихъ поръ ведетъ себя отлично хорошо; я его употребляю только потому, что онъ весьма употребителенъ и отъ дѣла не удаляется. Пестель такого свойства, что всякое мѣсто займетъ съ пользою; жаль, что чинъ не позволяетъ; но дежурный ли генералъ, начальникъ ли штаба въ корпусѣ—вездѣ собою принесетъ пользу, ибо голова хорошая и усердія много. Я личностей не знаю, и забываю до пріѣзда моего дѣйствіе, о которомъ извѣстился; но отдавая справедливость способностямъ его, я полагаю служить тѣмъ Государю; впрочемъ, говорю о томъ, что вижу, за будущее не отвѣчаю". „Радуюсь, писалъ Закревскій [1]), что ты отъ Пестеля въ восхищеніи. Но прошу имѣть его въ томъ мнѣніи, какъ къ тебѣ писалъ. Время все открываетъ, а не минутное удовольствіе". Киселевъ отвѣчалъ на это: „Въ Пестелѣ не душевныя качества хвалю, но способности ума и пользу, которую извлечь отъ того можно; впрочемъ, объ моральности не говорю ни слова" [2]).

При отъѣздѣ графа Витгенштейна въ Петербургъ Киселевъ писалъ Закревскому 13 ноября 1819 года: „Приласкай ѣдущаго съ графомъ адъютанта. Я ему надѣлъ узду и такъ ловко, что онъ къ ней привыкъ и повинуется. Конь выѣзженъ отлично, но онъ съ головою, и къ дѣлу очень способенъ; сверхъ того, я не желаю, чтобы помимо или черезъ меня онъ что либо потерялъ; твое же обхожденіе хорошее или дурное будетъ ему чувствительно, тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ, что Верховная Власть заключаетъ объ немъ не отличнымъ образомъ. Я его совершенно удалилъ отъ дѣлъ, дабы не пріучить старика къ прежнему заведенному нерегулярному ходу оныхъ. Но по слѣдствіямъ Сталя и Жуковскаго онъ работалъ и хотя съ излишнею злостью, но всегда съ умомъ".

И вслѣдъ затѣмъ, 27-го ноября 1819 года: „Пестель неотступно просилъ къ тебѣ письма, и я въ настоящихъ обстоятельствахъ не могъ просьбы не удовлетворить. Покорность его заслуживала воздаянія, и признаться, что потерялъ со-

[1]) Письмо 1-го августа 1819 года.

[2]) Письмо 14-го августа 1819 года.

вершенно въ дѣлахъ вліяніе, было, конечно, ему прискорбно; тѣмъ еще болѣе, что предмѣстникъ мой (Рудзевичъ) находился у Пестеля въ точномъ подданствѣ, и что я взялъ совсѣмъ противный тому ходъ. Однакожъ должно сказать, что онъ человѣкъ, имѣющій особенныя способности и не корыстолюбивъ, въ чемъ я имѣю доказательства. Вотъ достаточно, по моему мнѣнію, чтобы все прочее осталось безъ уваженія".

На это сближеніе смотрѣли неблагопріятно и даже, какъ видно, насчетъ Киселева начали распространяться недобрые слухи. Закревскій еще разъ предупредилъ его:

„До меня слухи доходятъ, что тебя въ арміи не любятъ, и что ты свободное время проводишь большею частью съ Пестелемъ. Не вѣря сему, я желалъ бы знать отъ тебя истину. Неужели ты не укротилъ порывистый нравъ свой, о чемъ я нѣсколько разъ уже писалъ тебѣ, по пріѣздѣ твоемъ въ Тульчинъ?—И какая связь дружбы соединила тебя съ Пестелемъ, о характерѣ и нравственности котораго ты писалъ мнѣ неоднократно?—Любя тебя, не могъ сего скрыть, и потому можешь судить, что я дружбу цѣнить умѣю [1])".

Несмотря на предостереженія, можно сказать даже настоянія, Закревскаго, Киселевъ не удалялъ отъ себя Пестеля. Это можно объяснить только тѣмъ, что даровитая натура Киселева не только не отталкивала отъ себя, какъ то дѣлаютъ натуры посредственныя или бездарныя, людей талантливыхъ, но напротивъ, питала и выказывала къ нимъ сочувствіе; а что Пестель былъ человѣкъ талантливый, просвѣщенный и обладавшій большою энергіею, въ томъ сомнѣваться нельзя [2]). То видишь его въ Петербургѣ (съ главнокомандующимъ), покупающаго Киселеву книги для изученія исторіи войнъ съ Турками; то въ учебномъ баталіонѣ, изучающимъ фронтовую часть; то на границѣ наблюдающимъ дѣйствія этеристовъ, причемъ имъ составляется обстоятельный и подробный отчетъ; то, наконецъ, дѣятельнымъ командиромъ Вятскаго полка.

---

[1]) 28-го сентября 1820 года.

[2]) Это видно, между прочимъ, изъ сохранившихся въ бумагахъ Киселева писемъ къ нему Пестеля за 5-ть лѣтъ (1819—1823), писанныхъ на хорошемъ французскомъ языкѣ.

Видно также, что его интересовали не одни служебныя дѣла. Такъ между новостями, сообщаемыми Пестелемъ изъ Петербурга въ письмѣ отъ 15 декабря 1819 года, онъ пишетъ Киселеву:—„Въ числѣ общихъ милостей (по случаю 12 декабря) есть одна, долженствующая произвесть эффектъ. — Это манифестъ, которымъ Его Величество отмѣняетъ налоги на доходы дворянъ и купцовъ, бывшіе необходимыми вслѣдствіе событій 1812 года. Количество этихъ налоговъ было предоставлено совѣсти каждаго, ибо доходы были опредѣлены каждымъ за себя. Общій итогъ этого налога немногимъ превышалъ 2 милліона рублей, и это доказываетъ, или что масса доходовъ этихъ лицъ очень незначительна, или же что совѣсть ихъ не слишкомъ велика".

Пестелю вообще не везло по службѣ, несмотря на протекцію Витгенштейна и ходатайство Киселева. Въ нѣсколькихъ письмахъ говорится о какихъ-то неудачахъ, какихъ именно неизвѣстно, такъ какъ въ сохранившихся бумагахъ Киселева нѣтъ никакихъ разъясненій.

Въ письмѣ отъ 20 сентября 1820 года говоритъ онъ, что Пестель ожидаетъ какого-то назначенія. Точно также и въ письмѣ отъ 8 февраля 1820 года онъ упоминаетъ, что о его назначеніи, фельдъегерь еще не привезъ никакихъ извѣстій. Затѣмъ изъ письма отъ 19 іюля 1821 года, видно, что Пестель, если и не потерпѣлъ полнѣйшей неудачи, то все-таки не получилъ того, что можно было ожидать: „Поступки ваши относительно меня таковы, что доставляютъ мнѣ истинное удовольствіе говорить во всеуслышаніе, что моя благодарность вамъ велика и я люблю такъ говорить потому, что это служитъ истиннымъ выраженіемъ моихъ чувствъ. Я уже слишкомъ привыкъ къ непріятностямъ по службѣ, чтобы ожидать чего-либо другаго и потому не обращаю ни малѣйшаго на нихъ вниманія. Я совершенно равнодушенъ къ непріятностямъ, могущимъ со мною случиться; но взамѣнъ сего безгранично чувствителенъ къ малѣйшему знаку вниманія и дружбы, и вотъ почему письмо ваше мнѣ доставило въ тысячу разъ болѣе удовольствія, чѣмъ сколько сдѣлала непріятностей къ нему приложен-

ная бумага Закревскаго. Мнѣ жаль, что вы потратили еще нѣсколько словъ въ мою пользу. Дѣло того не стоило. Вы имѣли очевидныя доказательства милостей къ вамъ Его Величества и потому, мнѣ кажется, вы могли бы не обращать вниманія на мое дѣло; въ сущности самъ придаю этому дѣлу очень мало значенія. Если позволите объяснить мою мысль, то скажу вамъ, что я желалъ бы, чтобы ваши заботы были обращены на болѣе важные случаи, гдѣ дѣло идетъ объ участи лицъ, придающихъ значеніе своей карьерѣ. Подобныя заботы вашего превосходительства до сего времени были такъ полезны цѣлому классу лицъ, что я смотрю на это, какъ на силу, къ которой надо прибѣгать порѣже". Получивъ Вятскій полкъ, Пестель благодарилъ Киселева за участіе его въ этомъ дѣлѣ; затѣмъ въ другомъ письмѣ [1]) онъ пишетъ Киселеву о состояніи полка и о разныхъ препятствіяхъ, которыя дѣлаетъ ему Броминъ (предшественникъ Пестеля) въ принятіи полка.

Когда Киселевъ въ 1822 году былъ въ отпуску за границею и разнеслась вѣсть, что онъ уже не пріѣдетъ во 2-ю армію, Пестель писалъ ему [2]): — „Я пользуюсь позволеніемъ изрѣдка писать вамъ. — Вы теперь въ Берлинѣ и свободны на нѣкоторое время отъ цѣлыхъ кипъ дѣловыхъ бумагъ, которыя васъ въ Тульчинѣ осаждали каждое утро.—Но если эти занятія были трудны, часто не интересны и иногда даже непріятны, то вы не можете же не вспомнить безъ чувства истиннаго удовольствія и вполнѣ законной гордости о томъ времени, когда вы заправляли дѣлами 2-й арміи; вы такъ много сдѣлали добра службѣ вообще и множеству лицъ въ частности, что неиначе, какъ съ благодарностью и уваженіемъ 2-я армія будетъ васъ вспоминать. Немногіе начальники пріобрѣли такое расположеніе, а потому оно должно васъ вполнѣ удовлетворить. Я убѣжденъ также и въ томъ, что вы съ своей стороны любите 2-ю армію и должны быть увѣрены, что она имѣетъ искреннюю къ вамъ привязанность за ваши

---

[1]) Оба эти письма безъ означенія числа, но они относились къ концу 1821 г.
[2]) 15 ноября 1822 г.

добродѣтели и рѣдкія качества.—И такъ, возвращайтесь поскорѣе къ намъ; конечно, удовольствія свободной жизни замѣнятся для васъ скучною работою, — но плоды ея прочны и привязываютъ къ вамъ сердца храбрыхъ воиновъ, участь которыхъ вы такъ часто облегчали — улучшали, и которые даже въ вашей большой строгости видѣли лишь доказательства высокой справедливости и любви къ общественному благу. Мнѣ пріятно все это сказать вамъ потому, что оно есть выраженіе моихъ чувствъ къ вамъ"....

Болѣе подробное изложеніе обстоятельствъ, которыми могутъ быть опредѣлены отношенія Киселева къ Пестелю, сдѣланы нами въ виду толковъ, и даже обвиненій, которыя были взведены на перваго изъ нихъ, когда вполнѣ обнаружилась революціонная роль втораго. Вообще вся переписка Киселева съ Пестелемъ, несмотря на ихъ, какъ кажется, довольно близкія отношенія, касается исключительно служебныхъ интересовъ.

Бурцевъ. Другою личностью, которая стояла близко къ Киселеву, не столь извѣстная въ качествѣ декабриста, но болѣе симпатичная, какъ по характеру своему, такъ и по судьбѣ—былъ адъютантъ начальника штаба Бурцевъ. — Прямой, честный, хорошо образованный Бурцевъ, какъ усердный сотрудникъ, стоялъ очень близко къ Киселеву. Сохранилось письмо Бурцева къ Павлу Дмитріевичу, отъ 14 декабря 1820 года изъ Москвы, гдѣ онъ былъ въ отпуску по поводу какихъ-то служебныхъ недоразумѣній. Письмо это, весьма хорошо характеризующее какъ самого Бурцева, такъ и тѣ отношенія, которыя существовали между Киселевымъ и его подчиненными, оканчивалось такъ:

„Вотъ, ваше превосходительство, совершенно откровенное изложеніе моего поведенія во все протекшее время. Осудите меня, если сего заслуживаю:—но единственно за то, что не умѣлъ постигнуть васъ, а не потому чтобъ не былъ способенъ цѣнить ваше расположеніе и чувствительность. Почитая верховнымъ благомъ нравственныя отношенія людей, принадлежа всею душею друзьямъ моимъ, вѣчно чувствуя все добро, каж-

дымъ мнѣ оказываемое, могу-ли быть осужденнымъ за недостатокъ чувствительности? Предаюсь вполнѣ на ваше собственное заключеніе"... „Опасаясь наскучить вашему превосходительству слишкомъ уже пространнымъ изложеніемъ руководившихъ мною правилъ, я скажу въ заключеніе, что не ища въ службѣ ничего, кромѣ пользы моихъ согражданъ, я почитаю первымъ условіемъ оной сохраненіе моего достоинства, и что, на всѣ будущія неизвѣстныя мои къ вамъ отношенія, въ кои можетъ поставить меня превратность обстоятельствъ, я буду неизмѣнно уважать васъ, какъ одного изъ почтенныхъ, рѣдкихъ людей, которыхъ дѣйствія могутъ доставить отечеству величайшую пользу; а время служенія моего при васъ почитать буду поучительнѣйшимъ и счастливѣйшимъ донынѣ временемъ моей жизни".

Если прибавить къ этому письму, что впослѣдствіи, въ трудныя минуты жизни Киселева (во время дуэли съ Мордвиновымъ), онъ находилъ въ Бурцевѣ близкаго себѣ человѣка, то будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы признать, что они оба были честны, искренни и преданы службѣ, не только ради своихъ личныхъ интересовъ, но во имя общей пользы, или, какъ выражается, Бурцевъ „пользы согражданъ"!

Вотъ отзывъ Дениса Давыдова о Бурцевѣ, какъ критикѣ его „Опыта веденія партизанской войны", который онъ посылалъ для прочтенія Киселеву и Сабанѣеву: [1]) „За присылку замѣчаній (Сабанѣева) благодарю, хотя онѣ и не могутъ мнѣ ни къ чему послужить. Ты справедливо называешь ихъ *бреднями*. Я съ будущею почтою пришлю отвѣтъ на нихъ и ты увидишь, кто правъ изъ насъ, кто виноватъ. Не могу того же сказать о Бурцевѣ. Отвѣтъ мой на его замѣчанія онъ увидитъ въ новомъ тисненіи. Я не только что почти все исправилъ по его желанію, но даже цѣлые періоды его включилъ въ новое изданіе. Вотъ критикъ истинный. Если когда-нибудь вздумаю еще писать, ни къ кому другому не прибѣгну и прошу его не отказать мнѣ въ своихъ замѣчаніяхъ, основан-

[1]) 27 декабря 1821 года.

ныхъ на логикѣ,—а не на желчи, какъ замѣчанія Сабанѣева. Пусть это останется между нами, ибо я душевно его почитаю. Слабости эти свойственны человѣку, который, какъ ни говори, а все прожилъ лучшую часть жизни не въ 19-мъ, а въ 18-мъ столѣтіи".

Какъ оказалось впослѣдствіи, Бурцевъ былъ членомъ „Союза благоденствія", но вышелъ изъ общества ранѣе 1825 года, вслѣдствіе чего счастливо избавился отъ суда [1]). Его продержали только 6 мѣсяцевъ въ Бобруйской крѣпости, а потомъ, лишивъ полка, отправили на Кавказъ. Онъ тамъ отличился, получилъ опять полкъ, былъ произведенъ въ генералы и славно погибъ подъ Байбуртомъ въ 1829 году"... „Его тяготила мысль объ участи товарищей, изъ коихъ многіе были его друзьями и имъ приняты въ общество.—Эта мысль заставила его вѣроятно бросаться въ опасности, съ намѣреніемъ погибнуть или отличиться такъ, чтобы имѣть право на особенное вниманіе Государя, и тогда просить о сосланныхъ товарищихъ своихъ".

Басаргинъ и Чепурной.

Въ Воспоминаніяхъ Басаргина, довольно полно обрисованы отношенія его къ Киселеву.

Личными адъютантами у Киселева были Чепурной и князь Трубецкой, оба по рекомендаціи Закревскаго, который о нихъ писалъ:—„Рекомендую Петровскаго полка капитана Чепурнаго, о немъ сдѣлай представленіе заведеннымъ порядкомъ.—Ты имъ будешь доволенъ. Онъ не бѣлоручка„ [2]).

Особенно заботливо относился Закревскій къ князю Трубец-

---

[1]) Воспоминанія Басаргина. Девятнадцатый Вѣкъ. Кн. I стр. 73.

[2]) 30 іюня и 1 августа 1819 г. Позже, именно въ 1825 году, Чепурной перешелъ на службу въ Финляндію; Киселевъ, 28 марта 1825 г. писалъ о немъ Закревскому: „ты спрашиваешь о Чепурновѣ и описываешь его довольно сходными красками; онъ болтливъ и иногда съ воображеніемъ піитическимъ, но онъ вовсе не дурной человѣкъ и нравственности весьма доброй и честной; по крайней мѣрѣ въ 4 года ничего не имѣлъ случая замѣтить, а дѣятельностію его всегда былъ доволенъ. Пожури его наединѣ и потомъ приласкай, ибо безъ того его убьешь тѣмъ паче, что чувствительность его сопряжена съ физическими опасностями, отъ волненія крови происходящими; я повторяю еще, что держа его въ черномъ тѣлѣ, но ласково, ты найдешь въ немъ человѣка хорошаго и человѣка тебѣ преданнаго безъ лицемѣрія.

кому: „600 рублей вручи адъютанту твоему Трубецкому, котораго держи въ рукахъ и займи какимъ нибудь дѣломъ“ [1])...

Къ молодежи, составлявшей Тульчинскій кружокъ, примыкалъ генералъ-маіоръ князь С. Г. Волконскій, о которомъ Закревскій писалъ:

„Князя С. Волконскаго назначили бригáднымъ командиромъ по вашему желанію... За князя Волконскаго благодарю. Вели его держать въ рукахъ и имѣть за нимъ строгій надзоръ. Впрочемъ, дано ему не отличное воспитаніе въ корпусѣ, а потому надо наставить его на путь истинный и не дать погибнуть сему шалуну“.

Корпусные командиры, съ которыми Киселеву приходилось имѣть непосредственное сношеніе, уже нѣсколько извѣстны: —7-го корпуса Рудзевичъ и 6-го Сабанѣевъ.—Относительно Рудзевича, кромѣ того, что̀ уже говорилось, остается сказать только нѣсколько словъ. Киселевъ, въ письмѣ къ Закревскому отъ 14-16 августа, упоминая о побѣгахъ солдатъ, писалъ между прочимъ: „не слѣдуетъ говорить о предмѣстникѣ своемъ; но всякій день убѣждаюсь, что разныя въ людяхъ есть достоинства, и что звѣзды не доказываютъ во всѣхъ отличія. Но о сей статьѣ будемъ говорить послѣ“. Рудзевичъ и Сабанѣевъ.

Закревскій съ своей стороны писалъ оть 31 августа 1819 года: „Ты коснулся въ письмѣ твоего предмѣстника; скажи мнѣ о немъ свое мнѣніе, что онъ за человѣкъ и какихъ достоинствъ; я его никогда не видалъ, а знаю только за хорошаго генерала по слухамъ“.

Киселевъ отвѣчалъ (15 сентября 1819 г.): „О моемъ предмѣстникѣ говорить будемъ, когда Богъ приведетъ намъ съ тобою видѣться; дотолѣ разсказы были бы неполные и неудовлетворительные“.

Все время до 1825 года въ арміи существовали враги Киселева, которые выпускали сплетни и всякимъ мелкимъ, но тѣмъ болѣе назойливымъ способомъ не давали ему покоя. Несмотря на дружескія предшествовавшія отношенія, Руд-

[1]) Письмо 30 іюня 1819 г.

зевичъ, какъ кажется, изъ пріятеля обратился въ скрытнаго врага. Басаргинъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ числѣ лицъ, возбудившихъ неудовольствіе на Киселева, окончившееся дуэлью съ генералъ-маіоромъ Мордвиновымъ, въ которой послѣдній былъ убитъ, между прочимъ указываетъ и на Рудзевича: — „Непріятели Киселева, а онъ имѣлъ ихъ много, и въ томъ числѣ генерала Рудзевича" [1])....

Какая причина была этой тайной вражды, если она существовала, мы не знаемъ,—а между тѣмъ Рудзевичъ мѣстомъ начальника штаба и полученіемъ аренды былъ обязанъ Киселеву, какъ это видно изъ письма перваго отъ 8 августа 1816 года.

Совсѣмъ другаго рода человѣкъ былъ Сабанѣевъ, съ которымъ Киселевъ въ послѣдствіи сталъ въ весьма близкія отношенія, хотя первоначально отнесся къ нему недовѣрчиво, какъ это видно изъ приведеннаго выше письма Закревскаго отъ 2 іюня 1819 года; но 13-го іюля того же года Киселевъ писалъ ему: „Бывъ въ Одессѣ, я видѣлся съ Сабанѣевымъ и весьма пріятельскимъ образомъ; я какъ служиваго его не порочу, напротивъ — всѣ мои сношенія по службѣ весьма имѣютъ пріятный оборотъ, и дай Богъ имѣть подобныхъ корпусныхъ командировъ; но какъ человѣкъ, какъ пріятель, то повѣрь, что эгоистъ онъ отличный, никого не любящій и относящій все къ себѣ; грубость его всѣмъ извѣстна; но мнѣ жаловаться въ томъ нельзя; напротивъ онъ изыскивалъ всевозможные способы къ пріязненной и дружеской учтивости; я тѣмъ же отвѣчалъ, но вѣрить тому не могъ"... „Что тебѣ до эгоизма Сабанѣева, отвѣчалъ Закревскій [2]); лишь бы служба отъ этого не терпѣла; но я въ немъ вижу хорошаго корпуснаго командира, а въ особенности въ военное время, чему со временемъ самъ будешь свидѣтелемъ".... Дѣйствительно, Киселевъ узналъ Сабанѣева и сблизился съ нимъ; въ письмѣ отъ 1-го ноября 1819 года, онъ писалъ Закревскому: „Сабанѣевъ точно человѣкъ по службѣ отличный и въ истинномъ

[1]) Девятнадцатый Вѣкъ. П. Бартенева. 1872 г. кн. I. Записки Басаргина, стр. 76.
[2]) 1 августа 1819 г.

смыслѣ отличія, но заносчивъ и часто со вредомъ для себя и для службы. Нѣсколько уже просьбъ на него принесенныхъ имѣлъ случай укротить, и онъ сознается иногда въ неумышленной горячности своей; но, какъ ты справедливо заключаешь, качества его затмѣваютъ пороки, и какъ служивый онъ, я еще повторяю, точно человѣкъ отличный. О прочихъ недостаткахъ умолчу, ибо судьею не вправѣ быть"... „Вотъ, наконецъ, отвѣчалъ Закревскій [1]), и ты согласенъ, что Сабанѣевъ полезенъ службѣ, но запальчивый, или, лучше сказать, бѣшеный его нравъ всегда дѣлалъ ему вредъ.—Честенъ — это неоспоримо; но любитъ просить денегъ у Государя; это не похвально, за что часто мы ссорились. Впрочемъ, всякій человѣкъ не безъ порока"....

Тульчинское общество.

Басаргинъ такъ описываетъ обстановку, въ которой пришлось устроиться Киселеву въ новомъ его положеніи [2]):

„Тульчинъ, польское мѣстечко, принадлежавшее въ то время графу Мечиславу Потоцкому, населено евреями и польскою шляхтою. Кромѣ военныхъ и чиновниковъ главной квартиры, не было тамъ никакого общества"... „Общество главной квартиры составляли: адъютанты главнокомандующаго, начальника главнаго штаба и простыхъ генераловъ, офицеры генеральнаго штаба и нѣсколько статскихъ чиновниковъ"...

„Направленіе этого общества было болѣе серьёзное, чѣмъ свѣтское или беззаботно-веселое. Не избѣгая развлеченій, столь естественныхъ въ лѣтахъ юности, каждый старался употребить свободное отъ службы время на умственное и нравственное свое образованіе. Лучшимъ развлеченіемъ для насъ были вечера, когда мы собирались вмѣстѣ и отдавали другъ другу отчетъ въ томъ, что дѣлали, читали, думали. Тутъ обыкновенно толковали о современныхъ событіяхъ и вопросахъ. Часто разсуждали объ отвлеченныхъ предметахъ и вообще дѣлили между собою свои свѣдѣнія и мысли".

„Даже и въ такихъ бесѣдахъ, гдѣ участвовали посторонніе, т.-е. непринадлежащіе къ обществу (Союзъ благоденствія),

[1]) 1 декабря 1819 г.

[2]) Девятнадцатый вѣкъ, Изд. П. Бартеневымъ 1872 г. Кн. 1-я стр. 65 и 71.

7*

разговоръ болѣе всего обращенъ былъ на предметы серьезные, болѣе или менѣе относящіеся къ тому, что занимало насъ.

„Нерѣдко генералъ Киселевъ участвовалъ въ подобныхъ бесѣдахъ и хотя былъ душою преданъ Государю, котораго считалъ своимъ благодѣтелемъ, но говорилъ всегда дѣльно, откровенно, соглашался въ томъ, что многое надобно измѣнить въ Россіи и съ удовольствіемъ слушалъ здравыя, но нѣсколько рѣзкія сужденія Пестеля“.

Мы видѣли выше, что между Киселевымъ и графомъ Витгенштейномъ съ первыхъ дней ихъ свиданія установились добрыя отношенія.

Начало дѣятельности Киселева.

Дѣятельность Киселева, какъ начальника главнаго штаба 2-й арміи, началась съ осмотра полковъ сперва вмѣстѣ съ графомъ Витгенштейномъ, а потомъ имъ однимъ „по порученію главнокомандующаго“.

Киселевъ по прежнимъ командировкамъ былъ знакомъ съ состояніемъ 2-й арміи. Военное управленіе требуетъ во всѣхъ его органахъ энергіи и постоянной дѣятельности болѣе, нежели всякая другая часть администраціи. Но такой энергіи и дѣятельности не было и не могло быть во 2-й арміи при слабомъ и престарѣломъ Беннигсенѣ. Естественно, что Киселевъ нашелъ, какъ онъ писалъ Закревскому [1]), во всѣхъ чинахъ арміи, сонливость, равнодушіе ко всему и закоренѣлую неисполнительность. Витгенштейнъ, при несомнѣнныхъ его качествахъ, какъ военнаго человѣка и при безукоризненной честности, не былъ способенъ слѣдить съ должнымъ вниманіемъ за обыденными, такъ сказать, предметами военной администраціи, которые, несмотря на свою кажущуюся мелочность, составляютъ въ мирное время необходимую ея принадлежность, и пренебреженіе которыми влечетъ за собою разстройство въ цѣломъ составѣ арміи.

Киселевъ понималъ это очень хорошо и сознавалъ, что самое назначеніе его начальникомъ штаба, безъ всякихъ исканій съ его стороны, безъ всякихъ постороннихъ вліяній, а

[1]) 15-го апрѣля 1822 года.

единственно по выбору самого Государя, возлагало на него отвѣтственность, помимо главнокомандующаго, за все что касалось устройства и состоянія арміи. Онъ понималъ, что ему необходимо было дѣйствовать самостоятельно и въ тоже время не нарушать, ни по наружности, ни въ дѣйствительности, должнаго подчиненія главнокомандующему, не давать повода и къ малѣйшему оскорбленію его самолюбія. Положеніе Павла Дмитріевича было весьма щекотливое; но онъ успѣлъ устранить трудности, благодаря, съ одной стороны, своему уму и такту, а съ другой благородству души Витгенштейна, тотчасъ оцѣнившаго высокія качества своего помощника и относившагося къ нему съ полнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ.

Мы видѣли выше, что друзья Киселева давали ему изъ Петербурга совѣты „умѣрять свой нравъ", другими словами укрощать вспыльчивость, воздерживаться отъ излишней сгоряча откровенности.

Павелъ Дмитріевичъ старался слѣдовать этимъ совѣтамъ, но не останавливался, однако, выражать откровенно свои мнѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда находилъ необходимыми мѣры болѣе строгія, чѣмъ допускалъ по своей добротѣ главнокомандующій.

Въ письмѣ къ Закревскому, отъ 10-го іюня 1819 года, Киселевъ говоритъ: „При осмотрѣ войскъ доброта графа часто дурное превращала въ доброе, и здѣсь польза службы заставила меня излагать мнѣніе мое нѣсколько строже. Въ заключеніе осмотра трехъ бригадъ, при коемъ я находился, я предложилъ главнокомандующему, не дожидаясь октября, отдать по арміи приказъ, который съ симъ получишь, и сверхъ того отправить для внесенія въ полковыя приказныя книги всѣ тѣ погрѣшности, которыя по фронту и вообще по наружности замѣчены. Я знаю впередъ, что многіе, полагая себя превосходными, негодовать будутъ и отнесутъ все ко мнѣ; но здѣсь существенная есть польза службы, а я, для пріобрѣтенія пріятелей, лицемѣрить, вопреки обязанности моей, не стану. Уваженіе графу я безпрерывно показываю и оно есть истинное".

Приказъ по арміи вслѣдствіе осмотра.

Закревскій 30 іюля 1819 года отвѣчалъ Киселеву: „При-

казъ вашъ объ осмотрѣ войскъ читалъ; онъ хорошо и ясно написанъ, и тѣмъ еще лучше, что велѣно объявить въ полковыхъ приказахъ, дабы всякій офицеръ могъ оный читать; но ежели сіе другимъ не понравится, то смотрѣть не должно; всѣмъ угодить нельзя".

Отчетъ Киселева самому себѣ.

Кончивъ осмотръ нѣкоторыхъ полковъ и отдавая самому себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, Киселевъ остался ими доволенъ. Это, а равно и то, съ какою строгостію онъ относился къ своимъ обязанностямъ, видно изъ слѣдующаго письма его къ Закревскому [1]).

„Я втораго числа возвратился въ Тульчинъ; осмотръ полковъ исполнилъ успѣшно и въ надлежащемъ порядкѣ; кажется, оскорбленныхъ не было; но я былъ начальникомъ штаба и смотрѣлъ строго. Здѣсь долженъ замѣтить, что сверхъ чаянія нашелъ во многихъ удовлетворительныя, по крайней мѣрѣ наружныя, ко мнѣ чувства; но во всѣхъ нашелъ строгое повиновеніе и готовность усердствовать. Прилагаю тебѣ рапортъ мой главнокомандующему. Все это хорошо, но я себя убью дьявольской военной работой; продолжаю только потому, что надѣюсь привести все въ порядокъ и тогда отдохнуть".

Недовольство составомъ высшихъ чиновъ 2-ой арміи.

При осмотрѣ полковъ Киселевъ болѣе всего остался недоволенъ составомъ высшихъ военныхъ чиновъ арміи. Въ письмѣ Закревскому отъ 13 Іюля 1819 года онъ говоритъ: „Графъ Витгенштейнъ пишетъ, и я тебѣ повторяю касательно генералитета нашего, что за несчастная богадѣльня сдѣлалась изъ 2-й арміи! Имеретинскіе, Масаловы, Шевандины и толпа тому подобныхъ наполняютъ списокъ; перестаньте давать намъ калекъ сихъ, годныхъ къ истребленію, а если будетъ производство, то оставьте хотя просимыхъ; нынѣ занимающихъ вакансіи можно по удобности раскомандировать по отдѣльнымъ корпусамъ; имъ будетъ хорошо и намъ также. Касательно до назначенія будущихъ полковыхъ командировъ, то я здѣсь отличныхъ, дѣйствительно, не знаю; баталіонами ладятъ, но полкъ дѣло другое; и потому на первыя вакансіи не худо назначить отъ васъ, но по твоему выбору".

---

[1]) 13-го іюля 1819 года.

Отзывъ Закревскаго.

Закревскій не соглашался съ мыслями Киселева и отвѣчалъ ему [1]): „Отдѣльные корпуса и такъ не богаты генералами, а давши вашихъ, значило-бы совершенно разстроить корпуса. Нѣтъ, любезный другъ, сего правила не держись; желавши себѣ добра, желай оное и другимъ, тогда служба будетъ полезна".

Что сдѣлано Киселевымъ въ первые четыре мѣсяца.

Занимаясь осмотромъ полковъ, Киселевъ въ тоже время устремлялъ все свое вниманіе на устройство разныхъ частей сложнаго механизма управленія арміею. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи весьма замѣчательна. Едва прошло четыре мѣсяца со времени вступленія его въ должность начальника штаба,—онъ въ письмѣ Закревскому между прочимъ пишетъ о томъ что имъ сдѣлано слѣдующее:

„Устроенъ учебный баталіонъ; все стремится съ усердіемъ къ достиженію дѣла; образцы построены и армія будетъ одѣта однообразно.

„Квартирмейстерскіе офицеры объѣзжаютъ уѣзды, описываютъ ихъ и исправляютъ несуществующую, можно сказать, дислокаціонную карту.

„Полкамъ безъ изворотовъ объяснены недостатки по фронтовому ихъ состоянію и внутренность строго возложена на отвѣтственность корпусныхъ командировъ.

„За майскую треть отданъ приказъ о бѣжавшихъ и умершихъ; хвала однимъ и слѣдствія для нерадивыхъ.

„Фуражныя цѣны не произвольно назначаются, но основываются на документахъ и деликатностей пустыхъ нѣтъ.

„Дежурство учреждено и въ 7 часовъ утра всѣ на мѣстахъ и за работою.

„Инструкціи для госпиталей составляются, и по онымъ будетъ положительное управленіе.

„Судныя дѣла приводятся къ окончанію и останутся только текущія.

„Гарнизонная служба въ главной квартирѣ соблюдается строго; въ другихъ мѣстахъ надо будетъ ввести тоже, но съ терпѣніемъ.

---

[1]) 1-го августа 1819 года.

„Казармы и прочія зданія казенныя, отъ ветхости своей причиняющія смертность въ полкахъ, будутъ описаны, и предположатся способы къ исправленію.

„Исправленіе моральнаго состоянія арміи подлежитъ времени и постановленіямъ, которыя не позволяютъ дѣятельно къ тому приступить; по сему предмету всѣ войска россійскія въ одинакомъ положеніи и, по выраженію Сабанѣева, *палочники* наши долго таковыми останутся.

„Вотъ, любезный Арсеній Андреевичъ, въ чемъ заключаются упражненія наши, и они, конечно, будутъ сходны съ мыслями твоими.

„Одни видятъ по нѣкоторымъ частямъ успѣхи, другіе недовольны введеніемъ новостей и предпочитаютъ дряхлость бывшаго управленія; предмѣстникъ мой (Рудзевичъ), повидимому, въ числѣ послѣднихъ; но главнокомандующій соглашается съ моими предначѣреніями, утверждаетъ меня и ободряетъ къ трудамъ отмѣнною благосклонностью своею."

Служебныя дѣла поглощали почти все время Павла Дмитріевича; часы, остававшіеся свободными, онъ посвящалъ чтенію. Но ни эти занятія, ни удовлетворенное честолюбіе не вполнѣ удовлетворяли его. Въ Петербургѣ у него былъ кружокъ преданныхъ ему друзей (Орловъ, Закревскій, Меншиковъ, Булгаковъ), съ которыми онъ привыкъ откровенно дѣлиться мыслями; въ Тульчинѣ онъ очутился одинъ: онъ не могъ себя поставить на дружескую ногу ни съ главнокомандующимъ, несмотря на всю его доброту, ни съ тѣми изъ молодежи главной квартиры, которые, очевидно, возбуждали въ немъ сочувствіе: дисциплина, подчиненность, составляющія душу военной службы, мѣшали тому; онъ долженъ былъ до извѣстной степени замкнуться въ самомъ себѣ, что̀ было ему не легко при его пылкой натурѣ. Чувство одиночества его тяготило; письмо, изъ котораго мы тотчасъ привели выписку, онъ оканчиваетъ такъ:—„Впрочемъ жизнь моя незабавна, и почетное мѣсто не дешево приходится. Сухость моихъ писемъ тебѣ должна быть чувствительна; но чѣмъ украсить ихъ, когда дѣйствія и мысли устремлены къ одной цѣли? Я устроилъ

Грустное настроеніе Киселева.

себѣ комнату, изъ которой почти не выхожу; съ бумагами провожу часовъ 10, остальное время съ книгами; весельемъ хвастать не могу, ибо жизнь моя, какъ и письма, имѣетъ сухость тяжкую; все одинъ, все безъ раздѣла, и душа въ унынiи. Я не ропщу, любезный другъ, и думать того не смѣю; но хотя здѣсь позволь помѣстить то, что лежитъ на сердцѣ; легче, какъ передашь кручину."

Утѣшенiе со стороны Закревскаго.

Закревскiй, у котораго всѣ идеалы сосредоточивались по его выраженiю, въ „пользѣ службѣ", на приведенное письмо отвѣчалъ [1]) Киселеву только слѣдующее: „Занятiя твои и предбудущiя предположенiя насчетъ устройства армiи основательны и даже утѣшительны. Когда бы всякой своими дѣлами занимался какъ должно, то всѣ части не могутъ быть дурны. Впрочемъ, не смотри на роптателей, они всегда были и будутъ, а когда приведется все въ порядокъ, то сами будутъ утѣшаться. Этотъ примѣръ я имѣлъ надъ собою".

Примирительный образъ дѣйствiя Киселева.

Щадить самолюбiе другихъ, не роняя собственнаго достоинства, дѣйствовать вообще по возможности въ примирительномъ духѣ, было постояннымъ правиломъ Киселева. Въ августѣ онъ получилъ чрезъ князя Волконскаго порученiе произвести разслѣдованiе о причинахъ побѣговъ солдатъ изъ одного полка, и вотъ что онъ писалъ Закревскому: [1]): „Князь Петръ Михайловичъ, по волѣ Государя, мнѣ поручаетъ, мимо начальника моего, строго изслѣдовать побѣги 22-го егерскаго полка, а съ тѣмъ вмѣстѣ переслѣдовать и Сабанѣева; вотъ вдругъ двѣ обиды. Я, приступивъ къ дѣлу свѣдома и именемъ главнокомандующаго, кажется нѣсколько изгладилъ сдѣланную двойную непрiятность. Довѣрiе конечно для меня лестно, но зачѣмъ огорчать людей; возьмите вы, свыше управляющiе, за постоянное правило, что всѣ дѣла на имя начальника моего приходящiя идутъ ко мнѣ и чрезъ меня, и что противный сему ходъ существовать не можетъ, ибо не остался бы я дня на такомъ положенiи".

Порученiе, данное Государемъ Киселеву помимо главнокомандующаго.

Въ сношенiяхъ съ главнымъ штабомъ въ Петербургѣ, не

[1]) 27 октября 1819 года.
[2]) 14-го августа 1819 года.

смотря на хорошія отношенія и даже дружбу съ княземъ Волконскимъ, возникали иногда непріятности, благодаря придирчивому характеру Толя, который завѣдывалъ канцеляріею князя Волконскаго.

Придирчивость Толя.

„Сдѣлай дружбу, писалъ [1]) Павелъ Дмитріевичъ Закревскому, посовѣтуй князю П. М. или читать бумаги, которыя подписываетъ, или приказать желчью съѣденному Толю писать основательнѣе и вѣжливѣе; онъ не соображается съ прежде и безъ него сдѣланными распоряженіями и, не вникнувъ въ настоящій смыслъ бумагъ, пишетъ за подписью Петра грубости и глупости, которыя всѣ безъ изъятія опровергнуть можно прежними отношеніями князя. — Мой графъ разсерженъ и велѣлъ все имъ поставить на видъ; но мнѣ не желается завести колкую переписку съ пяземъ, хотя желательно было-бы весьма воспользоваться случаемъ и пощелкать господина Толя; къ будущему курьеру приготовлю отвѣтъ; я постараюсь, сколь можно, смягчить его".

А затѣмъ въ письмѣ отъ 14-го августа 1819 года:

„Сколько я ни составлялъ отвѣтъ учтивый на Толевы грубости и глупости, но все видѣлъ, что подписавшему будетъ прискорбно, а потому старика своего отклонилъ отъ безполезной и непристойной переписки; но отношеніе безъ подписи къ тебѣ посылаю. — Если найдешь полезнымъ показать его князю, то покажи; если-же нѣтъ, то предай забвенію; — я Меншикову не льстилъ; льстить конечно не буду и надобности въ томъ не имѣю; но, пересматривая бумаги по его управленію, видѣлъ толкъ и всегда пристойность слога, а здѣсь вздоръ и непристойность, которую однакожъ ограничить должно".

Ходатайствуя за офицеровъ, онъ писалъ Закревскому 14-го августа 1819 года: „сдѣлай, что можно; и не забудь, что если требуется отъ насъ строгости, то надо дать и способы оказывать нѣсколько услугъ, а безъ того требованія наши отъ подчиненныхъ покажутся тягостными, и дѣла не пойдутъ должнымъ порядкомъ".

[1]) 24-го іюля 1819 года.

Распредѣленіе работы по составленію исторіи войнъ съ Турціею.

Мы видѣли выше, что еще до назначенія начальникомъ штаба, Павла Дмитріевича занимала мысль составить исторію войнъ съ Турками, для которой онъ сталъ тогда же собирать матеріялы. По прибытіи въ Тульчинъ, несмотря на прочія свои занятія, онъ приступилъ къ исполненію задуманнаго предпріятія, и о доставленіи ему матеріяловъ изъ Государственнаго архива писалъ, между прочимъ, графу Нессельроду и съ нетерпѣніемъ ждалъ отъ Закревскаго журнала войны Каменскаго.

Въ письмѣ отъ 27-го ноября 1819 года онъ писалъ Закревскому:

„Журналъ графа Каменскаго ожидаю съ нетерпѣніемъ, ибо войною Каменскаго хочу начать обширную работу, которую раздѣлилъ по статьямъ и лицамъ; напр.: статистику возложилъ на Юшневскаго; движенія на Хоментовскаго и Комарова; осаду взялъ Засядко; переводы и дипломатическая часть поручены князю Мещерскому и Трубецкому; разборъ меморій, плановъ кампаній и всѣхъ бумагъ, въ означенныя статьи входящихъ, адъютанту Бурцеву; рецензіи и замѣчанія сочинять будетъ Лимонъ (Сабанѣевъ), а писать и рисовать квартирмейстерскіе офицеры; общую редакцію принялъ на себя съ комитетомъ избранныхъ сотрудниковъ. Корреспонденты дѣятельно трудятся, и я въ рукахъ имѣю бумаги точно важныя; ожидаю присылки другихъ и не пугаюсь обширности предпріятія“.—Не знаемъ, почему Закревскій медлилъ высылкою журнала; но предпріятію Киселева онъ вполнѣ сочувствовалъ и въ слѣдующемъ году [1]) писалъ ему: „поздравляю и радуюсь вмѣстѣ съ тобою, что имѣешь много матеріяловъ для исторіи Турецкихъ кампаній, тобою предпринятой, и ежели все кончишь хорошо, тебѣ слава будетъ вѣчная и пріятная.“

Дѣло Жуковскаго.

Въ Тульчинѣ Павелъ Дмитріевичъ опять встрѣтился съ дѣломъ Жуковскаго, которое изъ Петербурга было возвращено въ главную квартиру. Главнокомандующій поручилъ это дѣло окончить особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ начальника

[1]) 31-го января 1820 года.

штаба. Объ этомъ дѣлѣ онъ писалъ [1]), между прочимъ, Закревскому слѣдующее:

„Меня увѣряютъ здѣсь (но я этому вѣрить не хочу), что сколько-бы ни обвиняли Жуковскаго, онъ въ Петербургѣ не обвинится, и что всѣ его плутни послужатъ ему оправданіемъ. Если такъ, то лучше все оставить и тѣмъ болѣе, что дѣйствительно трудно *взятки* доказать, ибо слово *заемъ* прикрываетъ воровство; а еще труднѣе потерянные казною милліоны возвратить. Можно-ли было полагать, что старый и длинный Беннигсенъ также займетъ 17 т. руб. у подрядчика, и что факторъ его сознается, что былъ къ тому посредникомъ? Вотъ чудеса, которымъ, не видавъ бумагъ, вѣрить не хотѣлъ! Весьма желательно было-бы знать, съ какою цѣлію заставляютъ отрывать всѣ вонючія сіи дѣла? Возвратить потерянное невозможно! Наказать преступниковъ? но главный въ Ганноверѣ и суду болѣе не подлежитъ, а безъ него судъ для прочихъ ничтоженъ, ибо подпись его все прикрываетъ... Вамъ, господамъ управляющимъ, должно съ точностью узнать о цѣли Государя; если хочетъ открыть, чтобы строго и безъ изъятія виновныхъ наказать, то не щадя ни времени, ни способовъ, ни денегъ стараться открывать и способомъ мною предложеннымъ, какъ наидѣйствительнѣйшимъ [2]), а потомъ изобличенныхъ уничтожить. Если же, узнавъ виновныхъ, намѣрены ихъ простить, то лучше не узнавать и оставить ихъ въ толпѣ воровъ живущихъ“.

Появленіе чумы въ Бессарабіи.

Въ началѣ лѣта стали доходить въ Петербургъ извѣстія о появленіи чумы въ Молдавіи; не довѣряя вполнѣ донесеніямъ Пизани (консула нашего въ Молдавіи),—который считался трусомъ, на первый разъ велѣно было, какъ увѣдомлялъ Закревскій Киселева 1-го августа 1819 года, возстановить должный порядокъ въ карантинахъ. Но 15-го сентября Киселевъ писалъ Закревскому, что по границѣ нашей, какъ доносилъ Сабанѣевъ, свирѣпствуетъ чума, что поэтому со стороны главно-

---

[1]) 19-го октября 1819 года.

[2]) Киселевъ предлагалъ по сдѣланнымъ уже открытіямъ „поручить полиціи заняться дальнѣйшими, которыя, конечно, изобличатъ тысячи преступниковъ“.

командующаго было писано намѣстнику Бессарабіи Бахметьеву и предложено всякое содѣйствіе со стороны военнаго начальства къ усиленію по Пруту кордонной стражи и вообще къ огражденію безопасности страны.

Вслѣдъ затѣмъ Бахметьевъ, 1-го октября, увѣдомилъ графа Витгенштейна, что чума появилась въ нашихъ предѣлахъ, именно въ селѣ Брайковѣ (въ Хотинскомъ цынутѣ), лежащемъ въ 15 верстахъ отъ р. Днѣстра. Немедленно были сдѣланы распоряженія объ устройствѣ густой пѣхотной цѣпи по лѣвому берегу Днѣстра, отъ Каменца до Овидіополя, объ оцѣпленіи селенія Брайкова и о сосредоточеніи находившихся въ Бессарабіи войскъ въ баталіонныя и даже полковыя квартиры, о командированіи въ распоряженіе бессарабскаго намѣстника надежныхъ медиковъ и т. п. Обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ графъ Витгенштейнъ тогда же донесъ Государю.

Сообщая объ этомъ Закревскому [1]) Киселевъ писалъ: „Главная бѣда заключается въ раздорахъ, существующихъ между Сабанѣевымъ и Бахметьевымъ. Послѣдній писалъ ко мнѣ, что сноситься съ Сабанѣевымъ не хочетъ, а безъ прямаго сношенія съ нимъ всѣ мѣры будутъ безполезны, и для того, въ сихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, я предложилъ графу отправить меня въ Бессарабію, ибо здѣсь всѣ распоряженія уже сдѣланы, а тамъ они необходимы. Онъ весьма на сіе согласенъ, и если завтрашній день извѣстимся о распространеніи чумы, то уполномочиваетъ меня дѣйствовать его именемъ; я отправлюсь на Прутъ, гдѣ тотчасъ приму тѣ рѣшительныя мѣры, которыя предписано взять на Днѣстрѣ и которыя отчасти уже приведены въ исполненіе.

„Вотъ три дня, что не имѣю минуты своей, ни тѣлесно, ни душевно; въ расчеты петербургскихъ моихъ завистниковъ конечно не входили хлопоты такого рода“.

Но прежде чѣмъ уѣхать въ Бессарабію, Киселевъ отправился на Днѣстръ. „Сейчасъ,—писалъ онъ Закревскому 16-го октября 1819 года изъ Тульчина,—возвратился съ Днѣстра, гдѣ пробылъ семь дней для устроенія цѣпи.... Я сѣлъ на ка-

[1]) Письмо 5-го октября 1819 года.

зачью лошадь, посадилъ другихъ, объѣхалъ, и съ пріѣздомъ Сабанѣева устроилъ, съ согласія его, днѣстровскую цѣпь, такъ что охраненъ край отъ опасности, и люди наши сколько можно сбережены отъ послѣдствій тягостной службы... Личности Бахметьева съ Сабанѣевымъ вынуждаютъ меня отправиться въ Бессарабію".

Передъ отъѣздомъ Киселевъ былъ у графа Витгенштейна въ Каменкѣ и 24-го октября отправился въ Кишиневъ, откуда 1-го ноября писалъ Закревскому, что онъ проѣхалъ по теченію Прута и исполнилъ всѣ распоряженія главнокомандующаго; вступилъ въ сношенія съ Бахметьевымъ относительно распоряженій по краю вообще... „Благодаря Бога, военные понынѣ не подвергнулись заразѣ... вообще все клонится въ прекращенію болѣзни во всей области"... Указывая на тягость службы для войскъ, которая опаснѣе самой чумы, Киселевъ говорилъ, „что, изъ 12 тыс. человѣкъ, здѣсь расположенныхъ, 8 тыс. ежедневно въ должности, и сколько число сіе я ни старался уменьшить, но кордоны и караулы въ крѣпостяхъ не позволяютъ того исполнить"...

„Распоряженія твои,—писалъ Закревскій[1]),—насчетъ предосторожности отъ чумы самыя основательныя, и если какимъ нибудь манеромъ ворвется далѣе чума, тогда уже не твоя бѣда; ты все сдѣлалъ, что должно".

Личности между Бахметьевымъ и Сабанѣевымъ.

По поводу личностей между Сабанѣевымъ и Бахметьевымъ Закревскій писалъ: „Скажи, что Бахметьевъ и Сабанѣевъ дѣлаютъ? Видно, первый имѣетъ къ нему злость съ 1810 года. Старайся ихъ примирить; Сабанѣева промѣнять никакъ на Бахметьева нельзя; уменъ и всегда полезенъ будетъ службѣ, если только захочетъ; у него много есть страннаго, но хорошее все заглушаетъ. Чума не шутитъ, а потому, не смотря на мѣстное начальство, вамъ дремать не должно"...

...„Послѣдній молодецъ (Бахметьевъ) вреденъ для службы; имѣя личность, не хотѣлъ писать къ первому ни слова, (не смотря, что чума въ Бессарабіи), находясь въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Несогласія никому столько не

[1]) 18-го ноября 1819 года.

вредны, какъ службѣ [1]). Я полагаю, что первый не имѣетъ прямой цѣли къ службѣ, онъ всякую заразу предпочитаетъ своей личности. Признайся, что таковые люди не могутъ быть полезны правительству. Они даже такъ вредны, какъ сама чума [2])".

Уменьшеніе и совершенное прекращеніе заразы.

Наконецъ, уменьшеніе заразы оправдало вполнѣ распоряженія, приведенныя въ исполненіе по этому случаю. Въ концѣ 1819 г. она до того уменьшилась, что оцѣпленія около селеній, очищенныхъ отъ чумы, были сняты, и, наконецъ, Бахметьевъ донесъ о совершенномъ прекращеніи ея. Поэтому, вслѣдъ за тѣмъ было сдѣлано представленіе Волконскому объ уменьшеніи стражи по Днѣстру съ тѣмъ, чтобы весною возобновить ее на прежнемъ основаніи, но только на 6-ть недѣль. Для того же, чтобы не совсѣмъ прекратить осторожность, необходимую въ подобномъ случаѣ, тогда же было представлено предположеніе объ учрежденіи постоянной кордонной стражи, удостоившееся Высочайшаго утвержденія. Полученныя затѣмъ извѣстія изъ пограничныхъ княжествъ о совершенномъ прекращеніи заразы и объ уменьшеніи ея даже въ самомъ Константинополѣ, сдѣлали излишнія осторожности безполезными, и поэтому пѣхотная цѣпь, расположенная по Днѣстру, была снята, причемъ прочія распоряженія оставлены въ полной силѣ.

Поѣздка графа Витгенштейна въ Петербургъ.

Въ концѣ лѣта графъ Витгенштейнъ сталъ собираться въ Петербургъ.—Очевидно, что переписка съ Государемъ по поводу назначенія Киселева начальникомъ штаба оставила въ душѣ Витгенштейна сомнѣніе о томъ, какъ въ дѣйствительности смотрятъ на него въ Петербургѣ; поэтому онъ желалъ выяснить свое положеніе при личномъ свиданіи съ Императоромъ и затѣмъ рѣшить вопросъ: могъ-ли онъ оставаться на своемъ мѣстѣ, или ему слѣдовало удалиться?

Переписка по этому поводу Киселева съ Закревскимъ.

Въ устройствѣ этой поѣздки или точнѣе въ ея благопріятныхъ послѣдствіяхъ для графа Витгенштейна принялъ живое участіе Киселевъ.

[1]) 27-го октября 1819 года.
[2]) 18-го ноября 1819 года.

Посылая оффиціально просьбу главнокомандующаго объ отпускѣ его въ С.-Петербургъ, Киселевъ писалъ 14 августа 1819 года Закревскому: „Онъ (графъ Витгенштейнъ) двухъ сыновей везетъ въ училище и двухъ долженъ записать въ службу; потомъ объяснится съ Царемъ и видѣть, на что рѣшиться. Дѣланные пріемы Сакену у него въ глазахъ и памятны; одѣньте молодежь гвардейцевъ въ бѣлые штаны и пошлите утромъ къ нему—вотъ почесть. Потомъ будетъ проситься къ водамъ, и слово ласковое остановитъ. Если не честность его нужна и услуги, то нужно Государю сохранить въ арміи своей имя Витгенштейна, для арміи пріятное. Затѣмъ не должно забыть и 12-й годъ, и бѣдность его, и 8-мь человѣкъ дѣтей,—небрежность, съ которою обходились и обходятся со старикомъ; онъ все сіе чувствуетъ и боится за всѣмъ тѣмъ быть вынужденнымъ оставить службу, которая ему и дѣтямъ его необходима, но отъ которой безпрерывнымъ оскорбленіемъ самолюбія принужденно удалиться будетъ долженъ. Приласкайте дѣйствительно честнаго и добраго старика и возвратите его къ намъ; а я отвѣчаю Государю, что чрезъ годъ дѣлами арміи доволенъ будетъ“.

16-го сентября Киселевъ повторилъ свою просьбу о Витгенштейнѣ:

„Все прежнее на его (Витгенштейна) счетъ повторяю и прошу тебя, любезный Арсеній Андреевичъ, оказать ему лично все уваженіе, которое, по добротѣ души его, онъ точно заслуживаетъ и въ которомъ, по благородству своему, не откажись“.

Закревскій отвѣчалъ Киселеву 27-го октября:

„Квартира графу нанята на все время, т.-е. на 6-ть мѣсяцевъ, пока пробудетъ здѣсь графиня; столъ и экипажъ будутъ отъ двора. Не безпокойся: ни въ отставкѣ, ни за границею ему не бывать: все приготовлено усладить его и потомъ возвратить къ тебѣ, что́, кажется, и не мудрено съ нимъ сдѣлать“.

Для Киселева было весьма важно, какъ будетъ рѣшенъ вопросъ о командованіи арміею во время отсутствія главно-

командующаго. „Если отпускъ графа, писалъ онъ Закревскому [1]) не продолжится болѣе 6-ти недѣль, то можно оставить существующій порядокъ, т.-е. разсылку бумагъ чрезъ начальника штаба отъ имени главнокомандующаго, а въ противномъ случаѣ командованіе арміею надо будетъ поручить Сабанѣеву". Устроилось такъ, что Витгенштейнъ не сдавалъ командованія и всѣ дѣла особой важности посылались къ нему въ Петербургъ.

Закревскій писалъ Киселеву [1]): „Управленіе твое послѣ отъѣзда главнокомандующаго ограждено отъ всякихъ притязаній и мнѣ кажется, что претензіи не будетъ; но, пожалуйста, въ бумагахъ корпуснымъ командирамъ будь вѣжливѣе. Болѣе симъ выиграешь и безъ всякаго ропота".

Дѣла по прекращенію чумы замедлили отъѣздъ Витгенштейна, и только по возвращеніи Киселева изъ Бессарабіи, онъ отправился 16-го ноября въ Петербургъ. О пріѣздѣ его туда и о томъ, какъ онъ былъ принятъ, Закревскій извѣщалъ Киселева въ письмѣ отъ 1-го декабря 1819 года:

„Графъ твой пріѣхалъ сюда и, кажется, такъ принятъ, какъ тебѣ хотѣлось; ибо я его видѣлъ въ весьма веселомъ расположеніи духа, и получилъ отъ него нѣкоторыя благодарности, которыхъ не заслужилъ. Уже начинаетъ говорить объ отъѣздѣ своемъ въ январѣ въ Тульчинъ и о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, какія предполагаетъ сдѣлать въ арміи. Вотъ каково быть безъ твердости и восхищаться поцѣлуями! Признаюсь, жалки мнѣ такого рода люди, а тѣмъ болѣе въ ихъ чинахъ".

Не знаемъ, почему Закревскій находилъ отсутствіе твердости въ томъ, какъ отнесся Витгенштейнъ къ пріему, сдѣланному ему Государемъ; быть можетъ, это объяснилось-бы изъ писемъ Киселева 1820 года, которыхъ, къ сожалѣнію, у насъ не было. Закревскій былъ человѣкъ несомнѣнно умный, горячо относившійся къ государственнымъ дѣламъ или по его выраженію, „къ пользамъ службы" и обладавшій твердостью характера, какъ это онъ доказалъ впослѣдствіи. Въ пись-

---

[1]) 14-го августа 1819 года,

[2]) 1-го декабря 1819 года.

махъ Закревскаго 1819 г. интересны отзывы его о лицахъ, имѣвшихъ въ то время государственное значеніе.

„О Чугуевскихъ поселеніяхъ мы давно знаемъ, ибо 4-ре полка пѣхоты изъ 1-ой арміи пошли туда на помощь. *Змѣй* (Аракчеевъ) также туда отправился и вскорѣ сюда ожидается. Признаться надо, что онъ *единственный государственный злодѣй*.... [1])“ „....У насъ теперь существуетъ двѣ чумы: одна ваша, которая при мѣрахъ осторожности исчезнетъ, а другая Аракчеевъ не прежде изведется съ земли, какъ послѣ смерти, которой ожидать намъ долго. Надо признаться, что онъ *вреднѣйшій человѣкъ въ Россіи*“.

Пребываніе графа Витгенштейна въ Петербургѣ затянулось, судя по его собственнымъ словамъ, вслѣдствіе желанія покончить всѣ дѣла по безпорядкамъ въ интендантствѣ, разслѣдованныя Киселевымъ и не оконченныя еще по 1820 годъ.

Графъ Витгенштейнъ писалъ ему: [1])

„Очень радъ, что получилъ, наконецъ, всѣ наши мерзкія дѣла. Не поѣду отсюда, не окончивъ ихъ совсѣмъ, чтобы уже болѣе не слышать фамиліи Жуковскаго, Гильковича и проч.

„Что же касается несчастной исторіи Жуковскаго, я полагаю на дняхъ представить ее воззрѣнію Его Величества и надѣюсь, что Онъ однимъ взмахомъ пера окончитъ разъ навсегда эти ужасныя препирательства. Одно только это дѣло задерживаетъ мой отъѣздъ въ Тульчинъ“.

Отзывъ въ Петербургѣ о дѣятельности Киселева.

На первыхъ же дняхъ пребыванія своего въ Петербургѣ графъ Витгенштейнъ сталъ отзываться о Киселевѣ съ самой отличной стороны. А. Ѳ. Орловъ писалъ ему 30 ноября 1819 года:

„Всѣ очень довольны тобою; о твоихъ недостаткахъ нѣтъ и помину; говорятъ только о твоихъ достоинствахъ; графъ отдаетъ тебѣ справедливость; самъ говорилъ съ Государемъ и хочетъ непремѣнно, чтобы ты былъ награжденъ; дай Богъ чтобы это сбылось, я порадуюсь отъ всего сердца“. Въ тотъ-же день самъ Витгенштейнъ увѣдомлялъ Киселева, что

[1]) 31-го августа 1819 года.

[2]) 1-го февраля 1820 года.

Государь принялъ его благосклонно, что онъ представлялся передъ парадомъ Георгіевскимъ, а потому не успѣлъ говорить съ Его Величествомъ долго; „но, однако-же, я успѣлъ уловить минуту, чтобы похвалить вашу ревность и дѣятельность, и просилъ сдѣлать мнѣ милость засвидѣтельствовать вамъ Его особое благоволеніе. Я буду очень счастливъ, если буду имѣть возможность сообщить вамъ объ этомъ извѣстіе“.

Наконецъ, 31-го января 1820 г. А. Ѳ. Орловъ писалъ опять:

Неудавшееся ходатайство Витгенштейна о наградѣ Киселева; переписка по этому поводу съ Орловымъ.

„Твой главнокомандующій въ восхищеніи отъ тебя; онъ старался чтобы тебѣ дали награду, но ссылались на меня, что помѣшаю карьерѣ друга; утѣшаюсь тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день придетъ твоя очередь“.

Награда, которой Киселевъ могъ ожидать въ его оффиціальномъ положеніи, и которой онъ не могъ не желать, было назначеніе его генералъ-адъютантомъ. Но такое назначеніе однакожъ не состоялось. Киселевъ, повидимому, обвинялъ въ томъ князя Волконскаго. А. Ѳ. Орловъ писалъ Киселеву: [1])

....„Онъ (князь Волконскій) мнѣ говорилъ, что твои предубѣжденія противъ его несправедливы, и что онъ виноватъ въ томъ только, что съ твердостью отклонялъ всякую награду, которая могла-бы причинить тебѣ униженіе; онъ объ этомъ мнѣ еще тогда говорилъ, когда главнокомандующій просилъ его; затѣмъ онъ сталъ говорить объ услугахъ, которыя ты оказалъ своею дѣятельностію и въ особенности ходомъ всѣхъ дѣлъ во 2-ой арміи. Не ссорься, любезный другъ, съ этимъ добрякомъ; увѣряю тебя, что онъ не виноватъ; напиши ему нѣсколько словъ, это будетъ имѣть хорошее дѣйствіе тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ нѣсколько разъ о тебѣ говорилъ“. По поводу наградъ вообще Орловъ писалъ своему другу слѣдующее: [2])

....„Что касается до наградъ, любезный другъ, то истинная награда въ уваженіи честныхъ людей и въ собственной совѣсти; я не искалъ и не буду никогда искать другой; отличіе, о которомъ ты говорилъ мнѣ, было бы очень пріятно, но я

---

[1]) 28-го апрѣля 1820 года.

[2]) 28-го апрѣля 1820 года.

хотѣлъ бы раздѣлить его съ тобою; если твое сердце, любезный другъ, способно (въ чемъ я не сомнѣваюсь) къ большимъ жертвамъ, то мое (хотя и при дворѣ) не отстанетъ. Сказать тебѣ правду, я думаю, что насъ водятъ за носъ, но когда это для добра, то надо предоставить себя водить и дѣлать видъ будто того не замѣчаешь“.

ГЛАВА V.

1820 годъ.

Заботы Киселева о пріобрѣтеніи сотрудниковъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба.—Сношенія съ Меншиковымъ и Закревскимъ.—Отзывъ Закревскаго о дѣятельности Киселева.—Забота его объ устройствѣ военно-судной части и мысль о составленіи полнаго собранія и свода военныхъ постановленій. — Киселевъ не получаетъ разрѣшенія встрѣтить Государя въ Кременчугѣ. — Киселевъ уѣзжаетъ въ Москву;—свиданіе тамъ съ Государемъ.—Смотръ войскъ Государемъ въ Умани и Винницѣ. — Надежда о назначеніи Киселева генералъ адъютантомъ не осуществилась;—письма по этому поводу Орлова, Закревскаго, Д. Давыдова. — Причина, по которой Киселевъ былъ обойденъ наградою. — Перемѣна въ характерѣ Императора Александра;—реакція въ военномъ управленіи, система усиленія фронтовой службы; — несочувствіе Закревскаго и Киселева этой мѣрѣ. — Извѣстіе о происшествіи въ Семеновскомъ полку. — Тревожное состояніе Киселева; размолвка и примиреніе съ Закревскимъ.—Отзывы Закревскаго и князя Меншикова о современныхъ лицахъ.

Заботы Киселева о пріобрѣтеніи сотрудниковъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба; сношенія съ Меншиковымъ и Закревскимъ.

Для работъ, предпринятыхъ Киселевымъ, надо было имѣть достаточное число способныхъ сотрудниковъ, причемъ весьма важно было, чтобы они не имѣли близкихъ связей съ тою средою, въ которую проводились новые порядки. Естественно было искать этихъ сотрудниковъ въ числѣ офицеровъ квартирмейстерской части; поэтому Киселевъ обращался къ Меншикову, который отвѣчалъ: [1]) „Ты требуешь могучаго моего вліянія,—но я долженъ тебѣ напомнить, что у всякаго барона своя фантазія, а наша состоитъ въ томъ, чтобы отвергать всѣ

[1]) 28-го февраля 1820 года.

предложенія, относящіяся до управленія квартирмейстерскою частію. Не менѣе того буду хлопотать."

Замѣчаніе Меншикова относилось къ князю Волконскому, какъ это видно изъ слѣдующаго письма [1]) Закревскаго, къ которому обращался Киселевъ съ такою-же просьбою: „Насчетъ съёмокъ и вообще касающагося квартирмейстерской части, князь П. М. все видитъ своимъ маперомъ, и я по симъ дѣламъ никогда ему ничего не говорю, видя его совершенное упрямство по сей части. Вообще нерѣшительность по всему государству удивительная и, конечно, дѣлаетъ болѣе вреда, нежели пользы всякаго рода службѣ; но помочь сему мы съ тобою не въ состояніи. Непріятности по службѣ всегда были и должны быть, а наипаче съ такими людьми, которые пламенное желаніе имѣютъ быть полезны по службѣ".

Встрѣченныя затрудненія въ отысканіи дѣльныхъ сотрудниковъ не охладили дѣятельности Киселева вообще; строгій судья всѣхъ его дѣйствій—Закревскій писалъ ему [2]): „порядки въ дѣлахъ и скорый ходъ оныхъ весьма замѣтенъ со времени вступленія твоего въ должность начальника главнаго штаба; ты принялся славно и всѣ недостатки исправилъ; какіе существуютъ—на это надо нѣкоторое время"....

Отзывъ Закревскаго о дѣятельности Киселева.

„Ты много открываешь запутанностей и злоупотребленій по арміи; это намъ извѣстно, и будь увѣренъ, что къ нимъ писали въ теченіи пяти лѣтъ; ты вообразить себѣ не можешь, —но они терпѣливѣе были нѣмцевъ и все сносили хладнокровно; скажи-же, что́ съ такими въ ихъ званіи можно было сдѣлать? У нихъ всѣ чувства охладѣли; но, желая поддержать себя въ мнѣніи, сами о себѣ и трудахъ своихъ много говорили; какая же отъ сего могла быть польза службѣ? Хорошо дѣлаешь, что обратилъ особое вниманіе на артельныя солдатскія деньги и на судную часть; за послѣднюю примись, пожалуйста хорошенько; она у насъ въ большомъ упадкѣ отъ нерадѣнія начальниковъ; а несчастные томятся подъ судомъ долгое время,

---

[1]) 2-го марта 1820 года.

[2]) 2-го марта 1820 г.

тогда какъ въ это же время, по наказаніи, могли бы исправить въ нижнихъ чинахъ нѣсколько свое поведеніе".

Заботы Киселева объ устройствѣ военно-судной части. Мысль о составленіи полнаго собранія свода военныхъ постановленій.

Киселевъ тотчасъ по вступленіи въ должность начальника штаба обратилъ вниманіе на устройство аудиторіата и прежде всего на пріисканіе дѣльнаго предсѣдателя. Вникая въ эту часть военнаго управленія, онъ увидѣлъ необходимость полнаго ея преобразованія, для котораго прежде всего слѣдовало привести въ ясность или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторую систему, военные законы; онъ совѣтовалъ Закревскому заняться этимъ дѣломъ. Закревскій отвѣчалъ [1]: „Желаніе твое, чтобы я занялся полнымъ собраніемъ и систематическимъ сводомъ всего военнаго законодательства точно полезно и важно, но, право, не имѣю свободнаго времени хорошенько о семъ подумать и потому въ теперешнее время самъ заняться не могу, хотя и приготовилъ уже нѣсколько матеріаловъ. Да сверхъ того, мнѣ такъ надоѣло въ 5 лѣтъ моего управленія, что ты вообразить себѣ не можешь. Судная часть у насъ точно не въ такомъ видѣ, какъ слѣдуетъ; но взять трудъ на себя преобразовать оную никакъ не могу,—на это нужно много воли другихъ и снисходительнаго чтенія вышнихъ; это предметъ важный и не послѣдній. Предоставляю симъ заняться моему преемнику, болѣе имѣющему познаній по сей части и свободнаго времени".

Киселевъ не получаетъ разрѣшенія встрѣтить Государя въ Кременчугѣ.

Киселевъ уже болѣе года не видѣлъ Государя, а потому хотѣлъ для сего воспользоваться проѣздомъ Его черезъ Кременчугъ, на пути въ южныя поселенія, куда Онъ ѣхалъ, чтобы изгладить милостями слѣды недавнихъ бѣдствій, бывшихъ послѣдствіями бунта въ прошедшемъ году въ Чугуевскихъ поселеніяхъ, гдѣ поселяне, отказавшіеся идти на сѣнокосъ для строевыхъ лошадей, были принуждены къ тому военною силою, а виновные были подвергнуты наказаніямъ. Но такъ какъ на встрѣчу къ Императору долженъ былъ выѣхать графъ Витгенштейнъ, то Киселевъ спрашивалъ Закревскаго, слѣдуетъ-ли ему сопровождать главнокомандующаго или оставаться въ Тульчинѣ? Закревскій отвѣчалъ 31-го мая: „Спра-

[1]) 31-го мая 1820 г.

шивалъ я у князя Волконскаго долженъ-ли ты быть въ Кременчугѣ (въ проѣздъ Императора) съ главнокомандующимъ, или нѣтъ?—Онъ мнѣ, послѣ нѣсколькихъ дней, отвѣчалъ приложенною запискою, разумѣется съ доклада Государю. По сему и исполни. Хорошо дѣлаешь, что остороженъ и не кидаешься туда, гдѣ не должно быть". Въ упомянутой запискѣ было сказано, чтобы Киселевъ оставался въ Тульчинѣ, „а то некому будетъ заниматься дѣлами".

Киселевъ уѣзжаетъ въ Москву; свиданіе тамъ съ Государемъ.

Устройство семейныхъ дѣлъ, по случаю смерти отца, требовало присутствія Павла Дмитріевича въ Москвѣ, гдѣ онъ могъ также встрѣтить Государя во время его проѣзда, а потому Киселевъ взялъ отпускъ. Изъ писемъ Закревскаго видно, что все устроилось, какъ нельзя лучше.

„Изъ Москвы получилъ твое письмо и весьма сожалѣю, что твоя лихорадка возобновилась въ нынѣшнемъ печальномъ твоемъ положеніи. Совѣтую тебѣ не прежде выѣзжать изъ Москвы, какъ поправишь свои дѣла и здоровье и пока не успокоишь домашнихъ, которые полагаютъ на тебя всѣ надежды. Ты ихъ подпора и, не щадя ничего, долженъ стараться привести домашнія дѣла въ лучшее состояніе, безъ чего и послѣднее имѣніе потерять можешь. Ты о себѣ ничего не долженъ говорить: 17-ть лѣтъ во всемъ себѣ отказывалъ, въ такіе года, которые требовали всего, слѣдовательно, по привычкѣ и степеннымъ лѣтамъ, ты теперь лишняго требовать себѣ не будешь. Волконскій писалъ мнѣ изъ Москвы, что ты очень похудѣлъ.—Этому я не удивляюсь..." [1]) „Радуюсь душевно, что ты доволенъ пріемомъ Государя. По мнѣнію моему иначе и быть не могло. А болѣе еще утѣшаюсь, что матушкѣ выпросилъ пенсіонъ, который въ ея положеніи необходимъ [2]).

Смотръ войскъ Государемъ въ Умани и Винницѣ; надежда о назначеніе Киселева генералъ-адъютантомъ не осуществилась; письма по этому поводу Орлова, Закревскаго и Д. Давыдова.

По возвращеніи изъ Москвы Павелъ Дмитріевичъ въ іюлѣ отправился въ Умань и Винницу, для приготовленія войскъ къ смотру Государя. Смотръ окончился; но назначеніе Киселева генералъ-адъютантомъ, какъ надѣялись онъ и его друзья,

[1]) Письмо 26 іюля 1820 г.

[2]) Письмо 29 іюля 1820 г.

не состоялось. Награды этой Киселевъ ожидалъ тѣмъ болѣе, что сверстникъ его А. Ѳ. Орловъ былъ уже назначенъ генералъ-адъютантомъ и писалъ [1]) по этому Павлу Дмитріевичу: „Любезный другъ, я пишу тебѣ изъ лагеря, гдѣ мы находимся уже три недѣли; наконецъ, несмотря на зависть и коварство, я назначенъ генералъ-адъютантомъ; я увѣренъ слишкомъ въ твоей дружбѣ, чтобы сомнѣваться въ томъ, что это тебѣ доставитъ удовольствіе. Я понимаю, что несмотря на твое сердце, это должно тебѣ причинять досаду; но будь справедливъ и вѣрь, что мое удовольствіе было бы сугубое, если бы эта награда была дана намъ обоимъ; при первомъ словѣ князя, я ему сказалъ, какъ мнѣ это тяжело; на это онъ мнѣ отвѣтилъ, что это не надолго и далъ мнѣ понять, что было бы для тебя унизительно получить назначеніе вслѣдъ за кѣмъ нибудь; что чрезвычайно были довольны твоею службою и что не замедлятъ ее вознаградить; я надѣюсь, любезный другъ, что чрезъ нѣсколько недѣль могу тебя поздравить отъ всего моего сердца“.

Но ожиданія Орлова не осуществились.

„Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ, писалъ онъ 31-го августа, курьера изъ Умани; я почти былъ увѣренъ, что могу тебя поздравить; я считалъ минуты, когда получу столь пріятное извѣстіе; къ несчастію, твое письмо разрушило мои надежды, и я до сихъ поръ не могъ опомниться отъ удивленія. Видно сильно работали, чтобы тебѣ вредить; надо полагать, что преданность своему долгу, успѣхи, достигнутые тобою на мѣстѣ столь трудномъ, усилили ожесточеніе твоихъ враговъ; но надо имѣть терпѣніе, любезный другъ, и умѣрить вспыльчивость твоего характера; рано или поздно справедливое дѣло восторжествуетъ, и клевета откроется; утѣшься—слѣдуя плану, такъ умно изложенному въ твоемъ письмѣ; трудись изъ любви къ добру и для твоей собственной совѣсти; думай о справедливости Провидѣнія (за Богомъ молитва—за Царемъ служба не пропадаютъ), и что рано или поздно будутъ вознаграждены твое усердіе и твои заслуги достойнымъ тебя образомъ“.

[1]) 23 іюня.

Закревскій съ своей стороны писалъ [1]): „Желая знать причину, почему Государь не сдѣлалъ тебя *генералъ-адъютантомъ*, я писалъ Волконскому и поставилъ на видъ слова, сказанныя на твой счетъ Орлову, и получилъ въ отвѣтъ, что Государь осмотрѣлъ только три полка 2-й арміи. На будущій же годъ, когда будетъ смотрѣть всю армію, сдѣлаютъ тебя генералъ-адъютантомъ. Вотъ я и долженъ тебѣ передать это для твоего сужденія, на что должно тебѣ рѣшиться. Но я полагаю, что твое положеніе требуетъ личнаго здѣсь пребыванія, гдѣ можешь посовѣтоваться съ людьми любящими тебя и тогда приступить къ лучшему, не давая чувствовать другимъ гнусныхъ сужденій.—Признаюсь, желалъ-бы знать причину и человѣка, который тебѣ подработалъ“.

Эта неудача огорчила Киселева, такъ что онъ думалъ даже объ удаленіи отъ должности начальника штаба.—Денисъ Давыдовъ, въ отвѣтъ на письмо Киселева писалъ: [2])... „Боюсь, чтобы ты не вздумалъ оставить службу. Боюсь и по моей дружбѣ къ тебѣ, боюсь и для общей пользы, ибо увѣренъ, что ты недюжинный человѣкъ.—Мнѣ не кстати совѣтовать тебѣ: но искренняя моя дружба проситъ тебя, чтобы ты не уступалъ своего мѣста.—Тебѣ нужна война.—Послѣ войны дѣлай, что хочешь, а до нея не гляди на этихъ мерзавцевъ, которые восторжествуютъ твоимъ удаленіемъ, ибо ты сдѣлаешь то, что они желаютъ. Вѣрь мнѣ, что это не умъ, а сердце мое пишетъ къ тебѣ, и не сердись за совѣты“.

Причина почему Киселевъ былъ обойденъ наградою.

Причина, по которой Киселевъ былъ обойденъ наградою, заключалась въ томъ, что въ осмотрѣнныхъ Государемъ полкахъ Онъ не вполнѣ былъ доволенъ фронтовою частію [3]).

Въ это время произошла перемѣна въ характерѣ Императора Александра; въ душу его получилъ доступъ мракъ мистицизма, за которымъ стоялъ уже обскурантизмъ. Либеральныя стремленія замѣнились реакціею; мѣсто довѣрчивости заступила подозрительность, поддерживаемая вліяніемъ Метер-

---

[1]) 28-го сентября 1820 года.

[2]) 29-го сентября 1820 года.

[3]) Письмо Закревскаго 1-го марта 1821 года.

Перемѣна въ характерѣ Императора Александра; реакція въ военномъ управленіи; система усиленія фронтовыхъ занятій; несочувствіе Закревскаго и Киселева этой мѣрѣ.

ниха. При такомъ расположеніи духа у Государя, естественно, въ отношеніи къ войску, возбуждалось опасеніе за нарушеніе дисциплины, которое, казалось, всего скорѣе могло быть слѣдствіемъ вторженія мыслей извнѣ и возбужденія размышленія въ средѣ солдатъ и офицеровъ.—Необходимо было поставить физическую препону тому и другому. Въ мирное время главное занятіе войскъ составляетъ караульная служба; но какъ ни многочисленны были караулы, все же оставалось у солдатъ и офицеровъ свободное время; его-то и надо было у нихъ отнять. Прямымъ къ тому средствомъ, въ виду имѣвшейся цѣли, представлялось усиленіе фронтовыхъ занятій, хотя бы они были вовсе безполезны для боеваго образованія войска. Люди здравомыслящіе не раздѣляли такихъ мыслей; натуры мелкія и честолюбивыя, въ которыхъ никогда нѣтъ недостатка, въ виду личныхъ своихъ цѣлей, изощрялись въ изобрѣтеніи разныхъ ружейныхъ пріемовъ и учебныхъ маршей, требовали отъ солдата артистическаго ихъ исполненія и находили въ томъ свою выгоду, такъ какъ, къ несчастію, самъ Государь усвоилъ себѣ мысль о необходимости, для поддержанія дисциплины въ войскѣ, не давать отдыха ни солдатамъ, ни офицерамъ.

Еще въ началѣ года, въ мартѣ, по волѣ Императора, въ гвардіи были сдѣланы нѣкоторыя назначенія въ командованіи полками, показывавшія, что Государь хотѣлъ, что называется, *подтянуть* войска.

Объ этихъ назначеніяхъ Закревскій писалъ: [1]) „Посылаю тебѣ три Высочайшіе приказа съ 11 числа; изъ приказа 19 числа увидишь порядочное производство въ генералы; не знаю, куда мы ихъ готовимъ и что съ ними будемъ дѣлать. Признаться тебѣ долженъ, что не понимаю нынѣшняго назначенія полковыхъ командировъ, или командующихъ полками, въ гвардіи: въ семеновскій—Шварца, въ преображенскій—Порха, въ измайловскій — Мартынова, въ московскій — Фридерикса, а въ лейбъ-гренадерскій—Стюрлера. Я говорилъ о

---

[1]) 30-го марта 1820 года.

семъ Васильчикову, и онъ мнѣ ничего не могъ отвѣтить кромѣ, что Государю угодно.

„Ни въ чье командованіе гвардейскимъ корпусомъ не назначали такихъ командировъ, какъ теперь, и полагаю, что съ сего времени гвардія будетъ во всѣхъ отношеніяхъ упадать, кромѣ *ногъ*, на кои особенное обращаютъ вниманіе. Скажи-же по совѣсти: что́ ноги безъ головы, и куда годятся! Ты долженъ мнѣ на сіи замѣчанія сказать свое мнѣніе. Я думаю, что никогда не должно было такъ заниматься, какъ теперь, гвардіею, и имѣть хорошихъ начальниковъ, къ которымъ бы имѣли уваженіе.—Война,—и гвардія наша будетъ пренесчастная".

Киселевъ, какъ и Закревскій, не сочувствовалъ системѣ усиленныхъ фронтовыхъ занятій и, спустя $1^1/_2$ года, рѣшительно возсталъ противъ нея, какъ это мы увидимъ ниже; но въ то время, о которомъ идетъ нашъ разсказъ, именно въ 1820 г., онъ видѣлъ необходимость не показывать равнодушія, а тѣмъ болѣе пренебреженія къ фронтовой службѣ.

Не показывая равнодушія къ фронтовой части, Киселевъ старался сколь можно ослабить требованія, посылавшіяся изъ Петербурга,—и въ этихъ видахъ преднамѣренно возбуждалъ множество вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ восходило до Государя, находившагося за-границею, такъ какъ ни Закревскій, ни князь Волконскій не были поборниками принятой системы. Государь, какъ кажется, понялъ намѣреніе Киселева и упрекалъ его въ пуризмѣ.

„Нечего дѣлать, писалъ Закревскій [1]), надо заниматься фронтовою службою; хорошо сдѣлалъ, что заводишь учебные баталіоны и экзерцргаузы, безъ коихъ и существованіе наше худо, пока находимся въ военной службѣ". Киселевъ, дѣйствительно, занялся фронтовою частію. Закревскій въ письмѣ отъ 1-го декабря 1820 года говорилъ: „Рапортъ твой объ учебныхъ баталіонахъ и принятыхъ мѣрахъ къ назначенію фрунтовой части я послалъ князю Петру. Воображаю Саба-

---

[1]) 28-го сентября 1820 года.

нѣева: съ какимъ удовольствіемъ онъ симъ занимается, превозмогъ себя и сидитъ въ экзерциргаузѣ!"

Въ отвѣтъ на упоминаемый рапортъ князь Волконскій писалъ Павлу Дмитріевичу изъ Тропау [1]): „Государь находитъ, что вы сдѣлались страшнымъ пуристомъ въ фронтовой службѣ, какъ видно изъ всѣхъ вашихъ вопросовъ Закревскому, и на которые я вамъ отвѣчаю по приказанію Его Величества".

Извѣстіе о происшествіи въ семеновскомъ полку.

Выше мы привели отзывы Закревскаго о назначеніи командировъ въ гвардейскіе полки.

Результатомъ одного изъ числа такихъ назначеній вышла извѣстная семеновская исторія, о которой Закревскій увѣдомлялъ графа Витгенштейна слѣдующимъ письмомъ: [1]) „Ночью съ 16-го на 17-е число, семеновскаго полка, роты Его Величества всѣ рядовые встали, одѣлись въ шинели и вышли въ корридоръ казармъ. Сколько фельдфебель ни уговаривалъ ихъ возвратиться на свои мѣста, они никакъ не хотѣли этого сдѣлать и требовали своего ротнаго командира. По прибытіи послѣдняго, они объявили, что вынуждены къ сему притѣсненіями полковаго командира П. Шварца, непомѣрною его строгостью, взыскательностью, которыхъ они болѣе переносить не въ силахъ, почему и просятъ его довести о семъ до свѣдѣнія начальства. Послѣ же сего, по приказанію капитана, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. На другой день, когда объ этомъ происшествіи было донесено по командѣ, командующій гвардейскимъ корпусомъ, найдя эту роту заслуживающею строгаго наказанія за своевольство, приказалъ посадить ее въ здѣшнюю крѣпость и судить военнымъ судомъ. Первый баталіонъ сего полка, узнавъ о мѣрахъ, принятыхъ съ помянутою ротою, требовалъ возвращенія ея. Онъ вышелъ изъ казармъ на плацъ-парадное полковое мѣсто въ однихъ шинеляхъ безъ всякаго оружія, въ ночь съ 17-го на 18-е число, и не хотѣлъ возвращаться, пока не удовлетворятъ его требованій. При выходѣ изъ казармъ, онъ принудилъ большую половину 2-го

---

[1]) 14-го (26-го) декабря 1820 года.

[2]) 20-го октября 1820 года.

и 3-го баталіоновъ пристать къ нему, а не хотѣвшихъ идти съ ними они насильно выталкивали изъ казармъ. При невозможности уговорить ихъ возвратиться къ своимъ мѣстамъ, приказано всѣмъ идти въ здѣшнюю крѣпость, куда они отправились и тамъ были разсажены. Командующій корпусомъ рѣшился для наказанія ихъ отправить 2-й и 3-й баталіоны, какъ менѣе виновные, въ Финляндію, куда они и отправлены вчерашняго числа (19-го); 2-й баталіонъ въ Свеаборгъ, а 3-й въ Кексгольмъ; 1-й же баталіонъ остался въ здѣшней крѣпости и, какъ болѣе виновный и болѣе оказавшій неповиновенія, преданъ военному суду. *Причина всему единственно строгость П. Шварца и неумѣнье обращаться съ солдатами.* Впрочемъ, дальнѣйшихъ послѣдствій сіе не имѣло. Во всѣхъ прочихъ полкахъ совершенно спокойно. Я нужнымъ счелъ объ этомъ происшествіи довести единственно до свѣдѣнія вашего, въ предупрежденіе могущихъ дойти до васъ фальшивыхъ слуховъ, зная, сколько вездѣ праздныхъ людей, занимающихся единственно распространеніемъ ложныхъ толковъ"... А Киселеву вотъ что онъ писалъ: „Тебѣ исторія семеновскаго полка извѣстна изъ письма моего къ вамъ. Жаль, что это случилось, но дѣлать нечего и Государь принялъ это, вѣроятно, къ сердцу. Поджидаемъ съ нетерпѣніемъ отъ Него отвѣта. Впрочемъ, побочныхъ причинъ, кромѣ Шварца, никакихъ нѣтъ, и остальныя войска въ тишинѣ. Въ городѣ говорятъ много вздора, какъ обыкновенно бываетъ"[1]... „Участь Семеновскаго полка рѣшена довольно милостиво; но офицеры сего *не заслуживаютъ.* Они всему причиною и прежнее доброе и слабое управленіе. Объ этомъ приключеніи переговоримъ лично, а описывать на бумагѣ признаю неприличнымъ..." „Изъ бунтовщиковъ вамъ никого не дадимъ; велѣно распредѣлить въ нѣкоторыя дивизіи 1-й арміи и въ Финляндію. Жаль сего полка! Но знавши всѣ подробности, не должно жалѣть вмѣстѣ съ офицерами. Распредѣленіе ихъ сдѣлаетъ большую пользу на будущее время; а сдѣланная потачка такой бы сдѣлала вредъ, котораго мы никогда и ожидать бы не

[1]) 1-го ноября 1820 года.

могли. Солдаты этого полка слабымъ управленіемъ до того были доведены, что не желали исполнять свои обязанности солдатскія безъ всякой на то жестокости; послѣ сего, чего бы ты могъ отъ нихъ ожидать [1])?"

Тревожное состояніе Киселева; размолвка съ Закревскимъ.

Печальное событіе въ семействѣ Павла Дмитріевича (кончина отца), заботы съ этимъ сопряженныя, неосуществившіяся надежды въ его служебномъ положеніи, несочувственныя ему требованія по фронтовой части, которою онъ долженъ былъ заниматься противъ желанія,—все это не осталось безъ вліянія на его душу, пылкую и впечатлительную; онъ становился болѣе тревожнымъ, болѣе щекотливымъ и раздражительнымъ, такъ что даже съ Закревскимъ у него было нѣсколько мелкихъ размолвокъ, по поводу ошибокъ замѣченныхъ главнымъ штабомъ во 2-й арміи.—Закревскій писалъ [2]): „Твои требованія велики. Ты желаешь, чтобы ошибки, поставляемыя на видъ по департаменту, для васъ не существовали. Этого сдѣлать невозможно. Всѣ вообще дѣла по военной части неиначе производятся, какъ въ департаментѣ, а безъ того могутъ быть, при множествѣ бумагъ, непростительныя ошибки.—Но во всѣхъ бумагахъ вообще должна быть вѣжливость, которая, кажется, у меня и соблюдается, и въ семъ упрекнуть меня нельзя. Но если ты думаешь, что у васъ не можетъ быть ошибокъ и упущеній, то несправедливо. Всегда оныя во всѣхъ частяхъ были, есть и будутъ, а потому и должно поставить ихъ на видъ командующимъ войсками, которые уже приказываютъ о семъ своимъ подчиненнымъ и смотрятъ за ними, дабы на будущее время избѣгали этихъ ошибокъ. Позволь еще напомнить тебѣ, что если я могу, по положенію дежурства, поставлять на видъ волю начальника главнаго штаба отдѣльнымъ корпуснымъ командирамъ, власть которыхъ превышаетъ власть начальника штаба арміи, то вамъ и подавно. Разсуди хорошенько и самъ въ справедливости моей удостовѣришься. Впрочемъ, служа въ военной службѣ,

---

[1]) 1-го декабря 1820 года.

[2]) 29-го іюля 1820 года.

уважаю мѣста, а не лица, и самъ себя такъ веду, и мѣсто мнѣ порученное уронить не долженъ и не могу..."

А вотъ и другое письмо насчетъ обращенія съ подчиненными: [1]... „Ты видишь дружбу мою на опытѣ. Любя тебя, какъ благороднаго и честнаго человѣка, долженъ сказать мысль мою *на счетъ любви начальника въ арміи.* Быть всегда строгимъ и справедливымъ безъ всякой вспыльчивости и той манеры въ обхожденіи съ высшими и нижними чинами, къ которой не всякій можетъ привыкнуть;—вотъ что разумѣю о любви въ арміи, а не то, что ты полагаешь: быть низкимъ или гибкимъ человѣкомъ. Всякое пренебреженіе, или неуваженіе болѣе всего огорчаетъ человѣка, и тутъ обыкновенно не бываетъ никакой пользы для службы. На все есть манера добрая и дурная: первою до всего достигнешь, а второю—никогда. Труды тебѣ предстояли большіе, но ты занялся дѣлами, какъ умный и предусмотрительный начальникъ, и все стало постепенно приходить въ порядокъ, и всякое нечестіе въ арміи уже исчезло. Но манера обхожденія заставила всякаго негодовать на тебя—вотъ что до меня дошло. Вспомни, сколько разъ писалъ я къ тебѣ, дабы по пріѣздѣ въ армію умѣрилъ свой нравъ и тогда можешь ожидать успѣха. Но ты, какъ вижу, не хотѣлъ меня послушать. И я теперь по дружбѣ долженъ былъ тебѣ написать все, что слышалъ, тогда какъ другіе твои пріятели, въ равной степени тебя любящіе, вѣрно ничего не написали."

Отзывы Закревскаго и кн. Меншикова о нѣкоторыхъ лицахъ.

Въ сохранившейся за это время перепискѣ съ Закревскимъ и Меншиковымъ встрѣчаются не разъ откровенные отзывы о нѣкоторыхъ лицахъ высшей военной администраціи.

...„Не бѣда, если бы Аракчеевъ только дѣлалъ ошибки, которыя поставляютъ на видъ. Онъ въ государственныхъ дѣлахъ еще хуже поступаетъ и притомъ къ совершенному вреду Россіи. Сіе перемѣнить можетъ только одна его могила" [2]... „Замѣчательно, что во время разсказанной семеновской исторіи, Аракчеевъ даже не выходилъ изъ дома. Змѣй Аракчеевъ во

[1]) 1-го ноября 1820 года.

[2]) 30-го марта 1820 г.

все время здѣшняго происшествія носа своего не показывалъ и даже не спѣшилъ увидѣть Пукалову, пріѣхавшую изъ заграницы".

Гнетъ Аракчеева лежалъ на всемъ и всѣхъ, даже на князѣ Волконскомъ, умѣвшемъ сохранить свою оффиціальную самостоятельность; но и онъ во время поѣздокъ въ военныя поселенія, какъ видно изъ намековъ, встрѣчающихся въ письмахъ Закревскаго, долженъ былъ хвалить эти учрежденія, ненавистныя всѣмъ современникамъ. Вотъ какъ характеризовалъ Закревскій князя Волконскаго:

..."Волконскій съ ними (т.-е. съ чиновниками главнаго штаба) обходился нехорошо, что мнѣ также непріятно, и о чемъ я писалъ ему изъ Москвы. Не всякаго чиновника можно погонять палкою; мы къ этому не привыкли; я ихъ веду своимъ манеромъ, къ которому нетрудно привыкнуть и Волконскому. Онъ добръ, но страненъ въ обхожденіи съ чиновниками и грубъ" [1]).—"Волконскій имѣетъ холодную и странную привычку судить о людяхъ, ревностно занимающихся своимъ дѣломъ. Но причина тому,—онъ самъ все переноситъ и думаетъ, что всякій долженъ тоже дѣлать. Но въ этомъ онъ всегда ошибался и будетъ ошибаться, и въ этомъ дѣлѣ его переувѣрить никакъ невозможно" [2]).

Въ письмѣ отъ 17-го марта 1820 г. Закревскій говоритъ о Дибичѣ: "Не удивляйся переводу изъ 2-й арміи въ 1-ю хорошихъ офицеровъ. Дибичъ любитъ себя, а не службу, о которой много говоритъ и трубитъ подчиненнымъ. Вотъ что слышу всякій разъ отъ пріѣзжающихъ сюда офицеровъ, давно мнѣ знакомыхъ. Впрочемъ, онъ ни въ какомъ случаѣ себя не забываетъ и отъ службы не раззорится, какъ другіе. Но зато Государю потакаетъ во всемъ отлично хорошо и симъ возьметъ очень много. Не забудь, что онъ нѣмецъ; эти люди рѣдко пропадаютъ. Дибичъ—офицеръ хорошій и съ большими познаніями, если-бъ онъ только не придерживался послѣднимъ двумъ достоинствамъ."

О Толѣ, бывшемъ тогда генералъ-квартирмейстеромъ,

[1]) Письмо 2-го марта 1820 г.

[2]) Письмо 17-го марта 1820 г.

Закревскій писалъ, по поводу пререканій между главнымъ штабомъ и штабомъ 2-й арміи [1]): „Отвѣтъ вашъ на грубости Толя снисходительный; неменѣе того заводить ссору не должно; никто не потерпитъ, исключая службы. Но отношеніе сіе покажу князю и поставлю на видъ, какъ дурно писать грубости, не сообразивъ дѣла“...

О Толѣ Меншиковъ писалъ [2]): „Ты спрашиваешь меня, когда я буду генералъ-квартирмейстеромъ? Думаю, никогда, хотя Толь день ото дня становится несноснѣе и занимается нынѣ поставкою алебастра для Исакіевской церкви, а не дислокаціями. Талантовъ у него много, а качества ни одного. Сверхъ того, мѣсто сіе не входитъ въ мои виды. Я желалъ бы избавиться отъ бумагъ, дабы въ готовности быть на всякое временное порученіе и употребленіе; но лентою къ столу привязанъ [3]), которой нельзя развязать, а отрѣзать — было бы неблагородно“...

---

[1]) 19-го ноября 1819 года.

[2]) 1-го августа 1819 г.

[3]) Князь Меншиковъ передъ тѣмъ получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени.

ГЛАВА VI.

1821 годъ.

Закревскій облегчаетъ ходъ дѣлъ во 2-й арміи.—Жалобы Киселева на отказы въ представленіяхъ по 2-й арміи и на сопротивленіе Сабанѣева усилить фронтовыя занятія.—Закревскій успокоиваетъ Киселева.—Закревскій не одобряетъ увлеченія Киселева фронтовою частію.—Оправданіе Киселева.—Закревскій отказываетъ Киселеву въ пріисканіи офицера по фронтовой части.—Свиданіе Государя съ Киселевымъ въ Слонимѣ.—Письмо Государя къ графинѣ Потоцкой.—Греческое возстаніе.—Вторженіе Ипсиланти въ Молдавію.—Пестель собираетъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Княжествахъ.—Восторженный взглядъ Киселева на греческое возстаніе.—Корпусу Рудзевича приказано идти въ Пресбургъ.—Письма Закревскаго и Ермолова о войнѣ съ Турками.—Желаніе Киселева оставить мѣсто начальника штаба; отвѣтъ Государя.—Остановка движенія нашихъ войскъ въ Италію.—Письмо Ипсиланти Императору Александру.—Отвѣтъ Государя и его послѣдствія на предпріятія Ипсиланти.—Переписка между Закревскимъ, Ермоловымъ и Киселевымъ по поводу ожидаемой войны.

Закревскій облегчаетъ ходъ дѣлъ 2-й арміи.

Дружескія отношенія къ Закревскому во многомъ облегчали Киселеву достиженіе успѣховъ въ устройствѣ арміи. „Участіе, которое принимаешь по дѣламъ 2-й арміи, писалъ Павелъ Дмитріевичъ Закревскому [1]), видимъ, чувствуемъ и благодаримъ; имя Закревскаго у насъ произносится съ уваженіемъ и признательностью; всѣ ко мнѣ доходящія просьбы упираются на тебя; „попросите Арсенія Андреевича, если можно, то вѣрно сдѣлаетъ“; вотъ отголосокъ всѣхъ тѣхъ, которые нуждаются въ помощи и знаютъ тебя цѣнить; много отвергаю, но со многими тебя и мучу; другихъ въ покоѣ

[1]) 14-го января 1821 года.

оставляю, а потому жили, живутъ, и будутъ жить: они забыты и неизвѣстны".

Жалобы Киселева на отказы и на сопротивленіе Сабанѣева усилить фронтовыя занятія.

Несмотря, однако, на содѣйствіе Закревскаго, Киселевъ жаловался на обстоятельства, препятствовавшія ему въ доведеніи арміи до желаемаго устройства. Одно изъ этихъ обстоятельствъ было: частые отказы въ наградахъ и поощреніяхъ для 2-й арміи.

Осмотрѣвъ въ началѣ 1821-го года полки, Киселевъ, 17-го февраля, писалъ Закревскому: „Сейчасъ возвратился изъ путешествія чрезмѣрно тягостнаго; объѣхалъ всю армію и осмотрѣлъ всѣ учебныя наши заведенія и занятія нынѣшней зимы; успѣхи будутъ большіе, если все начатое будетъ продолжаться, и если Государю неугодно будетъ продолжать долѣе систему отказовъ, которая, кажется, принята для 2-й арміи, обреченной быть у правительства въ загонѣ. Зачѣмъ отказано Пестелю, зачѣмъ не произвели за отличіе 13 офицеровъ, въ арміи стотысячной, признанныхъ достойными; почему не уважить другія незначущія просьбы, которыя служатъ поощреніемъ и даютъ вѣсъ начальству, которому трудно заставить людей быть старательными изъ одной лишь боязни? можно было замѣтить, что я не слишкомъ тароватъ на представленія къ наградамъ, отвергаю ихъ во множествѣ; но когда вижу баталіонъ, роту или эскадронъ въ порядкѣ, особенно отъ прочихъ отличномъ, то нахожу полезнымъ для самой службы испрашивать воздаянія трудящемуся и тѣмъ заставить другихъ такъ же трудиться и видѣть за успѣхъ—награду, за нерадѣніе—взысканіе. Не обвиняю князя Петра Михайловича, но ей-ей, не можно ожидать хорошаго отъ одной строгости, давъ начальникамъ лишь право наказывать и отнявъ возможность дѣлать добро, полагать, что все исполнится и будетъ по желаемому!"...

Другое обстоятельство, на которое жаловался Киселевъ, было сопротивленіе Сабанѣева, который, находясь, впрочемъ, въ хорошихъ отношеніяхъ съ Киселевымъ, открыто возставалъ противъ занятій, по крайней мѣрѣ, излишнихъ, фронтовою частію.—„Напиши Сабанѣеву, просилъ онъ Закревскаго 14-го января 1821 года,—что несомнѣнно есть много хорошаго

въ намѣреніяхъ его и дѣйствіяхъ, но что служа Государю и правительству, должно исполнять общія распоряженія и входить въ смыслъ власти, безъ чего всякое правленіе ходу имѣть не можетъ. Онъ завлекается страстями и часто противорѣчитъ самому себѣ, путаетъ подчиненныхъ и заставляетъ отъ капризовъ своихъ роптать и жаловаться, — говоритъ и пишетъ, что ученье для него статья послѣдняя и въ военномъ дѣлѣ ненужная; что егерская служба замѣняетъ все, и что онъ служитъ не для парадовъ и смотровъ, къ коимъ всѣ готовятся. Все сіе онъ можетъ думать, но толковать офицерамъ не слѣдуетъ, и для того я, чрезъ три дня, отправляюсь въ Тирасполь и буду ему говорить такъ, какъ слѣдуетъ и какъ обязанъ человѣку, который имѣетъ достоинства и можетъ быть полезенъ; съ твоей стороны, письмо въ такомъ же смыслѣ принесетъ пользу большую".

Закревскій успокоиваетъ Киселева.

Закревскій успокоивалъ Киселева и умѣрялъ его нетерпѣливость: „Вояжъ твой по арміи дѣлаетъ пользу службѣ, манера выговаривать и побранить за дурное даетъ полное право надѣяться въ успѣхѣ вашихъ желаній. Твое усердіе есть образецъ твоимъ подчиненнымъ и высшимъ начальникамъ. Но надо быть всегда кроткимъ. Мнѣ прискорбно, что въ нѣкоторыхъ представленіяхъ вамъ отказали; но вы огорчаться не должны, а должны были ожидать сего послѣ смотра Государемъ трехъ вашихъ полковъ, по которымъ сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія. Не принимай пламенно отказовъ: они были и будутъ; вооружись терпѣніемъ. Государь, осмотря въ нынѣшнемъ году вашу армію, вѣрно будетъ доволенъ, и всѣ трудящіеся наградятся, и ты возьмешь тогда верхъ надъ отказами. Правда, не все строгостью можно дѣлать, но малое вниманіе къ подчиненнымъ и бездѣльная награда всякаго понуждаетъ, и отъ сего части въ ихъ состояніи улучшаются. Князя П. М. въ отказахъ не обвиняй, онъ ни въ чемъ не виноватъ... Желаю душевно, чтобы мое письмо подѣйствовало на Сабанѣева; я его люблю, какъ умнаго человѣка; живой чрезъ-чуръ характеръ его иногда сбиваетъ съ пути истиннаго" [1]).

[1]) Письмо 1-го марта 1821 года.

Закревскій не одобряетъ увлеченія Киселева фронтовою частію.

Мы выше видѣли, что въ прошедшемъ году Закревскій, успокоивая Киселева въ неудачныхъ послѣдствіяхъ смотра Государемъ трехъ полковъ 2-ой арміи, указывалъ ему на необходимость заниматься фронтовою службою; но въ душѣ своей онъ не придавалъ важности подобнымъ занятіямъ; онъ вовсе не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ обыкновенно называли и называютъ фронтовиками. Киселевъ, увлекшись совѣтомъ Закревскаго, а главное желаніями и одобреніями свыше, съ особенною дѣятельностію занялся фронтовою службою. Въ началѣ 1821 года [1]) онъ писалъ Закревскому:

„Волконскій пишетъ мнѣ изъ Тропау самымъ дружескимъ образомъ и, по приказанію Царя, одобряетъ весьма фронтовыя всѣ распоряженія"... Закревскій на это отвѣчалъ, 1-го февраля, лаконически: „Не удивляюсь, что ты получилъ письмо отъ него (кн. Волконскаго) съ одобреніемъ Государя распоряженій твоихъ; иначе не должно быть, а подробно о семъ распространяться не иначе можно, какъ при личномъ свиданіи".

Закревскій, однако, не дождался свиданія съ Киселевымъ и высказалъ ему свой взглядъ на фронтовую часть въ слѣдующей перепискѣ:

Киселевъ, въ письмѣ отъ 16-го іюля, говоря о приготовленіи къ войнѣ, писалъ Закревскому между прочимъ: „Не повѣришь, сколько нынѣшнія обстоятельства разстроиваютъ учебныя наши занятія; всѣ желанія устремлены къ войнѣ, и учебный шагъ остается въ небреженіи; боюсь будущаго смотра, и особенно, если полувоенное наше состояніе нѣсколько еще продолжится".. Закревскій на это писалъ: [2]) „Стыдно, любезный Павелъ, такъ жалѣть, что васъ не увидятъ въ знаніи учебнаго шага; вѣдь ты, какъ умный, честный и благородный человѣкъ, судить такъ не долженъ; и я замѣчаю, что ты очень перемѣнился, и потому хочу лично съ тобою видѣться". Киселевъ отвѣчалъ: [3]) „Въ письмѣ твоемъ отъ 22-го августа, полагаешь, что я *перемѣнился во многомъ;* крайне ошибаешься: мнѣнія

Оправданіе Киселева.

---

[1]) 14-го января.

[2]) 22-го августа 1821 года.

[3]) 16-го сентября 1821 года.

мои не поколеблены; но опытъ заставилъ подчинять дѣйствія не внушеніямъ собственнымъ, но обстоятельствамъ, нами управляемымъ, и потому учебный шагъ для многаго содѣлывается нуженъ, и имъ занимаюсь, какъ необходимостью, и часто убѣждаюсь въ пользѣ его; увидимся и объяснимся".

Закревскій отказываетъ Киселеву въ приисканіи офицера по фронтовой части.

По фронтовой части главнымъ дѣятелемъ у Киселева былъ полковникъ Адамовъ. Въ началѣ 1821 года онъ умеръ; Киселевъ просилъ Закревскаго прислать ему другаго. Закревскій 29-го іюня 1821 года отвѣчалъ: „На мѣсто Адамова, профессора не знаю, а лучше снесись съ полковыми командирами гвардейскими, къ которымъ имѣешь довѣренность; я же на сіе порученіе не гожусь, ибо совершенно по сей части никого не знаю".

Свиданіе Киселева съ Государемъ въ Слонимѣ.

Недовольный тѣмъ, что многія представленія по управленію 2-ою арміею не получили желаемаго разрѣшенія, и вообще желая выяснить свое положеніе, Киселевъ еще въ началѣ года хотѣлъ видѣться съ Государемъ, но не рѣшался ѣхать въ Петербургъ „показывать всѣмъ рожу довольную и веселую, и болѣе всего принимать утѣшеніе и благодарить за участіе" [1]). Положеніе его, по крайней мѣрѣ въ глазахъ Государя, было не такъ дурно, какъ онъ себѣ воображалъ.

Князь Волконскій, въ письмѣ отъ 8-го февраля 1821 г. изъ Лайбаха, писалъ Павлу Дмитріевичу, по порученію Государя: „Его Величество никогда не думалъ уменьшить довѣренность къ вамъ, и Онъ чрезвычайно доволенъ вашею ревностію къ службѣ; Онъ будетъ весьма радъ видѣть васъ въ одномъ изъ городовъ на возвратномъ пути въ Россію". Еще болѣе въ лестныхъ выраженіяхъ князь Волконскій передавалъ Киселеву милостивое расположеніе къ нему Государя въ письмѣ 31-го марта, также изъ Лайбаха: „Государь читалъ ваше ко мнѣ письмо и поручилъ мнѣ сказать вамъ, что Онъ питаетъ къ вамъ всегда ту же довѣренность, и что никакія клеветы не могутъ поколебать ее. Его Величество знаетъ вашу ревность и преданность, съ которыми вы исполняете ваши обязанности". Свиданіе это состоялось въ концѣ мая въ Сло-

[1]) Письмо къ Закревскому 17-го февраля 1821 года.

нимѣ, и Киселевъ остался доволенъ пріемомъ Государя, какъ это видно изъ слѣдующаго его письма къ Закревскому:

5-го іюня 1821 г. Тульчинъ.

„Поѣздка моя въ Слонимъ и успѣхи по представленіямъ моимъ тебѣ уже извѣстны; я изложилъ мнѣніе мое по многимъ статьямъ настоящаго положенія нашего; должно сознаться, что не можно было оказать болѣе милостиваго вниманія ко всему, что усердіе къ пользѣ общей приглашало меня представить Его Величеству. Если изъ сего что-либо исполнится и окажется полезнымъ, то труды мои тѣмъ будутъ заплачены, и тѣмъ въ полной мѣрѣ награжденъ уже буду; ожидаю по сему предмету извѣщенія вашего; но нѣкоторыя исполненія ожидать должно отъ времени, въ подобномъ случаѣ терпѣніе не бѣда".

Письмо Государя къ графинѣ Потоцкой.

Еще болѣе ободрило Киселева письмо Государя къ графинѣ Потоцкой, по случаю состоявшейся помолвки ея дочери Софьи съ Павломъ Дмитріевичемъ. Въ письмѣ къ Закревскому отъ 16-го іюля Киселевъ говоритъ: „Государь писалъ письмо графинѣ Потоцкой, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ обо мнѣ столько для меня лестнымъ образомъ, что я не имѣю словъ изъяснить признательность мою; таковой отзывъ для меня пріятнѣе всѣхъ возможныхъ лентъ и награжденій".

Греческое возстаніе.

Греческое возстаніе, подготовлявшееся уже давно, получило въ теченіи 1820 года особенную силу. Изъ числа тайныхъ обществъ, существовавшихъ у Грековъ и имѣвшихъ цѣлью независимость Греціи, одно, подъ названіемъ Гетеріи, развилось въ южной Россіи, въ Одессѣ. Основателемъ этого общества былъ нѣкто грекъ Николай Скуфасъ, служившій въ одномъ изъ одесскихъ торговыхъ домовъ, а первыми членами были многіе греческіе купцы. При принятіи въ общество указывалась цѣль: вооруженное братство христіанъ Турецкой имперіи для споспѣшествованія торжеству Креста надъ полумѣсяцемъ. Учредители не были слишкомъ разборчивы въ средствахъ, и во всѣхъ ихъ тайныхъ воззваніяхъ содержались весьма прозрачные намеки, будто бы одна великая держава (Россія) обѣщаетъ имъ свое содѣйствіе.

Въ 1819 году гетеристы обращались къ графу Каподистрія, ходатайствуя о содѣйствіи имъ русскаго правительства; но такъ какъ здѣсь они не нашли поддержки, то обратились затѣмъ къ князю Александру Ипсиланти (сыну бывшаго господаря Валахскаго), который состоялъ въ то время въ русской службѣ въ чинѣ генералъ-маіора. Александръ Ипсиланти, потерявшій руку подъ Кульмомъ, пользовался репутаціею блестящей храбрости. Усвоивъ взглядъ гетеристовъ, онъ въ концѣ 1820 года поспѣшилъ въ южную Россію. Здѣсь, въ Кишиневѣ, установленъ былъ будущій планъ дѣйствій, и начаты были дѣятельныя сношенія съ греками въ Дунайскихъ княжествахъ, съ обоими господарями Суццо, Александромъ въ Валахіи и Михаиломъ въ Молдавіи.

Движеніе грековъ въ княжествахъ и дѣятельность гетеристовъ были, какъ видно, извѣстны нашему правительству, потому что Витгенштейнъ, въ послѣднее предъ тѣмъ свиданіе свое съ Государемъ въ Петербургѣ, получилъ приказаніе охранять границу. По этому поводу онъ писалъ Киселеву [1]): „Я полагаю необходимымъ составить солидный планъ и не только для настоящаго момента, но и для будущаго времени. Поэтому надо опредѣлить, какое число казаковъ и пѣхоты намъ нужно для охраненія Прута". Тогда же были сдѣланы распоряженія о болѣе тщательномъ охраненіи границы, порученной ближайшему вѣдѣнію командира 6-го корпуса Сабанѣева, причемъ обращено было особенное вниманіе на то, чтобы посредствомъ агентовъ слѣдить за событіями въ княжествахъ и за намѣреніями Турокъ, по договорамъ не имѣвшимъ права переводить свои войска за Дунай.

При возбужденномъ состояніи областей Турціи, Султанъ имѣлъ еще опаснаго врага въ лицѣ Али-паши Янинскаго, который открыто возсталъ противъ него. Али-паша, въ виду значительныхъ военныхъ силъ, посланныхъ султаномъ для его усмиренія, обратился съ воззваніемъ къ Грекамъ, призывая ихъ соединиться съ нимъ противъ общаго врага.

Вторженіе Ипсиланти въ Молдавію.

Минута къ возстанію казалась настолько удобна, что гете-

[1]) 1-го августа 1820 года.

ристы не преминули воспользоваться ею, причемъ князь Ипсиланти долженъ былъ сдѣлать вторженіе въ Дунайскія княжества, что и было имъ исполнено 22-го февраля 1821 года, когда онъ изъ Бессарабіи перешелъ чрезъ Прутъ съ небольшимъ отрядомъ изъ Грековъ, арнаутовъ и русскихъ удальцовъ.

Пестель собираетъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Княжествахъ.

Чтобы развѣдать объ истинномъ положеніи дѣлъ въ княжествахъ и наблюсти за пропускомъ черезъ границу жителей, бѣжавшихъ, вслѣдствіе возникшихъ безпорядковъ, въ предѣлы Россіи, Киселевъ командировалъ въ Скуляны Пестеля. Пестель пріѣхалъ сначала въ Кишиневъ, представился генералу Инзову, управлявшему Бессарабскою областію за отсутствіемъ намѣстника Бахметьева, совѣщался съ генераломъ Пущинымъ, съ Катакази и другими лицами, и затѣмъ отправился въ Скуляны, гдѣ при посредствѣ вице-губернатора Крупенскаго, начальника карантина Навроцкаго и нашего консула въ княжествахъ Пизани, собралъ свѣдѣнія о томъ, что̀ происходило въ провинціяхъ европейской Турціи. Описавъ подробно въ письмѣ къ Киселеву происшествія, случившіяся въ княжествахъ вслѣдствіе возстанія Владимереско и вторженія Ипсиланти, Пестель, между прочимъ, писалъ, „что тогдашнія событія въ то время еще только любопытныя, могутъ имѣть важныя послѣдствія. Если существуетъ 800 т. итальянскихъ карбонаріевъ, то, можетъ быть, еще болѣе существуетъ Грековъ, соединенныхъ политическою цѣлью. Вотъ что въ первый моментъ я могу сказать. Самъ Ипсиланти, я полагаю, только орудіе въ рукахъ *скрытой силы*, которая употребила его имя точкою соединенія. Я сообщилъ Пизани расположеніе нашихъ 4-хъ баталіоновъ на границѣ, и что такое же число готово ихъ подкрѣпить и даже съ артиллеріею. Я ему сказалъ, что вслѣдствіе совѣщанія Сабанѣева съ Инзовымъ и предписанія, полученнаго изъ штаба 2-й арміи, войскамъ приказано: 1) позволять являться въ наши владѣнія всѣмъ, кто, убѣгая отъ убійствъ Турокъ, придетъ спасать свою жизнь; 2) что за этими лицами будутъ наблюдать войска, въ предупрежденіе заразы, и эти лица должны будутъ выдерживать опредѣленный карантинъ; 3) что если этихъ лицъ турки будутъ преслѣдовать, то войска ихъ оста-

новятъ и, если нужно, употребятъ силу противъ тѣхъ, кои будутъ настаивать на преслѣдованіи; 4) что наша цѣль— оказать человѣколюбіе всякому; поэтому отъ переходящихъ будетъ отобрано оружіе, ибо если мы позволили бы оставлять оружіе, то это было бы дѣйствовать противъ Турокъ хотя косвенно, но все-таки фактически; 5) если между лицами, перешедшими границу, найдутся преступники, то они будутъ выданы турецкому правительству также, какъ это дѣлается въ настоящее время, и что въ этомъ отношеніи теперешнія обстоятельства не будутъ имѣть вліянія".—„Пизани былъ восхищенъ, услыхавши все это, потому что онъ имѣетъ теперь возможность согласовать свой голосъ съ обязанностію своего поста, видя, что приготовленныя мѣры вполнѣ согласуются съ тѣми, которыя ему предписываетъ долгъ. Предписанныя вами мѣры хороши тѣмъ болѣе, что онѣ совершенно въ духѣ трактата, по которому Россія провозгласила себя покровительницею Молдавіи, и въ тоже время стремятся сохранить согласіе съ Турками. На этомъ-то основаніи я полагаю, что Государь эти приготовительныя мѣры можетъ только одобрить во всѣхъ отношеніяхъ. Чрезъ нѣсколько часовъ я уѣзжаю въ Кишиневъ, гдѣ сообщу всѣ свѣдѣнія Инзову, который объ этомъ еще ничего не знаетъ, и посовѣтую ему привести въ исполненіе вашъ планъ касательно опредѣленія пунктовъ для карантиновъ. Онъ говорилъ, что считаетъ это безполезнымъ; но я полагаю, что лучше принять лишнюю мѣру, чѣмъ оплошать въ такомъ важномъ дѣлѣ. Изъ Кишинева я предполагаю поѣхать въ Тирасполь къ генералу Сабанѣеву, чтобы сообщить ему всѣ точныя свѣдѣнія, мною собранныя, и оттуда уже я возвращусь въ Тульчинъ, чтобы разсказать вамъ еще о многомъ лично. Эти дѣла очень интересны; но такъ какъ они не относятся ни до нашей арміи, ни до даннаго мнѣ порученія, то я не передаю ихъ письменно. Я очень желаю, чтобы вы остались довольны тѣмъ, какъ я исполнилъ ваше порученіе. Ваше одобреніе для меня весьма дорого".

Составивъ изъ письма Пестеля записку, Павелъ Дмитріевичъ препроводилъ ее князю Волконскому, который писалъ

ему [1]): „Я получилъ ваше письмо отъ 9-го марта съ свѣдѣніями, собранными Пестелемъ, и поспѣшаю вамъ сообщить, что Государь остался весьма доволенъ яснымъ изложеніемъ всѣхъ подробностей этого дѣла“.

Восторженный взглядъ Киселева на греческое востаніе.

Такую же записку Киселевъ отправилъ и къ Закревскому и при этомъ писалъ:

14-го марта 1821 года, Тульчинъ.

„Происшествія нашего края, вѣроятно, вамъ уже извѣстны, и въ Петербургѣ толкуете, по обыкновенію, каждый по своему произволу. Дабы тебѣ дать о началѣ дѣла сего ясное понятіе, посылаю записку, составленную однимъ изъ чиновниковъ, отправленныхъ мною на границу, и который имѣлъ случай представить достовѣрныя свѣдѣнія. Дѣло не на шутку, крови прольется много и, кажется, съ пользою для Грековъ. Нельзя вообразить себѣ, до какой степени они очарованы надеждою *спасенія* и *вольности*. Всѣ Греки южнаго края, богатые и бѣдные, сильные и хворые, всѣ потянулись за-границу, всѣ жертвуютъ всѣмъ и съ восхищеніемъ собою для спасенія отечества. Что за время, въ которое мы живемъ, любезный Закревскій? Какія чудеса творятся и какія твориться еще будутъ? Ипсиланти, перейдя за-границу, перенесъ уже имя свое въ потомство. Греки, читая его прокламацію, навзрыдъ плачутъ и съ восторгомъ подъ знамена его стремятся. — Помоги ему Богъ въ святомъ дѣлѣ; желалъ-бы прибавить: и Россія. Мы отправили курьера въ Лайбахъ, ожидаемъ отвѣта. Молдаване неотступно просили и просятъ занять ихъ край и защитить оный противъ ярости Турокъ; но отказъ былъ рѣшительный, и они въ ужасномъ трепетѣ. Повѣришь-ли ты, что стотысячная армія, на границѣ расположенная, не имѣетъ никакой инструкціи для непредвидимыхъ происшествій, и даже не знаемъ статей мирнаго договора! Подьяческая осторожность — вотъ наше руководство; кажется, съ нею въ отвѣтъ не попадешь, но затѣмъ о человѣколюбіи и справедливости уже ни слова“.

Въ концѣ этого письма Киселевъ приписывалъ: „Сейчасъ

[1]) 31-го марта 1821 г. изъ Лайбаха.

получили съ фельдъегеремъ повелѣніе отправить корпусъ подъ командою Рудзевича въ Пресбургъ; дѣла Грековъ въ Лайбахѣ не были еще извѣстны, а безъ того я сошелъ-бы съ ума отъ сдѣланнаго распоряженія; я предпочитаю полкъ болѣе чѣмъ пустое мое штабство, хлопотъ безмѣрно, а прибыли немного; подожду и осмотрюсь, а потомъ не только просить, а требовать буду, чтобы употребили на дѣло и, за грѣхи другихъ, меня съ ними въ утѣшеніе не оставили. Въ Константинополѣ началась рѣзня ужасная; въ одинъ день 20 кораблей пріѣхало въ Одессу съ греками; ожидаютъ Строгонова".

Корпусу Рудзевича приказано идти въ Пресбургъ.

Закревскій на это письмо, между прочимъ, отвѣчалъ Киселеву (30-го марта 1821 года): „Мы еще не имѣемъ извѣстій, какъ приметъ Государь дѣйствія Ипсиланти, и не сдѣлалъ ли другаго распоряженія насчетъ выступающаго отъ васъ корпуса съ Рудзевичемъ (чрезъ Австрію и Италію). Я пишу главнокомандующему о госпиталяхъ; не забудь сдѣлать насчетъ ихъ нужныя распоряженія и другія мелочи, по мѣстнымъ обстоятельствамъ извѣстныя, не забудьте. Не уподобляйтесь 1-ой арміи или распоряженіямъ Дибича; онъ, давъ предписаніе войскамъ о выступленіи, пишетъ мнѣ, дабы я сдѣлалъ распоряженіе насчетъ рекрутскихъ партій, и прочихъ ихъ хозяйственныхъ мелочей, совершенно отъ ихъ распоряженій зависящихъ. Видно—это не учебный шагъ и крикомъ ничего не возьмешь. Такого рода распоряженіе всякій можетъ дѣлать, даже и Ольдекопъ.... Послѣ 5-го марта мы не имѣемъ никакого извѣстія изъ Лайбаха (гдѣ тогда былъ Государь). Прислали указы о вступленіи войскъ, забывъ всѣ внутреннія распоряженія, и ничего въ дополненіе къ онымъ не присылаютъ. Признаться надо, что манера престранная, — и даже по сіе время не прислано манифеста о войнѣ, тогда какъ войска уже идутъ за границу. По твоему письму могу судить, что если отъ васъ возьмутъ корпусъ Рудзевича, то ты не съ большою охотою останешься на настоящемъ мѣстѣ. Скажи, что̀ говоритъ твой графъ насчетъ сего движенія и какъ оное принялъ. Гвардія ожидаетъ похода, и я радъ, что ее выводятъ провѣтриться".

Письмо Закревскаго и Ермолова о войнѣ съ Турками.

Въ томъ же письмѣ была приписка отъ Ермолова, въ которой между прочимъ сказано: „Воскресающая Грецiя даетъ теперь вамъ достойное занятiе. Видѣлъ изъ письма къ Закревскому, что событiя воспламеняютъ сердце героя, желающаго летѣть на помощь знаменитой странѣ.—Жалѣть буду вмѣстѣ съ вами, если пламень Грековъ будетъ угашенъ ихъ собственною кровью. Дай Богъ имъ успѣха, дай Богъ не имѣть Россiи другихъ сосѣдей, кромѣ турокъ“.

Желанiе Киселева оставить мѣсто начальника штаба.

Отдѣленiе отъ армiи 7-го корпуса дало поводъ Киселеву, какъ мы видѣли изъ приведеннаго выше письма его къ Закревскому отъ 14-го марта 1821 года, желать другаго назначенiя. Это была не мимолетная вспышка, а твердое рѣшенiе; вотъ что онъ писалъ 26-го марта князю Волконскому:—„Теперь позвольте сказать нѣсколько словъ о двусмысленномъ положенiи, въ которомъ я нахожусь. Вся армiя состоитъ только изъ одного 6-го корпуса, штабъ котораго организованъ прекрасно и для котораго поэтому Главный штабъ армiи безполезенъ. Для меня не остается обязанностей; но я желаю служить Государю и прежде всего быть полезнымъ. Ради Бога освободите меня изъ этого ложнаго положенiя. Я имѣю большiя обязательства передъ Его Величествомъ за доставленное мнѣ счастье. Теперь моментъ, когда я могу доказать свою благодарность и показать, что былъ достоинъ милостей. Помогите мнѣ можетъ быть въ самомъ важномъ случаѣ жизни. Повергните передъ Его Величествомъ мою нижайшую просьбу и скажите, что въ Его неисчерпаемой добротѣ я имѣю полнѣйшую увѣренность. Его Величество въ своемъ чрезмѣрномъ великодушiи всегда отдаетъ должное человѣку, посвятившему себя Его службѣ и просящему службы какъ величайшей милости. Прежде всего возьмите на себя трудъ умолить Его Величество позволить мнѣ явиться въ Его главную квартиру. Это позволенiе мнѣ крайне необходимо и смѣю надѣяться, что оно не будетъ безполезно для службы Его Величества; политическiй горизонтъ повсюду помрачается и вездѣ можно быть полезнымъ. Я не выбираю себѣ назначенiя. Этотъ выборъ зависитъ отъ степени довѣрiя, которое

Его Величеству угодно будетъ мнѣ оказать. Но каково-бы оно ни было, я исполню свой долгъ съ рвеніемъ и преданностью. Въ настоящемъ моемъ положеніи я не приношу никакой пользы, а имѣть такое убѣжденіе въ 32 года грустно.“

Волконскій не далъ никакого хода этому письму; такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того, что Киселевъ, извѣщая Закревскаго о свиданіи съ Государемъ въ Слонимѣ, свиданіи, которымъ онъ остался доволенъ, ничего не говоритъ о томъ, былъ-ли разговоръ о его желаніи оставить мѣсто начальника штаба; самъ Киселевъ, обласканный Государемъ, очевидно не рѣшился говорить Его Величеству объ этомъ. Но онъ не измѣнилъ намѣренія своего, которое еще болѣе укрѣпилось въ немъ при усилившихся слухахъ о неизбѣжности войны съ Турціею.

Въ письмѣ къ Закревскому отъ 1-го іюля 1821 года онъ писалъ.

„...Турокъ здѣсь собирается много, и мы вынуждены были сдѣлать движеніе, ибо Турки отъ безначалія могутъ надѣлать хлопотъ, и, по разрывѣ между двумя правительствами, могутъ со дня на день начать дѣйствовать опустошеніемъ Бессарабіи, которую, по состоянію границъ ея, защищать съ малымъ числомъ войскъ не можно.

„Я такъ измученъ, что черезъ силу держу перо въ рукѣ;—дайте мнѣ дивизію, и избавьте отъ почетнаго мѣста, которое, кромѣ мученія, ничего не доставляетъ. Хорошее относится къ начальству—дурное къ намъ, и репутаціи военной никогда не выслужить, а я въ газетахъ хочу быть для того, чтобы остаться въ исторіи; ибо какъ ни говори, но слава наша, т.-е. частныхъ людей, далѣе газетъ распространяться не можетъ.— Впрочемъ, проситься и напрашиваться не должно, но также затруднять собою не слѣдуетъ, и потому, дайте мнѣ дивизію“...

Въ тотъ же день вотъ что онъ писалъ Волконскому:... „Чѣмъ болѣе милости Государя ко мнѣ велики, тѣмъ болѣе я долженъ быть признателенъ и остороженъ. А поэтому я нисколько не желаю затруднять Его Величества, который по

сродному Ему великодушію можетъ-быть не захотѣлъ-бы оскорбить человѣка, нелицемѣрно ему преданнаго.—Сверхъ того, и по собственному убѣжденію мнѣ было-бы желательно избавить себя отъ обширной отвѣтственности, сопряженной съ моимъ званіемъ, служить въ рядахъ, и безъ заботъ достигнуть той репутаціи, которой въ нашемъ ремеслѣ позволительно каждому желать и которой безъ сомнѣнія никакой начальникъ штаба и никогда не достигнетъ. Въ 17-ой дивизіи лишь одинъ Козляниновъ старше меня. Съ переводомъ его въ другую, вы окажете двойную услугу: дивизіи—назначеніемъ ей начальника усерднаго и который себя беречь не будетъ, и мнѣ—уменьшеніемъ громадной отвѣтственности, неимовѣрныхъ заботъ, и болѣе всего возможностью не затруднять собою общія и, можетъ быть, полезныя предположенія. Я пишу вамъ безъ увертокъ и собственно для васъ; вы, по доброму ко мнѣ расположенію, увидите, что́ можно будетъ сдѣлать; но повторяю, что желаніе мое неизмѣнно, и особенно если Государь лично не будетъ здѣсь управлять военными дѣйствіями. Знаю, что толковъ будетъ много, что непріязненные разсказы представятъ въ печальномъ для меня видѣ мое перемѣщеніе; но затруднять собою Государя я не намѣренъ и потому да исполнится воля Его". Волконскій 7-го сентября 1821 года отвѣчалъ: „...Его Величество поручилъ мнѣ передать вамъ, чтобы вы оставались совершенно покойны, потому что на занимаемомъ мѣстѣ вы болѣе полезны нежели въ дивизіи и что усиленіе войскъ 2-ой арміи въ случаѣ войны увеличитъ вашу работу, которую вы исполните съ полнѣйшимъ успѣхомъ". Объ этомъ письмѣ Киселевъ извѣщалъ, 29-го сентября, Закревскаго: „Я получилъ отъ кн. П. М. преобширнѣйшее письмо, въ коемъ именемъ Государя онъ увѣдомляетъ, что Его Величеству не угодно и слышать о перемѣщеніи моемъ, что находя меня въ званіи моемъ болѣе полезнымъ, чѣмъ въ дивизіи, Государь полагаетъ, что настоятельно я требовать сего не буду, и что съ умноженіемъ войскъ въ арміи, умножатся занятія мои, которыхъ дѣятельность мнѣ конечно не страшна; все сіе заключается пріятностями, которыя съ приз-

Отвѣтъ Государя.

нательностью я принимаю, но которыя, въ случаѣ измѣненія, обратятъ меня къ первому желанію. Я благодарилъ и остаюсь впредь до случая". Такимъ образомъ Киселевъ остался начальникомъ штаба.

Остановка движенія нашихъ войскъ въ Италію.

Пока происходили передвиженія нашихъ войскъ, назначенныхъ въ Италію, Австрійцы успѣли возстановить порядокъ какъ въ Неаполѣ, такъ и въ Піемонтѣ, и русскія войска были остановлены на границѣ. Закревскій 1-го мая писалъ:... „Рудзевичъ остановленъ на границѣ, и прочіе корпуса, за границу назначенные, также будутъ расположены по границѣ. Дѣла въ Неаполѣ и Піемонтѣ кончились, но не думаю, чтобы это было на долго. Не только австрійскіе коммиссары, которыми ты недоволенъ, но и вся нація пренесносная и претяжелая. Теперь ты не будешь горячиться по расположенію войскъ на границѣ и, слѣдовательно, не будешь имѣть дѣла съ австрійцами. Желаю тебѣ имѣть пріятную переписку по дипломатической части, и чтобы въ ней, кромѣ нѣжностей, ничего не имѣлъ. Всегда о внутреннихъ распоряженіяхъ, дѣлаемыхъ по выступленію войскъ, увѣдомляй меня, кромѣ военнаго министра и начальника главнаго штаба. Отъ сего я совершенно ничего не получаю путнаго и черезъ то наше внутреннее распоряженіе можетъ быть нѣсколько несогласно съ вашимъ; наши распоряженія соображаются съ движеніями войскъ. Кромѣ войскъ, у насъ есть рекруты, преступники, бродящіе по всей Россіи, которымъ, во время движенія войскъ, надо сдѣлать какое нибудь распоряженіе, а безъ того будутъ водить ихъ безъ пользы, да еще и съ большими издержками, которыхъ во всякомъ случаѣ надо стараться избѣгать. Твой графъ теперь успокоился остановленіемъ Рудзевича; онъ также смотрѣлъ хладнокровно какъ нѣмецъ, когда Рудзевича у васъ изъ команды взяли [1]). Точно, въ нынѣшнее время

[1]) Киселевъ 12-го апрѣля 1821 года писалъ Закревскому: „Ты спрашиваешь: какъ принято здѣсь было выступленіе войскъ старикомъ нашимъ? Точно такъ, какъ слѣдуетъ человѣку подъ 60 лѣтъ, которому столовыя деньги нужнѣе всего. Я старался, сверхъ того, укрѣпить въ немъ равнодушіе, зная, что противное чувство, справедливо или несправедливо, отнеслось бы ко мнѣ, не принеся пользы никому. Командовать 6-мъ корпусомъ подъ названіемъ 2-ой арміи непріятно, но не безчестно, и потому командовать можно впредь до благопріятнаго измѣненія обстоятельствъ; мои мысли съ сужденіемъ такимъ не сходны, но время не ушло и потому терплю.

надо быть командующими войсками людямъ не устарѣвшихъ лѣтъ, у которыхъ еще не угасли чувства. Правительству нашему нельзя было заступиться за Грековъ послѣ заключенныхъ съ нами трактатовъ".

Послѣднія слова письма Закревскаго относятся къ заявленію, по повелѣнію Государя сдѣланному Ипсиланти.

Письмо Ипсиланти Императору Александру.

Вторгнувшись въ Молдавію, Ипсиланти 27-го февраля (8 марта) послалъ письмо Императору Александру въ Лайбахъ. Письмо это, если принять во вниманіе время, лица и отношенія тогда существовавшія, было верхомъ безразсудства, фантазіи и простодушія едва вѣроятнаго. Ипсиланти излагалъ на письмѣ то, что хотѣлъ сказать Государю на словахъ въ Петербургѣ. Онъ говорилъ, что „возвышенныя побужденія народовъ происходятъ отъ Бога и что, вслѣдствіе божескаго вдохновенія, Греки возстали, чтобы низвергнуть четырехвѣковое иго". Въ концѣ письма авторъ умолялъ Императора принять участіе въ освобожденіи Греціи.

Эта теорія о божескомъ происхожденіи революціи и простодушное сознаніе Ипсиланти, что она была дѣломъ тайнаго общества, вѣтви котораго простирались на всѣ мѣста, гдѣ только жили Греки, эта теорія была представлена Императору въ самый несчастный моментъ. Въ Испаніи и Португаліи возмущеніе было въ своемъ апогеѣ, позади австрійской арміи, которая шла въ Неаполь, возстаніе вспыхнуло въ Піемонтѣ; въ собраніи царственныхъ особъ въ Лайбахѣ распространился паническій страхъ и наконецъ Императоръ Александръ подчинился вліянію Метерниха [1]). Онъ считалъ греческое возстаніе также опаснымъ для общаго спокойствія, какъ и революціонныя покушенія на западѣ и потому повелѣлъ исключить изъ службы князя Ипсиланти, объявивъ ему, что Государь отнюдь не одобряетъ его намѣренія, что онъ никогда не долженъ надѣяться на помощь Россіи. Въ тоже время графу Витгенштейну повелѣно наблюдать строжайшій нейтралитетъ на счетъ смятеній въ обоихъ княжествахъ и доведено чрезъ нашего посланника до свѣдѣнія Порты, что политика Россіи всегда

Отвѣтъ Императора Александра и его послѣдствія для предпріятій Ипсиланти.

[1]) G. G. Gervinus. Histoire du dix-neuvième siècle. 1866, т. XII, p. 28 — 29.

будетъ чужда покушеніямъ, нарушающимъ спокойствіе какой либо страны, и что Государь въ своихъ сношеніяхъ съ Портою ничего не желаетъ, кромѣ постояннаго и точнаго соблюденія трактата, существующаго между обѣими державами.

Такое заявленіе нашего правительства отозвалось печальнымъ образомъ для предпріятія Ипсиланти. Киселевъ писалъ Закревскому:

„12-го апрѣля 1821 года. Тульчинъ.

„Обнародованное мнѣніе правительства нашего много повредило предпріятію; мало людей довольно сильныхъ духомъ, чтобы противоборствовать препятствіямъ, которыя могуществомъ представиться могутъ; кинжалы турецкіе не устрашили ихъ, но одно слово, Россійскимъ Государемъ провозглашенное, исторгнуло надежду и съ нею пламенный энтузіазмъ многихъ. Надо здѣсь жить, чтобы знать въ какомъ униженіи находятся подданные турецкаго правительства, и сколько такъ-называемое возмущеніе Грековъ законно. Мы судимъ, какъ люди частные; политика государствъ судитъ инаково и, можетъ быть, для государства полезнѣе; но совсѣмъ тѣмъ участь единовѣрцевъ нашихъ достойна сожалѣнія и, какъ человѣкъ, я ихъ искренно жалѣю".

Затянувшаяся борьба Грековъ, неистовства Турокъ и двусмысленная роль, въ которую поставилъ себя въ этомъ дѣлѣ Императоръ Александръ, сочувствуя борцамъ за независимость и не рѣшаясь помочь имъ, какъ мятежникамъ противъ законнаго правительства, давали поводъ лицамъ, не посвященнымъ въ тайны тогдашней дипломатіи, ожидать съ часу на часъ объявленія войны, необходимой даже для огражденія чести Россіи.

Переписка между Закревскимъ, Ермоловымъ и Киселевымъ по поводу ожидавшейся войны.

Закревскій и Киселевъ сходились во взглядѣ на неизбѣжность войны; оба не одобряли нерѣшительности правительства.

Киселевъ съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдалъ за тѣмъ, что́ дѣлается въ княжествахъ, куда Турки ввели свои войска. Въ этихъ наблюденіяхъ онъ имѣлъ ревностнаго и умнаго сотрудника — Сабанѣева, который собиралъ свѣдѣнія чрезъ лазутчиковъ и обо всемъ передавалъ въ Тульчинъ, а Киселевъ сообщалъ эти свѣдѣнія Закревскому. Вотъ что онъ писалъ ему:

10*

„4-го апрѣля 1821 года. Тульчинъ.

„Посылаю тебѣ, любезный Арсеній Андреевичъ, двѣ записки о дѣлахъ греческихъ; худо имъ (Грекамъ) послѣ объявленія россійскаго двора; всѣ уныли духомъ; Турки ободрились и кровопролитія, повидимому, будетъ много.

„Корпусъ Рудзевича въ движеніи; Меншиковъ пишетъ, что въ Неаполѣ все кончено, и что прогулкою все кончится для нашихъ войскъ; я не такъ думаю".

„5-го іюня 1821 года. Тульчинъ.

„Кажется, что безъ штыковъ не обойтись. Турки снисхожденіе правительства принимаютъ какъ послѣдствіе ослабленія способовъ государства нашего и дѣлаютъ въ отношеніи къ намъ много непозволительнаго. Съ варварами страхъ лишь силенъ; великодушіе мало имъ извѣстно".

„16-го іюня 1821 года. Кишиневъ.

„Изъ рапорта моего усмотришь, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, все, что здѣсь дѣлается; Турки съ нами поступаютъ какъ съ подвластными имъ Татарами. Поведеніе ихъ съ Строгоновымъ наиболѣе тому свидѣтельствуетъ; я предложилъ строгія мѣры осторожности, потому что стыдно бы было дозволить варварамъ обезпокоить предѣлы великаго и сильнаго государства; по всѣмъ извѣстіямъ, варвары на все готовы, а особенно на грабительство. Въ письмѣ моемъ князю Петру Михайловичу говорилъ о продовольствіи войскъ, которое, въ случаѣ движенія, затруднитъ насъ до крайности. Скажи мнѣ, что̀ ты думаешь о настоящихъ обстоятельствахъ и что́ ожидать должно? Я лично не знаю на что согласиться: жениться и воевать не забавно, оставаться женихомъ въ ожиданіи войны — тоже не весьма пріятно".

Закревскій съ своей стороны писалъ Киселеву 29 іюня 1821 года: ...„Поведеніе Турокъ такъ дерзко съ христіанами, что безъ войны трудно обойтись; да жаль, что очень мѣшкаютъ, а головы несчастныхъ летятъ; не знаю, вырвался-ли оттуда баронъ Строгоновъ? его положеніе также не забавное. Продовольствіе, если бу-

детъ война, армію весьма затруднитъ и надо брать заблаговременно рѣшительныя мѣры. Это не Германія. Война, кажется, неизбѣжна, но какія именно войска, кромѣ вашей арміи, будутъ назначены, еще неизвѣстно. Совѣтую тебѣ жениться, и жену взять съ собою, ибо въ нынѣшнемъ году ничего нельзя болѣе сдѣлать, какъ занять Молдавію и Валахію и подкрѣпить Сербовъ, снабдивъ ихъ оружіемъ и нѣкоторою частью денегъ, безъ коихъ трудно имъ будетъ дѣйствовать рѣшительно... Изъ всѣхъ генераловъ, какіе у васъ есть въ арміи, полезнѣе Сабанѣева въ нынѣшнемъ положеніи не будетъ. Ему извѣстенъ край и нравъ народовъ, во всѣхъ отношеніяхъ корыстолюбивыхъ, и за чиновниками нашими надо порядочно присматривать. При первомъ вступленіи въ Молдавію и Валахію, надо вводить и гражданское управленіе, для чего заблаговременно нужно приготовить хорошихъ чиновниковъ. Турки поступаютъ злодѣйски, а мы смотримъ хладнокровно, тогда какъ необузданныя толпы могутъ ворваться, хотя малыми частями, въ наши предѣлы; тогда срамъ будетъ порядочный. Благодарю за присланныя свѣдѣнія по дѣламъ молдавскимъ. Здѣсь по сіе время еще ни на что не рѣшились и не дѣлаютъ къ войнѣ никакихъ приготовленій, а потому на всѣ ваши бумаги князь Волконскій ничего не отвѣчаетъ; да онѣ, между нами сказать, вполнѣ еще не читаны. Теперь суди какъ хочешь! Вамъ также странно кажется, какъ и намъ, что армія получаетъ Высочайшія повелѣнія отъ графа Нессельроде, а не отъ военнаго начальства, какъ должно содержать оную на границѣ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Ты предвидишь основательно, что, въ случаѣ войны съ Турками, не одна ваша армія будетъ дѣйствовать, а нарочито оная усилится и, слѣдовательно, тебя не оставятъ начальникомъ главнаго штаба, и хорошо сдѣлаешь, что заблаговременно будешь просить дивизію. Ипсиланти не важно отличился, а прокламаціи его были важныя, да пользы никакой".

„1-е августа 1821 г.

„Если будетъ война, то въ нынѣшнемъ году ничего болѣе нельзя занять, какъ Молдавію и Валахію, но къ движенію нужно приготовить палатки, провіантъ, снаряды и мно-

жество денегъ. Нынѣшняя кампанія гораздо труднѣе нежели въ прежнія времена, ибо мы входили въ земли, гдѣ насъ принимали какъ избавителей и давали способы къ продовольствію; теперь, кромѣ разоренія, ничего не найдемъ, да и самыхъ жителей, которые возвратятся въ свои дома, должны будемъ кормить. Тебѣ сюда (въ С.-Петербургъ) пріѣзжать незачѣмъ и безполезно. Твое мнѣніе не можетъ дать никакого перевѣса войнѣ, а когда будетъ война, тогда можешь свои мысли объявить главнокомандующему, если находишь оныя полезными" [1]). Въ этомъ же письмѣ была приписка отъ Ермолова: ..."Сосѣдственныя вамъ происшествія занимаютъ умы столицы. Многіе думаютъ, что выгодно избѣжать войны, и не видятъ чего избѣжать невозможно. Я со стороны немиролюбивыхъ и даже наступательныхъ. Ѣду черезъ нѣсколько дней въ Грузію; вамъ желаю побѣдъ и славы, мнѣ отъ васъ продолженія прежней дружбы".

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 22-го августа 1821 года) Закревскій писалъ: ..."Здѣсь по сіе время въ нерѣшимости, что дѣлать, и если будетъ война, то не прежде, какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Вотъ послѣдніе разговоры послѣ полученныхъ послѣднихъ свѣдѣній отъ визиря; а что будетъ впредь по нашей нерѣшительности—Богъ знаетъ!... Тульчинскія власти остаются въ своей силѣ. Ермоловъ ѣдетъ въ концѣ этого мѣсяца въ Грузію и, слѣдовательно, на Дунаѣ главнокомандующимъ не будетъ. По секрету, 2-й пѣхотный корпусъ отправленъ для усиленія его (Ермолова) корпуса и выступилъ 15-го августа, онъ располагается въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ впредь до его востребованія. На счетъ твой ничего не могу сказать. Отъ князя П. М. добиться ничего не могъ и совѣтую теперь ничего не предпринимать. Въ свое время узнаю и тебя тотчасъ же увѣдомлю. Легко можетъ быть, что войны совсѣмъ не будетъ, ибо есть большое желаніе остаться въ мирѣ, несмотря на то, что Турки оскорбляютъ Русскихъ и тѣмъ унижаютъ наше величіе передъ прочими державами. Дай Богъ, чтобы все шло къ лучшему, а по порядку и дѣятельности, существующимъ нынѣ, ничего хорошаго ожидать нельзя. Надо

[1]) 1-го августа 1821 года.

быть здѣсь, видѣть и потомъ судить, чего Россія можетъ ожидать. Вотъ любезный другъ, какъ Русскій Русскому говорить долженъ. Если зимою все будетъ тихо, не лишнее тебѣ сюда пріѣхать, хотя на двѣ недѣли, посмотрѣть на здѣшнія происшествія".

Въ письмѣ отъ 19-го ноября 1821 года Закревскій пишетъ:

..."Поведеніе Турокъ столь нагло и дерзко, что месть должна ихъ преслѣдовать и намъ, право, пора проснуться. Если теперь избавимся отъ войны, то черезъ годъ ея никакъ избѣжать будемъ не въ состояніи, и тогда будетъ труднѣе и тяжелѣе ее начинать"...

"Вскорѣ получатся, ежели уже не получены, отвѣты турецкаго правительства на депеши, посланныя нашимъ правительствомъ. Каподистрія — молодецъ и знаетъ, гдѣ должно употребить твердость и рѣшительность".

ГЛАВА VII.

1822 годъ.

Неопредѣленность вопроса о войнѣ.—Предосторожности на случай войны.—Заботы Киселева объ устройствѣ арміи.—Улучшеніе личнаго состава офицеровъ.—Учрежденіе въ арміи секретной полиціи и ея дѣйствія. — Мнѣніе Киселева о нравственности арміи.—Наблюденіе надъ Раевскимъ и М. Орловымъ.—Затруднительное положеніе Киселева.—Переводъ М. Орлова въ другой корпусъ.—Мнѣніе Киселева о бродягахъ въ полкахъ.—Киселевъ вызываетъ Закревскаго заняться составленіемъ свода военно-судныхъ законовъ.—Протестъ Киселева противъ выдуманнаго Желтухинымъ учебнаго шага.—Неуспѣхъ этого протеста.—Рожденіе сына у Киселева.—Болѣзнь и смерть графини Потоцкой.—Отъѣздъ въ Берлинъ.

Неопредѣленность вопроса о войнѣ.

Вопросъ о войнѣ съ Турціею, неразъяснившійся въ 1821 г., сильно занималъ Киселева и въ началѣ слѣдующаго года; онъ не зналъ къ чему готовиться: къ походу-ли за-границу или къ давно ожидаемому смотру Государемъ 2-ой арміи. „Отъ васъ изъ Петербурга мы ничего не имѣемъ“, писалъ Павелъ Дмитріевичъ 12-го января 1822 г. Закревскому, „и не знаемъ къ чему готовиться; война и учебный шагъ—двѣ статьи, совершенно разныя, а къ веснѣ и то, и другое будетъ нужно; тебѣ, вѣроятно, дѣла извѣстны, вразуми насъ и направь на путь истинный“. Въ концѣ февраля онъ повторялъ тотъ-же вопросъ: „Неужели у васъ ничего неизвѣстно? не повѣришь какъ трудно готовиться къ войнѣ и къ мирнымъ занятіямъ. Сдѣлай дружбу, просвѣти хоть собственно меня“.

Закревскій на эти вопросы отвѣчалъ: „Турки, кажется, образумились и оставляютъ совершенно Молдавію и Валахію, къ

чему не мало споспѣшествовало собраніе Сабанѣевскаго корпуса въ Бессарабіи. Въ Гишпаніи дѣла идутъ очень дурно, и король, кажется, существовать не будетъ. На счетъ войны, будетъ ли она или нѣтъ, у насъ совершенно никто не знаетъ, но кажется Государь теперь болѣе наклоненъ къ оной, нежели прежде; но за то всякая у насъ война въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ Россіи будетъ дорого стоить, да къ тому же нѣтъ денегъ ни гроша и повсюду неурожай хлѣба [1]). У насъ слуху о войнѣ нѣтъ, что ты можешь ясно видѣть изъ бумагъ, отъ насъ получаемыхъ. но всѣ ожидаютъ возвращенія Татищева, который долженъ все рѣшить: война или миръ" [2]).

Улаженіе дѣлъ между Портою и Россіею затрудняла Англія. Съ цѣлію ослабить по возможности вліяніе лондонскаго двора на рѣшеніе восточнаго вопроса былъ посланъ отъ насъ въ Вѣну тайный совѣтникъ Татищевъ, для соглашенія съ Меттернихомъ; но и эта попытка не имѣла успѣха по проискамъ Англіи, правительство которой было тогда въ рукахъ торіевъ, подъ главенствомъ Кастельри, враждебно относившагося къ Россіи. Татищевъ, возвратясь въ С.-Петербургъ, представилъ проектъ веденія переговоровъ въ Вѣнѣ, при личномъ участіи Императора Александра, на пути его въ Верону, гдѣ предполагалось собрать конгрессъ. Графъ Каподистрія, которому Государь поручилъ представить совмѣстно съ графомъ Нессельродомъ докладъ о проектѣ Татищева, доказывалъ необходимость приступить къ понудительнымъ мѣрамъ противъ Турокъ и въ такомъ смыслѣ составить декларацію дворамъ. Государь не одобрилъ такой мысли, отозвался съ неудовольствіемъ на предложеніе Каподистрія и приказалъ сообщить Вѣнскому двору, что онъ самъ, по прибытіи въ Вѣну, будетъ вести переговоры. Каподистрія въ половинѣ августа 1822 года оставилъ Россію навсегда.

Императоръ Александръ, прибывъ въ Вѣну 7-го сентября (н. с), поддался совершенно вліянію Меттерниха, успѣвшаго развить въ немъ недовѣріе и подозрительность, не настаи-

[1]) 1-го февраля 1822 года.
[2]) 1-го апрѣля 1822 года.

валъ болѣе на неотлагательное умиротвореніе Греціи и вообще предоставилъ будущности рѣшеніе восточнаго вопроса. Вотъ чѣмъ объясняется неизвѣстность рѣшенія вопроса о войнѣ, который такъ занималъ Киселева въ началѣ 1822 года.

Предосторожности на случай войны

Несмотря на неопредѣленное въ отношеніи войны положеніе, Киселевъ обратилъ особенное вниманіе на оборонительныя средства пограничныхъ мѣстностей. Объѣхавъ въ концѣ декабря 1821 года расположеніе 6-го корпуса, стоявшаго въ Бессарабіи, онъ составилъ затѣмъ измѣненіе въ дислокаціи частей этого корпуса, съ тѣмъ, чтобы онѣ во время зимы могли заниматься фронтовымъ образованіемъ, сохраняя наблюденіе за границею.

Въ началѣ 1822 года приступлено было къ приведенію на военное положеніе пограничныхъ крѣпостей, для чего начальнику инженеровъ арміи, генералъ-лейтенанту Ферстеру, было указано—какимъ образомъ достигнуть этой цѣли безъ значительныхъ денежныхъ затратъ. Мнѣніе, представленное по сему Киселевымъ, заключалось въ слѣдующемъ:

1) Крѣпость Хотинъ, выходя изъ круга дѣйствій противъ Турокъ и не нуждаясь въ вооруженіи по нашимъ мирнымъ отношеніямъ къ Австріи, можетъ быть исправляема годовыми ремонтными суммами.

2) Въ крѣпости Бендерахъ, полезной по своему положенію какъ въ наступательной, такъ и въ оборонительной войнѣ, необходимо должны быть устроены казармы для помѣщенія: въ началѣ войны запасовъ и снарядовъ, а впослѣдствіи гарнизона для защиты ея, въ случаѣ приступа.

3) Аккерманъ, находясь внѣ круга военныхъ дѣйствій, по имѣющемуся въ ней устройству, можетъ оставаться безъ всякихъ исправленій,

4) Килія, по мѣстному положенію будучи промежуточнымъ депо между Бендерами и Измаиломъ, можетъ быть устроена съ нѣкоторыми маловажными издержками.

5) Измаилъ, по важности стратегическаго положенія, какъ ближайшій пунктъ для складки запасовъ, и находясь вблизи четырехъ турецкихъ крѣпостей, долженъ быть приведенъ въ

такое положеніе, чтобы, въ случаѣ внезапнаго нападенія, могъ дать надежду на вѣрную оборону.

Въ виду сбереженія казенныхъ интересовъ, Ферстеру было предписано лично осмотрѣть эти крѣпости и, вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ, доставить подробный разсчетъ предполагаемой имъ суммы на устройство дунайскихъ крѣпостей, разсчетъ на рабочихъ и время, въ какое эта работа можетъ быть приведена къ окончанію. Предположенныя укрѣпленія были окончены въ теченіи 1822 года.

Сабанѣевъ, судя по работамъ, производившимся въ крѣпостяхъ, предположилъ, что имѣется намѣреніе вести оборонительную войну, возсталъ противъ этого. Онъ писалъ Киселеву [1]: „Строгая оборонительная система по Пруту и Дунаю, похожая на теперешнее наше положеніе, никуда не годится"... Да и вообще о крѣпостяхъ нашихъ Сабанѣевъ былъ самаго дурнаго мнѣнія.

Заботы Киселева объ устройствѣ арміи.

Принимая предохранительныя на случай войны мѣры, на сколько это было возможно безъ указаній свыше, Киселевъ не переставалъ заботиться объ улучшеніи арміи. Теперь его поощряло къ этому утвержденіе представленій о производствахъ и вообще о наградахъ по 2-ой арміи, которая дотолѣ считала себя въ немилости, какъ онъ говорилъ объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ Закревскому:

„24-го января 1822 г. Тульчинъ.

„Письмо твое отъ 6-го я получилъ; получилъ также и Высочайшіе приказы, изъ коихъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ, что просимыя нами милости были уважены; будь увѣренъ, что въ числѣ произведенныхъ ни одного нѣтъ недостойнаго. Армія улучшается и въ томъ даже непріятели наши должны сознаться; всѣ стремятся къ исполненію воли начальства; отщепенцовъ мало и въ общемъ мнѣніи они ничтожны; объявленныя милости возродятъ въ усердныхъ новое усердіе, въ лѣнивыхъ изгонятъ лѣность, во всѣхъ возбудятъ довѣріе къ начальству. Я не знаю почему армію нашу полагали въ загонѣ

[1]) 10 января 1822 года.

и въ немилости. Одни увѣренія мои въ ошибочномъ семъ мнѣніи были недостаточны; нужно было доказательство болѣе положительное: мы его имѣемъ".

Улучшеніе личнаго состава офицеровъ.

Павла Дмитріевича въ особенности заботилъ личный составъ арміи — нравственныя качества офицеровъ и солдатъ. Въ отношеніи къ первымъ онъ считалъ вреднымъ удерживать на службѣ офицеровъ противъ ихъ желанія. „Не задержи представленныя просьбы объ отставкѣ", писалъ онъ Закревскому 24-го января 1822 года; „не должно нисколько удерживать людей не могущихъ служить; вообще, я полагаю неправильнымъ запрещеніе оставлять службу передъ войною: офицеръ, невоспламененный однимъ слухомъ о войнѣ и остающійся въ рядахъ по *приказанію*, болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ".

Съ другой стороны, онъ старался объ удаленіи изъ арміи офицеровъ, навлекавшихъ на себя подозрѣніе въ вольнодумствѣ. Какъ онъ смотрѣлъ на этотъ предметъ, видно изъ слѣдующаго его письма Закревскому:

22-го января 1822 года. Тульчинъ.

„Отставьте Шаховскаго (адъютанта главнокомандующаго) и удалите отъ военной службы всѣхъ тѣхъ, которые не дѣйствуютъ по смыслу правительства; всѣ они въ англійскомъ клубѣ безопасны, въ полкахъ чрезмѣрно вредны; духъ времени распространяется повсюду и нѣкое волненіе въ умахъ замѣтно; радикальные способы къ исторженію причинъ вольнодумства зависятъ не отъ насъ; но дѣло наше—не дозволять распространяться оному и укрощать сколько можно зло. Неумѣстная и безпрерывная строгость возродитъ его, а потому остается зараженныхъ удалять и поступать съ ними какъ съ чумными: *лечить сколько возможно, но сообщеніе воспрещать*. Вотъ по мнѣнію моему чѣмъ обязаны прямые слуги Государя и вѣрные сыны отечества, призванные къ охраненію общества отъ бѣдъ и напастей; вотъ чѣмъ мы обязаны; чѣмъ же обязаны столпы государственные—не подлежитъ моему сужденію, и я о семъ молчу и молчать буду".

Въ это время довольно часто высылались въ армію офи-

церы изъ гвардіи въ видѣ наказанія. Киселевъ по своей натурѣ, основную черту которой составляла гуманность, былъ далекъ отъ того, чтобы относиться къ нимъ сурово, не обращая вниманія на сущность проступковъ, и потому въ одномъ изъ писемъ [1]) къ Закревскому онъ проситъ „предварять его о всѣхъ тѣхъ, которые выписываются во 2-ю армію, объяснивъ именно за что, дабы по нравственности сосланнаго и присмотръ за нимъ могъ быть приличный“.

Учрежденіе секретной полиціи и ея дѣйствія.

Изъ приведеннаго письма о князѣ Шаховскомъ видно, что до Киселева доходили уже свѣдѣнія о распространяющемся волненіи умовъ. Свѣдѣнія эти онъ вѣроятно получалъ отъ учрежденной имъ еще въ предшедшемъ году секретной полиціи.

„Секретная полиція“, писалъ онъ Закревскому 15-го марта 1822 г., „мною образованная въ іюлѣ 1821 г., много оказала услугъ полезныхъ, ибо много обнаружила обстоятельствъ, чрезъ которыя лица и дѣла представились въ настоящемъ видѣ; духъ времени заставляетъ усилить часть сію и я посему дѣлаю свои распоряженія“.

Киселеву были извѣстны нѣкоторыя сомнительныя или неблагонадежныя лица въ арміи, между дѣйствіями которыхъ онъ не видѣлъ, однако, ничего общаго или систематическаго, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ его въ письмѣ къ Закревскому отъ 22-го января 1822 года.

Мнѣніе Киселева о нравственности арміи.

„Касательно арміи я долженъ тебѣ сказать, что въ общемъ смыслѣ она, конечно, нравственнѣе другихъ; но въ частномъ разборѣ несомнѣнно найдутся лица неблагомыслящія, которыя стремятся, но безъ успѣха, къ развращенію другихъ; мнѣнія ихъ и дѣйствія мнѣ извѣстны, и потому, слѣдя за ними, я не страшусь какой-либо внезапности и довершу издавна начатое. Сабанѣевъ мнѣ помощникъ отличный,—на счетъ его ошибаются“ [2]).

Наблюденіе за Раевскимъ и М. Орловымъ.

Упоминая о лицахъ, неблагомыслящихъ въ арміи, Киселевъ разумѣлъ главное—Раевскаго, маіора 32-го егерскаго полка, котораго начальникъ 16-й дивизіи М. Орловъ приблизилъ къ

[1]) Отъ 22-го января 1822 года.

[2]) Въ другомъ письмѣ отъ 13-го февраля 1822 г. изъ Одессы онъ пишетъ: „Сабанѣевъ у меня сидитъ цѣлый день и сбирается тебѣ писать; мы съ нимъ до того въ дружбѣ, что онъ мнѣ далъ въ заемъ денегъ: доказательство не шуточное“.

себѣ и поручилъ ему завѣдываніе ланкастерскими школами. Раевскій навлекалъ на себя подозрѣніе въ учрежденіи масонской ложи и въ распространеніи между офицерами либеральныхъ идей, а между солдатами внушеній, способствующихъ къ ослабленію дисциплины. Онъ находился уже подъ наблюденіемъ секретной полиціи.

„Давно я имѣлъ подъ надзоромъ", писалъ Киселевъ Закревскому [1], „нѣкоего Раевскаго, маіора 32-го егерскаго полка, который извѣстенъ мнѣ былъ вольнодумствомъ, совершенно необузданнымъ; нынче, по согласію съ Сабанѣевымъ, производится явное и тайное изслѣдованіе о всѣхъ его поступкахъ, и, кажется, суда и ссылки ему не миновать. Грустно мнѣ, что Орловъ не только терпѣлъ его при себѣ, но не переставалъ защищать поведеніе его".

Одновременно Сабанѣевъ наблюдалъ и за М. Орловымъ, покровителемъ Раевскаго, ревностно заботившимся о гуманномъ обращеніи съ солдатами и о распространеніи между ними образованія.

Происшествіе въ Камчатскомъ полку.

Въ концѣ 1821 года въ дивизіи Орлова, именно въ камчатскомъ полку, случилось нарушеніе дисциплины тремя или четырьмя солдатами, воспрепятствовавшими капитану наказать каптенармуса. Орловъ простилъ солдатъ и старался вообще скрыть это происшествіе; но агенты секретной полиціи донесли Сабанѣеву, а онъ извѣстилъ Киселева.

Павелъ Дмитріевичъ, съ своей стороны не придавая особой важности этому дѣлу, распорядился однако произвести слѣдствіе, увѣдомилъ князя Волконскаго и въ тоже время писалъ Закревскому:

„24-го января 1822 года. Тульчинъ.

„При смѣнѣ полковниковъ начались разсчеты и тутъ оказались злоупотребленія. Полковые, какъ и ротные командиры, повидимому, желали прикрыть утраченныя деньги собственностью солдата; всѣ вѣроятно успѣли; но одинъ, камчатскаго полка капитанъ вздумалъ вмѣсто изворотливости употребить палки и роту противъ себя поставилъ; отказали деньги, отка-

---

[1]) Изъ Кишинева, 27-го февраля 1822 года.

зали провіантъ, и, наконецъ, когда глупый и корыстолюбивый начальникъ вздумалъ за то наказывать каптенармуса, то рота просила помилованія, а трое солдатъ, не видя успѣха въ просьбахъ, отняли палки у унтеръ-офицеровъ, вѣроятно, на то согласныхъ, и доказали, что командиръ, потерявшій нравственную силу, противъ подчиненныхъ, вовсе остается безсиленъ. Вотъ происшествіе, которое законнымъ порядкомъ слѣдуется, но которое побуждаетъ меня забраться на нѣсколько времени въ Бессарабію, куда лазутчики мои меня приглашаютъ, и гдѣ я пристальнѣе и строже дѣйствовать буду. Конечно, дѣло сіе пустое и армейскимъ полкамъ не новое (ибо двѣ трети ротныхъ командировъ никуда не годны), но оно тѣмъ важно, что случилось въ камчатскомъ полку.

„Главнокомандующій желаетъ знать всѣ подробности и поступить съ виновными строго. Сабанѣевъ сердится ужасно и на ротнаго командира, и на Адамова, и на трехъ солдатъ, и на Турокъ, и на Ланжерона, и на всѣхъ; но со мною живетъ въ ладу и въ ужасной перепискѣ, отнимающей у меня много времени, но которую я не прекращаю, ибо, при всѣхъ странностяхъ его, правила его честны и непоколебимы; опытность имѣетъ большую и просвѣщеніе непонятное для человѣка, родившагося въ Ярославлѣ—тому 56 лѣтъ.

„Прочитай письмо мое князю Петру Михайловичу, дабы не вздумали у васъ, что мы скрываемъ вздоръ сей, какъ дѣло важное или какъ повтореніе семеновской исторіи. Сколько я разумѣю, то мнѣ кажется, тутъ болѣе всѣхъ виновенъ Адамовъ, который въ ссорѣ съ капитанами, и теорикъ Орловъ, коему слѣдовало бы знать и предупредить денежные сіи разсчеты. Между нами сказать, въ 16-й дивизіи есть люди, которыхъ должно уничтожить и которые такъ не останутся; я давно за ними смотрю, и скоро громъ грянетъ...“

Закревскій, въ отвѣтъ на это письмо, одобряя, что подобныя происшествія не скрываются, писалъ Киселеву 1-го февраля 1821 года: „Признаться надо, что не только ротные командиры у насъ дрянь, но и полковыхъ хорошихъ не имѣется: вотъ въ какомъ состояніи наша армія; надо брать мѣры и приду-

мывать способы къ улучшенію; эта филантропія не приведетъ насъ къ добру".

Происшествія въ камчатскомъ полку окончательно взорвали Сабанѣева; онъ разразился гнѣвомъ на М. Орлова. „Сабанѣевъ рѣшительно требуетъ другаго дивизіоннаго командира", писалъ Киселевъ Закревскому 13-го февраля; „главнокомандующій съ нимъ согласенъ, и сколько мнѣ ни больно дѣйствовать противъ него (Орлова), но обязанность свою исполню и совѣты дамъ ему благіе; кажется, что Орлову должно будетъ ѣхать къ водамъ".

Но Орловъ совѣтовъ не слушалъ; онъ не хотѣлъ признать себя виновнымъ во взводимыхъ на него обвиненіяхъ Сабанѣевымъ; онъ требовалъ суда.

Затруднительное положеніе Киселева.

Положеніе Павла Дмитріевича было затруднительное: Сабанѣевъ не уступалъ, а оправдать совершенно Орлова Киселевъ не видѣлъ возможности. Онъ желалъ устранить себя отъ этого дѣла; но обѣ враждующія стороны и самъ главнокомандующій требовали настоятельно, чтобы это дѣло было ведено Киселевымъ. „Ты не повѣришь, любезный другъ" писалъ онъ Закревскому [1]), „сколь тяжело мнѣ дѣйствовать противъ пріятеля и товарища давнихъ лѣтъ; я просилъ отстранить меня отъ посредничества между Орловымъ и Сабанѣевымъ, но они и главнокомандующій требовали настоятельно, чтобы я продолжалъ заниматься симъ дѣломъ, и я обязанность свою исполню, какъ слѣдуетъ, и какъ приглашаюсь къ тому довѣріемъ Государя. Изслѣдованіе по разговорамъ Раевскаго продолжается и поручено Черемисинову и Вахтену, послѣ нарядимъ судъ и дѣло будетъ съ концомъ; но Орлову 16-ю дивизіею командовать *болѣе не можно*,—вотъ мое послѣднее и неизмѣнное заключеніе".

Дѣло кончилось переводомъ Орлова въ другой корпусъ. Вотъ что Павелъ Дмитріевичъ писалъ по этому поводу Закревскому, бывшему въ то время за границею:

---

[1]) 15 марта 1822 года.

„15 мая 1822 г. Тульчинъ.

„Главнокомандующій представилъ Орлова къ переводу въ другой корпусъ за неопытное командованіе дивизіею; личности между имъ и Сабанѣевымъ не дозволяютъ имъ служить вмѣстѣ [1]). Орловъ отклонилъ формы и иногда дѣйствовалъ ошибочно, но и нашъ пріятель *Лимонъ* (Сабанѣевъ) всю желчь свою излилъ на Орлова; я старался примирить пѣтуховъ сихъ, но не успѣлъ, а къ тому же главнокомандующій рѣшить самъ ссору не хотѣлъ. Орловъ долженъ сознаться, что система его неудобоисполнительна; онъ хочетъ корчить Воронцова и позабылъ, что тотъ командовалъ во Франціи, имѣлъ средства обширныя и, со всѣмъ тѣмъ, во многомъ не успѣлъ; сверхъ того добродушіе Орлова ему повредило; онъ мягокъ для нашихъ офицеровъ и добръ до глупости; я писалъ князю Петру Михайловичу и объяснилъ, что ошибка не есть преступленіе, и что съ переводомъ Орлова въ другую дивизію, онъ будетъ полезенъ службѣ тѣмъ, что урокъ данъ хорошій. Боюсь совсѣмъ, чтобы не приняли дѣло сіе въ фальшивомъ видѣ; и дѣйствительно, раздробя обвиненія,—они всѣ ничтожны; сбери ихъ въ цѣлое и увидѣть можно послабленіе дисциплины и пренебреженіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ установленному порядку. Мнѣ чрезмѣрно жаль, что ты не въ Петербургѣ; дѣло бы кончилось успѣшнѣе и полезнѣе даже для службы, ибо много есть случаевъ, которые обнародоваться не должны".

Мнѣніе Киселева о бродягахъ въ полкахъ.

Въ происшествіи въ камчатскомъ полку главнымъ дѣятелемъ оказался солдатъ изъ бродягъ, уже сѣченный. Киселевъ считалъ вообще весьма вреднымъ помѣщеніе бродягъ въ полки, гдѣ они развращали молодыхъ рекрутъ; онъ предлагалъ изъ бродягъ составлять гарнизонъ въ крѣпостяхъ, отличающихся вреднымъ климатомъ, какъ напр.: Поти и т. п. „Мы добились до того, что побѣги вчетверо противъ прежняго умень-

[1]) Предъ тѣмъ, именно 15 апрѣля 1822, Киселевъ писалъ Закревскому: „Орловъ въ Кіевѣ составляетъ отвѣты и ужасно атакуетъ Сабанѣева; вражда ихъ не дозволитъ имъ остаться вмѣстѣ. Кажется во всемъ дѣлѣ болѣе личностей, чѣмъ настоящихъ обвиненій, которыя можно приписать скорѣе къ неопытности и мечтаніямъ".

шились, но все же они существуютъ и существовать будутъ, доколѣ развратныхъ людей будутъ ставить въ ряды арміи [1]).“

Киселевъ вызываетъ Закревскаго заняться составленіемъ свода военно-судныхъ узаконеній.

Въ заботахъ объ улучшеніи нравственнаго состоянія арміи, Киселева не оставляли мысли объ улучшеніи военно-судной части и онъ вновь вызывалъ Закревскаго заняться этимъ дѣломъ и писалъ ему:

„24 января 1822 г. Тульчинъ.

„Хвала тебѣ будетъ, если займешься разсмотрѣніемъ военной законодательной части. Составленный у тебя сводъ законовъ весьма облегчаетъ судебныя дѣла и даетъ способъ повѣрять жалкихъ аудиторовъ нашихъ [2]); но нужно разсмотрѣть законы, исправить обветшалые, уничтожить противорѣчія и потомъ уже составить сводъ или кодексъ, по коему судить было-бы можно. Сверхъ того, порядокъ судопроизводства долженъ быть другой; у насъ кто подъ судомъ — тотъ и виноватъ. Судьи, изъ фронта взятые, къ дѣлу сему неспособны, законовъ не знаютъ и почти всегда подписываютъ опредѣленія, не зная даже смысла оныхъ. Вотъ отъ чего всякій страшится преданія суду и предпочитаетъ произвольно наказать обвиняемаго, и вотъ отъ чего возраждается, наконецъ, недовѣріе къ начальству, негодованіе и пр. Если ты будешь заниматься по сей части, то возьми для свѣдѣнія французскую книгу: Le guide des juges militaires, par J. B. Parrier 1813; въ ней много найдешь хорошаго: ясная номенклатура преступленій и наказаній заслуживаетъ вниманія. Вообще, я полагаю, что не должно слѣпо принимать чужестороннія постановленія, но необходимо слѣдуетъ знать, что̀ у другихъ было сдѣлано по той части, по коей призванъ заниматься“.

Закревскій на это 1-го февраля отвѣчалъ:

„Судная часть меня очень занимаетъ, и желалъ-бы привести оную въ лучшее состояніе; дай Богъ только терпѣніе; французскую книгу по сей части я куплю для соображенія

[1]) Письмо къ Закревскому 27 февраля 1822 г.

[2]) Здѣсь Киселевъ разумѣлъ изданныя отъ дежурства книги въ 1818 году подъ заглавіемъ: „*Краткое извлеченіе изъ законовъ, служащее руководствомъ при производствѣ и рѣшеніи военно-судныхъ дѣлъ*“ и другая въ 1820 г. *Сводъ Россійскихъ узаконеній по части военно-судной.*

и полезнымъ займусь. Безпрестанныя занятія по службѣ не даютъ случая заняться въ свободное время серьёзными дѣлами".

Протесть Киселева противъ выдуманнаго Желтухинымъ учебнаго шага.

Въ то время когда происшествія, нами разсказанныя, указывали Киселеву, что въ арміи есть причины, которыя весьма легко могутъ содѣйствовать къ разстройству дисциплины, въ главномъ штабѣ 2-ой арміи получена изъ Петербурга записка Желтухина объ изобрѣтенномъ имъ новомъ учебномъ шагѣ, съ приказаніемъ привести ее въ исполненіе. Это распоряженіе возбудило въ Киселевѣ негодованіе; онъ остановился исполненіемъ и писалъ Закревскому слѣдующее:

„Тульчинъ, 15 апрѣля 1822 г.

„Я получилъ твое письмо отъ 1-го апрѣля и благодарю за полноту его и за скорое исполненіе просьбъ нашихъ; но вмѣстѣ съ письмомъ получилъ предписаніе твое объявить по арміи нововведенный шагъ и привести къ исполненію составленную Желтухинымъ записку.

„Еслибы слѣдовалъ я примѣру людей, которые, не смотря на способы, хотятъ *угодить* власти и извлечь тѣмъ собственную пользу,—то не остановился бы отпечатать записку и передать ее арміи; но руководствуясь постоянными правилами честнаго и вѣрнаго слуги Государя и зная какія имѣютъ послѣдствія иногда въ существѣ своемъ ничтожнѣйшія дѣйствія правительства, я священнымъ долгомъ себѣ поставляю сказать тѣ истины, которыя нахожу полезными и отъ которыхъ могу потерпѣть, но которыя совѣсть моя запрещаетъ мнѣ скрыть.

„Тебѣ извѣстно, сколь недостаточно опредѣленное содержаніе офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Ты знаешь также сколь обширны требованія начальства и сколь трудно исполненіе ихъ; но не знаешь можетъ быть способовъ, къ тому употребляемыхъ, и вліянія отъ оныхъ происходящаго. Я ближе къ войску и ближе извѣстенъ о всемъ, что отъ васъ скрывается, и о господствующемъ мнѣніи; а потому не скрою правды и объясню ее, какъ умѣю.

„Экономія содержитъ полки, а экономія происходитъ отъ солдатскаго скуднаго содержанія. Солдатъ имъ недоволенъ и доволенъ быть не можетъ. Прежде тоже было, но прежде войскъ было менѣе и земля раздѣляла повинность сію безъ ропота.—Нынѣ ропщутъ, а въ пожертвованіи отказываютъ; и такъ, главная часть пайка, жалованья и заработныхъ денегъ поступаютъ не въ прямую пользу солдата, но для полка—въ помощь явной бѣдности офицеровъ.—Солдаты сіе знаютъ, и хотя молчатъ, но недовольны.

„Фронтовыя занятія черезъ-чуръ обширны. Требуемая точность и совершенство въ ученіи изнуряютъ солдата и уничтожаютъ охоту къ службѣ. Безпрерывныя перемѣны обезохочиваютъ и учителей и учащихся, начальниковъ и подчиненныхъ, и сверхъ того доказываютъ явно, или ничтожность перемѣнъ, или неосновательность прежнихъ приказаній. Къ тому прибавь, что для пограничныхъ войскъ служба тягостна: караулы, конвои, кордоны, переходы въ землѣ, мало населенной содѣлываютъ тягость сію ощутительнѣе. Солдатъ, котораго въ теченіи 8 лѣтъ нѣсколько разъ переучивали, который изнемогаетъ отъ трудностей долголѣтней службы, который изнуряется и недостатками разнородными и обязанностями сложными, и который повиноваться долженъ начальникамъ малообразованнымъ, коихъ власть почти неограничена и почти всегда сурова, солдатъ сей опредѣленъ посвятить жизнь свою безпрерывному мученью. И хотятъ, чтобы солдатъ не ропталъ, и чтобы не являлись люди злонамѣренные, которые бы не искали воспользоваться справедливымъ ихъ негодованіемъ... Повѣрь мнѣ, любезный Закревскій, что сколько мы ни употребимъ себя на удержаніе существующаго порядка вещей, мы успѣемъ только отдалить рѣшительную минуту; но искоренить зло—зависитъ не отъ насъ; повѣрь также, что нѣтъ ничтожной причины, которая бы впослѣдствіи не могла произвесть превратности великія.

„Пріѣхавъ къ арміи, я нашелъ во всѣхъ чинахъ нѣкоторую сонливость, равнодушіе ко всему и сверхъ того закоренѣлую неисполнительность; я употребилъ себя и ограниченныя

способности мои чтобы дать умамъ другое направленіе, сосредоточить власть и пріучить всѣхъ безъ изъятія къ слѣпому повиновенію. Во многомъ успѣлъ, и ласкою или угрозами, наградами или наказаніями къ предположенной цѣли приближался. Учебныя команды въ теченіи 3-хъ лѣтъ не только служили полезнымъ занятіемъ для нижнихъ чиновъ, но принудили противумыслящихъ начальниковъ обратиться къ дѣлу, коего чуждалися. Положительность требованій, частые осмотры, занятія и воздаянія усердствующимъ пріохотили всѣхъ или большую часть къ исполненію требуемаго; но совсѣмъ тѣмъ, трудность была ощутительна: старые солдаты жаловались на тягостное введеніе учебнаго шага; молодые изнурялись службою и ученьемъ. Офицеры, привыкшіе отдыхать зимою, принуждены были безпрерывно заниматься, и хотя все сіе лишь косвенно до меня доходило, но все сіе я зналъ и всего требовалъ съ тѣмъ, что послѣ перебора по одиночкѣ всѣхъ безъ изъятія людей, ученье облегчится, и польза усерднаго занятія сдѣлается ощутительною.

„Преслѣдуя намѣреніе сіе, я имѣлъ въ виду лагерное время, гдѣ, оставивъ одиночное занятіе, войска обязаны были заниматься сложными движеніями, маневрами и въ особенности стрѣльбою въ цѣль. Три года порядокъ сей исполнялся, и нынѣ, когда думалъ я, что общія усилія вознаградятся успѣхомъ, и что старики съ изломанными костями, привыкнувъ къ исполненію требуемаго, получатъ нѣкоторое отдохновеніе, что одни только лѣнивцы и рекруты останутся въ числѣ школьниковъ, и что воля Государя безвредно такимъ образомъ исполнится,—когда мысли устремлены были на пріуготовленіе войскъ къ войнѣ и къ занятію ихъ, въ нынѣшнемъ лагерѣ, тѣми обязанностями, которыя въ войнѣ необходимы, въ то самое время получаю я приказаніе уничтожить трехлѣтнія занятія и снова начать переучивать людей по одиночкѣ. Признаюсь тебѣ, что таковое предписаніе изумило и привело меня въ крайнее затрудненіе. Объявить его арміи было-бы предать всѣхъ огорченію и не только уничтожить во всѣхъ охоту къ занятіямъ по службѣ, но дать поводъ (какъ уже сказано

выше) злонамѣреннымъ воспользоваться ничтожнымъ случаемъ, чтобы вкоренить негодованіе. Сверхъ того, по одному описанію обученіе единообразно исполниться не можетъ, и тогда новыя требованія и новое мученіе, а пользы никакой; я сіе говорю по опыту, ибо вижу сіе въ учебномъ своемъ баталіонѣ. Шагъ, Желтухинымъ выдуманный, приказалъ я показать двумъ лучшимъ унтеръ-офицерамъ, и оба чрезъ трое сутокъ разно его исполняли; что же будетъ въ арміи и сколько битья, и сколько неудовольствія отъ того послѣдуетъ?

„Я знаю истинную твою и кн. Петра Михайловича преданность къ Государю и потому тебѣ и ему говорю откровенно: отклоните зло, которое при повтореніи имѣть будетъ ужасныя послѣдствія; не дайте повода къ роптанію; не дайте восторжествовать тѣмъ, кои разнствуютъ съ нами мнѣніемъ и не дайте права употребить имя Государя на дѣло обще-непріятное.

„Объявленіе записки я пріостановилъ потому: 1) что войска выходятъ въ лагери, гдѣ одиночнымъ ученьемъ заняться не можно; 2) потому, что предписываемая перемѣна сдѣлаетъ вредъ, а не пользу. И для того я прошу тебя объяснить все сіе князю Петру Михайловичу для доклада Государю. — Дай Богъ, чтобы ничтожная выдумка отмѣнилась, и чтобы правиломъ поставлено было съ величайшею осторожностью приступать къ нововведеніямъ. Я скажу еще разъ, что бывъ ближе къ войску, мнѣ болѣе извѣстно, чѣмъ оно болѣе огорчаться можетъ, и что зарождаетъ ропотъ, коего въ нынѣшнее время остерегаться должно. Надѣюсь затѣмъ, что откровенное изложеніе мыслей моихъ докажетъ болѣе всего, сколь безпредѣльна признательность моя къ милостямъ Государя, и что кромѣ желанія быть истинно полезнымъ Его Величеству, другой цѣли не имѣю.“

Неуспѣхъ этого протеста.

Такой энергическій протестъ Киселева не имѣлъ полнаго успѣха: мысль о необходимости занимать армію безпрестанно фронтовою службою не только не ослабѣла у Государя, но повидимому еще болѣе усилилась. Ни Закревскій, который годъ тому назадъ такъ саркастически относился къ занятію

Киселева учебнымъ шагомъ, ни Волконскій не успѣли отклонить введенія выдуманнаго Желтухинымъ новаго учебнаго шага; они успѣли только отмѣнить объявленіе записки Желтухина по арміи. Въ слѣдующемъ письмѣ, сообщая объ этомъ Павлу Дмитріевичу, Закревскій съ негодованіемъ отзывался объ изобрѣтателяхъ подобныхъ нововведеній.

„28 апрѣля 1822 г. С.-Петербургъ.

„Письмо твое отъ 15 апрѣля я получилъ. О шагѣ и о прочемъ, по запискѣ Желтухина, велѣно пріучать солдатъ; ты пріостановился въ исполненіи, почему и посылаю вторичную къ тебѣ о семъ бумагу; не объявляй по арміи, а вводи сіи новости (чѣмъ армія наша отличается) въ учебныхъ командахъ постепенно, слѣдовательно и ропоту никакого быть не можетъ. Впрочемъ, сіи нововведенія у насъ такъ ввелись, что всякій выдумываетъ и дѣлаетъ по-своему; слѣдовательно, для искорененія сего надо изобрѣтателей примѣрно наказывать, тогда не посмѣютъ выслуживаться сими вздорами и тѣмъ успокоютъ солдатъ".

Отъѣздъ Закревскаго въ отпускъ за границу.

Еще въ предшедшемъ году Закревскій сталъ жаловаться на свое здоровье и проговорился о желаніи оставить свое мѣсто; въ февралѣ 17-го, 1822 года, онъ писалъ Киселеву:

„Мудрено мнѣ показать себя неблагодарнымъ передъ всею арміею, послѣ производства [1]). Я не думаю оставить свое мѣсто; но въ апрѣлѣ ѣхать къ водамъ непремѣнно нужно. Такъ здоровье разстроилось, что ты представить собѣ не можешь. Безъ него служить мудрено. Полагаю проѣздить до 1-го ноября, а отсюда уѣхать въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Боюсь, что послѣ меня дѣла нѣсколько запутаются, что даже замѣтилъ въ прошлое мое кратковременное отсутствіе въ Москву; но за то и наказалъ всѣхъ порядочно. Теперь все пришло въ порядокъ, и ты кажется можешь видѣть эту перемѣну..."

---

[1]) Закревскій былъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта, въ сентябрѣ 1821 года.

По поводу предполагавшейся поѣздки Закревскаго за-границу, Киселевъ писалъ ему 15 мая:

„Отъѣздъ твой остановитъ быстрый и точный ходъ дѣлъ, но я имъ доволенъ, ибо воды и спокойствіе тебѣ несомнѣнно сдѣлаютъ пользу. Отдохни душевно и тѣлесно, и потомъ примись по прежнему за службу, для которой ты столько нуженъ. Касательно меня, то я положенія своего не оставляю; повидимому войны не будетъ и лишь-бы Государь изволилъ осмотрѣть армію и убѣдиться, что довѣріе его не обмануто, тогда попрошусь отъѣхать и пожить для семейства своего. Я на дняхъ ожидаю сына или дочь и уже блаженство свое предчувствую.“

Дѣйствительно, 7-го іюня 1822 г. у Киселева родился сынъ, названный Владиміромъ. Государь, узнавъ объ этомъ, чрезъ князя Волконскаго, поздравилъ съ этимъ пріятнымъ событіемъ, пожелалъ какъ новорожденному, такъ и супругамъ всевозможнаго счастія. Принося свою всеподданнѣйшую благодарность за Высочайшее поздравленіе, Киселевъ писалъ князю Волконскому [1]): „Будьте такъ добры, повергните къ стопамъ Его Величества чувства глубокой благодарности, которыми проникнутъ и которыя надѣюсь передать моему сыну. Моя жена убѣждена, что пожеланія добродѣтельнаго человѣка приносятъ счастье и приняла ихъ съ материнскою благодарностью...“—Извѣщенный о такомъ отвѣтѣ, Его Величество поручилъ князю Волконскому благодарить Киселевыхъ за любезность.

Отпускъ Закревскому былъ данъ; въ маѣ мѣсяцѣ онъ уѣхалъ за границу, и на возвратномъ пути свидѣлся съ Киселевымъ въ Липовцѣ, въ концѣ сентября. Въ это время здоровье старухи графини Потоцкой, находившейся въ Берлинѣ, день ото дня становилось слабѣе, и она просила Павла Дмитріевича привезти къ ней жену его, Софью, быть можетъ для послѣдняго свиданія съ нею и для передачи на ея попеченіе незамужней дочери, графини Ольги. За отсутствіемъ Государя, который былъ тогда на Веронскомъ конгрессѣ, замедлился отпускъ Киселева, который, видя усиливающееся безпо-

[1]) 24 іюля 1822 года.

койство жены и не рѣшаясь отпустить ее одну съ ребенкомъ въ такую дальнюю дорогу, испросилъ у главнокомандующаго мѣсячный отпускъ и выѣхалъ изъ арміи къ Прусской границѣ съ тѣмъ, чтобы жену отправить далѣе, а самому возвратиться въ Варшаву, для ожиданія Высочайшаго разрѣшенія на заграничную поѣздку. Извѣщая объ этомъ князя Волконскаго, Киселевъ просилъ [1]) исходатайствовать дозволеніе ему представиться Государю въ Варшавѣ или въ какомъ либо другомъ мѣстѣ при возвращеніи Его Величества изъ-за-границы. Между тѣмъ, по пріѣздѣ къ границѣ, Киселевъ встрѣтилъ затрудненіе въ дальнѣйшемъ отправленіи жены, потому что Бахметевъ, безъ дозволенія великаго князя (Константина Павловича), не рѣшился дать ей заграничный паспортъ, а великій князь, съ своей стороны, не полагалъ себя въ правѣ дать паспортъ Киселеву. Но дѣло устроилось такъ, что жена Киселева получила паспортъ и уѣхала, а онъ возвратился въ Варшаву, куда и ему не замедлили прислать паспортъ. Прибывъ въ Берлинъ, Киселевъ не засталъ уже тещи въ живыхъ; она скончалась 12-го ноября.

Государь, извѣщенный о кончинѣ графини Потоцкой, поручилъ князю Волконскому передать Киселевой и графинѣ Ольгѣ свои чувства соболѣзнованія, разрѣшилъ перевезти тѣло покойной ихъ матери въ Россію и соизволилъ на представленіе Павла Дмитріевича въ Варшавѣ, въ концѣ декабря [2]).

---

[1]) 1 октября 1822 года.

[2]) Письмо князя Волконскаго, 25 ноября 1822 г.

ГЛАВА VIII.

1823—1824 г.

Свиданіе Киселева съ Императоромъ Александромъ въ Варшавѣ.—Письмо къ Закревскому.—Скептическій взглядъ Закревскаго на ходъ государственныхъ дѣлъ.—Отвѣтъ Киселева.—Недовольство его своимъ положеніемъ.—Слухи объ увольненіи отъ дѣлъ князя Волконскаго и Закревскаго, сожалѣніе объ этомъ Киселева.—Дуэль Мордвинова съ Киселевымъ.—Письмо Киселева къ Государю.—Переписка съ Закревскимъ.—Свиданіе съ Государемъ въ Орлѣ.—Смотръ 2-й арміи Государемъ.—Киселевъ назначенъ генералъ-адъютантомъ.—Разговоръ Киселева съ Аракчеевымъ и съ Государемъ.—Письмо Закревскаго о результатѣ смотра.—Отъѣздъ князя Волконскаго за границу.—Назначеніе Закревскаго генералъ-губернаторомъ въ Финляндію; недовольство его этимъ назначеніемъ.—Намѣреніе Киселева оставить мѣсто начальника штаба.—Смерть сына.—Киселевъ уѣзжаетъ въ Москву, а потомъ за границу; переписка по этому поводу съ Закревскимъ.—Возвращеніе въ Россію.—Намѣреніе враговъ Киселева поссорить его съ графомъ Витгенштейномъ; переписка по этому поводу съ Дибичемъ.—Переписка съ Закревскимъ о его отчетѣ по управленію дежурствомъ и о положеніи его въ Финляндіи.

Свиданіе съ Государемъ въ Варшавѣ.

Императоръ Александръ прибылъ въ Варшаву 1-го января 1823 г., и оставался тамъ до 11-го января.

Киселевъ въ это время имѣлъ два доклада у Государя и, независимо отъ испрошенія разрѣшенія по многимъ текущимъ дѣламъ, говорилъ Ему о нѣкоторыхъ общихъ предметахъ военной администраціи и устройства арміи.

Вотъ что онъ писалъ Закревскому:

„10 (22) января 1823 г. Варшава.

Письмо къ Закревскому объ этомъ свиданіи.

...„Тебѣ извѣстно, что я просилъ дозволенія представиться Государю въ Варшавѣ; получивъ оное, пріѣхалъ сюда, ждалъ и наконецъ дождался. Я у Государя былъ два раза; послѣд-

няя аудіенція продолжалась 5 часовъ и я не могу нахвалиться милостію царскою; по нѣкоторымъ статьямъ успѣлъ, но главнѣйшія остались въ темной отдаленности. Хозяйственную нашу часть представилъ въ настоящемъ ея видѣ, говорилъ и о послѣдствіяхъ содержанія арміи, несоразмѣрной со способами матеріальными и моральными нашего государства; представлялъ, что Варшавскій гарнизонъ, отклонившійся отъ исполненія всѣхъ постановленій, не долженъ служить примѣромъ для прочихъ войскъ; говорилъ о поселеніи, объ Орловѣ, о полиціи, которая часто болѣе вредитъ, чѣмъ приноситъ пользы, и наконецъ говорилъ о воспитаніи, и кажется во всѣхъ статьяхъ успѣлъ много; менѣе важныя и, такъ сказать, текущія дѣла апробованы или исполнены.... Государь приказалъ объявить арміи, что нынѣшнимъ годомъ Онъ надѣется быть къ намъ: хлопотъ мнѣ предстоитъ много.... Великій князь обворожилъ Царя, показывалъ войска прекраснѣйшія—по наружности. Царь былъ у насъ, сидѣлъ почти два часа и разговаривалъ о своемъ путешествіи; Ожаровскій за милость сію на меня сердится“.

Скептическій взглядъ Закревскаго на ходъ дѣлъ въ государствѣ.

Закревскій не такъ свѣтло смотрѣлъ на успѣхи Киселева въ объясненіяхъ съ Государемъ. Въ это время продолжительныя отсутствія Императора изъ Россіи съ одной стороны, и усиливавшееся вліяніе Аракчеева съ другой, стали отражаться невыгоднымъ образомъ на ходѣ дѣлъ государственныхъ и возбуждали въ высшихъ административныхъ сферахъ чувство неудовольствія настоящимъ и опасенія за будущее. Закревскій раздѣлялъ эти чувства, какъ это видно изъ слѣдующаго письма его къ Киселеву:

„31-го января 1823 г. СПб.

„Письмо твое, любезный другъ Павелъ Дмитріевичъ, отъ 10-го января изъ Варшавы съ кн. Меншиковымъ я получилъ исправно. Многое ты говорилъ Государю и даже о такихъ предметахъ, которые до тебя не касаются; все слушано, а сдѣлано ничего, слѣдовательно лучше бы о семъ ничего не говорить, ибо пользы отъ сихъ разговоровъ никакой быть

не можетъ.... Ты сею поспѣшностію меня удивилъ, ибо извѣстенъ тебѣ скорый ходъ дѣлъ и обѣщанія; исполненіе же всегда тяжело и не скоро. Пора побывать въ Петербургѣ и видѣть вещи, какъ прежде ты ихъ видѣлъ, и какъ всегда мы оныя теперь видимъ. Все вышеписанное оставь между нами. Дѣла наши очень трудно сходятъ съ рукъ, и отъ того несчастные страждутъ, а я помочь не въ силахъ.—Мнѣ кажется, что порядокъ дѣлъ въ нашемъ государствѣ никогда не улучшится и потому трудно служить честнымъ, которые думаютъ не объ личныхъ выгодахъ, а о благоденствіи своего отечества. Впрочемъ, какъ ни дурно, но дай Богъ, чтобы Государь пережилъ всѣхъ насъ; а безъ него какая будетъ надежда, и что за происшествія могутъ постичь Россію? Какъ подумаешь о семъ, то сердце содрогается! Прочтя, сожги сіе письмо. Изливать чувства другому есть излеченіе нашихъ болѣзней. Но жаль, что мало такихъ людей, съ которыми говоря, отдыхать можно".

Въ большемъ отдаленіи отъ дѣлъ государственныхъ, Киселеву положеніе ихъ не представлялось столь мрачнымъ и онъ относился къ нимъ съ меньшимъ скептицизмомъ, чѣмъ ближе къ нимъ стоявшій другъ его. Онъ не признавалъ справедливыми замѣчанія Закревскаго о неумѣстныхъ разговорахъ съ Государемъ, и отвѣчалъ ему слѣдующее:

„15-го февраля 1823 г. Тульчинъ.

„...Не могу согласиться на заключеніе твое, что напрасно я говорилъ о предметахъ, прямо до меня не касающихся, и полагаю, что успѣхи по службѣ симъ только правомъ вознаградиться могутъ. Занимая постъ, нѣсколько значительный, всѣ предметы, до блага отечества и Государя касающіеся, есть удѣлъ мой, и хотя знаю, что многое и почти все осталось безъ вниманія, но совѣсть успокоена исполненіемъ обязанности честнаго человѣка; ты то же дѣлалъ и будешь дѣлать, а потому обвинять меня въ излишнемъ усердіи не можешь."

Закревскій однако былъ правъ, что Киселевъ, когда пи-

салъ ему изъ Варшавы, былъ въ чаду, обвороженный пріемомъ царскимъ; чадъ этотъ сталъ проходить скоро. Многое, что было ему обѣщано, осталось базъ исполненія [1]); онъ въ особенности былъ недоволенъ тѣмъ, что по дѣламъ интендантства (въ противность выраженному въ Варшавѣ желанію Государя) отклонили всякое его содѣйствіе, не принявъ во вниманіе того, что́ имъ уже было сдѣлано, помимо прямыхъ его обязанностей, къ „укрощенію воровства“ [2]).

Недовольство Киселева своимъ положеніемъ.

Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ въ Киселевѣ стало проглядывать недовольство своимъ положеніемъ, и родилось желаніе объ оставленіи своего мѣста, какъ это видно изъ слѣдующаго письма его къ Закревскому:

„14-го марта 1823 г. Тульчинъ.

„Всѣ мысли устремлены на приготовляемый смотръ; желаю успѣха болѣе для арміи, чѣмъ для себя: я уже награжденъ—отъ войскъ уваженіемъ, а отъ правительства перемѣною 2-й Анны на первую и присылкою *изслѣдователя;* чего-же ожидать мнѣ болѣе? но я обязанъ предъ сотрудниками моими, которые, съ довѣріемъ ко мнѣ, трудились 4 года и въ правѣ ожидать возмездія; довершить дѣло и убраться—вотъ желаніе, которое съ концомъ года приведу въ исполненіе“.

На мысль объ измѣненіи своего положенія наводило Павла Дмитріевича еще и другое обстоятельство: слухи объ удаленіи отъ дѣлъ князя Волконскаго и Закревскаго. Въ письмахъ къ послѣднему Киселевъ, между прочимъ, говорилъ: „Ты крайне огорчилъ меня, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, извѣстіемъ о заграничномъ твоемъ путешествіи; не

---

[1]) Между прочимъ Государь обѣщалъ Киселеву, по домашнимъ его дѣламъ (по процессу графини Потоцкой), утвердить Положеніе Государственнаго Совѣта, а между тѣмъ рѣшилъ дѣло такъ, что далъ поводъ къ процессу на 10 лѣтъ. (Письмо къ Закревскому отъ 15 апрѣля 1824 г.).

[2]) Всѣ интентдантскія дѣла исключительно были возложены на генералъ-интенданта Абакумова, о которомъ Киселевъ отзывался такъ: „Абакумовъ съ умомъ хорошимъ, но видитъ единственно провіантскій департаментъ и забываетъ государство, армію и послѣдствія, могущія быть отъ неосновательнаго и часто несправедливаго уменьшенія продовольственнаго итога“. (Письмо къ Закревскому 24 марта 1823 г.).

Слухи объ удаленіи отъ дѣлъ Закревскаго и князя Волконскаго; сожалѣніе объ этомъ Киселева.

только я, но армія во многихъ случаяхъ почувствуетъ твое отсутствіе" [1]). ....Здѣсь говорятъ, что К. П. М. ѣдетъ къ Карлсбадскимъ водамъ; не скрою отъ тебя, что удаленіе ваше отъ дѣлъ для меня весьма огорчительно и полагаю, что будетъ вредно для дѣлъ и невыгодно для Государя. Система, на коей основались сношенія военнаго управленія, чрезмѣрно уменьшала неудовольствія и прекращала раздраженіе умовъ, которое возымѣло начало свое министерствомъ 809 года. Теперь, за отсутствіемъ вашимъ, прежній порядокъ дѣлъ, вѣроятно, долженъ возвратиться, и теперь порядокъ сей будетъ опаснѣе, чѣмъ онъ былъ тогда. Кѣмъ васъ всѣхъ замѣнятъ?—не понимаю, но увѣренъ, что въ нѣсколько мѣсяцевъ замѣщеніе будетъ ощутительно—возникшими безпорядками и негодованіями, въ особенности, если нѣкоторыя лица по соображенію моему будутъ имѣть на дѣла вліяніе" [2]).

Дѣла по раздѣлу имѣнія Потоцкихъ сильно безпокоили Киселева, и съ этою цѣлью онъ нѣсколько разъ предпринималъ поѣздки въ Одессу. Скоро по возвращеніи въ Тульчинъ изъ Варшавы, именно 25-го февраля, Павелъ Дмитріевичъ уѣхалъ въ Одессу, откуда возвратился 5-го марта. Кромѣ того, обыкновенныя служебныя занятія усилились въ виду предстоящаго, осенью 1823 г., Высочайшаго смотра.

Дуэль Киселева съ Мордвиновымъ.

Неоднократно уже упоминалось, что Киселевъ имѣлъ во 2-й арміи тайныхъ враговъ, которые распускали про него сплетни, запутывая въ нихъ, между прочимъ, имя графини Ольги Потоцкой, сестры жены Киселева; сплетни эти доходили до Петербурга, а стало-быть и до Двора. Недовольствуясь этимъ, враги искали случая устроить скандалъ, который, компрометируя Павла Дмитріевича, заставилъ бы его удалиться изъ арміи. Взыскательный и строгій по службѣ, онъ легко могъ натолкнуться на непріятность, которую стоило только раздуть и, зная прямоту и нѣкоторое упрямство его характера, можно было разсчитывать, что цѣль будетъ достигнута.

При такихъ намѣреніяхъ недоброжелателямъ недолго при-

---

[1]) 24-го марта 1823 г.

[2]) Письмо изъ Тульчина отъ 15-го апрѣля 1823 г.

шлось ждать. Вотъ какъ Басаргинъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]) разсказываетъ случай, вызвавшій дуэль Киселева съ генералъ-маіоромъ Мордвиновымъ, на которой послѣдній былъ раненъ смертельно, такъ что прожилъ только нѣсколько часовъ.

„Одесскимъ пѣхотнымъ полкомъ командовалъ подполковникъ Ярошевицкій, человѣкъ грубый, необразованный, злой. Его дерзкое, неприличное обращеніе съ офицерами было причиною, что его ненавидѣли въ полку, начиная отъ штабъ-офицеровъ до послѣдняго солдата. Наконецъ, въ 1822 г., выйдя изъ терпѣнія, офицеры рѣшились отъ него избавиться, и по жребію пришлось идти на погибель штабсъ-капитану Рубановскому. Когда, во время инспекторскаго смотра, начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Корниловъ, подъѣхалъ къ фронту, Рубановскій съ намѣреніемъ сталъ на свое мѣсто слишкомъ свободно и даже разговаривалъ; Ярошевицкій, замѣтивъ это, подскакалъ къ нему и началъ бранить. Тогда Рубановскій вышелъ изъ рядовъ, бросилъ свою шпагу, стащилъ Ярошевицкаго съ лошади и избилъ его такъ, что долгое время на лицѣ его оставались кровавыя пятна. Офицеры и солдаты, стоявшіе во фронтѣ, не могли выйти изъ рядовъ до того времени, пока начальникъ дивизіи не прискакалъ съ фланга и не приказалъ взять Рубановскаго. Наряжено было слѣдствіе, и какъ оффиціально было скрыто участіе въ заговорѣ всѣхъ офицеровъ, то пострадалъ одинъ Рубановскій, котораго разжаловали и сослали въ каторжную работу въ Сибирь. Частнымъ образомъ о заговорѣ узнали главнокомандующій и Киселевъ, причемъ оказалось также, что бригадный командиръ, генералъ-маіоръ Мордвиновъ, наканунѣ происшествія зналъ, что въ одесскомъ полку готовится какое-то происшествіе. Вмѣсто того, чтобы заранѣе принять какія-либо мѣры, Мордвиновъ, какъ надобно полагать, самъ испугался и ушелъ ночевать изъ своей палатки въ другую бригаду.

При смотрѣ главнокомандующаго, Киселевъ объявилъ Мордвинову, что онъ знаетъ все это и, по долгу службы, не-

---

[1]) Девятнадцатый вѣкъ. П. Бартенева. М. 1872 г., кн. I, стр. 75 и слѣд.

смотря на ихъ знакомство, будетъ совѣтовать графу удалить его, Мордвинова, отъ командованія бригадою.

Мордвиновъ лишился бригады и былъ назначенъ состоять при дивизіонномъ командирѣ другой дивизіи. Тѣмъ дѣло казалось оконченнымъ; но непріятели Киселева,—а онъ имѣлъ ихъ много и въ томъ числѣ генерала Рудзевича (корпуснаго командира),—замѣчаетъ Басаргинъ, настроили Мордвинова, и тотъ, полгода спустя, сталъ требовать отъ Киселева удовлетворенія".

Въ сохранившихся бумагахъ имѣется слѣдующее письмо Мордвинова къ Киселеву:

Милостивый государь

Павелъ Дмитріевичъ!

„Отъ одного слышать и на другаго говорить, есть дѣло неблагороднаго человѣка.

„Вчерась вы мнѣ осмѣлились сказать, что донесъ генералъ-лейтенантъ Корниловъ.

„Такъ чтобы уличить васъ, что вы не могли слышать заключеніе отъ него, Корнилова, а отъ фонъ-Дрентеля, которому вы всегда покровительствовали; а Дрентель не могъ на мой счетъ выгодно сказать что-нибудь, бывъ на меня озлобленъ за то, что я на двухъ инспекторскихъ смотрахъ представлялъ начальству, что онъ, Дрентель, разграбилъ полкъ и что дѣлалъ онъ многія беззаконныя злоупотребленія; но начальство мои представленія, въ 1820 году іюня 9-го и въ 1821 году сентября 14-го, не уважило.

„Прилагаю при семъ оригинальное письмо генералъ-лейтенанта Корнилова, писанное ко мнѣ прошлаго 1822 года іюня 12-го числа, которое прошу не затерять и мнѣ доставить по прочтеніи. Изъ сего письма вы увидите, какъ много меня вчера обидѣли; а обидъ никому не прощаетъ и требуетъ отъ васъ сатисфакціи"

„Генералъ-маіоръ Мордвиновъ."

„1823 года іюня 21-го дня.

На это Киселевъ отвѣчалъ: „Мнѣнія своего никогда и ни въ какомъ случаѣ не скрывалъ. По званію своему дѣйствовалъ какъ слѣдуетъ. Презираю укоризны и готовъ дать вамъ требуемую сатисфакцію. Прошу увѣдомить, гдѣ и когда. Оружіе извѣстно“.

1823 года іюня 22-го дня.

Слѣдующими лаконическими словами отвѣчалъ Мордвиновъ:

„Гдѣ?—Въ мѣстечкѣ Ладыжинѣ, и я васъ жду на мѣсто“.

„Когда?—Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“.

„Оружіе?—Пистолеты.

„Условіе—два пункта:

„1) Безъ секундантовъ, чтобъ злобѣ вашей и мщенію не подпали бы они.

„2) Прошу привезти пистолеты себѣ и мнѣ; у меня ихъ нѣтъ.

„Мордвиновъ.

„Іюня 23-го дня 1823 года. М. Тульчинъ.

Изъ „Записокъ Басаргина“ и сохранившагося письма Бурцева къ одному изъ его пріятелей видно, что дуэль произошла слѣдующимъ образомъ:

Послѣднее письмо Мордвинова было получено Киселевымъ 24-го іюня въ 3 часа по-полудни.

Въ главной квартирѣ никто не подозрѣвалъ неудовольствій Мордвинова противъ Киселева. Басаргинъ, бывшій у него адъютантомъ, пишетъ: „Я часто замѣчалъ посланныхъ отъ Мордвинова, но никакъ не думалъ, чтобы эти письма заключали въ себѣ что-нибудь особенное“.

24-го іюня у Киселева назначенъ былъ вечеръ, а къ обѣду, въ числѣ другихъ гостей, былъ приглашенъ Басаргинъ и Бурцевъ.

„Пришедши въ гостиную, пишетъ Басаргинъ, гдѣ находилась супруга Киселева и собрались уже гости, мы не нашли тамъ генерала; но вскорѣ были позваны съ Бурцевымъ къ нему въ кабинетъ. Тутъ показалъ онъ намъ письмо Мордвинова“.

Киселевъ пригласилъ Бурцева ему сопутствовать, а Басаргину поручилъ въ томъ случаѣ, если онъ не пріѣдетъ къ вечеру, какъ-нибудь объяснить его отсутствіе.

Выйдя въ гостиную, Киселевъ былъ очень любезенъ и казался веселымъ; за обѣдомъ же, между разговоромъ, очень кстати сказалъ Бурцеву, что обоимъ надобно съѣздить въ селеніе Клебань, гдѣ находился учебный баталіонъ, пожурить офицеровъ за маленькія неисправности по службѣ.

Вставъ изъ-за стола, простясь съ гостями и сказавъ, что ожидаетъ ихъ къ вечеру, онъ ушелъ въ кабинетъ, привелъ въ порядокъ нѣкоторыя собственныя и служебныя дѣла и потомъ, простившись съ женою, которая ничего не подозрѣвала, отправился съ Бурцевымъ въ крытыхъ дрожкахъ. Такъ какъ у Киселева не было пистолетовъ, то онъ просилъ Бурцева взять свои.

Пріѣхавъ въ Ладыжинъ, отстоящій отъ Тульчина верстъ на 40, Киселевъ нашелъ Мордвинова уже на мѣстѣ. Бурцевъ отправился къ нему для переговоровъ. Мордвиновъ былъ въ полной парадной формѣ и спросилъ какъ одѣтъ Киселевъ. „Въ сюртукѣ,—отвѣчалъ Бурцевъ. „Онъ и тутъ хочетъ показать себя моимъ начальникомъ,—возразилъ Мордвиновъ.—Не могъ одѣться въ полную форму, какъ бы слѣдовало“.

Бурцевъ объявилъ, что Киселевъ на всѣ требованія согласенъ; но что безъ свидѣтелей отнюдь драться не намѣренъ. На это Мордвиновъ сказалъ, что, живя въ Тепликѣ безъ бригады и не имѣя при себѣ ни одного офицера, онъ лишенъ былъ средства пригласить съ своей стороны свидѣтеля; но что отлагать для сего поединка никакъ не можетъ, ибо жена его объ этомъ знаетъ, и въ краѣ начинаютъ распространяться объ этомъ слухи. Поэтому, для прекращенія всѣхъ переговоровъ, онъ рѣшился пригласить Бурцева быть единственнымъ свидѣтелемъ съ обѣихъ сторонъ. Такой отвѣтъ не дозволялъ болѣе настаивать на приглашеніе втораго свидѣтеля, котораго въ Ладыжинѣ и найти едва-ли было бы возможно.

„Здѣсь я обязанъ упомянуть, пишетъ Бурцевъ, что весь разговоръ мой съ Мордвиновымъ клонился къ тому, чтобы вы-

вести его изъ заблужденія и удалить отъ бѣдственной его рѣшимости; но сильное озлобленіе его препятствовало ему внимать словамъ моимъ, и онъ настоятельно повторялъ, что въ семъ поединкѣ недовольно быть раненымъ, но непремѣнно одинъ изъ двухъ долженъ остаться на мѣстѣ".

Мѣсто поединка выбрано было на лѣвомъ берегу Буга, куда переѣхали сначала Киселевъ съ Бурцевымъ, а потомъ Мордвиновъ; экипажи остались на дорогѣ, а дуэлисты отошли въ сторону шаговъ на 100 къ ивовымъ кустамъ. Мордвиновъ первый поклонился Киселеву, который обратился къ нему съ вопросомъ: отчего онъ пріѣхалъ безъ свидѣтеля?

Мордвиновъ вспыльчиво отвѣчалъ, что „со шпагою и пистолетомъ онъ никого не страшится, чему доказательствомъ служитъ то, что онъ въ самой главной квартирѣ не опасался его вызвать на поединокъ". —Между тѣмъ, Бурцевъ предложилъ Мордвинову выбрать пистолетъ. Выбравъ, Мордвиновъ испробовалъ его холостымъ зарядомъ, что сдѣлалъ также и Бурцевъ, и затѣмъ оба стали заряжать. „Зарядивъ пистолеты —пишетъ Бурцевъ—я спросилъ: на какомъ разстояніи должно назначить барьеръ?"

Мордвиновъ потребовалъ, чтобы онъ былъ на 8 шаговъ, съ тѣмъ, чтобы разойтиться еще на 5 шаговъ въ обѣ стороны. На одномъ концѣ я воткнулъ палку, а на другомъ положилъ кучку сѣна". Когда стали на мѣста, то Мордвиновъ сталъ говорить: „Объясните мнѣ, Павелъ Дмитріевичъ",.. но Киселевъ перебилъ его и возразилъ: — „Теперь кажется не время объясняться, Иванъ Николаевичъ, мы не дѣти и стоимъ уже съ пистолетами въ рукахъ. Если бы вы прежде пожелали отъ меня объясненій, я не отказался бы удовлетворить васъ".—„Ну, какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ Мордвиновъ, —будемъ стрѣляться пока не падетъ одинъ изъ насъ".

Они согласились на 8 шаговъ и стояли другъ противъ друга, спустя пистолеты, выжидая каждый выстрѣла противника. „Что же вы не стрѣляете?"—сказалъ Мордвиновъ. „Ожидаю вашего выстрѣла",—отвѣчалъ Киселевъ.—„Вы теперь не начальникъ мой и не можете заставить меня стрѣлять первому",—

вспылилъ Мордвиновъ. Бурцевъ предложилъ стрѣлять обоимъ въ одно время, по слову, что́ и было принято. Они выстрѣлили по третьей командѣ Бурцева. Мордвиновъ мѣтилъ въ голову, и пуля прошла около самаго виска противника. Киселевъ цѣлилъ въ ноги и попалъ въ животъ. „Je suis blessé",— сказалъ Мордвиновъ.

Тогда Киселевъ и Бурцевъ подбѣжали къ нему и, взявъ подъ руки, повели къ дрожкамъ; но сдѣлавъ шаговъ десять, онъ почувствовалъ, что портупея тѣснитъ ему животъ и просилъ снять съ него шпагу. Въ это время подбѣжалъ кучеръ, который помогъ довести раненаго до дрожекъ и посадить на нихъ. Бурцевъ съ Киселевымъ поскакали въ мѣстечко за лекаремъ, гдѣ встрѣтили доктора Ардье, котораго и привезли къ раненому въ корчму. Мордвиновъ лежалъ на лавкѣ. „Между тѣмъ—пишетъ Бурцевъ—генералъ Киселевъ ѣздилъ за другимъ докторомъ и, не нашедъ его дома, послалъ за нимъ, а самъ возвратился къ Мордвинову. Здѣсь мы раздѣли его и положили на постель, причемъ и увидѣли, что пуля пробила ему животъ на вылетъ; но несмотря на сіе, кровотеченіе было весьма умѣренное, и раненый не оказывалъ большаго страданія. Увидавъ генерала Киселева, онъ просилъ послать безъ промедленія за его женою, и дабы не испугать ее внезапнымъ извѣстіемъ, онъ самъ взялъ бумагу и карандашемъ написалъ къ ней записку. Съ оною посланъ былъ жидъ въ Тепликъ, а когда прибылъ еще другой человѣкъ Мордвинова, то кучеръ на его дрожкахъ былъ также отправленъ за женою. Приказавъ все сіе, генералъ Киселевъ поѣхалъ въ аптеку для скорѣйшаго полученія лѣкарствъ и старался доставить всѣ пособія раненому; послѣ чего, пригласивъ меня остаться въ Ладыжинѣ, самъ простился съ Мордвиновымъ и поѣхалъ въ Тульчинъ. По завѣренію доктора, онъ весьма далекъ былъ отъ мысли, чтобы раненый находился въ опасности."

Между тѣмъ, по разсказу Басаргина, вотъ что въ это время происходило въ Тульчинѣ:

Наступилъ вечеръ, собрались гости, загремѣла музыка и начались танцы. „Мнѣ,—пишетъ Басаргинъ—грустно, больно

было смотрѣть на веселившихся и особенно на молодую его супругу, которая такъ горячо его любила, и которая, ничего не зная, такъ беззаботно веселилась. Пробило полночь; онъ еще не возвращался; жена его начинала безпокоиться, подбѣгала безпрестанно ко мнѣ съ вопросомъ объ немъ и наконецъ стала уже видимо тревожиться. Гости, замѣчая ея безпокойство, начали разъѣзжаться; я самъ ушелъ и отправился къ доктору Вольфу, все разсказалъ ему и предложилъ ѣхать со мной въ Ладыжинъ. Мы послали за лошадьми, сѣли въ перекладную; но чтобъ нѣсколько успокоить Киселеву, я заѣхалъ напередъ къ ней, очень хладнокровно спросилъ у нея ключъ отъ кабинета, говоря, что генералъ велѣлъ мнѣ черезъ нарочнаго привезти къ нему нѣкоторыя бумаги. Это не много ее успокоило; я взялъ въ кабинетѣ нѣсколько бѣлыхъ листовъ бумаги и отправился съ Вольфомъ".

„Передъ самымъ разсвѣтомъ мы подъѣзжали уже къ Ладыжину; было еще темно; вдругъ слышимъ стукъ экипажа и голосъ Киселева: „Ты ли, Басаргинъ?" И онъ и мы остановились". Поѣзжай скорѣе къ Мордвинову,—сказалъ онъ Вольфу,—тамъ Бурцевъ; ты же садись со мной, поѣдемъ домой—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ". Дорогой онъ разсказалъ мнѣ все, что произошло въ Ладыжинѣ... Подъѣзжая съ Киселевымъ къ Тульчину, мы встрѣтили жену его, въ дрожкахъ, растрепанную и совершенно потерянную. Излишнимъ нахожу описывать сцену свиданія ея съ мужемъ"...

Между тѣмъ, Мордвиновъ начиналъ болѣе стонать, и животъ его замѣтно раздулся. Онъ потребовалъ священника, исповѣдался и пріобщился. „Въ сіе время, пишетъ Бурцевъ, прибыли въ кормчу-мѣстный полицiймейстеръ, экономъ и докторъ Ефимовскій, кои всѣ, обще съ священникомъ, сняли съ Мордвинова допросъ, на коемъ показалъ онъ: „что раненъ былъ на поединкѣ съ генераломъ Киселевымъ, коего вызвалъ за личную обиду, и что никакой претензіи объявить не имѣетъ". Свидѣтелями при семъ допросѣ находились всѣ упомянутые чиновники, собственный человѣкъ раненаго и цѣлое семейство

жидовъ, содержателей корчмы, кои всѣ во всю ночь при немъ находились".

Около двухъ часовъ по-полуночи прибылъ докторъ Вольфъ. Онъ совѣщался съ остальными докторами и совмѣстно съ ними употребилъ величайшія старанія.

Къ общему прискорбію, старанія остались тщетными; состояніе больнаго видимо дѣлалось хуже: онъ страдалъ гораздо больше, хотя ни на минуту не терялъ присутствія духа и памяти. Вся ночь прошла въ такомъ положеніи. На слѣдующій день, рано поутру, пріѣхала жена Мордвинова, заставъ его въ сильныхъ страданіяхъ, тѣмъ болѣе тяжелыхъ, что происходили при полномъ разумѣ, который сохранился до самой кончины, послѣдовавшей въ 10 часовъ утра.

„Супруга Мордвинова, будучи приведена симъ бѣдствіемъ— пишетъ Бурцевъ—въ отчаяніе, неоднократно жаловалась, что злые люди были причиною его несчастія, и что наканунѣ самъ мужъ о томъ проговорился".

Басаргинъ разсказываетъ, что самъ Мордвиновъ сознался Киселеву и Бурцеву, что былъ подстрекаемъ въ неудовольствіи своемъ на перваго Рудзевичемъ и Корниловымъ и говорилъ, что сначала не имѣлъ намѣренія вызывать его, а хотѣлъ жаловаться чрезъ графа Аракчеева Государю; но зная какъ Императоръ любитъ Киселева и опасаясь не получить такимъ путемъ удовлетворенія, рѣшился прибѣгнуть къ дуэли.

Возвратясь въ Тульчинъ, Киселевъ сейчасъ передалъ должность свою дежурному генералу, донеся о происшествіи главнокомандующему, находившемуся въ это время у себя въ деревнѣ (Каменкѣ).

Письмо Киселева Государю.

Дежурный генералъ нарядилъ слѣдствіе и распорядился похоронами. Киселевъ же написалъ къ Государю слѣдующее письмо:

„Ваше Императорское Величество!

„Во всѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ своей жизни, я непосредственно обращался къ Вашему Величеству. Позвольте мнѣ, Государь, въ настоящее время довести до Вашего свѣдѣнія объ одномъ происшествіи, котораго я не имѣлъ воз-

можности ни предвидѣть, ни избѣжать. Я стрѣлялся съ генераломъ Мордвиновымъ и имѣлъ грустное преимущество видѣть своего противника пораженнымъ. Онъ меня вызвалъ, и я считалъ своимъ долгомъ не укрываться подъ покровительство закона, но принять вызовъ и тѣмъ доказать, что честь человѣка служащаго нераздѣльна отъ чести частнаго человѣка.

„По всей вѣроятности, главнокомандующій представитъ Вашему Величеству подробности этого печальнаго дѣла. Съ своей стороны, я считаю долгомъ сдѣлать то же самое, притомъ съ полнѣйшею откровенностью человѣка, сильнаго своею прямотою и исполненнаго довѣрія къ справедливости и великодушію Вашего Величества.

„Во время несчастной исторіи въ одесскомъ полку, начальникъ дивизіи извѣстилъ меня о ней въ Тульчинъ, обращая главнымъ образомъ мое вниманіе на недостаточную энергію въ этомъ дѣлѣ бригаднаго командира, который—писалъ онъ—отказался арестовать офицера Рубановскаго въ моментъ совершенія преступленія. Какъ это обстоятельство, такъ и прочіе добытыя слѣдствіемъ, обязывали меня предложить главнокомандующему уволить генерала Мордвинова отъ командованія бригадою, съ тѣмъ, чтобы въ теченіи нѣкотораго времени не давать ему никакого другаго назначенія.

„Между тѣмъ, получивъ отъ Вашего Величества разрѣшеніе на отпускъ, я уѣхалъ въ Берлинъ. Главнокомандующій, утверждая конфирмацію о поручикѣ Рубановскомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ желая наказать всѣхъ тѣхъ, которые строго не исполнили въ этомъ дѣлѣ своихъ обязанностей, опредѣлилъ отстранить генерала Мордвинова отъ командованія бригадою, что̀ въ теченіи января п. въ мое отсутствіе, было исполнено.

„По возвращеніи въ Тульчинъ, я не видѣлъ генерала Мордвинова и не имѣлъ никакихъ съ нимъ сношеній до 21 числа текущаго мѣсяца. Въ этотъ день онъ пріѣхалъ въ главную квартиру, представился мнѣ, жаловался на несправедливость, съ которою съ нимъ поступили, и просилъ моего совѣта, какъ поступить, чтобы получить командованіе внѣ 17-й дивизіи.

„Мои отвѣты могли ему показаться слишкомъ откровен-

ными. Я настаивалъ на томъ, что мое мнѣніе, о которомъ ему было своевременно извѣстно, основывалось на происшедшихъ безпорядкахъ въ бригадѣ, и что его поведеніе въ дѣлѣ Рубановскаго не позволяетъ мнѣ теперь обѣщать ему своихъ услугъ. Затѣмъ, уходя, онъ сказалъ, что черезъ нѣсколько часовъ я получу отъ него извѣстіе. Дѣйствительно, въ тотъ же день я получилъ отъ него рѣзкій вызовъ, который уже не позволялъ мнѣ дѣлать выбора между строгимъ выполненіемъ закона и священнѣйшими обязанностями чести. Я отвѣчалъ, прося назначить день и мѣсто свиданія, и по полученіи его втораго письма, 24 числа, отправился въ мѣстечко Ладыжинъ, гдѣ, при одновременномъ обмѣнѣ выстрѣловъ, мой выстрѣлъ поразилъ его на вылетъ. Доктора нашли его рану очень опасною. Онъ попросилъ священника, и на другой день умеръ, на рукахъ своей жены, которую предупредилъ о дуэли.

„Вотъ, Государь, всѣ подробности этого грустнаго и несчастнаго случая. Главнокомандующій, въ свою очередь, безъ сомнѣнія, не преминетъ въ полнѣйшей подробности донести Вашему Величеству объ этомъ дѣлѣ. Что же касается меня, то я считалъ своимъ долгомъ первому извѣстить Васъ, Государь, и съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти ожидать рѣшенія, которое Вашему Величеству благоугодно будетъ принять на счетъ поступка человѣка, который далъ обѣтъ прежде всего служить Вашему Величеству съ честью и вѣрностью и который до послѣдней минуты своей жизни не уклонится отъ своихъ правилъ.“

„26-го іюня 1823 г. М. Тульчинъ.

Почти тоже Киселевъ писалъ Закревскому 5-го іюля 1823 г.

Слѣдствіе, произведенное въ законномъ порядкѣ, было представлено по начальству Императору.

Киселевъ, въ ожиданіи рѣшенія Государя, сначала жилъ въ Тульчинѣ безъ всякаго дѣла, проводя время въ семейномъ кругу, а потомъ отправился въ Одессу, гдѣ пробылъ два мѣсяца.

По поводу дуэли Закревскій изъ Пирмонта писалъ [1]):

[1]) 16-го августа 1823 г.

Переписка съ Закревскимъ.

..„Крайне сожалѣю о случившемся съ тобою происшествіи, котораго бы въ званіи твоемъ и по дѣлу, до службы касающемуся, должно избѣгать сколь возможно. Но какъ грубости Мордвинова оскорбительны, и тебѣ должно было дать ему сатисфакцію, но прежде потребовать отъ него, чтобы вышелъ въ отставку, и тогда ты вполнѣ удовлетворилъ-бы его желанію; симъ бы поступкомъ ни званіе твое, ни служба ничего бы не потерпѣли. Впрочемъ, ты поступилъ въ первыя минуты, получа письмо, какъ благородный человѣкъ съ живымъ характеромъ, да къ твоему же счастію и оправданію судьба наказала виновнаго. Ко мнѣ пишутъ изъ С.-Петербурга, что донесеніе главнокомандующаго объ этомъ принято Государемъ довольно снисходительно и вѣрно останется безъ всякаго отвѣта до прибытія къ вашей арміи, и тутъ лично Государь будетъ тебѣ говорить и можетъ быть помылитъ тебѣ немного голову. О всякомъ разговорѣ, какой у тебя по сему случаю будетъ, меня увѣдомь въ С.-Петербургъ, куда я къ сроку пріѣду непремѣнно. Также скажи мнѣ, что̀ и прочіе господа, пріѣхавшіе съ Государемъ, будутъ тебѣ говорить. Пришли мнѣ копію съ письма Корнилова (начальника дивизіи) къ Мордвинову, если оно у тебя есть. Ты фальшиво судишь, что Мордвиновъ старше тебя, ибо по званію твоему подчиняются тебѣ генералъ-лейтенанты, слѣдовательно всякій генералъ-маіоръ непосредственно состоитъ въ командѣ начальника штаба арміи. Много хотѣлъ бы съ тобою говорить по сему случаю, но не могу ввѣрить мыслей моихъ почтѣ, которая не всегда аккуратно ходитъ, а оставляю до личнаго съ тобою свиданія, если не перемѣнишь прежняго намѣренія быть нынѣшнею зимою въ С.-Петербургѣ“.

Между тѣмъ, отъ Дибича, который замѣнилъ Волконскаго въ должности начальника главнаго штаба, Киселевъ получилъ письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что Государь, получивъ оффиціальное представленіе о семъ дѣлѣ, вполнѣ оправдываетъ его поступокъ и дѣлаетъ одно только замѣчаніе, что гораздо лучше было бы, еслибъ поединокъ былъ за-границей.

Киселева видимо тяготила смерть Мордвинова, тѣмъ болѣе,

что онъ оставилъ безъ всякихъ средствъ жену и дочь, а потому Павелъ Дмитріевичъ сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы помочь вдовѣ. Чрезъ посредство генеральши Анны Никифоровны Кладищевой, онъ вошелъ въ переговоры съ Мордвиновой, которая первоначально, изъ опасенія возбудить толки, отказывалась принять помощь, но потомъ, убѣдившись въ полной Киселева невинности, согласилась. Павелъ Дмитріевичъ тогда же назначилъ ей пособіе въ 1200 р. въ годъ, которое и высылалъ во все время ея жизни.

Когда исторія о дуэли уже совершенно окончилась, слухи о ней, конечно, въ искаженномъ видѣ дошли до Москвы, гдѣ находились два брата Мордвинова. Одинъ изъ нихъ, младшій, распускалъ слухъ, что будетъ имѣть дѣло съ Киселевымъ, такъ какъ, по отсутствію при дуэли секунданта со стороны брата, полагаетъ, что при этомъ не были соблюдены всѣ правила справедливости. Князь Сергѣй Волконскій. проѣздомъ черезъ Москву, узналъ объ этихъ слухахъ, тотчасъ же написалъ Киселеву и самъ сталъ употреблять самыя энергическія мѣры, чтобы унять болтуна Мордвинова и разсѣять распускаемые имъ слухи, что ему и удалось. Между прочимъ, Волконскій писалъ: — „Ты знаешь, что въ кругу нашей арміи нѣтъ человѣка, который бы иначе говорилъ по предмету твоего поединка, какъ съ отличнымъ уваженіемъ“.

Свиданіе съ Государемъ въ Орлѣ.

Чтобы личнымъ свиданіемъ съ Государемъ совершенно загладить впечатлѣніе, произведенное дуэлью, Киселевъ просилъ Дибича исходатайствовать ему разрѣшеніе прибыть для представленія къ одному изъ корпусовъ 1-й арміи, въ то время, когда Его Величество будетъ дѣлать смотръ. Дибичъ увѣдомилъ [1]), что Государь для представленія назначилъ г. Орелъ, гдѣ предполагалъ быть 3-го сентября. Въ Орелъ поѣхалъ съ Киселевымъ Бурцевъ, со словъ котораго вотъ какъ разсказываетъ Басаргинъ въ своихъ запискахъ объ этой поѣздкѣ:

„Черезъ два дня по прибытіи ихъ въ Орелъ, пріѣхалъ туда и Государь. Всѣ высшія военныя и гражданскія власти

---

[1]) Письмо 6-го августа 1823 г. изъ С.-Пб.

ожидали Его Величество въ пріемной залѣ, на квартирѣ, для него приготовленной. Киселевъ также находился тутъ. Генералы (между ними были два корпусные и нѣсколько дивизіонныхъ начальниковъ) и прибывшіе напередъ генералъ-адъютанты (Чернышевъ и Ожаровскій) обошлись съ нимъ очень сухо, какъ съ человѣкомъ опаснымъ и видимо избѣгали даже съ нимъ говорить, такъ что онъ все время сидѣлъ одинъ у окна. Когда пріѣхалъ Государь, то, проходя черезъ залу, онъ только поклонился присутствующимъ и удалился во внутренніе покои переодѣваться. Вскорѣ камердинеръ Его позвалъ къ Нему Киселева, который потомъ и вышелъ вмѣстѣ съ Его Величествомъ, весьма милостиво съ нимъ разговаривавшимъ и часто къ нему съ особливою благосклонностью обращавшимся. Надобно было видѣть перемѣну, которая произошла въ царедворцахъ! Когда Государь опять ушелъ, всѣ наперерывъ старались оказать Киселеву самое дружеское вниманіе".

Возвратившись въ Тульчинъ, Киселевъ, освѣженный и укрѣпленный ласковымъ пріемомъ Государя, принялся съ жаромъ приготовлять армію къ Высочайшему смотру. Ничто не было упущено: все приведено въ порядокъ. Къ этому времени относится одно письмо князя Витгенштейна изъ Каменки, въ которомъ онъ, между прочимъ, проситъ „обратить вниманіе, чтобы этишкеты и прочія вещи были выбѣлены, какъ можно лучше, ибо Государь очень много смотритъ на это".

16-го сентября въ приказѣ по арміи было отдано о предстоявшемъ смотрѣ Государя; въ особомъ приложеніи къ этому приказу былъ объявленъ: „общій порядокъ, по коему произведены будутъ смотры и предположеніе маневра".

Весь смотръ, отъ начала до конца, имѣлъ характеръ военнаго торжества.

Смотръ 2-й арміи Государемъ.

На смотръ въ окрестности Тульчина собралась вся 2-я армія, т.-е. 6 и 7 армейскіе корпуса, драгунскія дивизіи и всѣ вспомогательныя войска.

До пріѣзда Государя, въ теченіи десяти дней, главнокомандующій осматривалъ части арміи и удостовѣрился, что все въ порядкѣ.

Наконецъ, получено было увѣдомленіе отъ Дибича, что Его Величество, проѣхавъ чрезъ Проскуровъ, Каменецъ и Хотинъ и бывъ повсюду доволенъ караулами 2-й арміи, прибудетъ въ селеніе Крапивну, въ расположеніе 7-го корпуса, 30-го сентября.

Смотръ начался 30-го сентября и кончился маневрами, происходившими 4 и 5 октября.

Назначеніе Киселева генералъ-адъютантомъ.

Вечеромъ 5-го октября Государь поздравилъ Киселева генералъ-адъютантомъ, а 6-го числа повторивъ благоволеніе свое главнокомандующему и начальнику главнаго штаба арміи, въ 9 часовъ утра выѣхалъ изъ Тульчина, чрезъ Умань, въ военныя поселенія, приказавъ Киселеву слѣдовать за собою.

Басаргинъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Вслѣдъ за маневрами посыпались милости и награды. Съ горестнымъ чувствомъ долженъ однако-же сказать, что эти милости и награды касались только тѣхъ, которые всего менѣе нуждались въ нихъ. Крестъ, чинъ, ордена, удовлетворяя минутное тщеславіе или временныя нужды, немного прибавляли къ счастію тѣхъ, которые получали ихъ. Тѣ же, коимъ всего болѣе нужно было милосердіе Государя, были имъ отвергнуты. Генералъ Киселевъ, въ числѣ прочихъ представленій, просилъ о смягченіи участи разжалованныхъ офицеровъ. Въ нашей арміи ихъ было человѣкъ до сорока, и въ одной этой просьбѣ было ему отказано. Тутъ не нужно разсужденій!“

Для поѣздки въ военныя поселенія Киселевъ взялъ съ собою Басаргина, который такъ разсказываетъ объ этомъ: „Мы ѣхали съ Государемъ и прибыли въ Вознесенскъ. Тамъ застали Аракчеева. Трудно объяснить то вліяніе, которое онъ имѣлъ на покойнаго Императора Александра. Я былъ свидѣтелемъ его стычки съ Киселевымъ, который его (Аракчеева) не любилъ и не унижался предъ нимъ, и гдѣ онъ его славно отдѣлалъ. Услышавъ отъ Государя, какъ Онъ остался доволенъ 2-ю арміею и вѣроятно будучи этимъ недоволенъ, Аракчеевъ въ первое свиданіе съ Киселевымъ, когда Государь ушелъ въ кабинетъ, обратился къ нему, при оставшемся многолюдномъ

Разговоръ Киселева съ Аракчеевымъ и съ Государемъ.

собраніи, съ слѣдующими словами: „Мнѣ разсказывалъ Государь, какъ вы угодили ему, Павелъ Дмитріевичъ! Онъ такъ доволенъ вами, что я желалъ бы поучиться у вашего превосходительства, какъ угождать Его Величеству. Позвольте мнѣ пріѣхать для этого во 2-ю армію; даже не худо было бы, еслибъ ваше превосходительство взяли меня на время къ себѣ въ адъютанты". Слова эти всѣхъ удивили и взоры всѣхъ обратились на Киселева. Тотъ безъ замѣшательства отвѣчалъ: „Милости просимъ, графъ, я очень буду радъ, если вы найдете во 2-й арміи что-нибудь такое, что можно примѣнить къ военнымъ поселеніямъ. Что же касается до того, чтобы взять васъ въ адъютанты, то извините меня, — прибавилъ онъ съ усмѣшкою,—послѣ этого вы, конечно, захотите сдѣлать и меня своимъ адъютантомъ, а я этого не желаю". Аракчеевъ закусилъ губы и отошелъ".

„Двѣ недѣли мы пробыли въ военныхъ поселеніяхъ, и я каждый разъ имѣлъ случай видѣть Государя, а нерѣдко и обѣдать съ Нимъ. Онъ имѣлъ много привлекательнаго въ обращеніи и, какъ я могъ замѣтить, не сердился, когда обходились съ Нимъ свободно, даже когда случалось противорѣчить Ему. По крайней мѣрѣ, генералъ Киселевъ не унижался и велъ себя съ достоинствомъ, не теряя этимъ Его расположенія".

„Разъ какъ-то Государь спросилъ его: почему онъ, будучи небогатъ, не попроситъ у него никогда аренды или денегъ?" —„Я знаю, что Вы охотно даете, Государь, отвѣчалъ онъ, но не уважаете тѣхъ, которые принимаютъ отъ Васъ. Мнѣ же уваженіе Ваше дороже денегъ". Отвѣтъ прекрасный, но и придворный. Надобно сказать, впрочемъ, что Киселевъ былъ ловокъ и зналъ хорошо характеръ покойнаго Императора".

На обратномъ пути Государь въ Чечельникѣ осматривалъ людей, выбранныхъ въ гвардію, и тогда же, 17-го октября, какъ отмѣчено въ дневникѣ Киселева, принималъ докладъ послѣдняго о наградахъ для 2-й арміи. 19-го октября Киселевъ, откланявшись Государю, возвратился въ Тульчинъ и писалъ Закревскому о результатѣ смотра слѣдующее:

Письмо Закревскому о результатѣ смотра.

23-го октября 1823 г. Тульчинъ.

„Теперь обязанъ тебѣ сказать, любезный другъ, что пятилѣтніе труды наши увѣнчаны были величайшимъ успѣхомъ. 2-я армія поставлена была въ соперничество съ отличнѣйшими войсками россійской арміи и стала съ оными на ряду. Государь и всѣ окружающіе были удивлены состояніемъ войскъ нашихъ... Порядокъ осмотра и всѣ прикосновенныя распоряженія вполнѣ удовлетворили Государя; жандармы, штабъ, квартирмейстерское управленіе и карты, церковныя заведенія, учебный батальонъ и юнкера, словомъ все, что было представлено, заслужило одобреніе всѣхъ очевидцевъ. Наконецъ, маневръ, царскій лагерь и праздникъ, данный арміею Императору своему, заключили смотръ 1823 года. Государь обѣдалъ посреди 65 тыс. человѣкъ, которые тоже обѣдали и пили за здоровье Монарха съ восклицаніями непринужденными и коихъ чистосердечіе и пылкость вызвали слезы радости изъ глазъ Его Величества. Признаюсь тебѣ, любезный другъ, что не однажды пожалѣлъ, что тебя и нѣсколькихъ пріятелей не было зрителями счастливаго сего событія; ты болѣе другихъ порадовался бы за успѣхи, коимъ ты столь много, столь постоянно и столь увѣрительно содѣйствовалъ. Вотъ плоды нѣсколько настоятельнаго права моего, который со всѣхъ сторонъ и всѣми былъ столь часто и столь много обезохоченъ. Всѣ раздѣляли радость общаго торжества и всѣ кажется забыли, что большая изъ нихъ часть противилась пять лѣтъ тѣмъ введеніямъ, которыя возвели армію на степень отличной. Разсказы зрителей и молвы, конечно, объяснятъ тебѣ много подробностей, о которыхъ теперь умолчу и которыя съ удовольствіемъ при первомъ свиданіи разскажу тебѣ, доброму и постоянному пріятелю моему“.

Затѣмъ, послѣ свадьбы сестры жены, графини Ольги Потоцкой (1-го ноября), съ Нарышкинымъ, Киселевъ вмѣстѣ съ женою ѣздилъ въ Одессу, откуда возвратился 16-го декабря.

Отъѣздъ Волконскаго за границу.

Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1823 года, князь П. М. Волконскій, сообщая Киселеву одобреніе свое относительно составленнаго имъ плана осеннихъ маневровъ въ присутствіи Государя, писалъ, что

онъ на маневрахъ присутствовать не будетъ, такъ какъ ѣдетъ за границу, а что вмѣсто его исправлять должность начальника главнаго штаба будетъ Дибичъ. Въ отвѣтъ на это письмо Киселевъ, выражая свое сожалѣніе, говорилъ, что и самъ думаетъ взять продолжительный отпускъ, такъ какъ этого требуетъ здоровье жены и сына.

Отъѣздомъ князя Волконскаго воспользовался Аракчеевъ, чтобы устранить отъ дѣлъ этого самостоятельнаго человѣка, добился того, что начальникомъ главнаго штаба назначенъ былъ Дибичъ, а Закревскій получилъ неожиданное назначеніе на должность генералъ-губернатора въ Финляндіи. Вотъ что онъ писалъ по этому случаю Киселеву [1]: „Возвратившись изъ за-границы, я совершенно неожиданно получилъ новое назначеніе въ Финляндію, какъ кажется, по желанію нѣмца Дибича, которому желаю царствовать и выводить нѣмцевъ; — русскіе-же не разъ вспомнятъ Волконскаго и увидятъ во всемъ большую разницу. Говорилъ Государю, что буду безполезенъ на новомъ мѣстѣ; но Онъ требовалъ, чтобы я туда ѣхалъ. Прибывши туда и увидѣвши ходъ дѣлъ, тогда рѣшусь, что мнѣ надо съ собою дѣлать“.

Назначеніе Закревскаго генералъ-губернаторомъ Финляндіи.

Киселевъ съ своей стороны отвѣчалъ Закревскому слѣдующее:

„23-го октября 1823 г. Тульчинъ.

„Въ Орлѣ бывъ у Государя и узнавъ о почетномъ твоемъ назначеніи, взялъ смѣлость спросить у Государя, предваренъ ли ты былъ о семъ назначеніи, и увѣрить Его, что военное вѣдомство и мы всѣ почувствуемъ потерю человѣка, который нѣсколькими годами доказалъ отличныя достоинства свои. Его Величество, весьма милостиво отозвавшись на твой счетъ, прибавилъ, что тебѣ данное назначеніе есть награда, которой многіе позавидуютъ; что ты имѣть будешь права главнокомандующаго, и что незнаніе иностранныхъ языковъ для умнаго человѣка не есть препятствіе; словомъ, увѣрилъ, что ты будешь доволенъ и что сіе было сдѣлано въ воздаяніе твоей службы“.

Назначеніе въ Финляндію рѣшительно не нравилось Закрев-

[1]) 20-го сентября 1823 г. изъ Брестъ-Литовска.

Недовольство Закревскаго этимъ назначеніемъ.

скому, и вотъ что онъ говорилъ по этому поводу въ письмѣ, отъ 28-го ноября 1823 года: ...„О новомъ моемъ назначеніи нечего говорить. Поступили со мною какъ нельзя гаже, не смотря, что теперешнее мое назначеніе лестно; но ты знаешь хорошо, что я не люблю брать на себя обязанностей, которыхъ исполнить не могу; но сему Государь не внимаетъ и желаетъ, чтобы я ѣхалъ. Исполняю Его волю, хотя съ огорченіемъ. Поѣду въ Гельсингфорсъ, а тамъ увижу, что долженъ буду дѣлать въ сентябрѣ мѣсяцѣ. На опытѣ знаю, что служить усердно не должно и безполезно; трудящійся—всегда въ дуракахъ противу того, который ничего не дѣлаетъ и наслаждается жизнію".

Намѣреніе Киселева оставить мѣсто начальника штаба.

Въ томъ же письмѣ онъ писалъ: „Радъ душевно, что Государь былъ доволенъ 2-ю арміею и достойно вознаградилъ всѣхъ безъ изъятія чиновниковъ, а тебя сдѣлалъ генералъ-адъютантомъ. Вотъ ясное доказательство, что труды твои не пропали и ты долженъ симъ восхищаться".... Но Киселевъ однакоже не восхищался, если не своимъ положеніемъ, то своимъ мѣстомъ. Онъ считалъ, что приведя армію въ должный порядокъ, онъ сдѣлалъ все, что отъ него требовали и ожидали, и что ему болѣе ничего не оставалось дѣлать. Къ тому же, съ удаленіемъ отъ дѣлъ военнаго министерства кн. Волконскаго и Закревскаго, онъ ожидалъ многихъ затрудненій, которыя такъ легко устранялись прежде. Павелъ Дмитріевичъ рѣшился оставить мѣсто начальника штаба, какъ это видно изъ слѣдующаго письма къ Закревскому:

„21-го декабря 1823 г. Тульчинъ.

„Я надѣюсь, если судьба дозволитъ, быть въ Петербургѣ въ февралѣ мѣсяцѣ; ѣду, чтобъ успѣть въ извѣстномъ тебѣ намѣреніи моемъ; испробую всѣ способы, чтобъ оставить почетное мѣсто свое, которое теперь цѣли не имѣетъ; къ тому же безъ *васъ* мнѣ быть, кажется, съ пользою и пріятностію трудно; я о томъ говорилъ Государю и сказалъ, что въ успѣхахъ 2-й арміи много и вы съ кн. Петромъ Михайловичемъ имѣли участія и что безъ васъ со всѣмъ усердіемъ и

желаніемъ добра, трудно было бы успѣть въ томъ, что Е. В. самъ видѣлъ".

Закревскій не совѣтовалъ Киселеву настаивать на своемъ намѣреніи и писалъ ему [1]): „Оставлять тебѣ теперь почетное твое мѣсто неприлично, а надо приступить, если точно на сіе рѣшился, не прежде какъ чрезъ годъ. При твоемъ усердіи къ пользамъ общимъ должно быть все равно, кто бы ни занималъ высшее мѣсто здѣсь по военной части, ты одинакимъ манеромъ служить станешь. Развѣ одно для тебя будетъ непріятно, что не будетъ человѣка, которому бы ты могъ говорить все откровенно для пользы службы и получать его мнѣнія."

Въ томъ же письмѣ о положеніи дѣлъ въ военномъ министерствѣ Закревскій говорилъ слѣдующее: „Здѣсь все по старому и *змѣй* (Аракчеевъ) имѣетъ силу. Дибичъ, безъ доклада ему, ни на что не рѣшается и не докладываетъ Государю. Хороша перспектива нашимъ частямъ, которыя сему страху подвержены не были"!

Тяжела была въ то время атмосфера внутренней политики: всюду недовѣріе, отъ котораго не могло избѣгнуть и лицо, высоко стоявшее. „Если ты,—пишетъ Закревскій,—по прежнему меня любишь, а я всегда одинаковъ, то мнѣ пріятно вести съ тобою переписку по прежнему. Тогда мы будемъ переписываться черезъ Булгакова или Шатилова" [2]).

Поѣздка въ продолжительный отпускъ занимала серьёзно Киселева. Наконецъ она состоялась. Въ концѣ января 1824 года Павелъ Дмитріевичъ выѣхалъ изъ Тульчина съ женою и прибылъ въ Москву 4-го февраля; 7-го числа онъ получилъ извѣстіе изъ Тульчина, что сынъ его, Владиміръ, умеръ. Это окончательно рѣшило его поѣздку за-границу. По поводу этой поѣздки Сабанѣевъ писалъ: „Увѣдомьте—на долго-ли ѣдете. Ужели навсегда? Не взирая на нѣкоторыя минутныя неудовольствія между нами, торжественно могу сказать, что армія теряетъ много... Какъ пріятель, скажу вамъ откровенно: вы

Смерть сына.

[1]) 15-го января 1824 г.
[2]) 15-го января 1824 г.

имѣли хорошихъ помощниковъ, но между ними есть люди, не стоющіе вашего довѣрія".

О смерти сына Киселевъ писалъ (въ концѣ года) Денису Давыдову, къ которому вообще онъ охотно обращался въ минуты, когда душа его скорбѣла. Денисъ Давыдовъ отвѣчалъ: „Сожалѣю, что жена твоя кручинится, какъ ты говоришь, о безплодіи своемъ. Она такъ молода, что нечего кручиниться о томъ, что̀ можетъ исправиться, была бы только здорова. Впрочемъ, Богъ знаетъ, на радость ли, на горе, намъ даются дѣти? Конечно, тяжело терять тѣхъ, коихъ имѣешь; но когда нѣтъ ихъ, то желать ихъ страшно, особенно тѣмъ, кои ничего не могутъ любить посредственно. Я, послѣ потери моей Сонечки, окаменѣлъ сердцемъ. Люблю дѣтей, но такъ слабо въ сравненіи съ нею, что о такой любви и говорить нечего. Мраморный бюстъ ея мнѣ милѣе ихъ. Знаю, что со временемъ я буду ихъ любить, но дѣвственность сердца исчезла. Святилище его ни одному изъ дѣтей моихъ на вѣкъ недоступно".

Отъѣздъ Киселева въ Москву и потомъ за границу; переписка по этому случаю съ Закревскимъ и Сабанѣевымъ.

Прежде отъѣзда за-границу, Киселевъ, чрезъ Дибича, испросилъ разрѣшеніе представиться Государю. Съ этою цѣлью онъ выѣхалъ изъ Москвы 27-го февраля 1824 г. и пріѣхалъ въ Петербургъ 2-го марта. По пріѣздѣ въ Петербургъ, какъ онъ, такъ и жена его, удостоились самаго ласковаго пріема при Дворѣ. Въ записной книжкѣ того года отмѣчено, что „5-го мая имѣлъ аудіенцію у Государя; 19-го апрѣля и 13-го мая имѣлъ аудіенцію у Его Императорскаго Величества и докладывалъ о дѣлахъ съ 7 до 11 часовъ вечера".

Передъ отъѣздомъ за-границу, Павелъ Дмитріевичъ писалъ Закревскому:

„3-го мая 1824 г. Спб.

„Не писалъ къ тебѣ, любезный другъ, по нынѣшній день для того, чтобы положительно увѣдомить о рѣшеніи, свыше послѣдовавшемъ. На-дняхъ имѣлъ свиданіе, которое продолжалось болѣе 3-хъ часовъ, и послѣ коего, какъ сіе всегда и для всѣхъ бывало, вышелъ я весьма доволенъ милостію Государя съ дозволеніемъ ѣхать за-границу на 5 мѣсяцевъ и съ обѣщаніемъ возвратиться потомъ къ своему мѣсту. Его Величеству

сказали, что я прошусь вовсе прочь и по неудовольствію, происшедшему отъ назначенія Сабанѣева *командующимъ* арміею. Я по сему предмету также объяснился и нашелъ, что причины уважительны и что недоразумѣніе произошло отъ исполнителей, которые, кажется, не желали уменьшить непріятность вымышленной необходимости, измѣнить, касательно управленія дѣлами арміи, принятый до сего порядокъ; словомъ, Государь имѣлъ даръ озолотить обиду и представить ее какъ новую милость, которую я принялъ съ истинною признательностію; ибо, если не могъ согласиться въ существѣ самаго дѣла, то по крайней мѣрѣ, съ пріятностію видѣлъ, что Его Величество довольно цѣнитъ меня, чтобы употребить нѣкоторое время для убѣжденія, словами для меня лестными, испуганное честолюбіе мое. Вотъ, любезный другъ, успѣхи моего здѣшняго житья. Прибавь къ сему, что по докладѣ бумагъ моихъ получилъ одобреніе Его Величества и согласіе на просьбы къ оказанію нѣсколькихъ милостей, относящихся до сослуживцевъ моихъ, изъ коихъ начальникъ главнаго штаба нѣкоторымъ отказалъ,—что я живу здѣсь для займа денегъ, которыя уже отчасти у меня, что въ предметѣ имѣю курьерское путешествіе и возвращеніе къ дѣлу, которое по соотношеніямъ моимъ съ *управляющими* успѣшно идти не можетъ, и что собственныя дѣла въ разстройствѣ ужасномъ, и будутъ еще болѣе разстроены въ отсутствіе мое; прибавь все сіе, и ты увидишь, что въ моемъ положеніи ничего завиднаго нѣтъ, хотя многіе завидовать мнѣ не перестаютъ. Со всѣмъ тѣмъ съ нѣкоторою твердостію духа все преодолѣть можно, и, по моему смыслу, я ищу утѣшенія въ будущемъ, которое неминуемо должно быть лучше настоящаго".

На это письмо Закревскій отвѣчалъ:

„16-го ноября 1824 г. Гельсингфорсъ.

„Я не отвѣчалъ доселѣ на письмо твое, отъ 3-го мая, мною полученное во время объѣзда по Финляндіи, знавши, что отвѣтъ мой не найдетъ уже тебя болѣе въ Петербургѣ, и опасаясь, писавши за-границу, подвергать мысль свою, въ случаѣ распечатанія, суду постороннему.

„Ты увѣдомляешь меня въ этомъ письмѣ о сладкомъ пріемѣ, тебѣ сдѣланномъ, о совершеніи твоихъ желаній полученіемъ отпуска за-границу и удовлетвореніемъ нѣкоторыхъ просьбъ твоихъ. Таковыя минуты иногда щекотятъ самолюбіе; но зная тебя хорошо, я увѣренъ, что эти блестки милостей не ослѣпятъ тебя ни на минуту до того, чтобы помрачить ясное твое понятіе о людяхъ и о томъ, что́ движетъ ими. Сожалѣю очень, любезный другъ, что твои домашнія дѣла въ разстроенномъ положеніи. Трудно справиться съ ними и устроить ихъ, когда многотрудныя обязанности службы безпрестанно отъ нихъ отвлекаютъ. Что же касается до соотношеній твоихъ по службѣ съ *управляющими,* то ихъ однихъ весьма достаточно, чтобы отбить всевозможную охоту къ продолженію службы и дальнѣйшему посвященію трудовъ своихъ благу общему; да и какое терпѣніе устоитъ противъ безпрестанныхъ неудовольствій, оскорбляющихъ честолюбіе каждаго и замедляющихъ теченіе дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ препятствующихъ достиженію цѣли каждаго изъ насъ, не имѣющихъ другой, какъ быть полезными отечеству“?

16-го мая Киселевъ выѣхалъ вмѣстѣ съ женою изъ Петербурга въ Эмсъ, куда прибылъ 10-го іюня. Здѣсь, на водахъ, онъ оставался до 17-го іюля, когда чрезъ Брюссель выѣхалъ въ Парижъ, куда пріѣхалъ 24-го іюля. Въ августѣ (26-го) онъ представлялся королю Людовику XVIII, тогда уже больному (и вскорѣ потомъ умершему), и 5-го сентября — Карлу X.

Пробывъ въ Парижѣ до 5-го ноября, Киселевъ все это время вращался въ самомъ водоворотѣ парижской жизни того круга русской колоніи, который всегда близко соприкасается ко двору. Здѣсь возобновились старыя знакомства и начались новыя, продолжавшіяся даже тогда, когда онъ впослѣдствіи сталъ жить въ Парижѣ, какъ представитель Россіи.

Возвращеніе въ Россію.

Оставивъ Парижъ, Павелъ Дмитріевичъ поѣхалъ на Франкфуртъ и Вѣну, гдѣ останавливался на нѣсколько дней и, наконецъ, черезъ Радзивиловъ прибылъ въ Тульчинъ 15 декабря.

Долгимъ отсутствіемъ Киселева враги его хотѣли воспользоваться, чтобы поссорить его съ главнокомандующимъ.

Намѣреніе недоброжелателей Киселева поссорить его съ Витгенштейномъ; переписка по этому поводу съ Дибичемъ.

Въ декабрѣ Киселевъ писалъ Дибичу [1]): „Главнокомандующій мнѣ сообщилъ, что во время моего отсутствія, его старались убѣдить, что разслѣдованія генерала Сабанѣева объ интендантѣ 2-й арміи возбуждены вслѣдствіе принесенныхъ мною жалобъ Императору, въ послѣднюю мою поѣздку въ столицу. Эти скандальныя обвиненія не подѣйствовали бы на меня, если бы я не боялся, что недоброжелатели, пользуясь моимъ молчаніемъ, съ жаромъ стараются утвердить ихъ въ мысляхъ главнокомандующаго. Поэтому считаю долгомъ открыто объявить, что Императоръ не имѣлъ со мною разговоровъ о хозяйствѣ арміи, и, сверхъ того, по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, вы желали поговорить со мною о составленномъ по этому дѣлу, провіантскимъ департаментомъ, докладѣ, который, по своему содержанію, не требовалъ необходимости еще другихъ свѣдѣній, хотя полезныхъ, желательныхъ и обязательныхъ. Главнокомандующій, бывъ анонимно извѣщенъ о мнимыхъ моихъ жалобахъ Императору, имѣлъ откровенность сообщить мнѣ объ этомъ по моемъ возвращеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я полагаю своимъ долгомъ не оставлять этой грязной сплетни въ неопредѣленности, почему и прошу вашего свидѣтельствованія. Я это дѣлаю не для оправданія отъ обвиненія, до меня нисколько не касающагося, но чтобы вывести наружу новую тактику враговъ спокойствія и порядка“.

Дибичъ былъ очень огорченъ за Киселева, и чтобы оправдать его въ глазахъ главнокомандующаго, послалъ въ письмѣ своемъ къ Павлу Дмитріевичу [2]) другое, незапечатанное, на имя Витгенштейна, въ которомъ ясно и правдиво изложилъ исторію по вышеупомянутому предмету, и которое онъ совѣтовалъ Киселеву прочитать, и если онъ найдетъ его хорошимъ, запечатать и отправить главнокомандующему, а если нѣтъ, возвратить Дибичу съ своими замѣчаніями.

Это письмо передалъ Киселевъ по принадлежности, въ надеждѣ, что оно произведетъ ожидаемое дѣйствіе, и писалъ

---

[1]) 18-го декабря 1824 г.

[2]) 2-го января 1825 г.

Дибичу [1]): „Главнокомандующій пойметъ грязную интригу лицъ, чувствующихъ себя неловко въ моемъ присутствіи; но мое обращеніе съ ними не измѣнится, пока я буду служить родинѣ и Государю. ...Я уже вступилъ въ исправленіе моей должности, но не полагаете-ли вы, что вступленіе въ исправленіе должности начальника штаба арміи должно быть предшествуемо именнымъ Высочайшимъ приказомъ? Объ этомъ я упоминаю во всякомъ случаѣ не въ интересахъ моего самолюбія, но въ интересахъ самой должности, имѣющей, какъ вы сами говорили, только нравственную силу, которую я считаю необходимымъ поддерживать".

Переписка съ Закревскимъ о его отчетѣ по управленію дежурствомъ и о положеніи его въ Финляндіи.

Изъ переписки 1824 г. имѣютъ интересъ письма Закревскаго, какъ характеристика времени и автора. „Напрасно ты думаешь, что желаніе мое имѣть ваши приказы доказываетъ, что я располагаю оставаться въ Финляндіи. Напротивъ, я прежнее имѣю намѣреніе ѣхать туда, пробыть назначенное мною время и показать, что я не упрямъ и готовъ исполнить волю Государя, со мною несправедливо поступившаго. Послѣ двухъ докладовъ по Финляндіи, я еще болѣе убѣдился, что полезенъ быть не могу, и Государь никакъ не полагаетъ, чтобы финны ненавидѣли русскихъ, тогда какъ это замѣтно почти на каждомъ шагу. Впрочемъ, въ званіи моемъ теперешнемъ я не могу оказать никакой пользы моему отечеству, а что финны меня хвалить или ругать будутъ, для меня все равно. Но служа въ своемъ отечествѣ, я иначе думаю и служу для того, чтобы соотечественники трудамъ моимъ отдавали полную справедливость. Вотъ для чего мы живемъ на свѣтѣ. Въ Финляндіи мнѣ будетъ и трудно и скучно; но назначенное время вытерплю, если позволитъ здоровье [2]).

Назначеніе въ Финляндію ему не нравилось еще и потому, что онъ не владѣлъ туземнымъ языкомъ, что́ весьма затрудняло его сношенія съ жителями... „О моемъ здѣсь пребываніи", пишетъ Закревскій, „ничего утѣшительнаго сказать не могу, и шагу нельзя сдѣлать безъ переводчика, не будучи увѣрен-

[1]) 12-го января 1825 г.

[2]) 5-го января 1824 г.

нымъ, то-ли онъ пересказываетъ, что слѣдуетъ. Въ такомъ положеніи управляющему краемъ не слишкомъ-то быть пріятно [1]).“

Какъ добросовѣстный человѣкъ, Закревскій, оставляя мѣсто дежурнаго генерала, напечаталъ отчетъ за все время (8-лѣтнее) управленія своего дежурствомъ и разослалъ этотъ отчетъ своимъ друзьямъ и пріятелямъ, въ числѣ коихъ и Киселеву [2]), который по этому поводу писалъ слѣдующее:

„Мая 3, 1824 г. СПБ.

„Отчетъ твой читалъ пристально и, благодаря за доставленіе, скажу тебѣ, любезный другъ, что въ немъ изложены услуги важныя и предположенія полезныя, что все сказанное подкрѣпляется дѣломъ, и что всѣ единогласно отдаютъ тебѣ полную и заслуженную справедливость; но нѣкоторые находятъ, что печатать не должно было, и что ты забылъ Волконскаго и далъ возможность врагамъ твоимъ подтвердить твоимъ отчетомъ вышеписанное ихъ обвиненіе о гордости твоей и проч. Я полагаю, что печатавъ таковой отчетъ, посвятить его должно было кн. Волконскому и дать форму доклада, на его имя представленнаго; нѣкоторыя мысли рѣзко объясненныя пугаютъ уши, къ тому непривыкшія, но единственно потому, что отчетъ сей напечатанъ, и что онъ такимъ образомъ сдѣлался собственностію публики. Вотъ что слышалъ и что думаю; но все сіе относится къ частностямъ, тогда какъ сущность его показываетъ услуги замѣчательныя и для тебя воспоминанія пріятныя; нѣсколько вѣдомостей, тутъ помѣщенныхъ, я бы устранилъ по незначительности предметовъ въ нихъ поименованныхъ; но затѣмъ я повторяю, что тебѣ и пріятелямъ твоимъ пріятно видѣть, сколь неизмѣнно и обширно успѣхъ наградилъ твое стараніе и твои труды, и сколь потому непріятелямъ твоимъ прискорбно читать отчетъ, служащій имъ отвѣтомъ“.

---

[1]) 10 апрѣля 1824 г.

[2]) При письмѣ отъ 8 апрѣля 1824 г.

Закревскій на эти замѣчанія отвѣчалъ:

„16 ноября, 1824. Гельсингфорсъ.

„Душевно благодарю тебя за искреннее и дружеское мнѣніе о напечатанномъ мною отчетѣ. Вотъ что имѣю возразить на твои замѣчанія. Отчета моего напечатано не болѣе 50 экземпляровъ, для разсылки искреннимъ друзьямъ моимъ и хорошимъ пріятелямъ, что доказываетъ, что я напечаталъ только для избѣжанія огромной переписки. Цѣль моя была сказать имъ: вотъ что́ дѣлалъ я въ теченіи 8 лѣтъ управленія моего порученною мнѣ должностью. Въ одобрительномъ мнѣніи вашемъ, т.-е. людей, коихъ образъ мыслить и чувствовать я уважаю, ищу я себѣ награды; прямаго же честолюбія во мнѣ достаточно, чтобы пренебречь укоризнами враговъ и ихъ нелѣпыми нареканіями. Что же до посвященія отчета моего князю Петру (Волконскому), то послѣдствія отвѣчаютъ уже тебѣ за меня; подвергнувъ себя суду или, лучше сказать, пересудамъ общимъ, какое право имѣлъ я подвергать тому же князя Петра? Впрочемъ, этотъ отчетъ напечатанъ съ подлинныхъ таковыхъ экземпляровъ, поданныхъ: одного Государю, посредствомъ Дибича, другаго же—князю. Измѣненіе состоитъ только въ введеніи. На твое замѣчаніе, что нѣкоторыя мысли, объясненныя рѣзко, пугаютъ уши, къ тому непривыкшія, то мнѣ это кажется не потому, что отчетъ, бывши напечаннымъ, сдѣлался собственностью публики, ибо это предположеніе могло бы только существовать въ случаѣ распродажи онаго или разсылки къ людямъ, для меня равнодушнымъ. Нѣтъ, любезный другъ, не отъ того ли это скорѣе, что истина деретъ всегда слухъ, разнѣженный безпрестанною лестью, и что отъ непривычки слушать таковую за каждое смѣлое обличеніе своего образа мыслей заслуживаетъ нареканія дерзости? Вотъ, любезный другъ, что давно желалъ высказать тебѣ на дружескія замѣчанія. Впрочемъ, ты меня довольно знаешь, чтобы быть увѣрену, сколь, повторяю, равнодушенъ я къ пересудамъ или жолчныхъ завистниковъ, или праздношатающихся, жужжащихъ отъ нечего дѣлать. Когда убѣжденъ въ справедливости моего дѣла, готовъ я говорить и

оглашать истину, а настаивая на ней, никогда не опасаюсь раздражать людей, противно мнѣ мыслящихъ и въ семъ случаѣ даже и тѣхъ, которые призваны были нѣкогда къ управленію частей, о которыхъ говорю я въ отчетѣ, и которые такъ безсовѣстно обманываютъ ожиданія правительства и согражданъ своихъ. Я надѣюсь, любезный другъ, что это письмо застанетъ тебя въ Тульчинѣ, и что по возвращеніи твоемъ ничто не будетъ помѣхою къ возобновленію нашей переписки, по прежнему, посредствомъ Булгакова. Вотъ человѣкъ чистѣйшей нравственности и неизмѣняющійся ни отъ какихъ обстоятельствъ. Много ли въ нашъ славный вѣкъ найдешь людей съ такою ясною душою?"..

Вступивъ въ управленіе Финляндіею, Закревскій на первыхъ же порахъ замѣтилъ антагонизмъ между туземцами и русскими и положилъ себѣ задачею сблизить эти два элемента и тѣмъ устранить ошибку своихъ предмѣстниковъ, поселившихъ этотъ антагонизмъ. Вотъ его любопытное сообщеніе о финляндской жизни вообще, а также о бѣдственномъ положеніи нашихъ офицеровъ, служащихъ въ Финляндіи [1]: „....Я лѣтніе мѣсяцы мучился, объѣзжая Финляндію. Хотѣлось все вдругъ осмотрѣть, не теряя времени. Теперь веду жизнь однообразную. Общества для меня здѣсь совсѣмъ нѣтъ, ибо нѣтъ русскихъ. Что же касается до здѣшнихъ уроженцевъ, то, если бы и нашлись между ними люди съ достоинствомъ, то частныя сношенія наши не могутъ быть пріятны, находясь въ необходимости вести таковыя посредствомъ третьяго. Ты спрашиваешь, доволенъ ли я своею Чухною, и что у меня творится? Къ прискорбію, долженъ сказать, что не столько чувства прежней ихъ самобытности, какъ безсмысленные поступки предмѣстника моего закоренили въ Финляндцахъ вражду ко всему русскому. Г-нъ Штейнгель [2]) не только съ равнодушіемъ нѣмца смотрѣлъ на непріязненныя ихъ соотношенія съ русскими, находящимися въ здѣшнемъ краю на службѣ, но поддерживалъ ихъ и даже въ сношеніяхъ своихъ

---

[1]) 16 ноября, 1824 г.

[2]) Предмѣстникъ Закревскаго.

съ людьми обѣихъ націй. Онъ, казалось, напрягалъ усилія свои, дабы противопоставить однихъ другимъ. Устанавливая зимою дни въ недѣлѣ, на которые Русскіе и Финны съѣзжались каждые порознь, потворствовалъ народной и разогорченной гордости послѣднихъ, которымъ даже часто предоставлялъ преимущества надъ Русскими. Послѣдствія такого образа поведенія естественны: Финны отчудились совершенно Русскихъ; офицеровъ нашихъ, и такъ уже достаточно наказанныхъ ссылочною ихъ здѣсь жизнію, къ себѣ не принимаютъ, дѣлая однимъ словомъ все, что̀ отъ нихъ зависитъ, чтобы не сблизиться съ нашими. Ты можешь себѣ представить, какъ, съ пріѣзда моего сюда, я стараюсь дать всему этому иное направленіе. На вечерахъ моихъ являются офицеры наши въ большомъ множествѣ, несмотря часто на неумѣнье и неловкость ихъ отъ казарменной жизни въ свѣтскомъ обращеніи. Я не пропускаю ни одного случая напоминать этимъ Шведамъ великодушіе, которымъ они одолжены Государю, и что благодарность ихъ можетъ отчасти излиться въ общественныхъ и дружескихъ ихъ сношеніяхъ съ русскими. Что же касается собственно до меня, то мнѣ жаловаться никакъ нельзя. Всѣ стараются исполненіемъ моихъ желаній доказывать готовность свою содѣйствовать моимъ видамъ, къ достиженію скораго отправленія правосудія и соблюденію необходимой точности въ другихъ отрасляхъ управленія Финляндіею. Судопроизводство здѣшнее все основано на ложныхъ началахъ и часто противно здравому смыслу. Я не распространяюсь съ тобою о семъ предметѣ; надѣюсь разсказать объ ономъ при первомъ нашемъ свиданіи. Положеніе русскихъ офицеровъ, здѣсь находящихся, ужасно и гораздо даже хуже солдатскаго. Послѣдніе получаютъ порціонныя деньги, на каждый полкъ по 20 т. р.; многіе изъ офицеровъ отказываютъ себѣ въ деньщикѣ, чтобы отпускаемымъ на него провіантомъ замѣнить хотя сколько нибудь свои недостатки. Ты легко можешь себѣ представить, какъ такое неимущее состояніе ихъ, отдаленіе отъ родины и совершенное лишеніе гостепріимства, должны сильно дѣйствовать на ихъ нравственность. Добавь къ тому, что они без-

престанно имѣютъ передъ глазами финскія войска, которыя собираются только на 6 недѣль въ году, занимая остальную часть года: рядовые—работая на себя или обращаясь къ различнымъ промысламъ; офицеры же—занимаясь хозяйствомъ. Однимъ словомъ, живутъ для себя и какъ хотятъ на окладѣ четверномъ противъ жалованья, получаемаго Русскими. Напиши мнѣ: какъ съѣздилъ ты и какъ нашелъ дѣла по возвращеніи своемъ? Въ первыхъ числахъ января думаю отправиться въ раззоренный отъ наводненія Петербургъ, помышляя съ удовольствіемъ, что въ числѣ тѣхъ людей, съ которыми можно отдыхать душою, встрѣчу и тебя...“

ГЛАВА IX.

1824 г.

Отчетъ по управленію арміею съ 1819—1823 г.—Цѣль отчета и его содержаніе. — Устройство штаба. — Составленіе картъ. — Собраніе статистическихъ свѣдѣній. — Описаніе войнъ съ Турціею. — Школа кантонистовъ и топографовъ.—Строевая часть.—Инспекторскіе смотры.—Сводный учебный баталіонъ.—Наставленія для командованія этимъ баталіономъ.—Ограниченіе тѣлесныхъ наказаній.—Жандармскій эскадронъ.—Ограниченіе выбора людей изъ полковъ въ гвардію.—Забота о неприсылкѣ бродягъ въ армію —Стрѣльба въ цѣль.—Гарнизонная служба.—Лагерная служба.—Линейное ученіе и маневры.—Начальствующія лица и подчиненныя.—Взаимныя отношенія войскъ и жителей.—Сбереженіе людей.—Дѣятельность по этой части Сабанѣева.—Аттестація офицеровъ; испытанія поступающихъ въ юнкера.—Школа юнкеровъ при штабѣ.—Лицеи при корпусахъ.—Образованіе нижнихъ чиновъ; ланкастерскія школы.—Награды и взысканія.—Производство въ чины офицеровъ по способности и заслугамъ.—Порядокъ производства въ унтеръ-офицеры.—Предположеніе о порядкѣ объявленія Высочайшихъ милостей и наградъ.—Хозяйственная часть.—Начеты на полковыхъ командировъ.—Улучшеніе оружія.—Продовольственная часть.—Военно-судная часть.—Медицинская часть.—Полиція.

Вторая армія, расположенная съ самаго окончанія французскаго похода на границахъ Имперіи, вдали отъ столицъ, оставалась чуждою улучшеній, которыя принимались въ другихъ частяхъ войскъ. Близость Турціи, съ которою Россія всего чаще вела войны, давала поводъ предполагать, что 2-я армія, какъ-бы временно, расположена по квартирамъ для отдыха, причемъ о постоянныхъ заведеніяхъ и вообще о какихъ-либо правильныхъ занятіяхъ никто не думалъ. Такой взглядъ былъ настолько общимъ, что это отражалось даже въ устройствѣ главнаго штаба арміи, который не имѣлъ ни удобнаго помѣщенія, ни порядочнаго распредѣленія дѣлъ.

Приготовленія къ смотру Государя въ 1818 году и самый смотръ нѣсколько оживили дѣятельность, указавъ цѣли, къ которымъ слѣдовало стремиться. Пріѣздъ новаго главнокомандующаго, графа Витгенштейна, а затѣмъ и новаго начальника главнаго штаба окончательно вывели армію изъ того бездѣйствія, въ которомъ она находилась вслѣдствіе взгляда, что положеніе ея въ то время было лишь временное, какъ отдыхъ въ ожиданіи грядущихъ подвиговъ.

Отчетъ по управленію арміею.

Собираясь въ отпускъ на продолжительное время и даже съ мыслію оставить свое мѣсто, Киселевъ составилъ отчетъ объ управленіи 2-ю арміею съ 15-го мая 1819 г. по 1-е января 1824 г.; отчетъ этотъ даетъ возможность представить полную картину преобразованій, сдѣланныхъ Киселевымъ со времени вступленія его въ должность начальника штаба. Преобразованія эти дѣлались не случайно, а по обдуманному напередъ плану. Мы видѣли выше, что Киселевъ при самомъ вступленіи въ должность начальника штаба сталъ усердно учиться; тогда же онъ обдумывалъ и планъ будущихъ дѣйствій по устройству арміи. Въ одномъ изъ писемъ Д. Давыдовъ пишетъ: „Каталогъ (планъ) твой о нынѣшнихъ и будущихъ занятіяхъ весьма хорошъ. Дай Богъ тебѣ исполнить все, что предполагаешь, ибо званіе твое имѣетъ цѣлію общую пользу“.

Цѣль отчета.

Отчетъ Киселева былъ составленъ съ цѣлью, чтобы опредѣлить: а) не было-ли чего упущено изъ вида, и какъ эти недостатки исправить; б) какимъ образомъ употреблены были время и имѣвшіяся средства; в) вообще, въ какомъ духѣ дѣйствовало управленіе арміею. Всѣ свѣдѣнія сгруппированы въ слѣдующіе отдѣлы: 1) устройство штаба, 2) строевая часть, 3) распорядительная, 4) хозяйственная, 5) военно-судная, 6) медицинская, 7) полиція, 8) внѣшняя безопасность.

Устройство штаба.

Въ 1819 году дежурство, квартирмейстерская часть и прочіе отдѣлы штаба были размѣщены по жидовскимъ корчмамъ, или по домамъ чиновниковъ, отчего не было и не могло быть быстроты и аккуратности въ исполненіи служебныхъ обязанностей.

Стараніями Киселева владѣлецъ мѣстечка графъ Потоцкій

дозволилъ занять два большія зданія подъ помѣщеніе штаба и школъ учебнаго баталіона.

Уложеніе о большой дѣйствующей арміи, составленное для военнаго времени, устанавливало такое распредѣленіе дѣлопроизводства, при которомъ въ мирное время однѣ отдѣленія штаба были завалены работою свыше силъ, а другія бездѣйствовали; въ тоже время по нѣкоторымъ дѣламъ дѣлопроизводство распредѣлялось между нѣсколькими отдѣленіями. Чтобы устранить эту неурядицу, Киселевъ установилъ правила соблюденія наружнаго порядка въ отдѣленіяхъ, сдѣлалъ новое распредѣленіе дѣлопроизводства, сосредоточивъ въ канцеляріи начальника главнаго штаба дѣла, подлежащія особой обработкѣ, секретныя и требующія быстраго исполненія.

Вмѣстѣ съ распредѣленіемъ дѣлъ по отдѣленіямъ, для каждаго изъ нихъ опредѣлены были всѣ срочныя занятія и приняты мѣры, чтобы всѣ части арміи своевременно доставляли въ штабъ необходимыя свѣдѣнія.

Съ удобнѣйшимъ помѣщеніемъ квартирмейстерской части, представилась возможность устроить чертежную, въ которой занятія офицеровъ пошли съ большею дѣятельностію.

Составленіе картъ.

Въ періодъ съ 1819 по 1824 годъ были составлены и вычерчены слѣдующія карты: генеральная карта южной части Россіи въ районѣ расположенія 2-й арміи; топографическія карты губерній: Подольской, Херсонской, части Кіевской, и Бессарабской области; маршрутная карта пространства, занимаемаго 2-ю арміею, и карта окрестностей Тульчина; топографическая карта главнѣйшимъ дорогамъ въ части Валахіи, Болгаріи и Румеліи; топографическая карта Европейской Турціи съ сопредѣльными ей владѣніями Австріи и Россіи. Свѣдѣнія по топографіи собирались офицерами квартирмейстерской части во время производства съемокъ и обозрѣній.

Собраніе статистическихъ свѣдѣній.

Такъ какъ свѣдѣнія по предметамъ, относящимся собственно до статистики, могли собираться неиначе, какъ при посредствѣ мѣстнаго гражданскаго начальства, то Киселевъ отнесся ко всѣмъ гражданскимъ властямъ съ приглашеніемъ содѣйствовать въ трудѣ равно полезномъ, какъ для гражданскаго,

такъ и военнаго вѣдомства. Но исполненіе такого требованія встрѣчало большія затрудненія, какъ вслѣдствіе неустройства гражданской администраціи въ южной Россіи, такъ и въ невѣжествѣ чиновниковъ, которые сочиняли свѣдѣнія, не умѣя ихъ внести въ особо составленныя для сего таблицы.

При такомъ положеніи дѣла, было обращено вниманіе прежде всего на собраніе свѣдѣній, имѣющихъ военное значеніе, которыя могутъ относиться только до познанія мѣстныхъ удобствъ и чрезъ то содѣйствовать выгодному расположенію войскъ, равно какъ и по описательной топографіи, служащія къ поясненію картъ.

Описаніе войнъ съ Турками.

Съ первыхъ же дней управленія штабомъ, Киселевъ, какъ мы упоминали выше, приступилъ съ жаромъ къ описанію минувшихъ походовъ противъ Турокъ, причемъ, вслѣдствіе расположенія арміи, представлялась возможность сличать составляемое описаніе съ мѣстоположеніемъ и повѣрять самое описаніе свѣдѣніями, которыя могли доставлять участники въ этихъ походахъ, находившіеся въ составѣ 2-й арміи или въ краю ею занимаемомъ.

„Возможность успѣховъ въ этомъ трудѣ,—говорится въ отчетѣ,—заставила начертать для него весьма обширный планъ, состоявшій въ томъ, чтобы обстоятельнымъ описаніемъ каждаго похода отъ временъ Петра Великаго, во всѣхъ частяхъ устройства, управленія, довольствія и движенія арміи, показать вѣрнѣйшимъ образомъ мѣры, принятыя полководцами и послѣдствія успѣшныя, или неудачныя, происшедшія отъ того. Словомъ, мысль была та, чтобы изъ прошедшихъ опытовъ извлечь самое общее поученіе для будущихъ дѣйствій“.

„Поэтому предпринятое описаніе должно было имѣть полноту несвойственную прочимъ сочиненіямъ, изданнымъ военными писателями, въ которыхъ обыкновенно обращалось вниманіе только на тактику и стратегію. Оно должно было въ отдѣльныхъ частяхъ представлять всѣ вообще военныя распоряженія и тѣмъ показывать новому полководцу то, чему онъ долженъ слѣдовать и чего остерегаться“.

„Чтобы достигнуть цѣли въ такомъ общеполезномъ дѣлѣ,

слѣдовало: 1) употребить усиліе къ обогащенію возможно большимъ числомъ точныхъ и правдивыхъ матеріаловъ и 2) эти матеріалы привесть въ систему, представляющую все нужное съ надлежащею краткостью".

Приступая къ столь серьёзному, по своему значенію, труду' которому предполагалось дать обширное развитіе, Киселевъ обратился съ просьбою о содѣйствіи и совѣтахъ ко всѣмъ тогдашнимъ военнымъ авторитетамъ и начальствующимъ лицамъ и, между прочимъ, къ бывшему впослѣдствіи министромъ финансовъ, графу Канкрину.

Пользуясь пребываніемъ Пестеля въ Петербургѣ (въ концѣ 1819 и началѣ 1820 г.), Киселевъ просилъ его прислать ему каталогъ книгъ, относящихся до войнъ въ Турціи. Исполняя порученіе Киселева, Пестель выслалъ ему каталоги книгъ (на французскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ, латинскомъ и италіянскомъ языкахъ), плановъ и картъ, и, между прочимъ, писалъ: [1]) „Вы найдете въ этихъ каталогахъ книги, касающіяся войнъ Турокъ съ Византійцами. „Объ этихъ войнахъ слѣдуетъ имѣть свѣдѣнія потому, что предметъ ихъ очень близко касается того, что вы избрали для своего труда. Я весьма буду польщенъ всякимъ порученіемъ вашимъ, въ особенности по этому предмету, ибо я нахожу, что выборъ работы, вами сдѣланный, превосходенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Во время мира нѣтъ для военнаго человѣка ничего почетнѣе, похвальнѣе и приличнѣе, какъ свободное отъ службы время посвятить занятію научными предметами, такими, какъ исторія войнъ, столь интересная и столь близко относящаяся къ военному искусству; во-вторыхъ, такая работа выкажетъ въ блестящемъ видѣ штабъ арміи, которая, по своему положенію, какъ-бы назначена для войнъ съ народомъ, о которомъ идетъ рѣчь; — и въ-третьихъ, польза такой работы доставитъ истинную славу тѣмъ, кто ею займется и преимущественно начальнику".

Получивъ чрезъ князя Волконскаго разрѣшеніе заимствовать свѣдѣнія изъ всѣхъ государственныхъ архивовъ, Киселевъ

---

[1]) отъ 31-го января 1820 г.

поручилъ это дѣло въ Москвѣ и Петербургѣ нѣсколькимъ офицерамъ.

По мѣрѣ того, какъ одни офицеры собирали матеріалы, другіе приводили ихъ въ порядокъ и, по возможности, сводили въ одно цѣлое. Весь трудъ, подъ надзоромъ полковника Бурцева, раздѣленъ былъ на четыре части, царствованіямъ Государей, и каждая эпоха поручена была особому офицеру, который дѣйствовалъ по общему плану. Къ этому слѣдуетъ присоединить, что все драгоцѣнное собраніе матеріаловъ, находящихся нынѣ въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба, было совершено безъ всякихъ отъ казны издержекъ.

Школа кантонистовъ и топографовъ.

Въ половинѣ 1819 года при штабѣ была учреждена школа кантонистовъ и топографовъ, съ цѣлью образовать рисовальщиковъ, способныхъ облегчить занятія офицеровъ квартирмейстерской части при штабѣ. Впослѣдствіи, съ переименованіемъ болѣе способныхъ учениковъ въ топографы, съ 1822 года начали имъ преподавать науки, присвоенныя корпусу топографовъ. Въ лѣтнее время топографы отправлялись съ офицерами на глазомѣрную и инструментальную съемки въ Подольской губерніи, въ которыхъ пріобрѣли весьма положительныя свѣдѣнія.

Строевая часть.

По строевой части вниманіе Киселева прежде всего было обращено на инспекторскіе смотры.

Инспекторскіе смотры.

По мнѣнію его, годичныя занятія войскъ должны оканчиваться осмотромъ главнаго начальника, безъ чего усердіе охлаждается, и всѣ чины, привыкшіе къ замѣчаніямъ своихъ ближайшихъ начальниковъ, дѣлаются равнодушными къ службѣ. Еще болѣе вреда, если осмотръ главнаго начальника не влечетъ за собою ничего опредѣленнаго. „Общія похвалы, или общіе упреки, будучи въ своемъ существѣ равно несправедливыми, разжигаютъ негодованіе въ достойныхъ и, оковавъ ихъ дѣятельность, лишаютъ все войско соревнованія къ отличію — сильнѣйшей пружинѣ во всѣхъ успѣхахъ“.

Въ такомъ порядкѣ производились смотры во 2-й арміи до 1819 года. Проходили годы, что главнокомандующій не видѣлъ своей арміи; при смотрахъ же его, обыкновенно, или

все хвалилось, или не дѣлалось никакого отзыва, ни на мѣстѣ смотра, ни впослѣдствіи въ приказахъ. Поэтому и донесенія Государю о состояніи арміи были до того неясны, что Онъ бывалъ вынужденъ посылать флигель-адъютантовъ, для осмотра войскъ въ мѣстахъ ихъ расположенія. „Безнаказанность за неисправности и недостатки въ полкахъ ободряла частныхъ начальниковъ слѣдовать примѣру главнаго, и инспекторскіе смотры существовали лишь по названію“.

Съ перемѣною управленія въ 1819 году, осмотръ войскъ во 2-й арміи былъ подчиненъ точнымъ правиламъ, соблюдавшимся весьма строго; въ нихъ были опредѣлены всѣ требованія и установлена полная откровенность и гласность въ отзывахъ о состояніи войскъ. Первые смотры 1819 года были направлены исключительно на обученіе войскъ; прочаго еще нельзя было требовать. Послѣ смотра были составляемы подробныя замѣчанія по каждой части и какъ недостатки, такъ и достоинства были тогда же объявляемы въ приказахъ по арміи. За большія упущенія даже отнимались полки и баталіоны. Подобный осмотръ, давая вѣрное понятіе о состояніи арміи, доставлялъ возможность составить подробное Государю донесеніе, въ которомъ съ полною откровенностью излагались всѣ отличительныя черты каждой отдѣльной части войскъ. Закревскій писалъ [1]) Киселеву: „Подробное, ясное и краткое описаніе о состояніи арміи, а равно и отданный приказъ, такъ хороши, что ты всегда такъ пиши. Тутъ ничего не упущено и читать будутъ безъ труда. Хорошо дѣлаешь, что благодарите дивизіи, бригады и полки не по заведенному порядку, а по заслугамъ. Отъ этого можно ожидать пользы; на недовольныхъ же не смотрите“.

Въ послѣдующіе годы постоянно соблюдались тѣже правила, таже взыскательность и гласность. Въ 1820 году предписано было корпуснымъ и дивизіоннымъ командирамъ произвести инспекторскіе смотры, причемъ для сего было составлено общее руководство, извлеченное изъ положеній, существующихъ на этотъ предметъ. Руководство это было представлено

[1]) Письмо отъ 18-го ноября 1819 г.

Государю. Въ 1821 году главнокомандующій нашелъ необходимымъ лично опрашивать людей для повѣрки, исполняются ли распоряженія его относительно обращенія начальниковъ съ нижними чинами. Съ этого времени смотры получили видъ дѣйствительно инспекторскихъ. Польза не замедлила обнаружиться. „Нижніе чины, видѣвшіе въ главнокомандующемъ власть, совершено для нихъ отвлеченную, часто объявляли такія жалобы, которыя скрывали отъ дивизіонныхъ и корпусныхъ командировъ, изъ опасенія подвергнуться жестокому гоненію".

„Понятія ихъ о близкихъ начальникахъ, укоренившіяся временемъ, могли быть исправлены только предпринятыми мѣрами, и злоупотребленія стали оказываться въ ихъ полномъ видѣ, зачѣмъ слѣдовали и соразмѣрныя взысканія. Но въ противуположность этому, усердіе и попечительность начальниковъ удостоивались примѣрныхъ наградъ".

„Результатомъ смотровъ было уменьшеніе злоупотребленій, и довольство людей стало замѣтно на лицахъ; добрая воля возросла и усилилась безгласная покорность начальству въ увѣренности, что справедливость всегда восторжествуетъ."

Усиленіе инспекторскихъ смотровъ вызвало, однако, со стороны Сабанѣева, командира 6-го корпуса, слѣдующія замѣчанія: остановившись на причинѣ недостаточной боевой подготовки войскъ, Сабанѣевъ находилъ, что она кроется въ отвлеченіи ихъ отъ прямыхъ обязанностей службы смотрами, передѣлкою аммуниціи и проч. Впрочемъ, такой неблагопріятный отзывъ относился исключительно къ начальникамъ, потому что вслѣдъ за симъ Сабанѣевъ писалъ: „Къ войнѣ, кромѣ начальниковъ, всѣ готовы. Только надо солдата поберечь и, готовясь къ смотру, не мучить. Вотъ это мое любимство [1]."

Недостатокъ однообразія, необходимаго условія военнаго устройства, заставилъ обратиться къ устройству при главной квартирѣ своднаго баталіона, въ который были взяты люди отъ всѣхъ полковъ, піонерныхъ баталіоновъ и артиллерійскихъ ротъ. Однообразно обученные и обмундированные въ немъ офицеры и нижніе чины должны были, по возвращеніи въ Сводный учебный баталіонъ.

[1]) Письмо 28 февраля 1822 г.

свои части, передавать другимъ всѣ правила службы и такимъ образомъ доставлять войскамъ средство въ продолженіи зимы обучаться однообразно.

Это послужило причиною, что стали обращать особенное вниманіе на одиночное образованіе солдата, а чтобы обученіе могло производиться безостановочно, независимо отъ погоды, было вмѣнено въ обязанность всѣхъ начальниковъ построить при штабъ-квартирахъ, даже и при ротахъ, *учебные домы.*

Такъ какъ учебный баталіонъ долженъ былъ сдѣлаться разсадникомъ учителей по всѣмъ сторонамъ военнаго образованія нижнихъ чиновъ, то при немъ были заведены юнкерскія и ланкастерскія школы, школы для горнистовъ, барабанщиковъ и писарей; предполагалось современемъ завести также школу для музыкантовъ. Для командованія баталіономъ дано было подробное наставленіе, въ коемъ были изложены правила сбереженія людей, употребленія наказаній, распредѣленія занятій и проч. Въ правилахъ, между прочимъ, Киселевъ настаивалъ, что ученье должно быть неизнурительно и не вселять въ нижнихъ чинахъ отвращенія къ фронтовымъ занятіямъ. Время ученья должно зависѣть отъ успѣховъ учащихся. Средства, служащія къ побужденію учениковъ, должны состоять въ терпѣливомъ толкованіи правилъ и болѣе въ убѣжденіи и поощреніи, нежели въ угрозахъ и наказаніяхъ. Наказывать тесаками было совершенно запрещено; палки же сохранены для исключительныхъ опредѣленныхъ случаевъ. За своеручные удары солдата въ лицо Киселевъ обѣщалъ взыскивать безъ пощады. „Я увѣренъ“, говоритъ Киселевъ [1]), „что фронтовому дѣлу каждый солдатъ можетъ быть выученъ весьма легко, если учитель дастъ себѣ трудъ ясно растолковать и терпѣливо показать все, что отъ обучаемаго требуется. Поэтому наказанія могутъ опредѣляться только лѣнивымъ, безпечнымъ и шалунамъ. Лѣнивый солдатъ долженъ быть испытанъ разными способами прежде, нежели назначится ему тѣлесное наказаніе. Убѣжденія, стыдъ, неочередная служба, двойное

Наставленіе для командованія учебнымъ баталіономъ.

Ограниченіе тѣлесныхъ наказаній.

---

1) Предписаніе командиру учебнаго баталіона, подполковнику Адамову отъ 31 октября 1820 г.

упражненіе въ ученіи—средства часто дѣйствительнѣе побоевъ, умерщвляющихъ честолюбіе, которое я полагаю сроднымъ всякому, а въ особенности солдату". На этомъ основаніи унтеръ-офицерамъ совершенно было запрещено наказывать солдатъ тѣлесно, а офицеры поставлены въ этомъ отношеніи въ тѣсныя опредѣленныя границы.

Жандармскій эскадронъ.

Жандармскій эскадронъ въ 1819 году представлялъ самое безобразное и нестройное войско. Киселевъ, сдѣлавъ ему инспекторскій смотръ, былъ пораженъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился: ни люди, ни лошади вовсе не соотвѣтствовали своему назначенію. Киселевъ, понимая учрежденіе жандармовъ, какъ отдѣлъ военной полиціи, заслуживающей особеннаго вниманія, не видѣлъ другихъ средствъ къ исправленію эскадрона, какъ его полное переформированіе, т.-е. замѣна прежнихъ людей и лошадей новыми, что́ и было исполнено въ 1820 году.

Ограниченіе выбора людей изъ полковъ въ гвардію.

Вслѣдствіе многочисленнаго и частаго выбора лучшихъ людей изъ армейскихъ полковъ въ гвардію и гренадеры, командиры полковъ теряли охоту образовывать нижнихъ чиновъ, а потому Киселевъ представилъ Государю докладную записку о необходимости комплектовать гвардію и гренадеръ изъ рекрутовъ, выбирая для сего самыхъ видныхъ. Согласно этому представленію, уже въ 1820 году, выборъ людей изъ арміи былъ ограниченъ новымъ положеніемъ, по которому число выбираемыхъ изъ полка ежегодно было назначено не болѣе 5-ти человѣкъ.

Забота о неприсылкѣ бродягъ въ армію.

Желая уничтожить вредное вліяніе бродягъ на прочихъ нижнихъ чиновъ, Киселевъ просилъ о томъ, чтобы бродяги не присылались въ армію, а отдавались въ отдѣльные корпуса. Закревскій писалъ ему по этому поводу: „Ты, желая избавить армію отъ бродягъ, хочешь наградить отдѣльные корпуса, въ коихъ, какъ и въ арміяхъ, множество ихъ. Всѣ просятъ не присылать бродягъ. Куда же ихъ дѣть? Все это имѣемъ въ виду и поэтому составленъ, два года тому назадъ, комитетъ изъ министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ. Но по сіе время нѣтъ никакого слуха. Снабжать сими людьми

крѣпости, значитъ разстроивать порядокъ, тогда какъ и крѣпости ихъ удалятъ, ибо, по множеству такихъ людей, дѣлаются непозволительныя шалости, и чрезъ это страдаютъ несчастные офицеры, которые не въ состояніи внушить имъ добрыя правила. Фальшиво судятъ на счетъ развратныхъ людей. Они, со времени установленія у насъ военной силы, всегда отдавались въ рекруты, и теперь законъ позволяетъ это дѣлать, слѣдовательно, и нельзя армію наполнять святошами. Желательно съ тобою поговорить о семъ лично, и конечно доказалъ бы, что всему виноваты начальники, несмотрящіе за подчиненными какъ должно, и что мы не имѣемъ хорошихъ полковыхъ командировъ, а достойныхъ офицеровъ весьма мало; безъ нихъ же никакая армія существовать не можетъ [1]).

Стрѣльба въ цѣль.

При общемъ исправленіи недостатковъ арміи было обращено особенное вниманіе на одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ военнаго образованія—на стрѣльбу въ цѣль. Первое испытаніе стрѣлковъ на смотру 1819 года показало въ какомъ жалкомъ состояніи находилось искусство стрѣльбы и какъ мало въ этомъ отношеніи было подготовки на случай войны. Всматриваясь въ причины такого положенія стрѣльбы въ цѣль, оказалось, что онѣ, кромѣ недостаточнаго вниманія къ этому дѣлу начальниковъ, заключались также въ неимѣніи положительныхъ правилъ для обученія этому искусству и въ неисправности оружія. Для обученія правиламъ стрѣльбы было составлено „руководство къ цѣльной ружейной стрѣльбѣ“.

Послѣдующіе смотры, на которыхъ стрѣльба въ цѣль строго повѣрялась, показали нѣкоторые успѣхи; но оказалось, что кромѣ нѣсколькихъ ружей, выбранныхъ для стрѣлковъ, остальныя были неисправны, что̀ и побудило принять для сего особыя мѣры, о которыхъ будетъ говориться ниже. Къ смотру Государя въ 1823 году стрѣльба усовершенствовалась на столько, что многіе полки отличились, за что и получили Высочайшія награды.

Гарнизонная служба.

Гарнизонная служба до 1819 года была въ небреженіи. Войска, возвращаясь изъ лагеря на квартиры, обыкновенно предава-

[1]) Письмо 1 апрѣля 1822 г.

лись праздной жизни, и начальники, для облегченія, не требовали исполненія правилъ, предписанныхъ на этотъ случай. Между тѣмъ, для поддержанія дисциплины, необходимо было строго наблюдать за всѣми требованіями службы, какъ бы онѣ ни казались ничтожными; съ этою цѣлью было обращено особенное вниманіе на соблюденіе формы, порядка отданія чести и главное—на караульную службу.

Лагерная служба.

Лагерная служба, будучи изображеніемъ военнаго времени и единственнымъ случаемъ для пріученія войскъ къ осторожности и перенесенію трудной жизни, заслуживала еще бо́льшаго вниманія, чѣмъ служба гарнизонная. Несмотря на такое значеніе лагерной службы, начальство не могло достигнуть желаемаго результата, такъ какъ на этотъ предметъ не существовало никакихъ однообразныхъ правилъ. Въ виду сказаннаго при главномъ штабѣ 2-й арміи приступлено было къ составленію свода уставовъ о лагерной службѣ для всѣхъ родовъ войскъ, и, затѣмъ, по дополненіи его извлеченіями изъ разныхъ сочиненій, сводъ этотъ былъ испытанъ на практикѣ въ теченіи одного лагернаго сбора. По разсмотрѣніи доставленныхъ на этотъ сводъ начальниками разныхъ частей замѣчаній, Киселевъ поручилъ дежурному генералу составить особую коммисію изъ членовъ главной квартиры и нѣкоторыхъ полковыхъ командировъ, для окончательной разработки проекта и напечатанія руководства.

Линейное ученіе и маневры.

Со времени изданія устава о линейномъ ученіи, было поставлено въ обязанность начальникамъ пріучать войска двигаться въ совокупности, большими массами по правиламъ, изложеннымъ въ уставѣ. Для повѣрки, соблюдаются ли онѣ въ точности, было составлено нѣсколько проектовъ линейныхъ ученій, въ которые вошли всѣ требованія уставовъ, и по этимъ проектамъ главнокомандующій на смотрахъ 1820 года приказывалъ исполнять ученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ 1821 года признано было необходимымъ производить маневры, чтобы показать войскамъ употребленіе различныхъ формъ построенія въ зависимости отъ „мѣстоположенія, смѣшенія разныхъ родовъ оружія между собою для взаимной обороны и под-

крѣпленія, и наконецъ направленіе силъ согласно видамъ войны".

Начальствующія лица и подчиненные.

Въ главѣ „распорядительная часть" прежде всего говорится объ отношеніяхъ начальствующихъ лицъ къ подчиненнымъ.

Вѣрныя свѣдѣнія, полученныя при помощи смотровъ, произведенныхъ какъ Киселевымъ, такъ и корпусными, дивизіонными и бригадными командирами, указали, что, къ сожалѣнію, въ арміи было весьма мало начальниковъ, старавшихся, попеченіемъ о подчиненныхъ и примѣромъ неутомимаго усердія къ службѣ и собственнаго повиновенія высшимъ, содержать свои части въ порядкѣ. Напротивъ, „самопроизвольныя тѣлесныя наказанія, употреблявшіяся надъ нижними чинами, отъ ефрейтора до полковаго командира, безъ разбора правъ и вины, доводя наказаніями до отчаянія, принуждали ихъ къ побѣгамъ и даже къ самоубійствамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ грубымъ и дерзкимъ обращеніемъ полковыхъ начальниковъ съ офицерами, послѣдніе лишались благородства и ввергались въ различные пороки и преступленія". Для устраненія такого зла признано полезнымъ правила, данныя для сего учебному баталіону, распространить на всю армію.

Право наказывать было точно опредѣлено, причемъ указано какъ согласовать наказаніе со степенью вины. Исполненіе наказанія должно было производиться при собраніи товарищей и записываться въ штрафную книгу.

Опытъ показалъ, что заботливый начальникъ, безъ палокъ и грубаго обращенія съ нижними чинами, можетъ держать часть въ порядкѣ.—Корпуснымъ командирамъ было предписано наблюдать за исполненіемъ правилъ, не дѣлая ихъ извѣстными нижнимъ чинамъ. На инспекторскихъ смотрахъ нижніе чины опрашивались, причемъ обращалось самое большое вниманіе на жалобы, относящіяся къ злоупотребленію власти и на жестокое обращеніе. Виновные командиры отрѣшались отъ командованія и предавались суду.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращено было вниманіе на то, чтобы въ солдатѣ, при облегченіи положенія, не вкралось непослушаніе; для сего всѣ

жалобы, внѣ инспекторскихъ смотровъ, были строго запрещены.

Взаимныя отношенія войскъ и жителей.

Обращено было вниманіе также и на взаимныя отношенія войскъ и жителей. Частыя жалобы, тѣхъ и другихъ, доказывали, что съ одной стороны войска превышали свои права, съ другой,—что жители, озлобленные нѣкоторыми притѣсненіями, позволяли себѣ противузаконныя дѣйствія:—слѣдовало устранить взаимное озлобленіе. Достигнуть этого возможно было только строгимъ безпристрастіемъ въ разборѣ претензій, при условіи, чтобы виновные были непремѣнно отысканы и подверглись наказанію.

Впослѣдствіи, всѣ чины убѣдились, что нѣтъ ни одной жалобы, дошедшей до начальства, которая не была бы изслѣдована строгимъ образомъ, причемъ всѣ сознали, что въ глазахъ начальства нѣтъ ничего маловажнаго, когда только дѣло идетъ о службѣ. При такомъ послѣдовательномъ и настойчивомъ образѣ дѣйствій, всѣ распоряженія получали особенную силу, благодаря гласности, которая была введена во всѣ части управленія. Выше уже было говорено о томъ значеніи, которое имѣло въ войскахъ введенное обыкновеніе—о всемъ отдавать въ приказахъ.—Эта мѣра значительно усилила способы управленія, и „изгоняя всякую таинственность, внушала достойнымъ подчиненнымъ довѣріе, а неисправнымъ боязнь и опасеніе“.

Сбереженіе людей.

Сбереженіе людей, какъ предметъ первѣйшей важности, находилось подъ постояннымъ наблюденіемъ Киселева. При всякомъ случаѣ, когда оказывалось небреженіе о людяхъ, главное начальство принимало мѣры къ отвращенію зла. Но чтобы еще болѣе вселить въ частныхъ начальниковъ стремленіе къ попеченію о людяхъ, имъ ввѣренныхъ, было постановлено за правило, по истеченіи каждой трети года, объявлять въ приказѣ по арміи убыль, происшедшую въ войскахъ, больными, умершими и бѣжавшими, причемъ тѣмъ начальникамъ, у которыхъ совершенно не было убыли или была незначительная, объявлять благодарность; за посредственую убыль до 10 человѣкъ въ мѣсяцъ съ полка, дѣлалось замѣчаніе; при

большей убыли, происходившей особенно отъ побѣговъ, производилось слѣдствіе и начальники подвергались взысканіямъ.— Главнѣйшее же дѣйствіе относительно сбереженія людей состояло въ томъ, чтобы уменьшить число караульныхъ и конвойныхъ въ крѣпостяхъ.—Этотъ вопросъ уже ранѣе былъ поднятъ Киселевымъ въ одну изъ командировокъ его на югъ Россіи; теперь же предстояло практически рѣшить его. Для этого предписано было конвойнымъ на арестантскихъ работахъ составлять одну общую цѣпь, имѣя ружья заряженными, вслѣдствіе чего наряды значительно сократились.

Установить правильное управленіе и вкоренить въ офицерахъ убѣжденіе, что сбереженіе солдата есть ихъ нравственный долгъ—составляло для Киселева весьма трудную задачу, при выполненіи которой онъ нашелъ себѣ ревностнаго сотрудника въ Сабанѣевѣ, съ которымъ, впрочемъ, во многомъ другомъ не сходился въ мнѣніяхъ.

Дѣятельность Сабанѣева.

Въ виду описаннаго уже бѣдственнаго положенія солдата и непониманія офицерами и начальниками служебныхъ обязанностей, Сабанѣевъ рѣшился идти на встрѣчу существующему злу, и съ этою цѣлью совершилъ поѣздку по полкамъ 16-й и 17-й дивизій для ознакомленія офицеровъ и командировъ съ сущностію требованія службы.—Киселевъ поддерживалъ его въ этомъ намѣреніи. Поѣздка эта, писалъ Сабанѣевъ, въ глазахъ большинства, сдѣлаетъ его „еретикомъ, отступникомъ отъ введеннаго нынѣ порядка службы [1])“. Собирая къ себѣ командировъ полковъ, онъ говорилъ [2]): „Опытъ 4 хъ-лѣтняго командованія моего корпусомъ научилъ меня, что вы, гг. полковые командиры, болѣе или менѣе по преимуществу заботитесь о наружности: много заботъ для смотра, мало для истинной службы. Многіе предметы, безъ коихъ никакое войско существовать не можетъ, оставлены въ совершенномъ небреженіи, напримѣръ: внушеніе каждому его обязанностей, сохраненіе строжайшаго чинопочитанія, сбереженіе здоровыхъ и успокоеніе больныхъ, исправность боевой аммуниціи, искусство

[1]) 7-го декабря 1820 года.
[2]) Письмо отъ 29-го ноября 1820 года.

цѣльной стрѣльбы, безпристрастное назначеніе неспособныхъ, и пр. До сихъ поръ изъяснялъ я о всемъ томъ образъ мыслей моихъ въ приказахъ по корпусу. Но видя, что труды мои остаются тщетными, нашелся вынужденнымъ собрать васъ и говорить съ вами о предметахъ главнѣйшихъ обязанностей вашихъ, имѣющихъ цѣлью существенную пользу отечеству и службѣ". Потомъ прочиталъ свои записки о служебныхъ обязанностяхъ, роздалъ ихъ каждому изъ присутствующихъ и прибавилъ:—„впредь обѣщаю ѣздить безъ всякаго предваренія, и если найду гдѣ нибудь, какое нибудь невыполненіе—откажу отъ службы, что и сдѣлаю непремѣнно".—При этомъ Сабанѣевъ писалъ Киселеву: „Знаю, что мѣра таковой строгости, за невыполненіе правилъ моихъ, начальствомъ не признается и вовлечетъ меня въ непріятности, но иного средства къ достиженію желаемой цѣли не вижу [1])".

Аттестація офицеровъ.

Аттестація офицеровъ, дѣлаемая въ кондуитныхъ спискахъ полковыми командирами и представляемая непосредственно главнокомандующему, безъ участія и повѣрки ближайшаго высшаго начальства, влекла за собою большія неудобства. Часто полковые командиры не соблюдали должнаго безпристрастія и ставили нѣкоторыхъ изъ своихъ офицеровъ въ весьма бѣдственное положеніе тѣмъ, что давали имъ неодобрительную аттестацію. Сдѣлавъ такую аттестацію иногда подъ вліяніемъ минутнаго гнѣва, они тѣмъ самымъ подвергали офицера позорному отставленію отъ службы. Были случаи, что общество офицеровъ, сознавая пристрастіе полковаго командира къ одному изъ своихъ товарищей, рѣшалось исправлять незаслуженное имъ зло тѣмъ, что выдавало ему одобрительное свидѣтельство отъ себя. Такое свидѣтельство, подрывая власть полковаго командира, часто влекло за собою новыя бѣдствія. Для отвращенія такихъ безпорядковъ, приказано было полковымъ командирамъ кондуитные списки представлять по командѣ бригаднымъ, дивизіоннымъ и корпуснымъ командирамъ, которые, разсмотрѣвъ аттестацію офицеровъ, соглашались съ оною, или нѣтъ; затѣмъ уже кондуитные списки

[1]) 29-го ноября 1820 года.

представлялись въ главный штабъ арміи, который, соображаясь съ отмѣтками всѣхъ начальствующихъ лицъ, дѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе. Дурную аттестацію положено было давать только тогда, когда уже за всѣми мѣрами, служащими къ исправленію, полковой командиръ былъ вынужденъ, налагая взысканіе, отдавать о томъ въ приказѣ по полку не менѣе трехъ разъ. Офицеры, отставленные затѣмъ отъ службы, теряли всякое право на претензію, и товарищи не смѣли снабжать ихъ одобрительными свидѣтельствами, подвергаясь въ противномъ случаѣ отданію подъ военный судъ. Послѣ такого распоряженія съ 1819 года не было болѣе ни одной жалобы. Для того же, чтобы имѣть возможность опредѣлять на самостоятельныя должности офицеровъ, вполнѣ отвѣчающихъ своему назначенію, начиная съ 1819 года, требовались отъ начальства секретныя свѣдѣнія о способностяхъ и качествахъ офицеровъ, которые предназначались для такого назначенія.

Испытаніе поступающихъ въ юнкера.

Чтобы избавиться отъ неблагонравныхъ и невѣжественныхъ офицеровъ, которые, поступая на службу изъ необразованныхъ дворянъ, производились по праву старшинства и уже въ офицерскомъ званіи причиняли вредъ службѣ, признано было необходимымъ подвергать молодыхъ людей, поступающихъ въ военную службу, серьёзнымъ испытаніямъ, за чѣмъ должны были наблюдать лица, на обязанности которыхъ было предоставлено право пріема. Для того же, чтобы имѣть возможность всегда провѣрить—кѣмъ юнкеръ былъ принятъ, предписано было въ спискахъ юнкеровъ отмѣчать, кѣмъ именно они были опредѣлены на службу, и кто производилъ экзаменъ.

Школа юнкеровъ при штабѣ.

Такая предосторожность при пріемѣ юнкеровъ еще далеко не устраняла возможности опредѣленія на службу безнравственныхъ и невѣжественныхъ дворянъ, которые потомъ производились въ офицеры; а потому обращено было вниманіе на то, чтобы доставить юнкерамъ образованіе, нужное офицеру. Съ этою цѣлью, въ 1821 году, при учебномъ батальонѣ было собрано до 80 юнкеровъ, порученныхъ, относи-

тельно обученія, вѣдѣнію квартирмейстерской части, а по хозяйственной части командиру учебнаго баталіона. Курсъ обученія въ этой школѣ состоялъ исключительно изъ предметовъ, необходимыхъ для военнаго. Затѣмъ составлено было предположеніе объ учрежденіи болѣе обширнаго заведенія при главной квартирѣ, о чемъ въ 1821 году была подана Государю докладная записка; но какъ на это представленіе никакого рѣшенія не послѣдовало, то первоначальная школа оставалась въ прежнемъ размѣрѣ. Юнкера, въ свободное отъ занятій время, упражнялись въ строевой службѣ и тѣмъ вполнѣ приготовлялись быть полезными офицерами. Съ окончаніемъ втораго года, существованіе школы не представлялось возможнымъ, такъ какъ на донесеніе объ исходатайствованіи ежегоднаго отпуска до 10 т. рублей, поданное кн. Волконскому, разрѣшенія не послѣдовало, а потому школа была закрыта, впредь до новаго распоряженія. Между тѣмъ, по окончаніи Высочайшаго смотра арміи въ 1823 году, Киселевъ вторично представилъ о пользѣ этого учрежденія и просилъ Дибича исходатайствовать Высочайшее соизволеніе. Это дѣло также не имѣло дальнѣйшаго развитія.

Лицеи при корпусахъ.

Еще во время своихъ командировокъ во 2-ю армію, Киселевъ проектировалъ устройство корпусныхъ лицеевъ; одинъ и былъ устроенъ при 6-мъ корпусѣ у Сабанѣева. Киселевъ въ 1819 году возобновилъ ходатайство объ устройствѣ лицеевъ, на что кн. Волконскій отвѣчалъ [1]): „Я очень радъ сообщить вамъ, любезный Киселевъ, что Государь очень доволенъ вашимъ представленіемъ объ учрежденіи учебныхъ заведеній въ корпусахъ, дивизіяхъ, полкахъ и баталіонахъ, и все одобрилъ; но въ тоже время Его Величество поручилъ мнѣ передать вамъ, относительно лицея, что подобное учрежденіе, нѣтъ сомнѣнія, принесетъ только пользу, если цѣль его будетъ точно выполнена и исключительно для военной службы, если не будутъ примѣшивать въ преподаваніи молодымъ людямъ политику и разныя конституціонныя идеи, которыя теперь въ большой модѣ. Отдавая полную справедливость вашему уму, Го-

[1]) Письмо отъ 14 декабря, 1810 г. изъ Тропау.

сударь предоставляетъ дѣло собственно вашему сужденію, вполнѣ увѣренный, что вы не только изъ чувства долга, но и изъ преданности къ особѣ Его Величества, постараетесь, чтобы образованіе молодыхъ людей ограничивалось лишь тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ знаніямъ, необходимымъ военному, не вдаваясь въ политику. Въ особенности надо имѣть наблюденіе за преподаваніемъ исторіи и географіи, чтобы учитель не слишкомъ входилъ въ подробности о разнаго рода правленіяхъ".

Въ отвѣтъ на это письмо, Киселевъ писалъ [1]): „Въ моемъ рапортѣ я говорилъ вамъ о недостаткахъ образованія нашихъ офицеровъ; теперь же я вамъ скажу, что чувствуемъ недостатокъ не только въ субалтернъ-офицерахъ, способныхъ управлять солдатами, но и старшіе офицеры—полковые командиры большею частію того же закала. Невѣжество этихъ господъ ужасно, особенно когда подумаешь, что рано или поздно они будутъ командовать тысячами человѣкъ, обязанныхъ имъ повиноваться, и которые въ дѣйствительности безпрекословно повинуются только такимъ начальникамъ, которыхъ уважаютъ. Кадетскіе корпуса для арміи недостаточны. Наши армейскіе полки въ своихъ рядахъ не видятъ офицеровъ, выпущенныхъ изъ корпусовъ, и все что въ дворянствѣ есть мало-мальски образованнаго, толпами идетъ въ гвардію и избранныя войска. Контингентъ армейскихъ офицеровъ остается пополнять лишь тѣми, которыхъ бѣдность заставляетъ искать службы, какъ средства существованія и которые нисколько не отличаются отъ тѣхъ, командовать надъ которыми они призваны. Въ польскихъ и южныхъ провинціяхъ это зло еще чувствительнѣе: въ первыхъ —по причинѣ господствующаго духа, удаляющаго отъ такой службы мало-мальски достаточныхъ дворянъ; въ послѣднихъ —по бѣдности помѣщиковъ и по недостатку заведеній для образованія ихъ дѣтей. По всѣмъ этимъ уваженіямъ, мнѣ кажется необходимо учрежденіе школы для молодыхъ людей, поступающихъ на службу изъ этихъ губерній. Лучше всего было бы учредить центральную школу для всей арміи; но при недо-

[1]) 14 января 1821 года.

статкѣ средствъ, хорошо было бы учредить по одной школѣ при каждомъ корпусѣ. Лицей Сабанѣева заслуживаетъ одобренія только за намѣреніе, такъ какъ недостатокъ чувствуется во всемъ. Что же касается до принциповъ, на которыхъ онъ учрежденъ, то могу васъ увѣрить, что нѣтъ ничего невиннѣе и все обученіе ограничивается лишь необходимымъ для субалтернъ-офицера. Учитель языковъ, географіи и исторіи, извѣстный полковникъ Кюдеръ—старикъ 65 лѣтъ, знающій только требуемое для перваго класса; офицеръ генеральнаго штаба преподаетъ математику, а корпусный вагенмейстеръ—русскій языкъ. Вотъ все, чему учатъ и что знаютъ весьма несовершенно. Начальникъ корпуснаго штаба, наблюдающій за порядкомъ и поведеніемъ, достойный офицеръ и человѣкъ положительнаго характера. Въ продолженіи года, я видѣлъ школу три раза, и по ученикамъ, находящимся теперь въ учебномъ баталіонѣ, знаю въ подробности ихъ образованіе. Вообще, могу васъ увѣрить, что духъ времени не проникъ въ армію, политика не имѣетъ на нее никакого вліянія. Смѣю надѣяться, что такъ будетъ и продолжаться, и что клевета, сдѣлавшая мнѣ много зла, не осмѣлится затмить истину, которую я вамъ высказываю". Упомянутая выше школа юнкеровъ и была попыткою осуществить предположеніе о центральномъ лицеѣ.

Образованіе нижнихъ чиновъ; ланкастерскія школы.

Необходимость образованія для разныхъ служебныхъ должностей, занимаемыхъ нижними чинами, побудила принять мѣры къ тому, чтобы и эти послѣдніе могли получить необходимыя свѣдѣнія въ грамотѣ и счетѣ. Предполагалось обучать унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, отличившихся поведеніемъ и знаніемъ службы, для того, чтобы приготовить изъ нихъ способныхъ писарей и фельдфебелей. Для этого въ 1820 году были устроены школы по методѣ взаимнаго обученія (ланкастерскія), какъ обѣщавшія скорѣйшій успѣхъ и самыя дешевыя. Собственно, возникновеніе этихъ школъ было дѣломъ нѣкоторыхъ командировъ, за примѣромъ которыхъ послѣдовали другіе.

Киселевъ находилъ необходимымъ всѣ эти учрежденія привести въ порядокъ. По этому дѣлу онъ писалъ кн. Волконскому [1]):

[1]) Отъ 14-го января 1821 г.

„Все сосредоточивается около главной квартиры и отъ нея же исходятъ всѣ распоряженія. Офицеры квартирмейстерской части — мои главные помощники. Чрезъ нихъ я въ подробности знаю все, что дѣлается. Планъ этихъ школъ при семъ прилагаю... Положенное число учениковъ не будетъ увеличено въ теченіи года; но только часть ихъ, послѣ 10-мѣсячнаго ученія, судя по всѣмъ даннымъ, можетъ выучиться читать и писать. Этого числа совершенно достаточно, потому что, по моему мнѣнію, образованіе дѣйствительно полезно только для людей, призванныхъ командовать другими; обязанные же повиноваться, могутъ безъ него обойтись и даже слушаются лучше“.

Школы не дали ожидаемыхъ результатовъ, потому что не вполнѣ привились; но при всемъ томъ такихъ школъ въ 1824 году было 45, кромѣ школы учебнаго баталіона, существовавшей безпрерывно. Какъ кажется, отдѣльно существующихъ школъ не было, а если и были, то очень въ маломъ числѣ; большинство же школъ составляло одно цѣлое съ учебными командами.

Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ учредителей ланкастерскихъ школъ былъ М. Орловъ. Вотъ что онъ писалъ Киселеву по поводу инструкціи объ учебныхъ командахъ при дивизіи [1]): „Инструкцію сдѣлалъ давно и во многомъ съ тобою согласенъ. Одна только разница: твой предметъ только фронтовой, а мой и нравственный. Я хочу, чтобы всѣ чины, выходя изъ сей команды, перенесли бы къ себѣ другой образъ дѣйствій и мыслей. Поймешь-ли ты меня?...“ На школы у Орлова было собрано 13,200 руб. въ годъ; кромѣ того, лично онъ принималъ участіе въ составленіи руководствъ.

„У меня теперь много и частныхъ занятій. Знаешь-ли что? сочиняю грамматику! Вотъ куда чортъ меня дернулъ! Уже много сдѣлано и примѣнено къ ланкастерской методѣ, которая можетъ быть въ нашемъ отечествѣ будетъ когда-нибудь орловскою методою, ибо я теперь все нормальное ученіе преклоняю къ оной, что̀ будетъ совершеннымъ изобрѣтеніемъ, ибо нигдѣ еще не сдѣлано въ самой образованной Европѣ“... Ранѣе на-

[1]) Письмо 17-го ноября 1820 г.

значенія начальникомъ дивизіи, еще въ Кіевѣ, Орловъ устроилъ едва-ли не первыя въ Россіи училища взаимнаго обученія для кантонистовъ [1]).

Увлеченіе передовыхъ людей того времени такъ называемымъ взаимнымъ обученіемъ и послѣдовавшія затѣмъ событія 1825 года, въ которыхъ многіе были замѣшаны изъ поборниковъ ланкостерскихъ школъ привели къ тому, что на школы эти стали смотрѣть съ предубѣжденіемъ, даже враждебно, какъ на источникъ той заразы, которая проявилась въ прискорбныхъ исторіяхъ, повторявшихся разновременно въ различныхъ частяхъ войскъ. Умѣренность, вѣрнѣе, сдержанность, съ которою всегда относился къ этому дѣлу Киселевъ, лучше всего характеризуютъ его практическій тактъ.

Награды и взысканія.

Направляя всю дѣятельность свою къ тому, чтобы водворить въ арміи строгій порядокъ и исполнительность, Киселевъ считалъ одною изъ дѣйствительныхъ къ тому мѣръ награды и взысканія. Послѣ всякаго смотра, усердіе начальниковъ получало соотвѣтственное возмездіе. Достойнѣйшіе были представляемы къ наградамъ за *отличіе,* чѣмъ возбуждалось рвеніе прочихъ; а съ другой стороны, нерадѣніе подвергалось примѣрному взысканію. Возбужденіе соревнованія было постояннымъ предметомъ заботливости высшаго начальства арміи.

Производство въ чины не по старшинству, а по способности и заслугамъ.

Полагая основаніемъ производства не старшинство, а способности и заслуги, Киселевъ подалъ Государю записку, въ которой излагались преимущества штабъ-офицерскихъ чиновъ и необходимость производить въ этотъ чинъ только истинно полезныхъ для службы офицеровъ. Впослѣдствіи объявлена была Высочайшая воля (въ 1821 г.) о производствѣ въ штабъ-офицеры неиначе какъ по способностямъ и заслугамъ. Наконецъ, правило *заслуги,* а не *выслуги* примѣнено было въ полкахъ 2-й арміи и при производствѣ въ прапорщики (1823 годъ).

Порядокъ производства въ унтеръ-офицеры.

Обращено было особенное вниманіе также и на производство нижнихъ чиновъ въ унтеръ-офицеры и смѣщеніе ихъ въ рядовые, о чемъ представлена была докладная записка Государю. Для того, чтобы быть увѣреннымъ, что въ унтеръ-офи-

[1]) Записки И. Д. Якушкина. Лондонъ. 1862. стр. 49.

церы производятся рядовые, вполнѣ отвѣчающіе своему назначенію, требовалась отъ начальниковъ дивизій строгая повѣрка въ полкахъ дѣйствій въ этомъ отношеніи полковыхъ командировъ, и если бы оказалось при этомъ, что унтеръ-офицеры не хороши, то въ такихъ полкахъ поручалось производство въ это званіе бригаднымъ командирамъ.

Предположеніе о порядкѣ объявленія Высочайшихъ милостей и наградъ.

По поводу наградъ для арміи, Киселевъ подавалъ Государю докладную записку, въ которой высказалъ свое мнѣніе о томъ, что пріѣздъ Его Величества въ армію, весьма рѣдко случающійся, долженъ ознаменовываться чѣмъ-либо, могущимъ оставить во всѣхъ живое, неизгладимое впечатлѣніе и чтобъ „все благотворительное было относимо лично къ особѣ Государя—источнику всѣхъ благъ, разливаемыхъ на войско“ и что посредничество тѣхъ, коимъ передана часть власти, должно состоять лишь въ примѣненіи и исполненіи объявленныхъ Его Величествомъ наградъ и милостей. Эти награды должны быть объявляемы предъ войсками въ присутствіи Государя. При такомъ порядкѣ будетъ награжденъ и начальникъ, и подчиненный, и неправильность въ представленіяхъ не будетъ имѣть мѣста. Сверхъ того, по мнѣнію Киселева, „казалось бы полезнымъ объявлять при смотрахъ какія-либо общія выгоды или благодѣянія, напр: долговременные отпуски, улучшеніе пищи нижнимъ чинамъ, прибавка жалованья офицерамъ, узаконенія на счетъ побоевъ, уменьшеніе служебнаго срока, увольненіе отъ службы слабыхъ и изувѣченныхъ и пр. При обыкновенныхъ порядкахъ, подобныя милости, объявляемыя разновременно и разными лицами и, такъ-сказать, сливаясь съ очередными дѣлами, не производятъ той живой признательности, какую видѣть было бы желательно“.

Обращаясь затѣмъ къ перечисленію наградъ, Киселевъ полагалъ, что *исправленіе формуляровъ* должно быть одною изъ важнѣйшихъ. Солдатъ оштрафованный, но затѣмъ прослужившій безпорочно 10—12 лѣтъ, непремѣнно исправился и, слѣдовательно, держать его вѣчно на службѣ несправедливо и даже невыгодно, потому что по дряхлости и немощамъ онъ для службы скорѣе вреденъ, нежели полезенъ.

Хозяйственная часть.

Изъ краткаго очерка состоянія арміи въ то время когда Киселевъ началъ свою новую дѣятельность, сдѣланнаго нами въ главѣ IV, видно, что всѣ злоупотребленія проистекали, главнымъ образомъ, изъ условій, въ которыхъ находилась хозяйственная часть. Понятно, что на эту сторону войсковаго быта Киселевъ долженъ былъ обратить самое серьёзное вниманіе, тѣмъ болѣе, что къ этому подталкивала его разноголосица, существовавшая во взглядахъ на этотъ предметъ, не только въ низшихъ слояхъ военнаго управленія, но и въ высшихъ, тамъ, откуда только и можно было ожидать плодотворныхъ распоряженій.

Общія мѣры, касающіяся заготовленія и доставки, какъ продовольствія, такъ и вещеваго довольствія войскъ, лежали непосредственно на интендантѣ арміи, неподчиненномъ начальнику штаба; къ обязанностямъ послѣдняго относились лишь распоряженія или, скорѣе, наблюденіе за тѣмъ, что́ доставлено интендантствомъ и суммами, находившимися въ вѣдѣніи полковыхъ командировъ. Если Киселевъ и принималъ участіе въ мѣрахъ, относившихся къ заготовленію продовольствія или фуража для арміи, то это онъ дѣлалъ въ исключительныхъ случаяхъ, сверхъ прямыхъ своихъ обязанностей.

При тогдашнихъ порядкахъ веденія полковаго хозяйства, безпрестанно открывались начеты на полковыхъ командирахъ. Вопросъ о мѣрахъ къ предупрежденію такихъ начетовъ занималъ и главнокомандующаго; онъ полагалъ, что для устраненія убытковъ, которые несетъ при этомъ казна, было бы полезно впредь всякіе начеты обращать на имущество виновныхъ полковыхъ командировъ и тѣхъ бригадныхъ и дивизіонныхъ начальниковъ, которые при инспекторскихъ смотрахъ упустили изъ виду неисправность въ инспектируемыхъ частяхъ. Киселевъ соглашался съ пользою изложеннаго предположенія. Но въ предположеніи было сказано, что въ теченіи 4 лѣтъ. 25 полковыхъ командировъ подпали подъ начетъ, и что казна была принуждена заплатить болѣе 600 т. руб. для пополненія открывшихся неисправностей, а это доказывало, по мнѣнію Киселева, „что въ устройствѣ арміи есть недостатокъ,

требующій не частнаго, но коренного исправленія. Безпорядки, открывшіеся въ 25 полкахъ, существуютъ въ большей или меньшей степени во всѣхъ, но только при сдачахъ скрываются отъ главнаго начальства подъ разными предлогами. Иногда бывшій командиръ выплачиваетъ оказавшіеся начеты изъ своей собственности, или экономіею. Въ другой разъ безпорядки скрываются чрезъ снисхожденіе добраго и неопытнаго пріемщика. Нерѣдко приглашеніе со стороны начальства и обѣщаніе на будущее время пособить новому полковому командиру вели къ тѣмъ же результатамъ. Коренное преобразованіе необходимо; съ одной стороны, новые командиры, не имѣя ни достаточныхъ средствъ для исправнаго содержанія полковъ, ни положительнаго опредѣленія нѣкоторыхъ хозяйственныхъ выгодъ, употребляютъ безъ разбора не только то, что принадлежитъ къ ихъ полковой экономіи, но и что составляетъ неотъемлемую собственность нижнихъ чиновъ. Въ этомъ-то и заключается главный источникъ злоупотребленій и безпорядковъ".

„По внимательномъ разсмотрѣніи средствъ полка, видно, что суммы, отпускаемыя на вещи, будучи назначены неправильно, иногда превосходятъ требуемое, а гораздо чаще неудовлетворяютъ необходимому. Этотъ недостатокъ пополняется изъ разныхъ хозяйственныхъ средствъ, способныхъ покрыть нѣкоторую часть потребностей; съ другой стороны, требованія начальства безпредѣльны и произвольны. Каждый изъ начальниковъ хочетъ украсить ввѣренную ему часть, требуетъ и дозволяетъ противозаконное, извѣстное подъ наименованіемъ позволительной и благоразумной экономіи, — разстроиваетъ дисциплину, унижаетъ порядокъ и, наконецъ, бывъ участникомъ зла, теряетъ право карать. Отсутствіе яснаго и положительнаго руководства для инспекторскихъ смотровъ имѣетъ послѣдствіемъ слабое наблюденіе за состояніемъ полковаго устройства и нерѣдко можетъ подвергать полковыхъ командировъ незаслуженному взысканію. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что полковые командиры затруднены въ исполненіи требованій начальства, а начальники—въ наблюденіи за дѣйствіями полковыхъ командировъ".

Таково было мнѣніе Киселева о причинахъ, существовавшихъ тогда злоупотребленій. Кто знаетъ бытъ нашихъ войскъ еще въ недавнее время, тотъ познакомившись съ этими правдивыми мнѣніями, невольно придетъ къ заключенію, что долгое существованіе этихъ печальныхъ порядковъ зависѣло отнюдь не отъ отсутствія сознанія въ высшихъ военныхъ сферахъ о корнѣ зла, который будто-бы всѣ узрѣли только благодаря восточной войнѣ,—а отъ другихъ причинъ, источникъ которыхъ скрытъ отъ глазъ непосвященныхъ.

Для водворенія прочнаго порядка и для предупрежденія начетовъ, открывавшихся на полковыхъ командирахъ, Киселевъ предлагалъ слѣдующія мѣры:

1) „Составить новые штаты на аммуничныя вещи и опредѣлить имъ правильные цѣны и сроки“.

2) „Утвердить закономъ хозяйственныя (экономическія) средства полковыхъ командировъ“.

3) „Обезпечить собственность нижнихъ чиновъ постановленіемъ объ артельныхъ деньгахъ и прочихъ суммахъ, могущихъ имъ принадлежать“.

4) „Ограничить требованія начальства подъ строжайшею отвѣтственностію,“ и

5) „Начертать полное руководство для инспекторовъ, съ показаніемъ каждому обязанностей его и мѣру отвѣтственности“.

Улучшеніе оружія.

При занятіи войскъ стрѣльбою въ цѣль, оказалось значительное число негодныхъ ружей и притомъ ружья были разныхъ калибровъ.—Для исправленія этого важнаго недостатка, во всѣ полки были посланы артиллерійскіе офицеры и для замѣны ружей, оказавшихся негодными, исходатайствованъ отпускъ новыхъ 13 т. изъ Тульскаго оружейнаго завода.

Этими мѣрами вооруженіе арміи приведено въ исправность, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по приказанію Киселева, особая коммисія составила правила о ежегодномъ, чрезъ особо назначенныхъ артиллерійскихъ офицеровъ, осмотрѣ ружей, и сдѣлано распоряженіе о починкѣ въ полкахъ ружей, посредствомъ подвижной мастерской команды, скомплектованной изъ

оружейниковъ, возвратившихся съ Ижевскаго завода, куда они были посланы въ 1819 году для обученія.

Продовольственная часть.

Однимъ изъ больныхъ мѣстъ 2-й арміи была часть продовольственная. Жуковскій, присланный въ армію для поправленія дѣлъ, запуталъ ихъ еще болѣе и былъ причиною многихъ непріятностей, окончившихся его удаленіемъ. Сталь, исправлявшій короткое время должность интенданта послѣ Жуковскаго, не сдѣлалъ ничего, а затѣмъ графъ Витгенштейнъ не могъ остановиться на выборѣ способнаго интенданта. Ему предлагали многихъ и въ числѣ ихъ того-же Жуковскаго; но Витгенштейнъ, вполнѣ признавая умъ и способности этого чиновника, не желалъ его брать, „потому что онъ на руку нечистъ" [1]). Наконецъ, на должность интенданта былъ назначенъ Юшневскій, и при немъ интендантскія дѣла все-таки не поправлялись, главнымъ образомъ потому, что министерство не исполняло своихъ обѣщаній, поставивъ интендантство въ невозможность быть аккуратнымъ, а чрезъ это и требовательнымъ къ поставщикамъ.

Затрудненія по продовольственной части были слѣдствіемъ, частію злоупотребленій чиновниковъ, частію происходили отъ того, что армія не получала благовременно отъ министерства финансовъ назначенныхъ суммъ, а потому при медленности уплатъ, подрядчики возвышали цѣны. Киселевъ старался, сколько зависѣло отъ частныхъ его сношеній, понижать цѣны и тѣмъ содѣйствовалъ къ значительному сокращенію расходовъ казны.

Въ 1822 году было велѣно по военному министерству уменьшить бюджетъ на 1823 годъ на 37 м. р. Князь Волконскій сообщая объ этомъ Киселеву, писалъ, что надо изыскать всѣ средства къ уменьшенію расхода по 2-й арміи. При содѣйствіи Киселева успѣхъ торговъ на 1823 годъ въ Кіевѣ и Одессѣ превзошелъ всякое ожиданіе: на нихъ смѣтное исчисленіе было понижено на 1.600,000 р.

Средствомъ къ уменьшенію расходовъ на будущее время, по мнѣнію Киселева, могло служить продовольствіе войскъ

[1]) Письмо графа Витгенштейна къ князю Волконскому.

провіантомъ отъ жителей, съ производствомъ имъ за это чрезъ гражданскихъ губернаторовъ платы напередъ установляемой и періодически измѣняемой.

„Если Государь, писалъ Киселевъ, согласится на способъ прокормленія войскъ отъ жителей, то я увѣренъ, что пагубная наша система продовольствія измѣнится и запутанность по этой части уничтожится. Пища солдатская останется тою же, ибо солдатъ и теперь довольствуется отъ хозяина, отдавая ему свой паекъ, по истеченіи мѣсяца. Паекъ же этотъ до крестьянина рѣдко доходитъ; но переходя изъ рукъ въ руки и убавясь на половину, поступаетъ къ помѣщикамъ на винокурню, или къ членамъ земскаго управленія. Въ Бессарабіи уже 10 мѣсяцевъ производится жителямъ плата деньгами, отчего и жители и солдаты довольны, а казна сохранила сотни тысячъ.“

Составленная подъ предсѣдательствомъ Киселева коммисія для обсужденія этого предположенія была того мнѣнія, что лишить солдата пайка—значитъ поставить его въ полную зависимость отъ квартирнаго хозяина, который, зачастую, по веснѣ, даже въ двухъ такихъ губерніяхъ, какъ Кіевская и Подольская, самъ нуждается въ помощи. Кромѣ того, коммисія указала на тотъ примѣръ, что когда въ 1821 году, по случаю скопленія войскъ въ Бессарабіи, принятъ былъ способъ довольствія отъ жителей натурою, съ платою имъ за это денегъ, то солдаты, привыкшіе къ ржаному, кислому хлѣбу, должны были все время довольствоваться мамалыгой и вообще прѣсною пищею, потому что у жителей, кромѣ проса и кукурузы, ничего нельзя было достать. Вѣроятно вслѣдствіе такого мнѣнія коммисіи, изложенное предположеніе Киселева осталось безъ послѣдствій.

Мы видѣли выше, что Киселевъ еще въ началѣ своей дѣятельности обратилъ вниманіе на необходимость улучшенія военно-судной части. По его настоянію учрежденъ въ 1822 году при 2-й арміи полевой аудиторіатъ и сдѣлано распоряженіе, чтобы чиновники, представляемые въ аудиторы, были испытываемы въ правовѣдѣніи дивизіонными и корпусными Военно-судная часть.

аудиторами. Онъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы наказанія виновныхъ были соразмѣряемы съ преступленіями, и чтобы съ другой стороны малѣйшее злоупотребленіе не оставалось безъ должнаго взысканія.

Медицинская часть.

Трудное содержаніе карауловъ по крѣпостямъ, непривычка молодыхъ рекрутовъ, приходившихъ изъ внутреннихъ губерній, къ жаркому климату, и частыя перемѣны полковъ, находившихся въ составѣ 2-й арміи, были поводами къ порожденію тяжелыхъ между солдатами болѣзней. Посему почему, по прибытіи къ арміи, Киселевъ обратилъ особенное вниманіе на эту часть. По его настоянію, въ августѣ 1819 года, былъ открытъ дивизіонный госпиталь въ мѣстечкѣ Махновкѣ, а въ 1821 году ассигновано было 173 т. р. на устройство госпиталя въ Тульчинѣ при главной квартирѣ; наконецъ въ Одессѣ было устроено госпитальное отдѣленіе на 120 человѣкъ.

Полиція.

Масса всякаго рода злоупотребленій, существовавшихъ въ арміи и противъ которыхъ Киселевъ ратовалъ, вызывала необходимость тщательнаго наблюденія за всѣмъ, что́ дѣлается въ войскахъ. Въ этихъ видахъ Киселевъ обратилъ особенное вниманіе на учрежденіе правильно организованной полиціи, которая, чтобы слѣдить за всѣми противузаконными дѣйствіями, всегда разсчитанными на тайну, — сама должна была дѣйствовать чрезъ посредство тайныхъ агентовъ, неизвѣстныхъ тѣмъ лицамъ, надъ которыми она должна была наблюдать.

При арміи не было генералъ-полиціймейстера; но Высочайшимъ повелѣніемъ назначенъ былъ директоромъ, такъ называемой, высшей полиціи чиновникъ Достаничъ, который, по порученію Киселева, и составилъ „положеніе объ учрежденіи при 2-й арміи высшей полиціи.“

Предполагалось, чтобы вся высшая полиція была непосредственно подчинена начальнику главнаго штаба арміи. Относительно выбо́ра агентовъ Достаничъ представлялъ Киселеву нѣсколько предположеній, указывая, между прочимъ, на необходимость „угощенія, обольщенія“ и, вообще, заманиванія агентовъ, изъ среды всякаго рода людей, и преимущественно, евреевъ.

Киселевъ же, признавая необходимость агентовъ, смотрѣлъ на нихъ совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, которая и выразилась въ проектѣ слѣдующимъ образомъ: „чтобы чиновники, кои будутъ служить въ составѣ высшей полиціи“, были хорошо награждены, „дабы симъ способомъ привлечь къ содѣйствію людей благородныхъ и по хорошему воспитанію способныхъ быть вѣрными орудіями для отвращенія зла, а не безчестными клеветниками, годными только для размноженія онаго“.

Проектъ былъ одобренъ главнокомандующимъ и представленъ начальнику главнаго штаба, но не получилъ утвержденія въ высшихъ сферахъ, какъ видно изъ надписи, сдѣланной рукою Киселева на черновой: „отношеніе сіе осталось безъ отвѣта“.

Въ учрежденіи высшей полиціи принималъ особенно дѣятельное участіе Сабанѣевъ, который по этому поводу писалъ:

„... Учрежденіе тайной полиціи весьма благоразумно; только повторяю, что гоненія по подозрѣніямъ ускорятъ распространеніе заразы и придадутъ силы безпокойному броженію умовъ“ [1])...

Хотя правильная организація полиціи не была осуществлена, но дѣятельность нѣсколькихъ избранныхъ агентовъ у Сабанѣева и Киселева доставляла свѣдѣнія, которыя могли если не раскрывать полностью существующее зло, то, по крайней мѣрѣ, знать о его существованіи и принимать соотвѣтствующія мѣры. Главными дѣятелями по учрежденію во 2-й арміи тайной полиціи были штабные чиновники: генералъ-вагенмейстеръ, подполковникъ Макаровъ, и старшіе адъютанты по управленію дежурнаго генерала, подполковникъ Чепурновъ и маіоръ Давыденковъ. Кромѣ того, въ наблюденіи принимали участіе находившіеся при корпусахъ жандармскіе офицеры, изъ числа которыхъ особенною ревностью отличался Данненбергъ, завѣдывавшій жандармскою командою при 6-мъ корпусѣ.

Вообще, въ третьемъ десяткѣ настоящаго столѣтія устройство тайной полиціи является какою-то маніею, отъ которой не

---

[1]) Письмо Киселеву 22—26-го декабря 1821 г.

могли избавиться даже такіе либеральные люди, какъ Михаилъ Орловъ, представившій проектъ устройства тайной политической полиціи изъ евреевъ.

Сущность этого предложенія, изложеннаго въ рапортѣ М. Орлова [1]) къ Сабанѣеву заключалась въ слѣдующемъ:

„Въ прошлую отечественную войну былъ составленъ секретный еврейскій кагалъ, и старшіе опытные члены сего общества находились всегда безотлучно при главной нашей квартирѣ, между тѣмъ, какъ таковые же частные кагалы устроены были повсюду, гдѣ евреи имѣли свое мѣстожительство, и въ самомъ кругу расположенія непріятеля. Сіи кагалы дѣйствовали подъ предлогомъ коммерческихъ сношеній и всѣ извѣстія доставляли въ главный кагалъ, учрежденный при арміи, который собиралъ оныя и приводилъ въ порядокъ, передавалъ ихъ военнымъ начальникамъ, отвѣчая за каждое дѣйствіе шпіона и жизнью, и имуществомъ своихъ членовъ и членовъ другихъ частныхъ кагаловъ“.

„Такого рода тайнаго дѣятеля можно учредить во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ евреи; въ Бессарабіи, какъ напримѣръ: главный въ Кишиневѣ, а потомъ частные въ Бѣльцахъ, Фанештахъ, Липчанахъ, Скулянахъ и другихъ мѣстахъ. Когда сіи кагалы составлены будутъ изъ главнѣйшихъ и богатѣйшихъ евреевъ, коимъ должно обѣщать медали и другія награжденія, можно будетъ, подъ отвѣтственностію оныхъ, послать расторопныхъ людей, ими самими выбранныхъ, за-границу, для полученія извѣстій и учрежденія заграничныхъ кагаловъ, кои съ удобностью распространятся и до самаго Царь-града“.

Представляя свое предположеніе Сабанѣеву, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ его представить таковое на благоусмотрѣніе главнокомандующаго, „ибо сія вещь весьма важна сама по себѣ и заключаетъ дѣйствіе, которое, по моему мнѣнію“, пишетъ Орловъ, „можетъ быть весьма полезнымъ и въ военное время“.

Осуществленіе своего предложенія онъ принималъ на себя!

---

[1]) 11-го декабря 1822 г.

ГЛАВА X.

1825 годъ.

Занятія Киселева въ началѣ 1825 г.—Измѣнившаяся обстановка Киселева.—Душевное настроеніе Киселева.—Отъѣздъ Императора Александра на югъ Россіи; болѣзнь и кончина Его.—Присяга новому Императору.—Присяга Императору Николаю Павловичу.—Отношеніе Киселева къ дѣлу о тайныхъ обществахъ.—Письмо Чернышева Киселеву.—Рескриптъ Государя Витгенштейну.—Письмо Витгенштейна Государю.—Отъѣздъ Киселева въ Петербургъ.—Письмо Киселева Государю.—Отъѣздъ Киселева изъ Петербурга; встрѣча съ тѣломъ покойнаго Императора.—Отъѣздъ Витгенштейна въ Петербургъ; переписка его съ Киселевымъ.—Несправедливость замѣчаній декабриста Якушкина о томъ, что Киселевъ зналъ о существованіи тайнаго общества.—Разсказъ Басаргина.—Письмо Аврамова.

Занятія Киселева въ началѣ 1825 года.

Въ началѣ 1825 года Киселевъ находился въ постоянныхъ разъѣздахъ, какъ по семейнымъ дѣламъ, такъ еще больше по дѣламъ службы, для осмотра частей арміи и для принятія карантинныхъ мѣръ, такъ какъ 19 января получено было извѣстіе изъ Измаильскаго карантина о появленіи чумы. Относительно содержанія кордона войсками Павелъ Дмитріевичъ писалъ Дибичу [1]), что войска, составлявшія карантинную линію на Прутѣ и Дунаѣ, терпѣвшія большой недостатокъ въ продовольствіи и помѣщеніи, подвергаясь всевозможнымъ неблагопріятнымъ климатическимъ вліяніямъ, пришли въ совершенное разстройство. Эти обстоятельства внушили Киселеву мысль объ устройствѣ карантинной линіи совершенно на другихъ началахъ ...„Мы вышли изъ ужасной войны, предпринятой

[1]) 25 апрѣля, 1825 г.

нашими войсками противъ заразы; но послѣдствія этой войны весьма печальны. Скорбутъ и дезертирство заставляютъ терять людей болѣе, нежели самая зараза. Замѣна одного другимъ неутѣшительна. Карантинная линія (cordon sanitaire) въ томъ видѣ, какъ нами устроена, дѣйствительно приноситъ пользу отъ заразы; но съ другой стороны, служба на кордонѣ самая тяжелая. Непрерывная цѣпь на пространствѣ 1800 верстъ, безъ крова, въ степной сторонѣ и гнилыхъ камышахъ Прута и Дуная, подверженная то 20° холоду, то 35° жара, переносящая всѣ лишенія тяжелой войны противъ невидимаго врага, опасность отъ котораго часто отдалена или сомнительна, приводитъ солдата въ изнеможеніе, оканчивающееся полнѣйшимъ упадкомъ духа. Только одни наши солдаты могутъ выносить эту службу съ невообразимыми терпѣніемъ и послушаніемъ, съ которыми ничто не сравнится. Но, наконецъ, всему же есть предѣлъ. Я полагаю, что слѣдуетъ подумать объ устройствѣ, разъ навсегда на нашей границѣ хорошей стражи, учрежденіе которой менѣе стоило бы денегъ и въ особенности людей, и которая, по своему устройству, имѣла бы прямой интересъ защищать границу отъ какихъ бы то ни было вторженій. Этотъ предметъ требуетъ особеннаго разсмотрѣнія и по своей важности заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія правительства"...

Измѣнившаяся обстановка Киселева.

Въ это время вся благопріятная обстановка, которая поддерживала дѣятельность Киселева и питала въ немъ надежды, измѣнилась. Усилившееся вліяніе Аракчеева и мрачное настроеніе духа Государя отражались холодомъ и застоемъ въ дѣлахъ; никакой мысли объ улучшеніяхъ не было хода; вмѣсто теплаго участія, которое Павелъ Дмитріевичъ находилъ постоянно въ кн. Волконскомъ и Закревскомъ, онъ встрѣчалъ равнодушіе или бездѣйствіе начальства; въ Тульчинѣ уже не было прежнихъ его товарищей; наконецъ, потеря сына и болѣзнь жены—все это наводило на него грусть, разсѣянія которой, хотя отчасти, онъ сталъ искать въ занятіяхъ сельскими работами въ имѣніи своей жены [1]), куда при возможности уѣзжалъ

[1]) Мѣстечко Буки., Уманьскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

изъ Тульчина. Душевное настроеніе свое онъ скрывалъ отъ окружающихъ и высказалъ его только въ слѣдующемъ письмѣ къ Закревскому: Душевное настроеніе Киселева.

„18 февраля, 1825 г. Тульчинъ.

„Сейчасъ узналъ, что ты пріѣхалъ, любезный другъ, въ Петербургъ и сейчасъ взялся за перо, чтобы напомнить тебѣ, что я живъ и живу въ Тульчинѣ. Мнѣ Булгаковъ писалъ о намѣреніи твоемъ оставить службу и о милостивомъ отзывѣ Государя; ни то, ни другое меня не удивляетъ, а радуетъ, какъ для тебя, такъ и для пользы общей, что честный и полезный человѣкъ остается въ кругу дѣятельности государственной. Изъ твоего послѣдняго письма могъ видѣть борьбу твою съ неудобствами тебя окружающими, и вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣлъ также, что положительная воля все преодолѣть можетъ. Конечно, южная Россія представила бы дѣятельности твоей и трудолюбію лучшее поприще къ достиженію цѣли; но и тамъ ты умѣешь водворить доброе и представить русскихъ не въ томъ видѣ, въ которомъ, къ несчастію, они (Финляндцы) ихъ понимаютъ. Напиши мнѣ, долго ли пробудешь въ столицѣ и, если можно, скажи, что съ тобою было и будетъ. Ты увѣренъ, любезный другъ, что не любопытство одно приглашаетъ меня требовать отъ тебя откровенности и что тутъ есть нѣчто болѣе дающее на то право.

„О своей жизни мнѣ трудно что либо сказать новаго; я продолжаю трудиться за другихъ и воображаю, что могу быть полезнымъ нѣкоторымъ. Дѣятельность моя ускромнилась или, лучше сказать, притупилась бездѣйствіемъ начальства, которое меня съ учтивостію терпитъ и, кажется, желаетъ, чтобы душевныя и умственныя стремленія я оставилъ для себя и для другихъ текущихъ дѣлъ. Убѣжденіе въ безполезности заставитъ сложить ярмо, которое 6 лѣтъ ношу и которое при васъ и отъ васъ, любезные друзья мои, меня не тяготило; но теперь честолюбіе—безъ пищи и пожертвованія—безъ цѣли; остается ожидать приговора судьбы, который кончитъ суетную жизнь, химерѣ посвященную, для начатія другой, менѣе блистательной, но болѣе полезной. Еще долженъ тебѣ сказать,

что послѣ шестилѣтняго здѣсь пребыванія, я остался почти одинъ; всѣ мои товарищи разбрелись: одни оставили службу, другіе получили заслуженныя награды, получили соотвѣтственныя мѣста, и я окруженъ людьми новыми, которые ни дѣлъ, ни меня еще не разумѣютъ; общества у насъ вовсе нѣтъ, жена нездорова и пособій врачебныхъ не имѣетъ, а разсѣянности еще менѣе; сынъ мой, общая наша отрада, насъ оставилъ, и все здѣсь напоминаетъ и бывшее благополучіе, и печаль настоящую. Вотъ тебѣ, любезный другъ, картина, нѣсколько мрачная и можетъ быть несогласная съ суетностію твоей придворной жизни; но я привыкъ съ тобою говорить по внушеніямъ сердца и увѣренъ, что привычку мою не отвергнешь"...

Закревскій на это письмо отвѣчалъ:

„6 марта, 1825 года.

„Изъ письма твоего, отъ 18-го февраля, усматриваю, что ты теперешнею судьбою, въ отношеніи къ службѣ, утѣшиться не можешь. Я еще тѣмъ яснѣе вижу положеніе, въ которомъ ты находишься, что знаю по себѣ, до какой степени притупляется дѣятельность и охлаждается рвеніе, когда знаешь, что съ убійственнымъ равнодушіемъ смотрятъ на усилія и подъемлемые труды каждаго изъ насъ къ пользѣ службы и благу общему. Нездоровье твоей жены и воспоминаніе о вашей потерѣ тоже много содѣйствуютъ къ помраченію твоего существованія. Душевно желаю, чтобы первая скорѣе поправилась и надѣюсь касательно втораго, что время облегчитъ вашу горесть. Благодарю тебя, любезный другъ, за откровенность, съ которою говоришь мнѣ о всемъ, до тебя касающемся, принимая въ настоящей цѣнѣ это новое изліяніе дружбы твоей".

„Ты спрашиваешь меня: что со мною было и будетъ? Начало моего отвѣта будетъ повтореніемъ вышесказаннаго и намъ обоимъ общаго. Присовокупи еще къ этому все неудобство теперешней моей службы въ краю, гдѣ всѣ личныя сношенія затруднены обоюднымъ незнаніемъ языковъ, какъ моего,

такъ и подчиненныхъ моихъ и ты сознаешься, что немного остается въ службѣ привлекательнаго. Еще нѣкоторыя причины, объясненіе коихъ долженъ оставить до личнаго свиданія съ тобою, побудили меня ускорить прошеніемъ объ отставкѣ. Ты знаешь уже, что Государь не соизволилъ на оное. Я не знаю сколько еще могу прожить здѣсь; желалъ бы, однако, не прежде уѣхать, какъ послѣ праздниковъ. Въ маѣ мѣсяцѣ полагаю опять пуститься по Финляндіи, что можетъ продлиться мѣсяца три".

„Я совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ относительно управленія южнымъ краемъ Россіи и знаю, что тамъ могъ бы быть гораздо полезнѣе; но тебѣ извѣстно, что быть тамъ по извѣстнымъ причинамъ не могу"...

Въ концѣ года Киселевъ вновь пишетъ Закревскому:

„1 ноября, 1825 г. Тульчинъ.

„Я продолжаю жить въ Тульчинѣ и часъ отъ часу скучнѣе, занимаюсь много—по привычкѣ, но признаюсь, что душа охладѣла, потому что, кажется, принято обезохочивать людей усерднѣйшихъ. Имѣя здѣсь по близости деревню, иногда дня по два и по три отдыхаю въ занятіяхъ сельскими работами отъ мучительныхъ штабныхъ переписокъ; теперь переписка моя по прежнему увеличилась возвращеніемъ Сабанѣева, который на водахъ кавказскихъ почерпнулъ новую охоту тонуть въ чернилахъ съ утра до вечера.... Желалъ бы повидаться съ Волконскимъ и поболтать; дѣйствительно, я оглупѣлъ отъ безлюдья, ибо, кромѣ фронтовиковъ и писцовъ никого не вижу и ничего не знаю".

Такое настроеніе духа было какъ-бы предвѣстникомъ печальныхъ для Павла Дмитріевича событій, случившихся въ концѣ года; мы разумѣемъ кончину Императора и исторію, такъ называемыхъ, декабристовъ.

Отъѣздъ Императора Александра на Югъ Россіи; болѣзнь и кончина Его Величества.

Въ сентябрѣ Императоръ Александръ, по случаю болѣзни Государыни, отправился въ Таганрогъ, куда прибылъ 14 сентября; 20 октября выѣхалъ въ Крымъ и 5 ноября возвратился больной въ Таганрогъ.

Киселевъ, желая представиться Государю, во время пребыванія Его въ Таганрогѣ, чрезъ Дибича испрашивалъ на то разрѣшенія Его Величества. Дибичъ въ письмѣ отъ 14 ноября отвѣчалъ, что онъ въ дорогѣ докладывалъ Государю о желаніи Киселева, и Его Величество, не зная сколько времени останется въ Таганрогѣ, приказалъ отвѣтъ отложить до возвращенія туда.

Къ несчастію, прибавлялъ Дибичъ, крымскій климатъ оказалъ вредное свое вліяніе на Государя, который заболѣлъ лихорадкою, и медики не скрываютъ опасности. Дибичъ сообщалъ послѣднее извѣстіе только для Киселева и гр. Витгенштейна. Киселевъ получилъ это письмо 20 ноября въ м. Смѣлѣ, гдѣ онъ находился для осмотра 3-й драгунской дивизіи. Извѣстіе о болѣзни Государя такъ поразило Павла Дмитріевича, что онъ рѣшился, не дожидаясь разрѣшенія Его Величества, немедленно отправиться въ Таганрогъ, взявъ съ собою доктора Шлегеля, извѣстнаго своими знаніями и спеціально занимавшагося съ успѣхомъ леченіемъ крымскихъ лихорадокъ. Онъ въ тотъ же день писалъ объ этомъ Дибичу съ нарочнымъ курьеромъ, и вслѣдъ за тѣмъ отправился самъ, заѣхавъ сначала въ Тульчинъ. 27-го ноября онъ былъ уже въ Одессѣ, гдѣ нашелъ возвращавшагося изъ Таганрога его курьера, привезшаго ему извѣстіе о кончинѣ Государя [1]). Киселевъ, не продолжая пути въ Таганрогъ, возвратился немедленно (30 ноября) въ Тульчинъ и тотчасъ о печальномъ событіи увѣдомилъ корпусныхъ и дивизіонныхъ командировъ.

Присяга новому Императору.

3-го декабря пріѣхалъ въ Тульчинъ фельдъегерь съ повелѣніемъ о присягѣ новому Императору Константину Павловичу, что̀ и исполнено главною квартирою на другой день, и въ тоже время сдѣлано распоряженіе о приведеніи къ присягѣ всѣхъ войскъ 2-й арміи.

Все шло обычнымъ порядкомъ, все было тихо; какъ ровно недѣлю спустя, именно 11-го декабря, пріѣхалъ изъ Таганрога генералъ-адъютантъ Чернышевъ; онъ привезъ бумаги отъ

---

[1]) Подробности о кончинѣ Государя сообщилъ кн. Волконскій, въ письмѣ Киселеву, отъ 14 ноября 1825.

Дибича, въ которыхъ были изложены свѣдѣнія о заговорщикахъ. Въ первый разъ, въ главную квартиру былъ присланъ посторонній чиновникъ,—это оскорбило Киселева; но какъ обстоятельства были важны, то онъ, усмиривъ ропотъ самолюбія, подчинилъ себя Чернышеву и объявилъ ему, что всѣ его требованія исполнитъ съ полною готовностію. Немедленно послали за гр. Витгенштейномъ, который былъ въ своемъ имѣніи Каменкѣ [1]); онъ пріѣхалъ на другой день; тогда же была отслужена панихида по усопшемъ Императорѣ, и затѣмъ началось слѣдствіе по доносу Майбороды объ участіи многихъ офицеровъ 2-й арміи въ тайномъ обществѣ. 13-го декабря Чернышевъ вмѣстѣ съ Киселевымъ отправились въ мѣстечко Линцы (Кіевской губерніи, Липовецкаго уѣзда), гдѣ стоялъ съ своимъ полкомъ Пестель; осмотрѣвъ его бумаги и сдѣлавъ допросъ; его арестовали и затѣмъ возвратились въ Тульчинъ 16-го декабря.

Въ памятной книжкѣ на 1825-й годъ встрѣчаются слѣдующія замѣтки Павла Дмитріевича:

17-го декабря. Пріѣздъ въ Тульчинъ Сабанѣева.

18. Осмотръ бумагъ Юшневскаго.

19. Отъѣздъ Сабанѣева, отвѣты Бурцева и Аврамова.

20. Возвращеніе Сабанѣева и Юшневскаго.

22. Манифестъ въ Петербургскомъ Французскомъ журналѣ о восшествіи на престолъ Императора Николая.

24. Допросы, пріѣздъ фельдъегеря съ повелѣніемъ отправить обвиняемыхъ (въ Петербургъ).

25. Присяга Императору Николаю Павловичу.

Присяга Императору Николаю Павловичу.

26. Отъѣздъ Чернышева.

Прибытіе приказанія объ отправленіи Раевскихъ. Отправленіе курьеровъ съ новыми присягами.

27. Отправленіе Жеребцова за Раевскими.

Отъѣздъ Пестеля.

29. Допросъ и признаніе Лемана.

31. Фельдъегерь пріѣхалъ за Поджіо, Барятинскимъ и Муравьевымъ-Апостоломъ.

[1]) На Днѣстрѣ, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи.

Дѣло это не могло не произвести тяжкаго впечатлѣнія на Павла Дмитріевича. „Я не буду говорить вамъ“, писалъ онъ, Дибичу, 17-го декабря, „о той грусти, которую я испытываю, видя, что на армію, столь достойную довѣрія и за которую *я отвѣчаю моею головою*, падаетъ подозрѣніе, благодаря нѣсколькимъ безчестнымъ мечтателямъ, темные происки которыхъ не имѣли и не могли имѣть ничего общаго съ массою, совершенно чистою“. Далѣе, обращаясь къ своему положенію, писалъ: „Какъ начальника, котораго принципы совершенно совпадаютъ съ моими, какъ человѣка, котораго уважаю искренне многіе годы, я васъ прошу, и въ особенности въ настоящихъ обстоятельствахъ, высказать мои чувства предъ Государемъ и увѣрить Его Величество, что человѣкъ, который служилъ ревностно и вѣрно Его добродѣтельному Брату, будетъ служить и Ему также, взамѣнъ довѣренности, которой онъ проситъ и на которую осмѣливается надѣяться“.

2-го января 1826 года Киселевъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Отношеніе Киселева къ дѣлу о тайныхъ обществахъ.

Прежде, чѣмъ продолжать нашъ разсказъ о пребываніи Павла Дмитріевича въ Петербургѣ, мы считаемъ необходимымъ остановиться на отношеніяхъ его къ дѣлу тайныхъ обществъ въ Россіи. Не касаясь подробной исторіи этихъ обществъ и ихъ цѣли, замѣтимъ, что о существованіи ихъ, или по крайней мѣрѣ о существованіи южнаго отдѣла „союза благоденствія“, доходили до Государя и до близкихъ ему лицъ, если не положительныя свѣдѣнія, то вѣроятныя догадки. Доказательствомъ тому служатъ: предостереженіе Закревскаго Киселеву, относительно Пестеля, отказъ Государя графу Витгенштейну въ ходатайствѣ его о повышеніи Пестеля; указаніе Государя въ 1823 г. на то, что Бурцевъ принадлежитъ къ какому-то тайному обществу, наконецъ распоряженія о закрытіи масонскихъ ложъ. Быть можетъ это были не болѣе какъ подозрѣнія, возбужденныя неосторожными словами въ либеральномъ смыслѣ,—подозрѣнія, на которыя тогда легко могли наводить извѣстія изъ западной Европы о существованіи тамъ тайныхъ обществъ подъ разными наименованіями.

Во время пребыванія въ Кіевѣ въ январѣ 1825 г., Ки-

селевъ замѣтилъ связь Пестеля, Барятинскаго и Юшневскаго съ кіевскимъ помѣщикомъ отставнымъ полковникомъ Давыдовымъ, пользовавшимся уже репутаціею вольнодумца; связь эта Павлу Дмитріевичу показалась сомнительною; въ томъ же смыслѣ говорилъ съ нимъ и графъ Виттъ, бывшій также тогда въ Кіевѣ. Слѣдствіемъ этихъ объясненій было учрежденіе посредствомъ тайныхъ агентовъ надзора за Пестелемъ и Давыдовымъ, какъ лицами живущими внѣ главной квартиры;—но агенты ничего не открыли. Главнокомандующій и начальникъ штаба оставались въ невѣдѣніи и успокоивались на той мысли, что ежели бы въ Россіи были тайныя общества, то конечно объ нихъ прежде всего должна была знать государственная полиція и сообщить о такомъ важномъ дѣлѣ начальству арміи. Но тайныя общества и для государственной полиціи оставались тайною; эту тайну обнаружила смерть Императора Александра, въ бумагахъ котораго въ Таганрогѣ нашлись доносы Шервуда и Майбороды съ именами членовъ тайнаго общества.

На Киселева взводились подозрѣнія, что онъ зналъ о существованіи тайнаго общества; одинъ изъ декабристовъ [1]) въ своихъ запискахъ говоритъ прямо: „Никакого нѣтъ сомнѣнія, что Киселевъ зналъ о существованіи тайнаго общества и смотрѣлъ на это сквозь пальцы". Подозрѣнія эти и слова Якушкина—несправедливы, какъ это мы увидимъ ниже. Киселевъ ничего не зналъ о существованіи тайнаго общества, хотя окружавшіе его, и притомъ весьма близко стоявшіе къ нему и пользовавшіеся полнымъ довѣріемъ, его адъютанты были членами того общества. Понятно, что эти лица, имѣя возможность знать о мѣрахъ къ наблюденію, удобно могли своевременно принимать предосторожности къ сокрытію своихъ замысловъ, или къ отклоненію наблюденій въ другую сторону.

Письмо Чернышева Киселеву.

Мы видѣли выше, что Чернышевъ выѣхалъ изъ Тульчина 26-го декабря 1825 г.; по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ былъ назначенъ членомъ слѣдственной коммисіи по дѣлу декабрис-

[1]) И. Д. Якушкинъ. См. Записки декабристовъ. Выпускъ первый. Лондонъ. 1862, стр. 46.

товъ, а вслѣдъ затѣмъ писалъ Киселеву 5-го января 1826 г. слѣдующее [1]):

„...Начну съ того, что я имѣлъ счастіе доложить Его Величеству о всемъ, зачѣмъ былъ посланъ. Казалось, Его Величество остался доволенъ работою и объясненіями; но долженъ откровенно признаться вамъ, что всѣ призванные къ занятіямъ по этому важному и неотложному дѣлу, обвиняютъ *насъ* въ слабости къ обвиняемымъ. Вы конечно припомните, что по моему нравственному убѣжденію, въ виновности этихъ ужасныхъ людей, я много разъ на этотъ предметъ обращалъ вниманіе и главнокомандующаго и ваше. Но въ это время мы не имѣли письменныхъ доказательствъ и доброта графа не позволяла намъ дѣйствовать иначе. Теперь я вамъ представлю положеніе вещей. — Благодаря Провидѣнію и открытому, благородному и энергическому поведенію Государя, здѣсь все приведено въ порядокъ и подаетъ прекраснѣйшія надежды. Противъ злодѣевъ 14-го декабря, какъ и противъ ихъ участниковъ негодованіе общее и во всѣхъ сердцахъ. Назначенный Его Величествомъ членомъ секретнаго комитета, я уже видѣлъ полную и ужасную картину преступныхъ чудовищныхъ намѣреній заговорщиковъ. То, что намъ было извѣстно въ Тульчинѣ—только микроскопическая часть ихъ ужасныхъ проектовъ и тѣ, на которыхъ намъ указывали, болѣе виновны, чѣмъ на первый разъ показалось. Всѣ упущенія и запирательства во время нашихъ предварительныхъ разслѣдованій необходимо, безъ исключенія, снова раскрыть неопровержимыми доказательствами, совершенно противными тѣмъ, кои мы въ настоящее время имѣемъ. Это вамъ покажетъ, насколько можно вѣрить честному слову и клятвѣ людей подобнаго разряда.—Относительно же того, что я хочу сказать собственно для васъ, вы согласитесь, что всякій честный человѣкъ, обожающій своего Государя и добрый гражданинъ, а въ особенности тѣ, которые занимаютъ важные посты, должны употребить всѣ средства, находящіяся въ ихъ

---

[1]) Письмо это не застало Киселева въ Тульчинѣ, откуда онъ выѣхалъ 2-го января.

распоряженіи, для открытія всѣхъ зачинщиковъ и соучастниковъ этого гнуснаго заговора. Ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать. Не слѣдуетъ терять изъ вида, что обстоятельства, неважныя по наружности, могутъ, прослѣдя ихъ, привести къ вѣскимъ результатамъ. Въ дѣлѣ подобнаго рода не можетъ быть и вопроса о послабленіяхъ. Никакая личная симпатія, никакое внутреннее чувство не могутъ и не должны останавливать исполненіе долга.—Я заклинаю васъ употребить наивозможную энергію и дѣятельность какъ въ исполненіи могущихъ послѣдовать вамъ приказовъ, такъ и относительно строгаго наблюденія надъ тѣми, чье поведеніе навлекаетъ хотя малѣйшее подозрѣніе. Вотъ что я считаю долгомъ вамъ сообщить въ интересахъ какъ вашей службы, такъ и службы главнокомандующаго....“

Тяжелое было положеніе какъ Киселева, такъ и графа Витгенштейна, человѣка весьма добраго, который былъ преданъ своему дѣлу и Государю, понималъ людей и умѣлъ видѣть сердце человѣческое подъ внѣшностью преступника.

Графъ Витгенштейнъ получилъ отъ Государя рескриптъ, помѣченный 15-мъ декабремъ, слѣдующаго содержанія: Рескриптъ Государя Витгенштейну.

„Графъ Петръ Христіановичъ! Вамъ извѣстна непоколебимая воля Брата Моего Константина Павловича, исполняя которую, Я вступилъ на его мѣсто. Богу угодно было, чтобы Я вступилъ на престолъ съ пролитіемъ крови Моихъ подданныхъ.—Вы поймете, что во Мнѣ происходить должно и вѣрно будете жалѣть обо Мнѣ. Что здѣсь было, есть то же, что и у васъ готовилось и что, надѣюсь, съ помощію Божіею, вы вѣрно помѣшали выполнить.—Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ извѣстій на счетъ того, что Чернышевъ вамъ сообщилъ.—Здѣсь открытія наши весьма важны и всѣ почти виновные въ Моихъ рукахъ.—Все подтвердилось по смыслу тѣхъ свѣдѣній, которыя мы отъ г. Дибича получили.—Я въ полной надеждѣ на Бога, что сіе зло истребится до своего основанія. Гвардія себя показала какъ достойная памяти ея покойнаго благодѣтеля. Теперь Богъ съ вами, любезный графъ: Моя довѣренность и

уваженіе къ вамъ давно извѣстны и Я о томъ отъ искренняго сердца здѣсь повторяю".

Письмо Витгенштейна Государю.

На этотъ рескриптъ графъ Витгенштейнъ отвѣчалъ Государю 26-го декабря 1825 года, письмомъ, въ которомъ завѣрялъ Императора въ непоколебимой вѣрности арміи, и выставлялъ усердіе Чернышева и Киселева при производствѣ дѣла о тайномъ обществѣ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ отправилъ въ С.-Петербургъ Киселева для представленія Государю клятвеннаго обѣта войскъ 2-й арміи, и при этомъ [1]) писалъ слѣдующее:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Ободренный Всемилостивѣйшимъ рескриптомъ Вашего Императорскаго Величества и оживленный живѣйшею признательностію за Августѣйшее ко мнѣ довѣріе,—я предъ Богомъ и предъ Вами, Государь, поклялся посвятить дни старости моей на службу Вашего Величества, и съ тѣмъ вмѣстѣ обѣщался не скрывать отъ Васъ всего, что опытность военнаго слуги можетъ внушать полезнаго для Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, и для отечества, отъ Васъ въ чувствованіяхъ моихъ нераздѣльнаго.

„Зараза умовъ, возникшая отъ ничтожной части подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, не есть чувство народа непоколебимаго, покорнаго. Въ числѣ заблудшихъ, повидимому, желавшихъ иного порядка вещей, немногіе слѣдовали внушеніямъ собственнаго разсудка, но увлечены были дѣйствіями и происками мрачныхъ и злоумышленныхъ преобразователей, которые всегда и вездѣ болѣе или менѣе для пагубы государствъ существовали. Истина сія явствуетъ какъ изъ манифеста Вашимъ Величествомъ обнародованнаго, такъ и изъ начальныхъ изслѣдованій во 2-й арміи уже совершившихся, гдѣ одинъ зачинщикъ завлекъ нѣсколько жертвъ и не осмѣлился коснуться до войскъ непоколебимыхъ въ вѣрности и повиновеніи. Мнѣ тѣмъ прискорбнѣе дѣйствія пол-

---

[1]) 31-го декабря 1825 года.

ковника Пестеля, что глубокое лицемѣріе его, долгое время и меня ослѣпляло, и что нынѣшнимъ только лѣтомъ начальникъ главнаго штаба арміи, генералъ-адъютантъ Киселевъ представилъ мнѣ сомнѣніе свое, родившееся отъ дошедшаго до него свѣдѣнія о тѣсной связи Пестеля съ шайкою, гнѣздившеюся въ имѣніи помѣщиковъ Давыдовыхъ. Надзоръ былъ тогда же учрежденъ дѣятельнѣйшій; но поѣздка генералъ-маіора Шеншина, какъ сіе явствуетъ изъ разныхъ показаній, усугубила ихъ осторожность и получаемыя донесенія ничего не вмѣщали достойнаго вниманія. Сіе тѣмъ болѣе понятно, что никогда Пестель не осмѣлился дѣйствовать на умы полка ему ввѣреннаго, и кромѣ какъ тремъ офицерамъ, ему подчиненнымъ, никому не подалъ ни малѣйшаго въ своихъ замыслахъ сомнѣнія.

„Ваше Императорское Величество уже преклонили къ себѣ всѣ сердца раздѣленіемъ виновныхъ на преступныхъ и заблудшихъ. Да не оскудѣетъ великодушіе Ваше надъ сими послѣдними, и въ благомъ семъ раздѣленіи да усмиритъ однихъ строгость законовъ, а другихъ побѣдитъ милость Ваша.

„Въ семъ заключается сильнѣйшее мое желаніе, основанное на первомъ и столь мудромъ подвигѣ Вашего Императорскаго Величества. Затѣмъ осмѣливаюсь присовокупить, что всякая милость, на войска излитая, нынѣ стократно будетъ чувствуема вѣрноподданными Вашими, и что служа столь долгое время, я въ истинѣ сей убѣжденъ и осмѣливаюсь представить ее, какъ залогъ душевнаго моего къ Вашему Императорскому Величеству усердія и приверженности.

„Избравъ начальника главнаго штаба арміи для представленія Вашему Императорскому Величеству клятвеннаго обѣта войскъ, мнѣ ввѣренныхъ, я въ обязанность себѣ поставляю всеподданнѣйше представить его на милостивое благоуваженіе Вашего Императорскаго Величества, какъ ревностнаго и усерднаго, въ продолженіе шести лѣтъ, помощника моего, и который будетъ имѣть счастіе донести Вашему Величеству, со всею подробностію, обо всемъ, что до ввѣренной мнѣ арміи относиться можетъ.

„За симъ осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить дозволенія прибыть самому мнѣ въ С.-Петербургъ, для принесенія отъ глубины сердца моего той непоколебимой преданности, каковая до конца дней одушевлять будетъ

Вашего Императорскаго Величества

всенижайшаго вѣрноподданнаго

графа Витгенштейна“.

Отъѣздъ Киселева въ Петербургъ.

Почти одновременно съ распоряженіями гр. Витгенштейна объ отправленіи въ С.-Петербургъ Киселева, военный министръ Татищевъ, по Высочайшему повелѣнію вызвалъ его, (30-го декабря 1825 г.) туда же для личныхъ объясненій.

Павелъ Дмитріевичъ выѣхалъ изъ Тульчина вечеромъ 2-го января 1826 г., пріѣхалъ въ Петербургъ 9-го января и въ тотъ же день представлялся Государю. Изъ записной книжки видно, что въ слѣдующіе дни онъ представлялся членамъ Августѣйшей Фамиліи, неоднократно дежурилъ у Государя по званію генералъ-адъютанта, обѣдалъ и проводилъ вечера то у Великаго Князя Михаила Павловича, то у своихъ друзей: А. Орлова, Закревскаго, Булгакова, гр. Нессельроде, Левашева и въ нѣкоторыхъ другихъ домахъ высшаго петербургскаго общества.

Хотя изъ этого видно, что петербургское общество, говоря вообще, относилось пріязненно къ Киселеву, тѣмъ не менѣе у него были завистники, были люди, враждебно къ нему настроенные, которые распространяли обвиненія противъ него, если не въ участіи въ тайномъ обществѣ, если не въ знаніи о существованіи его, то, по крайней мѣрѣ, въ бездѣйствіи власти, чрезъ что преступники во 2-й арміи были открыты только по доносу Майбороды, а не оффиціальнымъ порядкомъ. Видно также, что онъ не встрѣтилъ въ пріемѣ Государя того царскаго благоволенія, на которое считалъ себя въ правѣ разсчитывать, и къ которому онъ пріобыкъ въ сношеніяхъ съ покойнымъ Императоромъ.

Письмо Киселева Государю.

Такое положеніе заставило Киселева, чрезъ 5-ть дней по пріѣздѣ въ Петербургъ, написать Государю слѣдующее письмо:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Съ горестнымъ чувствомъ осмѣливаюсь повергнуть предъ Вашимъ Величествомъ настоящее письмо; я думалъ, что никогда не долженъ буду это дѣлать, особенно послѣ 21 года службы, и на 40 году жизни, которую даже самымъ ожесточеннымъ врагамъ моимъ трудно очернить. Не менѣе того, Государь, въ эпоху жизни, когда страсти затихаютъ, когда сохраненіе спокойствія и тихія радости счастливаго существованія дѣлаются необходимостью, на меня пало, если не положительное обвиненіе, то неопредѣленное подозрѣніе, которое еще въ тысячу разъ тягостнѣе. Я не позволяю себѣ здѣсь повторять правила, которыми я всегда руководился и которыя этимъ гнуснымъ заговорщикамъ извѣстны слишкомъ хорошо, потому что они никогда не рѣшались сообщить мнѣ, хотя что-либо изъ своихъ гибельныхъ проектовъ. И въ то же время, какъ эти люди признавали меня своимъ противникомъ, мои товарищи оговорили меня предъ общественнымъ мѣніемъ (ceux que j'avais pour collegues me dénonçoient à l'opinion) и даже полагали себя въ правѣ очернить мою вѣру въ Монарха, которому въ ту минуту и отъ глубины сердца я клялся посвятить свою службу. Но я не буду болѣе имъ возражать, и не словами, а дѣлами всей жизни буду имъ отвѣчать: пусть эти несчастные найдутъ хотя малѣйшій предосудительный поступокъ съ моей стороны, служившій во вредъ интересамъ или славѣ моего Государя и отечества,—тогда я отдаюсь на ихъ волю. Но если, напротивъ, они меня оклеветали и если за мою честную службу намѣревались отнять у меня самое драгоцѣнное въ жизни — уваженіе моего Государя и согражданъ, въ такомъ случаѣ я повергаюсь къ стопамъ Вашего Величества и вопію о справедливости, которой я въ правѣ просить. Окажите сіе человѣку, который всегда служилъ съ честью Вашему Августѣйшему и добродѣтельному Брату и полагалъ служить и Вамъ также,—человѣку, оклеветанному изъ зависти и просящему лишь суда, чтобы быть оправданнымъ, или наказаннымъ. Не имѣвъ никогда посредниковъ между собою и Тѣмъ, кто былъ единственнымъ моимъ благодѣтелемъ, я осмѣ-

ливаюсь прибѣгнуть также непосредственно и къ Вашему Величеству съ моей почтительнѣйшей просьбою. Я дѣлаю это тѣмъ съ бо̀льшею надеждою, что великодушіе Вашего Величества для Россіи несомнѣнно, и служитъ увѣренностью тому, который болѣе 10 лѣтъ имѣлъ счастье приближаться къ Вашему Величеству".

„Съ чувствомъ глубочайшаго почитанія остаюсь Вашего Императорскаго Величества всенижайшій слуга и вѣрноподданный

П. Киселевъ."

„16-го января 1826 года. С.-Петербургъ.

Въ бумагахъ Киселева сохранились, между прочимъ, двѣ собственноручныя записки его для памяти, излагающія все, что ему было извѣстно по волненію умовъ 2-й арміи, и все, что онъ предпринималъ для отвращенія могущихъ быть безпорядковъ.

Приведенное письмо къ Государю послѣдствіями своими не вполнѣ оправдало ожиданія Киселева: онъ замѣчалъ въ обращеніи съ нимъ Государя слѣды Его неудовольствія. Такое положеніе тяготило Павла Дмитріевича, и онъ хотѣлъ привести въ исполненіе не разъ уже проглядывавшее намѣреніе оставить мѣсто начальника штаба; онъ думалъ представить Государю новое письмо, сохранившійся проектъ котораго остался, однакоже, безъ исполненія.

Отъѣздъ Киселева изъ Петербурга; встрѣча съ тѣломъ покойнаго Императора.

Павелъ Дмитріевичъ оставался въ Петербургѣ до 11-го февраля, когда онъ выѣхалъ въ Москву; на дорогѣ, въ Торжкѣ, встрѣтилъ печальный поѣздъ съ тѣломъ покойнаго Императора, отправлялъ при немъ ночное дежурство, сопровождалъ поѣздъ до Выдропуска, гдѣ опять отправлялъ ночное дежурство у гроба почившаго; затѣмъ воротился въ Торжокъ и пріѣхалъ въ Москву 17-го февраля, оставался тамъ четыре дня и 1-го марта пріѣхалъ въ Тульчинъ.

Отъѣздъ гр. Витгенштейна въ Петербургъ; переписка его съ Киселевымъ.

Графъ Витгенштейнъ, дождавшись возвращенія Киселева, отправился въ С.-Петербургъ, куда онъ и выѣхалъ 11-го марта. Передъ отъѣздомъ его Павелъ Дмитріевичъ написалъ ему письмо съ тою цѣлію, чтобы оно было доведено до свѣдѣнія Государя.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, графъ Витгенштейнъ означенное

письмо представилъ Государю и затѣмъ 12-го апрѣля писалъ Киселеву:

„Ваше письмо я представилъ Государю, который меня увѣрилъ, что вы неправы, предполагая, чтобы Его Величество могъ имѣть хотя малѣйшее сомнѣніе въ вашемъ поведеніи, и вы могли это видѣть изъ Его обращенія съ вами, когда, въ послѣдній разъ, вы жили въ С.-Петербургѣ; Онъ не сохранилъ противъ васъ ни малѣйшаго неудовольствія; Онъ долженъ былъ его показать вамъ при вашемъ пріѣздѣ сюда, въ виду того, что значительная часть главной квартиры была замѣшана въ гнусномъ заговорѣ, котораго вы въ теченіи такого долгаго времени не могли открыть, имѣя въ непосредственномъ распоряженіи полицію. Я просилъ Его Величество прочесть письмо, въ которомъ вы объясняете причины, помѣшавшія вамъ все это открыть ранѣе.... Письмо ваше Государь оставилъ у себя“ [1]).

Кажется, этимъ все дѣло и кончилось.

Несправедливость замѣчанія декабриста Якушкина о томъ, что Киселевъ зналъ о существованіи тайнаго общества.

Выше мы привели слова декабриста Якушкина о томъ, что Киселевъ зналъ о существованіи тайнаго общества и смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Такое заключеніе свое Якушкинъ подтверждаетъ тѣмъ, что „когда попалъ подъ судъ Раевскій, и Сабанѣевъ отправилъ при донесеніи найденный у Раевскаго списокъ всѣмъ тульчинскимъ членамъ, они ожидали дурныхъ для себя послѣдствій по этому дѣлу. Киселевъ призвалъ къ себѣ Бурцева, который былъ у него старшимъ адъютантомъ, подалъ ему бумагу и приказалъ тотчасъ же по ней исполнить. Пришедши домой, Бурцевъ очень былъ удивленъ, нашедши между листами данной ему бумаги списокъ тульчинскихъ членовъ, писанный Раевскимъ и присланный Сабанѣевымъ отдѣльно; Бурцевъ сжегъ списокъ и тѣмъ кончилось дѣло“.

---

[1]) Это собственноручное письмо Витгенштейна помѣчено имъ 12-го марта 1826 года,—очевидно, по ошибкѣ, вмѣсто 12-го апрѣля; онъ выѣхалъ изъ Тульчина 11-го марта и, слѣдовательно, 12-го марта былъ въ дорогѣ. Еще 9-го апрѣля онъ писалъ Киселеву: „Я не могу ничего написать о нашихъ дѣлахъ, потому что я еще не имѣлъ доселѣ аудіенціи у Е. В-ва.“

Обстоятельство это разъяснено самимъ Киселевымъ въ приведенномъ выше письмѣ его къ гр. Витгенштейну.

У Раевскаго дѣйствительно была найдена *записка* съ именами нѣкоторыхъ офицеровъ главной квартиры, не обратившая на себя особеннаго вниманія ни Сабанѣева, ни Киселева, ни Витгенштейна; она не была озаглавлена „спискомъ членовъ тайнаго общества"; но, понятно, что Бурцевъ, какъ самъ дѣятельный членъ Союза благоденствія, придалъ ей такое значеніе, и въ этомъ, конечно, не ошибался [1]). Далѣе, достаточно, чтобы Бурцевъ о случаѣ съ запискою Раевскаго разсказалъ кому-либо изъ сочленовъ тайнаго общества, чтобы затѣмъ въ разговорѣ между ними необращеніе Киселевымъ вниманія на записку приняло въ глазахъ ихъ смыслъ предостереженія, которое свидѣтельствовало о томъ, что Киселевъ зналъ о существованіи общества. Такой смыслъ придалъ своему разсказу Якушкинъ, самъ не имѣвшій никакихъ сношеній съ Киселевымъ.

Какъ характеристику отношеній Киселева съ лицами, на которыхъ пали обвиненія, но которые были прежде къ нему близки и хорошо ему извѣстны, приводимъ выписки изъ записки Басаргина [2]).

Разсказъ Басаргина.

Зная уже объ арестахъ, происходящихъ въ Тульчинѣ по событіямъ 14-го декабря, Басаргинъ, бывши въ то время въ отпуску въ Москвѣ, не думалъ скрываться, спѣшилъ пріѣхать поскорѣе въ Тульчинъ, чтобы узнать, что тамъ дѣлается. Вечеромъ 27-го числа декабря онъ пріѣхалъ туда и, остановившись у доктора Вольфа (также членъ общества), узналъ отъ него подробности происшедшаго.

На другой день рано утромъ Басаргинъ отправился къ Киселеву, встрѣтилъ по дорогѣ его адъютанта, князя Урусова, который сталъ упрекать Басаргина, что онъ не принялъ его въ общество. „Усмѣхнувшись, я отвѣчалъ ему, говоритъ Басаргинъ, что вмѣсто упрека онъ долженъ благодарить меня".

---

[1]) Басаргинъ, со словъ Липранди, бывшаго адъютанта Сабанѣева, упоминая объ этой запискѣ, называетъ ее также „спискомъ нѣкоторыхъ членовъ общества"; но онъ не говоритъ ни слова о томъ, что Киселевъ зналъ о существованіи общества.

[2]) См. Девятнадцатый Вѣкъ, П. Бартенева. кн. 1 стр. 88 и слѣд.

„Пришедши съ Урусовымъ къ Киселеву, я былъ позванъ имъ сейчасъ въ кабинетъ. Вотъ мой съ нимъ разговоръ: „Вы принадлежите къ тайному обществу“—сказалъ онъ, какъ только мы остались одни,—„отрицать этого вы не можете, Правительству все извѣстно и совѣтую вамъ чистосердечно во всемъ признаться“. Тонъ, которымъ онъ говорилъ мнѣ, и *вы* [1]), на которое онъ какъ будто нарочно ударялъ, удивили меня; „Я-бы желалъ знать, ваше превосходительство“, отвѣчалъ я, какъ вы спрашиваете меня: какъ начальникъ штаба оффиціально, или просто, какъ Павелъ Дмитріевичъ, съ которымъ я привыкъ быть откровеннымъ“. — Разумѣется, какъ начальникъ штаба, возразилъ онъ. „Въ такомъ случаѣ,“ сказалъ я, „неугодно ли будетъ вашему превосходительству сдѣлать мнѣ вопросы на бумагѣ—я буду отвѣчать на нихъ. На словахъ же мнѣ и больно, и непріятно будетъ говорить съ вами, какъ съ судьею, и смотрѣть на васъ просто, какъ на правительственное лицо“. Онъ задумался и потомъ сказалъ: „хорошо, вы получите вопросы“. Я поклонился и хотѣлъ удалиться; но когда подходилъ къ двери, онъ вдругъ сказалъ, перемѣнивъ тонъ: — „Приходи же обѣдать къ намъ, либералъ, мы съ тобой давно не видались“. Тонъ, съ которымъ онъ произнесъ эти слова меня тронулъ.—„Я обѣдаю сегодня съ родными и потому не могу воспользоваться вашимъ приглашеніемъ, а позвольте лучше придти къ вамъ вечеромъ, отвѣчалъ я“. Отобѣдавъ съ родными и проведя съ ними нѣсколько часовъ, я отправился вечеромъ къ Киселеву. Въ гостиной я засталъ одну его супругу. Мы съ нею были очень хороши, и она обрадовалась, увидавшись со мною.—„М. В.“, сказала она съ чувствомъ, vous savez bien tout l'intérêt que je vous porte, et bien il faut que vous vous décidiez à prendre votre parti. J'ai assisté á toutes les conversations de mon mari avec le g-l Tchernicheff, et je puis vous assurer que tous ceux qui veulent être sauvés, n'ont qu'à se jeter aux pieds de l'Empereur

---

[1]) Киселевъ, до конца дней, имѣлъ обыкновеніе людямъ, которыхъ считалъ къ себѣ близкими, говорить *ты*, и если онъ переходилъ на *вы*, то этимъ уже выражалъ свое неудовольствіе.

et lui avouer franchement leur participation à la Société. —Madame, отвѣчалъ я, vous me conseillez une chose qui repugne à ma conscience et que j'envisage comme une lâcheté. —Je m'attendais à cette réponse, сказала она, vous périrez, mais vous périrez en honnête homme, et croyez que mon estime pour vous n'en sera qu'augmenté.

„Вскорѣ пришелъ генералъ, и еще кое-кто изъ военныхъ. Мы провели вечеръ какъ будто ничего не было особеннаго. Онъ былъ со мною также добръ и любезенъ, какъ и прежде. Говорили болѣе о постороннихъ вещахъ, и послѣ ужина я ушелъ, довольный тѣмъ, что не ошибся въ моемъ объ немъ мнѣніи“....

„Вскорѣ Киселевъ долженъ былъ ѣхать въ С.-Петербургъ съ присягою отъ арміи. Передъ отъѣздомъ его, я пришелъ съ нимъ проститься. „Любезный другъ“, сказалъ онъ мнѣ, „не знаю, до какой степени ты замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ; помочь тебѣ ничѣмъ не могу; не знаю даже, какъ я самъ буду принятъ въ Петербургѣ. Все, въ чемъ могу увѣрить тебя, это въ моемъ къ тебѣ уваженіи, которое не измѣнится, чтобы ни случилось съ тобою“. Мы обнялись и съ тѣхъ поръ я болѣе уже не видалъ его“.

Въ бумагахъ Киселева сохранилось еще слѣдующее письмо Аврамова, также человѣка ему близкаго.

Письмо Аврамова. „Ваше превосходительство, прошу васъ не простить меня, но забыть меня,—съ вами, какъ ближайшимъ начальникомъ, я долженъ былъ прежде (всего) быть открытъ (откровеннымъ), что короткое время былъ въ обществѣ съ Пестелемъ, хотя послѣдніе слишкомъ три года я отъ него удалялся и не имѣлъ никакихъ законопротивныхъ замысловъ. Я наказанъ, но справедливо; покоряюсь судьбѣ и прошу вашего прощенія и забвенія.

„Если засвидѣтельствованіе почтенія моего не въ тягость, примите оное изъ глубины моего сердца происходящее.

„Вашего Превосходительства

„покорнѣйшій слуга.

П. Аврамовъ“.

P. S. „Я не преступникъ, но малодушный, который допустилъ себя считать въ обществѣ, не принадлежа къ оному ни дѣлами, ни душою, будучи приверженъ къ Императору и счастливый службою въ теченіе 20 лѣтъ".

Приведенный разсказъ Басаргина и письмо Аврамова — лучшее оправданіе Киселева, какъ человѣка, при воспоминаніи о печальныхъ событіяхъ конца 1825 года.

ГЛАВА XI.

1826 — 1827 годъ.

Возвращеніе Витгенштейна въ Тульчинъ.—Поѣздка Киселева въ Москву.—Занятія Киселева въ концѣ 1826 и началѣ 1827 гг.—Приготовленіе къ войнѣ.—Порученіе Витгенштейна Киселеву.—Переписка съ Дибичемъ.—Киселевъ распоряжается о собраніи достовѣрныхъ свѣдѣній изъ Княжествъ.—Соображенія его о намѣреніяхъ Турціи, Австріи и Англіи; онъ желаетъ мѣръ быстрыхъ и рѣшительныхъ.—Распоряженія по 2-й арміи послѣ заключенія аккерманской конвенціи.—Желаніе Киселева служить въ дѣйствующей арміи на Кавказѣ.—Вопросъ Бенкендорфа о смѣщеніи генерала Ермолова. — Приготовленіе моста для переправы чрезъ Дунай; избраніе мѣста для переправы.—Заботы Киселева объ обезпеченіи морскихъ перевозочныхъ средствъ для арміи въ случаѣ войны.—Исполненіе дислокаціи войскъ.—Заботы Киселева объ устройствѣ внѣшней полиціи; полковникъ Липранди.—Новыя свѣдѣнія о приготовленіяхъ Турціи и Австріи.—Душевное настроеніе Киселева.— Переписка съ Закревскимъ и Дибичемъ.

Возвращеніе Витгенштейна въ Тульчинъ.

Витгенштейнъ возвратился изъ Петербурга въ Тульчинъ 16-го мая. Пріѣздъ его, однако, не совершенно успокоилъ Павла Дмитріевича на счетъ его положенія. Онъ все еще продолжалъ тревожиться подозрѣніями, что враги его не переставали дѣйствовать. Онъ получилъ приказаніе присутствовать при коронаціи въ Москвѣ; объ этой поѣздкѣ, обѣщавшей ему свиданіе съ друзьями, онъ думалъ съ удовольствіемъ; между тѣмъ, въ концѣ мая, онъ заболѣлъ лихорадкою, которая не оставляла его до половины іюля.

Поправившись нѣсколько въ здоровьѣ, въ концѣ іюля

(23 числа) Киселевъ выѣхалъ изъ Тульчина въ Москву, куда пріѣхалъ 1-го августа. Пребываніемъ своимъ тамъ онъ не могъ не остаться довольнымъ, видя вниманіе къ нему Государя, выразившееся, между прочимъ, въ пожалованіи ему ордена св. Владиміра 2-й ст. Помимо исполненія обязанностей оффиціальныхъ, онъ проводилъ время среди своихъ родныхъ и друзей, и вообще людей къ нему расположенныхъ, изъ числа которыхъ онъ нашелъ въ Москвѣ: кн. Волконскаго, Закревскаго, Нессельроде, Бенкендорфа, гр. Воронцова, Васильчикова. Въ то же время онъ занимался съ Дибичемъ и Сухтеленомъ работами о приготовлявшемся движеніи арміи. Поѣздка Киселева въ Москву.

Въ Москвѣ Киселевъ оставался до 10-го октября, провелъ нѣсколько дней въ Тулѣ съ В. К. Михаиломъ Павловичемъ, осматривавшимъ тамошній оружейный заводъ. 24-го октября возвратился въ Тульчинъ.

Въ концѣ декабря (23-го) графъ Витгенштейнъ отправился въ Петербургъ, откуда возвратился въ Тульчинъ 23-го марта 1827 года. Конецъ 1826 года и весь 1827 годъ прошелъ для Киселева въ обыкновенныхъ занятіяхъ текущими дѣлами арміи, въ осмотрѣ ея и въ приготовленіи къ ожидаемой войнѣ. Занятія Киселева въ 1826 и 1827 г.

Затрудненія, возникшія въ царствованіе Императора Александра I-го, между Россіею и Турціею, вслѣдствіе неисполненія послѣднею многихъ статей Бухарестскаго трактата, усилились внезапнымъ возстаніемъ морейскихъ грековъ и вторженіемъ въ Молдавію Ипсиланти. Затрудненія эти, несмотря на согласіе трехъ державъ,—Россіи, Англіи и Франціи,—не могли быть, благодаря интригамъ Метерниха, улажены и со вступленіемъ на престолъ Императора Николая. Послѣ преодолѣнія многихъ препятствій, была заключена съ Турціею Аккерманская конвенція, въ 1826 году 24 сентября (6 октября). Но, пользуясь войною, начавшеюся тогда между Россіею и Персіею, Турція снова уклонилась отъ исполненія принятыхъ на себя обязанностей. Вслѣдъ затѣмъ былъ заключенъ Лондонскій трактатъ 24 іюня (6 іюля) 1827 г. между Россіею, Англіею и Франціею о мѣрахъ къ умиротворенію Греціи, и Приготовленія къ войнѣ.

послѣдовала Наваринская битва 8 октября (20) 1827 г., въ которой былъ истребленъ весь турецкій флотъ.

При такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣлъ весьма естественно, что ожиданія войны не затихали, и въ особенности во 2-й арміи, стоявшей на границѣ Турецкой имперіи.

Порученія Витгенштейна Киселеву въ 1826 году.

Во время пребыванія Витгенштейна въ Петербургѣ весною 1826 года, распространился тамъ слухъ о сборѣ значительныхъ силъ турецкихъ въ Адріанополѣ. Хотя слухамъ этимъ Витгенштейнъ не давалъ полной вѣры, тѣмъ неменѣе въ письмѣ къ Киселеву, отъ 30-го апрѣля, поручалъ ему: 1) расположить лагерь 2-й арміи такъ, чтобы, по возможности, болѣе войскъ было введено въ Бессарабію, для чего хорошимъ предлогомъ можетъ служить чума; остальныя войска сблизить къ Днѣстру и 2) изъ-подъ руки приторговывать хлѣбъ въ бессарабскіе магазины, преимущественно на Прутѣ и Дунаѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Витгенштейнъ просилъ Киселева [1]): „Заняться распоряженіями по постройкѣ мостовъ и всѣхъ необходимыхъ предметовъ, которыхъ въ занятой странѣ нельзя будетъ найти, потому что „моя мысль тотчасъ же идти къ Дунаю для занятія Тульчи и Исакчи, прежде чѣмъ непріятель успѣетъ ихъ укрѣпить и занять сильными гарнизонами. Надобно овладѣть Дунаемъ, чтобы получать продовольствіе моремъ изъ Одессы; въ которой слѣдуетъ устроить обширный магазинъ“.

Наконецъ, Витгенштейнъ просилъ Киселева пріискать тайныхъ агентовъ для полученія необходимыхъ свѣдѣній, а также поручить генералу Левенштерну осмотрѣть въ Тираснолѣ и Кіевѣ осадную артиллерію, причемъ обратить главное вниманіе на лафеты, потому что въ послѣднюю кампанію они часто отъ перваго выстрѣла ломались, хотя были выкрашены прекрасно.

Переписка съ Дибичемъ. Киселевъ распоряжается о собраніи достовѣрныхъ свѣдѣній изъ княжествъ.

По поводу тѣхъ же слуховъ о сборѣ 100 тыс. турецкой арміи на равнинахъ Адріанополя, Киселевъ, извѣщенный объ этомъ Дибичемъ, писалъ ему [2]), что ничего подобнаго не слышно во 2-й арміи, тогда какъ въ этихъ мѣстахъ такого

[1]) Письмо изъ Петербурга 30-го апрѣля 1826 г.

[2]) 17-го мая 1826 года.

рода слухи распространяются весьма легко и скоро, въ виду вліянія ихъ на мѣстную торговлю. Несмотря на это, Киселевъ отправилъ въ Бессарабію офицера генеральнаго штаба для удостовѣренія въ справедливости распространяемыхъ слуховъ, а главнымъ образомъ для устройства болѣе дѣятельной корреспонденціи съ бывшими тамъ нашими пограничными агентами. Въ то же время онъ писалъ Сабанѣеву, который, находясь вблизи отъ Кишинева, съ бо̀льшею легкостію могъ бы доставлять желаемыя свѣдѣнія.

Сообщая Дибичу объ этихъ распоряженіяхъ, Киселевъ предупреждалъ его, что бо̀льшая часть слуховъ, доходившихъ до провинціальной администраціи, выдумывается австрійскими агентами или молдавскими боярами, распускающими ихъ въ своихъ личныхъ интересахъ; что если подобныхъ слуховъ бываетъ довольно для принятія предохранительныхъ мѣръ противъ чумы, то еще не значитъ, чтобы ихъ было достаточно въ дѣлахъ политики. Въ этомъ случаѣ было бы необходимо, кромѣ существующихъ нашихъ консульствъ, учредить еще другія, которыя, будучи хорошо управляемы, могли бы устроить контръ-полицію и дѣятельныя наблюденія, если положеніе дѣла того потребуетъ.

Въ то время, когда Аккерманская конференція оканчивала свое дѣло, агенты Киселева сообщали единогласно [1]), что въ Тульчу, Исакчу и Браиловъ ожидается прибытіе турецкихъ войскъ, и что какъ въ эти, такъ и въ другія крѣпости подвозится продовольствіе въ значительныхъ размѣрахъ; что Валахи и Молдаване отдаютъ предпочтеніе Австрійцамъ, обсервaціонный корпусъ которыхъ, говорятъ, собранъ на границѣ. Непридавая этимъ слухамъ особенно важнаго значенія, Киселевъ полагалъ благоразумнымъ дознаться цѣли, съ какою Турки желаютъ перейти Дунай и быть въ Яссахъ...

Соображенія его о намѣреніяхъ Турціи, Австріи и Англіи.

„Если Диванъ,—писалъ Киселевъ,—имѣлъ положительное намѣреніе избѣжать войны въ началѣ конференціи, то вооруженіе крѣпостей было бы безполезно; если же, напротивъ, Турки имѣли намѣреніе съ оружіемъ въ рукахъ отвергнуть наши

[1]) Письмо Дибичу 10-го октября 1826 г. изъ Москвы.

требованія, то не имѣемъ-ли мы права предполагать, что они подписали договоръ для того, чтобы выиграть время и парализовать наше выгодное положеніе въ отношеніи къ нимъ и ихъ друзьямъ? Всѣ упомянутыя крѣпости на-половину вооруженныя и защищаемыя незначительными гарнизонами, сдались бы одна за другою и дали бы намъ шансы къ успѣху, какъ для продолженія войны весною, такъ и для заключенія мира зимою. Въ настоящую же минуту, не имѣя выгодъ прочнаго мира, мы теряемъ, а можетъ быть, уже и потеряли, всѣ выгоды удачной войны, и если бы намъ пришлось воевать за Грековъ, то положеніе наше не только въ отношеніи Турокъ, но и въ отношеніи европейскихъ соперниковъ было бы совершенно другимъ. Для Англичанъ прямая выгода оттянуть войну насколько возможно, до устройства ихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ... Австрія же старается насъ усыпить насколько возможно, чтобы самой оставаться разоруженною и въ безопасности, какъ она была до сихъ поръ. Сборъ 80 тыс. человѣкъ, о которомъ говорятъ донесенія агентовъ, имѣетъ мало вѣроятія. Однако, это надо было бы узнать навѣрное и доказать партизанамъ Австрійцевъ (если они дѣйствительно желаютъ имѣть обсерваціонный корпусъ на нашей границѣ), что они не такіе намъ друзья, какими ихъ намъ представляютъ"...

Въ заключеніе Киселевъ полагалъ необходимымъ: 1) предписать Минчаки (нашему консулу въ Валахіи) узнать, дѣйствительно-ли приказано снабдить продовольствіемъ крѣпости на Дунаѣ и справедливы-ли сообщенія нашихъ агентовъ; 2) послать въ княжества новыхъ агентовъ, чтобы имѣть точныя свѣдѣнія обо всемъ, тамъ происходящемъ, и 3) отправить вѣрнаго и способнаго агента на австрійскую границу, чтобы узнать, что тамъ дѣлается и дѣйствительно-ли призваны отпускные и закупаются ремонты? Посылку агентовъ въ княжества Киселевъ принималъ на себя, а отправленіе агента на австрійскую границу предоставлялъ правительству, такъ какъ для этого порученія, по его мнѣнію, требовался человѣкъ способный и значительнаго положенія. Въ заключеніе Киселевъ писалъ, что „онъ надѣется доказать Государю, что у него нѣтъ

слуги болѣе вѣрнаго и болѣе ревностнаго, и что честность и справедливость всегда восторжествуютъ надъ клеветою и предубѣжденіемъ".

Изъ этого письма видно, что Павелъ Дмитріевичъ желалъ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ въ отношеніи Турціи; заключительныя же слова доказываютъ, что онъ продолжалъ думать, что у Государя оставались еще слѣды неудовольствія противъ него по дѣлу декабристовъ.

Онъ желаетъ принятія мѣръ быстрыхъ и рѣшительныхъ.

Дибичъ на это отвѣчалъ [1]), что онъ приведенное письмо представлялъ Государю, и что Его Величество одобряетъ взглядъ Киселева на положеніе дѣлъ, но думаетъ, что его опасенія преувеличены и предоставляетъ ему послать новыхъ агентовъ на берега Дуная, чтобы узнать настоящее положеніе дѣлъ въ княжествахъ и Болгаріи. Что касается до посылки агента для собранія свѣдѣній о вооруженіи Австрійцевъ въ Венгріи, то Его Величество считаетъ неудобнымъ поручать подобнаго рода дѣло лицу высокаго положенія. Второстепенное лицо, способное и преданное, будетъ имѣть болѣе успѣха, не навлекая на себя подозрѣнія правительства. Избраніе такого лица Государь предоставлялъ Киселеву съ вѣдома главнокомандующаго.

Въ томъ же мѣсяцѣ [2]) Киселевъ, по возвращеніи въ Тульчинъ, сообщалъ Дибичу, что ратификаціи аккерманскаго договора только что получены въ арміи, и что главнокомандующій уже сдѣлалъ распоряженіе о возвращеніи на просторныя квартиры, какъ тѣхъ войскъ, которыя были собраны у Аккермана, по приказанію, полученному Киселевымъ отъ Дибича въ Твери [3]), такъ и тѣхъ, которыя занимались фортификаціонными работами въ Измаилѣ. Въ этихъ войскахъ было очень много больныхъ, такъ что въ одномъ 6-мъ корпусѣ (Сабанѣева) ихъ насчитывалось до 2 т. Киселевъ обѣщалъ принять всевозможныя мѣры къ излеченію ихъ. Не смотря на миръ,

Распоряженія во 2-й арміи послѣ заключенія аккерманской конвенціи.

[1]) 26 октября, 1826 г.

[2]) 30 октября 1826 г.

[3]) Государь во время пребыванія въ Москвѣ, ѣздилъ оттуда на нѣсколько дней въ Тверь для осмотра войскъ; въ свитѣ Его Величества были Дибичъ и Киселевъ.

главнокомандующій предполагалъ посвятить зиму исключительно поправкѣ обозовъ, требовавшихъ особеннаго вниманія; Киселевъ это принялъ лично на себя. Что же касается Турецкихъ крѣпостей, то Киселевъ считалъ необходимымъ продолжать наблюденія надъ ними, какъ лучшій способъ узнать дальнѣйшія намѣренія Порты, въ отношеніи насъ. Когда послѣ возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Турціею, отправлялся въ Константинополь Рибопьеръ, Киселевъ испросилъ разрѣшеніе отправить съ нимъ подполковника генеральнаго штаба Руге, съ порученіемъ при проѣздѣ туда и обратно повѣрить карту Турціи, составленную въ штабѣ 2-й арміи [1]).

Желаніе Киселева служить въ дѣйствующей арміи за Кавказомъ.

Всѣ заботы объ управленіи арміею въ мирное время и даже приготовленіе ея къ войнѣ не удовлетворяли Киселева; онъ желалъ перемѣнить свое положеніе на непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ началѣ 1827 года война съ Персіею еще не была кончена; между тѣмъ, возникли пререканія между генералами Ермоловымъ и Паскевичемъ; въ Грузію былъ посланъ Дибичъ. Павелъ Дмитріевичъ, узнавъ объ этомъ, писалъ ему:

„15-го февраля, 1827 г. Тульчинъ.

„Я сейчасъ узналъ, что вы уѣзжаете въ Грузію. Если по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, вы должны будете тамъ остаться, и если вы думаете, что человѣкъ, исполненный ревности и доброй воли, можетъ быть вамъ полезенъ, то располагайте мною. Будьте въ особенности увѣрены, что я ничего такъ не желаю, какъ представить вамъ положительныя доказательства моей благодарности за ваше доброе ко мнѣ расположеніе, и что съ этою единственно цѣлію я пишу это письмо“.

Дибичъ отвѣчалъ:

„Тифлисъ 2 апрѣля 1827 г.

„Я очень благодаренъ за письмо ваше, отъ 15-го февраля. Мое здѣсь пребываніе только временное и я не могу воспользоваться вашимъ любезнымъ предложеніемъ, которое служитъ мнѣ доказательствомъ вашей дружбы; расчитывайте также и на мою и если мы не можемъ сражаться противъ

[1]) Письмо къ Дибичу 12 ноября, 1826 г.

сыновъ Алія, то не будемъ терять надежды воевать съ сынами Омара".

Вопросъ Бенкендорфа о смѣщеніи генерала Ермолова и отвѣтъ Киселева.

Слѣдствіемъ поѣздки Дибича въ Грузію было назначеніе Паскевича на мѣсто Ермолова. Шефъ жандармовъ, Бенкендорфъ по этому случаю писалъ между прочимъ Киселеву [1]): „Скажите мнѣ, какое впечатлѣніе произвела въ вашей арміи перемѣна главноуправляющаго въ Грузіи? Вы поймете, что Государь не легко рѣшился на увольненіе Ермолова. Въ теченіи 18 мѣсяцевъ Онъ терпѣлъ всѣхъ, начиная съ нѣкоторыхъ старыхъ и неспособныхъ париковъ министровъ. Надо было имѣть въ рукахъ сильныя доказательства, чтобы рѣшиться на смѣщеніе съ столь важнаго поста и особенно во время войны, человѣка, пользующагося огромною репутаціею и который въ теченіи 12 лѣтъ управлялъ дѣлами лучшаго проконсульства въ Имперіи".

Киселевъ отвѣчалъ [2]):

....„Общественное мнѣніе у насъ не имѣетъ своихъ органовъ, и потому трудно что нибудь о немъ сказать. Офицеры, разсѣянные на огромномъ пространствѣ, весьма мало интересуются дѣлами, не относящимися до нихъ непосредственно, и не имѣя служебныхъ отношеній къ генералу, говорятъ о немъ съ равнодушіемъ. Къ этому я прибавлю, что перемѣна лица, какого бы то ни было, не можетъ имѣть важности, когда довольны общимъ ходомъ дѣлъ; въ противномъ случаѣ это имѣетъ свое значеніе. Отозваніе фельдмаршала Румянцева почти не было замѣчено, а онъ пользовался огромною славою; въ другое время, перемѣна лица, далеко незначительнаго, кажется преступленіемъ. Все это относительно, особенно въ мнѣніяхъ.— Такова моя мысль".

Приготовленіе моста для переправы чрезъ Дунай; избраніе мѣста для этой переправы.

По возвращеніи Дибича въ Петербургъ, переписка его съ Киселевымъ возобновилась съ особою дѣятельностію; она вся относилась до приготовленій на случай войны.

Для переправы нашихъ войскъ за Дунай предполагалось навести понтонный мостъ. Представивъ приблизительную смѣту

---

[1]) 6-го апрѣля 1827 г. изъ С.-Петербурга.

[2]) 28-го апрѣля, 1827 г. изъ Тульчина.

этой постройки, Киселевъ просилъ Дибича предписать адмиралу Грейгу окончить постройку понтоновъ съ такимъ разсчетомъ во времени, чтобы они могли быть доставлены въ Измаилъ не позднѣе ноября; иначе мы рискуемъ совсѣмъ не имѣть моста къ веснѣ, и если и будемъ имѣть, то съ двойными издержками.

Осмотрѣвъ 6-й корпусъ, расположенный въ Бессарабіи, Киселевъ спустился по Дунаю отъ Рени до Измаила и убѣдился, что на разстояніи 80 верстъ наводка моста возможна лишь въ одномъ мѣстѣ, въ 3-хъ верстахъ ниже Исакчи [1]). Крѣпость Исакчу Киселевъ находилъ менѣе укрѣпленною, чѣмъ думали, и полагалъ, что однимъ ударомъ, секретно подготовленнымъ, въ Измаилѣ или Рени, ею можно овладѣть при самомъ началѣ кампаніи.

Заботы Киселева объ обезпеченіи морскихъ перевозочныхъ средствъ для арміи въ случаѣ войны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предупреждалъ Дибича, что наши морскія перевозочныя средства, заключающіяся въ судахъ черноморской флотиліи и коммерческихъ, весьма недостаточны; что въ виду этихъ обстоятельствъ, онъ совѣтывался съ опытными людьми, изъ которыхъ одесскій коммерсантъ коммерціи совѣтникъ Ризничъ, въ особой запискѣ изложилъ свои взгляды, признанные Киселевымъ достойными наибольшаго довѣрія и могущими принести пользу въ случаѣ надобности. Именно съ этою цѣлію Киселевъ представилъ записку Ризнича Дибичу и полагалъ, что если она не будетъ признана удобною къ исполненію, то во всякомъ случаѣ можетъ послужить *основаніемъ* для совѣщаній и орудіемъ противъ спекуляцій, которыя будутъ предложены правительству [2]).

Исполненіе дислокаціи войскъ.

Дислокація войскъ, составленная при 2-й арміи, была отправлена въ С.-Петербургъ на утвержденіе. Въ августѣ мѣсяцѣ она была возвращена Киселеву, который, найдя въ ней нѣкоторыя приказанія несходными съ его предположеніями и не считая себя вправѣ сдѣлать, безъ особаго разрѣшенія,

[1]) Письмо къ Дибичу 8 іюля, 1827 г. изъ Тульчина. Въ памятной книжкѣ, на тотъ годъ, записано, что Павелъ Дмитріевичъ, вмѣстѣ съ Завадовскимъ, Вахтеномъ и Макаровымъ, спускался по Дунаю 30 іюня.

[2]) Письмо 8 іюля, 1827 г.

какія либо измѣненія, представилъ Дибичу свое мнѣніе въ четырехъ докладныхъ запискахъ [1]).

Затѣмъ, распорядившись исполненіемъ приказаній, изложенныхъ въ дислокаціи, Киселевъ писалъ Дибичу:

„5-го сентября 1827 г. Одесса.

„...Завтра я отправляюсь на Днѣстръ распоряжаться переправою войскъ, и чтобы видѣть, исполняются ли въ точности приказанія главнокомандующаго. Я надѣюсь на это, и буду распоряжаться съ большею строгостію, чѣмъ когда либо, ибо если мы пойдемъ за-границу, то наибольшая часть успѣха войны будетъ зависѣть отъ строжайшаго соблюденія порядка и дисциплины; забвеніе этого начала имѣло пагубныя послѣдствія въ послѣднія войны въ Булгаріи; надобно въ этомъ сильно убѣдиться и пріучить войска“.

Заботы Киселева объ устройствѣ внѣшней полиціи; полковникъ II. II. Липранди.

Въ то же время Киселевъ обратилъ особенное вниманіе на усиленіе внѣшней полиціи, которая до того времени не имѣла ничего опредѣленнаго и организація которой требовала значительныхъ улучшеній. Между всѣми чиновниками, употреблявшимися для той службы, Киселевъ замѣтилъ полковника II. II. Липранди, особенно выдвигавшагося своими способностями, знаніями, ловкостью и обстоятельнымъ изученіемъ нижняго Дуная. Отсылая его записку Дибичу, Киселевъ писалъ: „....Записка, которую онъ (Липранди) мнѣ представилъ, заслуживаетъ полнаго вниманія.—Я не знаю никого болѣе способнаго дать вѣрное понятіе о положеніи и средствахъ княжествъ, о которыхъ мы имѣемъ такъ мало свѣдѣній. Онъ обѣщалъ все разузнать съ помощію агентовъ, которыхъ слѣдуетъ послать въ княжества передъ нимъ. Если вы примите во вниманіе это обстоятельство, то пришлите приказаніе...“

Новыя свѣдѣнія о приготовленіяхъ Турціи и Австріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Киселевъ сообщалъ о всѣхъ текущихъ происшествіяхъ, новостяхъ и приготовленіяхъ. По слухамъ, Турки стараются выиграть время нерѣшительными отвѣтами.—Фонтонъ, пріѣхавшій изъ Константинополя, тоже это утверждалъ. Киселевъ полагалъ, что неопредѣленности надо положить ко-

[1]) Письмо Киселева 11-го августа, 1827 г.

нецъ и начать дѣйствовать рѣшительно—единственный способъ приличный въ сношеніяхъ съ Турками; отсрочка будетъ выгодна только для нихъ. Коммерческимъ путемъ сообщалось, что Австрійцы реорганизуютъ армію и, помимо временныхъ призывовъ, собираютъ 60 тыс. чел., о чемъ распоряженія уже сдѣланы. Австрійцы желаютъ занять Валахію.

Къ 25-му сентября, по словамъ Киселева, вся 2-я армія будетъ въ сборѣ и до октября снабжена фуражемъ. На дальнѣйшее же время, въ особенности если войска должны простоять на границѣ, слѣдуетъ подумать о продовольствіи и преимущественно о фуражѣ, заготовленіе котораго весьма затруднительно [1]).

Душевное настроеніе Киселева.

Изъ приведенной переписки между Дибичемъ и Киселевымъ видно, что они были въ хорошихъ между собою отношеніяхъ; переписка не была дружескою, она касалась исключительно служебныхъ дѣлъ,—въ ней выказывалась только внѣшняя сторона жизни; душевное, внутреннее настроеніе Киселева въ это время можно видѣть изъ дружеской откровенной переписки съ Закревскимъ. Въ письмѣ къ нему отъ 26-го октября 1827 г., Павелъ Дмитріевичъ между прочимъ писалъ: „Справься у Орлова и Меншикова, не ожидаютъ ли они производства; я, Божьею милостію, нахожусь между сими вельможами и полагаю, что по ихъ милости и при нихъ добьюсь до третьей звѣздочки.—10 лѣтъ я генералъ-маіоръ и управляю не бригадою или полкомъ въ столицѣ, но въ грязной скучной дырѣ сижу за бумагами по 13 и 14 часовъ въ сутки, имѣя отвѣтственность ужасную и долженъ желѣзною рукою держать и поддерживать все то, что попускается слабостію и дряхлостію. Признаюсь, что силъ не имѣю выдерживать убійственную сію жизнь и не знаю что и предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Жена пріѣхала изъ Карлсбада и все нездорова; а къ тому и томится отъ скуки 6-ти-лѣтняго здѣсь пребыванія. Я желалъ бы пріѣхать въ Петербургъ, но проситься не хочется. Завтра отправляю общій обзоръ всѣхъ военныхъ приготовленій.—Но какъ всѣ бумаги будутъ

Переписка съ Закревскимъ и Дибичемъ.

[1]) Письмо Дибичу, 5-го сентября 1827 года.

подписаны не моимъ именемъ, то и спасибо не скажутъ; а трудовъ и хлопотъ было довольно“.

О военныхъ приготовленiяхъ Киселевъ писалъ:

„8-го ноября. Тульчинъ.

„Побѣда подъ Навариномъ заставила насъ опять стать подъ ружье, ибо сосѣди наши отъ испуга или отъ дерзкихъ ихъ замысловъ, также приняли военныя осторожности и готовятся къ дѣйствiю. Мы всѣ измучены безпрерывными нашими полувоенными движенiями и приготовленiями къ войнѣ, которой, кажется, опять намъ не видать, по крайней мѣрѣ, такъ полагаютъ одесскiе купцы, имѣющiе торговыя отношенiя съ Царьградомъ“.

Закревскiй на это письмо отвѣчалъ [1]): „Наваринская побѣда и выѣздъ изъ Константинополя пословъ союзныхъ трехъ державъ подали поводъ Государю рѣшиться занять Молдавiю и Валахiю въ мартѣ мѣсяцѣ; по продовольственной части посылается надняхъ къ вамъ Абакумовъ и назначено взять хлѣба изъ поселенiя Витта, который назначается командиромъ резервнаго корпуса вашей армiи. Тебя позовутъ сюда въ февралѣ мѣсяцѣ; отсюда ты поѣдешь съ могущественнымъ Дибичемъ, а Государь поѣдетъ, какъ говорятъ, въ мартѣ мѣсяцѣ; я спѣшу тебя о семъ увѣдомить, дабы ты заготовилъ все съ собою взять что нужно“.

Въ другомъ письмѣ Закревскiй писалъ Киселеву о томъ, что онъ сдѣлалъ промахъ не подписавъ представленiя о военныхъ приготовленiяхъ. Павелъ Дмитрiевичъ на это отвѣчалъ [2]): „Ты мнѣ пишешь любезный другъ, о *промахѣ* мною сдѣланномъ; но я нарочно не былъ *подписчикомъ* потому, что былъ единственнымъ редакторомъ.—Самъ у себя безъ посредства другихъ занимался 6 недѣль и сдѣлалъ, какъ умѣлъ. Выказывать себя было бы неприлично и чувствительно для человѣка, котораго люблю и уважаю, и который ко мнѣ имѣетъ

---

[1]) 16-го декабря 1827 г. изъ Петербурга.
[2]) 10-го декабря 1827 г. изъ Тульчина.

полное довѣріе. Впрочемъ лишь бы дѣло дѣлалось успѣшно, а кѣмъ и какъ—мнѣ все равно; я честолюбія своего въ томъ не поставляю; знающіе обстоятельства знаютъ какъ они и совершаются; а для незнающихъ подпись есть вывѣска безполезная".

Слѣдя постоянно за тѣмъ, что дѣлалось за границею, въ сосѣднихъ областяхъ Турціи и Австріи, Павелъ Дмитріевичъ въ декабрѣ извѣщалъ Дибича [1]), что, по слухамъ, Австрійцы усиливаютъ корпуса въ Буковинѣ и Трансильваніи, что Турки намѣрены войти въ княжества, и что въ Дунайскихъ крѣпостяхъ весьма дѣятельно приготовляются къ войнѣ.... Киселевъ въ особенности обращалъ вниманіе на то положеніе, въ которомъ наша армія можетъ очутиться, если австрійскій корпусъ двинется изъ Трансильваніи, чтобы помѣшать намъ занять княжества, или же расположится на восточной границѣ, чтобы угрожать нашему сообщенію.... „При скрытной и темной политикѣ Австріи надо смотрѣть на вещи съ самой невыгодной точки, и я нисколько не буду удивленъ, если она, позволивъ намъ занять княжества, двинетъ одинъ изъ своихъ корпусовъ на Серетъ и тѣмъ поставитъ насъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе.—Это движеніе 40 тыс. корпуса совершенно порализируетъ наши сообщенія, которымъ и безъ того довольно будетъ мѣшать Браиловъ, укрѣпляемый Турками безпрестанно и всякими средствами.... Положеніе незавидное: имѣть передъ собою непріятеля, закрытаго рѣкою, а сбоку сомнительнаго друга, подъ защитою горной страны и на честность котораго нельзя разсчитывать.—Мои предположенія можетъ быть преувеличены, но все-таки это предметъ, требующій всесторонняго разсмотрѣнія.... Я настаиваю на томъ, что сборъ войскъ въ Трансильваніи и Буковинѣ дѣлается съ цѣлью помѣшать нашему движенію большими силами къ Дунаю, или же отвлечь значительную часть этихъ силъ.... Я вамъ пишу это со всею откровенностію человѣка, относящагося съ особеннымъ уваженіемъ къ вашимъ талантамъ, и солдата, го-

[1]) Письмо 15-го декабря 1827 г. изъ Тульчина.

рячо желающаго войны, но прежде всего войны побѣдоносной для славы Государя и родины [1])...

19-го декабря Дибичъ сообщалъ Киселеву, что хотя вопросъ о войнѣ еще не рѣшенъ, но положеніе до того натянуто, что кажется требованія дипломатовъ придется поддерживать съ оружіемъ въ рукахъ.

Получивъ это извѣстіе, Киселевъ просилъ перемѣнить въ войскахъ многихъ начальниковъ, которые, или по старости, или по неспособности, негодятся для военныхъ дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ обращалъ вниманіе Дибича на то, что если начать войну внезапно, какъ вѣроятно, предполагается, то необходимо имѣть достаточно средствъ и въ особенности стараться снабжать ими войска вовремя и избѣгать въ этомъ случаѣ экономіи. „Войска уже съ мая безпрерывно находятся въ движеніи, офицеры же въ большой нуждѣ".

---

[1]) Письмо 19 декабря 1827 г.

ГЛАВА XII.

1828 г.

Слухи о сохраненіи мира.—Скептическіе взгляды на войну Киселева и Закревскаго.—Отъѣздъ Киселева въ Петербургъ; занятія тамъ; манифестъ и декларація о войнѣ; возвращеніе въ Тульчинъ.—Письмо къ матери предъ отъѣздомъ на войну.—Составъ операціонной арміи; малочисленность ея.—Переходъ арміи чрезъ Прутъ; первоначальные успѣхи.—Киселевъ подъ Браиловымъ.—Киселевъ въ Сатуновѣ.—Переправа чрезъ Дунай въ присутствіи Государя; разсказъ Киселева объ этой переправѣ.—Переѣздъ Государя чрезъ Дунай.—Движеніе арміи и главной квартиры къ Шумлѣ.—Письма Киселева къ матери и Закревскому изъ лагеря при Карасу.—Переправа чрезъ Буланлыкъ.—Награда Киселеву; письмо къ матери.—Отъѣздъ Государя въ Варну изъ лагеря подъ Шумлою; распоряженія Его предъ отъѣздомъ.—Положеніе арміи подъ Шумлою въ началѣ августа и сентября.—Отступленіе арміи отъ Шумлы.—Отъѣздъ Киселева въ Варну.—Перенесеніе главной квартиры въ Яссы.—Отъѣздъ Дибича въ Петербургъ.—Личное участіе Киселева въ сраженіяхъ 1828 года.—Недовольство Киселева своимъ положеніемъ.

Слухи о сохраненіи мира.

Несмотря на производившіяся въ теченіе всего 1827 г. приготовленія къ войнѣ, въ началѣ 1828 года снова возникли слухи о мирномъ настроеніи. Киселевъ, отправясь въ началѣ января въ Кіевъ для закупки, вмѣстѣ съ присланнымъ нарочно сенаторомъ Абакумовымъ, продовольственныхъ припасовъ, писалъ Закревскому [1]):

..."Я завтра ѣду въ Кіевъ, гдѣ мои дѣла собственныя и дѣла съ Абакумовымъ продержатъ меня до 20 числа, и по-

[1]) 13-го января, изъ Тульчина.

томъ, что изъ меня будетъ—не знаю; мы дѣятельно готовимся къ походу и кажется все обдумано и обсуждено достаточно; народная молва однакожъ утверждаетъ, что войны не будетъ, а Австрійцы въ томъ не сомнѣваются. Турки продолжаютъ усиливаться на Дунаѣ, и хотя босые и нагіе, но идутъ чрезъ Балканы къ Шумлѣ, гдѣ имъ назначено сборное мѣсто". Въ другомъ письмѣ изъ Кіева, отъ 22 января, онъ говоритъ: „Мы здѣсь съ Абакумовымъ хлопотали о закупкѣ хлѣба и овса и не во всемъ успѣли, ибо перевозка въ настоящее время затрудняетъ всѣ операціи... Коммерческіе слухи и письма изъ Вѣны рѣшительно говорятъ о сохраненіи мира, и досадно будетъ если всѣ наши заботы останутся безъ цѣли; однакожъ я тѣмъ воспользуюсь и отправлюсь въ Карлсбадъ".

Скептическіе взгляды Киселева и Закревскаго на войну.

Собственно для себя Киселевъ желалъ, чтобы война началась; но онъ въ то же время не ограничивалъ своего взгляда на войну личнымъ честолюбіемъ,—онъ обнималъ предметъ и съ другихъ сторонъ, обращалъ вниманіе на политическую и экономическую сторону дѣла. Въ приведенномъ нами письмѣ отъ 22 января, онъ писалъ Закревскому: ....„Вѣнскій кабинетъ въ большихъ и безпрестанныхъ сношеніяхъ съ Турками; но, судя по медленному вооруженію ихъ (Австрійцевъ) обсерваціоннаго корпуса, должно полагать, что дѣйствительно войны не будетъ; впрочемъ, время скоро объяснитъ всю эту путаницу, которую дѣйствительно понять трудно; ибо союзники наши отклоняютъ войну, а мы заблаговременно объявили, что цѣли въ войнѣ для Россіи не имѣемъ. Между тѣмъ коммерція наша страдаетъ и никто не помышляетъ, что симъ положеніемъ пріятели наши стараются воспользоваться для ослабленія, такъ-называемаго, *колоса на глиняныхъ ногахъ*, ибо государство безъ денегъ и промышленности тому весьма уподобиться можетъ, и справедливымъ образомъ. Нессельродъ удаляетъ истину для сохраненія мѣста своего, и сколько бы Государь ни желалъ возстановить внѣшнія наши отношенія съ прочими державами, Ему будетъ сіе трудно безъ помощниковъ, которые бы умѣли дать развитіе Его намѣреніямъ... Я ничего не знаю о моей поѣздкѣ въ Петербургъ;

кажется, она несбудется; однако же постарайся о семъ узнать и увѣдомь меня“...

Въ С.-Петербургѣ также не всѣ были за войну, не всѣ ожидали отъ нея пользы для Россіи. Закревскій высказывалъ Киселеву такое мнѣніе, которое, конечно, принадлежало не ему одному:

„Дѣлаемыя приготовленія и данныя вамъ повелѣнія и Черноморскому флоту, ясно показываютъ, что война неизбѣжна: но какая будетъ польза для Россіи—это рѣшитъ время [1]).. Дай Богъ, чтобы всѣ ваши заботы остались безъ цѣли, чѣмъ имѣть войну, неприносящую ни какой пользы Россіи и болѣе сдѣлаютъ вреда по слабому ея состоянію. Газеты англійскія также подтверждаютъ, что войны не будетъ... Сужденіе твое насчетъ политическихъ нашихъ отношеній, совершеннаго безденежья и промышленности совершенно справедливо, и о семъ говорить и повторять одно и тоже нѣтъ надобности; надо признаться, что наши дипломаты недальновидны [2]).

Отъѣздъ Киселева въ Петербургъ; занятія тамъ; манифестъ о войнѣ; возвращеніе въ Тульчинъ.

Война однакоже была рѣшена, и для окончательнаго обсужденія ея плана Киселевъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, куда онъ отправился 11 марта и выѣхалъ обратно 1-го апрѣля. Во время кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, онъ ежедневно занимался съ Дибичемъ, и нѣсколько разъ работалъ съ Государемъ и гр. Нессельродомъ. Въ памятной книжкѣ у него, между прочимъ, записано:

„20 марта (на другой день пріѣзда): представленіе ко Двору; работа съ гр. Дибичемъ отъ 10 ч. до 3-хъ ч.; работа съ Государемъ отъ 10 ч. до 1 ч.; 30 марта: работа у Государя съ Дибичемъ; конференція у гр. Нессельрода о *декларацiи*“.

Манифестъ и декларація о войнѣ были подписаны 14-го апрѣля 1828 года.

Киселевъ возвратился въ Тульчинъ 8-го апрѣля; 12-го выступила изъ Тульчина главная квартира.

Письмо къ матери передъ отъѣздомъ на войну.

16-го апрѣля Павелъ Дмитріевичъ писалъ матери изъ Тульчина:

---

[1]) Письмо отъ 1-го января, 1828 г.

[2]) Письмо отъ 9-го февраля 1838 г.

„При отъѣздѣ моемъ изъ Тульчина и предъ вступленіемъ въ кампанію, позвольте, матушка, чтобы я призвалъ на себя святое ваше благословеніе и чтобы съ помощію вашей любви и желаній, я надѣялся и сіе дѣло совершить съ успѣхомъ. 40 лѣтъ привыкъ почитать васъ и въ предстательствѣ вашемъ предъ общимъ Судьею нашимъ находить оплотъ и покровъ противу всѣхъ бурныхъ случаевъ жизни; вездѣ находилъ всесильную подпору Всевышняго и всегда, какъ и теперь, относилъ и отношу сіе святымъ молитвамъ вашимъ; благословите меня, и какое бы ни предстояло мнѣ заключеніе новому сему предпріятію, вѣрьте и помните, любезнѣйшая и почтеннѣйшая матушка, что имѣете или имѣли сына вамъ всѣмъ сердцемъ и всею душею преданнаго.

„И такъ, прощайте; да поможетъ вамъ Богъ совершить покойно и благословенно остатокъ добродѣтельной жизни вашей и еще разъ помнить и благословить сына Павла, довѣренно васъ о семъ просящаго“.

Составъ операціонной арміи; малочисленность его.

Операціонную армію составляли три корпуса: 3-й корпусъ подъ командою Рудзевича, 6-й корпусъ подъ командою Рота и 7-й корпусъ подъ командою Воинова,—при нихъ 420 пушекъ полевой и 48 пушекъ осадной артиллеріи. Численность всей арміи простиралась до 106 тыс. человѣкъ,—между тѣмъ какъ Киселевъ, при обсужденіи плана войны въ Петербургѣ, доказывалъ необходимость имѣть операціонную армію въ составѣ 160 тыс. человѣкъ, такъ какъ для занятія княжествъ въ теченіе всей войны, необходимо отъ 30 до 40 тыс. человѣкъ, которыхъ оттуда нельзя будетъ двинуть.

Переходъ арміи чрезъ Прутъ и первоначальные успѣхи.

26-го апрѣля армія перешла въ трехъ пунктахъ Прутъ: въ Скулянахъ, Фальчи и Вудолай-Исаки. Въ тотъ же день Киселевъ писалъ Закревскому:

„26-го апрѣля 1828 г. Водулай-Исаки.

„Армія въ составѣ двухъ корпусовъ, 6-го и 7-го, перешла Прутъ на двухъ пунктахъ и на третьемъ противъ Яссъ. Галацъ занятъ, и въ ономъ взято 50 Турокъ, 6 судовъ и нѣсколько провіанта съ нѣкоторымъ запасомъ дерева, желѣза и

пр., для предстоящей осады весьма важныхъ. На Дунаѣ захватили въ тотъ же день, т.-е. 25-го числа, 15 судовъ, и я надѣюсь, что завтра получимъ извѣстіе о взятіи Яссъ и другія подробности о переправѣ чрезъ Серетъ; надѣюсь также, что въ Бухарестѣ предупредимъ Турокъ и спасемъ сей городъ отъ раззоренія. Впрочемъ, чрезъ 5 дней все сіе объяснится, а на сей разъ обнимаю тебя, любезный другъ, и ложусь спать, ибо измученъ такъ, что отъ прилива крови къ головѣ я приставилъ вчера вечеромъ 40 піявокъ и нѣсколько ослабѣлъ.

„Извѣстіе получено, что уже 22 судна взяты на Дунаѣ и безпрерывно таковыя намъ попадаются въ руки; но бѣда въ томъ, что Дунай поднимается до крайности и затопилъ нашъ берегъ на 15 верстъ".

Киселевъ подъ Браиловомъ.

Киселевъ, кромѣ занятій письменныхъ, дѣятельно слѣдилъ за движеніемъ войскъ. Замѣтивъ безпорядки при движеніи обозовъ 7-го корпуса, онъ выѣхалъ, 28-го апрѣля, изъ Водулай-Исаки къ Максимену, откуда на другой день отправился къ Браилову, составивъ предварительныя предположенія объ осадѣ этой крѣпости.

Къ Браилову въ это время уже пріѣхалъ Дибичъ; 5-го мая пріѣхалъ В. К. Михаилъ Павловичъ, а 7-го пріѣхалъ Государь. 13-го Государь уѣхалъ изъ-подъ Браилова въ Бендеры для встрѣчи Императрицы и вмѣстѣ съ нею 15-го мая прибылъ въ Одессу.

Киселевъ съ фельдмаршаломъ оставался подъ Браиловомъ до 22-го мая, когда онъ отправился въ Сатуновъ, куда прибылъ въ одно время съ графомъ Витгенштейномъ, по приглашенію Государя, для личнаго осмотра переправы.

Подъ Браиловомъ Киселевъ проводилъ время въ напряженной дѣятельности: онъ производитъ рекогносцировки предмѣстій Браилова, составляетъ диспозиціи для занятія предмѣстій, присутствуетъ при ея исполненіи подъ выстрѣлами непріятеля; избираетъ мѣсто для батарей противъ флотиліи, осматриваетъ раненыхъ и заботится объ отвращеніи дурнаго съ ними обращенія, осматриваетъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и потомъ съ Государемъ лагерное расположеніе войскъ и поло-

женіе крѣпостей; участвуетъ постоянно въ военныхъ совѣтахъ, пишетъ замѣчанія на проектъ осады, составленный Великимъ Княземъ. Все это дѣлалось независимо отъ лежавшей на обязанности начальника штаба переписки и личныхъ объясненій съ Великимъ Княземъ и Государемъ. Объ одномъ изъ такихъ объясненій въ дневникѣ Павла Дмитріевича записано подъ 10-мъ мая: „Государь осматриваетъ лагерь и остается онымъ доволенъ. Послѣ обѣда я былъ у Его Величества, читалъ рапортъ Руге изъ Калараша и представилъ письмо бояровъ валахскихъ; на фразѣ éternelle fidélité Государь сказалъ: Мнѣ ея не нужно, и Я имъ буду отвѣчать, чтобы и въ головѣ не имѣли присоединенія къ Россіи... Хвалитъ порядокъ въ арміи, говоритъ, что освѣдомлялся дорогою о проходѣ арміи и все слышалъ похвальное. Разговоръ о кампаніи и мое заключеніе, что движеніе за Дунай необходимо для занятія горъ до усиленія въ нихъ Турокъ, ибо въ полѣ 1 русскій на 5 турокъ, а въ горахъ 1 турокъ противъ 5 русскихъ. Цѣль кампаніи—до Бургаса".

Киселевъ въ Сатуновѣ.

По прибытіи въ Сатуновъ, въ тотъ же день Киселевъ, вмѣстѣ съ кн. Горчаковымъ, осматривали, подъ сильнымъ пушечнымъ со стороны Турокъ огнемъ, мѣсто, назначенное для переправы чрезъ Дунай; вечеромъ онъ былъ у Государя вмѣстѣ съ гр. Дибичемъ и генераломъ Рудзевичемъ; въ дневникѣ онъ записалъ слѣдующее: „Разсужденіе объ Его преднамѣреніяхъ; мысли правильныя, въ которыхъ особенно замѣтить можно желаніе сохранить людей, -- что̀ составляетъ замѣчательную черту въ характерѣ молодаго и твердаго Императора".

Переправа чрезъ Дунай въ присутствіи Государя; разсказъ Киселева объ этой переправѣ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для переправы, именно 26-го мая вечеромъ, Государь осматривалъ мѣсто наиболѣе удобное для посадки войскъ на суда; Онъ отдалъ приказаніе для завтрашняго дня, и обращаясь къ Киселеву, сказалъ ему, что Онъ разсчитываетъ на него, что переправа совершится успѣшно съ наименьшею потерею людей [1]). Объ этой переправѣ Киселевъ въ своемъ дневникѣ записалъ: „Нахожу на разсвѣтѣ Сухтелена и Рудзевича на переправѣ; послѣдній отво-

[1]) P. Lacroix: Histoire de la vie et du règne de Nicolas I. T. III. p. 273.

дитъ меня (въ сторону) и увѣряетъ, что переправа невозможна и не исполнится; Сухтеленъ подтверждаетъ безнадежность успѣха и что *не хотятъ*. Стараюсь дать движеніе; угрюмость многихъ, готовность Горчакова и Берга. Запорожцы. Пріѣздъ и скорый отъѣздъ адъютантовъ. Ядра въ колонну и корабли. Отплытіе первыхъ лодокъ; удаленіе ихъ по теченію. Я ѣду на ту сторону взявъ (не разобрано) и пригласивъ кн. Мадатова, поднимаюсь вверхъ къ непріятельской батареѣ. Вельяминовъ впереди меня отыскиваетъ мѣсто для выгрузки. *Минута нерѣшительности.* Еще 100 саженъ впередъ и мѣсто отыскано. Патаніоти пріѣзжаетъ ко мнѣ за приказаніемъ; подвигаю его флотилію выше себя для дѣйствія картечью; ружейной стрѣльбы непріятельской не слышу и не вижу; наши въ лѣсу стрѣляютъ; на батареяхъ одно орудіе еще продолжаетъ стрѣлять,—но непріятель отступилъ и храбрецы Б. Г. и прочіе впередъ, а я къ флотиліи и на батарею нашу обратно, гдѣ нашелъ Витта. Усталый отъ 10-часоваго крика и разныхъ впечатлѣній, ѣду къ Государю и тамъ остаюсь 2 часа; послѣ чего обращаюсь къ Бергу для начатія распоряженій о мостѣ и плотинѣ; возвращаюсь вечеромъ въ Сатуновъ и поздравленъ генералъ-лейтенантомъ“.

Въ дополненіе къ этой запискѣ Киселева, вотъ еще нѣкоторыя подробности изъ разсказа Лакруа:

Киселевъ, считая, что на его отвѣтственности лежитъ успѣхъ предпріятія, увидѣлъ, что суда съ войсками быстрымъ теченіемъ рѣки относило къ мѣсту, гдѣ пристать къ берегу было невозможно; онъ замѣтилъ, что на другой сторонѣ рѣки 4 донскіе казака, переправившіеся съ вечера и проведшіе ночь на непріятельскомъ берегу, подавали знаки пристать къ нимъ;—бросившись въ лодку съ нѣсколькими офицерами, приказалъ везти себя на другой берегъ къ мѣсту, которое онъ считалъ болѣе удобнымъ къ высадкѣ; князь Горчаковъ и еще нѣсколько офицеровъ послѣдовали за нимъ; лодки ихъ остановились на другой сторонѣ на отмели; чтобъ достигнуть берега, Киселевъ, не останавливаясь ни минуты, бросился по поясъ въ воду и достигъ берега; его примѣръ увлекъ начальниковъ и солдатъ;

всѣ бросились за нимъ, идя въ грязи, съ опасностію въ ней потонуть, прокладывая себѣ дорогу среди камышей и кустарниковъ, до тѣхъ поръ, пока достигли твердой земли.

Когда мокрый и покрытый грязью Киселевъ возвратился къ Императору, Онъ закричалъ издали:

— Я знаю твои новости; ты первый перешелъ и показалъ дорогу другимъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ съ благородною откровенностію Киселевъ,—это наши 4 казака, которые переправились вчера въ полночь и ожидали насъ на другомъ берегу Дуная.

Императоръ обнялъ Киселева и при всѣхъ благодарилъ его въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ.

Переѣздъ Государя чрезъ Дунай.

На другой день, именно 28-го мая, Государь переѣхалъ въ запорожской лодкѣ на правый берегъ Дуная, гдѣ былъ встрѣченъ графомъ Витгенштейномъ и Киселевымъ.

Движеніе арміи и главной квартиры къ Шумлѣ.

По мѣрѣ покоренія крѣпостей, Императорская и главная квартиры подвигались впередъ. 6-го іюня онѣ были уже за Трояновымъ валомъ, 7-го у Карасу, гдѣ оставались до 24-го іюня,—и затѣмъ постепенно двигались къ Шумлѣ, осада которой была рѣшена Государемъ, согласно съ планомъ Дибича, вопреки мнѣнію Витгенштейна.

Письма Киселева къ матери и Закревскому изъ лагеря при Карасу.

Вотъ письмо Павла Дмитріевича къ матери изъ лагеря при Карасу отъ 13-го іюня 1828 года:

..."Минуты мои столько взяты, что отдыха почти не имѣю, и не знаю, сколько еще выдержатъ силы, которыя дѣйствительно несоразмѣрны съ мѣстомъ мною занимаемымъ; съ другой стороны милости и еще болѣе обхожденіе Государя и воинственныя его добродѣтели не дозволяютъ помышлять о себѣ и разсчитывать выгоды и невыгоды службы, на меня возложенной. Богъ поможетъ, и сколько смогу столько и покажу усердіемъ признательность за довѣріе и милости. Я полагаю, что вы, матушка, извѣстны о всемъ, что совершено арміею въ короткое время съ открытія войны... Вскорѣ мы идемъ далѣе и съ помощію Всевышняго надѣемся достигнуть до желаемой цѣли. Больныхъ у насъ почти нѣтъ, и недостатка еще ни въ чемъ не знаемъ; все весело, все довольно, и всѣ

въ восхищеніи отъ нашего молодаго и предусмотрительнаго Царя-воеводы"...

Въ тотъ же день Павелъ Дмитріевичъ писалъ Закревскому: „Съ курьеромъ нынѣшнимъ ты узнаешь, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, что двѣ еще крѣпости намъ покорились: Кюстенджи вновь отстроенная, весьма важна по приморскому ея положенію, и Гирсовъ, по множеству припасовъ военныхъ, которые въ оной были найдены; 200 пушекъ умножаютъ число необычайное, которое пріобрѣтено переходомъ за Дунай. Переходъ сей былъ блистательный и совершенно принадлежитъ настойчивости Государя, который, видя всю возможность быстраго движенія, преодолѣлъ твердою волею всѣ неудобства и природныя сопротивленія; одинъ лишь браиловскій штурмъ мы должны оплакивать, а я болѣе другихъ, ибо потерялъ много товарищей хорошихъ и пріятелей добрыхъ; жаль, что Государь тамъ лично не былъ и быть не могъ, ибо многія дѣла исполнялись другимъ образомъ. Я съ фельдмаршаломъ оставилъ Браиловъ 11-го мая и почти предузнавалъ послѣдствія: но что же дѣлать? все кончено, и все кончено блистательно для нашего оружія. Больныхъ у насъ невѣроятно мало, отсталыхъ вовсе нѣтъ и порядокъ, кажется, вообще хорошій; лишь была бы помощь Божія, и дѣла пойдутъ кажется хорошо. Но относительно меня, то со всѣмъ усердіемъ и желаніемъ быть полезну и оправдать ласковое обращеніе Государя, я однако-же, не полагаю, чтобы силы мои вынесли обязанность, которую несу и которая несоразмѣрна съ гнилымъ моимъ здоровьемъ; впрочемъ, сколько могу, столько и буду занимать мое безвыходное и мучительное мѣсто, а потомъ, вѣроятно, и мнѣ не откажутъ нѣсколько послужить и для себя".

Главная квартира 28-го іюня прибыла въ Базарджикъ, изъ котораго выступила 4-го іюля, 5-го прибыла въ Козлуджи, 7-го въ Енибазаръ, а на слѣдующій день, 8-го іюля, началось общее движеніе арміи на Шумлу. Пройдя 12 верстъ, войска остановились, и съ кургана, лежавшаго нѣсколько влѣво отъ дороги изъ Енибазара въ Шумлу, открылась вся позиція непріятеля: на другомъ берегу тинистаго ручья стоялъ сераскиръ

Гуссейнъ-паша съ 30 тыс. человѣкъ и 18 орудіями. Послѣ кратковременнаго отдыха наша армія, въ присутствіи Государя, двинулась впередъ; по распоряженію Киселева [1]), находившагося при передовыхъ колоннахъ, наведены были два моста на рѣкѣ Буланлыкъ и генералъ Рудзевичъ перешелъ здѣсь съ двумя бригадами; непріятель отважно бросился на наши войска; но не могъ остановить ихъ стремленія, и вскорѣ Турки обратились въ бѣгство. Киселевъ, графъ Ланжеронъ и другія лица изъ свиты Государя находились при передовыхъ кареяхъ.

Переправа чрезъ Буланлыкъ.

На третій день послѣ буланлыкскаго сраженія, обѣ главныя квартиры расположились предъ Шумлою. Для обезпеченія праваго фланга нашей позиціи Государь предположилъ поставить редутъ на оконечности возвышенія, гдѣ была расположена наша армія. Исполненіе этого предпріятія было поручено Киселеву [2]); оно окончилось полнымъ успѣхомъ предъ глазами Государя. Киселевъ и генералъ-квартирмейстеръ Бергъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) сражались наравнѣ съ солдатами и своимъ примѣромъ ихъ воодушевляли [3]). Государь вечеромъ призвалъ ихъ къ себѣ въ палатку, обнялъ ихъ, благодарилъ и пожаловалъ Киселеву осыпанную бриліантами шпагу съ надписью „за храбрость", при слѣдующемъ рескриптѣ:

Награда Киселеву; письмо къ матери.

„Павелъ Дмитріевичъ! Въ вознагражденіе отличной храбрости, неутомимой дѣятельности, искусства и распорядительности, оказанной вами въ сраженіяхъ противу турецкихъ войскъ 8-го и 16-го чиселъ сего мѣсяца при крѣпости Шумлѣ, коихъ Я былъ личнымъ свидѣтелемъ, Всемилостивѣйше жалуя вамъ препровождаемую при семъ золотую шпагу алмазами украшенную, съ надписью за храбрость,—съ особеннымъ удовольствіемъ изъявляю вамъ совершенную признательность Мою за важныя услуги и въ сихъ дѣлахъ къ успѣху оружія Россійскаго вами оказанныя. Пребываю вамъ благосклоннымъ".

Николай.

---

[1]) Лукьяновичъ. Описаніе турецкой войны 1828 и 1829 годовъ. 1844 и 1847. СПБ. Часть I, стр. 199.

[2]) Лукьяновичъ. Ч. I, стр. 219.

[3]) P. Lacroix. T. III, p. 379.

Киселевъ былъ восхищенъ этою наградою и вообще обращеніемъ съ нимъ Государя; онъ писалъ въ тотъ же день матери:

„Государь свыше всякой мѣры ко мнѣ милостивъ и цѣнитъ малыя мои заслуги, такъ что оставляетъ меня всегда въ долгу передъ Собою. Посылаю вамъ, матушка, полученный нынѣ рескриптъ, который дѣйствительно есть награда отличная и для меня драгоцѣнная.

„...У насъ по сіе время все идетъ хорошо; Турки не показываются почти въ полѣ, запираются въ городахъ и заставляютъ себя отыскивать и атаковывать. Государь, установивъ блокаду Шумлы, намѣренъ ѣхать къ Варнѣ, гдѣ Грейгъ и Меншиковъ начали осаду и гдѣ Его Величество изволитъ осмотрѣть весь флотъ въ блистательнѣйшемъ его видѣ, потомъ, устроивъ резервную армію, возвратится къ намъ, гдѣ присутствіе его одушевляетъ армію до непостижимой степени; всѣ безъ изъятія въ восхищеніи отъ полководца нашего, который неустрашимъ, дѣятеленъ до крайности, милостивъ и снисходителенъ, но строгъ какъ слѣдуетъ. Не подумайте, чтобы здѣсь была лесть; вы меня знаете, и знаете, что я съ нею мало знакомъ; но общій отголосокъ вамъ тоже скажетъ; и благодарность моя къ Государю желала бы выразить всѣ чувства, которыя Онъ мнѣ къ Себѣ внушилъ, которыя будутъ непрерывны“.

Отъѣздъ Государя въ Варну изъ лагеря подъ Шумлою; распоряженіе Его предъ отъѣздомъ.

Государь провелъ въ лагерѣ подъ Шумлою около трехъ недѣль. Отъѣзда Его никто не предвидѣлъ, хотя приближенные къ Нему намекали о безполезности и даже опасности оставаться Ему предъ Шумлою.

Витгенштейнъ не скрывалъ, что осада можетъ продолжаться полгода, а быть можетъ и цѣлый годъ; Киселевъ выражалъ свое мнѣніе, что крѣпость не можетъ быть взята при взаимныхъ тогдашнихъ условіяхъ осады и защиты. Дибичъ, вопреки мнѣнію всѣхъ генераловъ, напротивъ ручался, что Шумла покорится навѣрное и даже скоро, но онъ настоятельно требовалъ подкрѣпленій.

Государь наконецъ рѣшился оставить лагерь подъ Шумлою,

если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ на нѣсколько недѣль. Его настоятельно призывала въ Одессу Императрица, которую сильно безпокоили слухи о появленіи въ лагерѣ чумы; съ другой стороны, Онъ хотѣлъ осмотрѣть черноморскій флотъ (при Варнѣ, куда его долженъ былъ привезти Грейгъ), наконецъ хотѣлъ самъ осмотрѣть осадныя тамъ работы.

Рѣшившись уѣхать изъ-подъ Шумлы, Государь оставлялъ Дибича при Витгенштейнѣ въ качествѣ начальника штаба Его Императорскаго Величества, приглашалъ ихъ жить въ согласіи, помогать другъ другу и продолжать осадныя работы въ Его отсутствіе, которое будетъ непродолжительно. Затѣмъ, оставя у себя Витгенштейна, онъ не скрывалъ отъ него, что раздѣляетъ его опасенія и безпокойства, и поручилъ ему потребовать отъ Киселева, опытность и знаніе котораго никто не оспоривалъ, новаго плана кампаніи, при настоящемъ положеніи войны [1]).

25 іюля утромъ Государь оставилъ лагерь и отправился въ Варну.

Положеніе арміи подъ Шумлою въ началѣ августа и сентября.

Съ отбытіемъ Государя, блокада Шумлы продолжалась; но положеніе нашей арміи начало вскорѣ дѣлаться невыгоднымъ. Прежде всего, сталъ оказываться недостатокъ фуража, и за тѣмъ развились болѣзни между людьми. Киселевъ 8-го августа сообщалъ Закревскому: „Больные не весьма умножаются; съ перехода за Дунай, мы имѣли до 9 т. человѣкъ больныхъ, большею частію легкими лихорадками; потеря противъ непріятеля простирается до 3 т. человѣкъ; насъ здѣсь до 36 т. человѣкъ, въ числѣ которыхъ до 7 т. кавалеріи, довольно изнуренной жарами. Продовольствіе людей безостановочно; фуража начинаетъ недоставать; но подвозъ морской обѣщаетъ намъ вспомоществованіе“.

Послѣдняя надежда однако не осуществилась; уже 2-го сентября Киселевъ писалъ Закревскому: „Всего хуже, что фуража совершенно не имѣемъ, и что больные усиливаются; время довольно хорошо, и мы здѣсь живемъ на передовыхъ

1) Lacroix T. 3, p. 387.

постахъ и въ ежедневныхъ тревогахъ; обязанность наша состоитъ въ томъ, чтобы съ 28 т. челов. держать подъ Шумлою всю непріятельскую армію и тѣмъ прикрыть осаду Варны и Силистріи и обезпечить военную дорогу, гдѣ, слава Богу, теперь довольно смирно".

29-го сентября сдалась Варна; со взятіемъ этой крѣпости цѣль наблюденія Шумлы была достигнута; наступавшее зимнее время не позволяло думать о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Войскамъ, наблюдавшимъ Шумлу, велѣно отступить: 6-му и 7-му корпусамъ къ Варнѣ, 3-му — къ Силистріи [1]. Киселевъ объ этомъ отступленіи сообщалъ Закревскому [2] слѣдующее: „Мы наконецъ оставили Шумлу съ 2-го на 3-е число и пришли безъ преслѣдованія со стороны Турокъ, которые вышли партіями изъ крѣпости не ранѣе какъ въ 10 часовъ утра. Нынѣ пошелъ дождь и холодъ, отъ коего сотнями валятся лошади и волы. Еще сутки, и мы безъ потери не вышли бы"....

Отступленіе арміи отъ Шумлы.

Въ тотъ же день онъ писалъ матери:

„4-го октября, 1828. Козлуджа.

„Вчера мы оставили лагерь при Шумлѣ и отступили на нѣсколько верстъ; завтра я лично ѣду въ Варну, а потомъ въ Силистрію, гдѣ регулярная осада нынѣ начинается.

„Время у насъ сдѣлалось ужасное, и я борюсь съ лихорадкою и недугами. Если Богъ поможетъ довершить кампанію, то буду просить Государя отпустить меня до весны и уволить отъ должности, которую не имѣю уже силы выполнять. Я къ вамъ, матушка, пишу изъ бивака, имѣя ноги въ водѣ и руки полузамерзшими".

Отъѣздъ Киселева въ Варну.

Октября 2-го Государь оставилъ Варну и на кораблѣ „Императрица Марія" отправился въ Одессу. Дибичъ, изъ-подъ Шумлы, отправляясь въ Варну, пригласилъ пріѣхать туда гр. Витгенштейна, и вслѣдъ затѣмъ приказано было туда же отправиться и Киселеву.

---

[1]) Лукьяновичъ. Часть 2, ст. 255.
[2]) Въ письмѣ изъ Козлуджи, отъ 4-го октября 1828 г.

Киселевъ 4-го октября изъ Козлуджи писалъ Закревскому: „Фельдмаршалъ получилъ отъ Дибича словесное приглашеніе пріѣхать къ нему въ Варну, и въ ту же минуту поскакалъ; приказано было оставить меня при главной квартирѣ; а нынѣ получилъ приказаніе слѣдовать туда же“ [1]).

Графъ Витгенштейнъ и Киселевъ были вызваны въ Варну для совѣщанія на счетъ расположенія арміи на зимнихъ квартирахъ. Сообщая объ этомъ Закревскому, Киселевъ въ тоже время передавалъ ему и замѣчанія свои о неспособности генераловъ, начальствовавшихъ подъ Силистріею; съ чувствомъ самодовольствія, указывалъ на то, что войска, составлявшія вторую армію, во всѣхъ дѣлахъ показали себя отлично, и порицалъ самовольныя распоряженія кіевскаго военнаго губернатора Желтухина на счетъ пріобрѣтенія для арміи продовольствія. Вотъ что онъ писалъ Закревскому:

„15-го октября, 1828 г. Варна.

„Мы здѣсь пробыли 10 дней для устройства Рота на зимнихъ квартирахъ за Дунаемъ и для возвращенія прочихъ войскъ въ княжества; на дняхъ узнали, что баричъ кн. Щербатовъ, пробывъ 20 дней въ бездѣйствіи предъ Силистріею, сказался больнымъ, переѣхалъ въ Валахію и оставилъ командованіе корпусомъ наслѣднику своему по неспособности, Будбергу; вотъ люди трехзвѣзднаго достоинства! Срамъ и сожалѣніе видѣть ихъ на высшихъ степеняхъ управленія. Завтра мы ѣдемъ торопить работы; но признаюсь, что наступившая осень заставляетъ сомнѣваться въ успѣхѣ и хотя Довре и гр. Ланжеронъ тамъ уже дѣйствуютъ, но и съ сими рыцарями я сомнѣваюсь, чтобы сераскиръ сдалъ крѣпость, на европейскій ладъ устроенную, съ наружными пристройками и съ запасами весьма значительными... Я тяну, сколько могу и,

---

[1]) Закревскій, въ письмѣ отъ 4-го ноября 1828 г., на это писалъ Киселеву: „Фельдмаршалъ твой словесныя приказанія молодаго графа исполняетъ въ точности и безъ замедленія, и тотчасъ же скачетъ туда, гдѣ его сіятельство находится. Это должно быть неутѣшительно для подчиненныхъ. Вотъ какъ отличается герой и спаситель Петрова града! Правда ли, что твой фельдмаршалъ поспорилъ съ молодымъ графомъ, какъ здѣсь распустили слухи, и первый просится прочь? Буде уволятъ, то кого-то Богъ дастъ вамъ главнокомандующимъ“?

при общемъ удаленіи изъ сего края, остаюсь еще при своемъ мѣстѣ, заботливомъ и весьма трудномъ по многимъ отношеніямъ... Непріятеля нигдѣ партіи наши открыть не могли; говорятъ, что онъ готовится къ зимней кампаніи, но я сему не вѣрю, ибо потеря ихъ (Турокъ) велика, а желанія драться никакого: мы отошли изъ-подъ выстрѣловъ артиллеріи Шумлы безъ преслѣдованія.

„Вторая армія прежняго состава вездѣ дралась отлично; всѣ безъ изъятія отдаютъ моимъ товарищамъ полную справедливость; въ Малой Валахіи у Гейсмара, подъ Силистріею у Рота, а 7-й корпусъ весь и во всѣхъ дѣлахъ показалъ себя отлично. Полковые наши обозы тянутся, а фурштаты всѣ оставлены по крѣпостямъ. Артиллерія 2-й арміи нынѣ состоитъ еще въ 12 и 10 упряжныхъ орудій, а 1-я армія въ 8 и 6; наконецъ, при недостаткѣ продовольствія, артели поддержали людей и побѣги были самые незначительные. Но все сіе остается безъ вниманія, а кажется, что 10-лѣтнее управленіе подобными послѣдствіями оцѣняться должно; впрочемъ, я симъ радуюсь, какъ хорошій помѣщикъ хорошею жатвою...

„Прописался твой Желтухинъ: Государь приказалъ *купить* продовольствіе, а его превосходительство сдѣлалъ *раскладку* самовольно и произвелъ вопль всеобщій. Пограничныя провинціи раззорить нетрудно, но тогда существованіе арміи будетъ еще затруднительнѣе и деньгами не купишь возстановленія хлѣбопашества, пашинскими мѣрами разстроенное. Вамъ, правителямъ, должно о семъ думать и обуздывать необузданное желаніе нашихъ чиновниковъ *выказывать себя*, попирая подъ ноги право и справедливость, коими только сохраняются государства".

Закревскій на это письмо отвѣчалъ Киселеву, 3-го ноября. Онъ сходился съ Киселевымъ въ мнѣніи его о кн. Щербатовѣ, Будбергѣ и Ланжеронѣ; указывалъ на необходимость для успѣха будущей кампаніи взять Силистрію. „Ваше дѣло, какъ управляющихъ арміею, поручая Желтухину покупку хлѣба, именно сказать, какъ поступить ему слѣдуетъ; онъ же

поступилъ по-своему, говоря въ бумагѣ, что сею милостію всѣ безъ различія состоянія воспользовались поровну, а въ противномъ случаѣ пала бы сія покупка на однихъ богатыхъ помѣщиковъ; разсуждай о семъ какъ хочешь по мѣстнымъ обстоятельствамъ и положенію, имѣя тамъ свое имѣніе... Пограничныя провинціи отъ войны довольно пострадали и на исправленіе надо имъ время порядочное, а безъ того придутъ въ нищенское состояніе".

Перенесеніе главной квартиры въ Яссы.

Войска, наблюдавшія Шумлу, отступили: 6 и 7-й корпуса къ Варнѣ и 3-й къ Силистріи. Главная квартира назначена въ Яссахъ. Дибичъ, все еще въ званіи начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, отозванъ былъ въ Петербургъ. Киселевъ писалъ Закревскому:

„Декабря 18-го, 1828 г. Яссы.

Отъѣздъ Дибича въ Петербургъ.

„Графъ Дибичъ отправился 13-го числа и будетъ у васъ 25-го; онъ мнѣ оставилъ хлопотъ и дѣлъ множество; но я не могу жаловаться на его со мною отношенія; напротивъ того и въ похвалу его скажу, что онъ душою русскій и, можетъ быть, лучше многихъ такими себя провозглашающихъ. Онъ тебя уважаетъ и кажется, непритворно".

Личное участіе Киселева въ сраженіяхъ 1828 года.

Во все время пребыванія въ лагерѣ подъ Шумлою, Павелъ Дмитріевичъ не разъ участвовалъ въ сраженіяхъ съ непріятелемъ и выказывалъ при этомъ личную храбрость, присутствіе духа и распорядительность. Мы уже упоминали о переправѣ чрезъ Буланлыкъ, о дѣлѣ 17 іюля, совершеннаго предъ глазами Государя. Историкъ войны 1828 и 1829 г., говоритъ еще о слѣдующихъ дѣлахъ, въ которыхъ личное участіе Киселева содѣйствовало отраженію внезапныхъ нападеній Турокъ: 14 августа, за часъ до разсвѣта, Турки атаковали оба фланга нашей позиціи, незамѣтно подошли къ редуту № 5, овладѣли имъ почти безъ выстрѣла. Нападеніе было такъ внезапно, что почти весь гарнизонъ редута, состоявшій изъ 264-хъ человѣкъ съ генераломъ Вреде, лишился жизни. Отраженіе непріятеля на другомъ редутѣ стоило большихъ усилій. Генералъ Рудзевичъ безуспѣшно водилъ нѣ-

сколько разъ въ атаку слабые остатки 15 и 16-го егерскихъ полковъ и баталіонъ тамбовскаго пѣхотнаго полка. Прибытіе конно-артиллерійской батареи и личное присутствіе Киселева, бывшаго въ продолженіи всего дѣла въ перекрестномъ огнѣ, наблюдая непріятеля и дѣлая свои распоряженія, рѣшили битву. Турки обратились въ бѣгство и скрылись за стѣнами Шумлы [1]).

Чрезъ 4 дня, именно 18-го августа, Турки сдѣлали сильную вылазку на нашъ лѣвый флангъ; сбивъ передовую казачью цѣпь, они заняли все пространство, наканунѣ нами оставленное, и подвигались впередъ. Сосредоточенные казаки не могли сопротивляться. Киселевъ, прибывшій на мѣсто, придвинулъ 3-ю гусарскую дивизію и подкрѣпилъ казаковъ гусарскимъ принца Оранскаго полкомъ. Часть батарейныхъ орудій, поставленныхъ на высотахъ, открыла дѣйствіе по непріятельской конницѣ. Вскорѣ оказалось въ ней замѣшательство. Командовавшій конницею генералъ Воиновъ и походный атаманъ Сысоевъ бросились съ казаками на передовыхъ Турокъ, и они, опрокинутые, стали отступать [2]).

Недовольство Киселева своимъ положеніемъ.

Присутствіе въ арміи Императора и начальника Его главнаго штаба графа Дибича парализировало самостоятельность главнокомандующаго Витгенштейна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начальника штаба арміи, Киселева. Все дѣлалось не иначе, какъ по приказанію Государя и указаніямъ графа Дибича; всѣ приказы и диспозиціи по арміи писались, начинаясь словами: „По Высочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію г. генералъ-фельдмаршалъ приказалъ объявить къ исполненію“ или: „По волѣ Государя Императора, господинъ главнокомандующій приказать изволилъ объявить къ исполненію“ и проч.

Съ самаго пріѣзда Своего въ главную квартиру, Государь принялъ на Себя обязанности главнокомандующаго; графъ Витгенштейнъ носилъ это званіе только номинально; Государь предсѣдательствовалъ въ военныхъ совѣтахъ; выслушавъ доне-

---

[1]) Лукьяновичъ. Описаніе Турецкой войны 1828 и 1829 годовъ. СПБ. 1844. Ч. I. стр. 338, 339.

[2]) Лукьяновичъ. Ч. I, стр. 346, 347.

сеніе, опредѣлялъ марши и этапы каждаго корпуса, утверждалъ всѣ отдаваемыя приказанія, входилъ во всѣ подробности полевой службы. При такой обстановкѣ положеніе Киселева было затруднительно; оно облегчалось конечно — милостивымъ съ нимъ обращеніемъ Государя во время пребыванія Его въ лагерѣ; но съ отъѣздомъ Его Величества—вся власть перешла къ Дибичу, а между тѣмъ во главѣ арміи стоялъ Витгенштейнъ; Киселевъ долженъ былъ ладить и съ тѣмъ и другимъ. Но это было нелегко для самолюбія Киселева; онъ тяготился своимъ положеніемъ и непритворно желалъ перемѣнить мѣсто начальника штаба на другое, на которомъ онъ могъ бы дѣйствовать самостоятельно. Мы уже видѣли выше, что онъ еще въ іюлѣ жаловался Закревскому на тягость возложенныхъ на него обязанностей. Вотъ что онъ писалъ ему же осенью:

„2-го сентября. Лагерь подъ Шумлою.

„Графъ Дибичъ находится въ лагерѣ и всѣ Высочайшія повелѣнія объявляются чрезъ его посредство; я съ бумагами хожу къ гр. Витгенштейну и гр. Дибичу, и дѣйствительно изнурился второклассными моими занятіями; фельдмаршалъ устарѣлъ, и я не имѣю ни чрезъ его, ни по себѣ настоящей власти; принужденъ раздѣлять грѣхи другихъ и ускромнять то, что могъ или успѣлъ сдѣлать полезнаго или замѣчательнаго. Я просилъ и буду просить дивизію и полагаю, что если доживу до будущей кампаніи, то успѣю въ желаніи своемъ.“

„4-го октября изъ Козлуджи.

„...Говорятъ, что насъ командируютъ къ Силистріи, гдѣ пребываніе въ ноябрѣ мѣсяцѣ и послѣ 3-хъ-мѣсячнаго расположенія подъ Шумлою не весьма забавно. Впрочемъ *дотягиваю* и лишь бы здоровье не измѣнило, то не буду болѣе начальникомъ штаба при главнокомандующемъ, не имѣющемъ начальства и возможности начальствовать.“

Въ отвѣтъ на это письмо Закревскій писалъ отъ 3-го ноября 1828 г. изъ Петербурга: „Вижу изъ писемъ твоихъ и слышу отъ пріѣзжающихъ изъ арміи, что твое положеніе въ нынѣшней должности незавидное при уничижительности главно-

командующаго, и все дурное и нераспорядительное здѣсь приписываютъ тебѣ. Быть въ такомъ положеніи не забавно. Притомъ не всякій можетъ знать точно, что̀ у васъ происходитъ, и слѣдовательно всѣ грѣхи твоихъ начальствующихъ возлагаютъ на тебя. Вооружись терпѣніемъ и ни на что̀ прежде времени не рѣшайся; время покажетъ, что̀ тебѣ должно дѣлать. Здѣсь говорятъ, что твой начальникъ просится (въ отставку). Кажется его увольняютъ; но кто займетъ его мѣсто еще не знаютъ; основательность сихъ слуховъ тебѣ болѣе должна быть извѣстна.

Въ это время, когда Павелъ Дмитріевичъ тяготился своимъ положеніемъ, онъ пользовался особымъ расположеніемъ Дибича, цѣнившаго его способности и дѣятельность и самаго Государя.

Въ письмѣ отъ 12-го августа 1828 г., изъ лагеря подъ Шумлой Дибичъ писалъ Государю:

„Неутомимый Киселевъ продолжаетъ выказывать тоже усердіе и тѣже отличныя способности, которыя Вамъ, Государь, за нимъ извѣстны. Невозможно быть лучше, чѣмъ онъ. Для меня лично это величайшее счастіе, что онъ здѣсь находится, особенно же въ настоящемъ моемъ положеніи я не зналъ бы, что и дѣлать безъ этого отличнаго помощника“.

Государь на это письмо отвѣчалъ изъ Одессы 20-го августа и между прочимъ писалъ Дибичу:

„Кланяйтесь Киселеву; очень радъ, что вы имъ довольны; я его очень люблю“.

Въ томъ же письмѣ Дибича говорится, что всѣ предположенія касательно будущихъ дѣйствій, обсуждались фельдмаршаломъ (гр. Витгенштейномъ), Киселевымъ и Дибичемъ [1]).

---

[1]) Русская Старина, 1880 г. Кн. IV, стр. 765, 767, 770.

ГЛАВА XIII.

1829 г.

Заботы о содержаніи арміи.—Планъ будущей кампаніи.—Измѣненіе въ личномъ составѣ высшаго командованія арміею.—Письма Закревскаго и А. Ѳ. Орлова.—Назначеніе Киселева командующимъ 4-мъ кавалерійскимъ корпусомъ.—Отчетъ Киселева за 1828 годъ.—Переписка съ Закревскимъ по поводу отчета.—Отзывъ графа Витгенштейна объ отчетѣ.—Послѣдній приказъ Витгенштейна. — Пріѣздъ новаго главнокомандующаго въ Яссы; отъѣздъ Киселева въ Одессу.—Представленіе главной квартиры барону Толю.—Возвращеніе Киселева въ Галацъ; новыя ему порученія.—Пріѣздъ Киселева въ Бухарестъ. — Пріѣздъ въ лагерь при Даѣ.—Предположеніе о взятіи Журжи.—Предположеніе о взятіи Никополя.—Взятіе и оставленіе затѣмъ Рахова.—Переходъ на правую сторону Дуная.—Вторичное занятіе Рахова.—Занятіе Врацы.—Движеніе Киселева къ Габрову.—Возвращеніе на лѣвый берегъ Дуная.

Заботы о содержаніи арміи.

Съ расположеніемъ арміи на зимнія квартиры, надо было прежде всего подумать о сбереженіи наличныхъ силъ ея и затѣмъ уже о приготовленіяхъ къ кампаніи будущаго года. Въ этихъ работахъ Киселевъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ, и какъ всегда въ военно-хозяйственной и административной дѣятельности, проявилъ энергію неутомимаго дѣльца. Все, что въ это время было сдѣлано для сохраненія войска во время зимней стоянки по квартирамъ, безспорно должно быть отнесено къ заслугамъ Киселева, такъ какъ положеніе, которое онъ занималъ при графѣ Витгенштейнѣ, ставило его въ необходимость брать на себя не только починъ во всякихъ мѣропріятіяхъ, но и наблюденіе и распоряженіе по исполненію ихъ.

Войска, расположенныя въ Болгаріи и въ княжествахъ,

получали довольствіе изъ магазиновъ: мясныя и винныя порціи производились по заграничному положенію.

Въ продолженіи кампаніи 1828 года убыль людей простиралась до 22.000 человѣкъ, что изъ 113 т. составляло около 19%; лошадей недоставало строевыхъ около 5.000, артиллерійскихъ 3.100 и подъемныхъ около 4.000.

Для укомплектованія арміи людьми и лошадьми составленъ былъ особый планъ, который и былъ приведенъ въ исполненіе къ открытію военныхъ дѣйствій. Для того же, чтобы войска во время отдыха не оставались въ совершенномъ бездѣйствіи, предписано было занимать ихъ обученіемъ стрѣльбѣ въ цѣль и примѣрными боевыми движеніями, направляя ихъ согласно требованію предстоящей войны.

Одною изъ первыхъ заботъ было принятіе мѣръ противъ чумной заразы, появившейся въ Бухарестѣ и другихъ мѣстностяхъ, для чего были изданы особыя правила. Княжество Валахское, ограниченное рѣками Дунаемъ и Серетомъ, признано было округомъ сомнительнымъ, а Молдавія считалась округомъ обсерваціоннымъ.

Киселеву уже не въ первый разъ приходилось бороться съ этою болѣзнію, а потому мѣры были приняты самыя рѣшительныя.

Независимо отъ карантинныхъ мѣръ, принятыхъ гражданскимъ начальствомъ, предписано было всѣмъ военнымъ начальникамъ строжайше наблюдать, чтобы при внезапномъ гдѣ-либо появленіи болѣзни съ чумными признаками, немедленно было приступаемо къ надлежащему кордонному оцѣпленію мѣстности.

Одновременно съ этимъ, въ виду большаго заболѣванія нижнихъ чиновъ, пришлось увеличить госпитальныя средства, такъ что помѣщеній для больныхъ получилось: въ княжествахъ на 14.000 человѣкъ и въ Болгаріи на 10.800 человѣкъ.

Въ видахъ всегдашней готовности къ выступленію, еслибъ того потребовали обстоятельства, войскамъ было приказано пополнить десятидневный запасъ провіанта; на четыре дня сухари должны были быть на людяхъ и затѣмъ всѣ провіант-

скія и фурштатскія фуры и другія повозки, данныя въ-замѣнъ фуръ, велѣно было наполнить сухарями, отнюдь не занимая ихъ ничѣмъ другимъ, хотя бы по некомплекту людей, количество провіанта выходило бы и болѣе, нежели на десять дней по наличному числу. Такое же распоряженіе было сдѣлано и относительно зерноваго фуража: кавалерія должна была имѣть въ саквахъ на три дня полными дачами, артиллерія же и обозы на четыре дня и болѣе, сколько возможно [1]).

Успѣхъ принятыхъ мѣръ по содержанію арміи и по ея передвиженію во многомъ зависѣлъ отъ положенія страны и ея администраціи. Въ этомъ отношеніи Киселеву пришлось бороться съ большими трудностями. Вотъ что онъ писалъ Закревскому:

„16 января 1829 г.

„У насъ все тихо на Дунаѣ, хотя Чапанъ-Оглу прибылъ въ Никополь и собирается, какъ говорятъ, посѣтить Валахію... Администрація княжествъ въ такомъ положеніи, что вѣрить тому не можно. Я надѣюсь, что Желтухина назначатъ для управленія, ибо безпорядки дошли до такой крайности, что никакая сила съ нынѣшними дипломатами и греками не сладитъ; ихъ всѣхъ, безъ изъятія, должно смѣнить и выгнать изъ сихъ несчастныхъ провинцій“.

„12 февраля 1829 г.

„Фельдмаршалъ уѣзжаетъ надняхъ и съ отмѣннымъ удовольствіемъ; онъ старъ и какъ-то нравственно опустился. Желтухинъ пріѣхалъ и отправленъ въ Бухарестъ; я полагаю, что онъ дастъ лучшій ходъ дѣламъ, — но возстановить порядокъ — не думаю, ибо, съ одной стороны, край сей чрезвычайно обѣднѣлъ, а съ другой — австрійцы отклонили уже отъ русскихъ, которые имѣли талантъ населить весь сей край греками изъ Перы и ими раздражить всѣхъ противу нашего правительства. Теперь одного плута отозвали и замѣнили другимъ: консула Лели взяли, а Пизани дали, т.-е. промѣняли кукушку на ястреба“.

[1]) Подробности см. Н. Лукьяновича. Описаніе Турецкой войны 1828—1829 г. Часть IV, стр. 1—13.

План будущей кампании.

Занимаясь укомплектованіемъ и снаряженіемъ арміи, Киселевъ въ тоже время озабочивался составленіемъ плана будущей кампаніи.

Еще 5-го ноября 1828 г. въ Яссахъ, тотчасъ же по расположенію на зимнихъ квартирахъ, Киселевъ подалъ графу Дибичу докладную записку, въ которой писалъ:

„Для правильнаго и систематическаго изготовленія арміи къ предстоящей кампаніи слѣдуетъ предварительно рѣшить *планъ военныхъ дѣйствій*, по коему уже опредѣлится число и родъ войскъ, нужныхъ для состава арміи.

„Планъ военныхъ дѣйствій можетъ быть представленъ относительно изготовленія арміи въ двоякомъ видѣ.

„Дѣйствуя рѣшительно и съ развитіемъ большихъ силъ и способовъ, перенесть войну за Балканы и тѣмъ, опираясь на общее ополченіе единовѣрцевъ нашихъ, тѣснить турецкую армію къ Фраскому полуострову, тогда какъ дѣйствіемъ флота и кавказской арміи, столица и азіатскія провинціи угрожаемы были-бы съ тылу. Или, дѣйствуя систематически, имѣть предметомъ распространеніе и утвержденіе базиса нашего на Дунаѣ, изготовленіе собственной арміи, флота, припасовъ, снарядовъ и утвержденіе новыхъ политическихъ связей для поднятія оружія въ 830-мъ году.

„*Первое предположеніе*, по смыслу манифеста 1828 года, не можетъ, кажется, быть намѣреніемъ правительства; ибо пожертвованія, безъ цѣли дѣлаемыя, истощивъ государство, усилять въ ономъ существующее отчужденіе къ настоящей войнѣ; къ тому же я полагалъ и полагаю, что завоеваніе Царьграда не есть событіе одной войны и одного народа, и что постепенное дѣйствіе, временами приводимое, соединеніе многихъ противоположностей европейской политики и заблаговременное изготовленіе обширныхъ способовъ къ достиженію великаго предпріятія — суть условія необходимыя и которыя въ теченіи настоящаго года, кажется, неисполнимы.

„*Второе предположеніе*, входящее въ смыслъ приведеннаго выше манифеста, продолжать войну въ намѣреніи пріобрѣсти миръ (или, лучше сказать, продолжительное перемиріе) безъ

особенныхъ для государства издержекъ, можетъ имѣть предметомъ слѣдующія дѣйствія: 1) распространеніе базиса покореніемъ Силистріи, Рущука, Журжи и Турны; 2) пріобрѣтеніе Бургаса и Синопа; 3) дѣйствіе летучихъ отрядовъ на пространствѣ между восточною частію Балканскихъ горъ и границею Сербіи и изготовленіе частныхъ христіанскихъ вооруженій (подъ названіемъ Пандуръ или Волонтеръ); и наконецъ 4) изготовленіе рѣшительной войны въ 1830 году на новыхъ основаніяхъ и съ особыми преднамѣреніями, или утвержденіе сдѣланныхъ завоеваній такъ, чтобы безъ дальнѣйшаго продолженія войны, удержаніе покоренныхъ провинцій и крѣпостей заставило Порту согласиться на предлагаемый миръ.

„Для достиженія всѣхъ сихъ предметовъ или же части оныхъ, я полагаю необходимымъ имѣть къ 1-му апрѣля въ готовности:

11-ть пѣхотныхъ дивизій съ артиллеріею, по 8-ми орудій въ ротѣ:

4 кавалерійскія дивизіи, по 20-ти рядовъ во взводѣ и съ артиллеріею.

20-ть полковъ казаковъ.

4 осадныя роты артиллеріи.

Госпиталей заграничныхъ и подвижныхъ на 40 тыс. человѣкъ—33.

Подвижной магазинъ на 15 дней.

И годовое продовольствіе на Дунаѣ и въ приморскихъ городахъ“.

Изложивъ затѣмъ распредѣленіе указанныхъ войскъ, Киселевъ въ заключеніи своей записки говорилъ:

„Вообще сказать должно, что методическая война противу Турокъ не обѣщаетъ блистательныхъ подвиговъ, особенно если они (Турки) съ упорствомъ будутъ слѣдовать принятой системѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ армія не подвергнется разрушенію, которое неминуемо въ странѣ, гдѣ движеніе по оной сопряжено съ затрудненіями непреодолимыми“.

Въ отвѣтъ на эту докладную записку 25-го ноября была препровождена графу Витгенштейну секретная записка графа

Дибича, въ которой изложено, для надлежащаго свѣдѣнія и руководства, предначертанное Государемъ нижеслѣдующее предположеніе насчетъ дѣйствій предбудущей кампаніи.

„Дѣйствія сіи направлять преимущественнѣе для распространенія базиса нашего по теченію Дуная, сохраняя къ сторонѣ Балканъ положеніе оборонительное, въ мѣстахъ нами уже покоренныхъ, дѣлая, по возможности, въ Румеліи частыя экспедиціи; наиболѣе же десанты съ флотомъ вмѣстѣ. На сей послѣдній предметъ одна дивизія достаточна; остальныя части задунайскихъ войскъ, т.-е. 6-й и 7-й корпусы должны будутъ удерживаться въ Варнѣ и окрестностяхъ. Между тѣмъ, 2-й корпусъ при пособіи 3-го, займется осадою Силистріи и Журжи, и съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ угрожать фланговымъ нападеніемъ всякому покушенію непріятеля на Базарджикъ. Напротивъ того, Кавказскій корпусъ долженъ дѣйствовать дѣятельно къ Эрзеруму или Требизонду, по усмотрѣнію и мѣстнымъ свѣдѣніямъ графа Паскевича. Сходно съ симъ предстоятъ слѣдующія дѣйствія:

„Съ самаго открытія кампаніи, которую надо начать какъ можно ранѣе, 6-я и 7-я дивизіи прійдутъ подъ Силистрію, прикроютъ и обезпечатъ переправу чрезъ Дунай остальной части 3-го корпуса, съ осадною артиллеріею и прочими приписными частями,—а потомъ будутъ содѣйствовать осадѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ прикрывать оную отъ нашествія Турокъ изъ Шумлы.

„Между тѣмъ, 4-я и 5-я дивизіи, съ одною бригадою 17-й, осаждали бы Журжу; генералъ Ротъ съ 16-ю, 18-ю и 19-ю дивизіями составилъ бы угрожающій корпусъ, расположенный лѣвымъ флангомъ къ лиману, а фронтомъ къ Шумлѣ и который могъ бы своимъ нападеніемъ уничтожить всякое непріятельское покушеніе противъ сообщеній нашихъ къ Базарджику; наконецъ, 10-я дивизія осталась бы въ настоящемъ своемъ назначеніи: если же представилась бы надобность посадить часть оной на флотъ для десантныхъ экспедицій, тогда 19-я дивизія заступила бы ея мѣсто, а 16-я и 18-я составили бы подвижной корпусъ“.

Принявъ въ основаніе указанное въ этой запискѣ предположеніе, въ главномъ штабѣ дѣйствующей арміи, подъ руководствомъ Киселева, было составлено „краткое соображеніе“ о дѣйствіяхъ предстоящей кампаніи, которое 29-го января 1829 года представлено главнокомандующему и вмѣстѣ съ тѣмъ отправлено и графу Дибичу.

Измѣненіе въ личномъ составѣ высшаго командованія арміею. Письма Закревскаго и Орлова.

Въ то время, когда дѣлались приготовленія къ весенней кампаніи, возникли предположенія объ измѣненіи въ личномъ составѣ высшаго командованія арміею. Въ письмѣ отъ 31-го января 1829 года Закревскій по этому поводу писалъ Киселеву:

„Графъ Дибичъ, говорятъ, ѣдетъ къ вамъ 2-го февраля. Толь уже уѣхалъ и займетъ твое мѣсто. Тебя же назначатъ командовать корпусомъ на мѣсто Ланжерона. Графъ Витгенштейнъ увольняется отъ командованія арміею, несмотря, что онъ теперь сего не проситъ, и даютъ ему пенсіонъ въ 70 т. руб. Вотъ тебѣ здѣшнія новости; но прошу сказать собственно о себѣ: доволенъ-ли ты симъ, или станешь избѣгать командованія сими войсками?“

Почти въ тоже время (1-го февраля) А. Ѳ. Орловъ писалъ Киселеву:

...„Ты можетъ быть знаешь, что здѣсь окончательно рѣшено, что графъ Дибичъ будетъ главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, а генералъ Толь начальникомъ штаба. Я не понимаю, какимъ образомъ эти два характера сойдутся. Надо надѣяться, что они почувствуютъ необходимость не вредить другъ другу; иначе никакого толку не выйдетъ. Увѣряютъ, что свыше уже заручились ихъ обѣщаніемъ въ этомъ родѣ. Я думалъ, что въ такой рѣшительный моментъ необходимо знать намѣренія, какія имѣютъ насчетъ тебя, и посондировать почву, чтобы знать чего держаться, а не быть между небомъ и землею. Вооруженный расположеніемъ къ тебѣ и уваженіемъ, съ которымъ отношусь къ твоимъ талантамъ и благородству твоихъ чувствъ, въ чемъ и Государь не можетъ сомнѣваться, я съ откровенностью обратился прямо къ Нему и получилъ отвѣтъ, который съ величайшею радостью передаю тебѣ. Государь мнѣ сказалъ, что не только доволенъ тобою,

но еще надѣется, что ты будешь Ему весьма полезенъ въ предстоящей кампаніи, и что дѣло, къ которому ты будешь назначенъ, послужитъ какъ для тебя, такъ и для всей арміи вѣрнымъ ручательствомъ особеннаго довѣрія, тебѣ оказываемаго. Онъ прибавилъ, что дѣло идетъ не о дивизіи, а о временномъ корпусѣ, которымъ ты будешь командовать, и что новый главнокомандующій (Дибичъ) вслѣдствіе уваженія, къ тебѣ чувствуемаго, много разсчитываетъ на твои способности".

Назначеніе Киселева командующимъ 4-мъ кавалерійскимъ корпусомъ.

Высочайшимъ приказомъ 9-го февраля 1829 года графъ Витгенштейнъ уволенъ отъ командованія 2-ю арміею „по совершенно разстроенному трудами прошедшаго похода здоровью", а на его мѣсто назначенъ графъ Дибичъ. Приказомъ того же числа Киселевъ назначенъ былъ командиромъ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, а на его мѣсто поступилъ баронъ Толь.

Павелъ Дмитріевичъ былъ доволенъ этимъ назначеніемъ. 12-го февраля 1829 года онъ писалъ Закревскому:

..."Собственно для себя я очень доволенъ оставить мѣсто, которое изнурило физическія и моральныя силы мои и которое, по многимъ обстоятельствамъ, часъ отъ часу становилось болѣе для меня тягостнымъ. Теперь что̀ мнѣ предлежитъ — не знаю; но нѣсколько дней отдыха мнѣ необходимы; у меня завалы такого рода, что дѣйствительно нѣтъ мочи переносить припадки, а я какъ часовой стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ".

Отчетъ Киселева за 1828 годъ. Переписка съ Закревскимъ по поводу отчета.

Несмотря на военное время, Киселевъ, какъ всегда, представилъ графу Витгенштейну отчетъ за 1828 годъ и по этому поводу писалъ Закревскому 12-го февраля: „Я вчера представилъ фельдмаршалу годовой отчетъ за 1828 годъ. Это десятый моего служенія, и несмотря на войну, заботы и многоначаліе, показалъ, что 31 тыс. номеровъ въ одинъ годъ выпущены изъ моихъ управленій и всѣ журналы заключены, счеты кончены и, какъ бы въ мирное время, ни одна входящая бумага не оставлена безъ разрѣшенія или отмѣтки. Вотъ тебѣ донесеніе, за которое ты меня похвалишь".

Закревскій на это отвѣчалъ (21-го марта 1829 г.): „Ты

часть свою сдалъ какъ слѣдуетъ, не забывъ ничего и отдалъ отчетъ за 1828 годъ, несмотря на трудность похода; такъ всегда благомыслящіе и благородные люди должны поступать".

Передавая этотъ отчетъ гр. Дибичу, гр. Витгенштейнъ писалъ, что, не взирая на усиленіе арміи и чрезвычайное усложненіе переписки, происшедшее отъ военнаго времени и дѣятельной кампаніи, до сего времени продолжавшейся, всѣ дѣла состоятъ въ замѣчательномъ порядкѣ и не оставлено никакихъ бумагъ безъ должнаго разрѣшенія и движенія. Весь порядокъ, введенный Киселевымъ и продолжающійся 10 лѣтъ, нисколько, при обстоятельствахъ 1828 года, не измѣнился и свидѣтельствуетъ о неутомимомъ попеченіи его по части, ввѣренной исключительно ему. А потому гр. Витгенштейнъ просилъ объ усердіи Киселева довести до свѣдѣнія Государя. Сообщеніе свое Витгенштейнъ заключилъ такъ: ...„Съ моей стороны изъявивъ ему и подчиненнымъ его полную признательность за дѣятельное служеніе со мною, я обязываюсь присовокупить, что всѣ распоряженія и дѣйствія Киселева всегда были исполняемы съ моего вѣдома и приказанія, и что во всѣхъ случаяхъ я находилъ въ немъ помощника неутомимаго, къ службѣ Его Величества истинно преданнаго, что также мнѣ пріятно повторить и передъ вашимъ сіятельствомъ".

Отзывъ графа Витгенштейна объ отчетѣ.

Графъ Витгенштейнъ, разставаясь съ войсками, которыми такъ долго командовалъ, отдалъ приказъ, въ которомъ между прочимъ говорилъ: „Оставляя военное поприще, на коемъ болѣе 40 лѣтъ служилъ Престолу и Отечеству, мнѣ утѣшительно въ послѣдній разъ воспользоваться правомъ цѣнить гласно своихъ подчиненныхъ и вполнѣ выразить имъ мою благодарность за пособіе, которое не преставалъ получать отъ ихъ усердія къ службѣ Государя. Не могу въ особенности не изъявить моей признательности начальнику главнаго штаба арміи, генералъ-адъютанту Киселеву, и начальнику артиллеріи, генералъ-лейтенанту барону Левенштерну, которые въ теченіи 10 лѣтъ ревностными стараніями и неусыпными трудами облегчали возложенную на меня обязанность".

Послѣдній приказъ Витгенштейна.

13-го февраля пріѣхалъ въ Яссы новый главнокомандую-

Пріѣздъ поваго главнокомандующаго въ Яссы; отъѣздъ Киселева въ Одессу.

цій, а 15-го уѣхалъ оттуда графъ Витгенштейнъ; 17-го Киселевъ представлялъ главную квартиру графу Дибичу, а 19-го барону Толю, и затѣмъ на другой день уѣхалъ въ отпускъ въ Одессу, гдѣ въ то время была его жена и ея сестра, Нарышкина.

Въ Одессѣ Павелъ Дмитріевичъ проводилъ время въ кругу своихъ родныхъ и въ обществѣ графа Воронцова и не переставалъ вести переписку отчасти служебную, отчасти дружескую.

Представленіе главной квартиры борону Толю.

Такъ, относительно пріема барономъ Толемъ главной квартиры въ Яссахъ, Киселевъ писалъ Закревскому:

„4-го марта 1829 г. Одесса.

..."Я оставался въ Яссахъ до прибытія барона Толя, коему обязаннымъ себя почелъ представить главную квартиру. Я и всѣ вообще штабные чиновники были приняты весьма неблагосклонно, и особенно его высокопревосходительство мнѣ показалъ холодность почти неучтивую; на другой день я уѣхалъ въ Одессу и только желаю не служить въ одномъ лагерѣ съ симъ героемъ, коего обхожденіе страшитъ меня, ибо терпѣніемъ хвастаться не могу и дерзости сносить молчаливо не умѣю".

Предъ отъѣздомъ изъ Одессы онъ писалъ:

„31-го марта 1829 г.

..."Я послѣ-завтра выѣзжаю въ Галацъ, куда главнокомандующій прибыть долженъ 8-го или 10-го числа; оттуда я ѣду къ своему назначенію; онъ мнѣ приказалъ его тутъ дожидаться для полученія послѣднихъ инструкцій и принятія отъ графа Палена начальства въ Валахіи и противу Журжи. Точка сія теперь важна потому, что Турки другой переправы и другаго тетъ-де-пона не имѣютъ, и что всѣ усилія будутъ изъ Никопольскаго санджака обращены на мой корпусъ, который состоитъ изъ 16-ти баталіоновъ пѣхоты, 16-ти эскадроновъ конныхъ егерей и двухъ полковъ казачьихъ. Если способы дозволятъ, то осенью обѣщаютъ мнѣ дать таковыя для осады Журжи или Рущука, что было бы выгоднѣе. Сверхъ

того, главнокомандующій намѣренъ, какъ увѣдомляетъ онъ меня въ своемъ письмѣ, *дать мнѣ многія и важныя порученія,* которыя я приму съ удовольствіемъ и буду, по мѣрѣ возможности, исполнять и всегда съ истиннымъ и безусловнымъ усердіемъ".

Киселевъ пріѣхалъ въ Галацъ 9-го апрѣля, въ одинъ день съ графомъ Дибичемъ. 12-го апрѣля главнокомандующій отдалъ приказъ: „По случаю предстоящаго выступленія генералъ-отъ-кавалеріи графа Палена за Дунай, всѣ войска, оставшіяся на лѣвой сторонѣ Дуная, поручаются въ команду командующаго 4-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, генералъ-адъютанта Киселева, исключая войскъ, находящихся въ Калярашѣ, Браиловѣ и Галацѣ, коимъ относиться прямо въ главный штабъ арміи впредь до повелѣнія".

Возвращеніе Киселева въ Галацъ. Новыя ему порученія.

Объ этомъ новомъ порученіи Киселевъ писалъ Закревскому (апрѣля 11-го):

„На меня возлагаютъ болѣе хлопотъ, чѣмъ я могъ ожидать: всѣ войска, къ защитѣ верхняго Дуная предназначенныя, подчиняются мнѣ и хотя взаимное дѣйствіе съ Гейсмаромъ довольно затруднительно по отдаленному расположенію нашихъ отрядовъ, но какъ сила наша заключается въ совокупности употребленія войскъ нашихъ, то и слѣдуетъ цѣли сей достигать всевозможными способами. По полученіи инструкціи, я отправляюсь въ Бухарестъ, а потомъ въ лагерь противу Журжи, отколь вылазки дѣлаются почти ежедневныя и при коихъ я желаю познакомиться съ своими и чужими, дабы узнать, чего отъ тѣхъ и другихъ ожидать можно.

„Графъ Иванъ Ивановичъ весьма сожалѣетъ, что ты оставляешь министерство; онъ говорилъ, что не имѣетъ причины быть пристрастнымъ въ твою пользу, но что остается въ полномъ увѣреніи, что полезнѣе тебя въ семъ мѣстѣ не найдутъ и что потеря человѣка твоего характера и достоинства будетъ весьма чувствительна. Вотъ его слова, мнѣ сказанныя по французски и которыя съ удовольствіемъ тебѣ передаю, ибо они обоимъ вамъ дѣлаютъ честь. Мнѣ здѣсь сказывали, что Толь на тебя въ сильной злобѣ за форму сно-

шеній твоихъ, какъ командира финляндскаго корпуса, надписывая отъ *такого такому*, что̀ по чинамъ вашимъ онъ находитъ неумѣстнымъ.

„Мнѣ кажется, что и Воронцовъ недоволенъ офиціальною перепискою твоею; но сіе меня не удивляетъ, ибо сколько онъ пріятенъ въ частной жизни, столько по дѣловымъ сношеніямъ онъ тяжелъ и самоуправенъ".

Закревскій отвѣчалъ (4 мая): „Команду тебѣ дали славную и ты употребишь всѣ средства все то исполнить, что высшее начальство для пользы службы поручитъ,—въ чемъ я нимало не сомнѣваюсь; но желаю, чтобы не было интригъ и тебѣ не мѣшали.... Не оставляй меня увѣдомлять о всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ и предположеніяхъ, и есть ли надежда кончить въ нынѣшнемъ году войну; это будетъ весьма, конечно, полезно для Россіи.... Благодарю за разговоръ, мнѣ сообщенный, который у васъ былъ съ Дибичемъ на мой счетъ.

„Графъ Воронцовъ желаетъ, чтобы я такъ дѣйствовалъ какъ Лапской; этого я для пользы службы сдѣлать не могу; такія дѣлаютъ несправедливости въ краю ему порученномъ, что совѣстно читать и я никогда не соглашусь на такія предположенія, и отвѣчаю и представляю по совѣсти, которая меня въ моихъ дѣйствіяхъ упрекнуть не можетъ.... У насъ столбы государства нимало не заботятся о пользѣ Россіи, а думаютъ объ интригахъ и чтобы имъ было всѣмъ лучше, а я дѣйствую прямымъ путемъ и несправедливости ни для какого лица не сдѣлаю. Жаль бѣдную Россію, она за всѣхъ отвѣчаетъ. Убѣжденія и желанія Государя заставили меня возвратиться къ должности, дурно идущей при всемъ моемъ желаніи и усиліи; да къ тому же высшіе чиновники стараются изыскивать мнѣ преграду въ неудачѣ моихъ частныхъ намѣреній, да къ тому же и всѣ части нашего управленія идутъ не лучше никакъ министерства внутреннихъ дѣлъ.... Рудомаева твоего опредѣлилъ градоначальникомъ въ Ѳеодосію, а графъ Воронцовъ представлялъ Франка, и Государь мнѣ сказалъ, когда я о семъ представлялъ: „Ты увидишь, что онъ Рудомаева собьетъ съ мѣста, потому, что не по его представ-

ленію назначенъ; напиши Рудомаеву, чтобы онъ велъ себя акуратно и осторожно".

Поручая всѣ войска, находившіяся на лѣвомъ берегу Дуная, въ командованіе Киселева, графъ Дибичъ писалъ ему между прочимъ слѣдующее: „Наблюденіе по Дунаю отъ австрійской границы до крѣпости Турно (включительно) возлагается на отрядъ генералъ-адъютанта Гейсмара; отъ Турно продолжая внизъ по Дунаю до впаденія рѣки Аржиса—отряду прямому вашему командованію ввѣренному, съ тѣмъ чтобы одинъ баталіонъ Архангелогородскаго полка находился на лѣвомъ берегу Аржиса, при Фунденяхъ, а другой на томъ же берегу при устьѣ сей рѣки. Сіе положеніе ваше можетъ измѣниться, смотря по движеніямъ непріятеля и потому предоставляется совершенно распоряженію вашего превосходительства; вслѣдствіе чего, соображаясь съ обстоятельствами, вы можете усилить отрядъ, въ Валахіи расположенный, войсками отъ генералъ-адъютанта Гейсмара и въ обратномъ положеніи дѣлъ послать къ нему часть войскъ на подкрѣпленіе или даже, въ случаѣ сильнаго наступленія, весьма превосходнаго непріятеля, соединивъ большую часть обоихъ отрядовъ, идти рѣшительно на встрѣчу и пораженіе онаго, не открывая однако непріятелю возможность сдѣлать поискъ на Букарестъ. Въ отношеніи крѣпости Журжи нѣтъ надобности облагать оную, но занять позицію такъ, чтобы всякій поискъ непріятеля изъ сей крѣпости былъ бы немедленно уничтожаемъ быстрымъ и рѣшительнымъ на него нападеніемъ".

1-го мая 1829 года Дибичъ, распредѣливъ армію на три главныя части, поручилъ войска, составляющія правый флангъ, Киселеву, лѣвый флангъ—Роту, а при центрѣ находился самъ главнокомандующій.

Получивши всѣ наставленія отъ Дибича, Павелъ Дмитріевичъ 16-го апрѣля оставилъ Галацъ, пріѣхалъ въ тотъ же день въ Браиловъ, и несмотря на проливной дождь, объѣхалъ кругомъ крѣпость; на другой день ночевалъ въ Слободзеѣ; 18-го пріѣхалъ въ Бухарестъ. Здѣсь онъ принялъ отъ графа Палена команду и его штабъ; занялся осмотромъ находившихся

Пріѣздъ Киселева въ Бухарестъ.

Пріѣздъ въ лагерь при Даѣ.

въ Бухарестѣ войскъ, и 25-го апрѣля уѣхалъ въ лагерь, стоявшій при селеніи Даѣ противъ Журжи.

Въ рукахъ Турокъ были здѣсь двѣ лежавшія одна противъ другой крѣпости: на правомъ берегу Дуная Рущукъ, на лѣвомъ Журжа. Владѣя такимъ образомъ переправою чрезъ Дунай и угрожая Бухаресту, Турки дѣлали частыя вылазки изъ Журжи противъ лагеря Русскихъ. Распоряжаясь отраженіемъ этихъ нападеній, Киселевъ обратилъ главныя свои заботы на хозяйственное положеніе командуемыхъ войскъ; онъ лично осмотрѣлъ въ подробности положеніе лагеря, пріискавъ для него болѣе удобное мѣсто, предписалъ мѣры къ содержанію лагеря въ порядкѣ. При осмотрѣ лазаретовъ, найдя въ нихъ многіе безпорядки, онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе къ ихъ устраненію; наконецъ, съ наступленіемъ жаровъ, предписалъ необходимыя гигіеническія для солдатъ мѣры [1]).

Какое вниманіе Киселевъ обращалъ на все, что могло служить къ облегченію солдата, можно видѣть между прочимъ изъ слѣдующаго его приказа [2]): „Въ уваженіе высшей цѣны, по коей пріобрѣтается здѣсь мѣлъ, и дабы не удручать людей излишними трудами и издержками, предписываю по всѣмъ войскамъ, въ командѣ моей состоящимъ, портупеи, перевязи и всѣ вообще лосиные ремни смыть и имѣть небѣлеными впредь до особаго приказанія“.

Турки, какъ мы уже сказали, не оставляли въ покоѣ Киселева: они производили болѣе или менѣе сильныя вылазки изъ Журжи: 23 апрѣля, 2 мая, 29 мая, 19-го іюня. Всѣ эти вылазки были отражены съ успѣхомъ. Донося объ этомъ главнокомандующему, Киселевъ свидѣтельствовалъ объ отличной распорядительности генералъ-маіора Лашкарева, командовавшаго передовою частію отряда предъ Журжею, и называлъ его главнымъ и надежнымъ себѣ помощникомъ [3]).

Предположеніе о взятіи Журжи.

Въ инструкціи, данной Киселеву, Дибичъ не признавалъ и надобности облагать Журжу; но Киселевъ не довольствовался

---

[1]) Приказы 26 и 30 апрѣля, 2 мая, 3 іюня, 17 и 27 іюля 1829 года въ лагерѣ при Журжѣ.

[2]) 25 іюля 1829 года.

[3]) Донесеніе 5 мая, 1829 г. № 432.

своимъ наблюдательнымъ положеніемъ. Безпрестанныя и сильныя вылазки Турокъ заставили Киселева обратиться къ мысли овладѣть Журжею; съ этою цѣлію онъ поручилъ инженеръ-подполковнику Баумеру составить планъ осады этой крѣпости. Представляя этотъ планъ Дибичу, Киселевъ писалъ ему, 15-го іюня, что осмотря лично Журжу, онъ нашелъ, что внезапное нападеніе на крѣпость неудобоисполнимо; что касается до регулярной осады, то она можетъ быть произведена не иначе, какъ совокупно съ осадою Рущука, но для этого нужно около 30 т. чел. Дибичъ 5 іюля отвѣчалъ, что дѣйствуя съ главными силами арміи на лѣвомъ флангѣ, онъ не можетъ принять рѣшительныхъ мѣръ въ тоже время и на другомъ флангѣ, а ограничивается только удержаніемъ Валахіи, что предоставляетъ совершенно усмотрѣнію Киселева; что для обложенія Рущука должно имѣть весьма значительный корпусъ, какой отдѣлить на этотъ предметъ отъ арміи нѣтъ возможности; что главною цѣлію дѣйствій Киселева должно быть охраненіе княжествъ и наблюденіе за движеніями непріятеля по правую сторону Дуная; что, наконецъ, осада Журжи можетъ быть произведена и безъ обложенія Рущука; но это можетъ быть сдѣлано впослѣдствіи, если позволятъ обстоятельства.

Опираясь на послѣднее указаніе Дибича, Киселевъ сталъ дѣятельно готовить способы къ осадѣ Журжи, дабы, какъ онъ писалъ Дибичу 24 іюля, въ случаѣ востребованія, имѣть все нужное подъ рукою. Онъ тогда же представилъ главнокомандующему проектъ и смѣту осады Журжи, предполагая ее произвести, если будетъ разрѣшено, въ послѣдней половинѣ августа. Но представленіе Киселева осталось безъ отвѣта за измѣнившимися обстоятельствами, не требовавшими уже осады Журжи.

Предположеніе о взятіи Никополя.

Точно также не состоялось предположеніе о внезапномъ овладѣніи Никополемъ.

По неоднократно получаемымъ свѣдѣніямъ о состояніи и духѣ гарнизона, состоявшаго большею частію изъ жителей, Киселевъ въ концѣ іюня считалъ не только желательнымъ, но

и должнымъ воспользоваться представлявшимся случаемъ овладѣть этою крѣпостью. Онъ сообщилъ [1]) объ этомъ Гейсмару, который отвѣчалъ, что онъ не можетъ отдѣлить изъ Рахова необходимое число судовъ для перевозки войска чрезъ Дунай. Поэтому предположеніе оставлено Киселевымъ безъ исполненія.

Взятіе и оставленіе затѣмъ Рахова.

Еще въ февралѣ мѣсяцѣ Сербскій князь Милошъ сообщалъ, что соединенное войско Скодрское, Албанское и Боснійское, составитъ около 90 т. человѣкъ, и затѣмъ въ маѣ прислалъ извѣстіе, что это войско уже двинулось по направленію къ Видину. Гейсмаръ по этому случаю просилъ Киселева прислать ему изъ Большой Валахіи Екатеринбургскій полкъ [2]). Киселевъ не находилъ этого возможнымъ какъ по малочисленности командуемаго имъ отряда въ Большой Валахіи, на которомъ лежала обязанность, между прочимъ, охранять Бухарестъ, такъ и потому, что паша Скодрскій не можетъ прибыть къ Видину ранѣе 1-го іюня, а переправа его войскъ чрезъ Дунай, при неимѣніи моста, не можетъ исполниться безъ большихъ затрудненій [3]).

Киселевъ поручалъ Гейсмару (15-го и 17-го мая) обратить особенное вниманіе на заготовленіе Турками большихъ около Видина продовольственныхъ припасовъ, полученныхъ съ верховья Дуная и употребить всѣ усилія дабы прекратить или, по возможности, затруднить судоходство по Дунаю.

Въ тоже время Киселевъ, обозрѣвъ войска и расположеніе ихъ на лѣвомъ берегу Дуная, писалъ Толю 5 мая, что онъ считалъ бы полезнымъ, или уменьшить отрядъ Гейсмара, или главную часть этого отряда переправить чрезъ Дунай для дѣйствія по направленію къ Плевнѣ, на пространствѣ между Никополемъ и Видиномъ.

Толь 8-го мая отвѣчалъ, что графъ Дибичъ не воспрещаетъ экспедицію за Дунай, напротивъ, одобряетъ оную, если бы представился случай нанести непріятелю какой-либо важ-

---

[1]) 26-го іюня, 1829 г.

[2]) Рапортъ Г. А. Гейсмара, 9 мая, 1829 г.

[3]) Отношеніе Киселева б. Гейсмару 12 мая, 1829 г.

ный ударъ; но для сего нужно прежде всего имѣть мостъ или надежную переправу и всегда быть увѣреннымъ въ безпрепятственномъ возвращеніи войскъ. Диверсіи же, демонстраціи и набѣги малыми отрядами главнокомандующій считаетъ вредными дѣйствіями для большаго корпуса и принадлежащими болѣе партизанамъ. Киселевъ передалъ это Гейсмару, который 13-го мая отвѣчалъ, что онъ уже имѣлъ ту же мысль и прежде, и передавалъ ее въ мартѣ графу Палену; что онъ и теперь готовъ переправиться чрезъ Дунай, но для этого нужно подкрѣпленіе. Киселевъ не находилъ возможности, до взятія Силистріи, дать требуемое подкрѣпленіе, такъ какъ за отдѣленіемъ его изъ находившагося въ Большой Валахіи отряда, въ немъ осталась бы одна бригада, въ коей на лицо подъ ружьемъ менѣе 2,000 человѣкъ, которыхъ для охраненія Бухареста недостаточно. При этомъ Павелъ Дмитріевичъ полагалъ весьма желательнымъ, пользуясь неприбытіемъ еще Албанскихъ войскъ, овладѣть Раховымъ, изготовивъ это мѣсто какъ головное укрѣпленіе для моста и какъ вѣрнѣйшее средство къ прекращенію плаванія между Видиномъ и Никополемъ [1]).

28-го мая, б. Гейсмаръ писалъ Киселеву: „Честь имѣю поздравить в. п. съ завоеваніемъ укрѣпленнаго города Орсова или Рахова“. Въ этотъ день, въ 2 ч. ночи, были переправлены чрезъ Дунай 200 охотниковъ и баталіонъ 34-го егерскаго полка, подъ командою полковника Граббе. Эта храбрая горсть русскихъ, во время упорнаго сраженія, продолжавшагося до 2-го часа пополудни и подкрѣпленная потомъ баталіономъ тобольскаго полка, вытѣснивъ Турокъ изъ окоповъ, домовъ и батарей, овладѣла городомъ. Трофеи этой побѣды были около 500 плѣнныхъ, въ томъ числѣ двухбунчужный паша, 5 пушекъ и столько же знаменъ.

Дибичъ съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ о занятіи Рахова, тѣмъ болѣе, что это доставляло возможность совершенно прекратить по Дунаю всякіе подвозы въ Рущукъ [2]).

---

[1]) Отношеніе Киселева Гейсмару 15 мая 1829 г.

[2]) Предписаніе Толя Киселеву, отъ 5 іюня 1829 г.

На другой день по взятіи Рахова, Гейсмаръ въ рапортѣ Киселеву (29 мая), указывая на важность этого пункта, объяснилъ, что удержаніе Рахова и вмѣстѣ охраненіе Малой Валахіи чрезвычайно затруднительно по причинѣ большаго раздробленія силъ на большомъ пространствѣ; онъ опять требовалъ отъ Киселева подкрѣпленій. Возникла длинная переписка, продолжавшаяся весь іюнь и почти до конца іюля. Гейсмаръ, сообщая о доходившихъ до него слухахъ о движеніи паши Скодрскаго съ значительными силами къ Видину и о готовности Турокъ переправиться на лѣвый берегъ Дуная, находилъ свое положеніе въ Раховѣ затруднительнымъ и требовалъ подкрѣпленія. Киселевъ, съ своей стороны, не находилъ ни надобности въ такомъ подкрѣпленіи, ни возможности къ тому: въ началѣ іюля у Гейсмара находилось до 16 т. отборнаго войска, а у Киселева въ непосредственномъ распоряженіи было всѣхъ чиновъ едва 10 т.

Дибичъ, который также принималъ участіе въ этой перепискѣ, соглашался съ мнѣніемъ Киселева, увѣдомлялъ, что у Скодрскаго паши всего 12 т. человѣкъ, и положительно предписалъ Киселеву (12 іюля), чтобы онъ не подкрѣплялъ Гейсмара, иначе какъ въ такомъ только случаѣ, когда предвидится нанести рѣшительный ударъ и то съ тѣмъ, чтобы Киселевъ тотчасъ возвратился къ Журжѣ. „Предпишите Гейсмару“, писалъ Дибичъ, „чтобы онъ отнюдь не имѣлъ въ виду закрывать всей Малой Валахіи, но, напротивъ, чтобы впустилъ непріятеля въ оную и тогда, соединивъ всѣ силы свои, постарался бы разбить его, на что у него имѣются достаточныя средства, ибо съ 15 т. человѣкъ соединеннаго войска можно всегда разбить 30 т. или 40 т. Турокъ“.

Киселевъ передалъ все это Гейсмару, который въ отвѣтъ писалъ, что 16 іюля паша Скодрскій прибылъ къ Видину, что, по несомнѣннымъ извѣстіямъ, Турки дѣлаютъ приготовленія къ переправѣ въ Малую Валахію.

„Усматривая, писалъ Гейсмаръ, изъ письма ко мнѣ главнокомандующаго, что его с-во указываетъ мнѣ содержаніе Малой Валахіи какъ главную цѣль ввѣреннаго мнѣ отряда, не за-

нимаясь прочнымъ основаніемъ онаго въ Болгаріи, я почитаю удержаніе за нами Рахова нынѣ дѣломъ не первой важности и потому полагалъ бы оставить Раховъ, чтобы усилить войска въ Малой Валахіи.

Киселевъ 22-го іюля отвѣчалъ Гейсмару, что „онъ никакъ не согласенъ на оставленіе Рахова, ибо если непріятель атакуетъ Рахово и въ то же время переправится чрезъ Дунай для дѣйствія на Малую Валахію, то такое раздробленіе силъ будетъ имѣть пагубнѣйшее вліяніе на него, чѣмъ на насъ, потому что для атаки Раховскихъ укрѣпленій требуется въ шесть или восемь разъ большее число войскъ, чѣмъ гарнизонъ, въ сихъ укрѣпленіяхъ находящійся; и при всемъ томъ таковыя нападенія Турокъ, при многочисленности нашей артиллеріи, не взирая на превосходство силъ, всегда почти бываютъ безуспѣшны".

Въ заключеніе Киселевъ писалъ: „Впрочемъ, сообщая все сіе какъ личное мое мнѣніе, я подчиняю оное намѣреніямъ, которыя заключаются въ упоминаемомъ вами письмѣ главнокомандующаго и тѣмъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, которыя в. пр. лично предусмотрите".

Но прежде, чѣмъ дошло это отношеніе къ Гейсмару, онъ распорядился оставленіемъ Рахова, который 22-го числа къ полудню былъ совершенно очищенъ, всѣ укрѣпленія, въ немъ бывшія, срыты до основанія, и всѣ войска переправились на лѣвый берегъ Дуная.

Киселевъ о такомъ неожиданномъ для него распоряженіи Гейсмара поспѣшилъ донести главнокомандующему [1]).

Дибичъ отвѣчалъ Киселеву 13 августа слѣдующее:

„Изъ рапорта вашего превосходительства, отъ 26-го іюля, за № 905, и приложенныхъ приономъ бумагъ, къ крайнему моему удивленію усмотрѣлъ я, что генералъ-адъютантъ баронъ Гейсмаръ, не дождавшись разрѣшенія вашего на представленіе его, за № 257, объ оставленіи Рахова, предписалъ вывести войска изъ сего города немедленно, уничтоживъ, по возможности, какъ самый городъ, такъ и существующія въ ономъ

[1]) 26-го іюля 1829 г.

укрѣпленія, и что вы не токмо за таковой поступокъ, произведенный единственно по основанному на однихъ только слухахъ опасенію въ покушеніи Турокъ на Малую Валахію, не сдѣлали, какъ начальникъ, надлежащаго взысканія, но написали генералъ-адъютанту барону Гейсмару, предписаніе въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто вы отрекаетесь отъ начальства надъ нимъ. Будучи увѣренъ, что никто, облекаемый Высочайшею довѣренностію начальствомъ, не можетъ отказаться отъ полнаго исполненія, я съ крайнимъ прискорбіемъ долженъ сіе поставить на видъ вашему превосходительству и поручаю объявить генералъ-адъютанту барону Гейсмару, что онъ за своевольное оставленіе города Рахова подлежать будетъ неминуемой отвѣтственности по мѣрѣ вреда, который отъ сего произойти можетъ, тѣмъ болѣе, что всѣ письма князя Милоша должны бы доказать ничтожество способовъ паши Скодрскаго. —Засимъ предлагаю вашему превосходительству, согласно предписанія моего отъ 4-го числа настоящаго мѣсяца, за № 2,558, со ввѣренными вамъ войсками перейти изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе и немедленно переправиться черезъ Дунай; ежели нельзя уже при Раховѣ, то на другомъ удобномъ къ сему пунктѣ“.

Переходъ на правую сторону Дуная.

Въ предписаніи, отъ 4-го августа, на которое ссылался Дибичъ, онъ увѣдомлялъ Киселева, что чрезъ четыре дня надѣется быть въ Адріанополѣ, что страхъ, наведенный на непріятеля, столь великъ, что онъ нигдѣ не въ состояніи держаться противъ насъ и при первомъ нашемъ появленіи бѣжитъ, не оглядываясь; что новый опытъ сему показалъ при Сливнѣ 31-го іюля, гдѣ турецкій корпусъ, въ 10 тыс. человѣкъ, былъ въ короткое время нами разсѣянъ; что время воспользоваться такими обстоятельствами; поэтому онъ находитъ необходимымъ, чтобы Киселевъ, съ главною частью его войскъ, изъ оборонительнаго положенія немедленно перешелъ въ наступательное и для этого, оставивъ изъ ввѣренныхъ ему войскъ необходимое число для прикрытія Валахіи и Силистріи, съ прочими немедленно переправился бы чрезъ

Дунай при Раховѣ и затѣмъ стремился къ тому, чтобы какъ можно скорѣе атаковать и разбить пашу Скодрскаго.

Пока дѣлались, вслѣдствіе такого приказанія, распоряженія о сосредоточеніи и передвиженіи войскъ, въ главную квартиру прибыли уполномоченные Порты для переговоровъ о мирѣ. Дибичъ, увѣдомляя объ этомъ Киселева 16-го августа, приказалъ ему пріостановиться движеніемъ чрезъ Дунай и ограничиться, впредь до новаго предписанія, одними дѣйствіями на лѣвомъ берегу Дуная. Предписаніе это Дибичъ повторилъ 19-го августа. Киселевъ однако-же 24-го августа предписалъ Гейсмару занять Рахово, оставленный Турками, и употребить всѣ усилія для возстановленія моста чрезъ Дунай. Между тѣмъ, 26-го августа Гейсмаръ доставилъ Киселеву письмо сербскаго князя Милоша, подтверждавшее свѣдѣніе о движеніи паши Скодрскаго къ Адріанополю. Въ тотъ же день Киселевъ писалъ Гейсмару, что „слѣдованіе и направленіе албанскихъ войскъ даетъ ему право и даже поставляетъ въ обязанность преступить повторительное повелѣніе главнокомандующаго относительно движенія чрезъ Дунай“, и потому онъ предлагаетъ исполнить прежнее его, Киселева, предписаніе, т.-е. переправиться въ Раховѣ на правую сторону Дуная. Гейсмаръ, еще по первому предписанію Киселева, занялъ Рахово 24-го августа. Киселевъ въ это время былъ еще въ Бухарестѣ, а 28-го августа прибылъ самъ въ Рахово, осмотрѣлъ немедленно войска, назначенныя для дѣйствія на правомъ берегу Дуная, нашелъ ихъ въ отличномъ состояніи, что̀ приписывалъ заботливости Гейсмара, и объявилъ объ этомъ въ приказѣ [1]).

Вторичное занятіе Рахова.

Въ Раховѣ получено было извѣстіе отъ князя Милоша, о заявленномъ ему желаніи паши Скодрскаго, что онъ, вынужденный повелѣніями султана слѣдовать къ Адріанополю, желалъ бы чтобы Гейсмаръ, переправясь чрезъ Дунай, подавалъ бы видъ дѣйствія противъ паши, дабы имѣть предлогъ ему остановиться въ Софіи.

Киселевъ, не довѣряя вполнѣ подобнымъ увѣреніямъ Мустафы-паши, нерѣдко умышленнымъ и вѣроломнымъ, и по

[1]) Отъ 31-го августа 1829 г.

важности могущихъ быть послѣдствій отъ сближенія непріятельскаго корпуса на сообщенія паши, составилъ авангардъ, подъ командою Гейсмара, изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, 8-ми эскадроновъ драгунъ, одного полка казаковъ при 30 орудіяхъ, приказалъ Гейсмару занять Врацу и наблюдать партіями и лазутчиками за всѣми дѣйствіями и движеніемъ паши.

Занятіе Врацы.

Но для того, чтобы нѣкоторое время удержать Албанцевъ въ Софіи, Киселевъ сообщилъ князю Милошу, что если хотя одинъ байракъ изъ Софіи отправленъ будетъ къ Филиппополю, то онъ со всѣмъ корпусомъ откроетъ сильнѣйшее наступательное дѣйствіе, и что генералъ-адъютантъ Гейсмаръ наблюдаетъ пашу изъ Врацы [1]).

Авангардъ выступилъ изъ Рахова 31-го августа и занялъ Врацу 2-го сентября [2]). Жители города, предшествуемые епископомъ болгарскимъ, встрѣтили войска наши съ непритворною радостію.

2-го сентября Дибичъ писалъ Киселеву, что въ тотъ день подписанъ уполномоченными миръ: „Вслѣдствіе сего имѣете прекратить всѣ военныя дѣйствія, и если часть войскъ, съ которыми предполагали вы перейти за Дунай, уже перешла, то имѣете оставаться въ томъ положеніи, въ каковомъ находиться будете при полученіи сего повелѣнія. Когда же получите увѣдомленіе о ратификаціи подписаннаго мира, тогда перейдите на лѣвый берегъ Дуная и расположите войска въ Малой и Большой Валахіи, въ удобныхъ и здоровыхъ, по усмотрѣнію вашему, лагеряхъ“.

Толь 5-го сентября увѣдомлялъ Киселева, что главнокомандующій изъявляетъ ему „совершенную признательность за благоразумное распоряженіе, которымъ онъ совершенно достигъ желаемой цѣли: войска, состоящія подъ его командою, не только прикрыли наши сообщенія отъ корпуса непріятельскихъ войскъ подъ начальствомъ паши Скодрскаго находящихся, но могли пораженіемъ сего непріятеля доставить новое торжество побѣдоносному оружію россійскому“.

---

1) Рапортъ Киселева Дибичу 29-го августа.

2) Рапортъ Киселева Дибичу 4-го сентября.

Между тѣмъ, Киселевъ выступилъ изъ Врацы, и авангардъ его занялъ дефилеи въ Балканахъ, при дер. Новодени 11-го сентября, и тогда же, получивъ отъ Дибича означенное предписаніе (отъ 2-го сентября) о подписаніи мирнаго трактата, остановился дальнѣйшимъ движеніемъ [1]).

9-го сентября Дибичъ предписывалъ Киселеву, въ случаѣ, если паша Скодрскій, къ которому Дибичъ тогда же писалъ о пріостановленіи его движеній, не пріостановитъ свои наступательныя дѣйствія, двинуться вслѣдъ за нимъ и атаковать его.

19-го сентября Киселевъ доносилъ Дибичу, что какъ Мустафа-паша обѣщалъ остановить свое движеніе при Филиппополѣ, то онъ не могъ воспользоваться даннымъ разрѣшеніемъ дѣйствовать наступательно и остается при Врацѣ.

Движеніе Киселева къ Габрову.

Дибичъ съ своей стороны писалъ 19-го сентября Киселеву: „Нынѣ хотя полученъ въ Адріанополѣ трактатъ, ратификованный султаномъ Махмудомъ, но поелику, во-первыхъ, по оному армія Россійская имѣетъ оставаться въ настоящемъ положеніи и занимать Адріанополь до выполненія нѣкоторыхъ главныхъ пунктовъ и именно: касательно Сербіи, касательно уничтоженія крѣпости Журжи и въ ожиданіи заплаты Портою значительной суммы; во-вторыхъ, находя, что уже въ направленіи отъ Рахова нѣтъ надобности въ сильномъ корпусѣ, то предписываю вашему превосходительству съ 6-ю баталіонами пѣхоты, 8-ю эскадронами кавалеріи, 16-ю орудіями пѣшей и 8-ю конной артиллеріи и съ казачьимъ полкомъ двинуться къ Габрову“.

23-го сентября Дибичъ, повторяя прежнее предписаніе о движеніи Киселева къ Габрову, писалъ ему, что если Гейсмаръ „точно удостовѣрится, что Мустафа-паша выступилъ изъ Филиппополя къ Адріанополю, то онъ долженъ быстрымъ движеніемъ стараться настигнуть аріергардъ турецкихъ войскъ и безпрестанно безпокоить оный. Главною же его цѣлію должно быть занятіе дефилей чрезъ Балканы, дабы тѣмъ пресѣчь пашѣ Скодрскому отступленіе на Софію“.

---

[1]) Рапортъ главнокомандующему 11-го сентября.

На это Киселевъ отвѣчалъ [1]), что, при всѣхъ затрудненіяхъ отъ чрезмѣрно дурнаго состоянія дорогъ, онъ съ своимъ корпусомъ прибудетъ въ Габрово къ 10-му октября, а можетъ быть и ранѣе. Дѣйствительно, уже 6-го октября Киселевъ доносилъ, что онъ въ тотъ день съ передовою колонною прибылъ въ Габрово, что переходъ до этого города отъ Врацы совершенъ усиленными переходами и безъ дневокъ въ 10 дней; что изъ Врацы онъ направился чрезъ Плевну, Ловчу и Сельви и немедленно отправилъ авангардъ для занятія главнаго ущелья горъ, за симъ городомъ находящагося и деревни Шипки, лежащей на южной отлогости Балканъ; что проходъ между Габровымъ и Шипкою въ весьма дурномъ состояніи и по крутости подъемовъ и спусковъ и узкости дорогъ для слѣдованія тяжелыхъ обозовъ отмѣнно затруднителенъ, и что приняты всѣ мѣры для поспѣшнаго исправленія оныхъ.

Въ предписаніи 18-го октября Дибичъ, благодаря Киселева за всѣ его распоряженія и въ особенности за мѣры, предпринятыя имъ къ продовольствію войскъ, предписывалъ ему занимаемые нашими войсками пункты, Габрово и Шипку, не оставлять до полученія положительныхъ извѣстій о сдачѣ крѣпости Журжи.

Возвращеніе на лѣвый берегъ Дуная.

Извѣстія эти были получены 31-го октября; вслѣдъ затѣмъ, Киселевъ сдѣлалъ распоряженіе о возвращеніи командуемыхъ имъ войскъ на лѣвую сторону Дуная. Гейсмаръ, оставивъ Врацу, долженъ былъ направиться къ Рахово, а самъ Киселевъ съ своею колонною—на Систово. Киселевъ съ штабомъ своимъ оставилъ Габрово 3-го ноября, прибылъ въ Систово 6-го ноября; на другой день переправился въ Зимницу, гдѣ его, назначеннаго уже полномочнымъ предсѣдателемъ Дивановъ въ княжествахъ, встрѣтила и привѣтствовала депутація отъ Валахскаго Дивана. Изъ Зимницы Павелъ Дмитріевичъ отправился въ лагерь при Даѣ, откуда на другой день пріѣхалъ въ Бухарестъ. Переправа войскъ чрезъ Дунай кончилась только 11-го ноября [2]).

---

[1]) Рапортъ Дибичу 1-го октября.

[2]) Рапортъ Дибичу 21-го ноября 1829 г.

Дѣйствія Киселева въ 1829 году на правомъ берегу Дуная, составляли какъ-бы отдѣльный эпизодъ войны. Фланговое движеніе, начатое, какъ мы видѣли выше, по инпціативѣ Киселева, охранившее русскую армію отъ нападенія Турокъ на ея тылъ, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Для честолюбія военачальника недоставало только блеска побѣды, котораго естественно желалъ и ожидалъ Павелъ Дмитріевичъ. Вотъ что онъ писалъ бывшему тогда полномочному предсѣдателю Дивановъ въ княжествахъ П. Ѳ. Желтухину:

„Бивакъ при д. Демьяно, 13-го сентября, 1829.

„Съ удовольствіемъ—не скрою, что и съ огорченіемъ—получилъ я извѣстіе о заключеніи мира. Казаки мои были въ двухъ маршахъ отъ Софіи, и чрезъ три дня я занялъ бы сей замѣчательный и для насъ важный городъ. Признайтесь, почтенный Петръ Ѳедоровичъ, что при всемъ патріотизмѣ позволительно сѣтовать на судьбу, которая послѣ преодолѣнія многихъ и многихъ затрудненій, не допустила воспользоваться справедливымъ воздаяніемъ, котораго я вправѣ былъ ожидать. Но дѣлать нечего; покоряюсь той волѣ, которая нами распологаетъ и уже не гоняюсь за счастіемъ, котораго достигнуть не могу.

„Я уже былъ въ горахъ и въ краѣ прелестномъ; Болгары насъ встрѣчали пріятелями и большая часть Турокъ оставались въ домахъ своихъ или возвращались домой, и все исполнялось по желаемому. Какъ вдругъ блистательный миръ опечалилъ весь безъ изъятія корпусъ. Паша Скодрскій съ 10 т. выбирался уже изъ Софіи, и мнѣ оставалось бы подобрать хвостъ его и приспѣть въ Адріанополь. По всей дорогѣ насъ ожидали, и 40 т. Русскихъ съ голода не умерли бы—такъ отзывались жители. Я воротился съ 20 казаками, два раза ночевалъ въ полѣ и былъ охраняемъ Болгарами, домы и имущество коихъ никѣмъ не были тронуты“....

ГЛАВА XIV.

1829 — 1834 годъ.

Назначеніе графа Палена полномочнымъ предсѣдателемъ Дивановъ; инструкція ему.—Назначеніе Желтухина на мѣсто графа Палена.—Графъ Дибичъ извѣщаетъ Киселева о назначеніи его полномочнымъ предсѣдателемъ; отвѣтъ Киселева.—Переписка по этому случаю между Дибичемъ и Киселевымъ.—Пріѣздъ Киселева въ Бухарестъ и вступленіе его въ управленіе княжествами.

Назначеніе графа Палена полномочнымъ предсѣдателемъ Дивановъ; инструкція ему.

Когда въ С.-Петербургѣ вопросъ о войнѣ съ Турціею былъ рѣшенъ, то въ виду вступленія нашихъ войскъ въ Молдавію и Валахію, признано необходимымъ опредѣлить образъ управленія этими княжествами. Рѣшено было учредить правителя краемъ подъ названіемъ полномочнаго предсѣдателя Дивановъ Молдавіи и Валахіи. Въ эту должность былъ назначенъ тайный совѣтникъ графъ Паленъ, который долженъ былъ состоять подъ главнымъ начальствомъ главнокомандующаго арміею. Въ инструкціи, ему данной, было предоставлено при самомъ вступленіи арміи въ княжества обоихъ господарей, Стурдзу и Гику, которые своимъ поведеніемъ обратили на себя крайнее неудовольствіе Государя, устранить отъ управленія и всю власть ихъ передать полномочному предсѣдателю; попеченію его ввѣрялось: „благосостояніе жителей, тѣсно сопряженное съ выгодами дѣйствующей арміи“. Страна должна была платить обыкновенныя подати; натуральныя повинности ограничивались только двумя:

доставленіемъ фуража и подводъ; земля считается не какъ завоеванная, а какъ дружественная и покровительствуемая; поэтому натуральныя повинности должны были взиматься чрезъ посредство мѣстныхъ властей. Кромѣ мѣръ, необходимыхъ для поддержанія порядка, спокойствія и благосостоянія жителей всѣхъ классовъ, постоянныя усилія должны быть направлены къ тому, чтобы, соотвѣтственно намѣреніямъ Государя, приготовить установленіе, при заключеніи мира, прочнаго въ странѣ порядка.

Политическое положеніе страны дѣлало далеко нелегкимъ исполненіе возложенной на временное русское правительство задачи.

Посланный предъ войною за Дунай, секретный агентъ, полковникъ Липранди, въ мартѣ мѣсяцѣ 1828 года, писалъ: „Находясь болѣе двухъ мѣсяцовъ въ Яссахъ, я имѣлъ случай наблюдать духъ пронырствъ, интригъ, надменность, низость большей части бояръ. Невозможно вообразить безпрестанной перемѣнчивости ихъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. При всякомъ распространявшемся слухѣ, бояры наводняли австрійскій консулатъ, какъ единственный, къ которому имѣютъ довѣренность, и получивъ въ ономъ утѣшеніе и наставленія, возвращались опять въ свой кругъ, и въ совершенно праздной жизни своей помышляли о новыхъ козняхъ.... Благомыслящіе (бояры) и всѣ поселяне съ нетерпѣніемъ ожидаютъ перемѣны въ управленіи, въ случаѣ перехода войскъ нашихъ. Но большая часть (бояровъ) желаетъ продолженія хаоса правленія, нынѣ существующаго; всякое государство, обуздывающее самоуправство и грабежъ, губительно въ глазахъ бояръ молдавскихъ.... Австрія изыскиваетъ всѣ средства снискать довѣренность въ боярахъ и дѣятельность консуловъ ея соотвѣтствуетъ цѣли ея правительства.... Переходъ сей отъ преданности къ Россіи къ преданности къ Австріи, начинается съ 1812 года; послѣ заключенія Бухарестскаго мира, Яссы не имѣли ни одного консула изъ русскихъ. Греки, занимавшіе мѣста сіи (равно какъ и мѣста драгомановъ), были совершенно чужды врожденныхъ

свойствъ Русскимъ. Почти всѣ, родившись турецкими же подданными и получивъ воспитаніе свойственное духу фанаріотовъ, они не могли поселить въ боярахъ приверженности и благодарности къ Россіи: имущество, родственники и друзья ихъ, всѣ находились въ Константинополѣ; благосостояніе ихъ зависѣло болѣе отъ благосостоянія Турецкой имперіи. Всѣ русскіе подданные, живущіе въ Яссахъ и нѣкоторые изъ жителей, съ восторгомъ еще вспоминаютъ Северина, Малиновскаго, Жерве и Болкунова [1]). Въ заключеніе можно сказать, что теперь вообще бояры охотно еще пользуются покровительствомъ Россіи, но искренно страшатся ея вліянія. Столь пагубны были послѣдствія пятнадцати-лѣтняго пребыванія въ Яссахъ константинопольскихъ консуловъ".

Въ рескриптѣ графу Палену, данномъ при его назначеніи, говорилось, что „дворянству княжествъ свойственны искательства, внушенія, неосновательные доносы, къ чему сдѣлало оно сильный навыкъ по существующему тамъ обыкновенію мѣнять часто лица, дабы дать другимъ мѣста, кои всегда открываютъ возможность злонамѣренными средствами обогащаться.

„Извѣстно, что по судной части хотя и существуютъ несправедливости, но не въ той высокой степени, какъ по сборамъ и полиціи. Сіи двѣ послѣднія части состоятъ въ вѣдѣніи исправниковъ. Они часто въ селеніи показываютъ 20-ть домовъ, гдѣ оныхъ 28, и доходъ съ утаенныхъ восьми обращаютъ въ свою пользу; они вмѣсто тысячи подводъ, требуемыхъ съ уѣзда, наряжаютъ самымъ дерзкимъ образомъ 2 т. и половинѣ позволяютъ откупаться довольно высокою цѣною; имѣнія лицъ, занимающихъ высшія должности, самовольно освобождаютъ отъ всякой повинности, и тѣмъ самымъ обращаютъ всю тягость оной на другія имѣнія. Таковыя дѣйствія, касающіяся и до чести нашего правленія и до пользы арміи, должно всемѣрно стараться истребить: вы не оставите обратить самый бдительный надзоръ секретный и по временамъ публичную ревизію; наказавъ строго обличенныхъ въ

---

[1]) Русскіе генеральные консулы въ княжествахъ, въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

лихоимствѣ, вы успѣете, если не совершенно прекратить, то по крайней мѣрѣ уменьшить оное. Къ прискорбію должно сознаться, что въ обоихъ княжествахъ дворянство, хотя получило отъ частыхъ съ нами сношеній нѣкоторую степень просвѣщенія, но все гнѣздятся въ немъ пороки, свойственные турецкимъ подданнымъ. Не любовь къ отечеству, не понятія высокія къ добродѣтели, но страсть къ стяжанію есть главная цѣль всѣхъ ихъ напряженій. При таковыхъ свойствахъ нужно имѣть внимательный надзоръ, не только за низшими, но и за первоклассными боярами, внушая имъ, что одно ихъ благородное поведеніе и безкорыстіе можетъ воздержать отъ злоупотребленій исправниковъ уѣздныхъ и всѣхъ другихъ чиновъ. Но поелику управлять, а также судъ и расправу производить должно чрезъ ихъ же посредство; то надлежитъ и вамъ всемѣрно потщиться пріобрѣсти ихъ уваженіе, преданность и довѣріе".

Графъ Паленъ былъ человѣкъ образованный и честный; онъ всегда служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ и считался искуснымъ дипломатомъ, но вовсе не былъ готовъ быть администраторомъ и въ особенности въ странѣ, гдѣ не было никакого порядка, а только злоупотребленія и интриги; гдѣ надо было не только управлять, но организовать, создать администрацію. Онъ не подходилъ къ испорченнымъ нравамъ востока; тутъ нуженъ былъ человѣкъ съ желѣзною волею, а ея не было въ немъ; онъ сознавалъ это, и въ концѣ 1828 года просилъ объ увольненіи; оно ему было дано 25 января 1829 года, и на мѣсто его назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Желтухинъ, бывшій кіевскимъ военнымъ губернаторомъ. Это былъ человѣкъ совершенно противоположнаго характера: насколько графъ Паленъ былъ мягокъ и уклончивъ, на столько Желтухинъ былъ крутъ и раздражителенъ; гуманность и терпимость были ему чужды; обезпеченіе содержанія войска было его единственною цѣлію; онъ не смотрѣлъ на средства, лишь бы приказанія его были исполняемы; онъ грубо обращался съ боярами, почтительныхъ словъ не было въ его лексиконѣ. Все это было причиною всеобщаго къ нему неудовольствія.

Назначеніе генерала Желтухина на мѣсто графа Палена.

Дѣлами внутренняго управленія Желтухинъ занимался весьма мало, и причиною тому было конечно и болѣзненное его состояніе. Киселевъ, въ письмѣ къ Закревскому 20-го февраля 1830 года, между прочимъ писалъ: „Любезный другъ Арсеній Андреевичъ! Отчего Желтухинъ мало занимался дѣлами и отчего запущены были дѣла? Отъ болѣзни, усиленной здѣшнимъ ужаснымъ климатомъ; вообрази себѣ, что въ теченіи 8 мѣсяцевъ при одномъ госпиталѣ умерло 19 лекарей, что здѣсь всѣ безъ изъятія нижніе чины, офицеры, генералы переболѣли и большая часть осталась съ признаками водяной или завалами"....

Желтухинъ, какъ-бы предчувствуя свою смерть, еще въ половинѣ 1829 года просилъ объ увольненіи.

„Здоровье мое плохо, писалъ онъ Киселеву [1]), голова болитъ всякій день и припадки прежніе болѣе и болѣе усиливаются; какъ буду счастливъ, когда вырвусь отсюда". Желтухинъ былъ уволенъ 14-го сентября отъ званія полномочнаго предсѣдателя диванов Молдавіи и Валахіи и тогда же на его мѣсто назначенъ Киселевъ.

Графъ Дибичъ извѣщаетъ Киселева о назначеніи его полномочнымъ предсѣдателемъ Дивановъ; отвѣтъ Киселева.

Дибичъ, извѣщая его объ этомъ назначеніи, писалъ ему [2]): „Прошу поспѣшить принятіемъ Высочайше ввѣреннаго вамъ поста, важнаго всегда, и въ особенности теперь, когда расположеніе войскъ по зимнимъ квартирамъ и проходъ оныхъ чрезъ княжества необходимо требуютъ всей дѣятельности и распорядительности таковаго намѣстника, какъ вы, на распоряженіе котораго могу я возложить мою полную увѣренность. Впрочемъ, главное начальство надъ ввѣренными нынѣ вамъ войсками оставляется и впредь до другаго распоряженія совершенно вамъ на прежнемъ основаніи".

Письмо это Киселевъ получилъ 13-го октября въ Габровѣ.

Въ оффиціальномъ предписаніи, въ тотъ же день посланномъ, Дибичъ поручалъ Киселеву пункты при Врацѣ и Габровѣ, нами занятые, поручить въ команду генералъ-адъютанта Гейсмара и генералъ-лейтенанта Штегмана, и въ заключеніе

[1]) 16-го сентября 1829 г.
[2]) Письмо 4-го октября 1829 г.

писалъ: „Я остаюсь въ полной увѣренности, что, по испытанной уже дѣятельности вашей и безусловному усердію къ пользамъ службы, вы примете всѣ мѣры, чтобы оставить вышеупомянутые отряды въ сколь возможно лучшемъ устройствѣ и потомъ, отправясь безъ потери времени къ новому назначенію вашему, ревностнымъ исполненіемъ важной возлагаемой на васъ обязанности снова вполнѣ оправдаете Высочайшую къ вамъ довѣренность Государя Императора".

Киселевъ на это предписаніе отвѣчалъ [1]), что несмотря на состояніе его здоровья, требующаго отпуска, онъ готовъ заняться текущими дѣлами гражданскаго управленія въ княжествахъ, доколѣ по военному управленію будетъ находиться въ томъ краѣ. Что же касается до отъѣзда изъ Габрова и передачи командованія войсками Гейсмару, то онъ этого сдѣлать не можетъ потому, что послѣдній съ отрядомъ своимъ находился въ 4-хъ часахъ отъ Софіи, и потому не можетъ отлучиться отъ войскъ своихъ до обратнаго перехода горъ; съ другой стороны, по сношеніямъ съ турецкими начальниками по продовольствію отъ края собираемому и по необходимости сохранить особый порядокъ и дисциплину въ войскѣ, а также и для перваго устройства обратнаго движенія за Дунай, онъ находитъ необходимымъ до начала отступательнаго движенія оставаться при отрядѣ.

Почти въ тоже время А. Ѳ. Орловъ писалъ [2]) Павлу Дмитріевичу:

„Фельдмаршалъ чрезмѣрно доволенъ и тобою и всѣмъ, что ты сдѣлалъ, и поэтому скоро получишь доказательство благоволенія Государя. Ты уже назначенъ стать въ главѣ обоихъ княжествъ. Постъ весьма важный и при настоящихъ обстоятельствахъ значительнѣе, чѣмъ когда-либо былъ. Тебѣ предстоитъ много работы. Дѣло идетъ о преобразованіи страны и о томъ, чтобы двинуть ее къ прогрессивному развитію. Надѣюсь, что твоя дѣятельность позволитъ принять этотъ постъ; ради Создателя, не отказывайся отъ этого довѣрія Государя. Подумай,

---

[1]) 12-го октября 1829 г., изъ Габрова.

[2]) 8-го октября 1829 г.

что это мѣсто временное, избавляющее тебя отъ фронта и всѣхъ неудобствъ походной жизни, и что послѣ ты можешь домогаться всякаго мѣста, какое только тебѣ понравится. Вотъ совѣты истиннаго друга, которымъ, я не сомнѣваюсь, ты послѣдуешь".

Переписка поэтому случаю между Дибичемъ и Киселевымъ.

Киселевъ, новымъ своимъ назначеніемъ, состоявшимся безъ вѣдома его, не вполнѣ былъ доволенъ. Сознавая, съ одной стороны, важность предстоявшаго ему дѣла не управленія только, но полнаго возрожденія края, а съ другой—что вся отвѣтственность будетъ лежать на немъ исключительно, онъ желалъ быть независимымъ въ своихъ дѣйствіяхъ; знакомый уже съ внутреннимъ положеніемъ княжествъ, гдѣ русскія войска должны были оставаться неопредѣленное время, онъ находилъ необходимымъ не изъ властолюбія, а для успѣха дѣла, соединеніе въ однѣхъ рукахъ власти гражданской и военной; онъ не хотѣлъ подчиняться никому, кромѣ Дибича, котораго онъ уважалъ и который ему выказывалъ несомнѣнные признаки взаимности и даже дружбы. Между тѣмъ, по отъѣздѣ Дибича изъ дунайской арміи, начальство надъ нею, по старшинству, принадлежало Ридигеру, который съ своимъ корпусомъ долженъ былъ вступить въ Молдавію.

Павелъ Дмитріевичъ сначала рѣшился отклонить отъ себя сдѣланное ему назначеніе. Вотъ, что онъ, вслѣдъ за приведеннымъ выше оффиціальнымъ донесеніемъ, писалъ Дибичу въ частномъ письмѣ:

„14-го октября 1829. Габрово.

„Администрація въ странѣ, занимаемой окупаціоннымъ корпусомъ, по своему существу можетъ быть только военною. Мѣсто президента, предполагавшееся въ канцеляріи графа Нессельрода для графа Палена, существенно должно было быть мѣстомъ гражданскимъ, слѣдовательно, по характеру своему рѣшительно не отвѣчающимъ принципамъ, которые слѣдовало ввести для приданія направленію дѣлъ болѣе твердаго характера. Желтухинъ это чувствовалъ хорошо, и если, въ то время, когда мы были вмѣстѣ [1]), между нами было согласіе, то это,

[1]) Это относится къ началу 1829 года.

осмѣлюсь сказать, происходило отъ моего желанія не только не затруднять его управленія, но, напротивъ, помогать всѣми средствами, находившимися въ моемъ распоряженіи, и тѣмъ способствовать общему благу, не имѣя въ виду ни частныхъ интересовъ, ни личной славы. Съ моей стороны, конечно, нескромно говорить это; но такой родъ заслуги рѣдокъ и я не смѣю надѣяться тоже видѣть отъ лица, которое замѣнитъ меня въ командованіи войсками. Даже и въ томъ случаѣ, когда взаимныя отношенія могли бы уладиться, то положеніе все-таки съ обѣихъ сторонъ будетъ фальшивое и дѣла отъ этого будутъ болѣе или менѣе страдать; я не колеблюсь утверждать, что военная и гражданская администраціи должны быть поручены одному лицу. И будетъ ли начальникъ войскъ подчиненъ предсѣдателю926 дивановъ, или наоборотъ, единство управленія необходимо; я такъ убѣжденъ въ этомъ, что считалъ бы безчестнымъ молчать и принять назначеніе, которое поставило бы меня въ фальшивое положеніе и въ невозможность дѣйствовать съ честью. Но даже, когда высшее начальствованіе войсками, пока оставляемое вашимъ сіятельствомъ за мною, будетъ продолжаться и въ послѣдующее время, или когда начальникъ войскъ будетъ мнѣ подчиненъ, я приму званіе предсѣдателя дивановъ, и сохраню его за собою только до тѣхъ поръ, пока вы будете моимъ начальникомъ, ибо ни за что на свѣтѣ я не захочу имѣть дѣло съ дряхлостью тѣхъ, которые могутъ занять ваше мѣсто по праву старшинства. Послѣ этого ваше сіятельство найдете справедливымъ извинить уклоненіе мое отъ принятія мѣста предсѣдателя, которое въ моемъ убѣжденіи требуетъ трехъ непремѣнныхъ условій: 1) имѣть нравственную гарантію въ томъ, что служба моя будетъ подъ вашимъ начальствомъ; 2) имѣть въ своихъ рукахъ власть и гражданскую, и военную, и 3) возможность отправиться весною въ Карлсбадъ. Условій этихъ не предлагаю ни правительству, ни моему начальнику, но говорю о нихъ здѣсь для того, чтобы не показаться неблагодарнымъ и безразсуднымъ въ вашихъ глазахъ; ибо прежде всего я дорожу добрымъ мнѣніемъ тѣхъ, кого самъ уважаю, а вмѣстѣ съ тѣмъ не полагаю, чтобы дол-

женъ былъ легкомысленно отдаться дѣлу, съ которымъ связаны важные интересы и которое окончательно можетъ окомпрометировать даже ваше благосклонное обо мнѣ попеченіе"...

Дибичъ, человѣкъ умный и даровитый, вполнѣ понимавшій Киселева, дорожилъ имъ какъ человѣкомъ, далеко стоявшимъ, по своимъ талантамъ, выше всѣхъ подчиненныхъ ему, главнокомандующему, лицъ. Въ отвѣтѣ своемъ, какъ-бы въ укоръ Киселеву, напоминая ему о тѣхъ важныхъ порученіяхъ, которыя онъ возлагалъ на него, и которыя служили доказательствомъ того, какъ онъ цѣнилъ способности Павла Дмитріевича, Дибичъ объяснялъ причины, почему онъ въ то время не могъ предоставить ему главное начальство надъ войсками, долженствовавшими вступить въ княжества, и въ заключеніе убѣждалъ Киселева не отклонять отъ себя сдѣланнаго ему назначенія.

Вотъ это письмо:

„18-го октября, 1829 г. Адріанополь.

„На письмо ваше отъ 14-го октября, я долженъ вамъ напомнить, съ какимъ довѣріемъ я всегда давалъ вамъ трудныя и важныя назначенія. Когда Государю угодно было предоставить вамъ выборъ между 3-мъ пѣхотнымъ и 4-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ и вы выбрали послѣдній, который давалъ вамъ отдѣльное начальствованіе въ Молдавіи и Валахіи; вы знаете, что я съ удовольствіемъ способствовалъ этому. Одно время вы полагали долгомъ не пользоваться вполнѣ своими правами относительно отряда, расположеннаго въ Малой Валахіи; я постарался выразить вамъ мое мнѣніе по этому предмету и полнѣйшее довѣріе къ вашимъ военнымъ способностямъ. Когда надо было двинуть правый флангъ нашъ для взятія укрѣпленнаго лагеря подъ Шумлою, кого же какъ не васъ я назначилъ для исполненія этого важнаго дѣла, давъ вамъ приказаніе присоединиться къ генералу Красовскому. Когда вы вознамѣрились идти изъ Рахова, чтобы остановить движеніе албанскаго корпуса Мустафы-паши, я одобрилъ ваше рѣшеніе; но положеніе этого непріятельскаго корпуса заставило меня принять нѣкоторыя предосторожности и напра-

вить одинъ отрядъ въ Габрово; я вамъ предписалъ тогда быть во главѣ этой колонны, потому что ея движеніе въ центрѣ Болгаріи требовало, по многимъ обстоятельствамъ, благоразумія и разумнаго поведенія. Война окончилась весьма счастливо, управленіе княжествъ сдѣлалось предметомъ весьма важнымъ, и въ этомъ случаѣ вамъ оказано было самое высокое довѣріе и въ руки ваши предоставлено управленіе этихъ обширныхъ провинцій—самый священный предметъ нашихъ обязательствъ въ отношеніи къ многочисленному народу, за котораго Россія торжественно заступилась.

„Вотъ неоспоримые факты, которые показываютъ мое мнѣніе о вашихъ знаніяхъ, способностяхъ и дѣятельности, мое довѣріе къ вашей энергіи, и еще болѣе довѣріе Самого Государя къ вашей ревности и преданности Его службѣ и Его Лицу. Вы слишкомъ хорошо знаете порядки службы, чтобы требовать измѣненія ея основъ. Невозможно, чтобы вы командовали въ княжествахъ войсками, когда командиръ корпуса, къ которому они принадлежатъ, старше васъ. Генералъ Ридигеръ не можетъ быть подъ вашимъ начальствомъ, а между тѣмъ, съ другой стороны, онъ не можетъ быть назначенъ предсѣдателемъ, какъ въ виду короткаго пребыванія его съ 4-мъ кавалерійскимъ корпусомъ въ Молдавіи, такъ и прочихъ обстоятельствъ, дѣлающихъ его для этого назначенія непригоднымъ.

„Итакъ, почему вы намѣреваетесь предложить мнѣ дѣло, совершенно противное существу службы, тогда какъ вы должны были быть увѣрены, что никто болѣе меня не старается употреблять всѣ усилія для поддержанія во всей чистотѣ и строгости законнаго прохожденія службы.

„Ваша дѣятельность на настоящемъ посту нисколько не будетъ парализована войсками, квартирующими лишь временно. Я вамъ оставлялъ и опять оставлю военное начальствованіе на лѣвой сторонѣ Дуная, какъ только будетъ возможно не разрушать принципа старшинства. Относительно же продолжительности вашего управленія княжествами и желанія отправиться на нѣкоторое время на воды, я прошу не безпокоиться.

По этому случаю долженъ *секретно* сообщить вамъ, что относительно продолжительности нашего пребыванія въ княжествахъ идутъ переговоры. Въ обоихъ случаяхъ вамъ будетъ возможно позаботиться о своемъ здоровьи. Если время нашей окупаціи будетъ кратковременно, ничто не воспрепятствуетъ вашимъ предположеніямъ; въ случаѣ же, если оно продолжится на нѣсколько лѣтъ, достаточно будетъ установить прочно ходъ дѣлъ, чтобы воспользоваться отпускомъ на 4—6 мѣсяцевъ, особенно когда будете имѣть возможность выбрать временнаго за себя замѣстителя, пользующагося полнѣйшимъ вашимъ довѣріемъ.

„Но каковы бы ни были обстоятельства и развязка этихъ дѣлъ, мы тѣмъ не менѣе не должны ослаблять нашихъ усилій для блага нашего отечества и для чести дѣла, нами защищаемаго. Нашъ долгъ преданности и благодарности Государю—для насъ святой законъ.

„Вы изъ числа замѣчательныхъ лицъ и тѣхъ русскихъ генераловъ, на которыхъ правительство имѣетъ право разсчитывать. Никогда не давайте ему повода сомнѣваться въ силѣ вашего характера и въ готовности къ жертвамъ, которыя вы еще будете имѣть случай принести; эти жертвы самое лучшее и самое справедливое право на благодарность правительства“.

Этимъ письмомъ кончилась переписка между Дибичемъ и Киселевымъ объ условіяхъ принятія послѣднимъ должности предсѣдателя дивановъ; онъ принялъ ее.

Пріѣздъ Киселева въ Бухарестъ и вступленіе въ управленіе княжествами.

Киселевъ пріѣхалъ въ Бухарестъ 11-го ноября и чрезъ два дня, именно 14-го ноября, вступилъ въ управленіе княжествами.

Въ этотъ день, назначенный для пріема дивана, утромъ въ $4^1/_2$ часа, случилось землетрясеніе, повторившееся въ 7 часовъ вечера.

Къ собравшимся членамъ дивановъ Павелъ Дмитріевичъ обратился съ слѣдующею рѣчью: „Господа! Государь Императоръ ввѣрилъ мнѣ высшее управленіе этими провинціями. Я не заблуждаюсь насчетъ обширности возложенныхъ на

меня обязанностей и буду считать себя счастливымъ, если оправдаю выборъ моего Государя, вашего могущественнаго Покровителя.

„Война, которую вела Россія, кончена миромъ почетнымъ для Имперіи и выгоднымъ для васъ.—Государь Императоръ еще усугубилъ покровительство, которое Его предки даровали вамъ. Вы призваны къ жизни, основанной на правахъ и привилегіяхъ, торжественно признанныхъ.

„Отъ васъ, господа, зависитъ теперь упрочить это дѣло: ибо самое могущественное покровительство, самыя мудрыя постановленія не доставляютъ народу благосостоянія, если онъ самъ не желаетъ своего преобразованія, самъ не стремится къ возрожденію нравовъ и духа общественнаго.

„Въ началѣ войны Его Величество Государь Императоръ желалъ, чтобы она была возможно менѣе тягостною для княжествъ, и для нихъ конечно требовавшіяся повинности были бы менѣе чувствительны, еслибы чиновники были проникнуты мыслію о томъ, что увеличеніе повинностей вредитъ общему благу. Я былъ начальникомъ штаба и потому могу говорить объ этомъ какъ знающій дѣло по опыту; я могъ знать цѣну вашихъ натуральныхъ повинностей и во время моего командованія войсками на лѣвомъ берегу Дуная, я могъ видѣть способы, которыми исторгали ихъ изъ народа. Я не буду останавливаться на томъ, что тамъ, гдѣ система взятокъ предается публичному проклятію, гдѣ честь быть полезнымъ странѣ ставится выше желанія извлекать личныя выгоды, тамъ присутствіе арміи не только не составляетъ тягости для страны, но напротивъ обогащаетъ ее, развивая въ ней промышленность и торговлю.

„Вотъ почему я приглашаю васъ, господа, помочь мнѣ не только вашими знаніями и вашею дѣятельностію, но еще болѣе вашимъ нравственнымъ вліяніемъ, столь необходимымъ для успѣшнаго хода администраціи, которая, я васъ предупреждаю, господа, будетъ неизмѣнно имѣть въ виду общее благо страны, а не личныя выгоды, которыя, какъ основанныя

на злоупотребленіяхъ, могутъ поддерживаться только продолженіемъ злоупотребленій.

„Надъ составленіемъ новаго регламента трудится особая коммисія, члены которой, избранные изъ васъ, извѣстны знаніемъ законовъ и обычаевъ страны. Работа продолжается дѣятельно, но она не должна останавливать улучшеній, которыя могутъ дѣлаться въ разныхъ отрасляхъ администраціи, установленной моимъ достойнымъ предмѣстникомъ.

„Я предупреждаю васъ, господа, что эта администрація будетъ поддерживаема съ точностію до тѣхъ поръ, пока получится совершенное убѣжденіе въ пользѣ и необходимости измѣненій.

„Наконецъ, я позволяю себѣ надѣяться, что руководимые мудростію храбраго начальника арміи, мы осуществимъ великодушныя намѣренія Императора, вашего Августѣйшаго Покровителя, и что этотъ народъ, сдѣлавшись счастливымъ, передастъ отдаленному потомству воспоминаніе о нынѣшней великой и славной эпохѣ“.

Эта рѣчь, говоритъ въ своихъ запискахъ Левенштернъ, была принята съ восторгомъ. Бояръ Аргиропуло всталъ и произнесъ слѣдующія слова:

„Духовенство и дворянство княжества Валахскаго собрались сегодня вокругъ васъ, генералъ, чтобы имѣть честь представить вамъ свои почтительныя привѣтствія.

„Нынѣ, когда новая эра настаетъ для нашего отечества, Его Величеству угодно было къ благодѣяніямъ, обезпеченнымъ намъ Адріанопольскимъ трактатомъ, присоединить еще новое доказательство своего отеческаго попеченія, назначивъ васъ предсѣдателемъ дивановъ. Вѣрьте, ваше превосходительство, что это назначеніе было принято съ единодушною радостію всѣми классами населенія и каждый имѣлъ право себя поздравлять, поздравляя васъ. Въ званіи, къ которому призвало васъ довѣріе Государя, готовится вамъ новый тріумфъ — утвердить счастіе народа, участь котораго доселѣ подвергалась страшнымъ превратностямъ.

„Этотъ тріумфъ не будетъ имѣть блеска военнаго тріум-

фа, но онъ будетъ не менѣе славнымъ и не менѣе дорогимъ вашему сердцу".

Оставивъ залу дивановъ, Киселевъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, отправился въ митрополію, гдѣ было отслужено благодарственное молебствіе при собраніи бояровъ и народа. Въ тотъ же день бояры сдѣлали визитъ Киселеву; отпуская ихъ онъ напомнилъ имъ, что его главная цѣль— общее благо страны и что онъ приглашаетъ бояровъ быть прежде всего Валахами и пожертвовать нѣкоторыми частными интересами великому дѣлу возрожденія ихъ отечества.

Здѣсь считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о положеніи страны, въ которой пришлось дѣйствовать Павлу Дмитріевичу.

ГЛАВА XV.

1829 — 1834 годъ.

Бѣдственное положеніе Придунайскихъ княжествъ и причины тому.—Необходимость реформъ.—Комитетъ для составленія регламента.—Прекращеніе чумы.—Отвращеніе недостатка въ продовольствіи.—Принятіе прошеній.—Ревизіонныя коммисіи —Отвращеніе беззаконныхъ поборовъ.—Запрещеніе евреямъ управлять крестьянами.—Уничтоженіе сокотельниковъ и послушниковъ.—Мѣры противъ бродягъ и разбоевъ.—Мѣры противъ злоупотребленій по сборамъ.

Бѣдственное положеніе страны и причины тому.

Немногія страны въ Европѣ такъ щедро надѣлены природою, какъ придунайскія княжества. Счастливое распредѣленіе горъ и равнинъ, обиліе рѣкъ, текущихъ изъ Карпатъ въ Дунай; климатъ на столько теплый, что въ странѣ повсюду вызрѣваютъ плоды южныхъ странъ, за исключеніемъ маслинъ и апельсиновъ; почва повсюду плодородная; въ нѣдрахъ земли скрываются минеральныя богатства: желѣзныя и мѣдныя руды, уголь, нефть, соль; одна изъ самыхъ большихъ рѣкъ Европы на протяженіи болѣе 700 верстъ проходитъ по границѣ княжествъ, и вездѣ судоходная открываетъ путь къ морю.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ мѣстности, населеніе страны далеко было отъ благосостоянія,—она не процвѣтала, напротивъ—представляла картину страшнаго разстройства.

Первыя основы общежитія и гражданственности—обезпеченіе личности и собственности, можно сказать, не существо-

вали въ княжествахъ. Охраненіе внутренней безопасности, высшее завѣдываніе полиціею ввѣрялось спатарю въ Валахіи и гетману въ Молдавіи; подъ ихъ начальствомъ находились полковники и капитаны, ежегодно смѣнявшіеся. Спатари и гетманы, пріобрѣтая это званіе отъ господарей за значительныя суммы, вознаграждали себя продажею должностей полковниковъ и капитановъ, а эти вознаграждали себя поборами съ крестьянъ, обязанныхъ выставлять изъ себя низшихъ полицейскихъ служителей (катане), за увольненіе отъ этой обязанности болѣе состоятельныхъ; но главный источникъ ихъ доходовъ были разбойничество и воровство. Преступниковъ не только не преслѣдовали полковники и капитаны, но напротивъ того, тайно имъ покровительствовали, участвуя съ злодѣями въ дѣлежѣ награбленнаго и накраденнаго. Ужасъ, наводимый разбоями, останавливалъ всякое промышленное предпріятіе; бояры и вообще люди имѣвшіе состояніе переселялись въ города, и выѣзжали изъ нихъ только въ крайней необходимости и то неиначе какъ въ сопровожденіи вооруженнаго конвоя.

Судебная власть—главная гарантія личности, собственности и чести гражданъ, при неустройствѣ судовъ была вполнѣ смѣшана съ администраціею, и сборщикъ податей былъ въ тоже время администраторомъ и судьею. Отправленіе правосудія, составляющее существенную обязанность всякаго хорошаго правительства, считалось какъ простой придатокъ власти, и какъ дѣло совершенно второстепенное; законы оставались безъ силы; фаворитизмъ или капризъ рѣшали дѣла и справедливость приносилась въ жертву корыстнымъ интересамъ или низкимъ страстямъ.

Господарь предоставлялъ всякому право аппелировать къ нему по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ его предмѣстникомъ; такая несчастная система разрушала право собственности и влекла за собою невообразимое накопленіе дѣлъ и массу вопіющихъ несправедливостей.

Финансами княжества завѣдывалъ такъ-называемый „вистіаръ“; онъ назначалъ для каждаго уѣзда по 2 исправника, которые сосредоточивали въ себѣ власть административную

и судебную; но главною ихъ заботою было распредѣленіе и взысканіе податей.

Подати распредѣлялись по такъ-называемымъ *людарамъ*, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ семействъ и представлявшимъ податныя единицы, напоминавшія собою наши древнія *сохи*. Исправники, по видамъ корыстолюбія, одни людары составляли изъ самыхъ богатыхъ, а другіе изъ самыхъ бѣдныхъ семействъ. Такимъ образомъ, бѣдные раззорялись, уплачивая несоразмѣрныя подати, а богатые въ той же мѣрѣ терпѣли отъ чрезмѣрныхъ поборовъ исправниковъ.

Расходованіе государственныхъ доходовъ представляло неслыханное безобразіе; такъ, напримѣръ, доходы Валахіи въ 1827 году, предъ вступленіемъ русскихъ войскъ, составляли 6.841,789 піастровъ, и расходы столько же; изъ этой суммы 1.881,247 піастровъ косвенныхъ налоговъ поступало непосредственно господарю, и, сверхъ того, 2.024,029 піастровъ господарь бралъ себѣ подъ видомъ чрезвычайныхъ расходовъ въ Константинополѣ. Такимъ образомъ, на содержаніе господаря шло $^2/_3$ государственныхъ доходовъ.

Не столько тягостенъ былъ размѣръ податей, сколько несправедливое ихъ распредѣленіе и безпорядки, царствовавшіе въ администраціи: вездѣ сила замѣняла право, вмѣсто закона господствовалъ произволъ, и злоупотребленія всякаго рода составляли единственный способъ производить и пріобрѣтать богатство. Землевладѣльцы, малые и большіе, и крестьяне были притѣсняемы всѣми способами и впадали въ раззореніе, тогда какъ чиновники, покупавшіе свои мѣста, жили въ соблазнительной роскоши.

Наконецъ, развитію промышленности и торговли поставлены были непреодолимыя препятствія, съ одной стороны—злоупотребленіями чиновниковъ, а съ другой — существованіемъ внутреннихъ таможенъ и тѣмъ, что продавать произведенія страны для вывоза изъ нея дозволялось только Туркамъ и по цѣнамъ, ими назначаемымъ; отпускъ скота за-границу вовсе былъ запрещенъ подъ предлогомъ обезпеченія мясомъ столицъ.

Причины такого печальнаго положенія страны объясняются ея исторіею.

Придунайскія княжества составляли часть древней Дакіи. Римляне при Траянѣ первые внесли въ нее начатки цивилизаціи устройствомъ тамъ своихъ колоній послѣ побѣды надъ храбрымъ племенемъ Даковъ. Съ упадкомъ имперіи, за обладаніе Дакіею спорили въ теченіе многихъ вѣковъ проходившіе здѣсь варвары; изъ страны, ими опустошаемой, спасавшіеся жители удалились за Карпаты, откуда не ранѣе X столѣтія воротились съ своими воеводами или господарями; одна часть поселилась въ Валахіи, а другая въ Молдавіи. Народонаселеніе стало увеличиваться, возникали города, и началось правильное развитіе страны. Но въ XIV столѣтіи появились въ Европѣ Турки, новые варвары, болѣе жестокіе, болѣе фанатическіе, чѣмъ ихъ предшественники. Валахи первые напали на нихъ, сначала одни, а потомъ въ соединеніи съ Венграми; но были побѣждены и обложены данью; власть Турокъ постепенно усиливалась, иго ихъ становилось тяжеле. Валахи не разъ возставали, но были побѣждаемы и въ началѣ XVII столѣтія лишены были правъ избирать своихъ господарей, которые стали назначаться султаномъ, сначала изъ природныхъ жителей, а потомъ, въ началѣ XVIII столѣтія, изъ Фанаріотовъ.

Изъ всѣхъ бѣдствій, испытанныхъ княжествами, самымъ тяжкимъ для нихъ было назначеніе господарей изъ Фанаріотовъ,—этого безнравственнаго и зловреднаго племени Грековъ изъ Фанара, остатка византійскаго двора, разсадника низкихъ дипломатовъ, отличительныя черты которыхъ составляли темные происки, низкія интриги, коварная и часто жестокая политика. Когда господарь изъ Фанаріотовъ достигалъ власти, то единственная мысль, его занимавшая, была нажиться самому и дать способъ къ наживѣ окружавшимъ его хищникамъ. Воображеніе съ трудомъ можетъ себѣ представить колоссальную систему пріемовъ, посредствомъ которыхъ Фанаріоты выжимали изъ народа все, что можно было выжать. Всѣ мѣста безъ исключенія продавались съ торговъ. Чиновникъ, купившій свое мѣсто, подражалъ господарю, его

господину и соучастнику; онъ тотчасъ стремился возвратить вдвое и втрое сумму, имъ заплаченную. Служебныя мѣста сдѣлались средствомъ самымъ вѣрнымъ и самымъ скорымъ или, лучше сказать, единственнымъ составить себѣ состояніе. Народъ раздѣлился на два класса: одинъ составляли несчастные поселяне, платившіе и работавшіе; другой — чиновники, вѣроломные и праздные; средняго класса не было и не могло быть при отсутствіи промышленности и торговли; но было множество почетныхъ титуловъ, которые покупались у господаря и, при суетности Валаховъ и Молдаванъ, въ огромномъ числѣ.

Это эфемерное правительство Фанаріотовъ, для котораго единственною цѣлію было безстыдное хищничество, единственною опорою—рабское униженіе предъ султаномъ, единственною движущею силою—безпримѣрная продажность, вселило въ нравы народа большую примѣсь азіятскихъ обычаевъ, духъ притворства и гордости, которыми всегда отличались Фанаріоты [1]).

Необходимость реформъ.

Такое положеніе страны было причиною событій 1821 года, когда Владиміреско,—человѣкъ дотолѣ незначительный,—воспользовавшись общимъ отчаяніемъ, возбудилъ мятежъ въ Валахіи, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовало вторженіе въ Молдавію Ипсиланти.

Событія эти обнаружили не только нужду, но необходимость не чинить старую административную машину, но создать новую.

Аккерманская конвенція 1826 г. признала эту необходимость. Гаттишерифомъ 1827 года вмѣнялось въ обязанность господарямъ Молдавіи и Валахіи, вмѣстѣ съ диванами, составить основные законы — регламенты для каждаго княжества.

Наконецъ, отдѣльнымъ актомъ къ V статьѣ адріанопольскаго трактата, „Порта торжественно обязалась утвердить учрежденія, касающіяся до управленія княжествъ и начертанныя согласно съ желаніями, изъявленными собраніями почет-

---

1) См. въ Revue des deux mondes, 1837, 15 janvier статью: La Valachie et la Moldavie, par. M. A... de Bucharest.

ныхъ обитателей края, во время занятія княжествъ русскими войсками. Сіи учрежденія должны на будущее время служить основаніемъ по управленію княжествъ, поколику оныя не будутъ противны правиламъ верховной власти блистательной Порты".

Еще въ 1827 году была учреждена коммиссія для составленія регламента, но у нея не было ни плана, ни опредѣленнаго направленія, а потому она не пришла ни къ какимъ результатамъ и закрылась сама собою съ открытіемъ войны въ 1828 году.

Преобразованіе было столь необходимо, что русское правительство, несмотря на военныя обстоятельства, рѣшилось приступить къ нему. Съ этою цѣлію, въ концѣ 1828 года, былъ посланъ въ княжества статсъ-секретарь Д. В. Дашковъ, дабы, соображаясь съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ, начертать проектъ инструкціи для составленія регламентовъ. Дашковъ исполнилъ это порученіе; инструкція, имъ составленная, была Высочайше утверждена 6 (18) іюня 1829 года и передана генералу Желтухину, по распоряженію котораго былъ открытъ 19-го іюня 1829 года въ Бухарестѣ, для составленія проекта регламентовъ, комитетъ изъ членовъ по избранію дивановъ; предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ д. с. с. Минчаки, бывшій дотолѣ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ княжествахъ и потому хорошо знакомый съ мѣстными обстоятельствами.

Комитетъ для составленія регламента.

Киселевъ, вступивъ въ управленіе княжествами, нашелъ, что комитетъ почти ничего не сдѣлалъ, и дѣло оставалось безъ движенія. Онъ убѣдился, что причиною неуспѣха было общее нерасположеніе бояровъ, видѣвшихъ, что реформа должна будетъ коснуться не только злоупотребленій господарской власти, но и собственныхъ ихъ выгодъ, основанныхъ на разныхъ притѣснительныхъ для народа порядкахъ. На содѣйствіе духовенства также нельзя было разсчитывать: оно опасалось потерять многія права, пріобрѣтенныя имъ при господарскомъ управленіи.

Киселевъ тотчасъ принялъ самъ участіе въ занятіяхъ комитета, ускоряя приготовительныя работы; но какъ человѣкъ

истинно государственный, онъ понялъ, что этого недостаточно,— что для успѣха дѣла необходимо склонить общественное мнѣніе въ пользу тѣхъ преобразованій, которыя предполагались по регламентамъ. Съ этою цѣлію онъ приступилъ къ распоряженіямъ по нѣкоторымъ предметамъ, распоряженіямъ, въ которыхъ должны были тотчасъ же выразиться благодѣтельныя дѣйствія русскаго правительства или его представителя—полномочнаго предсѣдателя дивановъ.

Мы укажемъ здѣсь главнѣйшіе предметы, на которые была направлена первоначально дѣятельность Киселева.

Прекращеніе чумы.

Чума уже нѣсколько лѣтъ не прекращалась въ княжествахъ и въ 1829 году свирѣпствовала въ обѣихъ столицахъ, въ 23 городахъ и въ 300 селеніяхъ. Пріѣхавъ въ Бухарестъ, Киселевъ немедленно распорядился составленіемъ плана всеобщаго осмотра и очищенія; планъ этотъ приведенъ былъ въ дѣйствіе подъ надзоромъ русскихъ офицеровъ и карантинныхъ чиновниковъ. Павелъ Дмитріевичъ самъ на другой день, по вступленіи въ должность, осмотрѣлъ чумные госпитали. Въ теченіе 5 недѣль былъ произведенъ осмотръ въ 36 городахъ и 5496 селеніяхъ, и къ началу 1830 года зараза прекратилась. Для отвращенія на будущее время распространенія чумы были учреждены наблюдательные округи, а по Дунаю устроена карантинная линія, надзоръ надъ которою былъ возложенъ на русскихъ чиновниковъ. Въ тоже время были назначены уѣздные врачи во всѣхъ уѣздахъ, а въ Бухарестѣ и Яссахъ— учреждены медицинскія управы, съ 1830 года дѣйствовавшія съ большою пользою.

Отвращеніе недостатка въ продовольствіи.

Еще до вступленія Киселева въ управленіе краемъ, повсемѣстно оказался недостатокъ въ продовольствіи; война и два года неурожая истощили всѣ запасы; въ особенности Бухаресту угрожалъ голодъ, и цѣны на хлѣбъ стали быстро подниматься. Киселевъ тотчасъ распорядился объ отпускѣ хлѣба изъ военныхъ магазиновъ и о покупкѣ его въ Молдавіи и Одессѣ, а между тѣмъ посланные имъ бояры въ уѣзды склонили поссесоровъ и землевладѣльцевъ раздавать запасный хлѣбъ поселянамъ впредь до новаго урожая.

Принятіе прошеній.

Чтобы ближе познакомиться съ нуждами края, Павелъ Дмитріевичъ объявилъ, что онъ лично будетъ принимать просьбы отъ лицъ всѣхъ состояній; для этого, начиная съ 22-го ноября 1829 года, было назначено у него два дня въ недѣлю, вторникъ и пятница. Жалобъ стало поступать множество; изъ нихъ онъ убѣдился въ существованіи важныхъ злоупотребленій.

Ревизіонныя коммиссіи.

Взяточничество, грабежъ, совершавшійся, такъ сказать, законно при дряхломъ правительствѣ, которое было обречено къ уничтоженію, достигли неслыханныхъ размѣровъ при военномъ занятіи края. Эти вопіющія злоупотребленія надо было уничтожить тотчасъ. Для этого во всѣхъ уѣздахъ учреждены временныя ревизіонныя коммисіи, въ составъ которыхъ назначены были три первоклассные бояра, изъ тѣхъ, которые оставались дотолѣ внѣ общественныхъ дѣлъ; эта довѣренность возбудила въ нихъ честолюбіе и направила его на общественную пользу; въ каждую коммиссію было назначено по одному русскому чиновнику, въ качествѣ прокурора. Коммиссіямъ было поставлено въ обязанность принимать жалобы, разбирать ихъ на мѣстѣ и удовлетворять справедливыя, и въ тоже время стараться раскрывать причины и обширность зла, угнетающаго страну. Дѣйствіями этихъ коммиссій очень скоро обнаружено, между прочимъ, болѣе 36 т. семействъ податнаго состоянія, не бывшихъ въ виду правительства, и болѣе 2 м. піастровъ неправильныхъ поборовъ съ поселянъ. Эти суммы были имъ возвращаемы и тѣмъ самымъ уничтожено военное положеніе края, въ которомъ держало его корыстолюбіе чиновниковъ.

Отвращеніе беззаконныхъ поборовъ.

Независимо отъ уничтоженія этихъ злоупотребленій, порожденныхъ войною, Киселевъ приступилъ немедленно къ уменьшенію злоупотребленій и поборовъ, укоренившихся обычаями и постановленіями края.

Такимъ образомъ, уничтожена продажа должностей и отмѣнены сборы со всѣхъ туземныхъ произведеній, подъ именемъ внутренней таможни, и еще болѣе притѣснительный сборъ съ заблудившаго скота, и съ тѣмъ вмѣстѣ уничто-

жены самые сборщики, бывшіе причиною многихъ злоупотребленій [1].

Запрещеніе евреямъ управлять крестьянами.

Въ Молдавіи возстановлена сила древней забытой грамоты господаря Ипсиланти, которою запрещалось евреямъ арендное управленіе крестьянами.

Уничтоженіе сокотельниковъ и послушниковъ.

Въ княжествахъ сословіе бояровъ пользовалось правами владѣть извѣстнымъ числомъ поселянъ, подъ названіемъ „сокотельниковъ и послушниковъ". Первые платили своему патрону арендный оброкъ; вторые обязаны были работать на бояровъ; тѣ и другіе были освобождены отъ всякихъ податей. Эти привилегіи были отмѣнены; въ вознагражденіе за нихъ были назначены боярамъ пожизненныя отъ казны пенсіи; сокотельники и послушники поступили въ общій составъ поселянъ и сравнены съ ними въ платежѣ податей.

Мѣры противъ бродягъ и разбоевъ.

Княжества представляли свободный входъ для бродягъ, скоплявшихся здѣсь изъ разныхъ задунайскихъ областей. Цыгане, изгнанные изъ Австріи за разбои, увеличивали толпы бродягъ, составляли вооруженныя шайки и производили грабежи по всему краю. Для прекращенія разбоевъ прежде всего объявлено было повсемѣстно запрещеніе носить оружіе; большая часть бродягъ выслана за-границу; Цыгане (Нетоцы) употреблены на городскія работы за опредѣленную плату, или высланы за Дунай; вслѣдъ затѣмъ, была организована земская стража и корпусъ доробанцовъ.

Мѣры противъ злоупотребленій по сборамъ.

Для отклоненія злоупотребленій по сборамъ постановлено, чтобы о всѣхъ налогахъ и повинностяхъ распоряженія правительства, дотолѣ бывшія тайною для народа, объявляемы были во всеобщее свѣдѣніе посредствомъ газетъ и публикацій.

Всѣ приведенныя распоряженія соображены были съ основаніями проектируемаго органическаго регламента, и такимъ образомъ приготовляли край къ будущему преобразованію.

---

[1]) Взиманіе штрафовъ за потраву отдавалось на откупъ; первый откупщикъ продавалъ его второму, или по частямъ нѣсколькимъ; такимъ образомъ являлась масса сборщиковъ, угнетавшихъ поселянъ.

ГЛАВА XVI.

1829—1834 г.

Отношенія народа и бояровъ къ перемѣнамъ въ управленіи.—Письма Киселева къ Закревскому.—Распоряженія о монетѣ.—Переписка съ Дибичемъ.—Свиданіе съ Дибичемъ.—Поѣздка въ Молдавію; положеніе тамъ дѣлъ.—Возвращеніе въ Бухарестъ.—Поѣздка въ Силистрію.

Отношенія народа и бояровъ къ перемѣнамъ въ управленіи.

Народъ, торговцы и вообще мелкіе люди первые почувствовали благодѣянія новаго управленія. Когда позже Киселевъ посѣтилъ Малую Валахію и Карпаты, онъ былъ встрѣченъ съ истиннымъ энтузіазмомъ народомъ, почувствовавшимъ, что онъ пересталъ быть вьючнымъ животнымъ. Мелкіе чиновники также стали показывать довольство своимъ положеніемъ; они стали получать правильно жалованье и не имѣли нужды грабить народъ; но были и недовольные начавшимися перемѣнами; это—бояры; съ ними Киселевъ долженъ былъ вести войну.

Письма Киселева къ Закревскому.

О впечатлѣніяхъ своихъ, по пріѣздѣ въ княжества, и о первыхъ своихъ дѣйствіяхъ тамъ, Павелъ Дмитріевичъ писалъ Закревскому:

„26-го ноября, 1829 г. Бухарестъ.

„...Скажу тебѣ нѣсколько словъ о моемъ предсѣдательствѣ: я, по крайне разстроенному здоровью и послѣ дѣятельной и тягостной службы, надѣялся годъ или два отдохнуть, какъ

вдругъ графъ Дибичъ предписаніями и письмами увѣрилъ меня, что Государю непремѣнно угодно—и для него, графа Дибича, необходимо—чтобы остался я въ княжествахъ для борьбы съ лихорадкою, чумою и плутами здѣшняго края и нашими.

„Я волю царскую исполнилъ и хотя противу желанія, но остался и вступилъ въ управленіе княжествами, но признаюсь тебѣ, что предвидѣть не могъ тотъ безпорядокъ, тотъ хаосъ, въ коемъ нашелъ здѣшнее управленіе; съ іюня мѣсяца Желтухинъ дѣлами почти не занимался и вообще кажется не постигъ характеръ мѣста, ему довѣреннаго, вознамѣрился княжествами управлять, какъ губерніею и противупоставилъ себѣ все и всѣхъ. Присовокупи къ сему, что остальныя лица всѣ, можно сказать, безъ изъятія—или съ малымъ весьма изъятіемъ—берутъ взятки, а иныя грабятъ безстыдно, и что съ пріѣзда моего, я замѣтилъ *во всѣхъ* старшихъ и младшихъ одну цѣль, одно желаніе—затмить истину и поперечить всему, что̀ клонится къ введенію порядка и систематическаго устройства.

„Вотъ, что до сихъ поръ замѣтить могъ и что долженъ и хочу преодолѣть. Съ пріѣзда моего преобразовалъ чумный лазаретъ, учредилъ общій въ княжествахъ осмотръ и общія противу чумы мѣры, понизилъ въ городѣ цѣны на продукты, а вскорѣ удвою откупа на соль, таможни и проч. Все это не нравится моимъ сотрудникамъ, которые теряютъ доходы свои и меня проклинаютъ; но въ княжествахъ меня приняли чрезмѣрно благосклонно и всѣ отъ меня ожидаютъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; ибо здѣсь трудно переобразовывать закоренѣлыя злоупотребленія при общей конфузіи текущихъ дѣлъ. Я опять хлопотами и ежедневными непріятностями обратился къ занятіямъ моимъ 1819 года, но съ тою разницею, что въ сорокъ два года силы изнурены и не отвѣчаютъ желанію быть дѣятельнымъ и точно полезнымъ.

„Впрочемъ что Богъ дастъ, но возможное буду дѣлать не жалѣя ни себя, ни другихъ“.

„20-го февраля, 1830 г. Бухарестъ.

„Покуда силы не исчезли, я тружусь и кажется, не безъ пользы. Внутреннее гражданское управленіе и военная администрація принимаютъ ходъ систематическій; довѣріе въ жителяхъ возрождается; откупныя статьи и вообще доходы возвышаются; воровство, какъ дѣло сродное въ этомъ краѣ, часъ отъ часу уменьшается, и низшій классъ начинаетъ отдыхать. Полиція въ городахъ и пагубныя квартирныя коммиссіи преобразовываются; отчетность въ вистіаріи (министерствѣ финансовъ), госпиталяхъ и коммиссіяхъ учреждается на правилахъ строгихъ и одинаковыхъ; засѣвы съ пособіемъ правительства будутъ обширные; карантинная линія по Дунаю, какъ дѣло для Россіи важное, учреждается со всею дѣятельностію и вниманіемъ; земское войско будетъ формироваться и комитетъ преобразованій [1]) не перестаетъ трудиться, хотя съ желаніемъ сохранить зловредныя привилегіи бояровъ, противу коихъ я дѣйствую какъ исполнитель воли Государя и какъ христіанинъ. Много остается дѣлать тому, кто краемъ симъ будетъ управлять; но главнымъ дѣломъ почитаю пріобрѣсти для Россіи богатство онаго торговлею и покорить Молдаванъ и Валаховъ на будущее время нашимъ воспитаніемъ и введеніемъ нашихъ обычаевъ и нравовъ. Для сего нужно: 1) облегчить торговый нашъ тарифъ и замѣнить австрійскія издѣлія русскими и 2) размѣстить въ военныя и гражданскія наши учебныя заведенія 200 молодыхъ людей и столько же дѣвицъ въ монастыри. Симъ образомъ, безъ переворотовъ Европы, безъ издержекъ на содержаніе здѣсь военной силы, наша граница будетъ на Дунаѣ и съ земскими отъ заразы охраненіями".

„18-го марта, 1830 г. Бухарестъ.

„Пребываніе мое здѣсь часъ отъ часу мнѣ становится тошнѣе; занимаюсь цѣлый день дѣлами, нѣтъ ни минуты отрады и отдыха. Бумаги и я, я и бумаги — вотъ и вся жизнь, лѣта проходятъ и наслажденія жизнію потухаютъ. Но такъ

[1]) Киселевъ такъ называетъ здѣсь комитетъ, занимавшійся составленіемъ органическаго регламента.

и быть, до послѣдней возможности не измѣню правиламъ своимъ и, сколько можно, буду полезенъ Государю и согражданамъ, хотя здѣшніе того мало достойны"....

„21-го марта, 1830 г. Бухарестъ.

„У насъ здѣсь дѣла идутъ изрядно, болѣе довольныхъ, чѣмъ недовольныхъ; здоровье мое плохо, но всего хуже для дѣлъ, что помощниковъ надежныхъ не имѣю".

Распоряженія о монетѣ.

Въ самомъ разгарѣ административной дѣятельности Киселева одно изъ его распоряженій, именно распоряженіе о монетѣ, едва не послужило поводомъ къ разрыву между нимъ и Дибичемъ.

Въ княжествахъ существовала и признавалась законною турецкая монетная система, отъ которой всѣ страдали, такъ какъ турецкое правительство постоянно уменьшало внутреннее достоинство монеты, вымѣнивало, чрезъ банкировъ, доброкачественную европейскую монету и пускало въ ходъ свою. Предмѣстникъ Киселева Желтухинъ распорядился, чтобы всѣ казенные сборы и доходы принимались доброкачественною монетою, стандартною или основною единицею которой назначенъ былъ голландскій червонецъ, приравненный въ 31 $^{1}/_{2}$ леву.

Распоряженіе это было приведено въ исполненіе въ Молдавіи; курсъ турецкой монеты, сообразно внутреннему ея достоинству, понизился на 25% противъ номинальной цѣны; цѣны товаровъ опредѣлились по стоимости червонца, и все пришло въ порядокъ. Но въ Валахіи предписанная Желтухинымъ мѣра оставалась безъ исполненія, и тамъ продолжала обращаться турецкая монета, которою производились и всѣ платежи въ казну. Киселевъ, тотчасъ по вступленіи своемъ въ управленіе, именно въ самомъ началѣ 1830 года, предписалъ дивану исполнить распоряженіе его предмѣстника и, посредствомъ экспертовъ, опредѣлить внутреннее достоинство всѣхъ турецкихъ монетъ. Такая мѣра встрѣтила тайное сопротивленіе въ исполнительномъ диванѣ, въ которомъ принималъ

участіе и русскій вице-предсѣдатель булановъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бошнякъ [1]).

Киселевъ 12 марта писалъ о своемъ распоряженіи Дибичу: Переписка съ Дибичемъ.

„Съ сегодняшнимъ курьеромъ я отправляю вашему сіятельству весьма важный рапортъ о монетномъ здѣсь дѣлѣ. Кризисъ изо дня въ день дѣлается ощутительнѣе, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для нашихъ собственныхъ интересовъ; доброкачественная монета исчезаетъ изъ обращенія и замѣняется турецкою, причиняя потери въ 25%.

...„Общее собраніе булановъ и коммерсанты нѣсколько разъ просили установить опредѣленную цѣну червонцу, который сдѣлался бы чрезъ то основною монетою; это было бы согласно сѣ проектомъ регламента... Чтобы установить на раціональныхъ началахъ это дѣло, важное для княжествъ и Россіи, я приказалъ дивану опредѣлить, посредствомъ экспертовъ, внутреннее достоинство всѣхъ турецкихъ монетъ, предвидя, что это приказаніе окажетъ въ тоже время другую важную услугу, именно, уронитъ испорченную монету и приготовитъ въ тоже время уменьшеніе ея цѣнности постепенно и добровольно.

„Я очень хорошо зналъ, что откупщики соли и другихъ отраслей государственныхъ доходовъ и фальшивые монетчики станутъ кричать, ибо они лишатся возможности выигрывать отъ правительства на дурной монетѣ 20 и болѣе %; но я не могъ думать, чтобы нашлись такіе безсовѣстные люди, которые рѣшатся съ наглостію защищать столь беззаконные интересы; и еще менѣе я могъ думать, чтобы исполнительный диванъ противился вами одобренному распоряженію моего предмѣстника и моему—о непринятіи въ казначействахъ турецкихъ монетъ.

...„Меня принудили употребить строгость противъ чинов-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 26-го марта 1830 года, Дибичъ между прочимъ писалъ Киселеву:

„...Вы желаете перемѣнить г. Бошняка. Да будетъ по вашему. Я не откажусь никогда дать вамъ доказательство моего довѣрія къ вамъ, любезный генералъ и я согласенъ на удаленіе его отъ должности вице-предсѣдателя, тѣмъ болѣе, что я знаю, что онъ дѣйствовалъ не чистосердечно въ отношеніи васъ“.

никовъ, которыхъ я держалъ до сихъ поръ, чтобы избѣжать всякаго столкновенія и реформъ, несовмѣстныхъ съ временнымъ моимъ положеніемъ; но дѣла дошли до того, что болѣе продолжительная снисходительность съ моей стороны была бы непростительна; дѣйствительные интересы службы требуютъ удаленія многихъ чиновниковъ, съ которыми, со времени пониженія цѣнъ на продукты въ Бухарестѣ и возвышенія цѣнъ на откупа, я не могу болѣе сойдтись, и которые въ ходѣ дѣлъ не могутъ болѣе скрывать дурныхъ страстей и впослѣдствіи могутъ заразить и хорошихъ еще остающихся чиновниковъ“:

Въ отвѣтъ на это письмо фельдмаршалъ, 26 марта, писалъ между прочимъ слѣдующее:... „Я остановился на сообщеніи вашемъ относительно турецкихъ монетъ. Не входя въ политико-экономическія разсужденія о монетныхъ системахъ, я замѣчу, что намъ не слѣдуетъ исключать совершенно турецкую монету въ княжествахъ въ то время, когда наше положеніе тамъ остается еще неопредѣленнымъ и когда, сообразно съ заявленіями нашими Европѣ, переговоры по этому предмету могутъ привести къ скорому возстановленію въ княжествахъ господарскаго управленія. Я очень сожалѣю, что вы приступили къ этой мѣрѣ, не испросивъ моего согласія. Исключеніе турецкой монеты изъ обращенія въ одной части страны есть мѣра насильственная, и приведенная въ исполненіе внезапно, она не можетъ не произвести вреднаго дѣйствія на состояніе частныхъ лицъ и на капиталы. Пониженіе курса, произведенное вашимъ приказаніемъ исполнительному дивану, служитъ тому доказательствомъ. Эта мѣра не согласна съ тѣми, которыя я, по Высочайшему повелѣнію, принимаю въ отношеніи уплаты Портою второй части коммерческой контрибуціи. Вы изгоняете ту монету, которую я принимаю по приказанію Государя и которую я обязанъ по инструкціямъ, мнѣ даннымъ, отсылать въ вамъ для того, чтобы пускать ее въ обращеніе въ Валахіи и Молдавіи. И такъ отмѣните, любезнѣйшій генералъ, ваше приказаніе, но такимъ способомъ, который вы признаете нисколько не компре-

метирующимъ достоинство вашихъ предписаній и который может въ тоже время уничтожить и сомнѣнія публики и возстановить курсъ и обращеніе извѣстнаго рода турецкихъ монетъ, необходимыхъ княжествамъ, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени.

„Я думаю, что вы можете дать благопріятный исходъ турецкой монетѣ, которую вышлетъ вамъ интендантство, пуская ее преимущественно въ обращеніе. Она отчеканена только въ прошедшемъ году и потому фальшивые монетчики не успѣютъ ее поддѣлать.

„Ваша прозорливость будетъ руководить васъ въ этой важной части вашей администраціи и, съ вашимъ пламеннымъ желаніемъ дѣлать добро, вы безъ сомнѣнія найдете путь, которому должно слѣдовать въ настоящихъ обстоятельствахъ; но откажитесь, мой любезный генералъ, отъ государственнаго переворота (coup d'état): онъ никогда не приведетъ къ добру, котораго ожидаютъ въ управленіи княжествами".

На это письмо Киселевъ отвѣчалъ Дибичу.

„9-го апрѣля 1830 г.

....„Я получилъ ваше письмо отъ 26 марта, исполненное выраженій вашей постоянной ко мнѣ благосклонности; но въ немъ же я нашелъ предметъ, который мнѣ непонятенъ и который меня ставитъ въ положеніе затруднительное, если не въ отношеніи выбора что̀ мнѣ дѣлать, то изъ опасенія, что этотъ выборъ можетъ быть истолкованъ неблагопріятно для меня, тогда какъ всѣ мои желанія стремятся къ тому, чтобы доказать полнымъ самоотверженіемъ чувства, которыя меня одушевляютъ къ моему Государю, и къ тому, подъ начальствомъ котораго я имѣю честь служить. — Вашъ отвѣтъ на письмо мое отъ 12-го марта, относительно турецкой монеты, мнѣ показался столь непонятнымъ, что я для объясненія истребовалъ отпускъ съ моего къ вамъ рапорта и письма и тутъ я узналъ, что съ намѣреніемъ или по ошибкѣ пакетъ съ этимъ рапортомъ не былъ отданъ курьеру, и что ваше сіятельство судили о дѣлѣ только по письму, которое было

присоединено къ моему рапорту, и потому не могли имѣть яснаго понятія объ этомъ дѣлѣ.

„Разыскивая виновниковъ этого подлаго поступка, которому я не удивляюсь, зная характеръ и интересы этихъ господъ, я спѣшу представить вамъ этотъ самый рапортъ, изъ котораго вы увидите, что приказаніе о непринятіи турецкихъ монетъ въ казенныя кассы было дано моимъ предмѣстникомъ съ одобренія вашего. Видя, что исполнительный диванъ умышленно и въ противность интересамъ правительства и страны не исполнялъ этого приказанія, я долженъ былъ заставить ихъ въ точности исполнить мудрыя распоряженія (dispositions sages), предписанныя въ самомъ началѣ войны, и которыя безъ всякаго неудовольствія исполняются въ Молдавіи до сихъ поръ. Что касается до необходимости дать опредѣленную цѣну червонцу и обозначить внутреннюю цѣну недоброкачественныхъ монетъ, обращающихся въ странѣ, опубликованіемъ ихъ дѣйствительной стоимости, то я не только не сдѣлалъ этого безъ предварительнаго вашего согласія, но именно я испрашивалъ его въ моемъ донесеніи отъ 12-го марта.

„Изъ всего этого ваше сіятельство увидите, что я далекъ отъ того, чтобы сдѣлать государственный переворотъ (coup d'état); моя осторожность была слишкомъ боязлива! Считая себя только временнымъ правителемъ, я постоянно старался сколь можно менѣе пользоваться правами, предоставленными рескриптомъ Государя и инструкціями министерства полномочному предсѣдателю графу Палену, въ 1827 году“.

Дибичъ поспѣшилъ на это отвѣчать Киселеву 18-го апрѣля 1830 г. слѣдующее:

„Я только сегодня получилъ вашъ рапортъ отъ 12-го марта, относительно турецкихъ монетъ, и я васъ приглашаю поступить весьма строго съ тѣми, которые замедлили отсылкою его; въ дѣлѣ столь важномъ оплошность или небреженіе предосудительны, а дурное намѣреніе непростительно.... 29-го или 30-го я буду въ Кюстенджи и желаю тамъ найти и васъ. Мнѣ будетъ весьма пріятно благодарить васъ за ревность и усердіе, всегда выказываемыя въ службѣ вашей, и

подтвердить вамъ, любезнѣйшій генералъ, что я всегда буду радъ имѣть сотрудниковъ и помощниковъ такихъ, какимъ вы были для меня во всѣхъ случаяхъ".

Свиданіе съ Дибичемъ.

Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ Павла Дмитріевича; неосторожное въ письмѣ Дибича выраженіе, которымъ сдѣланному Киселевымъ распоряженію придавалось значеніе государственнаго переворота, Киселевъ считалъ несправедливымъ для себя указаніемъ. Онъ рѣшился оставить мѣсто полномочнаго предсѣдателя и, на первый разъ, настоять на отъѣздѣ своемъ въ заграничный отпускъ для излеченія болѣзни; съ этою цѣлію онъ приготовилъ рапортъ и медицинское свидѣтельство и взялъ ихъ съ собою, отправляясь въ Кюстенджи для свиданія съ Дибичемъ.

Въ дневникѣ Павла Дмитріевича записано: „2-го мая.— Пріѣздъ фельдмаршала вечеромъ въ 9 час.; онъ принялъ меня дружески (en ami); объясненіе о моемъ отпускѣ и о командованіи войсками; онъ мнѣ сказалъ, что Государь ему писалъ о томъ, чтобы ввѣрить мнѣ оккупацію княжествъ. 3-го мая.— Моя работа съ фельдмаршаломъ началась въ 9, кончилась въ 12. Онъ на все далъ свое согласіе. Отъѣздъ изъ Кюстенджи".

Очевидно, что сдѣланный Дибичемъ пріемъ Киселеву и откровенныя объясненія разогнали тучу, надвинувшуюся-было на ихъ добрыя отношенія. Просьба объ отпускѣ Киселева осталась въ его портфелѣ.

Поѣздка въ Молдавію; положеніе тамъ дѣлъ.

Простясь съ фельдмаршаломъ, Киселевъ направился въ Молдавію, гдѣ онъ еще не былъ со времени назначенія его полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ. Онъ пріѣхалъ въ Яссы 8-го мая, и на другой день принималъ русскихъ чиновниковъ, диванъ и бояровъ, и затѣмъ, съ обычною своею энергіею, занялся дѣлами. Общій взглядъ на положеніе дѣлъ въ Молдавіи онъ высказалъ въ слѣдующемъ письмѣ Дибичу:

„Яссы 13-го мая 1830 г.

…„Я пріѣхалъ въ Яссы 8-го, чрезъ Галацъ, останавливаясь по пути во всѣхъ молдавскихъ городахъ, чтобы принимать

отъ жителей просьбы и жалобы. Страна начинаетъ оживать: но необходимо возбудить болѣе энергіи въ администраціи; но я все-таки разсчитываю сохранить генерала Мирковича [1]) и вистіара, насколько это возможно; что касается до личнаго состава дивановъ, то нѣкоторыя перемѣны необходимы, которыя я сдѣлаю съ цѣлію улучшить настоящее временное положеніе и облегчить введеніе будущаго регламента.

„Австрія имѣетъ много партизановъ въ Молдавіи и агенты ея обѣщаютъ сохраненіе всѣхъ злоупотребленій, если Молдаване будутъ ихъ слушаться и энергически сопротивляться всякимъ перемѣнамъ въ формѣ ихъ правительства. Поэтому все здѣсь въ безпокойствѣ и всѣ интригуютъ болѣе и болѣе.

„Если наше правительство держится за регламентъ и за вліяніе, которое мы должны имѣть здѣсь, то необходимо энергически отклонить всякое вмѣшательство Австріи и дать ей почувствовать, что покровительствующій дворъ не имѣетъ нужды въ совѣтахъ, и не потерпитъ замѣчаній. Это тѣмъ необходимѣе сдѣлать теперь, что вмѣшательства вѣнскаго кабинета могутъ установить прецеденты, которые будутъ намъ вредны при первой войнѣ нашей на Дунаѣ".

Возвращеніе въ Бухарестъ.

Павелъ Дмитріевичъ оставался въ Яссахъ до 25-го іюня. и 27-го возвратился въ Бухарестъ, гдѣ у заставы былъ встрѣченъ боярами; на другой день онъ принималъ военныхъ чиновъ, духовенство и бояровъ. На слѣдующій день, который былъ днемъ его именинъ, явился къ нему съ поздравленіемъ весь городъ, но онъ никого не принималъ. Вечеромъ въ городѣ была иллюминація и сожженъ фейерверкъ въ честь именинника.

Въ іюлѣ Киселевъ получилъ изъ Тульчина письмо отъ Дибича, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что Государь весьма доволенъ службою его, Киселева, и въ признательность къ его заслугамъ въ настоящей важной должности предоставляетъ ему права командира отдѣльнаго корпуса въ мирное время.

Въ тоже время въ Бухарестѣ оказался недостатокъ въ свѣчахъ и говядинѣ, и вслѣдъ затѣмъ вздорожаніе всѣхъ жизненныхъ припасовъ; въ послѣднемъ обстоятельствѣ падало по-

[1]) Вице-предсѣдателя дивановъ.

дозрѣніе на спекуляцію банкира Секалярio. Выразивъ свое неудовольствіе исполнительному дивану за его недѣятельность, Киселевъ объявилъ полную свободу торговли хлѣбомъ между обоими княжествами, и принявъ другія мѣры къ обезпеченію продовольствія столицы и войскъ, отправился, въ концѣ августа, въ Силистрію. Три дня, тамъ проведенные, онъ посвятилъ подробному осмотру инженерныхъ работъ, всѣхъ построекъ въ городѣ, магазиновъ, пороховыхъ погребовъ, арсенала, госпиталей, не пренебрегая никакими мелочами; наконецъ, давъ разныя приказанія командовавшему крѣпостью генералу Руперту, 23-го августа возвратился въ Бухарестъ.

Поѣздка въ Силистрію.

ГЛАВА XVII.

1829—1834 г.

Заботы объ окончаніи регламента.—Жалобы Австріи и причины ихъ.—Виды русскаго двора въ преобразованіи княжествъ.—Предложенія Киселева, принятыя коммиссіею.—Окончаніе составленія проекта регламента.—Мысли Киселева о впечатлѣніи, какое можетъ произвести введеніе регламента: отвѣтъ гр. Нессельрода.

Заботы объ окончаніи регламента.

Занятія, на которыя мы указали вкратцѣ, не отвлекали вниманія Киселева отъ самаго важнаго дѣла—окончанія составленія органическаго регламента. Коммисія, о которой мы уже упомянули выше, работала дѣятельно, побуждаемая и направляемая Киселевымъ. Онъ, впрочемъ, не входилъ въ непосредственныя сношенія съ членами коммисіи, чтобы не дать повода толковать, что регламентъ составляется подъ гнетомъ полномочнаго предсѣдателя; свои замѣчанія на постановленія коммиссіи постоянно передавалъ предсѣдателю ея, г. Минчаки, предупреждая его, что коммиссія можетъ принимать только тѣ мысли его, Киселева, которыя она найдетъ соотвѣтственными положенію страны и способными улучшить внутреннее ея положеніе [1]).

Жалобы Австріи и причины ихъ.

Кромѣ затрудненій, по необходимости возникавшихъ въ самой странѣ отъ лицъ, интересы которыхъ должны были болѣе или менѣе пострадать, новому законодательству ставилось препятствіе извнѣ. Графъ Нессельродъ, въ депешѣ отъ 28-го

[1]) Депеши Киселева гр. Нессельроду 26-го марта и 27-го мая 1830 года.

февраля 1830 г., увѣдомлялъ Киселева, что австрійскій посолъ въ Петербургѣ, графъ Фикельмонъ, передалъ депешу Метерниха, въ которой онъ сообщалъ слухи, что составленный регламентъ нарушаетъ льготы, которыми пользовались въ княжествахъ подданные Австріи. Киселевъ отвѣчалъ [1]), что предположенія регламента нисколько не нарушаютъ постановленій, обезпечивающихъ преимущества австрійскихъ подданныхъ,—они направлены только къ устраненію злоупотребленій (Киселевъ указывалъ на то, что болѣе 6 т. семействъ, пришедшихъ изъ сосѣднихъ державъ въ княжества, занимаются тамъ промыслами подъ эгидою австрійскаго покровительства, не неся никакихъ повинностей). Злоупотребленія этого рода сдѣлались предметомъ спекуляцій и вѣроятность ихъ ограниченія раздражаетъ и мелкихъ чиновниковъ, и другихъ эксплуатирующихъ это дѣло. Съ другой стороны, поддержаніе старинныхъ злоупотребленій полезно для торговли Австріи, которая, питая роскошь привилегированныхъ классовъ, сбываетъ въ княжества малоцѣнныя произведенія своей промышленности. Отсюда коалиція между двумя привилегированными сторонами, отсюда сопротивленіе всему тому, что можетъ сдѣлать сомнительнымъ продолженіе этихъ злоупотребленій.

Виды Русскаго Двора въ преобразованіи Княжествъ.

Первыя двѣ главы проекта регламента, относившіяся до избранія господарей и состава собраній, были доставлены еще генераломъ Желтухинымъ статсъ-секретарю Дашкову. Графъ Нессельродъ, одобряя вообще эти предположенія, въ депешѣ отъ 24-го марта 1830 года, просилъ Киселева объяснить боярамъ, призваннымъ къ обсужденію реформъ, чтобы они не теряли изъ вида основной мысли русскаго Двора, поставившаго себѣ обязанностію—улучшеніе страны. „Русскій Дворъ никогда не имѣлъ въ виду благопріятствовать одному какому-либо классу въ ущербъ другимъ, ни замѣнить произволъ и притѣсненія предшествовавшаго режима, смятеніями анархіи или сложнымъ механизмомъ представительной системы, установленной въ другихъ странахъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сравниваемы съ этими провинціями. Улучше-

[1]) Депеша 27-го мая 1830 г.

нія, которыя желаетъ ввести русскій Дворъ, состоятъ главнымъ образомъ въ замѣнѣ непрочной и безобразной (précaire et informe) администраціи господарей семилѣтнихъ, князьями пожизненными, избираемыми большинствомъ голосовъ, и въ замѣнѣ дивановъ (доступъ въ которые открывался интригами и фаворитизмомъ, и въ которыхъ обязанности не были ни точно опредѣлены, ни правильно исполняемы) совѣтами или собраніями, созываемыми въ опредѣленныя эпохи и составленными изъ людей наиболѣе достойныхъ общественнаго довѣрія".

Далѣе, Нессельродъ сообщалъ Высочайшее повелѣніе, чтобы по окончаніи работъ коммиссіи, Минчаки привезъ составленный ею проектъ въ С.-Петербургъ, пригласивъ съ собою двухъ бояровъ, способныхъ, по характеру и опытности, давать всѣ нужныя объясненія министерству.

Предложенія Киселева принятыя коммиссіею.

Киселевъ, съ своей стороны, увѣдомлялъ графа Нессельрода о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя въ проектируемыхъ статьяхъ регламента коммиссія сдѣлала по его замѣчаніямъ; такъ, въ депешѣ отъ 14-го апрѣля, онъ указывалъ на принятіе коммиссіею его мыслей о введеніи поголовной подати вмѣсто обложенія земледѣльцевъ по количеству скота, о народной переписи чрезъ каждыя 7 лѣтъ, объ улучшеніи положенія цыганъ, о взаимныхъ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, объ установленіи трехъ судебныхъ инстанцій по всѣмъ дѣламъ, объ уничтоженіи смертной казни и пытки, о введеніи однообразнаго судебнаго процесса для всѣхъ сословій, о постепенномъ введеніи несмѣняемости судей. Въ этой же депешѣ, онъ писалъ, что устройство милиціи составитъ зародышъ войска, образуемаго подъ нашимъ надзоромъ и по нашей системѣ, и будетъ имѣть весьма важные результаты въ случаѣ войны съ Турками.

Окончаніе составленія проекта регламента.

Въ концѣ апрѣля 1830 года коммиссія кончила составленіе проекта регламента и въ началѣ мая Минчаки и бояры Струдза и Виллори уѣхали въ Петербургъ, гдѣ разсмотрѣніе проекта было поручено особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Дашкова, изъ членовъ: Катакази, Минчаки и упомянутыхъ двухъ бояровъ.

Мысли Киселева о томъ, какое впечатлѣніе можетъ произвести введеніе регламента.

Въ то время, когда работы Петербургской коммиссіи приходили къ концу, Киселевъ въ конфиденціальной перепискѣ сообщалъ свои мысли графу Нессельроду о томъ, какое впечатлѣніе можетъ произвести въ странѣ введеніе органическаго регламента.

„Органическій регламентъ, писалъ Киселевъ [1]), назначенный къ улучшенію внутренняго управленія княжествъ, требуется настоятельно положеніемъ этихъ странъ. Безпорядки и злоупотребленія, происходившія въ послѣднее время, совершенно ослабили пружины административныя, и существующія учрежденія не будутъ въ согласіи ни съ постановленіями трактата, ни съ нуждами и интересами обѣихъ провинцій; но какъ бы ни были полезны и необходимы предполагаемыя улучшенія, не должно терять изъ вида, что они, въ своей совокупности, коснутся интересовъ всѣхъ классовъ.

„Постановленія регламента о сокотельникахъ и послушникахъ и объ обязанностяхъ земледѣльцевъ въ отношеніи къ земледѣльцамъ въ особенности возбудятъ неудовольствіе привилегированныхъ классовъ и ропотъ между крестьянами, наиболѣе благопріятствуемыми новыми учрежденіями; ибо первое извѣстіе о 24-хъ-дневной работѣ затемнитъ въ нихъ всякій разсчетъ о выгодахъ ими пріобрѣтаемыхъ въ замѣнъ этой единственной повинности.

„Еще прежде окончательной редакціи въ коммиссіи упомянутыхъ постановленій, я считалъ ихъ трудными къ исполненію; съ тѣхъ поръ я еще болѣе въ томъ убѣдился. Свѣдѣнія, полученныя мною во время пребыванія въ Яссахъ, и безпокойства, къ которымъ дало поводъ извѣстіе объ увеличеніи работъ крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ, вполнѣ убѣдили меня, что въ проектѣ регламента необходимы нѣкоторыя измѣненія.

„Дѣйствительно, дворянство лишается сокотельниковъ, всѣхъ выгодъ въ дѣлежѣ государственныхъ доходовъ и произвольнаго вліянія во всѣхъ дѣлахъ административныхъ и судебныхъ. Духовенство лишается части своихъ доходовъ и теряетъ

[1]) Депеша 13-го октября 1830 года.

свое вліяніе на гражданскія дѣла. Купцы и весь промышленный классъ будутъ обложены налогомъ и подчинены положительнымъ правиламъ. Власть и кругъ дѣйствія господарей и всѣхъ чиновниковъ будетъ опредѣлена органическимъ закономъ и они лишатся возможности изъ своихъ должностей извлекать выгоды незаконныя.

„Независимо отъ этого, Австрія имѣетъ прямой интересъ въ поддержаніи стараго порядка вещей; ея агенты, злоупотребляя протекторатомъ, покровительствуютъ не бѣднымъ классамъ населенія, а дворянству, которому обѣщаютъ покровительство злоупотребленій, уничтоженія которыхъ желаетъ Русскій Дворъ“.

Поэтому Киселевъ представилъ записку о сокотельникахъ и послушникахъ и объ обязанностяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ, заключавшую въ себѣ измѣненія, которыя онъ считалъ необходимымъ сдѣлать въ проектѣ регламента, и которыя, по его мнѣнію, обѣщали въ будущемъ желаемые результаты, сохраняя права дворянства и благопріятствуя классу крестьянъ.

По мнѣнію Киселева, регламентъ долженъ былъ быть введенъ въ дѣйствіе окончательно прежде избранія господарей и подъ вліяніемъ русскаго правительства. „Въ противномъ случаѣ, писалъ онъ, этотъ актъ, который я считаю въ особенности полезнымъ въ отношеніи уничтоженія злоупотребленій и всего того, что противится развитію будущаго благосостоянія страны,— будетъ не болѣе какъ писанная теорія, будетъ имѣть силы настолько, насколько безпокойная (turbulante) аристократія найдетъ въ томъ свои выгоды, и новый господарь будетъ увлеченъ въ своихъ дѣйствіяхъ членами своего семейства и мѣстными вельможами. Совершенно наоборотъ, вредное вліяніе послѣднихъ будетъ ничтожно предъ русскимъ правительствомъ, которое, не имѣя интересовъ поблажать (ménager), несмотря на неудовольствія, которыя производятъ новыя учрежденія, будетъ идти прямо къ своей цѣли и приведетъ ихъ въ исполненіе.

„Я думаю, что разсмотрѣніе и принятіе регламента въ Валахіи должно предшествовать открытію общаго собранія въ

Молдавіи, гдѣ дворянство болѣе многочисленное, болѣе способное къ интригамъ и потому представляющее болѣе трудностей для управленія. Такой порядокъ будетъ содѣйствовать къ отклоненію препятствій и опозиціи, которыя правительство можетъ встрѣтить въ Молдавіи...

„Во всякомъ случаѣ весьма желательно, чтобы всѣ реформы были совершаемы подъ надзоромъ русскаго правительства и въ присутствіи русскихъ войскъ. Эта мѣра предосторожности предохранитъ страну отъ волненій, господствующихъ въ Европейской Турціи, и въ тоже время будетъ способствовать къ утвержденію организаціи милиціи, которая, безъ присутствія и примѣра нашихъ солдатъ, можетъ не достигнуть цѣли ея учрежденія".

Отвѣтъ гр. Нессельрода.

На эту депешу гр. Нессельродъ отвѣчалъ [1]), что „свѣдѣнія, сообщенныя Киселевымъ и дополняющія тѣ, которыя уже имѣлись о нравственномъ состояніи и нуждахъ княжествъ, подтверждаютъ еще болѣе то мнѣніе, которое у насъ составилось въ отношеніи новой ихъ организаціи, именно, что надо навязать (imposer) нѣкоторымъ образомъ жителямъ всѣхъ классовъ благодѣяніе правильной администраціи до той поры, конечно, неотдаленной, когда они сами могутъ оцѣнить ея выгоды.

„Людямъ, которые при управленіи временныхъ господарей обращали въ свою пользу бо̀льшую часть источниковъ страны, и которые, сверхъ того, разъединенные между собою взаимною завистью въ хищничествахъ, надоѣдали русскому двору доносами или жалобами,—такимъ людямъ весьма естественно желать продолженія тѣхъ же злоупотребленій, и еще въ бо̀льшемъ размѣрѣ и съ большею безопасностію подъ покровомъ Адріанопольскаго трактата, сдѣлавшаго верховенство султана номинальнымъ и его власть ничтожною въ княжествахъ.

„Но, конечно, ни сила, ни достоинство русскаго двора не дозволяютъ способствовать подобнымъ результатамъ, и тотъ трактатъ, который срылъ крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная, долженъ установить въ этихъ странахъ администрацію проч-

[1]) 27-го ноября 1830 г.

ную и правильную, не обращая вниманія на мелкіе интересы и привилегіи одного извѣстнаго класса жителей, которыхъ этотъ новый порядокъ вещей, благодѣтельный для всѣхъ, долженъ по необходимости сокрушать.

„Пожизненное господарство и внутренняя администрація, приспособленная, по возможности, къ нуждамъ и новому политическому положенію этихъ провинцій—вотъ что было рѣшено сдѣлать, и на комитетъ, составленный изъ лицъ наиболѣе рекомендованныхъ въ странѣ, было возложено составить проектъ регламента и представить его на разсмотрѣніе именитыхъ людей (des plus notables), соединенныхъ въ собраніе или диванъ, сообразно древнимъ обычаямъ.

„Если намѣренія столь великодушныя и доброжелательныя были бы непризнаваемы въ той или другой провинціи, до того, чтобы возбуждать неудовольствіе и даже смятеніе, то рѣшеніе Государя все-таки не будетъ измѣнено; смятенія приведутъ только къ наказанію зачинщиковъ и даже къ удаленію ихъ навсегда изъ страны, въ которой они хотятъ продолжать безпорядки и злоупотребленія.

„Я не останавливаюсь болѣе на этихъ предположеніяхъ, увѣренный, что вы найдете искреннее содѣйствіе людей благомыслящихъ и наиболѣе вліятельныхъ въ странѣ... Согласно волѣ Государя, теперь предстоитъ:

„1) Пересмотръ регламента собраніемъ именитѣйшихъ бояровъ (les plus notables).

„2) Приведеніе въ исполненіе регламента.

„3) Избраніе господарей“.

Относительно пересмотра регламента гр. Нессельродъ раздѣлялъ мысли Киселева о допущеніи въ ревизіонное собраніе, кромѣ лицъ высшихъ административныхъ и судебныхъ учрежденій, нѣсколько бояровъ 1-го и 2-го классовъ изъ уѣздовъ, съ тѣмъ, однакоже, чтобы они были избраны самимъ полномочнымъ предсѣдателемъ, какъ главою правленія, изъ представленнаго ему списка.

Графъ Нессельродъ соглашался также съ мнѣніемъ Киселева о необходимости сдѣлать въ проектѣ регламента измѣ-

неніе въ пользу податнаго класса и въ видахъ вознагражденія дворянства за уступку многихъ привилегій.

Сдѣланныя петербургскимъ комитетомъ на проектъ регламента замѣчанія, одобренныя министерствомъ, графъ Нессельродъ передавалъ Киселеву, съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ, вмѣстѣ съ своими замѣчаніями, въ особенности касающимися обязанностей крестьянъ къ землевладѣльцамъ, — и съ проектомъ регламента передалъ на разсмотрѣніе ревизіонныхъ собраній. Эти послѣднія, подъ предсѣдательствомъ Киселева, могли дѣлать по большинству голосовъ измѣненія и даже дополненія въ проектѣ регламента, не отступая, однакоже, отъ основныхъ началъ, изложенныхъ въ инструкціи 1829 года. Ревизіонныя собранія должны сдѣлать постановленіе о вознагражденіи бояровъ за сокотельниковъ, владѣніе которыми, какъ неизсякаемый источникъ безпорядковъ и злоупотребленій, должно быть отмѣнено съ тѣмъ, чтобы и самое имя ихъ не встрѣчалось болѣе въ оффиціальныхъ переписяхъ.

„Вы можете, писалъ Нессельродъ, повторять сколько можно чаще въ обоихъ княжествахъ, что Его Величество, принявъ подъ свое покровительство внутреннюю ихъ организацію, никогда не имѣлъ въ виду благопріятствовать одному классу на счетъ другаго. Онъ желаетъ блага всѣмъ. Онъ желаетъ видѣть ихъ администрацію, устроенную на основаніяхъ столь же твердыхъ и постоянныхъ, какъ и гарантіи, обезпеченныя имъ Адріанопольскимъ трактатомъ. Государь желаетъ, чтобы, когда регламентъ будетъ разсмотрѣнъ, измѣненъ и утвержденъ, были приняты мѣры къ тому, чтобы онъ былъ уже приведенъ въ дѣйствіе ко времени оставленія княжествъ нашими войсками; тогда, согласно Адріанопольскому трактату, Портѣ ничего не останется какъ утвердить реформы гати-шерифомъ“.

Далѣе, графъ Нессельродъ указывалъ на необходимость, во избѣжаніе интригъ и смятеній, избранія господарей прежде оставленія нашего управленія княжествами. Первое избраніе должно быть сдѣлано въ присутствіи русской власти, подъ попечительнымъ и, въ случаѣ нужды, укротительнымъ ея вліяніемъ противъ интригановъ и честолюбцевъ.

Самое избраніе, въ формѣ принятой въ регламентахъ, графъ Нессельродъ признавалъ удобнѣе поручить тому же собранію, которое будетъ созвано для ревизіи регламента.

Въ конфиденціальной депешѣ отъ того же числа графъ Нессельродъ писалъ Киселеву, „что достоинство Императорскаго Двора обязываетъ насъ дать этимъ провинціямъ не простой очеркъ правильной администраціи, но оставить въ нихъ порядокъ вещей, который можетъ быть уважаемъ Портою и самими европейскими державами. Чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо употребить сильныя и скорыя средства и не подчинять принятіе органическаго регламента и избраніе господарей формальностямъ весьма медленнымъ и къ тому же худо понимаемымъ тѣми, которые должны въ томъ содѣйствовать. Отдѣльный актъ Адріанопольскаго трактата оставляетъ намъ въ этомъ отношеніи полный просторъ, какого только мы можемъ желать, а обязательство, принятое на себя Портою, утвердить постановленія, введенныя въ княжествахъ во время ихъ занятія нами, даетъ намъ право требовать этого утвержденія при выходѣ нашихъ войскъ. Занятіе Силистріи и военная дорога, которую мы сохранимъ между Дунаемъ и Прутомъ, надо думать, обезпечитъ матеріальное вліяніе, въ которомъ власти, установленныя подъ нашимъ покровительствомъ, будутъ имѣть нужду на нѣкоторое время, чтобы заставить исполнять и уважать мѣры новой администраціи“.

ГЛАВА XVIII.

1829 — 1834 годъ.

Приготовительныя работы предъ открытіемъ ревизіоннаго собранія въ Бухарестѣ.— Киселевъ находитъ неудобнымъ поручить одному и тому же собранію разсмотрѣніе регламента и избраніе господаря. — Публичное заявленіе валахскихъ дивановъ о предстоящемъ разсмотрѣніи регламента.—Открытіе валахскаго собранія. — Рѣчь Киселева. — Окончаніе занятій собранія. — Оно принимаетъ регламентъ вполнѣ.— Содержаніе регламента.

Приготовительныя работы предъ открытіемъ ревизіоннаго собранія въ Бухарестѣ.

Присланныя гр. Нессельродомъ замѣчанія на проектъ регламента были переданы Киселевымъ г-ну Минчаки съ тѣмъ, чтобы по однимъ изъ нихъ были сдѣланы исправленія въ регламентѣ, а другія предоставлены были на усмотрѣніе коммиссіи [1]). Этой послѣдней онъ поручилъ представить ему проекты касательно: общей переписи жителей въ Валахіи, кадастра, хотя приблизительнаго, большихъ и среднихъ поземельныхъ имуществъ, повѣрки чиновъ и числа бояровъ, внутренняго порядка занятій ревизіоннаго собранія и наконецъ способа опубликованія въ городахъ и мѣстечкахъ свѣдѣній о новомъ законодательствѣ.—Одновременно съ этимъ, въ видахъ успѣшнѣйшаго занятія готовившагося къ открытію ревизіоннаго собранія, Киселевъ поручилъ особымъ спеціальнымъ коммиссіямъ составить законопроекты: 1) о размѣрѣ денежнаго вознагражденія за сокотельниковъ; 2) о соглашеніи съ монастырями на счетъ части ихъ доходовъ, обращаемыхъ въ

[1]) Депеша Киселева гр. Нессельроду 9 февраля 1831 г.

казну; 3) о сословіяхъ въ княжествѣ; 4) о способѣ набора въ милицію; 5) объ отчетности и контролѣ въ государственныхъ доходахъ и расходахъ и 6) о повинностяхъ городскихъ и сельскихъ общинъ, о ихъ доходахъ, расходахъ и отчетности.

Что касается до открытія собраній, то Киселевъ полагалъ созвать ихъ: въ Валахіи къ 8-му марта, а въ Молдавіи къ 26-му апрѣля, т.-е. послѣ закрытія валахскаго собранія. Приэтомъ въ конфиденціальной депешѣ Павелъ Дмитріевичъ писалъ гр. Нессельроду: „Узнавъ расположеніе здѣшнихъ бояровъ, я съ первыхъ приступовъ къ вопросу о ревизіи регламента предвидѣлъ, что если эта работа и избраніе господарей будутъ предоставлены одному и тому же собранію, то оно обратится въ средоточіе интригъ и козней, и потеряетъ изъ вида главную цѣль. — Поэтому я рѣшился раздѣлить эти два вопроса и поручить первому собранію только разсмотрѣніе регламента, а для избранія господарей созвать новыя собранія на основаніи правилъ, которыя будутъ утверждены въ регламентѣ“ [1]).

Киселевъ находитъ неудобнымъ поручить одному и тому-же собранію разсмотрѣніе регламента и избраніе господаря.

Публичное заявленіе валахскихъ дивановъ о предстоящемъ разсмотрѣніи регламента.

Въ февралѣ мѣсяцѣ (16) 1831 года, отъ имени валахскихъ дивановъ, было издано заявленіе о причинахъ учрежденія коммиссіи для составленія регламента. Въ этомъ же заявленіи изложено краткое содержаніе проекта регламента и извѣщалось о созваніи чрезвычайнаго собранія для его разсмотрѣнія.

Открытіе валахскаго собранія.

Собраніе это было открыто въ Бухарестѣ 10 марта 1831 года, съ обычною торжественностію, самимъ полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ.

Рѣчь Киселева.

Въ рѣчи, произнесенной по этому случаю Киселевымъ, послѣ нѣсколькихъ словъ, объяснявшихъ обстоятельства, служившія поводомъ къ собранію, онъ сказалъ:

„Потомки храбраго народа! Ваши предки имѣли національное правленіе, которое исчезло, уступивъ мѣсто правленію чужестранному, слабому и случайному. Тогда какъ другіе европейскіе народы шли по пути улучшеній, народы, населяющіе эти двѣ страны, оставались неподвижными; при-

[1]) Депеши Киселева гр. Нессельроду 9 февраля 1831 г. № 20—21.

зываемые цивилизаціею, онѣ не могли оставаться долѣе чуждыми своему назначенію. Возблагодаримъ небо, господа, за то, что эта перемѣна, обыкновенно сопровождаемая переворотами и общественными бѣдствіями, совершились благодаря единственно великодушнымъ намѣреніямъ Августѣйшей династіи, которая, начиная съ Петра Великаго, не переставала заявлять себя этими провинціямъ постоянными благодѣяніями и попеченіями Россіи". Далѣе, напомнивъ вкратцѣ бѣдствія, которымъ подвергались княжества, онъ сдѣлалъ очеркъ недостатковъ прежней администраціи, которую слѣдовало измѣнить; привелъ просьбы и жалобы, которымъ онъ давалъ мѣсто; представилъ будущность болѣе счастливую, которая обезпечена княжествамъ трактатами Аккерманскимъ и Адріанопольскимъ, а также необходимость согласовать внутреннее устройство съ новымъ политическимъ положеніемъ страны; сдѣлалъ краткій очеркъ содержанія органическаго регламента и благодѣяній, которыми страна уже обязана временному правительству и которая служила ступенью къ новымъ учрежденіямъ; онъ окончилъ свою рѣчь, отдавъ справедливость похвальному расположенію, замѣченному имъ въ умахъ, и счастливой перемѣнѣ въ тѣхъ, которые въ началѣ питали недовѣріе.

Рѣчь эта была выслушана съ благоговѣйнымъ вниманіемъ всѣми членами собранія; они въ первый разъ услышали слова, возбудившія чувство достоинства въ душахъ, униженныхъ долговременнымъ угнетеніемъ; всѣ сознали, что этотъ день, навсегда памятный, былъ началомъ новой эры [1]).

Отвѣтный адресъ собранія.

Въ отвѣтъ на рѣчь Киселева, собраніе единогласно вотировало благодарственный адресъ, который былъ представленъ Павлу Дмитріевичу на другой день. Въ адресѣ члены собранія, упомянувъ о тѣхъ основаніяхъ, которыя утверждены для княжествъ Аккерманскою конвенціею и Адріанопольскимъ трактатомъ, и которыя осуществили ихъ надежды и даже превзошли ихъ ожиданія, они съ признательностію указали на выборъ Государемъ полномочнаго предсѣдателя и на то, что

---

¹) См. сохранившуюся въ бумагахъ Киселева рукопись неизвѣстнаго автора: Aperçu historique sur la reforme politique en Valachie.

уже имъ сдѣлано, именно: прекращеніе чумы, отстраненіе злоупотребленій, бывшихъ слѣдствіемъ военнаго положенія, увеличеніе государственныхъ доходовъ, уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и взысканій за потравы, установленіе монетной единицы, учрежденіе муниципальнаго управленія въ Браиловѣ и Журжѣ и постройка въ нихъ церквей, приведеніе въ порядокъ счетовъ и долговъ кассы благотворительной, приготовительныя мѣры къ установленію правильной отчетности кассы, управленія больницами и школами и къ оздоровленію городовъ; устройство медицинскаго управленія, улучшеніе путей сообщенія, минералогическія изслѣдованія богатства страны, раздѣленіе властей судебной и административной, улучшеніе карательной системы, свободный доступъ просителей, устройство карантинной линіи на Дунаѣ, организація національной милиціи. „Всѣ эти перемѣны, всѣ эти результаты достигнуты съ самою строгою экономіею“... „Сдѣланный вами краткій очеркъ работъ спеціальной коммиссіи указалъ намъ на тѣ благодѣянія, которыя намъ готовятся и къ осуществленію которыхъ мы призваны... Не безплодными протестаціями мы должны засвидѣтельствовать нашу благодарность, но соединясь вокругъ новыхъ нашихъ учрежденій, мы должны въ будущемъ показать себя достойными высокихъ благодѣяній могущественнаго и великодушнаго Монарха. Гордясь нашимъ призваніемъ, мы употребимъ всѣ наши усилія, чтобы достойно отвѣчать отеческимъ намѣреніямъ Его Величества. Каждый изъ насъ не останется назади тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ общемъ благѣ“.

Окончаніе занятій собранія.

Собраніе тотчасъ же приступило къ своимъ занятіямъ, которыя кончило къ 29 апрѣля, и тогда же было закрыто, по случаю отсутствія Киселева, г-мъ Минчаки.

Оно принимаетъ регламентъ вполнѣ.

Всѣ 9 главъ органическаго регламента были приняты собраніемъ, съ нѣкоторыми весьма незначительными измѣненіями, были приняты также, въ видѣ дополненія, проекты законовъ, внесенные предсѣдателемъ, о которыхъ мы упомянули выше.

„Духъ миролюбія и согласія, писалъ Киселевъ [1]), господствовалъ въ собраніи, во все время засѣданій“.

[1]) Депеша гр. Нессельроду 9-го мая 1831 года.

Вотъ вкратцѣ содержаніе регламента: Содержаніе регламента.

Глава I. Объ избраніи господаря пожизненно; для этого созывается чрезвычайное собраніе изъ 190 членовъ, въ составъ которыхъ входятъ митрополитъ, епископы, бояры 1-го класса, бояры 2-го класса, депутаты уѣздные изъ именитѣйшихъ (notables) поземельныхъ владѣльцевъ и депутаты отъ городовъ.

Глава II. Объ обыкновенныхъ собраніяхъ, созываемыхъ ежегодно въ составѣ 43-хъ членовъ для ревизіи отчетовъ о доходахъ и расходахъ, для утвержденія бюджета на будущій годъ, для обсужденія законопроектовъ, для представленія господарю адресовъ; собраніе это могло въ адресахъ господарю приносить жалобы и прошенія о нуждахъ страны.

Глава III. Въ ней установлялась новая финансовая система на мѣсто старой, которая была неудобна и сложна, какъ по множеству податей, такъ и по способу ихъ распредѣленія, давала чрезъ то поводъ къ злоупотребленіямъ и невыносимымъ несправедливостямъ и причиняла чувствительное уменьшеніе государственныхъ доходовъ. Отмѣнивъ навсегда барщину и реквизицію въ натурѣ и вообще всѣ существовавшія съ крестьянъ поборы, регламентъ установлялъ единственную и однообразную поголовную подать съ семействъ крестьянъ или земледѣльцевъ; подать эта составляла 30 піастровъ въ годъ съ семейства.

Ремесленники раздѣлялись на два класса: въ первомъ платили за патентъ 90 піастровъ, во второмъ—50.

Купцы раздѣлены были на три класса, по величинѣ ихъ операцій: въ первомъ платили за патентъ 240 піастровъ, во 2-мъ—120 и въ 3-мъ—60.

Регламентъ установлялъ опредѣленныя правила относительно переписи, возобновлявшейся чрезъ 7 лѣтъ для обложенія податью.

Установлялись точныя правила для счетоводства въ казенныхъ кассахъ и для ревизіи отчетовъ, которые, вмѣстѣ съ замѣчаніями контроля, должны быть представляемы ежегодно обыкновенному собранію.

Достаточное жалованье было назначено всѣмъ чиновникамъ

и въ тоже время уничтожены всѣ посторонніе доходы, бывшіе источникомъ всякаго рода злоупотребленій.

Общинамъ предоставлено было удовлетворять свои нужды чисто мѣстныя, для чего были назначены имъ постоянные доходы.

Глава IV заключала учрежденіе для текущихъ дѣлъ административнаго совѣта, состоящаго изъ предсѣдателя, ворника (министра внутреннихъ дѣлъ), вистіара (министра финансовъ) и постельника (государственнаго секретаря); въ важныхъ случаяхъ составляется высшій совѣтъ, въ который приглашаются, кромѣ поименованныхъ лицъ, управляющіе прочими департаментами, именно: министры юстиціи (логофетъ) и духовныхъ дѣлъ, начальникъ земской стражи и главный контролеръ. Опредѣленія совѣта приводятся въ исполненіе съ утвержденія господаря.

Въ главѣ V установлялась свобода торговли съ однимъ только ограниченіемъ—запрещеніемъ вывоза хлѣба въ случаѣ неурожаевъ; здѣсь же излагались правила о путяхъ сообщенія, какъ средствахъ къ оживленію торговли, и о хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ въ каждой общинѣ.

Въ VI главѣ излагались правила о карантинахъ на лѣвомъ берегу Дуная и о мѣрахъ къ охраненію княжествъ отъ чумы.

Глава VII заключала устройство судебной части. Регламентъ принялъ за основаніе совершенное отдѣленіе власти судебной отъ административной, и установлялъ три инстанціи для всѣхъ дѣлъ: уѣздные трибуналы, судебный диванъ и верховный диванъ, который рѣшаетъ всякаго рода дѣла окончательно и представляетъ приговоръ чрезъ логофета (министра юстиціи) на утвержденіе господарю. Господарь не имѣлъ права судить; но, въ случаѣ неправильнаго примѣненія закона, могъ обратить дѣло для пересмотра въ высшій ревизіонный диванъ, составленный на-половину изъ членовъ судебныхъ учрежденій, на-половину изъ членовъ общаго собранія, по избранію господаря.

Регламентъ опредѣлялъ порядокъ судопроизводства, обязанности логофета (министра юстиціи) и подвѣдомственныхъ ему прокуроровъ.

Въ главѣ VIII излагались постановленія: 1) о назначеніи къ разнымъ общественнымъ должностямъ чиновниковъ, ихъ производствѣ, и о почетныхъ титулахъ; 2) объ управленіи имѣніями духовенства; 3) о народномъ обученіи, и 4) объ основаніи тѣснѣйшаго соединенія княжествъ.

Въ главѣ IX говорилось объ организаціи народной милиціи.

Три копіи регламента были переписаны на двухъ языкахъ, валахскомъ и французскомъ, и подписаны всѣми членами собранія. Одинъ экземпляръ положенъ въ государственный архивъ: два другіе посланы съ адресами: одинъ въ С.-Петербургъ, другой—въ Константинополь.

ГЛАВА XIX.

1829—1834 г.

Отъѣздъ Киселева въ Яссы.—Безпокойства въ Молдавіи.—Злонамѣренныя жалобы въ Константинополѣ на готовившіяся реформы въ княжествахъ.—Открытіе экстраординарнаго собранія въ Молдавіи.—Появленіе холеры.—Возобновленіе занятій молдавскаго ревизіоннаго собранія.—Послѣдствія введенія регламента въ Валахіи.—Окончаніе занятій молдавскаго ревизіоннаго собранія.—Рескриптъ Государя Киселеву.

Отъѣздъ Киселева въ Яссы.

Когда занятія валахскаго собранія приняли желаемое направленіе и обѣщали полный успѣхъ въ отношеніи разсмотрѣнія проекта регламента, Киселевъ призналъ возможнымъ оставить Бухарестъ (8 апрѣля 1831 г.) и отправиться въ Молдавію для открытія тамъ экстраординарнаго собранія. Онъ пріѣхалъ въ Яссы 9-го апрѣля и занялся тотчасъ разными административными распоряженіями, требовавшими особеннаго вниманія по исключительному положенію страны.

Безпокойства въ Молдавіи.

Въ Молдавіи уже прежде было замѣтно нерасположеніе къ русскому правленію и особенная склонность тамошнихъ бояровъ къ интригамъ. По этой причинѣ Желтухинъ долженъ былъ удалить изъ княжества тамошняго митрополита и вліятельнаго бояра Розновано.

Когда сдѣлались болѣе или менѣе извѣстными предположенія коммиссіи, составлявшей регламентъ, предположенія эти возбудили неудовольствіе въ боярахъ низшихъ классовъ, ряды которыхъ были усилены пожалованіями послѣдняго господаря.

Въ началѣ января 1831 года въ Яссахъ найдено было нѣсколько экземпляровъ возмутительной прокламаціи. Подозрѣнія полиціи остановились на второклассномъ бoярѣ—спатарѣ Сіонѣ; изъ взятыхъ у него бумагъ обнаружилась переписка, въ которой выказывалось сильное безпокойство бояровъ втораго и третьяго классовъ о потерѣ ихъ привилегій при новомъ регламентѣ, и предположеніе созвать по два депутата изъ каждаго уѣзда для подписанія коллективныхъ адресовъ, заключающихъ жалобы тѣхъ классовъ населенія, которые считали себя обиженными нѣкоторыми постановленіями регламента.

„Исправленіе предположеній регламента, писалъ Киселевъ Нессельроду [1]), которыя своею отсталостію возбуждаютъ почти общее порицаніе, должно скоро отнять всякій поводъ къ жалобамъ и неудовольствіямъ, а обнародованіе регламента просвѣтитъ публику о пользѣ и прочности предполагаемыхъ реформъ и произведетъ въ Молдавіи благодѣтельныя дѣйствія, полученныя уже въ Валахіи“.

По пріѣздѣ въ Яссы, Павелъ Дмитріевичъ получилъ извѣстіе о возстаніи, въ уѣздѣ Романо, крестьянъ, для усмиренія которыхъ онъ долженъ былъ послать, 12-го апрѣля, генерала Бегидова.

Въ депешѣ, отъ 30-го апрѣля 1831 года, Павелъ Дмитріевичъ писалъ Нессельроду:

„Крестьяне эти — горцы, отчасти Венгры-католики; они отказались отъ набора въ милицію и отъ исполненія всякихъ обязанностей въ отношеніи землевладѣльцевъ-бояровъ. Крестьяне собрались въ числѣ отъ 8 до 9 тыс. Убѣжденія Бегидова не имѣли успѣха; онъ долженъ былъ двинуть данный въ его распоряженіе полкъ,—но и это не имѣло успѣха; возставшіе крестьяне стали стрѣлять и бросать камни въ войска, убили одного офицера и одного солдата; тогда Бегидовъ приказалъ своимъ солдатамъ стрѣлять; крестьяне разбѣжались, оставивъ около 60 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ [2]). Этою

[1]) 26-го января 1831 г.

[2]) Въ дневникѣ Киселева подъ 28 апрѣля упоминается рапортъ Бегидова о 18 убитыхъ и 42 раненыхъ.

мѣрою необходимой строгости спокойствіе было вполнѣ возстановлено... Причиною возмущенія были злоумышленно распространяемые слухи между крестьянами о скоромъ вторженіи турецкихъ войскъ, которыя истребятъ Русскихъ и ихъ приверженцевъ, и о томъ, что наступило время, представляющее имъ, т.-е. крестьянамъ, всѣ средства освободиться отъ ига боярскаго"... „Несомнѣнно также, что въ Молдавіи существуетъ общее безпокойство и что слухи самые неблаговидные распространяются о нашихъ дѣлахъ въ Польшѣ и о проектахъ Турціи, и что при такомъ положеніи дѣлъ, необходимо усмирить этотъ духъ въ странѣ, могущей, по своему географическому положенію и отсутствію всякой полиціи и военной силы, сдѣлаться источникомъ смятеній и безпорядковъ, которые могутъ въ послѣдствіи отразиться въ сосѣднихъ провинціяхъ Австріи и Россіи... Въ виду этой консервативной цѣли водворенія спокойствія и порядка, необходимо, я думаю, преслѣдовать всѣхъ зачинщиковъ смятенія и безпорядковъ, если бы даже, къ несчастію, это стоило нѣсколькихъ жертвъ; надобно достигнуть полнаго умиротворенія, чтобы не дать повода злоумышленникамъ искать помощи внѣ, и чтобы отнять у Турціи средства избавляться отъ яростныхъ заговорщиковъ, указывая имъ на богатыя для эксплуатаціи провинціи и высылая ихъ на наши границы, какъ она это сдѣлала въ 1821 году".

Злонамѣренныя жалобы въ Константинополѣ на готовившіяся реформы въ княжествахъ.

Въ мартѣ (22-го) 1831 года Бутеневъ сообщилъ Киселеву, что по прибытіи его въ Константинополь онъ убѣдился, что Порта слѣдитъ болѣе нежели ожидали за тѣмъ, что дѣлается въ княжествахъ, и что сношенія ея съ тамошними недовольными личностями могутъ дать ей ложныя понятія о положеніи дѣлъ, возбудить предубѣжденіе и недовѣрчивость къ нашимъ сообщеніямъ объ органическихъ реформахъ. Въ доказательство этого онъ сообщилъ полученныя имъ секретно три бумаги, которыя, какъ онъ знаетъ изъ вѣрнаго источника, представлены Оттоманскому министерству. „Эти несвязныя писанія, заключая въ себѣ клеветы на нѣкоторыхъ лицъ и ложныя толкованія причинъ предпринятаго преобразованія внутрен-

няго управленія, заслуживаютъ того, чтобы узнать ихъ источникъ".

Понимая, что свѣдѣнія такого рода нужны нашему посланнику для объясненія съ турецкимъ министерствомъ, Киселевъ, въ отвѣтѣ своемъ Бутеневу, писалъ [1]), что „чтеніе этого пасквиля возбудило въ немъ только чувство глубокаго презрѣнія; сплетеніе лживыхъ предположеній принадлежитъ навѣрное той системѣ гнусныхъ происковъ, которые партія янычаръ-христіанъ, если мнѣ позволено такъ выразиться, ведетъ въ согласіи съ партіею янычаръ-мусульманъ, уничтоженныхъ султаномъ. Это люди, которые хотятъ пользоваться злоупотребленіями, бывшими при прежнемъ правительствѣ. Главныя жалобы ихъ относились къ предполагаемому открытію общаго чрезвычайнаго собранія для избранія господаря; они желаютъ, чтобы въ число избирателей были допущены кафтанники (бояры послѣдняго класса). Это значитъ—составить избирательное собраніе, противъ обычая страны, изъ толпы людей, не имѣющихъ существенныхъ условій представительства. Наконецъ, они жалуются на предположеніе уничтожить сокотельниковъ и послушниковъ; но сама Порта знаетъ о безчисленныхъ злоупотребленіяхъ, сопряженныхъ съ этимъ учрежденіемъ. Порта знаетъ, что въ основаніе регламентовъ положено: *уничтоженіе злоупотребленій и водвореніе порядка.* Нельзя не сожалѣть, что среди занятій, поддерживаемыхъ съ великимъ трудомъ и съ такимъ благороднымъ самопожертвованіемъ, съ одной стороны новымъ учрежденіямъ ставитъ препятствіе слабое меньшинство, жадное въ несправедливыхъ своихъ желаніяхъ; съ другой—является наглая дерзость, съ которою это меньшинство, отвергаемое всѣми благомыслящими людьми, разсчитываетъ пользоваться въ своихъ дурныхъ намѣреніяхъ одобреніемъ просвѣщеннаго правительства султана и распускаетъ клеветы противъ многихъ изъ его министровъ, будто бы это меньшинство пользуется ихъ покровительствомъ".

Въ заключеніе Киселевъ говорилъ, что „къ этимъ интриганамъ принадлежатъ: нѣкоторые старые бояры или капитан-

[1]) Депеша 22-го апрѣля 1831 г.

ные предразсудками, или ослѣпленные низкими страстями; нѣкоторыя другія лица, запутавшіяся въ долгахъ и отвергаемыя обществомъ за ихъ безнравственность; нѣкоторые обанкрутившіеся армяне, наконецъ, нѣкто Анжело, человѣкъ самой дурной репутаціи — способный на все. Вотъ презрѣнные авторы или вчинатели клеветъ".

Открытіе экстраординарнаго собранія въ Молдавіи.

Когда спокойствіе было возстановлено [1]), Киселевъ 7 мая принималъ депутаціи отъ бояровъ и духовенства, а на другой день открылъ чрезвычайное собраніе для разсмотрѣнія проекта регламента, которое въ отвѣтъ на его рѣчь представило ему адресъ и затѣмъ приступило къ своимъ занятіямъ.

Въ депешѣ отъ 20-го мая 1831 г. Павелъ Дмитріевичъ писалъ графу Нессельроду, что въ Молдавіи спокойствіе повсюду возстановлено; что серьезное наблюденіе за интриганами изъ высшаго класса и опубликованіе положеній регламента, принятыхъ ревизіоннымъ собраніемъ, которое трудится дѣятельно, съ успѣхомъ содѣйствовали успокоенію умовъ повсюду; что при такомъ положеніи дѣлъ онъ надѣется, что работа ревизіоннаго собранія будетъ кончена въ первыхъ числахъ іюня, и что къ 15 іюня можно будетъ созвать избирательныя собранія. Но этимъ надеждамъ на скорое окончаніе дѣлъ не суждено было осуществиться.

Появленіе холеры.

Уже 23-го апрѣля было получено извѣстіе о появленіи въ Молдавіи холеры, перешедшей туда изъ Бессарабіи, несмотря на принятыя Киселевымъ строгія карантинныя мѣры [2]). Она, перейдя границу, тотчасъ же обнаружилась въ Яссахъ, гдѣ самыя невыгодныя гигіеническія условія благопріятствовали страшному ея развитію; съ 5-го по 15-е мая заболѣло 79 чел., умерло 31 чел. Эпидемія стала усиливаться, смертность въ началѣ іюня достигла до 181 ч. въ день и навела такой страхъ, что мѣстныя власти разбѣжались, и вслѣдъ за ними скрылся митрополитъ, и экстраординарное собраніе не

---

[1]) О прекращеніи безпорядковъ между крестьянами Киселевъ извѣстилъ общее собраніе дивановъ, которое на другой день, 5-го мая 1831 г., представило ему благодарственный адресъ.

[2]) Депеша Киселева Нессельроду изъ Яссъ, 3-го іюня 1831 года.

могло болѣе собираться. Киселевъ отсрочилъ его сначала до 16-го іюня, а потомъ на неопредѣленное время [1]). Одинъ Киселевъ, съ окружающими его русскими, дѣйствовалъ. Несмотря на то, что изъ его прислуги нѣсколько человѣкъ сдѣлались жертвою эпидеміи и что самъ онъ чувствовалъ приступы болѣзни, Павелъ Дмитріевичъ не терялъ бодрости, лично осматривалъ госпитали и принималъ всевозможныя мѣры къ отвращенію бѣдствія.

Въ депешѣ гр. Нессельроду отъ 10-го іюня 1831 г., изъ Яссъ онъ писалъ: „Опустошенія, производимыя холерою въ Яссахъ были, можно сказать, безпримѣрныя въ Европѣ. Съ большимъ трудомъ я эвакуировалъ этотъ зараженный и нездоровый городъ на $^1/_3$, оставалось въ городѣ только 8—10 т. чел.; изъ нихъ умирало отъ 150 до 180 чел. въ день; смерть не разбирала ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Изъ всѣхъ врачей только одинъ продолжаетъ давать возможныя пособія больнымъ; пятеро умерли, а остальные разбѣжались. Безъ преувеличенія я долженъ сказать, что начиная отъ бояровъ самыхъ богатыхъ до бѣднаго ремесленника, всѣ были до того поражены ужасомъ, что никакое преслѣдованіе, никакая самая справедливая строгость, не могли заставить ихъ быть внимательнѣе къ исполненію своихъ обязанностей. Такимъ образомъ, суды перестали дѣйствовать за отсутствіемъ судей и просителей; я долженъ былъ ихъ закрыть на неопредѣленное время. При совершенномъ отсутствіи чиновниковъ-молдаванъ, я долженъ былъ ввѣрить полицію въ княжествѣ генералу Бегидову и его казакамъ: часть санитарную—полковнику Макарову и нѣкоторымъ русскимъ чиновникамъ, добровольно предложившимъ свои услуги, продовольствіе—генералу Мирковичу и его канцеляріи. Что касается до чрезвычайнаго общаго собранія, то не видя возможности собрать его въ настоящую минуту, я уступилъ просьбѣ митрополита, позволивъ ему удалиться въ какой-нибудь уѣздный монастырь до совершеннаго прекращенія эпидеміи, которой, какъ онъ говорилъ, никакія

---

[1]) Депеша графу Нессельроду 17-го іюня 1831 года изъ Яссъ.

человѣческія усилія отвратить не могутъ. Такое мнѣніе раздѣляютъ всѣ молдаване".

„Предосторожности и попеченія, которыми окружены войска ввѣренныя моему начальству, произвели самые удовлетворительные результаты сравнительно со смертностію въ гражданскихъ госпиталяхъ и вообще между народонаселеніемъ...

„Я не откажусь отъ чести исполнять свой долгъ, пока буду на ногахъ; въ случаѣ какого-либо приключенія со мною генералъ Дитрихсъ заступитъ мое мѣсто".

Авторъ исторической записки, о которой мы уже упоминали [1]), о дѣйствіи Павла Дмитріевича во время холеры говоритъ: „Киселевъ, съ небольшимъ числомъ состоявшихъ при немъ чиновниковъ, оставался, можно сказать, одинъ среди населенія умиравшаго и подавалъ помощь и утѣшенія. Городу грозилъ голодъ при отсутствіи или исчезновеніи тѣхъ, которые его питали. Для Киселева это были однѣ изъ тѣхъ минутъ, когда человѣкъ является дѣйствительно существомъ возвышеннымъ. Во время общаго бѣдствія, среди ужаса, когда смерть похищала тысячи жертвъ, — онъ выказалъ величіе своего характера.

„Руководимый только преданностію дѣлу человѣчества, онъ расточалъ всякаго рода облегченія и удвоивалъ усилія, чтобы отнять у заразы хотя нѣсколько жертвъ; его присутствіе было какъ бы видимымъ Провидѣніемъ; онъ возбуждалъ убитую бодрость и устрашалъ дерзость тѣхъ, которые въ общественномъ бѣдствіи видятъ только благопріятный случай къ исполненію своихъ предосудительныхъ умысловъ".

Когда въ началѣ іюля холера въ Яссахъ почти прекратилась, Киселевъ получилъ свѣдѣніе о появленіи ея въ Бухарестѣ; онъ поспѣшилъ туда и пріѣхалъ 6-го іюля 1831 г.; эпидемія была въ своемъ восходящемъ періодѣ.

„Прибытіе Киселева наэлектризовало всѣ власти, придало новую силу ихъ энергіи и возбудило надежду въ убитыхъ сердцахъ; никто изъ валахскихъ чиновниковъ не оставилъ

---

[1]) Рукопись: Aperçu historique sur la reforme politique en Valachie.

своего мѣста и всѣ, по примѣру главнаго начальника, соперничали въ ревности и самоотверженіи [1])".

Единственное средство противъ эпидеміи—это уничтоженіе средоточія міазмомъ посредствомъ разрѣженія населенія. Эта мѣра была употреблена Киселевымъ въ Бухарестѣ съ возможнымъ успѣхомъ. Нужда въ продовольствіи еще продолжалась въ странѣ, хлѣбъ былъ дорогъ; новая жатва еще не приспѣла: жителямъ кварталовъ, наиболѣе поражаемыхъ, предложено было выдти на биваки и тѣмъ, которые выходили, отпускался хлѣбъ за половину существовавшей въ городѣ цѣны; бѣднымъ, лишеннымъ всякихъ средствъ—раздавали хлѣбъ даромъ. Эти мѣры содѣйствовали тому, что въ Бухарестѣ холера продолжалась недолго: она появилась тамъ 22-го іюня, усиливалась до 16-го іюля, когда число умершихъ было 106,—а 18-го августа эпидемія прекратилась вовсе.

„За свою преданность и за свои заботы, генералъ Киселевъ получилъ награду самую лестную, самую драгоцѣнную для души возвышенной. Когда холера прекратилась въ Бухарестѣ, однажды на дворѣ его дома появилась огромная толпа народа, соблюдавшая порядокъ и тишину,—и на вопросъ, чтó ей нужно, отвѣчала, что она пришла благодарить предсѣдателя диввановъ; когда онъ появился, толпа встрѣтила его восклицаніями, поднесла ему хлѣбъ-соль и благодарственныя письма, въ которыхъ въ трогательныхъ выраженіяхъ изъявлялась признательность за его попеченія. Слезы умиленія текли у всѣхъ изъ глазъ. Этотъ день конечно будетъ однимъ изъ тѣхъ, который сохранится навсегда въ памяти Киселева" [1]).

Возобновленіе занятій молдавскаго ревизіоннаго собранія.

Съ прекращеніемъ холеры въ Яссахъ и въ уѣздахъ Молдавіи, ревизіонное собраніе, по распоряженію Киселева, возобновило въ первыхъ числахъ августа свои занятія подъ руководствомъ вице-президента Минчаки [3]). 24-го августа 1831 года, Киселевъ писалъ графу Нессельроду: „За принятыми правительствомъ мѣрами успѣшное окончаніе ревизіи регла-

[1]) Рукопись: Aperçu historique sur la reforme politique en Valachie.

[2]) Тамъ же.

[3]) Депеша 13-го августа 1831 года.

мента обезпечено; но духъ безпокойства и неурядица высказались среди членовъ ревизіоннаго собранія, и хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что регламентъ будетъ принятъ огромнымъ большинствомъ, но несомнѣнно, что приведеніе его въ дѣйствіе потребуетъ болѣе настойчивости и наблюденія, чѣмъ въ Валахіи.—Партія, которая образовалась въ средѣ собранія, поставила себѣ цѣлію порицать и измѣнять все, что въ регламентѣ обезпечиваетъ новому правительству уваженіе и матеріальное вліяніе, которыя составляютъ главную опору его существованія.

Послѣдствія введенія регламента въ Валахіи.

„Если въ Молдавіи положеніе дѣлъ неудовлетворительно, то въ Валахіи наоборотъ. Тамъ большая часть органическаго регламента приведена въ дѣйствіе.

„Правила о карантинахъ, жандармеріи, финансахъ и судахъ уже исполняются, а учрежденіе административнаго совѣта придало новому порядку вещей прогрессивное движеніе, и высшее правительство только наблюдаетъ за его поддержаніемъ и правильностію.

„Благотворныя дѣйствія новыхъ учрежденій чувствуются повсюду; повсюду они приняты съ восторгомъ и польза ихъ оцѣнена разными классами населенія; земледѣльцы считаютъ себя счастливыми и признательными, и можно утвердительно сказать, что если правительство будетъ съ твердостію слѣдовать по начертанному пути, и если новыя политическія замѣшательства или событія непредвидимыя не нарушатъ спокойствія страны, то административная реформа въ Валахіи будетъ на столько благотворна, на сколько она была принята населеніемъ чистосердечно и честно.

„Мнѣ хотѣлось бы сказать вашему сіятельству тоже и о Молдавіи. Несмотря на препятствія и затрудненія, которыя многочисленная аристократія этой страны возбуждаетъ, правительство не упуститъ никакого средства, находящагося въ его распоряженіи, чтобы укротить происки партіи и обезпечить Молдавіи благодѣянія прочнаго и правильнаго управленія“.

Въ концѣ октября молдавское чрезвычайное собраніе кончило разсмотрѣніе всѣхъ главъ органическаго регламента, и

Окончаніе занятій молдавскаго ревизіоннаго собранія:

вслѣдъ за тѣмъ представило подписанные всѣми членами собранія два экземпляра этого акта и благодарственные адресы Государю Императору и графу Нессельроду, а также arzmagzar султану. Увѣдомляя объ этомъ графа Нессельрода, Киселевъ писалъ, что необходимыя публикаціи и разныя приготовительныя работы не позволяютъ ввести регламентъ въ Молдавіи раньше 1-го января 1832 года; къ тому времени Киселевъ произвелъ перемѣны въ личномъ составѣ дѣйствовавшаго еще исполнительнаго дивана; онъ помѣстилъ туда лицъ, имѣвшихся въ виду для будущаго административнаго совѣта, избирая ихъ изъ бояровъ, работавшихъ въ спеціальной коммиссіи для составленія регламента.

Такой пріемъ Киселевъ считалъ полезнымъ въ томъ отношеніи, что онъ открывалъ путь новому порядку дѣлъ и что новая администрація будетъ уже фактически установлена въ минуту опубликованія и приведенія въ дѣйствіе органическаго регламента.

Рескриптъ Государя Киселеву.

Послѣ полученія въ С.-Петербургѣ молдавскаго регламента и адресовъ, послѣдовалъ 21-го декабря 1831 г. на имя Павла Дмитріевича Высочайшій рескриптъ, въ которомъ Государь изъявлялъ свое удовольствіе за то, что при ревизіи регламентовъ были приняты во вниманіе нужды всѣхъ классовъ и соблюдены обязанности страны въ отношеніи Порты.

Графъ Нессельродъ, пересылая этотъ рескриптъ Киселеву, писалъ ему между прочимъ: „Мы ожидаемъ въ скорости изъ Константинополя ратификаціи (регламентовъ), которую поручено нашему посланнику потребовать отъ Порты. Возможно, что оттоманское министерство нѣсколько замедлитъ, или захочетъ собрать спеціальныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ статьяхъ регламента. Но если и послѣдуетъ замедленіе, то оно не будетъ продолжительно и во всякомъ случаѣ жители княжествъ не должны этимъ тревожиться, потому что ихъ страна и вводимыя въ ея администраціи реформы находятся подъ покровительствомъ торжественнаго трактата, строгаго соблюденія котораго желаетъ столько же Порта, какъ и Императорскій Дворъ“ [1]).

[1]) Депеша графа Нессельрода 22-го декабря 1831 года.

ГЛАВА XX.

1829—1834 г.

Успѣхъ новой администраціи въ Валахіи. – Поѣздка Киселева въ Малую Валахію.—Встрѣча его народомъ.—Впечатлѣніе этой поѣздки.—Благодарность народа Государю.—Общее желаніе упроченія новаго порядка.—Гуманность Киселева.—Отчетъ Киселева по управленію княжествами.

Успѣхъ новой администраціи въ Валахіи.

Когда органическій регламентъ или точнѣе, какъ онъ названъ въ Высочайшемъ рескриптѣ Киселеву, „регламентъ внутренней администраціи“ былъ уже въ дѣйствіи въ Валахіи, Киселевъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ онъ принимается и какія производитъ дѣйствія. Уже въ концѣ 1831 года онъ писалъ графу Нессельроду [1]):

„Успѣхи административныхъ реформъ продолжаются въ Валахіи, гдѣ регламентъ уже въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ полномъ ходу. По мѣрѣ того, какъ мѣры, регламентомъ предписываемыя, приводились въ дѣйствіе, онѣ выигрывали въ умахъ всѣхъ классовъ. Мелкое дворянство, купцы, ремесленники и въ особенности масса земледѣльцевъ стали чувствовать и цѣнить выгоды управленія, которое имѣетъ въ виду только поддержаніе законности, огражденіе правъ каждаго и общее благосостояніе. Съ другой стороны, легкость поступленія податей, спокойствіе въ обоихъ княжествахъ, порядокъ и хорошій духъ, которыми ознаменовались послѣдніе

[1]) Депеша 14-го декабря 1831 года.

выборы въ Валахіи, доказываютъ довѣріе жителей къ правительству и привязанность къ учрежденіямъ, плодами которыхъ они начинаютъ пользоваться....

„Чтобы дать понятіе о злоупотребленіяхъ, которыя намъ удалось отстранить, достаточно указать на то, что небольшое число чиновниковъ (показанныхъ въ приложенномъ Киселевымъ спискѣ) дѣлили между собою 2.368,000 піастровъ, упадавшихъ всею своею тяжестію на средніе и низшіе классы, а въ настоящее время жалованье этимъ чиновникамъ опредѣлено въ 631,200 піастровъ. Изъ другаго списка видно, что 120 т. семействъ крестьянъ, которыми располагали 2,000 привилегированныхъ фамилій, поступили теперь въ общій податной классъ".

Въ другой депешѣ [1]) Киселевъ обращалъ особенное вниманіе на успѣхи финансовой администраціи. Съ началомъ кампаніи провіантъ и всѣ другія реквизиціи въ натурѣ для арміи были доставляемы или за наличныя деньги, или за квитанціи. Недостатокъ денежныхъ средствъ заставилъ графа Палена сдѣлать заемъ у банкировъ 100 т. червонцевъ. Эта сумма, въ соединеніи съ другими дефицитами, составила ко вступленію Киселева въ управленіе княжествами долгъ въ 3.760,635 піастровъ. Сверхъ того, независимо отъ обязанности удовлетворять текущія издержки для потребности войскъ, остававшихся на зимнихъ квартирахъ, временное правительство должно было заплатить по квитанціямъ 3.920,426 піастровъ. Въ казначействѣ не было денегъ для покрытія долговъ 1828 и 1829 года; между тѣмъ, предстояло въ 1830 г. уменьшить на 1.592,759 піастровъ подать съ *бирниковъ* (крестьянъ). Къ этому присоединилось возвращеніе войскъ изъ-за Балканъ, увеличеніе числа больныхъ въ госпиталяхъ, опустошенія чумы, неурожай въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, истощеніе страны пребываніемъ нашихъ войскъ. „Всѣ эти несчастныя обстоятельства, пишетъ Киселевъ, дѣлали мое положеніе чрезвычайно труднымъ и я долженъ сознаться, что я не думалъ бы принять обязанность на меня возложенную, еслибы не приглаше-

[1]) Отъ 8-го марта 1832 года, № 12, изъ Бухареста.

ніе покойнаго фельдмаршала графа Дибича, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія....

„Надо было возбудить общественное довѣріе, поднять кредитъ, пробудить во всѣхъ классахъ благородное соревнованіе въ пользу видовъ правительства, очистить страну отъ заразы, заставить крестьянъ приняться за ихъ обыкновенныя мирныя занятія, ввести порядокъ въ дѣлахъ административныхъ".

Усилія Павла Дмитріевича увѣнчались успѣхомъ, превзошедшимъ его ожиданія. Уменьшеніе податей и государственныхъ расходовъ, увеличеніе вдвое доходовъ отъ откуповъ, уплата долговъ и значительный остатокъ въ пользу нашего правительства — были непосредственными результатами перваго года его управленія.

Изъ сравненія двухлѣтняго управленія Киселева съ двумя же предшествовавшими годами оказывается слѣдующее:

Доходовъ въ государственное казначейство поступило: во время управленія предшественниковъ Киселева въ 1828 и 1829 г.	19.700,014 піастр.
во время его управленія въ 1830 и 1831 г.	39.608,765 —
Доходы, такимъ образомъ, удвоились; затѣмъ, за удовлетвореніемъ всѣхъ издержекъ, за уплатою долговъ по реквизиціямъ и квитанціямъ, осталось въ казначействѣ	5.129,300 піастр.

„Указывая на эти результаты, достигнутые въ теченіи двухъ лѣтъ, я долженъ прибавить, писалъ Киселевъ, что уплата нашихъ долговъ и нашихъ квитанцій не произвела ни малѣйшаго затрудненія въ различныхъ отрасляхъ администраціи и что всѣ расходы въ обоихъ княжествахъ исполнены съ величайшею точностію.

„Съ другой стороны, увеличеніе доходовъ въ обѣихъ провинціяхъ дало возможность удовлетворить всѣ потребности безъ увеличенія налоговъ на жителей и рядомъ съ тѣмъ уменьшить

общественныя тягости. Такимъ образомъ, съ одной стороны устроенъ правильно откупъ съ солеломенъ, а съ другой отмѣнены таможенные и другіе внутренніе тягостные сборы и запретительная система въ торговлѣ солью.

„Если окладъ налоговъ и повинностей съ крестьянъ былъ возвышенъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, размѣръ ихъ опредѣленъ съ точностію и неизмѣняемостію, и въ тоже время отмѣнено множество поборовъ, самыхъ отяготительныхъ для нихъ“ [1]....

„Такимъ образомъ, обезпечивая благосостояніе и внутреннее спокойствіе страны, мы предохранили ее отъ безпорядковъ и волненій, къ которымъ давали поводъ прежнія злоупотребленія и грозили нарушить спокойствіе сосѣднихъ провинцій и породить политическія столкновенія“.

Результаты, достигнутые въ столь короткое время, выказываютъ въ блестящемъ видѣ таланты Павла Дмитріевича и какъ администратора вообще, и какъ финансиста въ лучшемъ значеніи этого слова, финансиста, который всю свою систему основывалъ на простыхъ началахъ: бережливости, отчетности, облегченія налоговъ и введенія правильности ихъ взиманія.

Авторъ рукописи, о которой упомянуто выше, приводитъ сравненіе платежей по тремъ деревнямъ прежде и послѣ введенія регламента; деревни эти взяты имъ: одна, находящаяся въ горахъ, другая на равнинѣ и третья частью въ горахъ и частію на равнинѣ. Въ этихъ трехъ деревняхъ подати въ казну, общинные расходы и повинности въ пользу помѣщиковъ составляли 44.971 піастръ, а послѣ введенія регламента только 27,520 п.; изъ этой послѣдней суммы въ пользу казны приходилось 12,338 п. вмѣсто 9,645 п., поступившихъ среднимъ числомъ въ послѣдніе два года, 1828—1829, и въ пользу помѣщиковъ 14,157 п. вмѣсто 8,015 п., получавшихся ими прежде. Такимъ образомъ, крестьяне были облегчены почти на половину, доходы казны увеличились на $^1/_3$, а доходы помѣщиковъ на $^2/_3$.

---

[1] Крестьяне были обязаны платить между прочимъ налоги: *дижемарито* или налогъ со свиней, пчелъ и табака; *винерицо*, или налогъ на вино; *оерито*, или налогъ на овецъ и козъ.

Поѣздка Киселева въ Малую Валахію.

Когда старый порядокъ дѣлъ въ княжествахъ былъ замѣненъ новымъ, который дѣйствовалъ уже въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Киселевъ призналъ необходимымъ, независимо отъ получаемыхъ въ центральномъ управленіи свѣдѣній, удостовѣриться лично на мѣстахъ въ успѣхѣ принятыхъ мѣръ, въ пользѣ принесенной реформами. Съ этою цѣлію онъ отправился, 2 іюня, въ Малую Валахію, чтобы тщательно обозрѣть разныя отрасли управленія, войдти въ непосредственныя сношенія съ лицами всѣхъ сословій, получить указанія и разъясненія viva voce на мѣстѣ.

Встрѣча его народомъ.

Вездѣ народъ встрѣчалъ его съ восторгомъ. Крестьяне въ особенности спѣшили видѣть главу управленія, и въ лицѣ его высшую власть, въ которой они въ первый разъ сознавали не устрашающую, а покровительствующую силу; они желали его видѣть, чтобы услышать отъ него самого о своихъ обязанностяхъ и правахъ, и Павелъ Дмитріевичъ не скупился на объясненія съ ними. Онъ вникалъ подробно во всѣ части управленія, какъ это видно изъ его дневника [1]).

Впечатлѣніе этой поѣздки.

Изъ этой поѣздки Киселевъ вынесъ убѣжденіе, что административныя улучшенія въ Малой Валахіи превзошли его ожиданія. Вездѣ въ органахъ мѣстнаго управленія онъ видѣлъ дѣятельность и правильность въ отправленіи ими своихъ обязанностей.

Точное указаніе обязанностей, налагаемыхъ на управляемыхъ съ одной стороны, упрощеніе податей и отмѣна натуральныхъ повинностей съ другой — уничтожили произволъ и злоупотребленія. Судебныя учрежденія выказали дѣятельность и правильность въ веденіи процессовъ, дотолѣ въ странѣ неизвѣстныя; изъ 1.900 прошеній, поданныхъ Киселеву во время его путешествія, всѣ относились къ старымъ процессамъ. Полиція получила доста-

---

[1]) Такъ напр. подъ 10 іюня, у него записано:

Inspection	de la milice	bien
„	du tribunal	reprimande.
„	de la municipalité . .	observation.
„	de l'administration . .	bon ordre.
„	de la prison . . .	bien
„	de l'école	bien.

точную организацію и общественный порядокъ поддерживался во всей странѣ; муниципальныя учрежденія введены въ разныхъ городахъ; въ особенности замѣтно было стремленіе къ учрежденію начальныхъ школъ.

Благодарность народа Государю.

„Благодарный народъ Валахіи, писалъ Павелъ Дмитріевичъ графу Нессельроду [1]), благословляетъ имя Государя за всѣ благодѣянія, которыми онъ обязанъ Его Августѣйшему покровительству...

Общее желаніе упроченія новаго порядка дѣлъ.

„Теперь упроченіе введеннаго порядка дѣлъ есть единственное здѣсь желаніе, необходимость устойчивости чувствуется повсюду; нельзя умолчать, что опасеніе за удержаніе административныхъ реформъ тѣмъ сильнѣе у жителей этихъ провинцій, что они испытали столько бѣдствій отъ управленія шаткаго, основаннаго на произволѣ“.

Обозрѣвая состояніе разныхъ частей управленія, онъ дѣлалъ распоряженія, потребность въ которыхъ обнаруживалась на мѣстахъ. Такъ, между прочимъ, замѣтивъ стѣсненное положеніе рабочихъ въ солеломняхъ (въ которыя онъ самъ спускался на глубину 32 сажепъ), онъ назначилъ тотчасъ же коммисію для подробнаго изслѣдованія нуждъ ихъ; слѣдствіемъ этого было составленіе подробныхъ правилъ, обезпечивавшихъ положеніе этихъ рабочихъ.

Гуманность Киселева.

Какъ доказательство, что гуманность, человѣколюбіе, составляли одну изъ сторонъ характера Киселева, служитъ написанное имъ собственноручно предложеніе административному совѣту заняться немедленно обсужденіемъ мѣръ къ смягченію участи содержащихся въ тюрьмахъ. „Я считаю, писалъ онъ, это дѣло дѣломъ совѣсти и религіи; я надѣюсь, что мои сотрудники дадутъ мнѣ средства къ тому, чтобы я могъ исполнить эту святую обязанность прежде, чѣмъ оставлю страну и чтобы я могъ оставить ее безъ упрека себѣ въ небреженіи, котораго я себѣ не простилъ бы никогда“.

Отчетъ Киселева по управленію княжествами.

Очеркъ всей дѣятельности Киселева по управленію Молдавіею и Валахіею изложенъ въ отчетѣ, представленномъ

[1]) Депеша 4-го іюля 1832 г.

имъ Государю въ началѣ 1834 года, предъ отъѣздомъ изъ княжествъ. Изъ него можно видѣть, что Киселевъ, какъ государственный человѣкъ, одаренный высокими способностями администратора, обнимая общія цѣли государственнаго устройства, не оставлялъ безъ вниманія никакихъ частностей и вездѣ старался проводить порядокъ, основанный на идеѣ *законности и справедливости*.

ГЛАВА XXI.

1829—1834 г.

Опасенія Киселева за судьбу реформъ.—Письмо къ графу Нессельроду.—Записка Киселева о регламентахъ.—Слухи въ Молдавіи о непрочности реформъ.—Переписка съ Бутеневымъ о томъ же.

Опасеніе Киселева за судьбу реформъ.

Къ началу 1832 года преобразованіе внутренняго управленія въ обоихъ княжествахъ было кончено; всѣ учрежденія, установленныя регламентами, были въ полномъ ходу; большинство народонаселенія было довольно новыми порядками. Киселевъ однакоже безпокоился за судьбу своего творенія. Уступки, сдѣланныя, по его мнѣнію, даромъ Турціи С.-Петербургскою конвенціею 1830 года, о которой будетъ нами сказано ниже, наводили Павла Дмитріевича на мысль, что при упорствѣ Порты и слабой настойчивости нашей миссіи въ Константинополѣ, Туркамъ будутъ сдѣланы новыя уступки, которыя могутъ коснуться самой организаціи внутренняго управленія княжествъ. Реформы, произведенныя въ нихъ, не могли нравиться турецкому правительству, извлекавшему свои выгоды изъ прежнихъ злоупотребленій; а между тѣмъ глухая оппозиція бояровъ не унималась и работала насколько могла въ Константинополѣ, жалуясь на потерю своихъ правъ и разсѣевая разные нелѣпые слухи о непрочности русскаго управленія; Турки ссылались на эти жалобы, какъ на причины отсрочки ратификаціи регламентовъ.

При такомъ взглядѣ на положеніе дѣлъ, Киселевъ считалъ необходимымъ разъяснить нашему правительству истинное значеніе произведенныхъ реформъ и необходимость оградить ихъ отъ всякихъ нарушеній.

Письмо къ графу Нессельроду.

Съ этою цѣлью 8-го марта 1832 года онъ писалъ графу Нессельроду:

„Окончивши возложенное на меня порученіе относительно новой организаціи княжествъ, въ то время, когда объ ихъ интересахъ разсуждаютъ въ Константинополѣ, я считаю долгомъ представить вашему сіятельству записку о пользѣ и необходимости регламентовъ, и о важности для Императорскаго Двора скорой ратификаціи и удержанія ихъ. Замѣчанія, изложенныя въ этой запискѣ, мнѣ кажется, могутъ разъяснить вопросъ и опровергнуть мнѣніе будто будущая судьба княжествъ составляетъ вопросъ второстепенный или даже вовсе чуждый политикѣ нашего Двора“.

Записка Киселева о регламентахъ.

Въ этой запискѣ Павелъ Дмитріевичъ, прежде всего, касался причинъ вмѣшательства Россіи въ дѣла княжествъ; затѣмъ указывалъ цѣль реформъ, отношенія къ нимъ разныхъ классовъ населенія и опасность движенія въ ретроградномъ смыслѣ.

Онъ указывалъ, что причины вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла княжествъ были двоякія: 1) политическая система и трактаты, начиная съ Кучукъ-Кайнарджискаго до Адріанопольскаго включительно; 2) заботы объ интересахъ собственныхъ сосѣднихъ съ княжествами провинцій.

„Изъ политической системы вытекала необходимость новою организаціею княжествъ обезпечить благосостояніе ихъ жителей и тѣмъ дать восточнымъ христіанскимъ народамъ нравственное доказательство великодушнаго покровительства Россіи и поддержать ея вліяніе на нихъ.

„До Аккерманской конвенціи вѣрили въ возможность обезпечить спокойствіе этимъ странамъ, выговаривая частныя въ ихъ пользу уступки. Но въ эту эпоху убѣдились, что Оттоманская Порта уклонялась сколь возможно отъ исполненія трактатовъ; что господарское управленіе обветшало до того, что

не могло обезпечивать спокойствія страны даже на одинъ день; что масса жителей, угнетенная привилегированными классами и достигшая до послѣдней степени бѣдности, начинаетъ волноваться, повинуясь самохраненію; что необходимо предотвратить безпорядки, которые могутъ имѣть опасное вліяніе на сосѣднія страны и быть поводомъ къ политическимъ столкновеніямъ.

„Все это дѣлало необходимымъ улучшеніе администраціи.

„Причины неисполненія этой части Аккерманской конвенціи извѣстны.

„Оттоманская Порта, соглашаясь на нее нечистосердечно, возбуждала препятствія, опираясь на привилегированные классы, упорно стоявшіе за удержаніе порядка вещей, изъ котораго они извлекали свою пользу.

„Усилія нашихъ консуловъ, обязанныхъ наблюдать за исполненіемъ трактатовъ, были этимъ парализированы. Эти трудности, при объявленіи войны, утвердили еще болѣе увѣренность въ томъ, что для будущаго покоя княжествъ—необходимо преобразовать совершенно и во всѣхъ частяхъ внутреннюю ихъ администрацію. Инструкція, данная преобразовательной коммиссіи, обнимала во всѣхъ подробностяхъ предполагавшіяся улучшенія.

„Опредѣлить точно права и обязанности всѣхъ классовъ жителей, отстранить злоупотребленія, уважая пріобрѣтенныя права, уничтожить барщину и натуральныя повинности, упростить взиманіе податей, организовать судебную часть, отдѣливъ судъ отъ администраціи, учредить жандармерію для охраненія внутренняго порядка, устроить карантины по Дунаю и дать свободу торговлѣ, — это значило перестроить сверху до низу зданіе, разрушавшееся отъ старыхъ учрежденій. Но только при этомъ условіи можно было трудиться дѣятельно для благосостоянія и внутренняго спокойствія страны. Отдѣльная статья Адріанопольскаго трактата давала къ этому способы.

„Быть можетъ время укажетъ на недостатки нѣкоторыхъ подробностей органическихъ регламентовъ. Но въ общемъ эти кодексы — истинное благодѣяніе для страны, и это доказы-

вается тѣмъ, что масса народонаселенія умѣла оцѣнить преобразованія, которыя совершены въ ея пользу.

„Привилегированные классы не предвидѣли всѣхъ послѣдствій преобразованія, думая, что оно ограничится нѣкоторыми уступками, необходимость которыхъ они сознавали сами. Но въ мысль этихъ классовъ не входило, что они останутся безсильными для того, чтобы сосредоточить исключительную эксплуатацію злоупотребленій власти господарей. Привилегированные классы желали удержать, болѣе или менѣе въ цѣлости, старый порядокъ вещей. Они основывали свои надежды на вмѣшательство турецкаго двора, съ которымъ они были связаны силою матеріальныхъ интересовъ.

„Обращаясь къ массѣ населенія, должно сказать, что новыя улучшенія по одному тому, что они были сдѣланы для введенія въ странѣ порядка, должны были найдти ея сочувствіе. Въ огромномъ большинствѣ населенія пробудилось желаніе выйдти изъ бѣдности и униженія, въ которыхъ оно находилось; оно ненавидѣло бояровъ по мѣрѣ захвата ими власти, и эта ненависть и ея причины должны были быть велики, потому что народъ уже прибѣгалъ къ насиліямъ.

„Огромное большинство населенія пріобрѣло теперь драгоцѣнныя права. Правда, оно платитъ дворянству господскіе оброки, оно платитъ ему косвенно пенсіи и жалованье, такъ какъ на него исключительно падаетъ тяжесть общественныхъ податей; но оно знаетъ кругъ своихъ обязанностей; оно знаетъ, что кромѣ этихъ обязанностей, нѣтъ для него другихъ. Этимъ неоцѣненнымъ преимуществомъ населеніе обязано новой административной организаціи, которая вызываетъ въ немъ желаніе поддержанія регламентовъ; питая чувство благодарности къ покровительствующему Двору, оно возлагаетъ на него свои надежды.

„Сравнивая интересы этихъ двухъ классовъ, легко видѣть опасность, если права, признанныя большинствомъ населенія, будутъ нарушены, или не будутъ достаточно обезпечены. Несомнѣнно, что если привилегированный классъ найдетъ возможность покуситься вновь на возстановленіе зло-

употребленій и не успѣетъ въ томъ, масса возстанетъ не съ тѣмъ, какъ при покушеніи Владимереско, чтобы получить права, которыхъ она тогда не имѣла, но чтобы требовать сохраненія правъ, которыми она пользуется.

„Утвердительно можно сказать, что всякое отступленіе, всякое движеніе назадъ возбудитъ надежды класса привилегированнаго, и что всякая подобная реакція поведетъ за собою общее возстаніе жителей, заинтересованныхъ въ поддержаніи новаго порядка вещей.

„Невозможно конечно, чтобы съ новымъ порядкомъ вещей могло примириться оттоманское министерство: этотъ порядокъ отнимаетъ у него вліяніе на княжества и лишаетъ его незаконныхъ выгодъ, которыя оно извлекало отъ прежняго правительства.

„Австрія далека отъ того, чтобы радоваться реформамъ въ княжествахъ, подчиненныхъ доселѣ ея вліянію. Она не можетъ смотрѣть равнодушно на освобожденіе торговли и на преимущества политическія сосѣдняго народа; она видитъ, что причины, заставлявшія валахскаго крестьянина искать въ эмиграціи убѣжища и спокойствія—не существуютъ болѣе; она опасается даже того, чтобы большія преимущества политическія и коммерческія не привлекли въ Молдавію и Валахію жителей Трансильваніи и Буковины.

„Всѣ эти причины, какъ кажется, дѣйствуютъ неблагопріятно на переговоры нашего посланника въ Константинополѣ. Порта старается затягивать утвержденіе регламентовъ до того времени, когда уплата перваго милліона военной контрибуціи дастъ ей способъ, по смыслу Петербургской конвенціи, требовать оставленія нами княжествъ и возстановленія господарей. Она надѣется впослѣдствіи, если ея требованія будутъ исполнены, воспользоваться недоброжелательствомъ—слѣдствіемъ потрясенныхъ интересовъ касты, чтобы сдѣлать болѣе, чѣмъ когда либо проблематическимъ упроченіе порядка, котораго не желать она имѣетъ столько причинъ. Если эти коварные замыслы могутъ осуществовиться, то послѣдствія ихъ будутъ опасны для страны и діаметрально противопо-

ложны побужденіямъ вмѣшательствъ Императорскаго Двора въ дѣла княжествъ.

„Опасны они будутъ потому, что послѣ введенія регламентовъ, среди благосостоянія, которое будетъ ихъ послѣдствіемъ, принимать ретроградныя мѣры, или измѣнять положеніе, польза котораго вообще признается, значило бы возбуждать неудовольствіе, давать мѣсто волненіямъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что они будутъ произведены остановкою преобразовательнаго движенія и улучшеній, составляющихъ предметъ желаній и надеждъ массы жителей.

„Съ другой стороны послѣдствія будутъ противоположны побужденіямъ вмѣшательства Россіи, потому-что независимо отъ того, что послѣдствія реакціи—новыя смятенія въ княжествахъ—отразятся на сосѣднихъ провинціяхъ, эти послѣдствія нанесутъ важный ущербъ ея политической системѣ на Востокѣ, ущербъ тому вліянію, которое она призвана имѣть на него, заставитъ потерять въ тоже время плоды переговоровъ съ Портою, и приведутъ Россію почти въ то положеніе, въ которомъ она была до Адріанопольскаго трактата".

Слухи въ Молдавіи о непрочности реформъ.

Въ половинѣ 1832 года въ Молдавіи распространились слухи о непрочности новыхъ учрежденій, о финансовыхъ съ Турціею сдѣлкахъ, которыя лишатъ княжества выгодъ, обѣщанныхъ отдѣльнымъ актомъ къ Адріанопольскому трактату.

Сообщая объ этомъ [1]) Нессельроду, Киселевъ писалъ ему, что „къ несчастію слухи эти получили вѣроятность въ то время, когда наши войска готовились къ оставленію княжествъ и русская администрація собиралась оставить страну. Публика боится очутиться подъ господарскимъ управленіемъ между организацію разрушенною и тою, которая не получила еще санкціи султана. Коноводы, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ княжествахъ, начинаютъ свои преступныя попытки.... распускаютъ слухи, что иностранные консулы ихъ ободряютъ, говоря, что русская администрація существуетъ только фактически. Эти слухи, быть можетъ, оправдываются тѣмъ, что Порта не

[1]) 26-го сентября 1832 года.

утверждаетъ, или медлитъ утвердить регламентъ; хотя временное правительство опровергаетъ эти слухи своимъ безпристрастіемъ, законностію и твердостію своихъ распоряженій, но въ умахъ начинается тревога, которая можетъ возбудить новыя препятствія для администраціи. Такое недовѣріе и предубѣжденіе не могутъ продолжаться безъ вредныхъ послѣдствій и Порта, вспомоществуемая своими многочисленными приверженцами въ княжествахъ, отказъ свой ратификовать регламенты будетъ основывать на жалобахъ недовольныхъ, подписи которыхъ ей легко найти.

„Если противъ всякаго ожиданія эти надежды осуществятся, то никогда не будетъ достигнута цѣль усилій Россіи, т.-е. благосостояніе и спокойствіе этихъ странъ, на которыя она должна смотрѣть какъ на важный базисъ ея военныхъ операцій.

„Дѣйствительно, административныя реформы въ княжествахъ, произведенныя въ интересахъ массы населенія, раздавленнаго доселѣ злоупотребленіями и притѣсненіями всякаго рода,— сдѣлали такіе успѣхи въ умахъ народа, что онъ уже не можетъ равнодушно смотрѣть на замѣщеніе ихъ старымъ управленіемъ. Неминуемо произойдутъ безпорядки въ этихъ странахъ и возникнутъ затрудненія для Россіи, которыя нелегко будетъ прекратить; ибо другія державы, въ особенности Австрія, примутъ участіе въ разрушеніи порядка вещей, введеннаго Россіею и будутъ содѣйствовать всѣми силами къ возстановленію прежней администраціи, столь выгодной для ихъ торговыхъ интересовъ. Если сказанное справедливо, то позволительно думать, что дѣло существенное приказать вести переговоры о военной контрибуціи рядомъ съ утвержденіемъ регламентовъ Портою и не оставлять княжествъ прежде, чѣмъ эти акты будутъ ратификованы и исполненіе ихъ будетъ предписано господарямъ, какъ основный законъ страны.

„Такой ходъ дѣла укрѣпитъ довѣріе Молдаванъ и Валаховъ, которыхъ $^{9}/_{10}$ преданы Россіи, уничтожитъ проекты антагонистовъ ихъ благосостоянія и возстановитъ вліяніе Россіи на христіанскіе народы Востока, призванные быть мо-

жетъ скоро къ новымъ судьбамъ, которымъ Россія не будетъ чужда, несмотря на усилія тѣхъ, которые съ нѣкоторыхъ поръ стараются отчудить отъ нея умы".

Переписка съ Бутеневымъ о томъ же.

Въ перепискѣ своей съ Бутеневымъ, Киселевъ выражалъ ту же мысль о необходимости посредствомъ сношеній съ Портою обезпечить при назначеніи господарей сохраненіе какъ регламентовъ, такъ и вообще введенныхъ русскимъ правительствомъ реформъ и для этого онъ предлагалъ, при назначеніи господарей, потребовать отъ нихъ формальнаго заявленія, что они вполнѣ и чистосердечно будутъ защитниками произведенныхъ реформъ. Киселевъ предлагалъ это въ виду того, что кандидаты, которые, по его соображеніямъ, могутъ сосредоточить на себѣ наиболѣе голосовъ при выборахъ въ собраніи, питаютъ сомнительное расположеніе въ пользу реформъ. При этомъ онъ указывалъ на необходимость сдѣлать существенныя измѣненія въ статьяхъ регламента, относившихся съ одной стороны до состава обыкновенныхъ собраній и съ другой—до правъ и обязанностей землевладѣльцевъ и крестьянъ.

При составленіи тѣхъ статей регламента, которыя касались отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ, предполагалось съ одной стороны возвысить нѣсколько крестьянскіе оброки, а съ другой отмѣнить разныя натуральныя повинности и барщину. Но спеціальная коммиссія, составленная изъ бояровъ-землевладѣльцевъ, по небрежности, или съ умысломъ, изложила статьи въ такомъ видѣ, который давалъ поводъ къ произволу, вредному и несправедливому въ отношеніи крестьянъ, какъ напр. утвержденіе цѣны рабочаго дня, право требованія вмѣсто работы денегъ и т. п. Экстраординарное собраніе, составленное равнымъ образомъ изъ бояровъ, утвердило это постановленіе и оно въ такомъ видѣ вошло въ регламентъ.

Павлу Дмитріевичу по этому поводу пришлось выдержать сильную борьбу съ противодѣйствіемъ молдавскаго обыкновеннаго собранія. Въ частномъ письмѣ къ Бутеневу, отъ 20 декабря 1832 года, онъ писалъ между прочимъ; „Двѣ недѣли уже, какъ я сражаюсь съ молдавскими бородачами (bar-

bus), самыми безпокойными интриганами изъ всѣхъ брадоносцевъ. Вѣсти изъ Константинополя о скоромъ избраніи господарей приводятъ всѣхъ въ безпокойство; составъ собранія, по своей натурѣ, есть одна изъ причинъ безпорядковъ, которые не перестанутъ увеличиваться и мѣшать дѣйствіямъ правительства. Вы не можете себѣ представить всѣ нападки, которыя я выдерживаю. Прибѣгнуть къ средствамъ укротительнымъ, помимо регламента, невозможно: это дастъ оружіе въ руки порицателей новыхъ учрежденій и поставитъ затрудненія нашимъ послѣдующимъ переговорамъ съ Турціею. Оставить дѣла въ настоящемъ ихъ положеніи, значило бы вызвать новые безпорядки, нарушить цѣль Россіи, цѣль, которая состоитъ въ томъ, чтобы установить у нашихъ сосѣдей, покровительствуемыхъ нами, правленіе прочное и справедливое. Сверхъ того, собраніе, составленное изъ бояровъ, которые только и дѣлали, что захватывали права низшихъ классовъ, сдѣлано судьею въ собственномъ дѣлѣ; весьма естественно, что оно старается лишь о томъ, чтобы увеличить свои собственныя привилегіи насчетъ низшихъ классовъ, которые никѣмъ не представляются и никѣмъ не защищаются.

„Двѣ первыя главы регламента составлены и изданы до меня, и составлены по инструкціямъ нашего министерства, упустившаго изъ вида, что при произвольной власти господарей собранія были составляемы по ихъ выбору, и только прикладывали свои подписи къ тому, чего хотѣли господари. Теперь члены собранія избираются изъ бояровъ и боярами; это большею частію люди испорченные, поборники старыхъ злоупотребленій, ищущіе только ихъ возстановленія. Валахи въ тысячу разъ спокойнѣе и болѣе податливы, и несмотря на это, несмотря на наше, и нѣсколько даже на мое вліяніе, я встрѣчалъ затрудненія въ управленіи собраніемъ, которое также находится подъ вліяніемъ партій...

„Я писалъ въ прошедшемъ году и еще буду настаивать у вице-канцлера о необходимыхъ исправленіяхъ въ регламентѣ, которыя должны быть сдѣланы властію, а не по мнѣнію тѣхъ

самыхъ бояровъ, съ которыми нельзя совѣтоваться въ ихъ разногласіяхъ съ массою народа...

„Я сообщаю вамъ, любезный Аполлинарій Петровичъ, о положеніи нашихъ дѣлъ; не найдете ли вы возможнымъ подъ какимъ либо предлогомъ взять регламентъ изъ рукъ Турокъ и расположить ихъ къ включенію впослѣдствіи нѣкоторыхъ исправленій въ статьяхъ, касающихся административныхъ распоряженій въ пользу народа, котораго нельзя предоставить произволу дворянскаго класса безъ того, чтобы не вызвать печальныхъ безпорядковъ для страны и затрудненій для обоихъ дворовъ, сюзереннаго и покровительствующаго. Я знаю, что эти интриганы столько же трусливы, какъ и наглы, что если исключить двухъ или трехъ, то всѣ прочіе сдѣлаются совершенно мягкими; но здѣсь крикуны всѣхъ націй поднимутъ вопль о московской тираніи, а интернунцій будетъ ихъ поддерживать въ Портѣ, чтобы, какъ говорится, ловить рыбу въ мутной водѣ".

Наконецъ, въ началѣ 1833 года [1]), Киселевъ писалъ графу Нессельроду:

„Засѣданіе обыкновеннаго собранія въ Молдавіи задержитъ меня еще нѣкоторое время въ Яссахъ, противъ моего желанія. Мы приступаемъ къ разсмотрѣнію повинностей крестьянъ. Мое положеніе весьма щекотливое и я не знаю какой будетъ результатъ. Я одинъ долженъ защищать этихъ беззащитныхъ людей противъ олигархіи жадной и буйной (violante). Консулы мутятъ и стараются извлечь для себя пользу. Я въ особенности боюсь австрійской помощи".

Наступившія вскорѣ событія въ Турціи отвлекли вниманіе Киселева отъ исправленія регламентовъ. Бутеневъ, на приведенное выше письмо, отвѣчалъ [2]) Павлу Дмитріевичу, что въ виду усложненія обстоятельствъ, нельзя ожидать скораго утвержденія Портою регламентовъ, и что было бы чрезвычайно трудно вытребовать ихъ отъ нея для исправленія. Такое требованіе

---

[1]) Частное письмо изъ Яссъ, отъ 16-го января.

[2]) 16-го января, 1833 г.

было бы несвоевременно, возродило бы новыя безконечныя затрудненія. По его мнѣнію, нужныя въ регламентахъ исправленія лучше сдѣлать въ видѣ особыхъ дополненій къ регламенту.

ГЛАВА XXII.

1829—1834 г.

Соглашеніе между Россіею и Портою относительно исполненія Адріанопольскаго трактата.—Графъ Орловъ въ Константинополѣ.—Галиль-паша въ Петербургѣ.—Конвенція 1830 года апрѣля 14-го.—Цѣль уступокъ со стороны Россіи.—Турція не исполняетъ условій конвенціи.—Переписка между Бутеневымъ, Киселевымъ и гр. Нессельродомъ относительно очищенія нашими войсками княжествъ.—Киселевъ просится въ отпускъ.—Виды Государя на Киселева.

Соглашеніе между Россіею и Портою относительно исполненія Адріанопольскаго трактата.

Адріанопольскій трактатъ положилъ только главныя основанія мира между Россіею и Турціею; подробности, какъ обыкновенно дѣлаютъ дипломаты, предоставлялись дальнѣйшему соглашенію заинтересованныхъ сторонъ.

Графъ Орловъ въ Константинополѣ.

Съ этою цѣлію, въ концѣ 1829 года, отъ насъ посланъ былъ въ Константинополь графъ Орловъ, который частію убѣжденіемъ, частію настойчивостію, успѣлъ отстранить одно за другимъ затрудненія, поставлявшіяся Портою относительно исполненія нѣкоторыхъ статей Адріанопольскаго трактата, въ особенности тѣхъ, которыя относились до Сербіи.

Галиль-паша въ Петербургѣ.

Турція съ своей стороны, желая достичь облегченій относительно уплаты контрибуціи, и даже пересмотра Адріанопольскаго трактата, отправила къ намъ Галиль-пашу, который пріѣхалъ въ С.-Петербургъ въ началѣ февраля 1830 года.

Конвенція 1830 г. апрѣля 14.

Мысль о пересмотрѣ Адріанопольскаго трактата была нами отвергнута; но послѣ продолжительныхъ переговоровъ, 14-го

апрѣля 1830 года была заключена конвенція, сущность которой состояла въ слѣдующемъ:

По Адріанопольскому трактату Порта обязалась уплатить 10 м. червонцевъ военной контрибуціи и 1 м. червонцевъ коммерческой контрибуціи для вознагражденія русскихъ подданныхъ, которые потерпѣли убытки въ своихъ торговыхъ дѣлахъ отъ войны. По конвенціи 14-го апрѣля военная контрибуція уменьшена до 8 м. червонцевъ, съ разсрочкою на 8 лѣтъ, т.-е. съ уплатою ежегодно по 1 м. червонцевъ, начиная съ 1-го мая 1831 года. Цифра коммерческой контрибуціи осталась безъ измѣненія.

Съ уплатою 500 т. червонцевъ коммерческой контрибуціи, русскія войска очищаютъ страну отъ Чернаго моря до Дуная, за исключеніемъ Силистріи. Россія отказывалась отъ права, предоставленнаго Адріанопольскимъ трактатомъ, занимать своими войсками княжества до уплаты всей военной контрибуціи. По уплатѣ второй половины коммерческой контрибуціи, Россія обязалась вывести свои войска изъ княжествъ. Въ обезпеченіе уплаты контрибуціи Россія удерживаетъ за собою Силистрію и военную къ ней дорогу отъ Прута. Въ случаѣ, если какой либо пунктъ конвенціи не будетъ исполненъ въ точности, Россія сохраняетъ за собою право занятія войсками княжествъ.

Цѣль уступок со стороны Россіи.

Эти уступки сдѣланы нашимъ Дворомъ съ цѣлію скорѣйшаго окончанія дѣлъ съ Портою и главное, очищенія нашими войсками Молдавіи и Валахіи, такъ-какъ занятіе нами княжествъ возбуждало опасеніе другихъ европейскихъ державъ, неравнодушныхъ къ тому, что Адріанопольскій трактатъ усиливалъ наше вліяніе на восточныя дѣла. Состояніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ заставляло опасаться за сохраненіе мира.

Между тѣмъ, появленіе въ Россіи холеры и вслѣдъ затѣмъ возстаніе Польши являлись тѣми внутренними затрудненіями, которыхъ не могли и не должны были упускать изъ вида государственные люди, управлявшіе политическими дѣлами государства. Этимъ объясняется желаніе нашего Двора

ускорить, по возможности, оставленіе княжествъ и настояніе министерства въ теченіе 1830 и 1831 годовъ о томъ, чтобы княжества были скорѣе организованы и готовы къ передачѣ ихъ господарямъ.

Турція не исполняетъ условій конвенціи.

Турки, несмотря на конвенцію 14-го апрѣля, не исполняли обязательствъ своихъ относительно уплаты контрибуціи. Нашъ посланникъ въ Константинополѣ, Бутеневъ, въ августѣ 1831 года [1], спрашивалъ графа Нессельрода, въ виду принятой Портою системы оттягиванія (systeme dilatoire), не будутъ ли измѣнены предположенія министерства относительно очищенія княжествъ? Депешу свою онъ сообщилъ Киселеву, который по этому случаю писалъ [2]) конфиденціально Нессельроду, между прочимъ, слѣдующее:

Переписка между Бутеневымъ, Киселевымъ и гр. Нессельродомъ относительно очищенія нашими войсками княжествъ.

„Поспѣшая поставить княжества подъ прежній режимъ, мы потеряемъ выгодное положеніе, котораго одного достаточно для того, чтобы замедлить войну, если она сдѣлается неизбѣжною, или чтобы заставить диванъ исполнить послѣдній трактатъ, если миръ въ Европѣ еще можетъ быть сохраненъ. Поэтому позволительно думать, что занятіе княжествъ до мая мѣсяца 1832 г., т.-е. до срока требуемаго Портою для уплаты военной контрибуціи, будетъ во многихъ отношеніяхъ полезно и не можетъ быть оспариваемо. Оно будетъ полезно потому, что независимо даже отъ интересовъ страны, мы успѣемъ окончить снабженіе Силистріи припасами изъ мѣстныхъ источниковъ, которыми мы теперь располагаемъ, а еще болѣе потому, что въ маѣ мѣсяцѣ мы будемъ знать, чего намъ держаться въ отношеніи дѣлъ въ Европѣ и турецкой политики въ отношеніи насъ. Оно не можетъ подлежать спору, потому что предусмотрѣно Петербургскою конвенціею, и что, не означая съ точностію срока занятія княжествъ, мы можемъ настаивать на обнародованіе гатишерифа въ отношеніи регламента и потомъ въ отношеніи назначенія господарей“.

Нессельродъ, всегда осторожный, заподозрилъ въ письмѣ Ки-

---

[1]) Депеша 22-го августа, 1831 г.

[2]) 3 (15) сентября 1831 г.

селева желаніе не только замедлить очищеніе княжествъ, но и присоединить ихъ окончательно къ Имперіи.

„Мы не заблуждаемся нисколько, писалъ онъ Павлу Дмитріевичу [1]), на счетъ системы дѣйствій, принятой съ нѣкотораго времени Портою. Она очевидно медлитъ, хочетъ выиграть время въ виду кризиса, въ которомъ находится Европа, и затрудненій возникшихъ для Россіи, вслѣдствіе возстанія Польши; она надѣется воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы измѣнить или по крайней мѣрѣ отсрочить исполненіе обязательствъ, наложенныхъ на нее послѣднимъ трактатомъ. Такая политика, несовсѣмъ честная, насъ не удивляетъ. Но Государь остается вѣрнымъ своей политикѣ, и поэтому она пріобрѣтаетъ ту моральную силу, которая принадлежитъ странѣ, ничего не получающей изворотами, и которая все, что пріобрѣла—пріобрѣла трактатами и побѣдами.... Мы будемъ требовать съ твердостію и настойчивостію отъ Порты исполненія ея обязательствъ, и если нужно, выждемъ полнаго усмиренія Польши, чтобы напомнить турецкому правительству его обязанности и опасности, отъ которыхъ Адріанопольскій трактатъ избавилъ султана и его имперію....

„Что касается до гарантіи, которую можетъ для насъ представлять занятіе княжествъ, то независимо отъ того, что это подниметъ крикъ въ Европѣ противъ насъ, Турки могутъ въ замѣнъ неуплаты контрибуціи отказаться отъ верховенства надъ княжествами, уже и теперь номинальнаго и безплоднаго. Но тогда что мы сдѣлаемъ? Будетъ ли это выгодно для насъ? Доходы княжествъ покроютъ ли издержки управленія и доставятъ ли, сверхъ того, въ наше казначейство сумму, равную турецкой контрибуціи? Мы въ этомъ сомнѣваемся. Объявимъ ли мы эти провинціи присоединенными къ Имперіи? Но въ виды Государя вовсе не входитъ намѣреніе отодвигать границы своей имперіи до Дуная, и еще менѣе Его Величество желаетъ подобнымъ рѣшеніемъ дать поводъ къ безпокойствамъ своимъ союзникамъ и къ клеветамъ своимъ врагамъ.... Мнѣ остается повторить то, что я писалъ вамъ въ прежнихъ моихъ

[1]) Депеша 29-го сентября 1831 г.

депешахъ,—что для насъ важно видѣть сколь возможно скорѣе княжества организованными, господарей на своихъ мѣстахъ и наши войска готовыми выдти изъ княжествъ, сохранивъ за нами Силистрію и военную дорогу до Прута“...

На эту депешу Киселевъ отвѣчалъ [1]) графу Нессельроду: „Я никогда не думалъ, что занятіе княжествъ должно быть удержано даже и тогда, когда Турція исполнитъ свои обязательства; я говорилъ только, что мы можемъ воспользоваться вѣроятною медленностью переговоровъ, порученныхъ Бутеневу, чтобы сохранить до весны наше положеніе на Дунаѣ, которое даетъ намъ способъ имѣть внушительное вліяніе на Порту, въ томъ случаѣ, когда событія въ Польшѣ и усложненіе дѣлъ въ Европѣ заставятъ насъ придвинуть всѣ наши силы къ западнымъ границамъ. Это послѣднее предположеніе мнѣ казалось не безъосновательнымъ въ то время, когда я писалъ къ вамъ мое письмо.... Что касается до присоединенія княжествъ къ имперіи, то я никогда не считалъ его полезнымъ для Россіи, даже и въ томъ случаѣ, еслибы Порта отказалась отъ верховенства (suzeraineté) надъ ними“....

Вскорѣ однакоже наши дѣла въ Польшѣ приняли благопріятный оборотъ и исчезли опасенія европейской войны. Между тѣмъ Турція не исполняла своихъ обязанностей въ отношеніи уплаты контрибуціи [2]) и утвержденія регламентовъ. Это было причиною, замедлявшею оставленіе нами княжествъ.

Въ мартѣ 1832 года Бутеневъ писалъ Киселеву [3]), что Турки дѣло тянутъ, контрибуціи не платятъ или платятъ ее мелкими суммами; конференція съ рейсъ-эфенди, обѣщанная нѣсколько недѣль назадъ, откладывается подъ разными предлогами. Единственный предметъ, которымъ озабочено правительство—это приготовленія противъ египетскаго паши. Затѣмъ въ маѣ Бутеневъ увѣдомлялъ Киселева [4]), что конференція съ рейсъ-эфенди состоялась; она продолжалась около 6 часовъ;

[1]) Секретная депеша 29-го октября, 1831 г., № 91.

[2]) Порта не заплатила контрибуціи въ срокъ 1 мая 1831 г. и 1 мая 1832 г.; за нею оставалось въ недоимкѣ 1½ мил. червонцевъ.

[3]) Депеша 22 марта 1832 г.

[4]) Депеша 7 (19) мая 1832 г.

рейсъ-эфенди объявилъ, „что Порта, къ величайшему ея сожалѣнію, въ нынѣшнемъ году не можетъ исполнить обязательствъ по трактату; что бѣдность финансовъ не дозволяетъ ей заплатить болѣе 10 т. кошельковъ; такимъ образомъ по истеченіи года отсрочки Порта заплатила только $^1/_4$ м. червонцевъ. Что касается утвержденія регламентовъ, то тутъ таже недобросовѣстность Порты, которая ссылается на недостаточность поясненій, сообщенныхъ нашимъ посланникомъ“.

Графъ Нессельродъ, подъ вліяніемъ болѣе благопріятнаго положенія политическихъ дѣлъ въ Европѣ, не настаивалъ уже на скорѣйшемъ выходѣ нашихъ войскъ изъ княжествъ. 5 мая 1832 года онъ писалъ Киселеву:

..."Я не распространяюсь сегодня относительно оставленія нашими войсками княжествъ. Это можетъ быть рѣшено только послѣ утвержденія Портою органическихъ регламентовъ; вы получите окончательныя повелѣнія Государя тотчасъ, какъ только нашъ посланникъ увѣдомитъ о послѣдствіи его по этому предмету настояній. Въ теченіе этого времени вы будете продолжать сообщать мѣстной администраціи направленіе, которое вы ей дали съ такимъ успѣхомъ и поддерживать вашими совѣтами гражданскія власти, вновь установленныя... Мы думаемъ, что замедленіе Порты утвердить новую организацію княжествъ не должно служить поводомъ для жителей къ безпокойству или сомнѣнію. Адріанопольскій трактатъ есть весьма сильная и весьма положительная гарантія для ихъ будущности“.

Почти въ то же время (21-го мая 1832) Бутеневъ доносилъ министерству, что Порта, въ виду истощенія своей казны, рѣшилась ожидать исхода переговоровъ относительно границъ Греціи, для того, чтобы обѣщанныя ею суммы употребить на уплату долга Россіи. Бутеневу было предписано [1]) принять означенныя „суммы въ уплату долга и заявить Портѣ, что когда онѣ будутъ получены, то Киселеву будетъ предписано начать очищеніе княжествъ отъ войскъ; что Россія во всякое

[1]) Депеша гр. Нессельрода Бутеневу, 25-го іюля 1832 г.

время готова прекратить окупацію, но что, къ сожалѣнію, она была обязана продолжать ее единственно потому, что Порта не платила военной контрибуціи въ установленные сроки.

Киселевъ просится въ отпускъ.

Видя, что дѣла съ Портою идутъ въ затяжку, Киселевъ просилъ графа Нессельрода (31-го октября 1832 г.) испросить у Государя ему отпускъ для поѣздки въ имѣніе и потомъ въ Петербургъ. Нессельродъ въ отвѣтъ на это письмо писалъ Киселеву [1]), что онъ два раза докладывалъ Государю объ этой просьбѣ и Его Величество находилъ ее несвоевременною по причинѣ кризиса въ Турціи: „пока онъ будетъ продолжаться, намъ не слѣдуетъ ослаблять наше положеніе въ княжествахъ. Если я вамъ писалъ прежде объ эвакуаціи, то это, во-1-хъ, потому, что Адріанопольскій трактатъ насъ обязывалъ къ тому, что съ уплатою 1-го милліона контрибуціи и утвержденіемъ регламентовъ, мы не имѣли уже причинъ оставаться въ княжествахъ; во-2-хъ, Государь сильно желалъ возвращенія своихъ войскъ изъ страны, гдѣ климатъ производилъ такія ужасныя между ними опустошенія. Теперь совсѣмъ другія, весьма важныя обстоятельства. Мы должны знать, чтó сдѣлается съ Оттоманскою имперіею, прежде чѣмъ двинуться изъ княжествъ. Я пишу теперь же Бутеневу, не настаивать на вопросѣ объ утвержденіи регламентовъ, чтò ему будетъ не трудно сдѣлать, такъ какъ Турки никогда не спѣшатъ... Но какъ все это согласить съ вашимъ желаніемъ—отсутствовать? Я не знаю, какъ это уладить? Когда я оканчиваю это письмо меня потребовалъ Государь.

„....Государь предоставляетъ вамъ самимъ рѣшить вопросъ о вашемъ отъѣздѣ, возлагая во всякомъ случаѣ на васъ отвѣтственность за послѣдствія; Его Величество думаетъ, что не лучше ли отсрочить вамъ отпускъ до развязки кризиса, въ которомъ находится теперь Порта. Рѣшеніе зависитъ отъ васъ; но я дружески совѣтую вамъ не воспользоваться дозволеніемъ и не оставлять вашъ постъ въ настоящую критическую минуту“.

[1]) Собственноручное письмо гр. Нессельрода Киселеву, 15-го ноября 1832 г.

Киселевъ на это письмо отвѣчалъ Нессельроду [1]), что онъ, повинуясь волѣ Государя, въ отпускъ не поѣдетъ.

Виды Государя на Киселева.

Изъ этого отвѣта легко было заключить, что Государь имѣлъ виды на Киселева въ случаѣ, если Турція потребуетъ сухопутной помощи. Очевидно, что такъ понималъ это дѣло Киселевъ, и онъ не ошибался, какъ увидимъ это вслѣдъ за симъ.

---

¹) 1-го декабря 1832 г.

ГЛАВА XXIII.

1832—1834 г.

Борьба султана съ пашею египетскимъ.—Записка Киселева о положеніи Турціи и о политикѣ Россіи. — Депеша Нессельрода барону Розену о нашей политикѣ на Востокѣ.—Распоряженія Киселева.—Порта проситъ помощи Россіи.—Письма Киселева Нессельроду и Чернышеву.—Киселевъ назначается начальникомъ сухопутной экспедиціи на помощь султану. — Приготовленія Киселева къ походу. — Колебанія Порты.—Русскій флотъ въ Константинополѣ.—Дессантъ русскихъ войскъ въ Константинополѣ. — Графъ Орловъ назначается посломъ въ Турцію. —Неожиданный оборотъ дѣлъ въ Турціи.—Несбывшіяся надежды Киселева; имѣлъ ли онъ способности военачальника? — Мысли Киселева о положеніи нашемъ на Дунаѣ. — Торжество нашей политики въ Константинополѣ. — Свиданіе Киселева съ Орловымъ въ Одессѣ. — Просьба Киселева объ увольненіи его отъ управленія княжествами. — Турецкій посолъ Ахметъ-паша въ Петербургѣ; конвенція 22-го ноября 1833 г. — Письма о ней гр. Орлова и Нессельрода. — Назначеніе господарей въ Молдавію и Валахію. — Отъѣздъ Киселева въ Яссы и возвращеніе въ Россію. — Выраженіе Киселеву признательности Валахіи.

Борьба султана съ пашею египетскимъ.

Въ концѣ 1831 года открылась вооруженная борьба между султаномъ и египетскимъ пашею, Мегемедомъ-Али. Къ концу лѣта 1832 года Сирія находилась въ рукахъ египтянъ.

Записка Киселева о положеніи Турціи и о политикѣ Россіи.

Павелъ Дмитріевичъ зорко слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ на Востокѣ и велъ дѣятельную переписку съ Бутеневымъ и графомъ Нессельродомъ. Еще весною 1832 года [1]) онъ при частномъ письмѣ послалъ графу Нессельроду записку о положеніи Турціи и о политикѣ, которой мы должны, по его мнѣнію, держаться въ отношеніи къ ней.

[1]) 22-го апрѣля.

Для Порты, писалъ онъ, приближается кризисъ, который долженъ рѣшить ея судьбу. Многочисленные факты указываютъ на ея паденіе, въ которое, быть можетъ, ввергнутъ ее непопулярныя реформы султана и возстаніе египетскаго паши. Признавая съ другой стороны, что польза Россіи требуетъ сохраненія Турціи, Киселевъ считалъ необходимымъ поручить нашей миссіи въ Константинополѣ стараться разъяснить Портѣ замыслы державъ, стремящихся къ раздробленію ея, и что единственный для нея союзникъ, котораго она можетъ противопоставить своимъ врагамъ—это Россія, заинтересованная въ сохраненіи Порты, такъ какъ множество интересовъ, которые создастъ паденіе ея, всѣ будутъ въ пользу соперниковъ Россіи. Для того, чтобы уничтожить вкоренившееся у Турокъ мнѣніе о честолюбивыхъ замыслахъ Россіи, чтобы убѣдить Порту въ справедливости русской политики, и въ тоже время дать ей возможность противопоставить внушительную силу ея врагамъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, нашу миссію въ Константинополѣ слѣдуетъ уполномочить предложить Портѣ матеріальную помощь среди трудностей ея положенія. Съ этою цѣлью, предложивъ ей отсрочку платежа военной контрибуціи до замиренія Египта, предложить ей нашъ флотъ и обѣщать еще болѣе дѣйствительную помощь, въ случаѣ, если коварная помощь иностранцевъ будетъ ей навязываема въ египетскихъ дѣлахъ. Въ вознагражденіе за это Порта должна признать нашъ положительный протекторатъ въ восточныхъ дѣлахъ и уступить морскую крѣпость у входа въ Босфоръ, которая непосредственно покровительствовала бы черноморской торговлѣ—самому дорогому интересу Россіи, возбуждающему зависть соперничествующихъ державъ.

Депеша Нессельрода барону Розену.

Положеніе дѣлъ на Востокѣ къ концу 1832 г. и участіе въ нихъ Россіи ясно выражены въ депешѣ, посланной, въ ноябрѣ 1832 года, вице-канцлеромъ главноуправлявшему въ Грузіи и командиру кавказскаго корпуса, барону Розену. Въ ней говорилось, что событія, вызванныя египетскимъ возстаніемъ, обращаютъ на себя самое серьёзное вниманіе императорскаго кабинета. Быстрые успѣхи арміи Мегмеда-Али подвинули

ее къ подножію Тавра и день ото дня все болѣе и болѣе угрожаютъ трону султана. Хаосъ, который произойдетъ въ Левантѣ отъ успѣховъ инсуррекціи, подвергнетъ спокойствіе этой страны слишкомъ серьёзной опасности, чтобы Россія оставалась равнодушнымъ зрителемъ подготовляющейся тамъ катастрофы. Императоръ Николай, вѣрный консервативнымъ принципамъ, составляющимъ основу Его политики, съ самаго начала возстанія вице-короля, не поколебался порицать его поведеніе. Еще въ іюлѣ 1832 года нашъ александрійскій консулъ былъ отозванъ. Послѣдующія побѣды арміи Мегмеда-Али и критическое положеніе султана, нисколько не измѣнили прежнихъ чувствъ и рѣшеній нашего Государя. Онъ оставался и останется врагомъ египетскаго возстанія и вѣрнымъ другомъ султана. Собственно для того, чтобы съ новою силою повторить вице-королю мнѣніе Государя, генералъ Муравьевъ и былъ посланъ [1]) въ Александрію. Русскій кабинетъ надѣялся, что такое серьёзное заявленіе намѣреній Государя благопріятно подѣйствуетъ на Мегмеда-Али. Но за этимъ не слѣдовало забывать, что одной нравственной поддержки Россіи, въ виду быстрыхъ успѣховъ египетской арміи, недостаточно для сохраненія султану трона, который враждебныя дѣйствія вице-короля угрожаютъ опрокинуть. Предвидя, что султану придется обратиться за нашею военною помощью, Императоръ приказалъ, „чтобы нашъ черноморскій флотъ былъ во всякое время готовъ къ отплытію въ Константинополь, въ случаѣ надобности", Далѣе, графъ Нессельродъ рекомендовалъ барону Розену о принятомъ Россіею рѣшеніи объявить сосѣднимъ турецкимъ пашамъ въ виду того, что подобное заявленіе, подѣйствуя благопріятно на ихъ умы, можетъ утвердить положеніе султана; вмѣстѣ съ этимъ предлагалось Розену употребить все свое нравственное вліяніе на то, чтобы паши остались вѣрными своему долгу— обстоятельство весьма важное при такомъ несчастномъ положеніи Порты.

Копія съ этой депеши была препровождена гр. Нессельродомъ нашему посланнику въ Константинополѣ, и Бутеневъ

[1]) Въ октябрѣ 1832 г.

сообщилъ ее Киселеву [1]) вмѣстѣ съ извѣстіемъ о разбитіи арміи султана при Коніи и объ открытіи затѣмъ переговоровъ между Портою и египетскимъ пашею.

Непосредственно отъ министерства Киселеву не было еще дано никакихъ предписаній о томъ, какое онъ долженъ принять участіе въ дальнѣйшихъ событіяхъ и какъ долженъ относиться къ сосѣднимъ турецкимъ пашамъ. Если Бутеневъ и послалъ ему копію съ вышеупомянутой депеши Нессельрода, то лишь для прочтенія, предоставляя ему дѣйствовать по его собственному усмотрѣнію.

Распоряженія Киселева.

Киселевъ, не дожидаясь приказаній изъ Петербурга, тотчасъ принялъ разныя мѣры предосторожности: распорядился объ усиленіи нѣкоторыхъ пунктовъ наблюдательной линіи, о приготовленіи войскъ къ походу во всякое время и о приведеніи Силистріи на военное положеніе; наконецъ, подъ предлогомъ устройства соляныхъ дѣлъ, онъ послалъ въ ближайшіе турецкіе города праваго берега Дуная испытанной вѣрности агентовъ, которые должны были ему служить посредниками въ будущихъ сношеніяхъ его съ пашами и передавать впечатлѣніе, какое будутъ производить на населеніе будущія пораженія Порты. Киселевъ надѣялся, что несмотря на длину оборонительной линіи, она въ первые моменты предохранитъ княжества, а въ случаѣ нужды, будетъ упорно обороняема. При частомъ же появленіи недисциплинированныхъ болгарскихъ бандъ и притомъ въ большомъ числѣ, онъ признавался, что не въ состояніи будетъ ихъ сдержать, тѣмъ болѣе, что часть нашихъ оккупаціонныхъ войскъ, совершенно излишняя въ прежнее время, по представленію Киселева, уже была возвращена въ Россію. Поэтому онъ считалъ необходимымъ усиленіе обсерваціоннагӧ корпуса на Дунаѣ.

Увѣдомивъ о своихъ распоряженіяхъ графа Нессельрода [2]) и Бутенева [3]), Павелъ Дмитріевичъ ожидалъ дальнѣйшихъ событій.

Графъ Нессельродъ 10-го января 1833 года писалъ Ки-

[1]) 16-го декабря 1832 г.
[2]) Письмо 28-го декабря 1832 г.
[3]) Депеша 5-го января 1833 г.

26*

селеву, что Государь вполнѣ одобрилъ всѣ его предварительныя распоряженія и что объ усиленіи нашего военнаго положенія уже отданы приказанія.

Въ началѣ января (1833 г.) событія приняли повидимому болѣе благопріятный оборотъ для Порты [1]). Ибрагимъ казалось остановилъ наступленіе своихъ войскъ и остался въ Коніи ожидать дальнѣйшихъ приказаній отъ отца. Порта отправила въ Александрію Халиль-пашу; надѣялись, что его переговоры съ Мегмедомъ-Али будутъ имѣть благопріятный исходъ и что спокойствіе въ Левантѣ возстановится именно благодаря спасительному толчку, данному Россіею, за которою послѣдовали главнѣйшіе европейскіе кабинеты, совѣтовавшіе вице-королю принять миролюбивыя рѣшенія.

Но вскорѣ оказалось, что усилія Порты остановить военныя дѣйствія въ Левантѣ были безуспѣшны. Несмотря на заявленія, сдѣланныя Ибрагиму нашимъ полковникомъ Дюгамелемъ и однимъ изъ французскихъ агентовъ (эти лица были посланы сообщить о начатыхъ съ вице-королемъ переговорахъ) о посылкѣ Халиль-паши и о порученіи данномъ генералу Муравьеву, Ибрагимъ оставилъ Конію и двинулся къ Акшеру, лежащему на большой дорогѣ въ Константинополь, а 19-го января онъ уже былъ въ Карагисарѣ [2]). Въ такомъ критическомъ положеніи Порта рѣшилась обратиться къ помощи нашего Императора.

Порта проситъ помощи Россіи.

Въ частной конференціи (21-го января), рейсъ-эфенди, выразивъ, отъ имени султана, необходимость присутствія нашей эскадры у Константинополя, заявилъ Бутеневу слѣдующія просьбы: „Во вниманіе къ искренней дружбѣ, которую Порта видѣла и испытала отъ Императора Николая I-го, она проситъ не только морской помощи, но и сухопутной. Въ виду прогрессивныхъ успѣховъ непріятеля, Порта проситъ посланника употребить всѣ мѣры, чтобы въ возможной скорости 25 или 30 тысячъ человѣкъ были направлены къ Оттоманской столицѣ, откуда они будутъ дѣйствовать сообразно обстоятель-

---

[1]) Депеша Бутенева Киселеву отъ 7-го января 1833 г.

[2]) Депеши Бутенева къ Киселеву, 21-го и 24-го января 1833 года.

ствамъ и тамъ, гдѣ укажетъ султанъ. Порта принимаетъ на себя довольствіе ихъ, размѣщеніе и передвиженіе. Эта сила должна прибыть со стороны Дуная. Поэтому посланника просятъ сдѣлать сношенія съ генераломъ Киселевымъ, или другими военными начальниками на границѣ.

За флотомъ Бутеневъ послалъ судно „Широкое" въ Севастополь. Что же касается до сухопутной помощи, то не имѣя инструкціи отъ министерства по этому предмету и даже не предвидя, что Порта обратится съ подобною просьбою, Бутеневъ на такую неожиданность отвѣчалъ рейсъ-эфенди въ этомъ смыслѣ. Но турецкій министръ, изобразивъ всю громадность опасности для столицы и полную надежду султана на великодушіе Императора Николая, настаивалъ на томъ, чтобы Бутеневъ сообщилъ о такой просьбѣ Киселеву, или другимъ начальникамъ, въ томъ предположеніи, что можетъ быть ими получены отъ Императорскаго Двора инструкціи на случай подобнаго заявленія Порты. При этомъ рейсъ-эфенди просилъ, чтобы войска были направлены по ближайшей дорогѣ, чрезъ Силистрію. Не подавая рейсъ-эфенди надежды, что его просьба будетъ исполнена непремѣнно, Бутеневъ сообщилъ Киселеву о настоящемъ случаѣ, предоставляя ему судить, насколько просьба султана имѣетъ отношеніе съ прямыми приказаніями, полученными изъ Петербурга Киселевымъ или другими начальниками. Киселевъ неимѣлъ на этотъ случай никакихъ положительныхъ инструкцій, за которыми и обратился къ графу Нессельроду [1]). Киселевъ очень сожалѣлъ, что Порта собралась отразить опасность только тогда, когда она сдѣлалась грозною и полагалъ, что при самомъ скоромъ полученіи приказанія идти на помощь, онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ въ состояніи явиться во-время и помѣшать взятію столицы. Поэтому, по его мнѣнію, слѣдовало позаботиться только о спасеніи султана, и удержаніи его на колеблющемся тронѣ, а также, чтобы онъ не былъ жертвою преступныхъ интригъ улемовъ и сераля. Въ этихъ видахъ и въ томъ предположеніи, что наша эскадра не поспѣетъ

[1]) Депеша Бутеневу 22-го февраля 1833 года.

во-время предупредить катастрофу, султану оставалось только отступленіе по направленію къ Шумлѣ, въ сопровожденіи небольшаго, испытанной вѣрности войска, дѣтей, муфтія и двора. Вмѣстѣ съ тѣмъ Киселевъ обращалъ серьёзное вниманіе Бутенева на то, чтобы онъ настоялъ у Порты о немедленномъ образованіи по дорогѣ отъ Силистріи черезъ Шумлу и Киркъ-Килиссе необходимыхъ этаповъ, для того, чтобы, тотчасъ за приказаніемъ Государя явиться на помощь, движеніе вспомогательной арміи совершилось бы безостановочно и по возможности поспѣшнѣе. Кромѣ того, Киселевъ полагалъ необходимымъ получить въ наше распоряженіе Шумлу, которая въ этотъ походъ служила бы намъ опорнымъ пунктомъ. Для того же, чтобы Порта съ меньшимъ подозрѣніемъ и недовѣріемъ отнеслась къ этому предложенію, выставить предлогомъ необходимость устройства въ Шумлѣ центральныхъ госпиталей.

Получивъ отъ Бутенева депеши, онъ въ тотъ же день [1]) отсылая ихъ въ Петербургъ, писалъ частныя письма гр. Нессельроду и гр. Чернышеву.

Письма Киселева Нессельроду и Чернышеву.

Въ письмахъ этихъ видѣнъ тотъ энтузіазмъ, съ которымъ Павелъ Дмитріевичъ принялъ извѣстіе о просьбѣ султана.

„Просимая султаномъ помощь, писалъ онъ Нессельроду, хотя и поздняя, будетъ имѣть огромныя для Россіи послѣдствія; но должно признаться, что къ исполненію ея представляются немалыя трудности. Надо однако ихъ побѣдить.... Я всю ночь работалъ надъ распоряженіями, отъ меня зависящими, для успѣха дѣла. Не знаю, будутъ ли одобрены мои дѣйствія, моя ревность и преданность дѣлу; но мое единственное честолюбіе—быть полезнымъ; мои друзья или мои враги сдѣлаютъ остальное“...

Въ письмѣ графу Чернышеву онъ говорилъ:

„Событія, о которыхъ я вамъ говорю въ сегодняшнемъ донесеніи (оффиціальномъ)—высшей важности. Дѣло идетъ о славѣ Государя и будущности Имперіи. Я не смѣю говорить ничего о рѣшеніи Государя Императора; но въ просьбѣ сул-

[1]) 2-го февраля 1833 г.

тана я вижу благоволеніе неба царствованію нашего Государя. Присутствіе нашихъ силъ на Босфорѣ будетъ имѣть огромныя послѣдствія для дѣлъ Европы, болѣе важныя, чѣмъ занятіе Анконы, прогулки въ Бельгію и пр."

Киселевъ назначается начальникомъ сухопутной экспедиціи на помощь султану.

Депеши и письма Киселева были получены въ Петербургѣ 12-го февраля и Нессельродъ въ тотъ же день писалъ ему между прочимъ: „Я успѣлъ узнать только главное, именно, что вы, а не кто другой, назначаетесь начальникомъ экспедиціи, назначенной для спасенія Оттоманской имперіи. Въ настоящую минуту это существенное; я буду спать спокойно, ибо я знаю, къ чему способна ваша ревность, ваша преданность великому и прекрасному дѣлу, тѣсно связанному и съ самыми дорогими интересами нашего отечества. Завтра я посылаю курьера въ Константинополь съ отвѣтомъ Портѣ. Вы получите депешу, въ которой будутъ изложены нѣкоторыя политическія разсужденія, необходимыя для соображенія въ столь важныхъ событіяхъ. Будемъ дѣйствовать скоро и мужественно, но не будемъ затруднять наше положеніе, возбуждая напрасно опасенія и зависть другихъ державъ"...

Политическія разсужденія, о которыхъ упоминалъ гр. Нессельродъ, заключались въ депешѣ его отъ 14 февраля 1833 года, въ которой онъ писалъ, что „Государь согласился на просьбу Порты о помощи войсками.... Чтобы исполнить это дѣло съ успѣхомъ и преодолѣть большую часть трудностей, весьма важно прежде всего отстранить всякій со стороны иностранныхъ державъ предлогъ открыто сопротивляться нашимъ матеріальнымъ дѣйствіямъ. Въ этихъ видахъ необходимо, чтобы нашъ поступокъ не показался въ глазахъ Европы имѣющимъ другую цѣль, кромѣ дѣйствительной. Эта цѣль, какъ вы знаете, защита Оттоманской Порты и сохраненіе власти султана. Эта единственная цѣль должна оправдать въ глазахъ европейскихъ кабинетовъ участіе наше въ дѣлахъ Турціи и вступленіе нашихъ войскъ на ея территорію".

Киселевъ долженъ былъ показывать это въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своихъ словахъ. „Всѣ ваши старанія должны быть направлены къ тому, чтобы показать, что наши дѣй-

ствія имѣютъ консервативную цѣль. Въ этомъ отношеніи весьма важно, чтобы ваши слова были услышаны находящимися въ княжествахъ австрійскими агентами; для насъ весьма важно благопріятное расположеніе вѣнскаго кабинета, чтобы парализировать желаніе морскихъ державъ. Для достиженія этого, намъ прежде всего важно довѣріе Австріи въ правотѣ нашихъ намѣреній".

Графъ Чернышевъ тогда же увѣдомилъ Киселева, что Государь согласился на просьбу султана, послать ему вспомогательный корпусъ, начальство надъ которымъ ввѣряетъ Павлу Дмитріевичу, и ассигновалъ на предварительныя издержки 40 т. червонцевъ.

Объ этомъ назначеніи Орловъ мѣсяцъ спустя писалъ [1]) Киселеву: „Ты примешь блистательное участіе въ восточныхъ дѣлахъ; прежде всего скажу тебѣ, что назначеніе твое было дѣломъ самого Государя, и изъ уваженія, которое Онъ къ тебѣ питаетъ; твои депеши и письма были получены, когда Государемъ было уже все рѣшено. Всѣ стоящіе въ главѣ дѣлъ, отдаютъ тебѣ справедливость и поздравляютъ себя съ выборомъ Государя [2]). Твои предвидѣнія на счетъ этого несчастнаго дѣла оправдались. Я всегда былъ твоего мнѣнія, и если есть о чемъ жалѣть, то только о томъ, что начали слишкомъ поздно, ибо несмотря на твои приготовленія, можно все таки опоздать. Между нами сказать, я былъ того мнѣнія, чтобы тебѣ было приказано перейти сейчасъ Дунай; тогда нравственный эффектъ былъ бы огромный и миръ былъ бы тотчасъ заключенъ на условіяхъ самыхъ выгодныхъ. Но я встрѣтилъ сильное сопротивленіе; остается ожидать извѣстій отъ Бутенева".

---

[1]) 15-го марта 1833 г.

[2]) Н. Н. Муравьевъ въ своихъ запискахъ (Русскіе на Босфорѣ. Москва. 1869. стр. 189), говоритъ между прочимъ: „Мнѣ извѣстно, что онъ (П. Д. Киселевъ) просилъ назначенія (начальствовать надъ предполагавшеюся экспедиціею) чрезъ графа Нессельрода, обѣщая приложить все свое усердіе къ успѣху". Приведенныя выше письма гр. Нессельрода и Орлова ясно доказываютъ, что показаніе Н. Н. Муравьева неточно. Киселевъ могъ желать и дѣйствительно желалъ начальствовать надъ экспедиціею; но никогда объ этомъ не просилъ, и это было не въ его характерѣ.

Въ отвѣтъ на это Павелъ Дмитріевичъ писалъ [1]) Орлову, между прочимъ, слѣдующее: „Единственная моя заслуга состоитъ въ томъ, что я держался упорно мнѣнія, постоянно отвергаемаго въ теченіе года; я дѣло видѣлъ ближе, изучалъ его внимательно, и потому чувствовалъ огромность опасности и видѣлъ ложный путь, которому мы слѣдовали. Но о прошедшемъ ни слова болѣе. Энергическая рѣшимость Государя достойна Его и имперіи; но чтобы эта рѣшимость принесла пользу, надо быть увѣрену, что миръ между султаномъ и пашою египетскимъ будетъ только короткимъ перемиріемъ, котораго разрывъ поведетъ за собою полное разрушеніе Оттоманской Порты; морскія державы и въ особенности Франція воспользуются этимъ; возбудятъ компликаціи, которыя будутъ касаться живѣйшихъ интересовъ нашихъ; слѣдовательно, надо наблюдать за дѣлами востока внимательно,—не спѣшить, не заключать ничего окончательно, сохранять внушительное положеніе на Дунаѣ и на берегахъ Чернаго моря, дать нѣкоторую отсрочку въ уплатѣ военной контрибуціи"...

Приготовленіе Киселева къ походу.

Киселевъ, сообщая о своемъ назначеніи Бутеневу, писалъ ему [1]), между прочимъ, о томъ, что онъ считаетъ необходимымъ, какъ на случай движенія Ибрагима къ столицѣ,—что заставитъ наши войска явиться на помощь Султану,—такъ и въ случаѣ прекращенія Ибрагимомъ военныхъ дѣйствій. Въ томъ и другомъ случаѣ необходимо, по возможности, утвердить наше положеніе, впредь до окончательнаго водворенія спокойствія на Востокѣ.

Несмотря на препятствія, которыя могли бы произойти отъ дурной погоды и разлитія рѣкъ, Киселевъ надѣялся, что стягиваніе большей части войскъ окончится къ послѣднимъ числамъ ближайшаго мѣсяца (марта) и что съ того момента онъ будетъ вполнѣ готовъ совершить общее движеніе къ Константинополю, какъ только обстоятельства того потребуютъ. Предполагая это движеніе, Киселевъ вторично просилъ Бутенева настоять у Порты, чтобы она приняла мѣры къ устройству продовольственныхъ этаповъ и со-

---

[1]) 2-го апрѣля 1833 г., изъ Яссъ.

[2]) 21-го февраля 1833 г.

общить ему, на сколько можно быть увѣреннымъ въ аккуратности Порты на этотъ счетъ, а также о степени вѣроятности и самаго движенія. Другое обстоятельство, на которое онъ обращалъ вниманіе Бутенева и о которомъ писалъ Павлу Дмитріевичу военный министръ Чернышевъ, это—занятіе Рущука и Шумлы какъ опорныхъ пунктовъ. Киселевъ не сомнѣвался, что подобное требованіе возбудитъ недовѣріе и встрѣтитъ затрудненія. Поэтому, въ случаѣ крайности, онъ просилъ, подъ предлогомъ необходимости имѣть въ Шумлѣ госпиталь, ограничиться требованіемъ отдачи только этой крѣпости въ распоряженіе его, что впослѣдствіи дало бы намъ возможность утвердиться въ ней, насколько того требуетъ центральная позиція.

Колебанія Порты.

Между тѣмъ начались колебанія въ мнѣніяхъ Порты и главное подъ вліяніемъ французскаго посла адмирала Руссена. Полное отчаяніе въ положеніи ея смѣнялось надеждами уладить дѣло съ Мегмедомъ-Али безъ посторонней помощи, опасной, по ея мнѣнію, для нея самой. Не прошло и трехъ недѣль со дня конференціи съ Бутеневымъ, какъ рейсъ-эфенди отъ имени Порты, 5-го февраля, сообщилъ Бутеневу [1]), что хотя султанъ и не надѣется возстановить полное спокойствіе въ короткое время и что поэтому не отказывается отъ русской помощи, но при настоящихъ обстоятельствахъ признаетъ за лучшее принять слѣдующія мѣры: чтобы нашъ флотъ, за присылкою котораго Порта уже обращалась, не снимался съ якоря, но былъ бы готовъ по первому требованію быстро явиться; сухопутную помощь поставить въ тѣже условія, какъ и флотъ, чтобы ею можно было располагать во всякое время и чтобы она явилась одновременно съ морскою, для произведенія бо́льшаго впечатлѣнія. Поэтому Порта просила, чтобы наши сухопутныя войска приблизились къ Дунаю и тамъ остановились, ожидая отъ Бутенева приказанія двинуться, которому Порта сообщитъ объ этомъ когда будетъ нужно.

Русскій флотъ въ Константинополѣ.

Сухопутныя войска еще не переходили Дуная, и потому остановить ихъ было не трудно; но флотъ уже вышелъ въ

[1]) Меморія при депешѣ Бутенева Киселеву 7-го февраля 1833 года.

море, остановить его было нельзя; и дѣйствительно, на другой день русскіе военные корабли показались въ Босфорѣ.

Съ другой стороны, египетскій вопросъ сталъ еще запутаннѣе: Мегмедъ-Али, разсчитывая на соперничество великихъ державъ, игравшее уже издавна большую роль въ дѣлахъ Востока, и поддерживаемый интригами французскаго посла, не выказывалъ рѣшительной склонности къ миру, и увеличивалъ свои требованія земельныхъ уступокъ; недовольный Сиріею, онъ требовалъ еще Аданы. Киселевъ думалъ, что при такомъ положеніи дѣлъ, помощь его корпуса неизбѣжна для султана, и потому писалъ нѣсколько разъ Бутеневу, чтобы онъ настоялъ у Порты о немедленной присылкѣ турецкаго коммисара въ Силистрію и объ устройствѣ по дорогѣ къ Константинополю этаповъ, безъ которыхъ войска его не могутъ двигаться и не успѣютъ во-время прибыть на помощь столицѣ, если египтяне двинутся къ ней. Турки, по ихъ обыкновенію, обѣщали и ничего не дѣлали, а 15-го марта Бутеневъ получилъ оффиціальную просьбу Порты, не только не двигать наши сухопутныя войска, а еще напротивъ возвратить ихъ на прежнія квартиры, такъ какъ она надѣется сама уладить съ вице-королемъ, и что для поддержанія власти султана, если это понадобится, достаточно будетъ одного дессанта русскихъ войскъ. Причину такого оборота дѣла рейсъ-эфенди объяснялъ Бутеневу тѣмъ, что Порта рѣшилась уступить Мегмедъ-Али Адану.

Дессантъ русскихъ войскъ въ Константинополѣ.

Въ началѣ марта[1]) Государь, принимая во вниманіе критическое положеніе султана, слабость дивана, происки Франціи и угрожающее положеніе войскъ вице-короля, принялъ болѣе рѣшительную мѣру, и не дожидаясь новаго требованія Порты, приказалъ 5 тыс. дессанта уже готоваго въ Одессѣ, тотчасъ же отправить въ Константинополь, а вслѣдъ за ними остальныя 5 тыс. Первыя высадныя войска явились въ Босфорѣ 23-го марта.

Въ Константинополѣ въ это время находились три наши начальствующія лица: посланникъ Бутеневъ, начальникъ сухопутнаго дессанта генералъ Муравьевъ и начальникъ эскадры,

[1]) 8-го марта 1833 г.

вице-адмиралъ Лазаревъ. Лица эти не были подчинены другъ другу. Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ независимо, и ни на комъ изъ нихъ не лежало главной отвѣтственности. Это обстоятельство указывало на необходимость сосредоточенія власти въ одномъ лицѣ; въ Петербургѣ съ часу на часъ ожидали, что Киселевъ перейдетъ Дунай и направится къ Константинополю; между тѣмъ онъ, совсѣмъ готовый, не двигался, потому что Порта не требовала его, и это стали приписывать нерѣшительности и слабости настояній нашихъ агентовъ въ Константинополѣ.

Графъ Орловъ назначается посломъ въ Турцію.

7-го апрѣля 1833 года Орловъ писалъ Киселеву изъ Петербурга: „Государь, желая соединить въ однѣхъ рукахъ власть въ Константинополѣ, отстранить всякое столкновеніе между находящимися тамъ нашими властями, придать болѣе силы въ ходѣ тамошнихъ дипломатическихъ дѣлъ, назначилъ меня чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь... Мнѣ извѣстны самыя секретныя мысли Государя; я присутствовалъ при всѣхъ совѣщаніяхъ; министерство не скрывало отъ меня ничего изъ его съ иностранными кабинетами сношеній по этому великому дѣлу... Отчасти моимъ назначеніемъ я обязанъ тебѣ; много имѣлось въ виду кандидатовъ,— но всѣ они старше тебя, а Государь считалъ несправедливымъ, послѣ всѣхъ твоихъ трудовъ, послѣ блестящей твоей дѣятельности, подчинить тебя кому-либо. Онъ болѣе, нежели кто-либо, знаетъ наши съ тобою отношенія; — Ему извѣстно болѣе, чѣмъ кому-либо уваженіе, которое я питаю къ военной іерархіи, — и потому Онъ предполагалъ, что мое назначеніе нисколько не разстроитъ нашихъ съ тобою отношеній...

„Вотъ, любезный другъ, суть дѣла; за остальное я не безпокоюсь нисколько; оставляю всякое самолюбіе въ сторонѣ; спокойный въ моей совѣсти и зная твои таланты и твое сердце, я не сомнѣваюсь ни на минуту, что мы, если уже не поздо, окажемъ услугу Государю и нашему отечеству.

„Я думаю, что ты уже на походѣ, ибо я не могу себѣ представить, почему наши константинопольскіе господа такъ долго медлятъ призвать тебя; непонятно, почему они доселѣ

не дали почувствовать Портѣ необходимость твоего присутствія по ту сторону Балкановъ, ибо независимо отъ моральной поддержки, которую придалъ бы твой походъ переговорамъ о мирѣ, ты направился бы, смотря по обстоятельствамъ, или на Константинополь, или на Дарданеллы, важный и наиболѣе угрожаемый пунктъ. Какъ эти господа не могутъ понять, что высаженныя войска—только гарнизонъ Константинополя, и что только твой корпусъ по своей организаціи долженъ рѣшить событія".

Нессельродъ, пересылая Киселеву это письмо, съ своей стороны объяснялъ другую сторону дѣла, именно, что положеніе, которое приняла въ дѣлахъ Востока Франція, къ несчастію, поддерживаемая Англіею, можетъ причинить весьма важныя усложненія, съ которыми намъ надобно бороться.

„Государь чувствовалъ необходимость послать въ Константинополь человѣка, снабженнаго полною Его довѣренностію и который, зная всѣ Его намѣренія, могъ бы на мѣстѣ принять рѣшенія, которыхъ потребовала бы настоятельность обстоятельствъ. Я думаю, что вы будете довольны этимъ назначеніемъ, ибо я знаю всю дружбу вашу съ Орловымъ; Орестъ и Пиладъ вмѣстѣ могутъ дѣлать только добрыя дѣла... Ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Бутенева. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы Порта потребовала помощи вашего корпуса, ибо я имѣю предчувствіе, что вамъ будетъ принадлежать честь и слава окончить это великое дѣло"...

Неожиданный оборотъ дѣлъ въ Турціи.

При дальности разстояній и недостаткахъ тогдашнихъ способовъ сообщенія, свѣдѣнія изъ Константинополя въ Петербургъ и обратно доходили медленно. По пріѣздѣ въ Константинополь [1]), Орловъ узналъ, что дѣла приняли оборотъ вовсе не такой, какой предполагали въ Петербургѣ: султанъ заключилъ миръ съ египетскимъ пашею, уступивъ ему не только Сирію, но и Адану. О движеніи Киселева за Дунай уже не могло быть и рѣчи. Одна мысль о томъ наводила ужасъ на Порту.

„Я совершенно твоего мнѣнія, писалъ Орловъ Киселеву

[1]) 23-го апрѣля 1833 г.

изъ Буюкъ-Дере 29-го апрѣля, что присутствіе твоего корпуса здѣсь было бы полезно;—въ Петербургѣ я былъ того мнѣнія, чтобы не посылать высаднаго войска прежде, чѣмъ двинется твой корпусъ; но Государь и Нессельродъ и слышать объ этомъ не хотѣли въ виду общихъ политическихъ соображеній; теперь это поздо, и даже было бы вредно, ибо общая война будетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ. Я пріѣхалъ сюда, когда, несмотря на настоянія Бутенева, Адана уже была уступлена; настояніе Бутенева у рейсъ-эфенди объ устройствѣ этаповъ и о приказаніи тебѣ двинуться ускорило уступку Аданы и такъ устрашило диванъ, что онъ готовъ былъ скорѣе все уступить, чѣмъ допустить занятіе земли (войсками Киселева). Я видѣлъ султана и сказалъ ему рѣшительно всю правду,—но онъ мнѣ отвѣтилъ, что дѣло кончено и даже подписано и что перемѣнить нельзя. Зная мысли Государя, я предложилъ воспротивиться открыто уступкѣ; султанъ отвѣтилъ, *„что онъ у себя дома и имѣетъ право, если захочетъ, уступить половину имперіи“*.

Несбывшіяся надежды Киселева. Имѣль-ли онъ способности военачальника?

Ожиданія Киселевымъ похода за Дунай—похода, котораго онъ такъ желалъ, кончились; надежда на блестящіе военные подвиги, на дѣятельное, быть можетъ, рѣшающее участіе въ великомъ восточномъ вопросѣ, для него исчезла.

Всѣ его труды, всѣ заботы по приготовленію къ походу были для него потеряны; и это въ немъ, не чуждомъ славолюбія, не могло не отозваться прискорбнымъ чувствомъ и даже подѣйствовало на его здоровье, для поправленія котораго онъ въ концѣ августа отправился въ горную часть Валахіи.

Замѣчательно, что всякій разъ, когда онъ искалъ случая дѣйствовать на военномъ поприщѣ самостоятельно, обстоятельства слагались такъ, что ему это не удавалось. Когда онъ изъ начальниковъ штаба 2-й арміи просился въ дивизіонные начальники — Императоръ Александръ на это не согласился; желаніе его принять участіе подъ начальствомъ Дибича въ Персидской войнѣ, въ 1827 году, не осуществилось потому, что Дибичъ не остался за Кавказомъ; побѣду надъ пашою Скодрскимъ, въ которой онъ былъ такъ увѣренъ, похитилъ у

него Адріанопольскій миръ; желаніе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ не состоялось за смертію Дибича.

Между тѣмъ дѣйствія Киселева при переходѣ чрезъ Дунай въ 1828 г. и предпринятое имъ фланговое движеніе за пашею Скодрскимъ въ 1829 г. служатъ доказательствомъ, что способности военачальника не были ему чужды, а личную храбрость онъ выказывалъ вездѣ, гдѣ ему приходилось дѣйствовать подъ огнемъ непріятеля. Наконецъ, лучшій судья въ настоящемъ дѣлѣ, Дибичъ, какъ видно изъ приведеннаго нами выше письма его отъ 18-го октября 1829 года, имѣлъ полнѣйшее довѣріе къ военнымъ способностямъ Киселева.

Мысли Киселева о положеніи нашемъ на Дунаѣ.

Хотя спокойствіе въ Оттоманской имперіи было возстановлено, и правительство ея, повинуясь волѣ султана, выказывало полную преданность Россіи, но тѣмъ неменѣе, Павелъ Дмитріевичъ, нисколько не увѣренный въ искренности султана, не оставлялъ мысли о необходимости для насъ сохранить за нами прочное положеніе на Дунаѣ. „Ты говоришь, писалъ онъ Орлову [1]), что сомнѣваешься въ дружбѣ турецкихъ министровъ, а я увѣренъ, что они насъ ненавидятъ; не надо разсчитывать и на дружбу султана, который, при первомъ поворотѣ вѣтра, перемѣнится въ чувствахъ своихъ къ намъ. То, что ты говоришь о княжествахъ, недостаточно; надо разсѣчь узелъ, отсрочить уплату контрибуціи, оставить за нами провинціи (княжества) въ теченіе десяти лѣтъ. Я думаю такъ потому, что считаю Дунай границею Имперіи, — и несмотря на Нессельрода и всѣхъ вашихъ петербургскихъ политиковъ, сила вещей возьметъ верхъ надъ системою, и мы будемъ тамъ, гдѣ намъ должно быть. Продолжая окупацію, мы пріучимъ умы насъ видѣть и присоединеніе сдѣлается удобнѣе. Оставить добровольно выгодное положеніе, въ которомъ мы находимся, будетъ глупостію, которую вы, я увѣренъ, не потерпите“.

Орловъ отвѣчалъ [2]), что въ его инструкціяхъ ничего нѣтъ относительно Молдавіи и Валахіи; что по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ будетъ стараться дѣйствовать въ духѣ Киселева,

¹) 8-го іюня 1833 г.
²) 19-го іюня 1833 г. изъ Буюкъ-Дере.

не сомнѣвается въ успѣхѣ, въ виду нашего тѣснаго союза съ Австріею...

Торжество нашей политики въ Константинополѣ.

Наша политика въ Константинополѣ торжествовала: султанъ былъ, или по крайней мѣрѣ казался преданнымъ отъ всей души Россіи; министры должны были склониться предъ его волею; англійскій посланникъ, лордъ Понсоби, послѣ перваго объясненія съ Орловымъ, намъ не противодѣйствовалъ; французскій—Руссенъ, выказывалъ любезности, хотя и не переставалъ интриговать тайно; всѣ тучи исчезли [1].

Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Константинополя, Орловъ писалъ [2] Павлу Дмитріевичу: „Дѣла приняли благопріятный оборотъ и наше вліяніе огромно. Съ Турками я слѣдовалъ системѣ: ласкать одною рукою и показывать кулакъ другою,—и это, къ счастію, мнѣ удалось. Министерство склонилось предъ волею султана и вчера подписанъ оборонительный трактатъ [3]), такъ какъ мнѣ было приказано изъ Петербурга; мнѣ пришлось побѣдить глупость Турокъ и въ особенности интриги иностранцевъ, и замѣчательно, что старый сераскиръ подписалъ первый; дѣло весьма секретное; оно сдѣлается извѣстнымъ послѣ ратификаціи Государемъ. Войска уже посажены на суда и если будетъ продолжаться южный вѣтеръ, то флотъ выйдетъ изъ Босфора, унося съ собою сожалѣніе друзей и, по своей дисциплинѣ, удивленіе непріятелей“.

Свиданіе Киселева съ Орловымъ въ Одессѣ.

Получивъ предварительно дозволеніе видѣться съ Орловымъ при проѣздѣ его чрезъ Одессу, Павелъ Дмитріевичъ пріѣхалъ туда 9-го іюля и засталъ Орлова уже въ карантинѣ, гдѣ онъ и видѣлся съ нимъ каждый день до его отъѣзда (18-го іюля).

Существеннымъ вопросомъ для Киселева было упроченіе нашего вліянія на дѣла Востока и сохраненіе съ этою цѣлію нашего положенія на Дунаѣ; это было его *delenda Cartago*.

---

[1]) Письмо Орлова изъ Буюкъ-Дере отъ 25-го мая 1833 г.

[2]) 27-го іюня 1833 г. изъ Буюкъ-Дере.

[3]) Это такъ-называемый иностранцами Ункіяръ-Скелесскій трактатъ, по имени султанской долины, близъ коей стоялъ русскій лагерь. По этому трактату, заключавшему въ себѣ всего 6 статей, Россія, въ случаѣ надобности, обязывалась снабдить султана сухопутными и морскими силами. Отдѣльною секретною статьею Порта обязывалась воспретить входъ въ Дарданеллы всякому иностранному военному судну.

Онъ писалъ постоянно объ этомъ Нессельроду; это же составляло главный предметъ объясненій его съ Орловымъ въ Одессѣ [1]). Онъ думалъ, что тогдашнія обстоятельства благопріятствовали тому, и что ими необходимо воспользоваться, такъ какъ впредь уже это будетъ сдѣлать невозможно. Послѣдствія показали, что Киселевъ не ошибался: начиная съ конца 1840 годовъ, когда мы въ угоду Англіи сами отступились отъ своего созданія — Ункіяръ-Скелесскаго трактата, вліяніе наше въ Турціи слабѣло болѣе и болѣе.

Павелъ Дмитріевичъ настаивалъ на продолженіи оккупаціи княжествъ.

Просьба Киселева объ увольненіи его отъ управленія княжествами.

Въ отвѣтѣ Нессельрода или его канцеляріи (какъ писалъ Киселевъ Орлову) высказывалась мысль, что Киселевъ желаетъ продолженія занятія княжествъ изъ личныхъ видовъ. Павелъ Дмитріевичъ вслѣдствіе этого писалъ Нессельроду, чтобы онъ испросилъ ему у Государя увольненіе отъ управленія княжествами [2]). Увѣдомляя объ этомъ Орлова, онъ оканчивалъ свое письмо [3]) такъ: „Существенное для меня сохранить доброе мнѣніе и уваженіе честныхъ людей, а все остальное ничтожно, особенно въ возрастѣ, до котораго я достигъ“. Графъ Нессельродъ долго не отвѣчалъ; наконецъ, въ концѣ ноября (21 ч.) писалъ Киселеву, что „Государь принялъ его просьбу благосклонно и съ желаніемъ ее удовлетворить; если она доселѣ не исполнена, то это по трудности найти человѣка, способнаго замѣнить васъ въ командованіи войсками на Дунаѣ; объ этомъ Государь совѣщается съ Чернышевымъ. Я съ своей стороны, вмѣстѣ съ нашимъ другомъ, Орловымъ, буду стараться, чтобы просьба ваша была удовлетворена скорѣе; ибо я понимаю ваше нетерпѣніе подышать другимъ воздухомъ.... Я читалъ присланную вами Орлову записку о дѣлахъ княжествъ и счелъ долгомъ представить ее Государю, тѣмъ болѣе, что вашъ взглядъ на дѣла не согласенъ съ моимъ. Во всѣхъ вопросахъ, по которымъ я долженъ вести перего-

[1]) Записка Киселева о томъ, что онъ говорилъ Орлову въ Одессѣ, 13-го іюля 1833 г.

[2]) 27-го іюля 1833 г. изъ Бухареста

[3]) Тогда же.

воры, я стараюсь, прежде всего, чтобы Государь могъ высказаться съ полнымъ знаніемъ дѣла, взвѣсивши *за* и *противъ*, прежде, чѣмъ рѣшить. Въ особенности я люблю такъ поступать въ дѣлахъ, идущихъ отъ васъ, потому что я всегда умѣю цѣнить ваши мнѣнія".

Турецкій посолъ Ахметъ-паша въ Петербургѣ;— конвенція 22 ноября 1833 года.

Во время пребыванія Орлова въ Константинополѣ о княжествахъ не было и рѣчи; а между тѣмъ самые важные вопросы требовали рѣшенія, именно утвержденіе Портою регламентовъ и назначеніе господарей; вопросы эти находились въ связи съ условіями уплаты Портою военной контрибуціи. Для окончательнаго соглашенія по этимъ дѣламъ и для изъявленія Государю благодарности султана за оказанную помощь, султанъ отправилъ въ Петербургъ чрезвычайнымъ посломъ своего любимца и совѣтника, командира гвардіи Ахмедъ-пашу. Онъ прибылъ въ Петербургъ 22-го ноября 1833 года; съ нимъ была заключена конвенція [1]), сущность которой состояла въ слѣдующемъ: Порта обязалась утвердить регламенты и обнародовать по этому случаю гати-шерифъ; вмѣстѣ съ этимъ должно было послѣдовать водвореніе господарей и очищеніе княжествъ русскими войсками. Разсчитывая время, потребное на ратификацію, послѣ которой обнародованіе гати-шерифа должно послѣдовать чрезъ 2 мѣсяца, выступленіе войскъ могло начаться только въ концѣ апрѣля.

Избраніе господарей предоставлялось Портѣ изъ списка кандидатовъ, предлагаемыхъ Россіею.

По 4-му пункту С.-Петербургской конвенціи 1830 года, войска наши должны были очистить княжества по уплатѣ остальной половины коммерческой контрибуціи; эта обязанность была исполнена Портою въ апрѣлѣ 1831 года; но продолженіе военной оккупаціи достаточно оправдывалось замедленіемъ уплаты Портою военной контрибуціи [2]). Этой послѣдней оставалось еще за Портою 6 м. червонцевъ. Въ виду трудностей для оттоманскаго казначейства, Государь согласился сбавить два милліона, съ тѣмъ, чтобы остальные

---

[1]) 17-го января 1834 г.

[2]) Депеша графа Нессельрода 26-го января 1834 г.

четыре милліона были выплачены въ теченіе 8 лѣтъ, начиная съ 1-го мая 1834 года по 500 т. ежегодно.

Письма гр. Орлова и Нессельрода о конвенціи 23 ноября 1833 года.

Чрезъ нѣсколько дней по заключеніи этой конвенціи, графъ Орловъ писалъ [1]) Киселеву: „Наши дѣла съ Турціею, любезный другъ, кончены; я убѣжденъ, что въ виду общаго нашего политическаго положенія, мы не могли и не должны дѣйствовать иначе; я на письмѣ не буду входить ни въ какія разсужденія о политикѣ, которыя, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, безполезны и даже предосудительны. Государь самъ занимался этимъ дѣломъ; ни одно обстоятельство переговоровъ не ускользало отъ него и оканчивалось по его рѣшенію... Государь, для пользы службы, не согласился на твой сюда скорый пріѣздъ; существенныя исполнительныя мѣры ввѣрены тебѣ. Сверхъ того, паша на возвратномъ пути поѣдетъ чрезъ княжества; онъ уѣзжаетъ на будущей недѣлѣ; когда онъ оставитъ тебя, то Государь не откажетъ въ твоемъ пріѣздѣ сюда. Тогда я буду имѣть удовольствіе тебя обнять; тогда мы поговоримъ о многомъ; ты будешь нападать на меня по многимъ предметамъ, а я буду защищаться въ надеждѣ и даже съ увѣренностью тебя убѣдить. Тебя ожидаетъ здѣсь блестящій пріемъ, достойный твоихъ заслугъ; ибо, когда Государь говоритъ о тебѣ, что случается часто, то онъ выражаетъ удовольствіе и отдаетъ тебѣ полную справедливость. Теперь нѣсколько словъ о будущихъ твоихъ гостяхъ: Ахметъ-паша добрый малый—въ турецкомъ смыслѣ: мало способностей и еще менѣе прозорливости; онъ оказалъ намъ и еще окажетъ дѣйствительныя услуги въ Константинополѣ, но не самъ собою, а при посредствѣ тѣхъ, которые умѣютъ его направлять; его конекъ—назначеніе господарей по вкусу его партіи. Ты знаешь столько же, какъ и я, подробности о его борьбѣ съ Вогориди и К°; когда твой листъ придетъ въ Константинополь, будетъ генеральное сраженіе между фаворитомъ и довѣренными султана. Fac-totum Ахметъ паши есть драгоманъ логофетъ Аристархъ, который находится при немъ. Это человѣкъ вполнѣ нашъ; онъ довольно искусенъ въ интригахъ, но мало знакомъ съ дѣлами:

[1]) 26-го января 1834 г.

я имъ пользовался въ Константинополѣ; онъ—какъ всѣ Греки-Фанаріоты; онъ просилъ меня рекомендовать его тебѣ; его конекъ—быть назначеннымъ повѣреннымъ будущаго господаря въ Константинополѣ; я обѣщалъ ему написать объ немъ тебѣ; но это ни къ чему тебя не обязываетъ".

Нессельродъ съ своей стороны въ тотъ же день писалъ Павлу Дмитріевичу: „Нашъ политическій горизонтъ болѣе и болѣе разъясняется. Кризисъ, возбужденный нелѣпостью и безразсудною ненавистью лорда Пальмерстона, прошелъ. Дѣло не дойдетъ до пушекъ; мы отдѣлались бумагомараніемъ; я не жалѣю объ этомъ, ибо честь этой дипломатической войны, конечно, не осталась за нашими противниками. Пусть Порта живетъ, сколько можетъ.... Мы знаемъ навѣрное, что Франція и Англія не перестаютъ совѣтовать миръ и умѣренность Мегмеду-Али; больше намъ ничего не нужно".

Назначеніе господарей въ Молдавію и Валахію.

Мысль объ избраніи господарей экстраординарными собраніями, согласно съ регламентами, была оставлена изъ опасенія дать новую пищу интригамъ бояровъ, интригамъ, которыя могли нарушить спокойствіе въ княжествахъ. Было условлено, какъ выше сказано, предоставить султану избрать господарей изъ кандидатовъ, одобряемыхъ Россіею. Списокъ такихъ кандидатовъ поручено было Киселеву передать Ахметъ-пашѣ при проѣздѣ его чрезъ княжества, что̀ и было исполнено 25-го февраля въ Яссахъ. Въ апрѣлѣ Ахметъ-паша увѣдомилъ Павла Дмитріевича объ избраніи Портою вестіара Михаила Стурдзы господаремъ молдавскимъ, а спатара Гики—валахскимъ [1]).

Отъѣздъ Киселева въ Яссы и возвращеніе его въ Россію.

8-го января 1834 года Павелъ Дмитріевичъ простился съ валахскими властями въ Бухарестѣ и на другой день уѣхалъ въ Яссы, гдѣ и оставался три мѣсяца, занимаясь все это время отчетами и окончательными распоряженіями предъ оставленіемъ княжествъ.

Поль Лакруа, въ своей исторіи жизни и царствованія Императора Николая I-го [2]), о пребываніи Киселева въ Яссахъ и отъѣздѣ въ Россію пишетъ слѣдующее:

---

[1]) Депеша Киселева Нессельроду 25-го февраля и 16-го апрѣля 1834 г.

[2]) Histoire de la vie et du règne de Nicolas I-er Empereur de Russie, par Paul Lacroix. Paris. T. VI, 1871, p. 369. Лакруа заимствовалъ свой разсказъ

„Онъ потребовалъ отъ всѣхъ управленій подробные отчеты и проекты самыхъ необходимыхъ законовъ, которые должны быть разсмотрѣны еще при немъ въ диванахъ Молдавіи и Валахіи; онъ желалъ, чтобы ему было указано на нужды края, которыхъ онъ не имѣлъ еще времени удовлетворить, и на тѣ услуги, которыя еще можетъ оказать русское правительство княжествамъ. Онъ желалъ дать самому себѣ отчетъ о всѣхъ публичныхъ кассахъ, о суммахъ, которыя оставались въ каждой; онъ самъ пересмотрѣлъ и вывелъ балансъ приходовъ и расходовъ казначейства во время его управленія и приказалъ ускорить внесеніе недоимокъ, чтобы погасить публичный долгъ. Собранные такимъ образомъ документы и много другихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, доставили ему массу матеріаловъ для подробнаго отчета о дѣйствіяхъ его управленія въ княжествахъ. Отчетъ этотъ былъ посланъ Государю, который получилъ его за нѣсколько дней до пріѣзда Павла Дмитріевича въ Петербургъ.

„Наканунѣ отъѣзда Киселева изъ Яссъ пригласили его въ театръ на аллегорическое представленіе.

„11-го апрѣля 1834 года Киселевъ оставилъ Яссы. Все населеніе города, съ духовенствомъ и дворянствомъ во главѣ, провожало его до границы, чтобы торжественно выразить ему сожалѣніе о разлукѣ съ нимъ. Съ приближеніемъ къ берегу Прута, во всей этой шумной толпѣ настало вдругъ молчаніе; слезы текли у всѣхъ изъ глазъ. Киселевъ самъ проникся душевнымъ волненіемъ, царствовавшимъ вокругъ него; каждый хотѣлъ видѣть его и сказать ему послѣднее прости. „Нашъ добрый геній насъ оставляетъ и уноситъ съ собою счастье, которымъ онъ надѣлилъ княжества. Имя Киселева будетъ жить всегда въ сердцахъ Румыновъ"¹.

Выраженіе Киселеву признательности Валахіи.

Прежде, чѣмъ послѣдуемъ за Павломъ Дмитріевичемъ въ отечество, мы должны упомянуть о выраженіи признательности ему Валахскаго княжества.

Когда было кончено, въ маѣ 1831 года, разсмотрѣніе въ

объ отъѣздѣ Киселева изъ Яссъ изъ брошюры: Paul Kisseleff et les principautés de Valachie et de Moldavie, par un habitant de Valachie. Paris. 1841.

валахскомъ чрезвычайномъ собраніи проекта регламента, — собраніе это единогласно положило поднести Киселеву актъ о предоставленіи ему правъ гражданства Валахіи (indigénat), какъ свидѣтельство признательности страны за исполненіе имъ благодѣтельныхъ видовъ Императора. Актъ этотъ былъ представленъ Киселеву епископомъ Бузеоскимъ и начальникомъ милиціи, Гикою. Киселевъ отвѣчалъ: какъ ни высоко онъ цѣнитъ этотъ знакъ уваженія и любви къ нему Валаховъ, но принятіе его онъ считаетъ обязанностію отложить до того времени, когда чувства, его породившія, не могутъ казаться подозрительными и подать поводъ къ злословію и ложнымъ толкованіямъ.

Одиннадцать лѣтъ спустя, именно 1-го марта 1842 года, въ обыкновенномъ валахскомъ собраніи было возобновлено прежнее постановленіе о предоставленіи Киселеву права валахскаго гражданина и сдѣлано новое—воздвигнуть ему памятникъ въ Бухарестѣ. Павелъ Дмитріевичъ, съ разрѣшенія Государя, принялъ первое, а относительно втораго въ письмѣ [1]) къ господарю Гикѣ, писалъ: „Что касается до памятника, который вотировало мнѣ собраніе, то я скажу вамъ чистосердечно, что моя совѣсть запрещаетъ мнѣ принять этотъ знакъ уваженія; что присуждать его принадлежитъ потомству, когда время и опытъ окончательно оправдаютъ мнѣніе современниковъ. Я горячо желаю, чтобы воздвигнутъ былъ другаго рода памятникъ, именно, чтобы Валахія въ самой себѣ, при постоянномъ содѣйствіи жителей всѣхъ классовъ, нашла силу сохранить въ цѣлости постановленія, имѣющія цѣлію упроченіе благосостоянія страны, благосостояніе, которое Россія, въ своемъ великодушномъ о ней попеченіи, желала обезпечить ей, поставивъ ее подъ охрану трактата. Вотъ великій и благородный трудъ, который призываетъ ваши, князь, заботы и усилія самыя рачительныя—и я вполнѣ увѣренъ, что ваша свѣтлость поставите все ваше честолюбіе въ его выполненіи“!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

[1]) 22-го апрѣля 1842 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ГЛАВА I.

1788—1815 годъ.

ГЛАВА II.

1815—1818 годы.

ГЛАВА VII.

1822 годъ.

ГЛАВА VIII.

1823—1824 годы.

ГЛАВА IX.

1824 годъ.

ГЛАВА XII.

1828 годъ.

ГЛАВА XIII.

1829 годъ.

ГЛАВА XIV.

1829—1834 годъ.

ГЛАВА XV.

1829—1834 годъ.

ГЛАВА XVI.

1829—1834 годъ.

ГЛАВА XVII.

1829—1834 годъ.

ГЛАВА XVIII.

1829—1834 годъ.

ГЛАВА XIX.

1829—1834 годъ.

ГЛАВА XX.

1829—1834 годъ.

ГЛАВА XXI.

1829—1834 годъ.

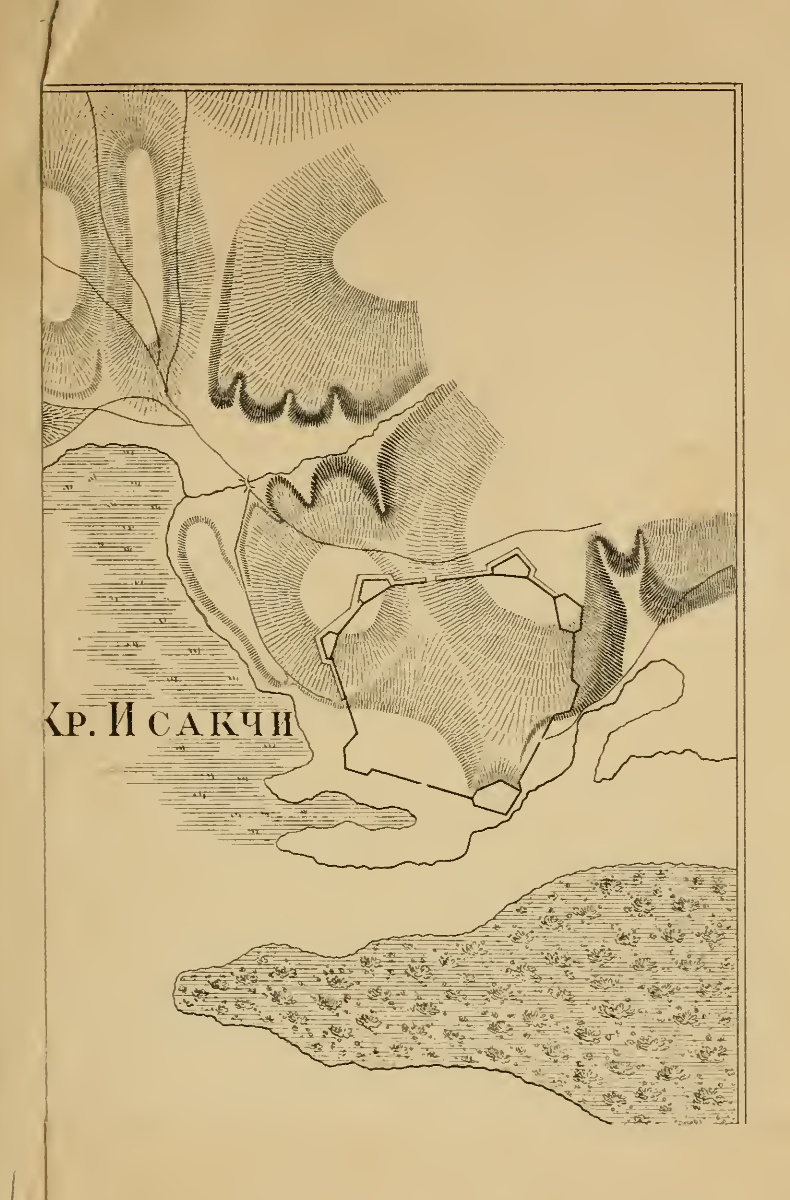
ГЛАВА XXII.

1829—1834 годъ.

ГЛАВА XXIII.

1832–1834 годъ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 2 линія, 7.


Кр. Исакчи

ПЛАНЪ
Переправы Россійскихъ войскъ 27 Мая 1828 года на правый берегъ Дуная защищаемый Турками.
Кр. Исакчи
Река Дунай
Изъясненіе

КАРТА
ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ
КАМПАНІИ ПРОТИВЪ ТУРОКЪ 1829го ГОДА.
НАСТОЯЩАЯ КАРТА ЕСТЬ ТОЧНАЯ КОПІЯ СЪ СОВРЕМЕННОЙ СОХРАНИВШЕЙСЯ ВЪ АРХИВѢ ГРАФА П. Д. КИСЕЛЕВА
БУКАРЕСТЪ
СИЛИСТРІЯ
РУЩУКЪ
НИКОПОЛЬ
СИСТОВЪ
ПЛЕВНА
РАЗГРАДЪ
СОФІЯ
ТАТАРЪ БАЗАРДЖИКЪ
ФИЛИПОПОЛЬ
АДРІАНОПОЛЬ
БУРГАСЪ
ЯМБОЛЬ
КАЗАНЛИКЪ
ПРАВОДЫ
РАХОВА